

905

С1

УЧЕБНИКЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

періода имперіи
(XVIII и XIX ст.).

В. Н. Латкина,

Ординарного Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго
Университета.

По определению Юридического Факультета Императорского С.-Петербургского Университета нечтать разрешается. С.-Петербургъ, 9 Ноября 1898 г.
Деканъ Юридического Факультета *Ив. Фейнманъ*.

Ф 21751-11

Настоящій „Учебникъ“ составился изъ лекцій, читанныхъ мною въ СПБ. Университетъ по исторіи русскаго права императорскаго периода и имѣть значеніе руководства для моихъ слушателей. Издать его побудило меня отсутствіе въ данное время какихъ бы то ни было пособій по исторіи русскаго права XVIII и XIX ст. Дѣло въ томъ, что „Лекціи и изслѣдованія“ проф. В. И. Сергеевича, будучи выпущены въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ, давно уже вышли изъ продажи, „Обзоръ“ же проф. М. Ф. Владимірскаго-Будалова, не смотря на многія свои достоинства, въ той части которая посвящена новѣйшей исторіи права, составленъ въ формѣ конспекта и, следовательно, очень кратко. Курсы проф. Леонтовича и Самоквасова излагаются только древнѣйшій периодъ исторіи права, а „Лекціи“ Михайлова и Бѣляева очень устарѣли и также не имѣются въ продажѣ. Что же касается до руководствъ по дѣйствующему праву, то изложенію исторической части въ нихъ, конечно, отведено очень немного места. Въ виду всего сказанного, студентамъ, при приготовленіи къ экзамену, приходится прибѣгать къ разнымъ литографированнымъ лекціямъ, запискамъ, конспектамъ, репетиторіумамъ и т. п., въ большинствѣ случаевъ составленнымъ крайне неудовлетворительно. Издание настоящаго „Учебника“ избавитъ моихъ слушателей отъ этого.

В. Л.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение	1 20
--------------------	------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Внѣшняя исторія.

ГЛАВА I.

Законодательная дѣятельность	3
--	---

ГЛАВА II.

Уставы	16
------------------	----

ГЛАВА III.

Регламенты	24
----------------------	----

ГЛАВА IV.

Сепаратные указы	28
----------------------------	----

ГЛАВА V.

Кодификація.

§ 1. Кодификація отъ Петра I до Екатерины II	36
--	----

§ 2. Кодификація отъ Екатерины II до Николая I	57
--	----

§ 3. Кодификація при Николаѣ I—Сводъ Законовъ	95
---	----

VI

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутрення исторія.

отдѣлъ ПЕРВЫЙ.

Государственное право.

ГЛАВА I.

Территорія	107
----------------------	-----

ГЛАВА II.

Населеніе.

§ 1. Дворянство	115
§ 2. Духовенство	138
§ 3. Купцы и мѣщане	155
§ 4. Крестьяне	168
А. Государственные черносошные крестьяне	—
Б. Однодворцы	171
В. Экономические крестьяне	172
Г. Дворцовые крестьяне	175
Д. Поссесіонные крестьяне	176
Е. Крѣпостные крестьяне	179
Ж. Крестьянскій вопросъ	202

ГЛАВА III.

Государь	213
--------------------	-----

ГЛАВА IV.

Управленіе.

§ 1. Административное дѣление	234	Пам. 25 ⁰
§ 2. Центральное управление	236	
А. Сенатъ	—	
Б. Совѣты при особѣ государя	273	

VII

В. Св. Синодъ	289
Г. Коллегії	298
Д. Министерства	303
§ 3. Мѣстное управлениe	312
А. Правительственное управлениe	—
Б. Дворянское самоуправлениe	328
В. Городское самоуправлениe	340
Г. Сельское управлениe	368
§ 4. Отрасли управления	371
А. Полиція	—
Б. Финансы	379
В. Войско	389

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Уголовное право.

ГЛАВА I.

Ученіе о преступленіи	393
---------------------------------	-----

ГЛАВА II.

Ученіе о наказаніи	415
------------------------------	-----

ОТДѢЛЪ ТРЕТЬИ.

Гражданское право.

ГЛАВА I.

Право семейственное.

§ 1. Союзъ супружеский	441
§ 2. Союзъ родителей и дѣтей	453
§ 3. Опека	456

ГЛАВА II.

Право наследственное.

§ 1. Наслѣдованіе по завѣщанію	458
§ 2. Наслѣдованіе по закону	460

VIII

ГЛАВА III.

Право вещное.

§ 1. Общее учение	462
§ 2. Владение	464
§ 3. Право собственности	465
§ 4. Право выкупа	471
§ 5. Права на чужую вещь	473
§ 6. Право захвата	475

ГЛАВА IV.

Право обязательственное.

§ 1. Общее учение о договорах	479
§ 2. Дарение	490
§ 3. Мена	491
§ 4. Купля-продажа	492
§ 5. Насемь имущества	494
§ 6. Личный наем	496
§ 7. Подряд и поставка	498
§ 8. Заем	500
§ 9. Поклажа	501
§ 10. Товарищество	506
§ 11. Доверенность	507

ОТДАЛЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Судопроизводство.

ГЛАВА I.

Судоустройство	510
----------------	-----

ГЛАВА II.

Процессъ	517
----------	-----

ВВЕДЕНИЕ.

Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридического быта известного народа въ его историческомъ развитіи. Поэтому цѣль подобной разработки заключается въ раскрытии законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь народа, т. е. управляющихъ постепеннымъ развитиемъ правовыхъ нормъ, съ одной стороны, и формъ ихъ выражения и осуществленія на практикѣ, съ другой. Такимъ образомъ, задача науки исторіи русского права, по самому своему существу, состоить въ раскрытии: во-первыхъ, формъ, въ которыхъ юридическая нормы и институты выражались и осуществлялись на практикѣ и, во-вторыхъ, сущности, содержанія и основныхъ началъ самыхъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изъ этого двойственного характера задачи науки исторіи русского права логически слѣдуетъ распаденіе послѣдней какъ бы на двѣ науки: исторію внѣшнюю или исторію источниковъ права (юридическихъ обычаевъ и законодательныхъ памятниковъ) и исторію внутреннюю или исторію нормъ и институтовъ. Первая изслѣдуется общее право, а въ отношеніи законодательныхъ памятниковъ показываетъ причины появленія послѣднихъ, т. е. мотивы и цѣли, руководившіе законодателемъ при ихъ изданіи, затѣмъ элементы, легшіе въ основаніе памятниковъ или ихъ источники, внѣшній составъ и содержаніе памятниковъ и, наконецъ, ихъ соотношеніе съ другими, какъ предшествующими имъ, такъ и послѣдующими за ними памятниками, т. е. общее значение каждого памятника въ цѣлой системѣ современного ему законодательства.

Внутренняя исторія права занимается раскрытиемъ законовъ, регулирующихъ постепенное развитие юридическихъ нормъ и институтовъ. Поэтому въ ея задачу входитъ изученіе сущности, содержанія и основныхъ началъ, а также

внутренней связи и последовательности такихъ нормъ, какъ по отдельнымъ памятникамъ, такъ и по эпохамъ развитія законодательства.

Изъ опредѣленія вѣшней и внутренней исторіи права вытекаетъ ихъ соотношеніе. Разработка источниковъ права, какъ извѣстно, главная цѣль вѣшней исторіи, только подготовляетъ изученіе исторіи отдельныхъ отраслей права. Всестороннее изученіе внутренней исторіи возможно только послѣ основательной критической оцѣнки источниковъ права по ихъ формѣ и содержанію. Вотъ почему въ большинствѣ учебниковъ исторіи русского права изложеніе вѣшней исторіи предшествуетъ изложенію внутренней, такъ какъ обѣ исторіи, отдельныхъ постановлений, напр., законодательныхъ памятниковъ, само собою разумѣется, нельзя говорить безъ предварительного ознакомленія съ самими памятниками. Такимъ образомъ, вѣшняя исторія права, изучая отдельные источники права, этимъ самыемъ работаетъ, такъ сказать, для очистки материала, оперираваніе надъ которымъ составляетъ функцию внутренней исторіи¹⁾.

Въ виду того, что наука исторіи права имѣть дѣло съ законами развитія юридического быта извѣстнаго народа, необходимо изучать ее по отдельнымъ періодамъ, въ которыхъ отразилась послѣдовательность этого развитія. Основаніемъ дѣленія исторіи извѣстнаго народа на періоды являются внутренняя отличительныя свойства каждого періода, тѣ присущія ему особенности и специфическія черты, которыя отличаютъ одинъ періодъ отъ другого.

Изучая историческое развитіе юридической жизни русскаго народа, мы замѣчаемъ, что она прошла черезъ три періода, а именно: удѣльно-княжеской, періодъ Московскаго государства и періодъ имперіи. Нашему рассмотрѣнію подлежитъ послѣдній.

---

¹⁾ См. Леонтьевича Исторію русского права, стр. 6 и слѣд.; мои Лекціи по вѣшней исторіи русского права (2-ое изд. 1890 г., стр. 1 и слѣд.); Испытательные Лекціи по вѣшней исторіи русского права, стр. 4 и слѣд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВНѢШНЯЯ ИСТОРИЯ.

ГЛАВА I.

Законодательная деятельность.

Единственнымъ источникомъ права въ императорскую эпоху признается законъ. Обычай, игравшій такую важную роль въ области права въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, отступаетъ теперь совершенно на задній планъ и, если не всегда *de facto*, то *de jure* совсѣмъ утрачиваетъ значеніе фактора образованія права. Въ виду этого, характеръ законодательства императорскаго періода имѣеть мало общаго съ характеромъ законодательства Московскаго государства. Въ то время, какъ законодательные памятники московскаго періода, будучи въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ инымъ, какъ сводами предшествующаго законодательного материала, главный источникъ котораго составляло обычное право, отличались, въ силу этого, вполнѣ консервативнымъ характеромъ, законодательство императорскаго періода, порвавъ всякую связь съ обычаемъ и являясь или плодомъ, такъ сказать, чисто теоретическихъ соображеній отдѣльныхъ лицъ, или же будучи сколкомъ съ иностранного законодательства, усвоило себѣ вполнѣ реформаторский характеръ.

Главная причина, обусловившая господство закона въ качествѣ источника права и, вслѣдствіе этого, видоизмѣнившая самый характеръ законодательства, состояла въ томъ, что въ изучаемую эпоху единственнымъ субъектомъ законодательной власти сталъ самодержавный государь, воля котораго творила законъ. Истинность этого положенія доказывается массою законодательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о значеніи государя въ качествѣ субъекта законодательной власти. Такъ, на докладныхъ пунктахъ Синода, представленныхъ Петру I въ 1721 г., значится слѣдующая помѣта самого государя: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральному (т. е. о законѣ), то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить“. Тоже встрѣчаемъ и въ указѣ 1722 г.: „Сенату чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по

тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присоединенъ будетъ“. „Должна сія коллегія, читаемъ въ Духовномъ регламентѣ, новыми правилами дополнять регламентъ свой, однакожъ дѣлать сіе должна не безъ нашего соизволенія“. Та же мысль проводится и въ указѣ 1762 г., запретившемъ Сенату издавать такие указы, „кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служать, не представя напередъ намъ и не получа на то апробацію“. Точно также указъ 1780 г., запретившій генералъ-губернаторамъ „дѣлать отъ себя собственно постановленія“, предписалъ имъ въ случаѣ необходимости изданія таковыхъ, представлять обѣ этомъ Сенату, „который не преминеть взнести къ намъ и крайнюю нашу волю исходатайствовать“. Наконецъ, въ Учрежденіи Государственного совѣта 1810 г. читаемъ: „никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходятъ изъ совѣта и не могутъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти“. Такимъ образомъ, изъ анализа содержанія указанныхъ памятниковъ видно, что единственнымъ субъектомъ законодательной власти въ XVIII и XIX ст. является государь. Правда, были эпохи, когда законъ могъ издаваться и безъ санкціи со стороны государя, напр., при Петре до 1722 г. (во время отсутствія государя изъ столицы или изъ государства) и въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда законодательная власть сосредоточилась въ рукахъ Сената, вслѣдствіе нелюбви императрицы заниматься государственными дѣлами (обѣ этомъ будетъ сказано ниже), но такія эпохи являлись исключеніемъ. Въ виду подобнаго положенія вещей, необходимо признать тотъ фактъ, что въ изучаемую эпоху, хотя разнымъ учрежденіямъ (напр., Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя) и принадлежали законодательные функции, но права законодательства они не имѣли, таکъ какъ участіе ихъ въ законодательной дѣятельности государей обусловливалось только соображеніями удобства, а не присущими имъ правами, хотя бы основанными на обычаяхъ.

Въ императорскомъ періодѣ уже сознается различіе понятий закона, административного распоряженія и судебнаго решения, хотя нельзя сказать, чтобы въ законодательствѣ это различіе вполнѣ отразилось. Такъ, уже указы 16 Марта 1714 г. и 29 Апрѣля 1720 г. различаютъ постоянные и временные указы. Подъ первыми понимаются такіе, „которые въ постановленіе какого дѣла изданы по ося годы“.

Подъ вторыми—временные распоряжения. Затѣмъ въ 1743 г. генераль-прокуроръ кн. Трубецкой, предписывал составить сборникъ указовъ съ 1730 г., въ тоже время указываетъ на необходимость различать временные указы отъ принадлежащихъ „до вѣчного опредѣленія“. Точно также въ 1763 г. Сенатъ предписываетъ собрать указы, имѣющіе характеръ вѣчныхъ законовъ въ отличие отъ временныхъ распоряженій. Это же различіе между указами мы встрѣчаемъ при Екатеринѣ II. Такъ, сама императрица въ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія, характеризуя состояніе законодательства въ то время, указываетъ, между прочимъ, на плохое различіе между „временными и непременнымъ законами“¹⁾), о чемъ она также говоритъ и въ своемъ извѣстномъ манифестѣ 14 декабря 1766 г. Впервые попытку разграничить понятіе закона отъ административного распоряженія дѣлаетъ извѣстный Наказъ, но крайне неудачно. Подъ законами онъ понимаетъ „тѣ установления, которыхъ ни въ какое время не могутъ перемѣниться“, подъ „указами“ же—„все то, что для какихънибудь нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайно или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться“. Нѣсколько удовлетворительнѣе этотъ вопросъ разрѣшень въ Наказѣ, данномъ Непремѣнному совѣту 5 Апрѣля 1801 г. Онъ знаетъ „государственный постановленія временные, и коренные или непреложны“. Подъ первыми понимаются „всѣ тѣ, кои опредѣляютъ какое-либо обстоятельство государственное, по существу своему перемѣнѣ подлежащее“ (напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установление тарифа, разнаго рода распоряженія по строительной части и т. п.) Подъ вторыми понимаются „тѣ, коихъ предметы постоянны и непремѣнны и которыхъ объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки“ (напр., Жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, общіе гражданскія законы и т. п.) Они составляютъ „главное, непремѣнляемое и незыблемое основаніе всѣхъ законовъ имперіи“, въ то время, какъ, „временные постановленія преходящи и подвержены перемѣнамъ“. Постановленія обѣихъ категорій вносятся въ особыя книги; причемъ книга постоянныхъ постановленій утверждается большою государственною печатью. Благодаря Сперанскому въ различіи понятій закона и административного распоряженія былъ

¹⁾ Русскій Архивъ 1865 г., кн. IV.

сдѣланъ большой шагъ впередъ. Такъ, въ своемъ извѣстномъ Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ (о немъ см. ниже) онъ уже вполнѣ разграничили эти два понятія. „Законъ положительный, читаемъ въ проектѣ, не что другое есть, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка. Но не всѣ сіи послѣдствія равно существенны для политической и гражданской свободы. Въ отношеніи къ свободѣ они могутъ быть раздѣлены на два главныхъ класса. Въ первомъ должно положить тѣ постановленія, коими вводится какая либо перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою. Во второмъ тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаются также образъ исполненія первыхъ. Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ толкованіе закона, вторымъ — уставовъ и учрежденій. Первые должны составлять предметъ законодательного сословія, вторые же относятся къ дѣйствію власти исполнителной“. Къ законамъ Проектъ относить: 1) уложение государственное и законы органические, 2) уложение уголовное, 3) гражданское, 4) коммерческое, 5) сельское и 6) „всѣ общія дополненія и изъясненія предметовъ, въ уложенія сіи вводящія.“ Къ законамъ же по Проекту, должны быть отнесены: судебный уставъ, учрежденія судебныхъ и правительственныйыхъ мѣстъ, всѣ постановленія о налогахъ и повинностяхъ и т. п. Къ административнымъ распоряженіямъ, такъ называемымъ, уставамъ и учрежденіямъ Проектъ относить: постановленія о войнѣ и мирѣ, мѣры, „премлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ либо бѣдствій“, и „всѣ частныя инструкціи, учрежденія, распоряженія, удостовѣрлюющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія.“

Однако, практика не дѣлала никакого различія между закономъ и административными распоряженіемъ, если послѣднее исходило непосредственно отъ верховной власти, считая ихъ по силѣ дѣйствія вполнѣ равнозначущими. Напротивъ, административные распоряженія подчиненныхъ властей (напр., коллегій, губернаторовъ, воеводъ и т. п.) различались отъ закона и должны были быть подзаконны, т.-е. издаваться въ предѣлахъ закона и не переходить черезъ послѣдніе.

Что касается до судебнаго рѣшенія, то оно трактовалось, какъ примѣненіе закона къ отдельному конкретному случаю,

а не считалось закономъ, изданнымъ ad hoc, что нерѣдко имѣло мѣсто въ московскую эпоху.

Переходимъ къ моментамъ составленія закона. Инициатива закона существовала въ формѣ офиціального и частного почина. Первый принадлежалъ государю и подчиненнымъ властямъ. Внѣшняя форма инициативы государя могла быть устная и письменная. Впрочемъ, при Петре, какъ то было предписано Генеральнымъ регламентомъ, инициатива государя обязательно должна была выражаться въ письменной формѣ.

Что касается до инициативы подчиненныхъ властей, то она принадлежала какъ центральнымъ (Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя, коллегіямъ, министерствамъ и т. п.), такъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. На основаніи Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. мѣстные учрежденія могли возбуждать законодательные вопросы при следующихъ условіяхъ: генераль-губернаторъ созывалъ общее собраніе изъ членовъ губернского правленія, казенной, гражданской и уголовной палатъ, которыхъ, въ присутствіи губернского прокурора, постановляли обязательно единогласное рѣшеніе, заносившееся въ журналъ засѣданія и представлявшееся въ Сенатъ. Затѣмъ, на основаніи Жалованной грамоты дворянству 1785 г. дворянскія собранія имѣли право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и пользахъ черезъ особыхъ депутатовъ передъ Сенатомъ и непосредственно передъ самимъ государемъ.

Частный починъ, хотя и существовалъ, но далеко не имѣлъ того значенія, какое было присуще ему въ XVI и XVII ст., когда огромная масса законовъ первостепенной важности возникала благодаря частнымъ членитіямъ. Иногда самое правительство требовало возбужденія законодательныхъ вопросъ со стороны общества путемъ подачи, такъ называемыхъ, наказовъ съ изложеніемъ нуждъ и желаній сословій, какъ, напр., въ 1767 г. при созваніи Екатериной II своей известной комиссіи по составленію проекта новаго Уложения.

Второй моментъ составленія закона, а именно составленіе проекта, сосредоточивался обыкновенно въ государственныхъ установленіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ и пр.) или въ особыхъ комиссіяхъ, организовавшихся специально для этой цѣли (напр., безчисленныя комиссіи по составленію нового Уложения, длинный рядъ которыхъ тянется отъ Петра I вплоть до Николая I).

Третій моментъ — обсужденіе проекта — выражался въ формѣ предварительного и окончательного обсужденія. Предварительное обсужденіе происходило въ коллегіяхъ и специально для этого учреждаемыхъ комиссіяхъ; окончательное же имѣло мѣсто въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ и въ совѣтахъ при особѣ государя). Съ обращеніемъ Государственного совѣта въ 1810 г. онъ сталъ единственнымъ мѣстомъ (если не считать Синода и Военнаго совѣта) обсужденія закона. Иногда, какъ при составленіи, такъ и при обсужденіи проекта правительство призывало депутатовъ отъ сословій. Такъ, при обсужденіи Духовнаго регламента были созваны три съѣзда изъ духовныхъ лицъ (одинъ въ Москвѣ, другой въ Казани и третій въ Вологдѣ). Затѣмъ въ комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія нерѣдко призывались сословные депутаты (при Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II),

Послѣдній моментъ составленія закона — *санкція его со стороны верховной власти* — всегда осуществлялся государемъ. Если были такія эпохи, когда законъ получалъ санкцію и помимо государя (при Петрѣ во время отсутствія государя до 1772 г. и при Елизавете Петровнѣ), то онъ являлись исключеніемъ и продолжались недолго. Напротивъ, въ отличіе отъ московскаго періода, теперь дѣйствовало правило, что санкція со стороны государя есть необходимое условіе, *conditio sine qua non* превращенія каждого законопроекта въ законъ. Санкція выражалась въ устной, такъ и въ письменной формѣ. Впрочемъ, при Петрѣ на основаніи Генеральнаго регламента для санкції была предписана только письменная форма. „Того ради, читаемъ въ регламентѣ, оправдовываетъ его царское величество всякие свои указы въ Сенатѣ и коллегіи отправлять письменно, ибо, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ словесные указы никогда отправляемы быть не подлежать“. Въ другомъ мѣстѣ регламентъ предписываетъ коллегіямъ „неотложно исполнить указы, которые надлежитъ быть письменные и зарученные, а не словесные“. Напротивъ, преемники Петра допускали и устную форму. Такъ, уже Екатерина I предписала исполнить словесные указы, подписанные секретаремъ Варховнаго тайного совѣта¹⁾.

¹⁾ „И которые указы, гласить указъ 28 Марта 1726 г., не будутъ за собственную нашу рукою, и въ тѣхъ по датумѣ будеть писано: по нашему указу;

• При Петре II, Анне Ивановне и Елизавете Петровне словесная форма получила широкое распространение, въ силу чего неоднократно возникали противоречия между словесными и письменными указами. Любопытно, что словесные указы существовали въ это время на практике, но не по закону, такъ какъ послѣдний не признавалъ за ними никакой силы и неоднократно предписывалъ имъ не вѣрить¹⁾. Въ виду такого положенія вещей при Петре III былъ изданъ указъ (22 Янв. 1762 г.), признавшій действительнымъ только тѣль словесный указъ который 1) объявлялся определенными лицами, а именно сенаторами, оберъ-прокуроромъ, президентами трехъ высшихъ коллегій (иностранныхъ дѣлъ, военной и морской), 2) не отмѣнялъ письменного указа и 3) не касался известныхъ предметовъ, точно поименованныхъ въ указѣ 1762 г.²⁾. Указы же, не удовлетворявшие этимъ тремъ условіямъ, признавались недѣйствительными и не подлежали исполненію. Въ царствованіи Екатерины II и Павла I было произведено значительное расширение числа лицъ, объявлявшихъ словесную волю государя, такъ что правительство снова стало склоняться идти по прежнему пути. При Александрѣ I словесная форма санкціи государя была совершенно уничтожена (учрежденіемъ министерствъ 1802 г.)³⁾, письменная

а къ тѣмъ указамъ подписывать д. с. с. Степанову". Впрочемъ, указомъ, изданніемъ 5 Авг. того же года, было предписано „не вѣрить“ словеснымъ указамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ „важныя дѣла“, къ каковымъ императрица отнесла „выдачу сверхъ штату денегъ и тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно“.

4) Вотъ что читаемъ, напр., въ указѣ 10 Янв. 1743 г.: „отъ сего времени въ Сенатѣ никакихъ предложеній, о чемъ бы они и отъ кого бы ни были, ни письменныхъ, ни словесныхъ, безъ письменныхъ нашихъ указовъ, за паче рукою, въ дѣйство не производить“.

5) А именно словеснымъ указомъ нельзя было лишить кого либо жизни, отнять честь и имущество, раздать сумму свыше 10000 р., пожаловать населенное имѣніе и произвести въ чинъ выше полковника.

6) Вотъ что гласитъ ст. 10 учрежденія министерствъ 1802 г.: „ежели государь, по изслѣдованіи доклада ministра, признаетъ предлагаемыя ministромъ средства за полезныя и увидѣть, что онѣ не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ, ни введенія или учрежденія новыхъ, то, утвердивъ собственноручно сей докладъ ministra, возвращаетъ къ нему для учиненія по онѣмъ исполненія“. Въ 1806 г. Сенатомъ былъ объявленъ даже выговоръ Московскому губернскому правлению за то, что члены его—„не только нѣправильно истолковали но и приняли объявленный бывшимъ ministромъ юстиціи указъ въ семъ неправильномъ смыслѣ къ исполненію, въ отмѣну общихъ законовъ, за подписаніемъ нашимъ изданніемъ“. Впрочемъ, съ учрежденіемъ Государственного

же получила новую форму, а именно: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ“¹⁾.

совѣта въ 1810 г. словесные указы опять получили довольно широкое примѣнение на практикѣ.

¹⁾ Въ этой формулы до послѣдняго времени видѣли ограничение власти государя. Дѣло въ томъ, что Государственный совѣтъ, былъ признанъ единственнымъ и обязательно необходимымъ законодательнымъ учрежденіемъ, поэтому, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (напр., Градовскій, Сергеевичъ, Романовичъ-Славатинскій, Владімірскій-Будановъ, Энгельманъ и др.), только тотъ законъ могъ получить санкцію со стороны государя, который прошелъ черезъ Государственный совѣтъ, т. е. за который высказалось большинство членовъ Государственнаго совѣта. Вотъ почему государь, утверждая новый законъ, долженъ былъ выражать это въ формѣ: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта“. Такимъ образомъ ограничение власти государя, заключавшееся въ приведенной формѣ, состояло въ томъ, что проектъ закона, противъ которого высказалось большинство въ Государственномъ совѣтѣ, не могъ быть утвержденъ государемъ, такъ какъ подъ нимъ нельзя было написать: „внявъ мнѣнію совѣта“. (см. Сергеевича Лекціи и изслѣдованія по истории русскаго права, стр. 762). Подобное же толкованіе указанной формула вызывала и въ современномъ ей обществѣ, какъ то видно изъ записки о древней и новой Россіи Карамзина, представленной имъ императору Александру I. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой запискѣ: „поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: „внявъ мнѣнію совѣта“. Государь россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головахъ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя. Онъ имѣть всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, комитеты, министры суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя; ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „le conseil d'état entendu“ не имѣть смысла для гражданина россійскаго; пусть французы справедливо или несправедливо употребляютъ его. Правда, и у насъ писали: „государь указалъ, бояре приговорили“, но сія законная пословица была на Руси вѣсколько лѣтъ панихидою на усошию аристократію боярскую: воскресимъ ли форму, когда и вещь и форма давно истребились“. Однако, подобное толкованіе названной формулы, какъ основательно замѣтилъ проф. Коркуновъ, не имѣть за собою другого основанія, кромѣ вѣкоторой двусмыслиности слова; внявъ, которое можетъ означать и „выслушаніе и согласіе“. Между тѣмъ не трудно убѣдиться, что усташопленіе этой формулы не имѣло и не могло имѣть цѣлью ограничить чѣмъ либо власть государя. Ссылаясь на слова Карамзина, приведенные выше, проф. Коркуновъ спрашивалъ замѣчаю, что указанная формула является ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ съ французского: „le conseil d'état entendu“, что означаетъ „выслушавъ“ совѣтъ а не „согласившись“ съ нимъ, такъ какъ мнѣнія (avis) французскаго государственного совѣта никогда не признавались и не признаются обязательными для правительства, такъ какъ первый никогда не ограничивалъ и не ограничивалась властью послѣдняго. Президентъ французской республики можетъ не согласиться съ мнѣніемъ совѣта и по такимъ дѣламъ, которыхъ онъ обязанъ решать „conseil d'état entendu“, такъ какъ для него обязательно только выслушать мнѣніе государственного совѣта, но не слѣдовать непремѣнно

Однако, эта формула употреблялась сравнительно недолго, а затѣмъ и вовсе вышла изъ употребленія, сперва на

этому мнѣнію. Второй доводъ проф. Коркунова противъ указанного толкованія формулы: „внявъ мнѣнію совѣта“, кажущійся намъ также вполнѣ убѣдительнымъ, основывается на анализѣ содержанія Образованія Государственного совѣта 1810 г. Дѣло въ томъ, что въ немъ нѣтъ постановленія о томъ, чтобы императору къ утвержденію представлялось только мнѣніе большинства. Такъ, по ст. 54 члены, не согласившіеся съ общимъ заключеніемъ, въ теченіе недѣли доставляются къ государственному секретарю свои мнѣнія, которыхъ и прилагаются въ подлинникѣ къ журналу. Затѣмъ, согласно ст. 55, государь можетъ повелѣть эти особы мнѣнія вновь обсудить въ совѣтѣ. Наконецъ, послѣднее доказательство проф. Коркунова заключается въ слѣдующемъ. Если еще могло быть какое нибудь сомнѣніе (говорить онъ), не имѣть ли Государственный совѣтъ ограничительного значенія, то уже во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы для императора въ какомъ бы то ни было смыслѣ могли быть обязательны мнѣнія назначаемыхъ имъ генераль-губернаторовъ. Между тѣмъ въ Высочайшихъ манифестахъ того времени по дѣламъ Финляндіи встрѣчается такая формула: „внявъ мнѣнію финляндскаго генераль-губернатора и тамошняго правительственноаго совѣта“ или даже „внявъ мнѣнію финляндскаго генераль-губернатора и тамошняго правительствующаго сената, равно такъ и подлежащихъ консисторій“. Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ формула „внявъ мнѣнію“ понималась въ смыслѣ: „выслушавъ мнѣніе“ (Коркуновъ, Значеніе формулы: „Внявъ мнѣнію Государственного совѣта“, Юрид. Лѣтопись 1892 г., № 12). Противъ воззрѣній г. Коркунова выступилъ проф. Щегловъ, ставшій на прежнюю точку зрѣнія ограничительного характера названной формулы (Государственный совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 478 и слѣд.). Однако, аргументація г. Щеглова недостаточно убѣдительна. Такъ, противъ первого довода проф. Коркунова, а именно, что мнѣнія французскаго государственного совѣта никогда не были обязательны для правительства, и что совѣтъ не ограничивалъ его власти, г. Щегловъ, къ сожалѣнію, совершенно голословно замѣчаетъ, что все это не имѣть никакого отношенія къ русскому „Государственному совѣту по образованію 1810 г., который былъ основанъ на совершенно иныхъ началахъ“, такъ какъ Сперанскаго „не удовлетворяло тогдашнее политическое устройство Франціи“. Тутъ же проф. Щегловъ считаетъ нужнымъ признать ссылку на Карамзина не убѣдительнымъ доводомъ, въ виду того, что послѣдній „былъ ярымъ противникомъ реформъ Сперанскаго“ и „рѣшительно отвергалъ тотъ характеръ, какой они имѣли на самомъ дѣлѣ“. Но говоря это, проф. Щегловъ забываетъ, что Карамзинъ, толкуя формулу: „внявъ мнѣнію“, стоять совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и онъ самъ, слѣдовательно, по мнѣнію же г. Щеглова, въ данномъ случаѣ никакъ не могъ „отвергать“ того характера, какой она имѣла на самомъ дѣлѣ“. Со вторымъ доводомъ г. Коркунова проф. Щегловъ въ сущности согласенъ, такъ какъ и самъ вынужденъ признать, что по Образованію 1810 г. „было предписано предлагать къ рѣшеніямъ большинства и мнѣнія меньшинства“, и что на практикѣ эти мнѣнія, „иногда подавали поводъ къ вторичному рѣшенію дѣла въ общемъ собраніи совѣта“. Наконецъ, третій доводъ г. Коркунова остается совершенно не опровергнутымъ. Г. Щегловъ только вскользь замѣчаетъ, что формула: „внявъ мнѣнію финляндскаго генераль-губернатора“ объясняется „особеннымъ политиче-

практикѣ, а съ изданіемъ новаго Учрежденія Государствен-
наго совѣта 15 Апрѣля 1842 года и въ законѣ¹⁾

Съ утвержденіемъ закона государемъ наступалъ моментъ публикаціи закона. Необходимость его по крайней мѣрѣ въ судебныхъ дѣлахъ была вполнѣ сознана уже при Петре, предписавшемъ „примѣнять къ судебнмъ дѣламъ указы, всенародно напечатанные и повсюду объявленные“. То же самое, но по отношенію уже ко всѣмъ законамъ, предписала Екатерина II, высказавъ въ уставѣ благочинія 1782 года слѣдующее положеніе: „нельзя взыскивать исполненія по закону, не обнародованному“. Въ дѣлѣ публикаціи важную роль игралъ Сенатъ. По указу 1721 года всѣ новые законы должны были представляться въ сенатъ на „апробацію“, утверждаться подписью его членовъ и публиковаться во всеобщее свѣдѣніе. То же предписывается и указъ 1723 года. „Когда отъ его императорскаго величества, читаемъ въ немъ, которой коллегіи или канцеляріи присланы будутъ письменные или словесные указы, и о тѣхъ указахъ немедленно объявлять въ Сенатъ, чтобы, за неизвѣстіемъ о такихъ указахъ, не происходило въ дѣлахъ помышательства“. Роль Сената въ дѣлѣ публикаціи законовъ не умаляется и впослѣдствіи. Такъ, Учрежденіемъ Сената 1802 года было предписано: „всѣ именные указы вносить въ Сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ онѣ даны будутъ“.

Что касается до формы публикаціи, то на основаніи указа 1714 года она должна была заключаться въ печатаніи. „Указы, гласить названный законъ, для всенародного объявленія велѣть печатать и продавать всѣмъ“. По отпечатаніи, они разсыпались мѣстнымъ начальникамъ, затѣмъ

скимъ положеніемъ Финляндіи“. Однако, это замѣчаніе могло бы имѣть извѣстное значеніе въ томъ случаѣ, еслибы называемая формула относилась къ актамъ, исходящимъ отъ сейма, но ужъ никакъ не отъ генералъ-губернатора, назначенаго государемъ и являющагося его представителемъ. Въ сущности иными проф. Щеглова о характерѣ Государственного совѣта по Образованію 1810 г. далеко не отличается опредѣленностью. Такъ, онъ пѣсколько разъ констатируетъ „двойственный“ характеръ совѣта, въ виду того, что въ Образованіе 1810 г. былъ „введенъ принципъ самодержавной власти русскаго государя вмѣстѣ съ началомъ ограниченія его власти“. Но вѣдь эти два принципа взаимно исключаютъ другъ друга, и едва ли возможно „вмѣстѣ“ и одновременно включать ихъ куда бы то ни было!

¹⁾ Называемая формула за все царствование Александра I встречается только въ 32 манифестахъ. Первый изъ нихъ изданъ въ 1810 году, послѣдний въ 1824 г. (Щегловъ, Государственный совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 482).

по нѣсколько разъ читались въ церквяхъ и, паконецъ, расклеивались на площадяхъ и улицахъ. Однако, въ виду того, что нерѣдко въ формѣ указовъ расклеивались и пасквили, на основаніи узаконеній Екатерины II публикація законовъ на мѣстахъ была передана въ вѣдѣніе губернскаго правленія и полиції. Порядокъ ея точно опредѣленъ въ уставѣ благочинія 1782 года (обнародованіе законовъ стало функцией частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей — каждого въ своей части и кварталѣ).

По обнародованіи, законъ приводился *въ исполненіе*, причемъ, моментомъ, съ котораго онъ становился юридически обязательной нормой, признавалась публикація. „Управа благочинія, читаемъ въ уставѣ этой послѣдней, не взыскиваетъ съ людей исполненія по закону, буде законъ не обнародованъ“. Правила, обязательныя при исполненіи закона, были слѣдующія:

Во-первыхъ,¹⁾ законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. До 1785 года этотъ принципъ хотя и признавался, но въ равной мѣрѣ и нарушался. Такъ, известный указъ о единонаслѣдіи 1714 года, съ одной стороны, признаетъ его („сей указъ не на прошедшія времена, но съ сего 1714 года дѣйство свое имѣетъ“), съ другой стороны, отрицаетъ („хотя въ прошедшіе два мѣсяца какіе раздѣлы имѣній и сдѣланы, то оные передѣлать по сему указу“). Затѣмъ въ томъ-же 1714 году состоялся указъ, отмѣнившій тѣ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, постановленія которыхъ противорѣчили Уложенію, и дозволившій просить о перевершении всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже на основаніи отмѣненныхъ законовъ. Такимъ образомъ только съ указа 18 Декабря 1785 года было признано, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Это правило нѣсколько разъ подтверждалось впослѣдствіи (напр., указомъ 1817 г. и др.).

Во-вторыхъ,²⁾ дѣйствіе закона распространяется на всѣхъ лицъ, живущихъ на территории государства, причемъ не принимается въ расчетъ національность и подданство послѣднихъ. Этотъ принципъ вполнѣ ясно высказанъ въ уставѣ благочинія. „Управа благочинія, читаемъ въ немъ, съ иногородныхъ, иностранныхъ и иновѣрныхъ, въ городахъ живущихъ, равно какъ и съ природныхъ, взыскиваетъ исполненія узаконеній по гражданству“.

Въ-третьихъ,³⁾ невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться. Впервые это правило было высказано въ Воинскомъ уставѣ 1716 года, который было предписано отпеча-

тать и разослать по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, „дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“. О томъ-же говорятъ и многіе указы. Впрочемъ, иногда, въ видѣ исключенія, неслыханіе Воинскаго артикула со стороны молодого солдата могло служить обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе.

Въ-четвертыхъ, законы должны исполняться точно и буквально и толкованіе ихъ, напр., со стороны судей и администраторовъ (въ отличие отъ нашего времени) строго воспрещалось. Вотъ почему законы должны писаться яснымъ и точнымъ языккомъ, а въ случаѣ отсутствія такового, должны разъясняться Сенатомъ и даже самимъ государемъ. „Буде-же въ регламентахъ, читаемъ въ указѣ 17 Апрѣля 1722 года, что покажется темно или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено, такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ, гдѣ повинны собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако-же не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявлять намъ“. Тѣ-же идеи пропагандируетъ и Наказъ. „Суды, судящіе о преступленіяхъ, говорить онъ, потому только, что они не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ. Такъ кто-же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сie: самодержецъ, а не судья, ибо должность суды въ томъ единомъ состоитъ, чтобы изслѣдовывать: такой-то человѣкъ сдѣлалъ или не сдѣлалъ дѣйствія, противнаго закону... Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сie изреченіе: надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова... Ежели право толковать законы есть зло, то также есть зло и неясность оныхъ, налагающія пужду толкованія. Сie неустройство тѣмъ больше еще, когда они написаны языккомъ, народу неизвѣстными или выраженіями незнаваемыми. Законы должны быть писаны простымъ языккомъ, и Уложеніе всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною“.

Высказавъ эти идеи въ Наказѣ, Екатерина II проводила ихъ и на практикѣ. Такъ, въ Учрежденіяхъ о губерніяхъ 1775 года мы читаемъ: „каждый департаментъ Сената имѣеть принадлежащія ему дѣла решать на точномъ основаніи законовъ; палаты да не решать дѣла иначе, какъ точно въ силу узаконеній“. Точно также указъ 11 Апрѣля 1788 года предписываетъ Сенату основывать свои опредѣленія „вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ и правилахъ, не чертёжная ни единой литеры, не доложася намъ“.

Въ-пятыхъ, въ отношении противозаконныхъ предписаний начальства подчиненные должны соблюдать принципъ законо-мѣрного повиновенія. Впервые этотъ вопросъ былъ затронутъ въ указѣ 20 Января 1724 г. „Всѣмъ подчиненнымъ, читаемъ въ немъ, какъ въ Сенатѣ и Синодѣ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ всего государства, гдѣ какія дѣла отправляются, быть въ послушаніи у своихъ командировъ во всемъ, что не противно указу. А ежели что противно, того отнюдь не дѣлать подъ наказаніемъ, яко преступнику указа, но долженъ командиру своему тайно объявлять, что то противно указамъ, и ежели не послушаетъ, то протестовать и доносить высшему надъ тѣмъ командиромъ, кто приказываетъ; а ежели и въ томъ такожъ увидѣть противность, то генераль-прокурору; а ежели въ немъ усмотрѣть противность, то доносить Его Величеству, но чтобы была самая истина“. Тотъ-жѣ самый принципъ закономѣрного повиновенія былъ обязателенъ для коллегій, а со временемъ Учрежденія о губерніяхъ и для палатъ въ ихъ отношенияхъ къ Сенату.

Что касается до отмѣны закона, то на этотъ счетъ существовали слѣдующія правила. По Наказу Сенатъ являлся „хранищемъ“ законовъ и въ качествѣ такового онъ былъ обязанъ вписывать въ особый регистръ и обнародовать только такие законы, которые не противорѣчили Уложенію (въ то время составлявшемуся). Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ представлять верховной власти о необходимости ихъ отмѣны. Учрежденіемъ Сената 1802 г. на Сенатъ была возложена функція входить съ представлениемъ къ государю объ отмѣнѣ старыхъ законовъ. Затѣмъ на основаніи Учрежденія о губерніяхъ вопросъ объ отмѣнѣ законовъ могъ разрѣшаться въ соединенномъ засѣданіи губернскаго правленія и палатъ подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора и въ присутствіи губернскаго прокурора. Для разрѣшенія его, какъ и при возбужденіи вопроса объ инициативѣ издания новаго закона, требовалось единогласное рѣшеніе и представление журнала засѣданія въ Сенатъ.

Послѣдній вопросъ, подлежащий напему разсмотрѣнію, это о раздѣленіи законовъ на виды. Впервые онъ былъ возбужденъ въ Наказѣ, который раздѣлилъ всѣ законы на три категоріи, а именно, законы, учрежденія временныхъ и указы. Законы, это — „тѣ установления, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться и таковыхъ числу

быть не можно великому". Временные учреждения, это — "есть порядокъ, которымъ всѣ дѣла должны отправляемы быть и разные о томъ наказы и уставы". Наконецъ, указы, т. е. административныя распоряженія, "заключають въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться". Но практика не знала этого дѣленія и, признавая всѣ законы вполнѣ равными по силѣ дѣйствія, дѣлила ихъ по виѣшней формѣ на уставы, регламенты и сепаратные указы.

ГЛАВА II.

У С Т А В Ы.

Подъ уставами понимались специальные законодательные акты, изданные для извѣстного вѣдомства и имѣющіе въ виду опредѣленную отрасль материальнаго права. Такими законодательными памятниками были, напр., Воинскій уставъ 1716 г., Морской уставъ 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г., уставъ о винокуреніи 1765 г., уставъ благочинія 1782 г., Училищный уставъ 1786 года и Банкротскій уставъ 1800 г.

Первый уставъ, изданный въ царствованіе Петра Великаго, былъ Воинскій 1716 г. Со времени его изданія слѣдуетъ считать, по вѣрному замѣчанію П. О. Бобровскаго, учрежденіе регулярнаго войска въ Россіи совершившимся фактомъ, потому что только съ принятіемъ къ руководству этого устава русское войско получило единство, организацію и законы соотвѣтственно требованіямъ и условіямъ военного искусства новѣйшихъ временъ и согласно начальамъ, выработаннымъ въ Западной Европѣ въ концѣ XVII ст.¹⁾.

Въ виду того, что значеніе Воинскаго устава далеко не исчерпывается важностью его въ области исторіи одного военнаго права, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ уголовнаго законодательства XVIII ст., и опредѣленія его имѣли далеко не одно специальное значеніе, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ примѣ-

¹⁾ Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петре Великомъ, ч. II вып. 1, стр. 24.

нялись и въ гражданскихъ судахъ, необходимо нѣсколько остановиться на немъ.

30 Марта 1716 г. былъ утвержденъ въ Данцигѣ, гдѣ въ это время находился Петръ, Воинскій уставъ, и именнымъ указомъ Сенату велѣно было отпечатать не менѣе 1,000 экземпляровъ его. Вотъ что писалъ по этому поводу Петръ Сенату: „Господа Сенатъ, посылаю Вамъ книгу Воинскій уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число не малое, а именно, чтобы не менѣе 1,000 книгъ. И понеже оный хотя основаніемъ войнскихъ людей, однако же касается и до всѣхъ правителей земскихъ, какъ изъ онаго усмотрите. Того для когда напечатаютъ, то разоплите пропорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, также по губерніямъ и канцеляріямъ, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“¹⁾). Такимъ образомъ изъ этого указа видно, что Воинскій уставъ долженъ былъ примѣняться не только въ военныхъ судахъ и по отношенію къ однимъ военнымъ, но и въ гражданскихъ судахъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ разрядамъ жителей.

Воинскій уставъ не есть, какъ это утверждали нѣкоторые изслѣдователи, буквальный переводъ какого-нибудь иностранного военного сборника²⁾. Онъ былъ капитальнымъ трудомъ, которымъ занимался Петръ въ продолженіи многихъ лѣтъ, сличая, сравнивая и выбирая законы изъ лучшихъ военныхъ сборниковъ Западной Европы и соображая ихъ до извѣстной степени съ потребностями и характеромъ русского войска. Очевидно, что такой громадный трудъ не могъ быть окон-

¹⁾ До насъ дошли и другіе указы, предписавшіе примѣненіе Воинскаго устава общими судами, таковъ, напр., указъ 9 Дек. 1723 г., гласій: „Его Ими. Вел., будучи въ канцеляріи вышняго суда, указалъ: свидѣтелия ложныи, которые будутъ подписывать неправыя крѣпости, указъ чинить по Воинскимъ артикуламъ“ и др.

²⁾ Этого мнѣнія придерживается пѣмецкій ученый Штейнъ, въ своемъ изслѣдованіи „Geschichte des russischen Heeres“ (1885) и отчасти проф. Энгельманъ (см. рецензію на изслѣдованіе г. Бобровскаго „Военное право въ Россіи при Петре В.“ въ журналѣ „Centralblatt fü Rerchtswissenschaft“). Г. Бобровскій, видѣвшій подлинную рукопись Воинскаго устава и сличившій ее съ западноевропейскими уставами, вполнѣ опровергнулъ подобное мнѣніе: „Не смотря на то, говоритъ названный ученый, что главнымъ материаломъ служило военное законодательство различныхъ европейскихъ государствъ, Воинскій уставъ въ каждой своей части представляется оригинальнымъ, а не копіею законовъ одного какого-либо государства“ (Военное право при Петре В., часть II, вып. 2, стр. 205).

ченъ въ короткое время, и дѣйствительно, есть данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать, что дѣло составленія устава было въ ходу уже въ 1699 г., начавшись вскорѣ послѣ возвращенія генерала Вейде изъ Венгрии, куда онъ былъ посланъ для изученія устройства и порядковъ, существовавшихъ въ австрійской арміи, что видно изъ предисловія его къ Воинскому уставу, составленному имъ въ 1698 г. Изъ писемъ Вейде, а также извѣстнаго Брюсса къ Петру видно, что и они оба принимали дѣятельное участіе въ составленіи Воинскаго устава. Вейде выбиралъ и составлялъ артикулы, а Брюссъ переводилъ ихъ, и эта подготовительная работа посыпалась къ Петру на разсмотрѣніе и утвержденіе. Были, конечно, и другіе помощники у Петра въ дѣлѣ составленія Воинскаго устава, напр., генераль Бонъ, которому и впослѣдствіи Государь поручилъ пересмотръ артикуловъ, „надзиратель артиллеріи“ Виніусъ, который, по приказу государя, „въ воинскихъ правахъ трудился“, но несомнѣнно, что главная, такъ сказать, редакторская часть труда все-таки же принадлежала самому Петру, какъ видно изъ безчисленныхъ поправокъ, вставокъ и измѣненій, сдѣланныхъ рукою государя на подлинной рукописи устава, хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Штаба¹⁾.

Что касается до источниковъ Воинскаго устава, то, благодаря изслѣдованию г. Бобровскаго²⁾, известно, что главными изъ нихъ были шведскіе военные законы, а именно Воинскій артикуль Густава Адольфа въ редакціи Карла XI 1683 г. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, ни одинъ памятникъ западной Европы изъ числа подражавшихъ военнымъ артикуламъ Густава Адольфа не стоитъ къ нему такъ близко, какъ Воинскій уставъ Петра. Сходство въ общемъ планѣ, въ одинаковомъ наименованіи главъ, въ порядкѣ подбора и расположеннія материала по главамъ доказывается, что составители рассматриваемаго законодательнаго памятника приняли, главнымъ образомъ, за образецъ шведскіе военно-уголовные законы. Благодаря трудамъ г. Бобровскаго, теперь вполнѣ установлено соотношеніе между шведскимъ и нашимъ Воинскимъ уставомъ. Нашъ Воинскій уставъ, составленный вполнѣ по общему плану шведскаго, въ основныхъ идеяхъ и въ сред-

¹⁾ Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи; Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петре В., часть II, вып. 1.

²⁾ Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петре В., ч. II, вып. 1, стр. 4.

ствахъ для поддержанія нравственности, порядка и дисциплины въ войскахъ, вполнѣ проникнуть духомъ оригинала; но онъ отличается отъ оригинала, во-первыхъ, внѣшнею обработкою большинства статей, написанныхъ въ болѣе сжатой формѣ, во-вторыхъ, детальнѣмъ развитиемъ, особенно выдающимся въ главахъ обѣ общихъ, наиболѣе тяжкихъ преступленихъ, въ-третьихъ, ³ пополненіями, вслѣдствіе вставокъ новыхъ артикуловъ и новыхъ юридическихъ нормъ, въ-четвертыхъ, ⁴ толкованіями. Эти пополненія и толкованія составлены преимущественно по военно-уголовнымъ законамъ датскимъ и по комментаріямъ къ голландскимъ, бранденбургскимъ или къ нѣмецкимъ имперскимъ военнымъ артикуламъ. Иначе говоря, специфическая особенности шведского артикула не могли быть строго выдержаны; и дѣйствительно, въ русскомъ Воинскомъ уставѣ на нѣкоторыхъ статтяхъ общеуголовнаго, однако не специальнаго характера, замѣтно вліяніе уголовнаго уложенія Карла V (1532), господствовавшаго въ Европѣ въ эпоху Петра, или-же саксонскаго права. Такимъ образомъ по внѣшней формѣ и системѣ Воинскій уставъ принадлежитъ къ скандинавскому типу, но по общему содержанію, что доказывается отсутствіемъ плавности въ изложеніи рѣчи, то сжатой, то пространной, то ясной и категоричной, то туманной, отрывочной и неопределенной, носить смѣшанный характеръ; въ немъ видѣнъ явный отпечатокъ законовъ шведскихъ или датскихъ, вліяніе комментаторовъ на голландскіе и нѣмецкіе военные законы и, наконецъ, даже дѣйствіе французскихъ ордонансовъ ¹). Такимъ образомъ изъ сказанного видно, что кромѣ шведскихъ законовъ, источниками Воинскаго устава были еще военно-уголовные законы датскіе и голландскіе, затѣмъ комментаріи на бранденбургское военное право и на имперскій военный артикулъ, наконецъ, имперскіе, саксонскіе и даже французскіе военные законы. Иначе говоря, Воинскій уставъ носилъ вполнѣ компилиативный характеръ, но, въ отличіе отъ предшествующаго ему законодательства, напр., Уложенія, также отличавшагося тѣмъ-же характеромъ, совершенно не былъ построенъ на национальной и исторической почвѣ, а являлся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ иностраннаго законодательства, далеко не всегда примѣненнымъ къ условіямъ русской юридической жизни.

¹) Бобровскій, Военное право, ч. II, вып. 1, стр. 24.

Воинский уставъ состоитъ изъ четырехъ частей или отдѣловъ. Часть I, названная собственно Воинскимъ уставомъ, имѣеть вполнѣ учредительный характеръ и раздѣляется на 67 главъ. Послѣднія содержать въ себѣ постановленія, касающіяся организаціи и функцій всѣхъ учрежденій и высшихъ чиновъ, существующихъ въ войсکѣ. Исключеніе составляетъ одна 49 глава, озаглавленная „Патентомъ о поединкахъ“ и касающаяся нѣкоторыхъ преступленій и наказаній, слѣдовательно, имѣющая отношеніе къ уголовному праву. Этой главѣ слѣдовало бы имѣть мѣсто во II части, въ Воинскомъ артикулѣ, являющимся ничѣмъ инымъ, какъ военно-уголовнымъ сборникомъ.

Вторая часть озаглавлена „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ и состоитъ изъ 24 главъ, раздѣленныхъ на 209 статей или артикуловъ: многіе изъ нихъ сопровождаются комментаріями или толкованіями. По вѣрному замѣчанію г. Бобровскаго, система этой части не сложна, напротивъ весьма проста: часть раздѣлена только на главы безъ подраздѣленія на отдѣлы, разряды и классы, а между тѣмъ всѣ статьи одной и той же главы имѣютъ внутреннюю связь и единство. Но это единство по главамъ въ общемъ нарушено вторженіемъ началъ, первѣдо даже противорѣчивыхъ одно другому. Статьи, имѣющія военное и общее значеніе, соединены въ особыя отдѣльныя главы и, благодаря такому ихъ внутреннему содержанію, легче можно выдѣлить матеріалъ общегражданскаго характера. Если нѣкоторыя преступленія общаго характера попадаютъ въ главахъ характера чисто военнаго и обратно—воинскія преступленія встречаются въ главахъ, имѣющихъ характеръ общеуголовныхъ, то это обстоятельство служить только объясненіемъ духа эпохи, не сдѣлавшей принципіального различія между общимъ и воинскимъ преступленіями¹⁾.

Третья часть Воинскаго устава, озаглавленная „Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ или тяжбъ“, составляетъ ничего иное, какъ уставъ военного судоустройства и судопроизводства и состоитъ изъ 16 главъ, заключающихъ въ себѣ 81 статью, раздѣленныхъ на четыре отдѣла. Въ концѣ этой части помѣщены особый отдѣлъ „О оглашении приговоровъ“, составляющей нѣчто въ родѣ лѣстницы наказаній, хотя далеко не исчерпывающей всѣхъ наказаній, упоминаетъ

¹⁾ Бобровскій, Военное право, часть II, вып. I, стр. 65.

мыхъ уставомъ. Мѣсто этому отдали, собственно говоря, во II-ой части.

Четвертая и послѣдняя часть, носящая название „О экз-
зерції, о пріугоовленіи къ маршру, о званіяхъ и должностяхъ
полковыхъ чиновъ“, дѣлится на три отдѣла или рос-
писи. По своему содержанію она является ничѣмъ инымъ,
какъ уставомъ о строевой и караульной службѣ.

Для насъ представляетъ интересъ только вторая и третья
часть, именно военно-уголовный сборникъ и уставъ военного
судоустройства и судопроизводства, въ изложѣнію содер-
жанія которыхъ мы и возвратимся при обзорѣ уголовнаго
права и судопроизводства изучаемаго периода.

Второй уставъ, изданный въ царствование Петра, это—
морской 1720 г. Изъ именного указа 13 Января 1720 г.
видно, что Морской уставъ, подобно Воинскому, представляетъ
изъ себя не кошю съ какого нибудь одного западно-евро-
пейского устава, но компилятивный сборникъ, составленный
изъ пяти иностранныхъ морскихъ регламентовъ и дополнен-
ный оригиналными статьями, авторомъ которыхъ былъ самъ
государь („еще все, говорится въ указѣ, черезъ собствен-
ный нашъ трудъ учинено и совершено“). Морской уставъ со-
стоитъ изъ пяти книгъ, раздѣляющихся на главы и статьи. Для
насъ представляетъ интересъ только послѣдняя книга, носящая
название „О штрафахъ“ и являющаяся ничѣмъ инымъ какъ уго-
ловнымъ сборникомъ, соответствующимъ Воинскому артикулу.

Относительно постановленій касательно преступленій и
наказаній Морской уставъ большею частью составляетъ ни-
что иное, какъ дословное повтореніе ³ Воинскаго артикула. Говоримъ „большею частью“, такъ какъ нѣкоторое различіе
въ этомъ отношеніи все таки же существуетъ между обоими
уставами, а именно: Морской уставъ, во-первыхъ, пріуро-
чиваетъ совершение преступленій къ кораблю вмѣсто лагеря,
крепости и города, являющихся мѣстомъ совершеннія престу-
плений по Воинскому уставу. Во-вторыхъ, въ области общаго
ученія о преступленіи Морской уставъ вноситъ нѣкоторыя
особенности, не существующія въ Воинскомъ уставѣ; таъ,
онъ расширяетъ наказуемость голаго умысла и, еще болѣе
ограничиваетъ необходимую оборону, чѣмъ Воинский уставъ.
Въ третьихъ, перечисляя отдѣльные преступленія, Морской
уставъ уступаетъ въ полнотѣ Воинскому, оставляя непреду-
смотрѣнными многія преступныя дѣянія. Впрочемъ, эта не-
полнота, допущенная Петромъ скорѣе для избѣженія повтор-

реній и вслѣдствіе того, что при составленіи Морского устава законодатель имѣлъ въ виду ограничить сферу преступленій по возможности кораблемъ и предѣлами собственно морской службы, не имѣть юридического значенія, такъ какъ совершенно восполняется ст. 143 и 144 ХХ гл. Дѣло въ томъ, что на основаніи первой изъ этихъ статей, въ случаѣ совершенія на кораблѣ преступленія, не предусмотрѣнного уставомъ, вопросъ о наказаніи его разрѣшается по аналогии, и постановленное такимъ образомъ судебнное рѣшеніе представляется въ Адмиралтействъ-коллегію для внесенія новой статьи въ уставъ въ законодательномъ порядке¹. На основаніи же 144 ст. всякое преступленіе, совершенное морякомъ на землѣ, карается по Воинскому уставу, Въ-четвертыхъ, перечисляя отдельныя наказанія, Морской уставъ вноситъ два вида наказаній, неизвѣстныхъ Воинскому уставу, а именно: кошки и спусканіе съ райны, т. е. сбрасываніе съ реи въ воду, но не съ цѣлью утопленія.

Изданіемъ морского устава Петръ завершилъ свое военное законодательство, авторомъ которого былъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Этотъ его трудъ въ отношеніи полноты и системы превосходилъ даже современные ему военные и морские законодательные сборники западно-европейскихъ государствъ. Не будучи одностороннимъ переводомъ или подражаніемъ кого-либо изъ нихъ, онъ представлялъ изъ себя скорѣе сравнительный выводъ изъ постановленій всѣхъ лучшихъ военныхъ и морскихъ законодательныхъ памятниковъ его времени, причемъ крайности и недостатки одного смягчались, благодаря другимъ¹).

Третій уставъ, по изданій уже въ царствованіе Петра II, это уставъ о векселяхъ 1729 г., весьма важный въ исторіи гражданскаго права вообще и въ исторіи вексельного права въ особенности. Цѣлью его было урегулировать употребленіе векселей въ области частнаго оборота, такъ какъ до его изданія векселя, хотя и были извѣстны, но не существовало никакихъ правильнаго касательно ихъ употребленія. Источниками устава были существовавшіе въ то время цѣмѣцкіе вексельные законы, по образцу которыхъ онъ и былъ составленъ. Мы обладаемъ немногими свѣдѣніями относительно исторіи его составленія. Извѣстно только, что уставъ былъ составленъ комиссией о коммерціи, учрежденной Екатериной I, пред-

¹⁾ Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

съдателемъ которой былъ Остерманъ. Поэтому предположеніе о составленіи устава какимъ то профессоромъ лейпцигскаго университета, высказанное въ наукѣ, не можетъ быть принято.

Что касается до поводовъ изданія устава, то о нихъ говорится въ указѣ 16 Мая 1729 г. Изъ него видно, что уставъ изданъ въ интересахъ казны и купечества, такъ какъ отъ употребленія векселей ожидалась слѣдующая польза: 1) освобожденіе отъ расходовъ, сопряженныхъ съ привозомъ денегъ, 2) устраниеніе путевыхъ опасностей, 3) доставленіе денежныхъ выгодъ казнѣ и купечеству и 4) устраниеніе вывоза изъ государства золота и серебра.

Что касается до содержанія устава, то онъ раздѣляется на три главы, изъ которыхъ двѣ первыя въ свою очередь дѣлятся на статьи. Глава первая содержитъ въ себѣ правила касательно употребленія купеческихъ векселей, а глава вторая говорить о векселяхъ на казенные деньги. Третья глава не дѣлится на статьи и содержитъ въ себѣ образцы и формы векселей съ толкованіями.

Въ виду того, что уставъ о векселяхъ говорить только о членахъ торГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО класса, какъ о субъектахъ вексельного права, и ни словомъ не упоминаетъ о дворянахъ, выходило, что de jure право обязываться векселями принадлежало однімъ купцамъ. На практикѣ оно, дѣйствительно, такъ и было, и это право считалось исключительно купеческимъ, вслѣдствіе чего для пользованія имъ дворянамъ приходилось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обходамъ закона. Вотъ почему, когда имп. Екатерина II созвала свою известную законодательную комиссию (въ 1767 г.), то дворянѣ, воспользовавшись случаемъ представленія наказовъ съ изложеніемъ сословныхъ нуждъ и недостатковъ, просили императрицу объ измѣненіи вексельного устава и о распространеніи на нихъ права обязываться векселями. Однако, Екатерина II не удовлетворила этого ходатайства, и прежній вексельный уставъ продолжалъ оставаться въ силѣ, признавая (по крайней мѣрѣ формально) только за однімъ купечествомъ право обязываться векселями¹⁾. Въ слѣдующее же царствование (имп. Павла) дворянамъ даже формально было запрещено всякое употребленіе векселей, что случилось съ изданіемъ Банкротскаго

¹⁾ См. мое изслѣдованіе „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I., СПБ. 1887 г.

устава 1880 г., замѣнившаго собой уставъ о векселяхъ 1729 г.

Весьма важный уставъ въ исторіи государственного и уголовного права, это—уставъ благочинія, изданный Екатериной II въ 1782 г. Цѣль его—организація городской полиції. Онъ состоитъ изъ 12 главъ и 274 статей. Уставъ вводитъ въ большинствѣ городовъ особое полицейско-судебное учрежденіе управы благочинія, въ составѣ которой входитъ двойкій элементъ: чиновный (городничій и два пристава) и выборный (два ратмана, избираемыхъ городскимъ населеніемъ). Функции управы—вѣдѣніе города въ полицейскомъ и отчасти въ судебнѣмъ отношеніи. Пятая глава устава заключаетъ въ себѣ наказъ, т. е. инструкцію управы, которой она должна была следовать въ своей дѣятельности. Эта инструкція начинается цѣлымъ рядомъ нравственныхъ сентенций (число которыхъ въ уставѣ доходитъ до 15), напр., „блаженъ, кто и скота милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подмыи ее“ и т. д. Но, кромѣ подобныхъ сентенций, инструкція содержитъ въ себѣ и изложеніе обязанностей управы въ области полиції и суда. Уставъ не ограничился созданиемъ одной управы благочинія, но организовалъ цѣлую систему полицейскихъ должностей, раздѣлилъ городъ на части и кварталы, во главѣ которыхъ были поставлены особые полицейскіе чины. Завершается онъ, такъ называемыми, „запрещеніями“ и „взысканіями“ составляющими двѣ его послѣднія главы и касающимися уголовного права. Эти двѣ главы въ сущности подтвердили все, дѣйствующее въ то время, уголовное законодательство и, если гдѣ и сдѣлали въ немъ измѣненія, то самыя незначительныя.

ГЛАВА III.

Регламенты.

Другой формой закона являлись регламенты, т. е. учредительные акты, опредѣлявшіе составъ, организацію, компетенцію и дѣлопроизводство отдѣльныхъ органовъ управлениія. Ничего подобного не знала московская Русь, гдѣ даже такія важныя государственные учрежденія, какъ боярская дума, земскій соборъ и приказы, не имѣли своихъ учрежденій и дѣятельность которыхъ регулировалась исключительно однимъ

обычаемъ. Регламенты были продуктомъ законодательной деятельности новой Россіи, именно Петровской эпохи. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) регламентъ Кригскомисариату 10 Декабря 1711 г., излагающій правила содержанія полковъ и раздачи жалованія; 2) регламентъ Штатсконторѣ 13 Февраля 1719 г., опредѣляющій правила составленія штатовъ государственнымъ расходамъ, что являлось функцией названной конторы; 3) регламентъ Коммерцкколлегії 3 Марта 1719 г., въ составѣ компетенціи которой входила забота о торговлѣ и отчасти вѣдѣніе торгово-промышленнаго класса; 4) регламентъ Камеръкколлегії 11 Декабря 1719 г., завѣдывавшей всѣми государственными доходами; 5) Генеральный регламентъ 28 Февраля 1720 г., являющійся учрежденіемъ всѣхъ коллегій и излагающій правила гражданской службы; 6) регламентъ Главному магистру 16 Февраля 1721 г., излагающій составъ и функции этого учрежденія (названный регламентъ весьма важенъ для исторіи торгово-промышленнаго класса и городского устройства и управлениія); 7) Регламентъ о управлениі Адмиралтейства и Верфи 1722 г.; 8) Духовный регламентъ 25 Января 1721 г., являющійся, съ одной стороны, учрежденіемъ Св. Синода, съ другой же, сводомъ церковныхъ законовъ. Въ виду важности этого регламента, мы нѣсколько остановимся на немъ.

Петръ, рѣшившись уничтожить патріаршескую власть, считавшуюся имъ опасной для цѣлости и спокойствія государства, и замѣнить ее коллегіальнымъ учрежденіемъ, создать, таѣзъ называемую, духовную коллегію (впослѣдствії Св. Синодъ) и далъ ей регламентъ, опредѣляющій ея положеніе въ государствѣ.

Что касается до исторіи составленія послѣднаго, то мы знаемъ о ней слѣдующее. Еще въ 1718 г. Петръ высказалъ свою мысль объ учрежденіи Духовной коллегіи. Такъ, на одномъ изъ докладовъ мѣстоблюстителя патріаршаго, престола Стефана Яворскаго онъ написалъ: „а для лучшаго впредъ управлениія мнится быть удобною Духовной коллегії“. Вскорѣ послѣ того онъ поручилъ извѣстному єѳофану Прокоповичу составить регламентъ для этой коллегіи. Прокоповичъ исполнилъ возложенное на него порученіе въ 1720 г. Петръ самъ просмотрѣлъ проектъ регламента, сдѣлавъ въ немъ нѣсколько измѣненій и 23 Февраля 1720 г. внесъ его въ Сенатъ, предписавъ послѣднему совмѣстно съ архіереями разсмотрѣть его и сдѣлать соотвѣтствующія замѣчанія. Сенатъ исполнилъ

предписаніе государя и въ засѣданіи 24 Февраля разсмотрѣлъ проектъ, дополнивъ нѣкоторыя его постановленія, касающіяся мірскихъ людей. Послѣ этого проектъ былъ доложенъ государю, который 25 Февраля далъ Сенату слѣдующее предписаніе: „понеже вчерась я слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереямъ и вамъ онъ подписать, который потомъ и я закрѣплю“. По исполненіи этого предписанія, проектъ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ. Цѣль подобной посылки неизвѣстна. Быть можетъ, Петръ хотѣлъ, чтобы епархіальная власти, близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и поясненія къ проекту; иначе говоря у Петра была мысль привлечь къ участью въ составленіи Духовнаго регламента и провинціальное духовенство. Съ другой стороны, цѣль посылки проекта, быть можетъ, ограничилась только тѣмъ, чтобы добыть однѣ подписи епархіальныхъ властей, имѣя въ виду этими способомъ придать регламенту большую силу и значеніе. Какъ бы то ни было, но посылка регламента состоялась 9 Марта. Сенатъ постановилъ послать полковника Давыдова съ проектомъ регламента и съ приказомъ созвать архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ опредѣленной части епархій въ Москву. Духовные чины другой части епархій должны были собраться въ Вологдѣ и Казани. Всѣмъ этими собраніямъ Давыдовъ представилъ проектъ, который члены собраній и подписали. Послѣ этого онъ былъ возвращенъ государю и утвержденъ имъ въ послѣднихъ числахъ Декабря 1720 г. Въ Январѣ слѣдующаго (1721) года регламентъ былъ обнародованъ¹⁾.

Сличая этотъ законодательный памятникъ съ другими актами древнерусскаго церковно-государственнаго законодательства, мы найдемъ, по справедливому замѣчанію г. Кедрова, что въ основаній его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго управлѣнія, которые опредѣлены главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ вселенской церкви и затѣмъ были приняты во всѣй силѣ и русскою церковью. Въ оглавлениіи, приданномъ регламенту его соста-

¹⁾ Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г., кн. II, изд. Архива мин. юстиціи (статья Тихомирова „Св. Синодъ“). См. также Ольшевскаго „Св. Прав. Синодъ при Петре Великомъ“ (Кievск. Унів. Изв. 1894 г. кн. III, стр. 18 и слѣд.) и Барсова „Св. Синодъ въ его прошломъ“, стр. 200 и слѣд.

вителемъ, мы читаемъ: „управлениі основаніе, то есть законъ Божій, въ Св. Писаніи предложенный, такожъ каноны или правила соборныхъ Святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, слову Божію согласные, собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются“. Впрочемъ, не смотря на это замѣченіе, авторъ регламента въ очень многихъ параграфахъ своего труда въ подтвержденіе своихъ словъ приводить рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно и изъ правилъ отцовъ и учителей церкви. Иногда, не приводя самаго текста тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, онъ замѣчаетъ вообще, что „суть каноны“, т. е. каноническія правила, запрещающія епископу или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайшихъ источниковъ, легкихъ въ основу Духовнаго регламента, то, разбирая его, не трудно замѣтить, что автору его были не безъизвѣстны памятники и древнерусскаго церковнаго законоучительства, и онъ нерѣдко ими пользовался, какъ готовымъ и уже вполнѣ обработаннымъ матеріаломъ. Нѣкоторыя опредѣленія, напр., Стоглаваго собора и соборовъ позднѣйшихъ повторяются регламентомъ почти съ буквальною точностью. Таковы особенно постановленія о монашествѣ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ и власти епископовъ и нѣкоторыя другія. Рядомъ съ правилами русскихъ церковныхъ соборовъ въ основаніе регламента легли и тѣ памятники, которые были первоисточниками древнерусскаго церковнаго законодательства со временемъ принятія Россіей христіанства. Мы говоримъ о Номоканонѣ или Кормчей книгѣ. Постановленія послѣдней авторъ регламента приводить иногда прямо, иногда же, какъ, напр., послѣ изложенія правилъ о монашествѣ, просто лишь заявляетъ, что „многая о сихъ обрѣтается въ книгѣ Кормчей“. Такимъ образомъ Духовный регламентъ, какъ памятникъ церковнаго законодательства, въ своей основѣ держится всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые всегда признавались церковью за источники, опредѣляющіе церковное право. Но, помимо этихъ церковныхъ источниковъ, въ регламентѣ живо отразился духъ и характеръ современного ему свѣтскаго законодательства. И въ этомъ отношеніи регламентъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ русской церкви. Вотъ почему онъ является памятникомъ сколько церковнаго, столько же и свѣтскаго законодательства. Такъ, прежде всего за образецъ при его составленіи брались не-

сомнѣнно раньше его появившіеся регламенты разныхъ государственныхъ учрежденій. Вліяніе свѣтскаго законодательства отразилось на Духовномъ регламентѣ настолько, что авторъ его не счелъ нужнымъ упоминать о правилахъ касательно порядка отправленія дѣлъ въ устанавливаемой имъ духовной коллегіи, замѣтивъ, что образцомъ въ этомъ отношеніи для послѣдней долженъ служить Генеральный регламентъ¹⁾.

Что касается до содержанія Духовнаго регламента, то оно можетъ быть раздѣлено на семь отдѣловъ. Первый отдѣль (вступительный) излагаетъ причины изданія регламента и учрежденія духовной коллегіи. Второй отдѣль содержитъ въ себѣ постановленія касательно духовныхъ чиновъ и распоряженія по разнымъ дѣламъ, относящимся къ духовному управлению. Третій отдѣль излагаетъ обязанности епископовъ. Четвертый содержитъ въ себѣ постановленія объ училищахъ и учителяхъ, пятый—о проповѣдникахъ слова Божія, шестой—о мірскихъ людяхъ и седьмой (организаціонный) о духовной коллегіи. Изъ этого перечисленія содержанія регламента видно, что онъ, въ отличіи отъ другихъ регламентовъ, не является только учредительнымъ актомъ, но напротивъ касается и другихъ сторонъ материального права, представляя изъ себя ни что иное, какъ сборникъ церковныхъ законовъ.

Къ регламентамъ можно причислить и такие законодательные акты вполнѣ учредительного характера, какъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 года, изданныя Екатериной II и на многія постановленія которыхъ имѣли такое сильное вліяніе со словные наказы, поданные депутатами въ законодательную коммиссію 1767 г.

ГЛАВА IV.

Сепаратные указы.

Слѣдующей, третьей формой закона были сепаратные указы, инструкціи и манифести. Законодательство императорскаго периода вообще и петровскаго времени изъ частности развивалось главнымъ образомъ въ этой формѣ, причемъ весьма важные законы, существенно видоизмѣнявшися государственный и гражданскій бытъ Россіи, издавались въ формѣ указовъ.

¹⁾ Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго, стр. 41.

Но рядомъ съ этимъ въ эту форму облекались и простыя распоряженія, имѣвшія вполнѣ временное значеніе и не обладавшія никакимъ законодательнымъ характеромъ. Число указовъ громадно, причемъ многіе изъ нихъ совершенно не согласованы другъ съ другомъ и съ Уложеніемъ 1649 г., содержаніе котораго, однако, существенно измѣнено послѣдующимъ законодательствомъ и, въ силу этого, должно было быть согласовано съ нимъ. Мы разсмотримъ только нѣкоторые изъ болѣе важныхъ законодательныхъ актовъ этой категоріи, какими безспорно являются: указъ о единонаслѣдіи 1714 г., указъ о формѣ суда 1723 г. манифестъ о вольностяхъ дворянству 1762 г. и указъ о воровствѣ 1781 г. Такимъ образомъ законодательные памятники, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, будутъ относиться къ разнымъ отраслямъ права, а именно къ государственному, къ гражданскому и къ уголовному праву и къ судопроизводству.

Указъ о единонаслѣдіи 1714 г. играетъ весьма важную роль въ исторіи гражданскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ служить нагляднымъ примѣромъ несостоятельности всѣхъ попытокъ реформировать государственный и гражданскій бытъ народа въ направлѣніи, совершенно противоположномъ историческимъ традиціямъ послѣдняго. Указъ 1714 г. долженъ былъ создать въ Россіи систему майората, т. е. такой институтъ, для котораго не было у насъ никакой исторической почвы и который являлся продуктомъ исторической жизни западной Европы, развивавшейся совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ историческая жизнь Россіи. Въ этомъ несоответствіи нового порядка наслѣдованія, перенесенного Петромъ съ Запада въ Россію, съ условіями русскаго юридическаго быта, икроется неудача названной реформы, разно какъ и недолгаго существованія указа о единонаслѣдіи.

Что касается до исторіи составленія рассматриваемаго законодательного памятника, то намъ известно, что Петръ еще задолго до 1714 г. рѣшился собрать и изучить законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія во многихъ западноевропейскихъ государствахъ. Въ виду этого, государь поручилъ известному Брюссу составить краткое описание законовъ о наслѣдствѣ, дѣйствовавшихъ въ Шотландіи, Англіи и Франціи. Затѣмъ до насъ дошло письмо Головкина, писанное въ 1711 г. секретарямъ Посольского приказа, гдѣ между прочимъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правиль французскихъ англійскихъ и

венеційскихъ (т. е. венеціанскихъ), какое у нихъ определение, какъ въ недвижимыхъ маєностяхъ и домахъ, такъ и въ пожиткахъ дѣтямъ, по отцамъ оставшимся, мужеска и женска пола, въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхетскихъ, такъ и купецкихъ фамилій. И вы поищите такихъ правиль въ книгахъ, которые вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ и, ежели того нѣть, то велите перевести¹⁾). Наконецъ, до настъ дошелъ обширный проектъ Салтыкова, такъ называемыя „Пропозиції“, присланный имъ Петру изъ за границы, куда онъ былъ посланъ государемъ для покупки кораблей. Проектъ относится къ 1713 г. и раздѣленъ на 15 главъ, заключающихъ въ себѣ предложенія разныхъ реформъ по многимъ отраслямъ управления. Глава 2-я проекта, посвященная „мірскимъ господамъ и дворянамъ“, содержитъ въ себѣ предложеніе о майоратѣ, причемъ нѣкоторыя мнѣнія Салтыкова (напр., доводы въ пользу введенія майората) повторяются и въ указѣ о единонаслѣдіи²⁾). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что проектъ Салтыкова былъ до известной степени источникомъ закона 1714 г. При составленіи послѣдняго, Петръ, по своему обыкновенію, принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ, онъ собственноручно написалъ все введеніе къ указу до ст. 1 включительно. Затѣмъ нѣкоторыя другія статьи указа также были написаны имъ³⁾.

Указъ 1714 г. встрѣтилъ въ обществѣ сильнейшую оппозицію, такъ какъ совершенно не согласовался съ народными воззрѣніями, ставъ въ разрѣзъ въ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія—раздѣла имущества между всѣми дѣтьми, этого продукта долгой исторической жизни, окончательно формулированного въ Уложеніи 1649 г. Вотъ, почему родители, по свидѣтельству сенатскаго доклада имп. Анны Ioannovnѣ въ 1730 г., начали употреблять всевозможныя средства, чтобы обходить законъ; и, несмотря на строгое запрещеніе, дѣлить поровну между дѣтьми свое имущество. Не преувеличивая, можно сказать, что ни одна изъ петровскихъ реформъ не встрѣтила столько несочувствія и такого отпора на практикѣ, какъ рассматриваемый указъ, получившій название „пунктовъ“

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI (изд. 8-е), стр. 199.

²⁾ Милютинъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго, стр. 536; Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 52.

³⁾ Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 52.

1714 г. При первомъ же удобномъ случаѣ, когда общество получило возможность высказать свои нужды и желанія, именно въ 1730 г., при избраніи на престолъ имп. Анны Ioannovны, оно высказалось за отмѣну указа 1714 г. и за возвращеніе къ постановленіямъ Уложенія. Имѣя въ виду это настроеніе общества, Сенатъ въ Декабрѣ 1730 г. представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ подвергъ рѣзкой критикѣ указъ 1714 г. и ходатайствовалъ объ его отмѣнѣ. Анна Ioannovna исполнила желаніе Сената и сословій и указомъ 1731 г. „пункты“ 1714 г. были отмѣнены. Но постановленія ихъ не остались совсѣмъ безслѣдны. Дѣло въ томъ, что указомъ 1714 г. было окончательно уничтожено всякое различіе между вотчинами и помѣстьями, т.-е., иначе говоря, завершился тотъ процессъ сближенія обоихъ понятій поземельной собственности, начало которого еще относится ко времени Московскаго государства. Анна Ioannovna, отмѣнила однако измѣненія, внесенного имъ въ область разграничения понятій вотчины и помѣстья, которые послѣ того стали одинаково называться недвижимой собственностью.

Другимъ весьма важнымъ законодательнымъ памятникомъ, относящимся къ категоріи сепаратныхъ указовъ и хотя съ большими измѣненіями, но все же продолжающимъ дѣйствовать и по сіе времена, была табель о рангахъ 1722 г. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что инициатива издания табели принадлежала Лейбницу, съ которымъ Петръ постоянно совѣщался, шествуя по пути своей преобразовательной дѣятельности. Кто принималъ участіе въ составлѣніи табели, съ точностью установить трудно. По мнѣнію Соловьевъ, она была составлена Головкинымъ, Брюсомъ и нѣкоторыми другими лицами¹⁾. По нѣкоторымъ другимъ, болѣе достовѣрнымъ, даннымъ можно предполагать участіе въ ея составленіи Остермана. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала самому Петру. Такъ, до настѣ дошли первые проекты табели, написанные начертано собственноручно Петромъ. Затѣмъ, по составленіи окончательного проекта и по переписаніи его набѣдо, онъ еще исправлялся и дополнялся Петромъ. Наконецъ, одновременно съ табелью составлялись и особые пункты для руководства при введеніи табели на практику.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 189 (изд. 3-е).

тикъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ также написаны Петромъ¹⁾. Источниками разсматриваемаго памятника были росписанія чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, а именно: Швеціи, Франціи, Пруссіи, Даніи и Англіи, главнымъ образомъ табели прусская и датская. Сначала Петръ предписалъ составить подробный сводъ и сравнительную таблицу должностей и чиновъ названныхъ пяти государствъ, а также „показаніе“ (списокъ) древне-русскихъ чиновъ²⁾ а затѣмъ уже приступилъ къ составленію проекта табели. По окончаніи этой работы, проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ, причемъ послѣднему были представлены и росписанія чиновъ иностраннѣхъ государствъ, послужившихъ образцами при составленіи табели. Сенатъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ проекта, часть которыхъ была принята во вниманіе государемъ. Такъ, между прочимъ, Сенатъ возразилъ на постановленіе о рангѣ канцлера. „Въ регламентахъ о рангахъ, писалъ Сенатъ, во французскомъ, въ датскомъ, въ англійскомъ канцлеръ, а въ Швеціи изъ сенаторовъ старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, а въ присланной табели написанъ канцлеръ во второмъ классѣ, того ради мнѣніе нашему быть въ первомъ классѣ“. Напротивъ, съ другимъ возраженіемъ государь не согласился. А именно, Сенатъ представилъ слѣдующее донесеніе: „понеже еще остались въ древнихъ чинахъ нѣкоторыя персоны, а именно: бояре, кравчие, окольничие, думные дворянѣ, стольники, спольники и прочіе чины, того ради предлагается, не изволить ли его царское величество оныхъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, а ежели ранги имъ будуть не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности“³⁾. Однако, это донесеніе было оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ табель о рангахъ совершенно игнорировала древніе чины. Кромѣ Сената, проектъ табели разсматривался еще въ Военной и Адмиралтейств-коллегіяхъ. Затѣмъ въ 1721 г. онъ былъ подписанъ Петромъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до Сентября, дабы еще

¹⁾ Евреиновъ, Гражданское чинопроизводство въ Россіи, стр. 84.

²⁾ Сводъ, таблица и „показаніе“ изданы г. Евреиновымъ (см. назв. соч., стр. 82—98, прил. № 1 и 2).

³⁾ Мнѣніе Сената напечатано въ назв. соч. г. Евреинова (стр. 99, прил. № 3).

осмотрѣться". 24 Января 1722 года табель была обнародована ¹⁾.

Значеніе табели о рангахъ въ исторіи русскаго государственного права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности было громадно. Благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни было его родъ и племя. Слѣдствіемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новые силы изъ народа, и оно не могло замкнуться въ особую касту ²⁾. Дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По табели были подведены подъ известные ранги или классы три категоріи служебныхъ отличій, а именно: военные и гражданскіе чины (послѣдніе въ смыслѣ почетныхъ титуловъ) ³⁾, затѣмъ всѣ должности центрального и мѣстного управления по обще-гражданской, придворной, военной и морской службѣ и, наконецъ, ордена (собственно говоря, одинъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго—по примѣру датскаго ордена Слона). Такимъ образомъ табель вполнѣ различала понятія чина (въ смыслѣ почетнаго титула), должности и ордена, что не мѣшало ей подвести ихъ подъ особые ранги ⁴⁾. Напротивъ, позднѣйшее законодательство (указы

¹⁾ Пекарский, Наука и литература при Петре Великомъ, т. I; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII (изд. 3-е); Евреиновъ, назв. соч.

²⁾ Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 14.

³⁾ Гражданскихъ чиновъ въ нашемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ почетныхъ титуловъ по табели только два, а именно: дѣйствительный тайный советникъ и тайный советникъ. 7 Мая 1724 г. къ этимъ чинамъ Петръ присоединилъ еще два—дѣйствительного статского и статского советниковъ. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 139) думаетъ, что дѣйствительный тайный советникъ при Петре не былъ чиномъ въ нашемъ смыслѣ, но должностю, такъ какъ подобные советники засьдали въ особомъ тайномъ совѣтѣ, учрежденномъ Петромъ. Однако, съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ тайный совѣтъ былъ созданъ уже въ концѣ царствованія Петра, а именно 13 Февраля 1720 г., чинъ же дѣйствительного тайного советника жаловался Петромъ еще задолго до этого (случаи подобныхъ пожалованій приведены у г. Евреинова, въ назв. соч.).

⁴⁾ Какъ известно, до послѣдняго времени въ литературѣ преобладало обратное мнѣніе, а именно: будто табель смѣшивала понятія чина и должности до полнаго ихъ отожествленія (см., напр., Романовича-Славатинскаго, Дворянство въ Россіи, стр. 14). Любопытно, что на такой же точкѣ зреінія стояли и авторы всѣхъ законопроектовъ, касающихся табели и составленныхъ въ XIX ст. (напр., проектъ комитета 6 Декабря 1826 г.). Оправдженію этого мнѣнія посвящено названное сочиненіе г. Евреинова, съ доводами котораго нельзя не согласиться.

16 Дек. 1790 г. и 9 Дек. 1799 г.) существенно модифицировало табель въ смыслѣ превращенія многихъ должностей въ чины (должности регистраторовъ, секретарей, ассесоровъ и совѣтниковъ въ коллегіяхъ были превращены въ чины коллежскаго регистратора, секретаря, ассесора и совѣтника) и въ смыслѣ созданія табели только однихъ чиновъ, а не должностей и орденовъ, что, какъ извѣстно, существуетъ и по нынѣ действующему праву.

Кромѣ того, вполнѣ демократической характеръ петровской табели нарушился тѣмъ, что, для производства въ нѣкоторые чины, для дворянства были установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромны. Какъ ни старалось послѣ пея дворянство замкнуться въ отдельное сословіе, бюрократическое начало табели всегда брало верхъ надъ аристократическимъ началомъ. Такимъ образомъ значеніе табели состояло въ томъ, что она водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой и обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличий¹⁾.

Третьимъ по времени указомъ былъ извѣстный указъ 5 Ноября 1723г. о формѣ суда. Мотивомъ къ его изданію послужило желаніе правительства уничтожить ябедничество и волокиту, эти страшныя язвы нашего древняго судопроизводства. Самый указъ начинается жалобой на то, что въ судахъ „много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ“. Однако, указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширениемъ произвола судей, широкимъ допущеніемъ навѣренныхъ, отсутствиемъ установления сроковъ для постановки приговоровъ и, паконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣйшую деворганизацию въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процѣвать такие порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Вотъ причина тѣхъ обличеній указа о формѣ суда, которымъ мы находимъ въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ сословіями въ Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. и которымъ составляютъ большую часть содержанія наказовъ²⁾.

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 14.

²⁾ См. мое изслѣдованіе „Законоодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст., т. I.

Весьма важнымъ сепаратнымъ закономъ является манифестъ о вольностяхъ дворянства 1762 г., составляющей цѣлую эпоху въ исторіи дворянского сословія. Манифестъ былъ изданъ Петромъ III подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, Р. Л. Воронцова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ. Авторомъ его былъ генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ. Изданіемъ манифеста (скажемъ словами проф. Романовича-Славатинского) началось раскрытощеніе сословій, закончившееся 19 Февраля 1861 г. Вотъ, почему въ литературѣ неоднократно можно встрѣтить проведение параллели между двумя названными манифестами, раздѣленными ровно столѣтиемъ. Подобно манифесту 19 Февраля 1861 г., освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщицковъ, манифестъ 19 Февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла — обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостного. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ крѣпостного служилаго, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ привилегированное и стало въ полномъ смыслѣ этого слова высшимъ сословіемъ въ государствѣ¹⁾. Манифестъ, уничтожившій обязательную службу дворянства, естественно былъ встрѣченъ со стороны послѣдняго съ восторгомъ. Такъ, Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи поставить ему золотую статуу; дворянство всѣхъ мѣстностей Россіи разными способами старалось выразить свою радость и благодарность государю и т. д.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, хотя дѣйствіе манифеста, какъ нужно думать, и не было пріостановлено, но императрица учредила въ 1763 г. особую комиссію съ цѣлью разсмотрѣнія названнаго акта и приведенія его содержанія въ „лучшее совершенство“, такъ какъ, съ точки зрѣнія Екатерины II, манифестъ „еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ“. Комміssія, проработавъ около мѣсяца, представила императрицѣ особый докладъ, состоявшій изъ вступленія и 21 статьи. Въ немъ она высказалась за сохраненіе постановленій манифеста, прибавивъ къ нимъ еще нѣсколько новыхъ льготъ

¹⁾ Романовичъ-Славатинский, Дворянство въ Россіи, стр. 193.

дворянству, о которыхъ манифестъ умалчалъ, напр., освобожденіе дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и др. Высказывалась за подтвержденіе манифеста, комиссія мотивировала необходимость этого тѣмъ, что, „пѣтъ нималаго сомнѣнія, чтобы просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне или уже родившіеся въ ономъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ“, а потому „никакой нужды не видится принужденіе дѣлать къ службѣ“. Императрица, продержавъ у себя докладъ около семи мѣсяцевъ и сдѣлавъ въ немъ нѣсколько редакціонныхъ замѣтокъ, возвратила его въ комиссию съ предписаніемъ сочинить законъ и манифестъ о вольности дворянства. Тогда комиссія подала императрицѣ новый докладъ, въ которомъ находила невозможнымъ составлять законы, не имѣя у себя „подлиннаго и точнаго“ опредѣленія со стороны государыни размѣра вольностей дворянству. О такомъ предварительномъ опредѣленіи она ходатайствовала предъ императрицею. Однако, состоялось ли оно или пѣтъ, намъ неизвѣстно¹⁾. Во всякомъ случаѣ съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству въ 1785 г. постановленія манифеста 1762 г. были подтверждены и окончательно получили силу закона.

Послѣдній указъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это— указъ „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ 1781 г., важный въ томъ отношеніи, что имъ впервые смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 рублей“.

ГЛАВА V.

Кодифікація.

§ 1 Кодифікація отъ Петра I до Екатерины II.

Сепаратные указы были самой многочисленной формой закона въ продолженіи всего XVIII ст. Если же прибавить къ нимъ еще уставы и регламенты, а также и новоуказанные статьи, продолжавшія дѣйствовать и въ императорскомъ періодѣ, то получится огромная масса законодательного мате-

¹⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 232 и слѣд. См. также Чечулина, Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II (Журн. Мин. Пар. Просв. 1894 г., кн. III).

ріала, совершенно не сведенного ни въ какую систему, слѣдовательно, представлявшаго неимовѣрныя трудности при осуществлении его на практикѣ. Уже въ XVII ст. правительство сознавало необходимость кодификаціи и принимало нѣкоторыя мѣры, долженствовавшія до извѣстной степени упорядочить дѣйствовавшее законодательство. Тѣмъ болѣе потребность въ кодификаціи дала о себѣ знать съ наступленіемъ XVIII ст., когда, благодаря преобразовательной дѣятельности Петра, появилась масса законодательныхъ памятниковъ, притомъ совершенно не согласованныхъ съ прежнимъ законодательствомъ и нерѣдко по своимъ основнымъ началамъ даже діаметрально противоположныхъ ему.

Петръ ясно сознавалъ необходимость систематизаціи всего законодательного материала и въ продолженіи 25 лѣтъ трудился надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже въ первый годъ XVIII ст., а именно 18 Февраля 1700 г., состоялся царскій указъ, которымъ учреждалась особая палата обѣ Уложеній, т. е. комиссія, обязанная заняться пересмотромъ и исправленіемъ Уложения 1649 г. Палатѣ предписывалось внести въ подлежащія мѣста названного законодательного сборника всѣ, послѣдующіе послѣ его изданія, именные указы и новоуказанные статьи, а также состоявшіе по рѣшеннымъ дѣламъ боярскіе приговоры, иначе говоря, палата должна была составить, такъ называемую, Новоуложенную книгу или сводъ прежняго Уложения съ законодательнымъ материаломъ, изданнымъ въ промежутокъ времени отъ 1649 г. до 1700 г. Указъ предписывалъ дѣлякамъ всѣхъ приказовъ собрать именные указы, новоуказанные статьи и боярскіе приговоры, хранящіеся въ приказахъ, и, сдѣлавъ съ нихъ списки, доставить въ палату. Затѣмъ онъ опредѣлилъ составъ послѣдней. Въ нее должны были войти исключительно члены служилаго класса, а именно: бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и дѣляки (всѣхъ 71 человѣкъ). Кромѣ того, по распоряженію государя, къ палатѣ были прикомандированы подьячіе изъ приказовъ, на обязанности которыхъ было вести все письменное дѣлопроизводство. Кто былъ предсѣдателемъ палаты—неизвѣстно, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что эту роль игралъ князь И. Б. Троекуровъ. Такъ, въ списѣ бояръ его имя поставлено первымъ; затѣмъ изъ дошедшаго до насъ поденнаго журнала палаты видно, что засѣданія послѣдней, независимо отъ другихъ причинъ, прекращались одинъ разъ, потому что

онъ ъездилъ въ Ярославль, и въ другой разъ по случаю его болѣзни.

Палата начала свои засѣданія 27 Февраля 1700 г. Въ протоколѣ первого засѣданія прописанъ весь указъ 18 Февраля объ учрежденіи палаты и въ концѣ протокола прибавлено, что бояре приказали этотъ указъ вписать въ книгу. Затѣмъ было представлено оглавление Уложения съ показаніемъ, сколько въ каждой главѣ сборника помѣщено статей. Въ слѣдующемъ засѣданіи 28 Февраля бояре приказали послать во всѣ приказы предписанія дьякамъ, чтобы они распорядились изготавленіемъ списковъ съ новоуказныхъ статей и чтобы эти списки внесли въ палату. Изъ матеріаловъ, относящихся до исторіи палаты, видно, какимъ способомъ она сносилась съ приказами. Обыкновенно туда посыпались подьячіе, находившіеся въ вѣдомствѣ палаты. Послѣдніе снабжались краткими записками, въ которыхъ излагалась сущность требованія палаты и которая подьячіе предъявляли судьямъ и дьякамъ приказовъ. Получивъ отвѣтъ, подьячіе, по возвращеніи своемъ въ палату, записывали въ особую тетрадь какъ данное имъ порученіе, такъ и сдѣланное ими по этому порученію исполненіе.

Палата, какъ видно по всему, спѣшила со своимъ трудомъ, приказы же, по сущности самаго дѣла, не удовлетворили этой поспѣшности. Оно и понятно. Первая только выслушивала доставленные ей указы, а на обязательности послѣднихъ было пріискать ихъ, списать съ нихъ списки и провѣрить ихъ. Естественно, что они не могли вполнѣ удовлетворить требованиямъ палаты, тѣмъ болѣе, что для отысканія указовъ не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ, и руководствомъ въ такихъ случаяхъ служила единственno память дьяковъ и подьячихъ, обращавшихся продолжительное время съ дѣлами.

Въ серединѣ Мая приказы представили всѣ нужные списки, и палата могла безпрепятственно приступить къ своей работѣ. Къ Іюлю 1701 г. палата выслушала все Уложение, пересмотрѣла и дополнила его новоуказными статьями. Такимъ образомъ была окончена вся работа и составлена Новоуложенная книга¹⁾.

Какія причины воспрепятствовали обнародованію нового Уложения—неизвѣстно. По всей вѣроятности, значительная

¹⁾ Полѣновъ, Матеріалы для исторіи русскаго законодательства.

неисправность въ его составлениі; выражившался главныи образомъ въ пропускѣ многихъ указовъ и новоуказныхъ статей, оставшихся такимъ образомъ не сведенными съ прежнимъ Уложеніемъ, послужили причиной этому. Фактъ нераспущенія палаты и ея дальнѣйшія работы служатъ доказательствомъ вѣроятности подобнаго предположенія. Такъ, въ Августѣ палата снова начала свои засѣданія и продолжала ихъ вплоть до 14 Ноавбря 1703 г., занимаясь въ теченіе всего этого времени дополненіемъ Уложения тѣми изъ новоуказныхъ статей, которыхъ она пропустила при первоначальномъ составленіи Уложения. Этимъ прекращаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ палаты и обѣ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Какъ бы то ни было, но палата выполнила порученное ей дѣло: старое Уложение было сведено съ новоуказными статьями, и Новоуложенная книга была составлена. Но нужно думать, что Петръ остался недоволенъ результатомъ трудовъ палаты, такъ какъ новое Уложение никогда не было обнародовано и трехлѣтнія занятія палаты совершенно прошли даромъ. Мало того, не смотря даже на то, что палата, составивъ новое Уложение, еще около двухъ лѣтъ занималась его исправленіемъ и дополненіемъ тѣми указами, которые пропустила вначалѣ, Петръ все таки же не обнародовалъ Новоуложенной книги и черезъ нѣсколько лѣтъ нарядилъ новую комиссию, поручивъ ей заняться тѣмъ же дѣломъ. Именно въ 1714 г. Петръ снова возбудилъ вопросъ о новомъ Уложеніи. 20 Мая онъ издалъ на имя Сената указъ, которымъ предписалъ судьямъ всѣ дѣла рѣшать только по одному Уложению. Что же касается до новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, то они совсѣмъ не должны были приняться въ расчетъ. Въ одномъ только случаѣ судьи получили разрѣшеніе обращаться къ нимъ, это—при разборѣ такихъ дѣлъ, которыхъ не были предусмотрѣны Уложениемъ, иначе говоря, только за тѣми указами и новоуказными статьями была оставлена сила законодательныхъ актовъ, какіе „учинены не въ перемѣну (т. е., не въ измѣненіе), но въ дополненіе Уложения“. Подобный порядокъ вещей долженъ быть продолжаться до тѣхъ поръ, пока Уложение, „вслѣдствіе, недовольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ, исправлено и въ народъ публиковано будетъ“. Всѣ же новоуказныи статьи, изданныиа „не въ образецъ“ но „противно“ Уложению, хотя бы онѣ были „помѣчены именными указами и палатными приговорами“ (т. е. боярскими приговорами), велѣно было „оста-

вить, на примѣръ не выписывать и вновь отнюдь не дѣлать[“]. Указъ заканчивался предписаніемъ Сенату озаботиться собраніемъ тѣхъ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, которые были изданы для рѣшенія дѣлъ, не имѣвшихъ возможности быть разрѣшеными на основаніи Уложенія, съ цѣлью кодификації этихъ законодательныхъ актовъ.

Въ силу этого указа, Сенатъ учредилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Апухтина, предписавъ ей заняться названнымъ дѣломъ. Коммиссія собрала новоуказныя статьи и расписала ихъ по особой табели, указанной Сенатомъ, вслѣдствіе чего 17 Сентября 1717 г. были даны изъ Юстицъ-коллегіи дѣякамъ Помѣстнаго и Земскаго приказовъ пункты о составленіи свода полнаго Уложенія или, какъ тогда говорилось, своднаго Уложенія. Нужно думать, что въ этой работе приняла также участіе и апухтинская коммиссія. Въ результатахъ оказалось составленіе десяти главъ Уложенія, но, въ виду того, что они не были окончены, то и остались безъ разсмотрѣнія и вообще безъ вскихъ послѣдствій¹⁾.

Такимъ образомъ и вторая коммиссія ровно ничего не сдѣлала. Тогда Петръ рѣшилъ оставить попытки къ составленію *своднаго Уложенія* и предписалъ создать *новое Уложение*, взявъ за образецъ для него шведскій и датскій кодексы. Вслѣдствіе этого, 9 Мая 1718 г. послѣдовала высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго кодекса на русскій языкъ и объ „учиненіи“ свода русскихъ законовъ со шведскими. Иначе говоря, было предписано учрежденіе третьей кодификаціонной коммиссіи, на обязанности которой лежало разрѣшеніе крайне трудной задачи. Легко можно себѣ представить, какія препятствія должны были встрѣтиться во время „сведенія“ русскихъ законовъ со шведскими, главнымъ образомъ вслѣдствіе различія въ языкахъ, недостатка въ съдущихъ людяхъ и, паконецъ, вслѣдствіе коренного несходства двухъ разныхъ системъ законодательства, тѣмъ болѣе, что наше Уложение, не будучи сведено сть новоуказными статьями, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, не представляло никакой возможности опредѣлить сть достовѣрностью, что должно было въ немъ считаться дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ²⁾). Но эта трудность въ то время не сознавалась,

¹⁾ Сперанскій, Обзоръ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 13.

²⁾ Сперанскій, назв. соч., стр. 14.

лучшимъ доказательствомъ чего служить фактъ назначенія
государемъ десятимѣсячнаго периода времени для сведенія
нашихъ законовъ со шведскими. Указъ, назначившій срокъ,
когда Уложеніе должно было быть составлено (изданный въ
концѣ 1719 г.), опредѣлилъ также и методъ его составленія
и указалъ, кромѣ шведскаго и датскаго кодексовъ, также на
эстляндское и лифляндское законодательство, какъ на источ-
ники Уложеній. Иначе говоря, Петръ, насѣживъ ожиданіемъ,
когда, наконецъ, будетъ составлено систематическое собраніе
русскихъ законовъ, рѣшилъ замѣнить его готовымъ шведскимъ
кодексомъ, дополнивъ и исправивъ послѣдній принаровительно
къ потребностямъ русского общества. Такимъ образомъ исто-
рическая почва была оставлена, и правительство въ отношеніи
законодательства, какъ и въ отношеніи всего остального, пошло
по пути заимствованій. Петръ, очевидно, надѣялся, что, идя
по второму пути, можно скрѣпѣ достичнуть какихъ бы то ни
было результатовъ и вотъ, почему назначилъ сравнительно
весыма короткій срокъ для составленія Уложенія, угрожая въ
противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ. Но угроза ни къ
чему не привела, и Сенатъ, повидимому, не придалъ ей никакого
значенія, такъ какъ только черезъ семь мѣсяцевъ вспомнилъ
объ Уложеніи и распорядился нарядить особую комиссию
(счетомъ третью) для его составленія. 8 Августа 1720 г. былъ
изданъ сенатскій указъ, которымъ учреждалась эта комиссія.
Въ составъ ея вошли три иностранца, находившіеся на
русской службѣ, и пять русскихъ; впрочемъ, составъ ком-
миссіи не разъ измѣнялся за время ея существованія.

Какъ шли дѣла комиссіи въ первый годъ послѣ ея воз-
никновенія, мы не имѣемъ извѣстій, но нужно думать, что
не особенно удачно, и чѣмъ дальше разматривали шведскій
кодексъ, тѣмъ больше встрѣчалось неудобствъ въ приспосо-
бленіи его къ русской жизни. Срокъ, назначенный Петромъ
для окончанія Уложенія (конецъ Октября 1720 г.), давно
уже наступилъ, а между тѣмъ комиссія была еще далека
отъ окончанія своихъ работъ.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ этихъ
работъ въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, хотя о
дѣятельности комиссіи за это время до насъ дошло не мало
любопытныхъ документовъ, найденныхъ мною въ архивѣ Коди-
фикаціоннаго Отдѣла и изложенныхъ въ моемъ изслѣдованіи
о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст.¹⁾,

¹⁾ Т. I, 1887 г.

куда и отсылаемъ интересующихся. Скажемъ только, что за это время комиссія продолжала трудиться надъ порученнымъ ей дѣломъ, составляя проектъ нового Уложенія, долженствовавшій состоять изъ семи книгъ, раздѣленныхъ на соотвѣтствующее число главъ и артикуловъ. Работа комиссій подвигалась медленно, что объяснялось, какъ трудностью самой задачи, для разрѣшенія которой была организована комиссія, такъ и тѣми условіями, при которыхъ находились члены комиссіи. Такъ, до насъ дошло не мало донесеній въ Сенатъ отъ приказныхъ служителей (входившихъ въ составъ комиссіи и игравшихъ весьма важную роль въ дѣлѣ составленія нового Уложенія, такъ какъ на нихъ, какъ на юристовъ-практиковъ и знатоковъ письменнаго дѣлопроизводства, возлагалась вся черновая работа, и они такимъ образомъ являлись настоящими составителями Уложенія), изъ которыхъ видно, въ какихъ жалкихъ условіяхъ въ смыслѣ матеріального обеспеченія находились послѣдніе. Можно, не преувеличивая, сказать, что приказные чуть не умирали съ голоду и нерѣдко влачили въ полномъ смыслѣ слова нищенское существованіе, что, само собою разумѣется, не могло споспѣшествовать ускоренію работъ комиссіи и приведенію ихъ къ благополучному окончанію. Затѣмъ нерѣдко комиссія, по крайней мѣрѣ фактически, прекращала совсѣмъ свое существованіе или вслѣдствіе выхода старыхъ членовъ изъ ея состава и назначенія на ихъ мѣсто новыхъ, или вслѣдствіе отсутствія хорошаго помѣщенія со всѣми приспособленіями для занятій, или, наконецъ, вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ. Все это имѣло въ результаѣ тотъ фактъ, что Петру такъ и не пришлось увидѣть результата работъ комиссіи, и онъ скончался, не дождавшись окончанія составленія нового Уложенія.

Единственно, что успѣла сдѣлать комиссія въ продолженіе его царствованія,—это составить четыре книги Уложения. Но эти книги, по всей вѣroятности, вслѣдствіе ихъ неудовлетворительности, никогда не получили санкціи со стороны законодательной власти. Между тѣмъ множество новыхъ указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, сбивало съ толку судей и производило страшную путаницу и медленичество въ дѣлахъ. Поэтому Петръ, не дожидаясь окончанія Уложения, еще въ Ноябрѣ 1723 г. издалъ указъ, которымъ предписывалъ разобрать состоявшіеся въ разное время по поводу одного и того же дѣла указы и тѣ изъ нихъ, которые будутъ имъ утверждены, напечатать и присоединить къ соотвѣтствующимъ

регламентамъ. Этю мѣрою онъ желалъ уничтожить какъ разрозненность указовъ, такъ и многочисленность ихъ по поводу одного и того же дѣла. Наконецъ, очевидно, отчаявшись въ окончаніи новаго Уложенія, государь 11 Марта 1724 г. издалъ именной указъ, которымъ повелѣвалъ всѣ новые указы печатать и присоединять одни къ регламентамъ, а другіе къ старому Уложению, причемъ было предписано, въ случаѣ несогласія указовъ съ Уложениемъ, рѣшать дѣла на основаніи первыхъ, а не на основаніи вторыхъ. Такимъ образомъ Петръ, вслѣдствіе полнѣйшей неудачи задуманной имъ систематизаціи законодательства, рѣшился до известной степени ослабить ее двумя названными мѣрами, а также путемъ изданія отдѣльныхъ регламентовъ по разнымъ частямъ управлѣнія, игравшихъ роль, по его же собственнымъ словамъ, вѣхъ или указокъ, куда относить тотъ или другой указъ. А между тѣмъ комиссія, ни мало не унывая и, очевидно, воображая, что порученное ей дѣло близится къ благополучному окончанію, поспѣшила, какъ и палата обѣ Уложеній, составить проектъ манифеста и даже предисловіе къ Уложению, являющіеся весьма любопытными литературными памятниками того времени¹⁾.

Дѣятельность третьей петровской комиссіи не прекратилась со смертію Петра. Такъ, уже три недѣли спустя послѣ восшествія на престолъ Екатерины I, Сенатъ издалъ указъ, предписывавшій увеличить составъ комиссіи назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ, въ которомъ нельзя не видѣть слабой попытки обращенія къ обществу. Въ виду того, что прежде назначенные члены, говорится въ указѣ, по разнымъ причинамъ выбыли изъ нея, въ данный моментъ она состоитъ только изъ двухъ лицъ. вслѣдствіе чего въ сочиненіи Уложения произошла остановка и „пропущеніе“ времени. „Того ради Прав. Сенатъ, разсуждая, дабы Уложение при довольно членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали: быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны“. Такимъ образомъ въ составъ комиссіи было назначено восемь человѣкъ, изъ которыхъ трое должны были быть избраны: одинъ Военной коллегіей, а два Главнымъ магистратомъ. Очевидно, правительство рѣшилось на некоторую по-

¹⁾ См. мое изслѣдованіе „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I.

пытку обращенія къ обществу, думая, что при его содѣйствіи вопросъ о новомъ Уложеніи будетъ разрѣшенъ гораздо скорѣе и успѣшнѣе. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться, и Екатеринѣ I также не пришлось дождаться окончанія трудовъ комиссіи. Въ 1727 г. со смертю императрицы прекратила свое существованіе и комиссія.

Съ воцареніемъ Петра II вопросъ о новомъ Уложеніи не былъ оставленъ, хотя правительство, видя безплодность работы третьей комиссіи, рѣшило измѣнить порядокъ, принятый за основаніе для составленія Уложения въ 1719 г. Справедливо полагая, что главная причина неудачъ комиссіи кроется въ самой задачѣ, надъ разрѣшеніемъ которой она должна была трудиться, а именно въ примѣненіи къ русской жизни иностранного законодательства, т. е. въ перенесеніи въ Россію такихъ правовыхъ началь, которыхъ явились продуктами совершенно иныхъ историческихъ условій и потому никакимъ образомъ не могли быть „примѣнены“ (не говоря уже о томъ, что въ случаѣ возможности подобного „примѣненія“ самый процессъ его былъ бы сопряженъ съ неисчислимыми трудностями, вслѣдствіе крайне низкаго уровня юридическаго образования въ то время), оно т. е. правительство, въ лицѣ Верховнаго тайного совѣта, повернуло на прежній путь, покинутый въ 1719 г., путь составленія свода русскихъ законовъ. Иначе говоря, фундаментъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто зданіе новаго Уложения, снова сталъ национальнымъ и историческимъ. 14 Мая 1728 года Верховный тайный совѣтъ далъ Сенату указъ, которымъ предписывалъ организовать новую комиссію, долженствованію заняться составленіемъ своднаго Уложения. „А для того сочиненія, говорится въ указѣ, выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кроме Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ изъ шляхетства“. Срокомъ для прѣѣзда депутатовъ было назначено 1 Сентября 1728 года. Такимъ образомъ правительство рѣшилось обратиться только къ одному сословію и созвать только однихъ дворянскихъ депутатовъ, считая, почему-то другія сословія не компетентными въ дѣлѣ составленія Уложения. Въ этомъ отношеніи царь Алексѣй Михайловичъ поступилъ гораздо правильнѣе, созывавъ всесословный земскій соборъ и давъ ему возможность принять участіе въ составленіи новаго законодательнаго сборника.

Сенатъ распорядился послать указы по губерніямъ съ цѣлью организаціи выборовъ и присылки депутатовъ въ Москву. Но дворяне не спѣшили съ выборами, а депутаты не спѣшили въ Москву: очевидно, и тѣ, и другіе смотрѣли на участіе въ законодательныхъ работахъ, какъ на новую тяжелую повинность, наложенную на нихъ правительствомъ и далеки были отъ мысли смотрѣть на него съ другой точки зрењія. 1-е Сентября—срокъ, положенный для прибытія депутатовъ въ Москву—наступилъ, а между тѣмъ ни одного депутата изъ дворянъ и офицеровъ не было. И только 4 числа въ Сенатъ было получено увѣдомленіе о прибытіи первого депутата. Однако, въ Сентябрѣ явились весьма немногіе, такъ что Сенатъ долженъ былъ не разъ подтверждать губернскими канцеляріями о немедленномъ исполненіи объявленнаго имъ высочайшаго повелѣнія. Изъ этого образовалась довольно странная переписка. Губернскія канцеляріи въ свое оправданіе нашли нужнымъ не разъ доносить Сенату въ подробностяхъ какъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, такъ и о разныхъ случаяхъ, препятствовавшихъ скорому исполненію указовъ Сената. Изъ этой переписки мы можемъ видѣть, до чего халатно относилось общество къ избранію своихъ представителей и какъ мало интересовалось возможностью принять участіе въ составленіи законовъ, непосредственно касавшихся его интересовъ. Мѣстными начальствамъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ репрессивнымъ мѣрамъ въ родѣ, напр., ареста женъ депутатовъ, захвата ихъ крѣпостныхъ, конфискаціи ихъ имущества и т. п., чтобы заставить дворянъ участвовать въ выборахъ, а депутатовъ вѣхать въ Москву, и всетаки въ результатѣ получилось избраніе совершенно неспособныхъ къ дѣлу лицъ. Вотъ почему правительство, оставшись крайне недовольнымъ присланными депутатами, издало 16 Мая 1729 г. новый указъ, которымъ отпустило депутатовъ обратно домой и назначило новые выборы. Но уже этотъ разъ правительство не рѣшилось довѣриться однимъ избирателямъ и предписало губернаторамъ контролировать выборы. На основаніи указа губернаторы, согласясь обще съ дворянами, должны были избрать новыхъ депутатовъ. Такимъ образомъ неудача предыдущихъ выборовъ, халатность общества по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе со стороны депутатовъ участвовать въ законодательныхъ работахъ и ихъ крайній индифферентизмъ къ государственнымъ дѣламъ имѣли въ результатѣ то, что правитель-

ство ограничило выборное начало до минимума и дало возможность губернаторамъ назначать депутатовъ, тѣмъ болѣе, что за неспособность послѣднихъ первые подлежали строгой ответственности.

Депутаты были выбраны, но явились въ Москву уже послѣ смерти Петра II, когда въ царствованіе его преемницы Анны Іоанновны все еще не решенный вопросъ объ Уложеніи снова былъ поднять, и правительство сноva было вынуждено обратиться за содѣйствиемъ для его разрѣшенія къ обществу. Вотъ что гласитъ именной указъ I Июня 1730 г., данный Сенату: „Вамъ (т. е. Сенату) извѣстно, какое попеченіе имѣть императоръ Петръ Великій еще съ 1714 г., чтобы исправить Уложение, но, отвлеченный другими дѣлами, онъ не имѣлъ возможности довести это исправленіе до благополучнаго окончанія. И хотя имп. Екатерина I и имп. Петръ II также старались разрѣшить этотъ вопросъ, однако же и попытка ничего не сдѣлано“. „А между тѣмъ мы ни въ чёмъ такъ не нуждаемся, какъ въ совершенномъ Уложеніи“, потому что, вслѣдствіе накопленія массы указовъ, сплошь да рядомъ совершиенно другъ другу противорѣчивыхъ, „бессовѣстные суды“, подбирая законы, рѣшаютъ дѣла крайне неправедно“. „Поэтому, стремясь къ тому, чтобы „во всей нашей имперіи быть судъ равный и справедливый, повѣлеваемъ начатое Уложение немедленно окончивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ ихъ изъ шляхетства, и духовныхъ, и купечества“. Очевидно, Анна Іоанновна рѣшилась значительно шире примѣнить выборное начало, чѣмъ предыдущіе государи, и созвать настоящій земскій соборъ, въ составъ котораго должны были войти представители тѣхъ трехъ сословій, которыхъ всегда являлись составными элементами древнерусскихъ представительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ, не дожидаясь прїѣзда депутатовъ, срокомъ для котораго было назначено 1-е Сентября 1730 г., правительство распорядилось приступить къ составленію нового Уложения и организовать для этого комиссию (счетомъ пятую), тѣмъ болѣе, что ей предстояла нелегкая задача, такъ какъ мысль Петра I о дополненіи законовъ изъ иностранныхъ источниковъ, какъ извѣстно, устранилась въ предыдущее царствованіе, при Аннѣ Іоанновнѣ сноva завоевала себѣ полное право гражданства. Въ то время, какъ въ первой, второй и четвертой комиссіяхъ все дѣло главнымъ образомъ состояло въ составленіи своднаго Уложения, исправленіе же и дополне-

неніе его являлись лишь, какъ слѣдствіе изъ этого, задачей пятой комиссіи, равно какъ и третьей, было сочиненіе новаго Уложенія, сводъ же существующихъ законовъ долженъ былъ служить къ тому только пособіемъ. Зная, сколько трудностей ожидаетъ комиссію на подобномъ пути, правительство рѣшило немедленно организовать ее и начать работу еще до прибытія депутатовъ. Полтора мѣсяца спустя (28 Іюля) составители Уложенія были призваны въ Сенатъ и спрошены, въ какомъ положеніи находится порученная имъ работа. Члены комиссіи заявили, что ими сведена первая глава (о богохульникахъ), которую они представили въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ее, предписалъ комиссіи придерживаться въ своей работѣ того порядка главъ и статей, который существовалъ въ старомъ Уложеніи, начиная съ первой главы и первой статьи.

Неизвѣстно, прибыли ли выборные къ означеному сроку, нужно думать, что нѣтъ. Даже 8 Декабря было въ Москве только пять депутатовъ, и то однихъ дворянскихъ. Поэтому неудивительно, что правительство, видя упорное нежеланіе общества принять участіе въ законодательной работѣ, отказалось отъ своей мысли привлечь послѣднее къ составленію Уложенія и рѣшило отпустить вышеназванныхъ депутатовъ обратно домой, а также распорядившись прекращеніемъ высылки еще не прибывшихъ, поручило однимъ чиновникамъ всю работу надъ Уложеніемъ.

До 1735 г. комиссія занималась составленіемъ проектовъ „вотчиной“ и „судной“ главъ Уложенія, нѣкоторыя „части“ которыхъ, какъ окончательно изготовленныя, были внесены въ Сенатъ и коллегіи и выслушаны ими. Но всетаки же до окончанія Уложенія было еще очень далеко, и работа надъ нимъ, не смотря на многія понужданія со стороны правительства, подвигалась весьма медленно и почти безусилія. Между тѣмъ крайнія затрудненія въ судахъ и управлениі, происходившіе болѣе отъ противорѣчія и неизвѣстности законовъ, чѣмъ отъ ихъ недостатка, представили необходимымъ, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, прежде всего и не ожидал новаго, привести въ порядокъ и извѣстность старое¹⁾. Въ виду этого, правительство снова рѣшилось пойти по прежнему пути и обратиться къ первоначальной задачѣ первой комиссіи: къ составленію своднаго Уложенія, тѣмъ болѣе, что подобный путь былъ значительно легче того, по которому комиссія

¹⁾ Сперанскій, Обзоръ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 19.

шла до сихъ поръ. Нужно, однако, замѣтить, что правительство не отказывалось отъ мысли составить новое Уложеніе, такъ какъ, предписавъ печатаніе своднаго Уложенія, оно тѣмъ не менѣе не распорядилось относительно прекращенія занятій надъ составленіемъ первого и не разъ впослѣдствіи торопило комиссію кончать сочиненіе новаго Уложенія. По всей вѣроятности сводное Уложение должно было имѣть силу закона до изданія новаго Уложенія. Думая что сводное Уложение уже болѣе или менѣе готово, такъ какъ надъ его составленіемъ работала не одна комиссія, правительство предписало „вправить“ его съ позднѣйшими указами и напечатать. Однако, исполнить это предписаніе не было никакой возможности по той простой причинѣ, что своднаго Уложения почти не существовало, нѣкоторыя же его главы, составленныя предыдущими комиссіями, оказались настолько измѣненными новыми указами, что требовали фундаментальной переработки. Правда, предыдущія комиссіи составили иѣсколько выписокъ изъ законовъ, но послѣднія не имѣли ни связи между собой, ни цѣлости закона и поэтому не могли служить основаніемъ для рѣшенія дѣлъ и постановки приговоровъ. Находясь въ такомъ положеніи, комиссія признала, что къ составленію дѣйствительнаго своднаго Уложения не было другого способа, какъ поручить самимъ коллегіямъ и судебнымъ мѣстамъ сперва собрать законы, регулирующіе предметы ихъ вѣдомства и, слѣдовательно, имѣющіеся у нихъ, и затѣмъ составить по каждой части управлѣнія отдѣльные своды, которые впослѣдствіи можно было бы соединить въ одинъ сводъ. Но этотъ планъ комиссіи о возложеніи всей работы по составленію Уложения на коллегіи и судебныя мѣста не встрѣтилъ сознанія въ правительствѣ. Единственно, что былодержано изъ него, это—воздложеніе на коллегіи и канцеляріи собранія указовъ и составленія съ нихъ копій, что, хотя и явилось для нихъ довольно трудной и кропотливой работой, но за то и вполнѣ возможной въ виду того, что каждая коллегія и канцелярія была въ извѣстномъ смыслѣ этого слова „хранищемъ“ законовъ, относящихся до ея компетенціи и регулировавшихъ предметы ея вѣдомства. Однако, вслѣдствіе того, что приказнымъ служителямъ всѣхъ коллегій и безъ того дѣла было не мало, персоналъ же ихъ, не смотря на возложеніе на нихъ новой обязанности, оставался однимъ и тѣмъ же, собирание указовъ подвигалось весьма медленно впередъ, не смотря даже на припятіе со стороны правительства раз-

ныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ названнымъ учрежденіямъ. Сама же комиссія, не обращая вниманія на медленную доставку указовъ и понукаемая правительствомъ, составляла сводное Уложеніе, не имѣя подъ руками болыпой части материала для подобнаго свода, т. е. указовъ, новоуказныхъ статей и другихъ законодательныхъ актовъ, безъ которыхъ, однако, подобный сводъ не имѣлъ никакого смысла.

Въ началѣ 1739 г. комиссія окончила составленіе „вотчиной“ главы и внесла ее на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Въ концѣ же 1740 г. комиссія составила и „судную“, но, вслѣдствіе смерти Анны Ioannovны, ни та, ни другая глава не получили законодательной санкціи.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Елизаветы Петровны комиссія, хотя и не была распущена, но совершенно прекратила свои занятія. Изъ дoшедшихъ до насъ документовъ видно, что подобное номинальное существованіе ея продолжалось до конца 1744 г.; тогда же прекращаются всякия извѣстія о ней. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что правительство Елизаветы Петровны менѣе интересовалось вопросомъ о новомъ Уложеніи, чѣмъ предыдущія правительства. Вопросъ былъ настолько жизненъ, настолько уже назрѣлъ, что разрѣшеніе его являлось крайнею необходимостью, обусловленной потребностью самой жизни. Вотъ, почему ни одно правительство не могло его игнорировать, но вынуждаемое обстоятельствами, употребляло всѣ зависящія отъ него средства, чтобы выйти изъ лабиринта безчисленнаго количества законодательныхъ актовъ и замѣнить ихъ однимъ сборникомъ, долженствовавшимъ регулировать юридическую жизнь всего государства. Правительство Елизаветы Петровны не составляло въ этомъ отношеніи исключенія, и менѣе чѣмъ черезъ три недѣли послѣ государственного переворота 25 Ноября 1741 г. былъ изданъ указъ (отъ 12 Декабря), предписавшій учрежденіе комиссіи изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для пересмотра указовъ и сдѣланія реестра тѣмъ изъ нихъ, которые должны быть „отставлены“. Результаты дѣятельности этой комиссіи были весьма печальны, что видно изъ рѣчи графа П. И. Шувалова, произнесенной имъ въ Сенатѣ въ Мартѣ 1754 г. „Для совершенного пресечения продолжительности судовъ, сказалъ Шуваловъ, обращаясь къ Елизавете Петровнѣ, присутствовавшей въ Сенатѣ, нѣть другого способа, кроме указанного уже Вашимъ Имп. Величествомъ, когда Вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а

которые съ настоящимъ временемъ не сходны, то повелѣли разобрать Сенату (очевидно, рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ указѣ 12 Дек. 1741 г.). Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся, но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанія Вашего Имп. Величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же точности, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія. Ваше Величество съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ, по, по несчастію нашему, мы не способились исполнить желаніе Вашего Величества: у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ безъ излишку и недостатковъ ясны и понятны были, и вѣрно поданные Вамъ не могутъ пользоваться этимъ благополучиемъ". Выслушавъ это мнѣніе, императрица изъявила свое желаніе, чтобы преимущественно предъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому положить немедленное начало. Вслѣдствіе этого, Сенатъ постановилъ учредить новую комиссию изъ восьми лицъ. Кромѣ того, для специальныхъ законодательныхъ работъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, онъ учредилъ особую комиссию въ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, кроме общей и губернскихъ комиссій, учрежденныхъ при каждой губернской капцеляріи, были организованы еще 35 частныхъ комиссій по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Впослѣдствії (въ 1760 г.) все частные комиссіи (въ томъ числѣ и губернскія) были подчинены общей комиссіи, получившей возможность контролировать ихъ дѣятельность.

Учредивъ комиссіи, Сенатъ предписалъ общей комиссіи составить программу своихъ будущихъ работъ въ формѣ плана новаго Уложенія и внести его на утвержденіе Сената. Съ этого плана должны были быть сняты копіи и разосланы во все частные комиссіи, чтобы послѣднія „по тѣмъ матеріямъ не имѣли нужды толковать и сочиняли о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не предписано". Комиссія начала свои засѣданія въ Августѣ 1754 г. Первымъ ея дѣломъ было составленіе плана и внесеніе его въ Сенатъ. Послѣдній утвердилъ его и предписалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе.

Планъ раздѣленъ на четыре части. Первая (въ 30 главъ) содержитъ въ себѣ постановлениа, касающіяся судоустройства и судопроизводства. Вторая (въ 21 главу) является ни чѣмъ другимъ, какъ закономъ о правахъ состоянія. Третья (въ 23 главы) заключаетъ въ себѣ постановлениа, относящіяся до имущественныхъ правъ. Четвертая (въ 65 главъ) является уголовнымъ кодексомъ. Такимъ образомъ изъ плана видно, что задачей общей комиссіи (въ отличіе отъ частныхъ, должностовавшихъ составить специальные законопроекты по отдельнымъ отраслямъ управлениа) было составленіе Уложенія по дѣламъ суднымъ, уголовнымъ, вотчиннымъ и о правахъ состоянія, иначе говоря, комиссія должна была составить гражданское и уголовное Уложение (какъ въ формальномъ, такъ и въ материальномъ отношеніи) и законъ о правахъ состоянія.

Къ Апрѣлю 1755 г. комиссія составила двѣ части Уложения: „судную“ и „криминальную“ (по плану I и IV ч.), которая были внесены въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, поднесъ на утвержденіе императрицы. Но Елизавета Петровна ихъ не утвердила. Сперанскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что государыня уже тогда имѣла мысль подвергнуть проектъ разсмотрѣнію депутатовъ, а также и тѣмъ, что въ уголовномъ Уложеніи была допущена смертная казнь, отмѣненная императрицей въ 1753 г. Но едва ли это объясненіе вѣрно. Во-первыхъ, созваніе депутатовъ въ 1761 г. совсѣмъ не произошло по инициативѣ императрицы или Сената, но по инициативѣ самой комиссіи, вошедшій по названному поводу съ донесеніемъ въ Сенатъ. Уже по одному этому у императрицы не могло быть въ 1755 г. никакой мысли относительно разсмотрѣнія проекта депутатами. Во-вторыхъ, смертная казнь никогда не отмѣнялась Елизаветой Петровной въ 1753 г., а только было пріостановлено приведеніе ея въ исполненіе. Правда, впослѣдствіи у императрицы было намѣреніе отмѣнить ее и она даже заявила объ этомъ комиссіи, но это имѣло мѣсто уже въ 1761 г. Слѣдовательно, еслиѣ подобное намѣреніе существовало у Елизаветы Петровны въ 1754—55 г., то она и тогда поступила бы такимъ образомъ, т. е. не велѣла бы вносить смертной казни въ Уложение, а такъ какъ ничего подобнаго не было, то мы не имѣмъ никакого основанія думать, что мотивомъ неутвержденія проекта со стороны императрицы было существовавшее у ней уже въ то время намѣреніе отмѣнить смертную казнь. Вѣрнѣе думать, что причины, въ силу которыхъ Елизавета Петровна отказала

лась санкционировать проектъ, кроются, такъ сказать, въ немъ самомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ неудовлетворительности его содержанія. На принятіе подобнаго мнѣнія наводить между прочимъ и фактъ возвращенія обратно въ комиссию обѣихъ частей проекта съ цѣлью новаго ихъ пересмотра.

Не смотря, однако, на подобную участъ, постигшую результаты трудовъ комиссій, она, видимо, не унывала и принадлась за составленіе двухъ другихъ частей Уложенія. Такъ продолжалось до 1761 г., когда комиссія рѣшилась на весьма важный шагъ. 1-го Марта этого года она вошла съ донесеніемъ въ Сенатъ, въ которомъ ходатайствовала о созывѣ депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества, по два дворянина отъ каждой провинціи и по два купца отъ каждой губерніи. Срокомъ для прибытія депутатовъ слѣдовало назначить, по мнѣнію комиссіи, 1 Окт. 1761 г. Такимъ образомъ комиссія высказалась за необходимость созванія всесословнаго земскаго собора и мотивировала свое рѣшеніе историческими прецедентами, ссылаясь, между прочимъ, на созваніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1648 г. извѣстнаго собора специально для разрѣшенія вопроса обѣ Уложеній. Рядомъ съ этимъ она указала и на рядъ попытокъ со стороны правительства созвать выборныхъ для той же цѣли въ продолженіи XVIII ст. Сенатъ согласился со мнѣніемъ комиссіи и издалъ указъ (29 Сентября), предписывавшій производство выборовъ среди дворянъ и купцовъ. Названный указъ крайне характеристиченъ: въ немъ Сенатъ старается доказать обществу, какъ необходимо для послѣдняго, чтобы его представители приняли участіе въ составленіи новаго Уложенія. Очевидно, правительство, помни пеудачные прецеденты подобныхъ обращеній къ обществу, желало, чтобы хоть этотъ разъ послѣднее оказалось на высотѣ своей задачи, и поняло, что въ его прямыхъ интересахъ принять непосредственное участіе въ законодательствѣ. Сравнивая этотъ указъ съ донесеніемъ комиссіи отъ 1 Марта, мы видимъ, что между ними существуетъ некоторая разница. Комиссія высказалась за высылку двухъ купцовъ отъ каждой губерніи, но правительство съ этимъ не согласилось и предписало выслать одного купца отъ каждой провинціи.

Въ Декабрѣ Сенатъ издалъ другой указъ (также по инициативѣ комиссіи, вспѣдей по этому поводу въ Сенатъ съ донесеніемъ), которымъ предписывалъ производство выборовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на основаніи указа отъ 29 Сент.,

выборы не должны были имѣть мѣста (напр., въ Эстляндіи, Лифляндіи, Малороссіи, Сибири и т. п.). Сенатъ подробно мотивировалъ такое распространеніе избирательного права, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на то, что въ интересахъ всего общества принять участіе въ составленіи Уложения. Изъ указа видно, что депутаты второй категоріи должны были съѣхаться двумя мѣсяцами позже депутатовъ первой, и что число купеческихъ депутатовъ было сравнено съ числомъ дворянскихъ, чего не было у депутатовъ первой категоріи. Чѣмъ объясняется эта странность, трудно рѣшить.

Между тѣмъ повсемѣстно въ Россіи начались выборы депутатовъ въ коммиссію. По мѣрѣ ихъ хода, губернскія и провинціальная канцеляріи, а также магистраты извѣщали послѣднюю „рапортами“, сообщая въ нихъ, кто избранъ, когда произошли выборы и когда депутатъ отправился въ Петербургъ. Многіе изъ рапортовъ крайне любопытны вслѣдствіе того, что сообщаютъ не мало деталей насательно самаго процесса выборовъ. Я не буду останавливаться на анализѣ ихъ содержанія, желающихъ же ознакомиться съ нимъ могу отослать къ моему изслѣдованію о законодательныхъ коммиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст.¹⁾ (рапорты найдены мною въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла и изложены въ названномъ моемъ изслѣдованіи). Скажу только, что въ 1761 г. общество отнеслось также индифферентно къ призыву правительства, какъ въ 1728 г. Во-первыхъ, изъ рапортовъ видно, къ какимъ разнымъ средствамъ прибѣгали избиратели и депутаты, чтобы избавиться отъ поѣздки въ Петербургъ; во-вторыхъ, громадное большинство депутатовъ не прибыло во время къ назначенному сроку, а значительно позже и, въ третьихъ, многіе изъ прибывшихъ настолько не удовлетворяли требованіямъ правительства, что были отпущены обратно домой. Но какъ бы то ни было, а на этотъ разъ депутаты приняли участіе въ работахъ коммиссіи, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить степени этого участія. Намъ только известно, что депутаты присутствовали въ коммиссіи до начала 1763 г., когда были распущены по домамъ. Сама же коммиссія продолжала существовать вплоть до 1767 г. Впрочемъ, въ послѣдніи три года дѣла коммиссіи пришли въ окончательное разстройство и она, можно сказать, почти ликвидировала ихъ. Дѣйствительно, 1766 г. былъ послѣднимъ годомъ,

¹⁾ Т. I, СПБ., 1887 г.

отъ котораго сохранились протоколы засѣданій коммиссіи. Въ слѣдующемъ 1767 г. коммиссія существовала болѣе но-минально, чѣмъ на дѣлѣ, хотя всетаки же существовала и распушена не была. Но въ виду того, что въ этомъ году начала свою дѣятельность новая коммиссія, организованная на гораздо болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ всѣ предыдущія, прежняя коммиссія окончательно прекратила свое существованіе.

Чтобъ довершить характеристику дѣятельности разсматриваемой коммиссіи, необходимо еще остановиться на результатахъ ея трудовъ. Коммиссія составила три части Уложенія: часть I — „О судѣ“, часть II — „О розыскныхъ дѣлахъ“, и часть III — „О состояніяхъ подданныхъ вообще“. Всѣ три части были не разъ пересмотрѣны, почему и дошли до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Часть первая, „О судѣ“ имѣется въ трехъ редакціяхъ и состоитъ изъ 51 главы. Содержаніе ея исключительно процессуальное, такъ какъ касается судоустройства и судопроизводства. Нѣкоторое исключеніе, впрочемъ, составляетъ первая глава. Она касается не столько судопроизводства, сколько государственного права, такъ какъ содержитъ въ себѣ перечисленіе и опредѣленіе государственныхъ учрежденій.

Часть II, „О розыскныхъ дѣлахъ и какіе за разныя злодѣйства и преступленія вазни, наказанія и штрафы положены“ является ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ кодексомъ и имѣется въ двухъ редакціяхъ. Первая окончена составленіемъ въ 1755 г., вторая въ 1766 г. Проф. Сергѣевскій вполнѣ основательно отрицаетъ возможность предположенія относительно составленія проекта второй редакціи Екатерининской законодательной коммиссіей 1767 г. По его мнѣнію предполагать во второй редакціи работу болѣе поздняго времени, именно работу законодательной коммиссіи 1767 г. безусловно нельзя въ виду того обстоятельства, что она не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія Наказа имп. Екатерины II. „Гуманныя идеи Наказа, говоритъ проф. Сергѣевскій, могли, конечно, остаться безъ вліянія, но систематика преступлений, а также многія его выраженія и фразы о существѣ преступлений, о существѣ и цѣли наказаній, о монаршемъ милосердіи и т. п. должны были бы отозваться въ текстѣ новаго проекта, если-бы этотъ послѣдній составился послѣ изданія Наказа“. Вторая часть въ обѣхъ редакціяхъ издана г. Востоковымъ и разобрана проф. Сергѣевскимъ¹⁾.

¹⁾ Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 гг., СПБ., 1882 г.

Часть третья, „О состояніяхъ подданныхъ вообще“ имѣется въ трехъ редакціяхъ. Изъ нихъ первая окончена составленіемъ въ 1762 г. Что же касается до двухъ остальныхъ, то время окончанія ихъ составленія не можетъ быть съ точностью опредѣлено, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ для этого. Во всякомъ случаѣ можно утверждать только одно, что обѣ послѣднія редакціи не являются результатомъ трудовъ Екатерининской комиссіи 1767 г., а составлены разсматриваемою комиссіею. Простое сопоставленіе этихъ редакцій съ проектами законовъ о правахъ разнаго рода жителей, составленныхъ частною комиссіею „о государственныхъ родахъ“ и изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, убѣждаетъ въ истинности нашего мнѣнія. Если же и встрѣчается не мало аналогичныхъ а иногда и тождественныхъ чертъ въ проектахъ обѣихъ комиссій и въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную комиссию 1767 г., то это, съ одной стороны, объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, въ трудахъ Елизаветинской комиссіи прияли участіе сословные депутаты, они же участвовали и въ Екатерининской комиссіи. Естественно, что ихъ влияние должно было сказаться на трудахъ обѣихъ комиссій, а такъ какъ въ продолженіи трехъ лѣтъ нужды, желанія, стремленія и политически-общественные идеалы сословій не могли измѣниться и остались тѣми же самыми, то вполнѣ понятно, почему въ трудахъ обѣихъ комиссій, а также и въ депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ не мало общаго и аналогичнаго. Съ другой стороны, указанное сходство можетъ быть также объяснено и тѣмъ, что депутатамъ Екатерининской комиссіи могли быть извѣстны проекты, составленныя Елизаветинской комиссіею, на что и намекаютъ некоторые данные¹⁾.

Третья часть состоить изъ 25 главъ и содѣржитъ въ себѣ постановленія, касающіяся государственного и гражданскаго права. Такъ, въ ней мы находимъ опредѣленіе юридического положенія отдельныхъ сословій и разрядовъ населенія, ихъ права и обязанностей, отношенія другъ къ другу и къ центральной власти и т. п., напр., проектъ говоритъ о дворянахъ, о купцахъ, о цехахъ, о крестьянахъ, объ иностранцахъ и инородцахъ, о раскольникахъ и т. п. Затѣмъ, въ немъ же мы находимъ постановленія касательно отноше-

¹⁾ Лаппо-Данилевскій, Собрание и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствование имп. Екатерины II, стр. 73.

ній родителей и дѣтей, касательно малолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, касательно института опеки, которому посвящено нѣсколько главъ и т. п. Часть третья издана мною¹⁾, при чёмъ подробный анализъ ея содержанія произведенъ въ моемъ изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ XVIII ст.

Изъ разсмотрѣнія проектовъ трехъ частей новаго Уложенія слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что они далеко не могутъ быть названы только сводами прежнихъ узаконеній, такъ какъ въ нихъ имѣется весьма много совершенно новыхъ постановлений, не встрѣчающихся въ прежнихъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до нихъ. По многимъ вопросамъ отдельныхъ отраслей права проекты предлагаютъ совершенно новые отвѣты, зачастую реформируя юридической бытъ народа и внося въ него новые начала на смѣну прежнимъ, такъ сказать, устарѣлымъ и ставшимъ, въ силу этого, уже негодными. Подобный, если можно такъ выразиться, реформаторскій характеръ Уложения объясняется на нашъ взглядъ вліяніемъ народныхъ представителей, принявшихъ участіе въ составлѣніи проектовъ. Многія постановленія Уложения, въ особенности касающіяся организаціи сословій, повторяются почти слово въ слово въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г., что служить однимъ изъ вскихъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія относительно причины реформаторскаго характера Уложения. Если бы Елизавета Петровна или ея преемники вызвали къ жизни рассматриваемые проекты, утвердивъ ихъ своей санкціей и давъ имъ силу закона, то этимъ самимъ они бы значительно удовлетворили желаніямъ сословій, которымъ пришлось бы тогда въ 1767 г. высказаться только по немногимъ вопросамъ. Стремленія и желанія сословій, выраженные въ ихъ наказахъ, прямо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что большинство или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ были уже достигнуты и удовлетворены въ рассматриваемыхъ проектахъ; это, впрочемъ, и не удивительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что проекты были почти такими же продуктомъ дѣятельности народныхъ представителей, какъ и самые наказы.

---

¹⁾ Проектъ новаго Уложения, составленный законодательной комиссіей 1754—1766 г.г. (часть третья). Текстъ подъ редакціей В. И. Латкина, СПБ., 1893 г.

Чаи. § 2. Кодифікація отъ Екатерины II до Николая I.

Непосредственно вслѣдъ за прекращенiemъ существованія Елизаветинской законодательной комиссіи начала свою дѣятельность получившая такую громкую извѣстность законодательная комиссія 1767 г., выдѣляющаяся изъ всего ряда законодательныхъ комиссій какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему составу. 14 Декабря 1766 г. имп. Екатерина II, издала манифестъ, которымъ созывала народныхъ представителей въ комиссію для составленія нового Уложенія, существовавшую собраться въ Москвѣ въ 1767 году. Въ манифестѣ излагались поводы, въ которыхъ императрица рѣшилась на подобное предпріятие. Среди нихъ на первомъ планѣ было „великое помѣшательство въ правосудії“, происходившее, по мнѣнію императрицы, отчасти вслѣдствіе „недостатка на многіе случаи узаконеній“, отчасти вслѣдствіе „великаго числа оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ“. Другими поводами были: „несовершенное различие между непремѣнными и временными законами“, существовавшее въ области законодательства, „а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежняя гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался“. Кромѣ того, „страстные толки часто затмѣвали разумъ многихъ законовъ; наконецъ, „умножила еще затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними. Чтобы уничтожить подобный порядокъ вещей, тѣмъ болѣе, что по словамъ Екатерины II, ея первымъ желаніемъ всегда было видѣть свой народъ „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться“, и чтобы узнать нужды и недостатки народа, императрица рѣшила учредить законодательную комиссию съ цѣлью составленія нового Уложения и созвать для этого депутатовъ какъ отъ сословій, такъ и отъ государственныхъ учрежденій.

Одновременно съ манифестомъ были изданы особыя приложения къ нему, такъ называемыя, положенія касательно выборовъ или обрядъ выборовъ. На основаніи его, въ комиссию созывались депутаты отъ слѣдующихъ сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ крестьянъ, причемъ дворяне посыпали депутата отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, крестьяне отъ каждой провинціи. Выборы

среди дворянъ и горожанъ должны были быть одностепенные, а среди крестьянъ трехстепенные (каждый погостъ избиралъ особаго повѣреннаго, изъ среды которыхъ избирался уѣздный повѣренный, которые въ свою очередь избирали изъ своей среды депутата отъ провинції). Такимъ образомъ въ обрядѣ прежде всего бросается въ глаза одна странность,—это исключение изъ присылки депутатовъ цѣлаго сословія, занимавшаго, однако, далеко не послѣднее мѣсто въ государствѣ и сравнительно еще такъ недавно обладавшаго громаднымъ вліяніемъ въ области государственного управлениія. Я говорю о духовенствѣ, совершенно отсутствовавшемъ въ комиссіи, такъ какъ депутаты его не были приглашены правительствомъ. Подобный странный фактъ исключения цѣлаго сословія изъ участія въ законодательныхъ работахъ объясняется поклоненіемъ Екатерины II энциклопедистамъ и въ особенности Вольтеру и вполнѣ согласуется съ направленіемъ философской мысли XVIII ст., адепткой которой считала себя Екатерина II. Но, хотя духовенство и было исключено изъ состава комиссіи, однако, несмотря на это, оно постаралось косвенно, окольными путями проникнуть въ нее, главнымъ образомъ, путемъ вліянія на избраніе депутатовъ и на составленіе наказовъ.

Другая странность, бросающаяся въ глаза при обзорѣ обряда выборовъ, заключается въ томъ, что въ отношеніи присылки депутатовъ всѣ города были уравнены между собою. Такимъ образомъ такие большие города, какъ Петербургъ и Москва, посыпали по одному депутату паравнѣ съ какимъ нибудь Волоколамскомъ или Новоржевомъ. Мало того, разъ была признана система сословности выборовъ, то она должна была быть проведена послѣдовательно, что, однако, не видно изъ обряда выборовъ. Такъ, во многихъ городахъ городскіе жители изъ торГОВО-промышленнаго класса раздѣлялись на различные категоріи съ особыми правами и обязанностями, кромѣ того, въ составъ городскаго населенія *de facto* входили дворянѣ, духовныя лица, приказные служители и крестьяне, между тѣмъ обрядъ совершиенно игнорируетъ эти общественные классы, говоря о городскомъ населеніи, какъ о чёмъ то сплоченному и цѣльному¹⁾). Такъ, по ст. 5 обряда избирательнымъ правомъ въ городѣ пользуется всякий „хозяинъ“,

¹⁾ Вотъ почему некоторые города, вмѣсто того, чтобы составить одинъ наказъ, какъ этого требовалъ обрядъ, составили нѣсколько, причемъ сплошь да рядомъ совершенно противорѣчившихъ другъ другу.

дѣйствительно домъ или домъ и торгъ или домъ и ремѣсло или домъ и промыселъ въ томъ городѣ имѣющій". Этюю статьею сословное начало относительно городскихъ выборовъ было замѣнено всесословнымъ: владѣніемъ недвижимою собственностью, домомъ, т. е. имущественнымъ цензомъ¹⁾. Подобное отступленіе отъ сословного начала дало во многихъ городахъ (напр., въ столицахъ) весьма важные отрицательные результаты, сведя представительство интересовъ городского промышленного населенія почти къ нулю. Такъ, депутатомъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ графъ Алексѣй Орловъ, депутатомъ Москвы — генераль-аншефъ князь Голицынъ. Очевидно, что эти люди не могли быть представителями интересовъ купцовъ и мѣщанъ, составлявшихъ, согласно съ дѣйствующимъ въ то время законодательствомъ, городское населеніе. Съ другой стороны, участіе знати въ составленіи столичныхъ наказовъ должно было самымъ печальнымъ образомъ отразиться на содержаніи послѣднихъ. И дѣйствительно, оба наказа отличаются, съ одной стороны, крайней безцвѣтностью, а съ другой, воззрѣніями и просьбами, прямо противорѣчащими интересамъ городского торгово-промышленного класса²⁾.

1) Во многихъ городахъ фактъ отсутствія при избраніи депутатовъ дворянъ, приказныхъ служителей и другихъ городскихъ обывателей, не принадлежащихъ къ торгово-промышленному классу, служилъ даже поводомъ къ кассаціи выборовъ со стороны Сената въ случаяхъ, когда подобные факты доходили до его свѣдѣнія. Такъ, указомъ Сената 21 Мая 1767 г. выборы въ городѣ Веневѣ, (Тульской провинціи) были признаны недѣйствительными на томъ основаніи, что въ указанномъ городѣ, „кромѣ купечества живутъ домами дворяне, а подъ даннмъ депутату полномочіемъ и наказомъ никто изъ нихъ не подпидался и при выборѣ депутата не были“, такъ какъ по обряду выборовъ „попельно выбирать депутата отъ жителей каждого города, а помянутый Степановъ (Веневскій депутатъ) выбранъ отъ одного только купечества посредственно съ силою помянутаго положенія“ (Липицкій, Юридическая Библіографія, издаваемая Демидовскими Юридическими Лицесмъ, 1889 г., № 11).

2) Вопросъ о сословности или всесословности городскихъ выборовъ 1767 года спорный. Такъ, проф. Сергеевичъ думаетъ, что выборы были сословные за исключеніемъ обѣихъ столицъ, где въ избраніи депутатовъ приняли участіе всѣ сословія, что, по мнѣнію названнаго ученаго, явилось отступленіемъ отъ предписаній обряда. „Всесословность выборовъ, говоритъ В. И. Сергеевичъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній, не оправдывалась и съ формальной точки зренія права. По обряду выборовъ депутаты должны были быть высланы городомъ. Въ понятіе же города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра Великаго, которое дѣйствовало и въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило“ (Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1). Напротивъ, проф. Дитятинъ отрицаетъ сословность городскихъ выборовъ, полагая, что основаніемъ избранія депутатовъ

Если мы обратимся къ производству выборовъ среди крестьянъ, то и здѣсь увидимъ несовершенство обряда. Такъ, онъ предписывалъ каждой провинціи прислать по одному депутату отъ однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ, ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, сельскіе жители времень Екатерины II далеко не раздѣлялись только на эти разряды, дѣленія ихъ было болѣе дробное. Такъ, существовали еще посессионные крестьяне, половники, экономические крестьяне и др., которые, будучи игнорируемы обрядомъ, тѣмъ самымъ были лишены представительства своихъ интересовъ въ комиссіи¹⁾.

въ городахъ и уѣздахъ служили различныя начала: „въ уѣздахъ выборы происходили на почвѣ сословности“, города же посыпали депутатовъ, „какъ представителей цѣлаго города въ смыслѣ территоріальной единицы“ (Юридический Вѣстникъ, 1879 г., № 3). Эта мысль въ особенности развивается М. А. Липинскимъ, причемъ аргументируется имъ анализомъ содержания цѣлаго ряда архивныхъ данныхъ, найденныхъ названнымъ ученымъ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1887 г., № 6, а также Юридическая Бібліографія, изд. Демид. Юрид. Лицеемъ 1889 г., № 2). Мы сами прежде стояли на точки зреїнія проф. Сергѣевича и отрицали всесословность городскихъ выборовъ (см. наши Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст., томъ I, а также Лекціи по виѣшней исторіи русского права, СПБ. 1890 г.), но документы, обнародованные М. А. Липинскимъ (въ особенности въ Юрид. Бібл., изд. Демид. Юрид. Лицеемъ), заставили насть отказаться отъ этой точки зреїнія и признать вѣрность взглідовъ какъ названаго ученаго, такъ и проф. Дитятича. Однако, признавая всесословность выборовъ, узаконенную обрядомъ, мы въ то же время должны констатировать и тотъ фактъ, что на практикѣ въ огромной массѣ городовъ выборы происходили при участіи однихъ только членовъ торгово-промышленного класса, чѣмъ въ свою очередь объясняется фактъ испепрѣя городскихъ наказовъ подписаніями однихъ купцовъ и мѣщанъ, причемъ только нѣкоторые изъ нихъ подписаны дворянами (преимущественно городскіе наказы южной Россіи), духовными лицами и приказными служителями.

1) Какъ видно изъ замѣчаній неизвѣстнаго автора на первоначальный проектъ обряда выборовъ, была даже мысль вовсе устранить крестьянъ отъ представительства въ комиссіи. „Ежели, читаемъ въ замѣчаніяхъ, съ государственными крестьянами, которыхъ числомъ показано во всѣхъ губерніяхъ 584.000 душъ, взять депутатовъ, то не сдѣластъ ли сіе зависти другимъ крестьянамъ, ико бы экономическимъ, которыхъ около миллиона душъ и которые не меньше считаютъ себя теперь быть государственными. А когда и имъ назначены будутъ депутаты, то и помѣщики того же захотятъ. И такъ въ высочайшей волѣ кроется нѣкоторое только крестьянство почесть исключительнымъ числомъ государственнымъ или все, или вовсе исключить крестьянство (Липинскій, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1887 г., № 6). Нужно, однако, замѣтить, что на практикѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представительство было распространено и на тѣ разряды крестьянъ, которые по обряду не имѣли на него права (Липинскій, назв. ст.).

Кромъ сословныхъ депутатовъ, какъ было уже сказано, императрица пригласила въ комиссию еще депутатовъ отъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ Сенатъ, Синодъ, коллегіи и канцеляріи должны были прислать по одному депутату. Чѣмъ было обмотивировано подобное рѣшеніе неизвѣстно, но нужно думать, что по всей вѣроятности, тѣмъ, чтобы комиссія имѣла возможность выслушать людей, компетентныхъ въ дѣлѣ примѣненія законовъ.

Всѣхъ учрежденій, пославшихъ депутатовъ и снабдившихъ ихъ наказами было 28. Всѣхъ же депутатовъ, явившихся въ комиссию, было 564. Изъ нихъ правительственныйхъ депутатовъ было 28, дворянскихъ — 161, городскихъ — 208, казацкихъ — 54, крестьянскихъ — 79, и иновѣрческихъ — 34. Изъ этого перечисленія видно, что наибольшій процентъ общаго числа депутатовъ составляли городскіе депутаты, именно 39%, за ними следовали дворянскіе — 30% и, наконецъ, депутаты землемѣльческаго населенія — 14%. Произошло это, во-первыхъ, потому, что число городовъ при Екатеринѣ II доходило до 250, изъ которыхъ каждый посыпалъ по одному депутату, а нѣкоторые даже больше (напр., Астрахань, Тула и др.). Во-вторыхъ, получили право представительства только одни свободные крестьяне, вслѣдствіе чего вся масса закрѣпощенного крестьянства не была представлена. Въ-третьихъ, избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне посыпали депутатовъ отъ каждого уѣзда, горожане отъ каждого города, сельское же населеніе отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Ужъ въ силу одного этого, представителей сельскаго населенія должно было быть меньше¹⁾. Наконецъ, въ-четвертыхъ, по смыслу обряда выборовъ, сельское населеніе даже не было обязано присыпать депутатовъ. Ему только было предоставлено право, которымъ оно могло и не пользоваться. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что число городскихъ депутатовъ значительно превышало число дво-

¹⁾ Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію г. Липинскаго, сельское населеніе болѣе другихъ избирателей нуждалось въ мѣстномъ представительствѣ. По своимъ занятіямъ, образу жизни, по своимъ пользамъ и нуждамъ извѣстный разрядъ сельскихъ избирателей долженъ былъ представлять массу различий въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, поэтому польза дѣла требовала, чтобы депутатъ отъ крестьянъ былъ по возможности ближе къ интересамъ мѣстности, которую онъ представлялъ.

рянскихъ и земледѣльческихъ, и что въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какъ Россія, число крестьянскихъ депутатовъ было столь незначительно. Такимъ образомъ представительство распредѣлялось въ высшей степени неравномѣрно, какъ, во-первыхъ, между отдельными сословными группами избирателей, такъ и, во-вторыхъ, въ средѣ каждой группы, въ виду того, что всѣ избирательные округа безъ всякой соразмѣрности съ числомъ ихъ населенія посылали по одному депутату¹⁾.

Что касается до числа наказовъ, представленныхъ депутатами, то оно значительно превышаетъ число самихъ депутатовъ. Это объясняется тѣмъ, что многие депутаты (въ особенности крестьянские) привезли съ собой по нѣсколько пакетовъ. Такъ, дворянскихъ наказовъ имѣется 165 (всѣ они изданы Русск. Истор. Общ.), депутатовъ же было 161, городскихъ наказовъ имѣется 210, депутатовъ же было 208, цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066 въ то время, какъ депутатовъ (крестьянскихъ, казацкихъ и иновѣрческихъ) было только 167. Достаточно сказать, что депутатъ крестьянъ Архангельской провинціи Чупровъ привезъ съ собой 195 наказовъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ Архангельской губерніи, которые послали также по одному депутату, было составлено еще 241 наказъ. Объясняется подобное огромное количество крестьянскихъ наказовъ тѣмъ, что депутаты привезли съ собой не только одни провинциальные наказы, должностнованіе бытъ сводами погостныхъ, но и захватили послѣдніе. Сплошь да рядомъ мы вовсе даже и не встрѣчаемъ вышеизвѣнныхъ сводовъ, которые просто замѣняются погостными наказами, прикрепленными одинъ къ другому. Неудивительно послѣ этого, что число крестьянскихъ наказовъ въ десять разъ болѣе числа крестьянскихъ депутатовъ и что въ сравненіи съ ними число дворянскихъ и городскихъ наказовъ крайне ничтожно.

Депутатскіе наказы являются весьма важными документами въ области русской исторіи, такъ какъ, содержа въ себѣ изложеніе нуждъ, желаній и стремленій, а также общественныхъ и политическихъ идеаловъ сословій, они даютъ намъ возможность составить полную картину внутренняго состоянія Россіи въ серединѣ XVIII ст. Анализъ содержанія

¹⁾ Дитятинъ, Юридический Вѣстникъ 1879 г., № 8.

дворянскихъ и городскихъ наказовъ произведенъ мною въ моемъ изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи.

Депутаты, какъ было предписано манифестомъ 14 Декабря 1766 г., должны были прибыть въ Москву чрезъ полгода со дня обнародованія его въ каждомъ мѣстѣ и явиться въ Сенатъ. Здѣсь они, по мѣрѣ того, какъ пріѣзжали, представляли свои полномочія и, кромѣ того, имена ихъ вносились въ особые списки по губерніямъ. Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ, тогда былъ изданъ на имя Сената указъ, предписавшій открыть засѣданіе комиссіи 30-го Іюля. Дѣйствительно, этого числа засѣданія комиссіи въ присутствіи самой императрицы были открыты генераль-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, произнесшимъ соотвѣтствующую слушаю рѣчь, во время которой императрица вручила ему три весьма важныхъ документа, а именно: Наказъ, Обрядъ управленія комиссіею и Генераль-прокурорскій наказъ.

Авторомъ Наказа была сама Екатерина. Вотъ что писала она между прочимъ въ своемъ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія: „я начала читать, а потомъ писать Наказъ комиссіи Уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждого особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „*sont des axiomes à renverser des murailles*“. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ.... Въ Москвѣ, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины того, что написано было мною, помарали, и остался Наказъ, яко оный напечатанъ“. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о многихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными ли-

цами на трудъ императрицы. Такъ, до насъ дошли любопытныя замѣчанія поэта Сумарокова и отвѣты на нихъ Екатерины. Сумароковъ былъ большой противникъ идей, положенныхъ въ основу Наказа, и высказался въ крайне консервативномъ направленіи. Наконецъ, до насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, касающейся крѣпостныхъ крестьянъ, благодаря которому можно судить о различіи, существующемъ между первоначальною редакціею и печатнымъ изданіемъ Наказа. Въ первоначальномъ проектѣ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, въ печатной же редакціи они почти совершенно исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ Екатерину и враждебно относившихъ ко многимъ ея предначертаніямъ.

Наказъ собственно не есть оригиналное произведение; большая часть его содержанія заимствована изъ сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ“, сочиненія Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ и сочиненій Гельвеція „О разумѣ“ и „О человѣкѣ“. Такъ, изъ 526 статей Наказа около 100 (отъ 147 до 245) заимствованы изъ сочиненія Беккаріи и болѣе 250 — изъ Монтескье. Заимствованія сдѣланы или въ видѣ буквального перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не державшейся расположенія предметовъ подлинника, но съ сохраненіемъ языка, каковы заимствованія изъ Монтескье¹⁾. Сочиненіе послѣдняго, по словамъ самой Екатерины, являлось для нея молитвенникомъ или настольною книгой государей, вотъ, почему множество идей высказанныхъ въ Наказѣ, прямо заимствовано оттуда. Впрочемъ, Екатерина этого и не скрывала. Такъ, она сама говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Даламберу: „Вы увидите изъ Наказа, какъ тамъ на пользу моей имперіи я оббрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионовъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы неставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчики судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онъ служатъ для благосостоянія человѣчества“.

1) Кистяковскій, Кіевск. Унив. Изв. 1894 г., № 9.

Точно также въ письмѣ къ Фридриху II, Екатерина писала: „Ваше Величество не найдеть тамъ ничего новаго, ничего неизвѣстнаго для себя; Вы увидите, что я поступила, какъ ворона басни, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиньихъ перьевъ. Во всей части—моего труда только распределеніе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ „Духа законовъ“ президента Монтескье и изъ сочиненія „О преступленияхъ и наказаніяхъ“ маркиза Беккарія.“ Однако, не смотря на подобный отзывъ самой императрицы о своемъ труде, утверждать, будто Наказъ есть ничто иное, какъ перифразъ „Духа законовъ“, значитъ, какъ еще замѣтилъ г. Щебальскій¹⁾, признаваться въ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ обоими этими произведеніями. Дѣйствительно, многія мысли Монтескье значительно модифицируются императрицей отчасти сознательно, отчасти безсознательно. Такъ, примѣромъ сознательной модификаціи можетъ служить разрѣшеніе вопроса о формѣ правленія. Какъ извѣстно, Монтескье относился отрицательно къ абсолютизму и считалъ его въ нѣкоторыхъ случающихъ необходимымъ только за невозможностью иной формы правленія. Напротивъ, Наказъ въ этомъ пункте совершенно расходится съ французскимъ философомъ, такъ какъ считаетъ абсолютную форму правленія лучшей изъ всѣхъ другихъ формъ. Затѣмъ, говоря о паденіи государствъ, императрица высказываетъ слѣдующую мысль: „государи должны довольствоватьсь главнымъ надзираниемъ, однимъ только имъ приличнымъ“, а не стремиться „всѣмъ безпосредственно управлять и привлекать къ себѣ всѣ дѣла, долженствующія управляться установлениемъ разныхъ правительствъ“. Такимъ образомъ въ этомъ мѣстѣ Наказа (займствованномъ изъ Монтескье) высказана, однако, мысль, которую впослѣдствії такъ поддерживалъ и развилъ извѣстный Бенжаменъ Констанъ, сдѣлавшій поправку къ теоріи раздѣленія властей Монтескье. Какъ извѣстно, по теоріи Констана, всѣхъ властей въ государствѣ не три, но четыре, причемъ послѣдняя, т. е. королевская власть, стоя, такъ сказать, выше законодательной, исполнительной и судебной власти, должна надзирать за ними и умѣрять ихъ, не вмѣшиваясь въ детали управлениія.

¹⁾ Заря 1869 г., № 3.

То же, хотя, конечно, въ крайне общихъ выраженияхъ, говорить и Наказъ. По его словамъ, единственное назначение государя состоитъ не въ непосредственномъ управлении государствомъ, а въ главномъ надзорѣ за дѣйствіями посредствующихъ властей (правительствъ), въ рукахъ которыхъ и должно находиться управление. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ императрица не пошла слѣдомъ за Монтескье, хотя и заимствовала названное мѣсто у него, но придала ему иное значеніе и иной смыслъ, чѣмъ оно имѣло въ сочиненіи французского мыслителя, главная ошибка которого и заключалась въ раздѣленіи единой по своей природѣ верховной власти на три, впослѣдствіи самостоятельный и почти не связанный другъ съ другомъ, власти.

До сихъ поръ мы говорили о сознательной модификації идей Монтескье. Приведемъ теперь примѣръ безсознательной модификації. Говоря о свободѣ, Наказъ пытается дать ей опредѣленіе, причемъ оказывается, что даетъ ей два опредѣленія, совершенно несходныя между собой и совершенно не-примиренные другъ съ другомъ. На основаніи одного опредѣленія свобода есть *право* дѣлать все то, что дозволено законами (ст. 38), на основаніи другого—свобода есть *спокойствие духа*, присущее каждому гражданину вслѣдствіе сознанія имъ своей безопасности, гарантированной ему закономъ (ст. 39). Объясняется это тѣмъ, что императрица, заимствуя названное мѣсто у Монтескье, невѣрно передала его. Монтескье знаетъ два вида свободы: личную и политическую. Первую онъ опредѣляетъ, какъ спокойствие духа каждого гражданина, происходящее вслѣдствіе сознанія своей безопасности, вторую, какъ право совершать все то, что не запрещено законами. Императрица же, смѣшивъ оба вида свободы въ одинъ видъ политической (государственной) свободы и игнорируя другой видъ личной свободы, заимствовала, однако, оба опредѣленія, примѣнивъ ихъ къ попыткѣ одной политической свободы. Отсюда—двойное опредѣленіе этой послѣдней, имѣющее мѣсто въ Наказѣ.¹⁾.

Цѣль Наказа быть инструкціей при составленіи новаго Уложения; хотя и сама императрица, и депутаты смотрѣли на него такъ же, какъ и на источникъ Уложения. Однако, не смотря на это, Наказъ не былъ закономъ. „Я запретила на

¹⁾ См. мои Лекціи по виѣшней исторіи русскаго права, 2-ое изд. 1890 г., стр. 272, 274 и 277.

онъ иначе взирать, пишетъ Екатерина, какъ единственно онъ есть, то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣнія, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено".

Наказъ начинается молитвой „Господи Боже мой, воими и вразуми мя, да сотвори судъ людамъ Твоимъ по закону святому Твоему, судите вправду“. Онъ вмѣстѣ съ двумя дополненіями, изданными впослѣдствіи, уже во время заѣданія комиссіи, состоитъ изъ вступленія, заключенія, названаго окончаніемъ, и 655 статей (526 статей Наказа и 129 статей двухъ дополненій къ нему), размѣщенныхъ въ 22 главахъ. Рассматривая содержаніе Наказа, нельзя не замѣтить, что оно въ сущности распадается на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ содержатся статьи, касающіяся государственного права, во второмъ гражданскаго, въ третьемъ уголовнаго и въ четвертомъ судебнаго производства. Кромѣ того, можетъ еще выдѣлить пятый отдѣлъ, въ который войдутъ тѣ статьи, содержаніе которыхъ касается предметовъ, не вошедшихъ ни въ одинъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ, напр., статьи о воспитаніи.

Большая часть Наказа писана императрицей на французскомъ языке и только незначительная часть — на русскомъ, какъ это видно изъ подлинной рукописи названаго памятника, хранящейся въ особомъ ковчегѣ въ малой конференц-залѣ Академіи Наукъ.¹⁾

Вскорѣ по своему выходѣ, Наказъ былъ переведенъ на языки: латинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій, польскій и греческій. На нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (напр., на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ)

1) Подлинная рукопись Наказа состоять изъ 123 листовъ и переведена въ красный сафьяновый переплетъ съ золотымъ тисненіемъ; на корешкѣ означено: „рукописный подлинникъ Наказа“. Она была передана въ Академію Наукъ 8 Мая 1770 года, причемъ въ 1777 году стараніями директора и вице-призидента Академіи Домашнева былъ устроенъ для храненія рукописи особый бронзовыій, вызолоченный червоннымъ золотомъ, ковчѣтъ, на верху котораго находится небольшое изображеніе Екатерины II въ кѣнѣ, держащей въ правой руцѣ рогъ изобилия, а лѣвой рукой опирающейся на постаментъ съ законами и вѣсами правосудія. Въ сороковыхъ годахъ рукопись хранилась въ вызолоченномъ шкафѣ въ бывшей при Академіи „кунсткамерѣ“, въ отдѣленіи, называвшемся „Кабинетомъ“ Петра Великаго“, затѣмъ, въ первомъ отдѣленіи академической библиотеки, а съ 1890 года — въ малой конференц-залѣ („Правит. Вѣст.“ 6 Авг. 1893 г.).

онъ выдержалъ нѣсколько изданій.¹⁾ Такимъ образомъ сдѣлавшись доступнымъ народамъ западной Европы, онъ всюду произвелъ сильную сенсацію и доставилъ большую популярность императрицѣ.²⁾

Второй памятникъ, изданный императрицей для комиссіи и врученный ею генераль-прокурору, былъ Обрядъ управления комиссіей. Подъ нимъ слѣдуетъ понимать совокупность правилъ, опредѣляющихъ внѣшній распорядокъ и дѣлопроизводство въ комиссіи, т. е., иначе говоря, уставъ комиссіи. На основаніи его засѣданія послѣдней распадались на засѣданія большой и на засѣданія частныхъ комиссій. Изъ этихъ послѣднихъ три: дирекціонная, экспедиціонная и комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ устанавливались въ самомъ обрядѣ. Обязанность дирекціонной комиссіи заключалась въ надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ частныхъ комиссій, въ силу чего, послѣднія должны были представлять ей результаты своихъ трудовъ съ цѣлью разрѣшенія вопроса о томъ, согласны ли они съ правилами Наказа, быть ли несходства между ихъ частями и всѣ ли части приведены къ одному „заключенію“ т. е., „къ сохраненію целості имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколибивые законы, изъ чего послѣдуетъ любовь,ѣрность и послушаніе къ государю“. Кромѣ того, на дирекціонную комиссію была возложена обязанность открывать, по мѣрѣ надобности, новыя частные комиссіи для разработки отдельныхъ проектовъ по разнымъ отраслямъ права. Функции экспедиціонной комиссіи заключались въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы труды комиссіи излагались „по правиламъ языка и слога“, т. е., въ разсмотрѣніи проектовъ съ чисто редакціонной стороны. Комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ должна была разбирать эти послѣдніе и составлять особые своды и выписки изъ наказовъ. Предметы занятій прочихъ комиссій были распределены позднѣе, и число ихъ, со включеніемъ трехъ названныхъ, простидалось до 19-ти.

Здѣсь прежде всего является вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли частные комиссіи къ большой; вопросъ весьма

¹⁾ Послѣднее изданіе (на русскомъ и французскомъ языкахъ), сдѣланное съ изданіемъ 1770 г., принадлежитъ г. Паштѣеву (СПБ. 1898 г.).

²⁾ Содержаніе Наказа мы разсмотримъ при обзорѣ внутренней исторіи права императорскаго периода. Систематическое изложеніе содержанія этого памятника произведено мною въ моихъ Лекціяхъ по вѣтнай исторіи русского права (СПБ. 1890 г.).

важный, такъ какъ отъ такого или иного разрѣшенія его зависѣли успѣхъ или неуспѣхъ всего предпріятія по составленію новаго Уложенія. По Обряду управлениія коммиссіей большая коммиссія не составляла проектовъ законовъ, такъ какъ это было дѣломъ частныхъ коммиссій, каждой по ея специальности. Большая только разсматривала проекты, вносившіеся въ нее изъ частныхъ, и поправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоить въ слѣдующемъ:
1? частныя коммиссіи, вырабатывая проекты отдѣльныхъ законо- положеній, действовали по указаніямъ большой или независимо отъ этихъ указаній? Профессоръ Сергеевичъ¹⁾ вполнѣ основательно замѣтилъ, что Обрядъ управлениія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и "да", и "нѣть". Дѣло въ томъ, что частныя коммиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ должны были руководиться Наказомъ императрицы, депутатскими наказами и действующими законами. Но Наказъ, далеко не заключалъ въ себѣ отдельныхъ правилъ по всемъ вопросамъ права. Въ виду этого, Обрядъ управлениія предписываетъ большой коммиссіи подавать свое мнѣніе, "которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдоватъ", и этому мнѣнію диктіонная коммиссія и все частныя должны были слѣдоватъ. Въ данномъ случаѣ большая коммиссія даетъ направлениѣ работамъ частныхъ, которому онъ обязаны подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ Обрядъ управлениія съ мнѣніями большой коммиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и действующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ коммиссіямъ не въ видѣ инструкцій, а только для соображеній. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ коммиссій. Конечно, частная коммиссія, въ виду того, что составленный ею проектъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ по правилу мнѣнія большой коммиссіи не связываютъ частныхъ, эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая коммиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой коммиссіи съ частными воведенa здѣсь въ общее правило. Трудно объяснить, что заставило императрицу прийти къ такимъ, совершенно разнымъ, выво-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1 (Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи). См. также его Лекціи и изложованія, стр. 796.

дамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, справедливо замѣчаетъ профессоръ Сергеевичъ, что нельзя было придумать правила, болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности комиссій, какъ это послѣднее. Если даже „согласныя“ (единогласныя) мнѣнія большой комиссіи не обязательны для пяти членовъ частной (въ составѣ каждой частной комиссіи входило пять депутатовъ, назначавшихся дирекціонной комиссіей), то зачѣмъ же ей терять трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ? Объясненіе подобной непослѣдовательности, по мнѣнію профессора Сергеевича, надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицы, и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства.

Общее управлениe всею комиссіею и предсѣдательство на ея засѣданіяхъ возлагались по Обряду на особое лицо, носившее название маршала. Онъ избирался собраниемъ и утверждался императрицею. Ему во многихъ отношеніяхъ долженъ быть помогать генераль-прокуроръ, имѣвшій большое вліяніе на дѣла комиссіи. Для веденія журналовъ или дневныхъ записокъ назначались особые чиновники, находившіеся подъ наблюденіемъ, такъ называемаго, директора. Императрица придавала большое значеніе дневнымъ запискамъ, главнымъ образомъ въ виду того, „чтобы будущія времена имѣли върную записку сего важнаго производства (т. е. дѣйствій комиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка“. Этимъ объясняется наличие въ Обрядѣ многихъ правилъ касательно составленія записокъ. Обрядъ оканчивается своего рода инструкціей маршалу, относительно предсѣдательствованія въ комиссіи, порядка пренесій, возбужденія вопросъ, голосованія, поведенія депутатовъ во время засѣданій и т. п.

Третій документъ, изданный императрицей для комиссіи, это—генераль-прокурорскій Наказъ, явлюющійсяничѣмъ инымъ, какъ инструкціей генераль-прокурору, сообразно съ которой онъ долженъ быть дѣйствовать во время составленія Уложения. Наказъ начинается предписаніемъ генераль-прокурору смотрѣть за тѣмъ, „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся, комиссіею ничего сочинено не было, и чтобы разумъ и слова наставленія не были обращены въ вредъ отечеству“. Далѣе Наказъ излагаетъ

понятія о правахъ „въ научномъ отношеніи“. Въ немъ объясняются права: божественное или святой вѣры, церковное, естественное, народное, государственное общее и особенное, завоеванія, гражданское, домашнее или семейное. Наказъ заканчивается предписаніемъ генераль-прокурору „опредѣлить къ себѣ четырехъ знающихъ юриспрудентовъ, которые могли бы разбирать и объяснять встрѣчающіеся по его вѣдомству случаи и кажущіеся въ законахъ противорѣчія“. Въ трудныхъ же случаяхъ или при разногласіи между этими „законовѣдцами“ генераль-прокурору было предоставлено право требовать мнѣнія университета, Академіи наукъ и „юриспрудентскаго“ класса кадетского корпуса.

Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, императрица издала еще четвертый документъ, долженствовавшій регулировать занятія комиссіи по составленію новаго Уложенія. Мы говоримъ о Начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія, изданномъ 28 Февраля 1768 года, т. е., семь мѣсяцевъ спустя послѣ открытия засѣданій комиссіи. Начертаніе заключаетъ въ себѣ теоретическое изложеніе государственного устройства и управления. Принявъ въ основаніе правило Наваза: „мы должны дѣлать другъ другу добро, сколько возможно“, и выводя изъ этого, что „всякій благонамѣренный человѣкъ будетъ желать видѣть свое отечество на высшей степени благополучія, а сограждана — охраняемаго законами, Начертаніе опредѣляетъ двойственное отношение каждого человѣка: 1) къ государству и 2) къ согражданамъ. Поэтому и труды комиссіи должны были раздѣлиться на две части, изъ которыхъ содержаніе одной должно было касаться права общаго, а содержаніе другой — права особеннаго.

Предметомъ первой части является сохраненіе цѣлостности, доброго порядка и типины государства, что не можетъ быть достигнуто безъ существованія верховной власти. Послѣдняя раздѣляется на три части (точка зрења Монтескье): законодательную, защитительную (судебную) и совершившельную (исполнительную). Посредствующимъ звеномъ между верховной властью и гражданами являются „власти среднія, подчиненные“, зависящія отъ верховной власти и составляющія существо управления. Для большаго порядка въ государственномъ управлении, необходимо раздѣлить государство на „части“, т. е. на намѣстничества или губерніи, послѣднія — на области или провинціи, а эти послѣднія — на уѣзды. Каждый уѣздъ

предполагаетъ существованіе города. Для подобнаго терри-
ториальнаго подраздѣленія государства необходимо учредить
коммиссію подъ названіемъ коммиссіи о порядкѣ государства
въ силѣ общаго права. Для устройства городовъ и для вод-
воренія въ нихъ наибольшаго благосостоянія необходимо
учредить особую коммиссію о городахъ. „По основаніи сего
приступа (т. е., введенія) къ порядку государства, говорить
императрица, остается еще шесть предметовъ, касающихся
до права общаго, а именно: 1) о связи гражданскихъ за-
коновъ съ духовными, 2) объ установлениіи правосудія вообще,
т. е. судоустройства, судопроизводства и законовъ о пре-
ступленіяхъ, 3) объ управлениіи воинскомъ, 4) объ управле-
ніи нравовъ или о поліції благочинія, 5) объ устройствіи
полезнаго или поліції благосостоянія и 6) о государствен-
номъ строительствѣ или камерномъ управлениі.

Правомъ особыннмъ называется совокупность тѣхъ „уза-
коненій и установленій, которыя каждому гражданину, жи-
вшему съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его
самаго, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ,
приносятъ пользу и безопасность“. Поэтому эта часть права
имѣеть своимъ предметомъ лица, вещи и обязательства. Лица
состоятъ изъ разныхъ степеней или родовъ: дворянства, сред-
наго и низшаго. Независимо отъ определенія правъ и пре-
имуществъ, принадлежащихъ каждому изъ этихъ родовъ, здѣсь
же должны рассматриваться установленія, относящіяся до
лицъ, а именно: о супружествѣ, объ отношеніяхъ родителей
и дѣтей и объ опекѣ. Что касается до права надъ вещами,
то подъ нимъ понимается право, въ силу которого „каждый
членъ общества гражданскаго“ рассматривается какъ соб-
ственникъ „надъ имѣніями, справедливо приобрѣтенными“.
Имущества могутъ быть движимыя и недвижимыя. Сюда же
относятся и узаконенія о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имущества
и о завѣщаніяхъ. Что касается до обязательствъ, то ихъ
Начертаніе опредѣляетъ, какъ „союзы, въ силу которыхъ
для одного лица создается право на дѣйствіе другого обя-
занного лица“.

По открытии засѣданій коммиссіи, было приступлено къ
избранію маршала; выборъ палъ на А. И. Бибикова. Во
второе засѣданіе былъ читанъ Наказъ, произведшій весьма
сильное впечатлѣніе на депутатовъ, такъ что въ одномъ изъ
следующихъ засѣданій коммиссія постановила поднести им-
ператрицѣ титулъ „премудрой, великой и матери отечества“.

Вопросу объ этомъ титулѣ было посвящено пълное засѣданіе (что и вызвало ироническое замѣчаніе со стороны императрицы: „я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“). 12 Августа депутаты представлялись императрицѣ и поднесли ей титулъ. Въ отвѣтъ на это князь Голицынъ отъ имени императрицы заявилъ, что послѣдняя желаетъ только „укрѣпленія депутатовъ въ правильныхъ мысляхъ для составленія проекта новаго Уложенія“. Кромѣ того, сама императрица, обратившись къ депутатамъ, сказала: „о званіяхъ, кои вы желаете, чтобы я отъ васъ принялла, на сіе отвѣтствую: 1) на „великая“ — о моихъ дѣлахъ оставлю времени и потомкамъ безпристрастно судить, 2) на „премудрая“ — никакъ себя токовою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и 3) на „матерь отечества“ — любить Богомъ вѣрѣнныхъ мнѣ подданныхъ я задолгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе“. Не смотря на этотъ отвѣтъ, комиссія постановила составить протоколъ о поднесеніи императрицѣ титула и препроводить его въ Сенатъ. Послѣдній вполнѣ присоединился къ мнѣнию комиссіи и заявилъ, что „представляетъ себѣ случай изыскать отъ всего государства произвести это желаніе въ употребленіе“. И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя некоторые изъ сановниковъ вторично вознамѣрились поднести императрицѣ титулъ „великой“ и „матери отечества“ (уже опустивъ отвергнутое ею званіе „премудрой“), но Екатерина II осталась вѣрна своей прежней точкѣ зренія и выразила даже неудовольствие „за упражненіе въ подобныхъ выдумкахъ“.

Собственно въ занятіемъ комиссія приступила ^{8-го} засѣданія, когда началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, про²должавшееся въ теченіе 15 засѣданій. Во время этого чтенія депутаты дѣлали свои замѣчанія. Такимъ образомъ было прочтено 22 наказовъ. Послѣ этого началось чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ, что заняло 10 засѣданій. Но задолго до исчерпанія всѣхъ названныхъ законовъ, по предложению маршала, всѣ прочитанные законы вмѣстѣ съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями были переданы въ частную комиссію о родахъ государственныхъ жителей, собраніе же занялось чтеніемъ законовъ о купечествѣ, употребивъ на это 36 засѣданій. Такимъ образомъ первые 60 засѣданій были исключительно посвящены чтенію наказовъ и законовъ, что явилось результатомъ совершенного непониманія маршаломъ Обрида

управління комісією. Подобное безсистемное членіе, такъ сказать, огуломъ законовъ и наказовъ, не сопровождавшееся въ добавою никакой постановкою вопросовъ и никакимъ голосованіемъ, было совершенно безцѣльно и самимъ непроизводительнымъ образомъ поглощало массу времени и труда. Нечего и говорить, что ничего подобнаго Обрядъ управлениія и не предписывалъ. По прочтениі законовъ о купечествѣ, комісія приступила къ членію лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, что продолжалось въ теченіе 11-ти засѣданій. Затѣмъ читались законы о юстиції. Впродолженіи всего этого времени депутаты дѣлали свои замѣчанія, которыхъ вмѣстѣ съ прочитанными законами передавались въ частную комісію. Попрежнему не было постановлено ни одного вопроса, и ни разу не производилось голосованія. По окончаніи членія законовъ о юстиції, комісія приступила къ обсужденію проекта правамъ благородныхъ, составленного частной комісіей о государственныхъ родахъ и внесенного въ большую комісію. 14 засѣданій было посвящено обсужденію проекта по статьямъ; причемъ депутаты высказывали много замѣчаній pro и contra, и было предложено также не мало новыхъ редакцій къ статьямъ, но въ результатѣ ровно ничего не вышло, такъ какъ мнѣнія остались несогласованными другъ съ другомъ и не были пущены на баллотировку. Желая вывести маршала изъ затруднительного положенія, императрица въ изданномъ ею дополненіи къ Обряду управлениія комісіей предписала избрать особаго депутата изъ желающихъ защищать проектъ и напомнила маршалу о необходимости баллотировки въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ. Но и изъ этого ничего не вышло, такъ какъ маршалъ попрежнему игнорировалъ баллотировку, дѣятельность же защитника проекта (депутата Коробынина) являлась, въ силу этого, совершенно безцѣльной. Такъ прошло еще 6 засѣданій, послѣ чего маршалъ предложилъ передать проектъ со всими замѣчаніями на него въ одну изъ частныхъ комісій и коміса приступилъ къ членію законовъ, именно о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Такъ продолжалось до 18 Декабря, когда, по слухамъ войны съ Турцией засѣданія большої комісіи были прекращены и, какъ впослѣдствіи оказалось, прекращены на всегда. Въ этотъ день, т. е. 18 Декабря 1768 года (читаемъ въ дневной запискѣ комісіи) маршалъ „объявилъ съборію о полѣченномъ комісіею именемъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что, по слухамъ нарушенія

мира, многие изъ депутатовъ, принадлежащихъ къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя коммиссіи, остались въ большомъ собраниі, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будуть созваны, членамъ же частныхъ коммиссій оставаться и продолжать свои занятія“.

Послѣ окончанія турецкой войны, коммиссія, однако, не была созвана, но de jure продолжала считаться существующей. Такъ, до настъ дошло нѣсколько указовъ, которыми засѣданія коммиссіи отсрочивались: сперва до 1 Мая 1772 года, затѣмъ до 1 Августа и 1 Ноября того же года и, наконецъ, до 1-го Февраля 1773 г. Послѣ этого года, хотя указы объ отсрочки засѣданій коммиссіи прекратились, но коммиссія по-прежнему считалась существующей, что продолжалось также и въ 80-хъ годахъ, когда неоднократно, въ правительственныхъ актахъ того времени упоминалось объ „уложенной коммиссіи“, какъ объ учрежденіи существующемъ¹⁾). Что касается до частныхъ коммиссій, то они просуществовали до 1774 года, когда именнымъ указомъ отъ 4 Декабря засѣданія ихъ были прекращены, причемъ, однако, остались ихъ канцеляріи, существовавшія подъ управлениемъ генералъ-прокурора въ теченіе всего царствованія Екатерины II.²⁾

¹⁾ Сама императрица еще въ 1771 году считала возможнымъ довести составленіе Уложения до благополучного окончанія. Вотъ, что она между прочимъ писала Вольтеру отъ 22 Июля 1771 г.: „нѣсколько недѣль назадъ я Наказъ свой къ Уложению вновь прочитала и при чтеніи усмѣтрѣла, что я благоразумное дѣло сдѣлала, когда оный написала. Иправда, должно признаться, что сіе Уложение, къ которому многие материалы приготвляются, а другие уже и готовы, наѣдѣастъ мнѣ и еще много труда, покуда, оно приведено будетъ до той степени совершенства, въ которой я желаю его видѣть, но что до того нужды, наѣдѣально, чтобы оно окончено было, хотя бы море отъ Таганрога находилось на югѣ, а горы на сѣверѣ“ (Переписка имп. Екатерины II съ Вольтеромъ, перев. Антоновскаго, ч. 2, СПБ. 1802 г., стр. 16). Затѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ князю Волконскому въ 1775 г. императрица предполагала преобразовать коммиссію въ особую палату при Сенатѣ, „лабы Сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ“ (Осиннадц. вѣкъ Бартенева, т. I, 1869 г.). Мало того, въ томъ же 1775 г. во многихъ мѣстахъ Россіи были произведены выборы новыхъ депутатовъ взамѣнъ прежнихъ, что согласовалось со ст. 25 Обряда управления коммиссіей, въ виду того, что должность депутата не была уничтожена. Въ виду этого Сенатъ указомъ 8 Авг. 1776 г. счѣлъ нужнымъ разъяснить, что „въ выборѣ новыхъ депутатовъ не настоить нужды до того времени, доколѣ всѣмъ депутатамъ будетъ общій позывъ“ (Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 86).

²⁾ Подробности см. у Лаппо-Данилевскаго, назв. соч., стр. 86 и слѣд.

Такимъ образомъ и Екатерининскую законодательную комиссию постигла та же участь, какая была присуща и всемъ предыдущимъ комиссиямъ. Новое Уложение не было составлено, и единственно, что осталось отъ комиссии, это—нѣсколько проектовъ, составленныхъ частными комиссиями, но и тѣ не только не получили законодательной санкціи, но даже не были признаны въ качествѣ источниковъ послѣдующей законодательной дѣятельности Екатерины II. Многіе изъ этихъ проектовъ, напр., объ училищахъ, объ имѣніяхъ, о городахъ и т. д., не были также закончены, а дошли до насъ въ формѣ, такъ сказать, набросковъ или плановъ, совершенно неразработанныхъ. Вполнѣ законченными были три проекта, а именно: проектъ правамъ благородныхъ и проекты законовъ о правахъ средняго и нижняго рода государственныхъ жителей.

Какая же причина неудачи комиссіи и столь преждевременного ея распущенія? Этотъ вопросъ не разъ возбуждался въ литературѣ, даже современной еще самой комиссіи; причемъ неудачное разрѣшеніе его въ этой послѣдней было не разъ повторяемо и въ позднѣйшей литературѣ. Такъ, съ легкой руки самого маршала Бибикова была пущена мысль, что предпріятіе императрицы не удалось вслѣдствіе его крайней рановременности. Дѣло въ томъ, что въ 1817 г. были изданы „Записки о жизни и службѣ маршала Бибикова“, оказавшія довольно болыпое вліяніе на отзывы въ русской исторической литературѣ о дѣятельности комиссіи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Бибиковъ, между прочимъ, пишетъ: „должно признать чистосердечно, предпріятіе сіе (т. о. созваніе комиссіи) было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были сице къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знаній, которая требовалась въ столь важному дѣлу“. Это мнѣніе было вполнѣ слѣдствіемъ нѣсколько разъ повторяемо, причемъ неудача комиссіи и ея преждевременное распущеніе объяснялись ея рановременностью. Съ этимъ мнѣніемъ безусловно пельзя согласиться. Созваніе сословныхъ представителей въ 1767-омъ году для участія въ законодательныхъ работахъ имѣло мѣсто у насъ не въ первый разъ. Начиная со второй половины XVI стол. и вплоть до Екатерины II, такія созванія практиковались безчисленное количество разъ и въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ XVI и XVII стол., всегда оканчивались весьма удачно. Еще за нѣсколько лѣтъ до 1767

года сословные представители были созваны Елизаветой Петровной и какъ бы то ни было, но составили проектъ новаго Уложения, многія постановленія котораго потомъ почти слово въ слово были повторены депутатскими наказами въ 1767 г. Слѣдовательно, если созваніе сословныхъ представителей для участія въ законодательныхъ работахъ не было преждевременно и въ большинствѣ случаевъ приносило благіе результаты въ царствованія Ивана IV, Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, то тѣмъ болѣе оно не могло быть преждевременно и, такъ сказать, уже предопределено въ неизбѣжной неудачѣ во второй половинѣ XVIII стол., когда степень культурности русскаго общества была сравнительно выше съ XVI и XVII ст.

Далѣе Бибиковъ говоритъ, что „умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столъ важному дѣлу“. Этотъ взглядъ можно считать вполнѣ несправедливымъ, какъ совершенно не соответствующій дѣйствительности. Уже число тѣхъ членовъ комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самыми свидѣтельствовали во всякомъ случаѣ о способности къ участію въ этомъ дѣлѣ, оказывается весьма значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія и замѣчанія и т. п. Такое процентное отношеніе, по вѣрному замѣчанію профессора Брикнера, можно считать за вполнѣ удовлетворительное. Разумѣется, степень умственного развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Такъ, между депутатами считались люди, принадлежащіе къ высшему интеллигентному классу, какъ, напримѣръ, князь Щербатовъ, извѣстный историкъ того времени, академикъ Миллеръ и др., и рядомъ съ ними засѣдали депутаты отъ какихънибудь инородцевъ, бывшіе, говоря словами профессора Брикнера, едва ли въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности, лежащей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнивать способности Бибикова, Вяземскаго, Панина и пр. съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ того или другого депутата отъ пахатныхъ солдатъ или казаковъ. Но и между этими лицами были люди, разсужденіе очень дѣльно и умно и представлявшіе весьма обстоятельныйный мнѣнія по разнымъ вопросамъ. Наконецъ, уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы весьма часто ссылались на Наказъ императрицы, можетъ служить доказательствомъ, что не только лица высшихъ,

но и низшихъ классовъ общества были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательного для того времени сочиненія и заимствовать оттуда лишиліе аргументы для большей убѣдительности своихъ мнѣній. Очевидно, Наказъ, находившійся въ рукахъ каждого депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами, заключаютъ въ себѣ много мыслей, заимствованныхъ изъ Наказа. Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, напримѣръ, мысль о сопротивлѣніи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе—указанія на этнографическую и культурно-историческую данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о гуманности, о благѣ народа и такъ далѣе, и такого рода мысли встречаются не только въ мнѣніяхъ и рѣчахъ лицъ изъ высшаго класса, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ и казаковъ¹⁾). Всѣ приведенные факты вполнѣ свидѣтельствуютъ въ пользу невѣрности предположенія о рановременности комиссіи и о неспособности ея членовъ, какъ причинъ ея неудачи.

Другое мнѣніе, также пущенное въ ходъ Бибиковымъ, заключалось въ томъ, что члены комиссіи, „увлеченные вольнодуміемъ“, предлагали уничтоженіе крѣпостного права, въ силу чего комиссія и была распущена. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ „Запискахъ о жизни Бибикова“: „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіанскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего, по обширности и малонаселенію Россійской имперіи, еще гораздо болѣе мудрыхъ и благовременныхъ мѣръ, прилежащаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія требуетъ“. То же мнѣніе относительно связи между возбужденіемъ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ и преждевременнымъ закрытиемъ комиссіи высказалъ и французскій писатель Кастера въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „La vie de Catherine II“, выпущенномъ въ 1797-омъ году. Не смотря на то, что Кастера, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II, не могъ быть свидѣтелемъ дѣятельности законодательной комиссіи, чѣмъ и объясняется масса невѣрныхъ свѣдѣній о ней, помѣщенныхъ въ его книгѣ, названное мнѣніе получило полное право гражданства и долгое вре-

¹⁾ Брикнеръ, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г.

мя признавалось върнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говорить Кастера: „многія засѣданія коммиссіи далеко не были безмятежны. Начали говорить объ освобожденіи крестьянъ. Многія тысячи ихъ были готовы силою добыть то, чего они не могли ожидать отъ справедливости. Дворянство опасалось повсемѣстного возстанія, въ особенности убавленія своего богатства. Нѣкоторые дворяне увѣряли, что готовы убить того, кто первый внесетъ предложеніе сдѣлать крестьянъ свободными. Не смотря на это, графъ Шереметевъ, богатѣйший человѣкъ въ Россіи, заявилъ, что охотно бы согласился на такую мѣру. Споръ становился все болѣе оживленнымъ, опасались страшныхъ послѣдствій разногласія и поэтому депутатовъ распустили домой“.

Для опроверженія этого мнѣнія, необходимо обратиться къ дневнымъ записямъ, т. е. журналамъ собранія, и разсмотрѣть тѣ пренія, которыя касались крестьянскаго вопроса. Эти пренія возникли, благодаря предложенію дворянскаго депутата Коробына, при обсужденіи законовъ о бѣглыхъ. Коробинъ началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ о своемъ желаніи разсмотрѣть причины, побуждающія крестьянъ къ бѣгству, и предложилъ нѣкоторые способы, которые могли бы, хотя отчасти, предупредить это зло. „Думаю“, сказалъ Коробинъ, „изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенного подати; есть и такие, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ долгъ, отдаютъ своихъ людей, отучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать хотя слѣдуемое ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемыхъ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе приходящеихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти. Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтаетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостнаго всѣхъ плодовъ его труда“. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, „ибо тогда только пропадаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе онѣ члены всѣ довольноны“. Земледѣльцы—душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣеть. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробинъ сказалъ, что, слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ

виноваты сами помѣщики, и потому необходимо предупредить злоупотреблениа благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякий молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣнiemъ своихъ крестьянъ, можетъ для удовлетворенія своихъ прихотей собирать чрезмѣрные поборы, но, если бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписанного законами, тогда злоупотреблениа прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. Далѣе Коробынъ высказался, ссылаясь на Наказъ, за необходимость дарованія крестьянамъ права собственности на часть земли, которую они могли бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, сказалъ Коробынъ, необходимо постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную закономъ, а не чрезмѣрную дань, которая должна состоять въ однѣхъ мѣстностяхъ въ продуктахъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Такимъ образомъ требованія Коробына сводились къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить въ законодательномъ порядке повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на землю¹⁾. Иначе говоря, онъ желалъ ограничения помѣщичьей власти, а отнюдь не уничтоженія крѣпостного права, о чёмъ онъ и постарался заявить въ концѣ своей рѣчи.

Предложеніе Коробына возбудило оживленныя пренія, не разъ принимавшія страстный оттѣнокъ. Участіе въ этихъ преніяхъ приняло 17 депутатовъ, при чемъ пять изъ нихъ высказались за улучшеніе быта крѣпостныхъ въ духѣ предложенія Коробына, а 12 — противъ всякаго улучшенія. Пренія продолжались безпрерывно цѣлый мѣсяцъ и прекратились съ окончаніемъ чтенія законопроекта о юстиціи, вслѣдствіе внесенія въ коммиссію проекта правамъ благородныхъ. Цѣлый тутъ коммиссія продолжала еще существовать болѣе полутора, и за все это время вопросъ о крѣпостныхъ болѣе не возбуждался. Изъ приведенного видно, какъ неправильное мнѣніе, будто преждевременное распущеніе коммиссіи находилось въ связи съ возбужденіемъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Третье мнѣніе относительно причинъ распущенія собранія, высказанное впервые англійскимъ посломъ Ширлеемъ и

¹⁾ Семевскій, Крестьянский вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв. т. I, стр. 103.

затѣмъ неоднократно повторенное другими, состояло въ сѣ-
дующемъ: все предпріятіе императрицы было ничтѣмъ инымъ,
какъ простой комедіей, или, какъ выражается Ширлей, фар-
сомъ, задуманнымъ императрицей, якобы сознавшей шаткость
своей власти, съ цѣлью пріискать средство для снисканія
популярности въ обществѣ. „Намѣренія императрицы, гово-
ритъ Ширлей,— первоначально клонились къ тому, чтобы за-
живить ея заботливость о счастіи своихъ подданныхъ, но такъ
какъ ея намѣренія проистекаютъ изъ основаній не совсѣмъ
чистаго свойства, то и дѣла ея, какъ поддѣльный жемчугъ,
имѣютъ болѣе блеска, но менѣе цѣнности, чѣмъ жемчугъ
настоящей“. Поэтому, когда названная цѣль была достигнута,
т. е., императрица пріобрѣла популярность въ народѣ, или
иначе говоря, комедія была сыграна, въ комиссіи перестали
нуждаться, и она была распущена. Такое мнѣніе крайне
поверхностно и, совершенно, не соответствуетъ историческимъ
фактамъ. Если въ чёмъ и можно упрекнуть Екате-
рину II, то только не въ томъ, въ чёмъ упрекаетъ ее
Ширлей. Подобное мнѣніе могло держаться до тѣхъ поръ,
пока на документы, касающіеся исторіи комиссіи, былъ
наложен запретъ, и они не были никому известны. Но
теперь, когда, благодаря изданію Русскаго Историческаго
Общества и благодаря возможности проникнуть въ націи
архивы, документы комиссіи стали болѣе или менѣе для всѣхъ
доступны, подобное мнѣніе уже не можетъ существовать. Изъ
документовъ видно, какъ относилась императрица къ своему
предпріятію, какъ она увлекалась имъ, какъ была вся погло-
щена имъ. Изъ этихъ же документовъ видно, что отношение
императрицы къ комиссіи было самое серьезное, и что она
стремилась исключительно къ тому, чтобы дѣятельность коми-
ссіи действительно принесла реальные результаты. Объ
этомъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и самъ Ширлей, говоря, что
въ настоящее время собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣ-
шими занятіемъ императрицы, что она, въ ущербъ всемъ
остальнымъ дѣламъ, исключительно занимается только имъ
однимъ. Дѣйствительно, честолюбіе императрицы играло весьма
важную роль фактора при созваніи депутатовъ. Ей желатель-
но было блеснуть въ Россіи и, главное, въ западной Евро-
пѣ, въ качествѣ законодательницы съвера и философа на
тронѣ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе той задачи, для которой
созваны были депутаты, казалось ей въ высшей степени лег-
кимъ и незамысловатымъ, что, впрочемъ, являлось тогда хо-

дячимъ мнѣніемъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, преклонявшихъ ся предъ французской философіей и воображавшихъ, что съзнова пересоздать весь общественный и государственный строй есть дѣло, такъ сказать, одной минуты. Такимъ образомъ, мы подходимъ теперь къ выясненію настоящихъ причинъ неудачи комиссіи и преждевременного ея распущенія. Всѣ онѣ могутъ быть сведены, въ сущности, къ тремъ, а именно къ неправильной постановкѣ задачи комиссіи, ко многимъ недостаткамъ ея организаціи и, наконецъ, къ совершенному неумѣнію руководящихъ людей привести порученное имъ дѣло въ полному и благополучному окончанію. Задача комиссіи была, дѣствительно, безпримѣрной трудности. Ей предстояло составить проектъ нового Уложенія, обнимающій собою всѣ стороны законодательства и всѣ отрасли права. Ужъ надѣ однимъ такимъ проектомъ комиссія должна была трудиться безконечное количество времени. Мало того, эта задача осложнялась еще тѣмъ, что проектъ долженъ быть новымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, общество разсматривалось, какъ бы находящееся въ естественномъ состояніи, въ силу чего ему слѣдовало сразу дать весь государственный и гражданскій быть; вся предшествовавшая исторія Россіи игнорировалась совершенно, и русское государство трактовалось, какъ какая-то *tabula rasa*, на которой можно было создать все, что угодно. Источниками для подобного законодательства, по крайней мѣрѣ, по словамъ дирекціонной комиссіи, должны были быть: во-первыхъ, „неопровергаемыя правила Наказа“ и, во-вторыхъ, „здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должна благодарность къ строительницѣ блаженства нашего“ т. е., къ императрицѣ. Что же касается до дѣйствующаго права, то оно признавалось за источникъ, какъ бы въ видѣ исключенія¹⁾. На создание этой работы, по свидѣтельству некоторыхъ памятниковъ, полагалось всего только какихъ нибудь четыре года. Изъ сказанного видно, что все предпріятіе императрицы было

¹⁾ Правда, еще въ началѣ 1767 г. императрица учредила особую комиссію сводовъ, существовавшую собрать всѣ законы съ 1649 г. по 1767 г. и „разобрать оные по числамъ и матеріямъ особыми книгами“, т. е. приготовить матеріалъ для составленія нового Уложенія, что и было исполнено комиссией къ 15 Сент. 1767 г. (Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 75). Однако, этимъ матеріаломъ, неоднократно читаннымъ, какъ было уже сказано, на засѣданіяхъ большой комиссіи, составители разныхъ проектовъ, дошедшихъ до насъ отъ дѣятельности комиссіи 1767 г., почти не воспользовались.

ведено совершенно въ духѣ тогдашней французской философиї, считавшей вполнѣ возможнымъ пересоздать общественный и государственный строй, руководствуясь исключительно „здравымъ разсудкомъ“ и „любовію къ отечеству“. Думая, что предпринятое ею дѣло не представляетъ никакой трудности и можетъ быть закончено въ самое короткое время, императрица дала комиссіи въ видѣ инструкціи свой Наказъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и однимъ изъ главныхъ источниковъ Уложения. Между тѣмъ, изъ содержанія этого памятника, по вѣрному замѣчанію профессора Сергѣевича, можно видѣть, что онъ по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя бы стоило только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое Уложение, а указываетъ лишь общее и часто довольно неопределеннное направлѣніе этого законодательства, нерѣдко же ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностраннѣхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленного вывода. Такъ, „надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія“, говоритъ Наказъ, но какой? Сколько нибудь опредѣленного отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ Наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія на римскій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: „моё намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія.“ Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части, справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственного права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, но и приведенное отличается крайней неопределеннostью. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наследниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ? „Полезно сдѣлать учрежденіе обѣ опекунствъ,“ говоритъ да-лѣ Наказъ, но какое—опять умалчивается, ограничиваясь указаніемъ на то, что „опека должна быть для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ“. Но у насъ, выражаясь словами проф. Сергѣевича, и прежде была опека не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея во всякомъ случаѣ были опредѣленіе правиль Наказа. Наконецъ, по многимъ отраслямъ права Наказъ не даетъ никакихъ „разрѣшеній“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить

объ его отношеніи къ такой важной отрасли права, какъ гражданское право, совершенно игнорируемое въ названномъ памятникѣ, и т. д. Такимъ образомъ, старые законы не должны были имѣть значенія источниковъ для составляемаго Уложения. Наказъ же, считавшійся главнымъ изъ нихъ, не обнималъ, по вѣрному замѣчанію профессора Сергеевича, и сotoй части всей сложной системы права¹⁾. Мало того, многія положенія Наказа страдаютъ противорѣчіемъ между собою и совершенно не согласованы другъ съ другомъ, что является результатомъ влиянія на императрицу, съ одной стороны, рационалистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, а съ другой стороны, воззрѣній Монтескье, какъ известно, имѣющихъ между собою весьма мало общаго. Между тѣмъ, объ категоріи этихъ идей остались въ Наказѣ совершенно непримиренными другъ съ другомъ. Та же непримиренность разнородныхъ идей сказалась и на практикѣ. Какъ известно, депутаты должны были привести съ собой наказы, которыми комиссія обязана была руководствоваться въ своей дѣятельности. Наказы отличались крайней положительностью своихъ стремленій, такъ какъ составители ихъ излагали дѣйствительныя нужды и желанія сословій, вытекавшія, таѣ сказать, изъ условій дѣйствительного порядка вещей, существовавшаго въ то время въ Россіи. Между депутатскими и Большимъ наказами по многимъ вопросамъ цѣлая бездна. Спрашивается, какъ должна была поступать комиссія, приминая непримиримыя начала Большого и депутатскихъ наказовъ, что должна она была дѣлать въ случаѣ конфликта между стремленіями сословій, отправлявшимися отъ дѣйствительного порядка вещей, со стремленіями Большого Наказа и „здраваго разсудка“, какъ его понимали рационалисты? Все это такого рода вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ удачный исходъ всего дѣла. Между тѣмъ, этого разрѣшенія не послѣдовало, и вотъ одна изъ причинъ неудачи комиссіи. Иранда, во время засѣданій послѣдней, когда императрица увидѣла, что дѣло идетъ не такъ гладко, какъ она думала, она рѣшила помочь комиссіи изданіемъ Начертанія о приведеніи нового Уложения къ окончанію. Содержаніе его было изложено выше, и изъ него видно, что Начертаніе есть ничто иное, какъ система законодательства въ крайне общихъ чертахъ,

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1.

а въ виду этого, оно и не могло помочь дѣлу составленія новаго Уложенія. Такимъ образомъ, одной изъ главныхъ причинъ неудачи комиссіи была необычайной трудности задача, возложенная на нее. Но даже, не смотря на это, комиссія все таки могла бы составить проектъ Уложенія, хотя, конечно, не во вкусѣ рационалистической философіи, а болѣе соответствующій условіямъ дѣйствительной жизни (какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ проекты законовъ, составленные нѣкоторыми частными комиссіями), если бы обладала болѣе совершенной организаціей, а главное, болѣе способными и умѣющими вести порученное имъ дѣло людьми, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Я уже указалъ при обзорѣ содѣржанія Обряда управлениія комиссіей на несовершенство этого памятника, главнымъ образомъ, въ вопросѣ обѣ отношеніяхъ частныхъ и общей комиссій другъ къ другу, поэтому повторять здѣсь обѣ этомъ излишне. Скажу только, что эти несовершенства Обряда могли быть значительно исправлены на практикѣ, если бы во главѣ комиссіи не стояло такое неспособное для данного дѣла лицо, какимъ былъ маршалъ Бибиковъ. Рѣдко, кто такъ находился не на своемъ мѣстѣ, какъ артиллеріи генералъ-маіоръ Бибиковъ въ качествѣ предсѣдателя законодательного собранія. При обзорѣ дѣятельности комиссіи было уже указано, какъ дѣйствовалъ маршалъ въ качествѣ предсѣдателя, какъ неумѣловъ онъ пренія, ставилъ вопросы, какъ никогда не допускаль никакого голосованія и взамѣнъ того предписывалъ читать цѣлые вороха законовъ и наказовъ, что въ сущности не имѣло никакого смысла. Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ столь грандиозно-задуманное предпріятіе совершенно не удалось и не осуществило тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Единственная польза отъ созванія комиссіи заключалась въ томъ, что императрица получила возможность узнать нужды, желанія и стремленія своего народа и сообразовать съ ними свою дальнѣйшую законодательную дѣятельность¹⁾. „Комиссія Уложенія“,—писала впослѣдствіи Екатерина II,—подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Стало многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ²⁾.

¹⁾ Обѣ этомъ см. мое изслѣдованіе „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.“

²⁾ Дѣятельность нѣкоторыхъ частныхъ комиссій и въ особенности ихъ канцелярій (послѣ упраздненія комиссій) была болѣе плодотворна. Такъ, онѣ,

Со вступлениемъ на престолъ императора Павла I вопросъ о новомъ Уложениі былъ снова поднятъ, и правительство снова организовало съ этой цѣлью комиссию въ 1796 году. Однако, по всей вѣроятности, въ виду неудачи Екатерининской комиссіи, правительство, принявши съ за дѣло кодификаціи, рѣшило пойти по прежнему пути и заняться составленіемъ не новаго, но своднаго Уложенія. Поэтому 16 Декабря 1796 года былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось собрать всѣ дѣйствующіе законодательные акты и составить изъ нихъ три законодательные сборника: уголовный, гражданскій и казенныхъ дѣлъ. На основаніи этого указа, комиссія, долженствовавшая заняться составленіемъ своднаго Уложенія, получила название „коммиссіи для составленія законовъ“. Въ составъ ея вошли четыре лица, долженствовавшія дѣйствовать подъ руководствомъ генераль-прокурора. Части законопроектовъ, по мѣрѣ ихъ составленія, комиссія должна была вносить на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената. Въ концѣ 1796 г. комиссія получила предписаніе составить еще четвертую книгу, въ которую должно было войти право общее и особенное, а „также опущенія и неисправленія должностей, за кои слѣдуетъ удовлетвореніе обиженныхъ и другіе штрафы и потому оно не относится прямо къ уголовному преступленію“. Тогда же Сенатъ вмѣнилъ ей въ обязанность принять за руководство „Наказъ и все, что сдѣлано комиссией 1767 г.“¹⁾)

Въ кратковременное царствование императора Павла I комиссія только и успѣла составить 17 главъ, касающихся судопроизводства, 9 главъ о вотчинныхъ дѣлахъ и 13 главъ уголовнаго сборника и со смертію императора прекратила свое существованіе.

Въ царствование Александра I-го кодификація русскаго права продолжалась попрежнему. Уже 5 Іюля 1801 года былъ изданъ указъ, которымъ учреждалась новая комиссія, надзоръ за дѣятельностію которой поручался графу

подъ руководствомъ генераль-прокурора кн. Вяземскаго, составила пѣчто въ родѣ полнаго собранія законовъ подъ названіемъ „Описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположеніями частами.“ Въ описаніи по особымъ рубрикамъ расположены законы въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ царствованія Ивана Грознаго, причемъ текстъ законовъ приведенъ не въ подлинникѣ, но въ сокращенномъ пересказѣ. „Описаніе“ преслѣдовало преимущественно учебная, а не практическія цѣли. Обнародовано оно не было и найдено въ Румянц. музѣѣ г. Лаппо-Данилевскімъ (назв. соч., стр.91 и слѣд.).

¹⁾ Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр.133.

Завадовскому. Но до 1803 года комиссія ничего не сдѣла-
ла, и, по всей вѣроятности, вслѣдствіе этого, новымъ ука-
зомъ 21 Октября 1803 года дѣло кодификаціи было пере-
дано въ министерство юстиції, во главѣ котораго въ то вре-
мя находился князь Лопухинъ. Но послѣдній, будучи обре-
мененъ другими дѣлами и не обладая юридическимъ образо-
ваніемъ, не имѣлъ возможности приняться за составленіе
законодательного сборника, вслѣдствіе чего дѣло это было поруче-
но бывшему студенту Лейпцигскаго университета, барону Г.
А. Розенкампфу, человѣку научно образованному, но совер-
шенно не знавшему русскаго языка. Имъ былъ составленъ
проектъ работъ, утвержденный государемъ 28 Февраля 1804
года. Одновременно съ утвержденіемъ проекта Розенкампфъ
получилъ мѣсто главнаго секретаря комиссіи и такимъ об-
разомъ могъ приступить къ занятіямъ. Но, въ виду того, что
онъ совершенно не былъ знакомъ съ дѣйствующимъ пра-
вомъ, первые годы существованія комиссіи прошли въ тѣмъ,
что ея главный секретарь долженъ былъ проводить почти
все время въ одномъ изученіи русскаго законодательства и
всякую мысль объ его кодификаціи оставить въ сторонѣ.
Такъ продолжалось до конца 1808 года, когда въ составъ
комиссіи вошелъ извѣстный Сперанскій, назначенный въ
это время товарищемъ министра юстиції. Сперанскій (го-
ворить его біографъ баронъ Корфъ) поступилъ въ комиссію
безъ всякаго юридического образованія, чуждый нѣмец-
кой литературы, по незнанію самого языка, незнакомый поч-
ти ни съ чѣмъ, кроме французскаго кодекса и энциклопе-
дическаго сочиненія о французскихъ законахъ Флорижона,
составлявшаго его настольную книгу. Пропитанный наполео-
новскими идеями, онъ не давалъ никакой цѣны отечествен-
ному законодательству, называлъ его варварскимъ и нахо-
дилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ
его пособію ¹⁾). Первымъ дѣломъ Сперанскаго, по вступле-
ніи въ комиссию, было ея преобразованіе. Сущность этого
преобразованія заключалась въ слѣдующемъ. Комиссія долж-
на была состоять изъ трехъ учрежденій: совѣта, правленія и
сословія юрисконсультовъ. Послѣднєе раздѣлялось на шесть
отдѣленій, во главѣ которыхъ находились особые начальники.
На обязанности отдѣленій лежало составленіе законовъ и
выработка ихъ плана. Правленіе состояло изъ членовъ, наз-

¹⁾ Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, ч. I.

начаємъ государемъ, изъ которыхъ одинъ исполнялъ обязанности секретаря (Сперанскій). Функції правленія состояли въ надзорѣ за отдѣленіями, въ наблюденіи за ихъ работами и въ ихъ утвержденіи и разсмотрѣніи. Что касается до совѣта, то въ составѣ его входили члены правленія eх officio и другія лица, назначаемыя государемъ. Обязанностью его было разрѣшать затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ правленіе являлось некомпетентнымъ, и пересматривать изложеніе законовъ по мѣрѣ ихъ составленія. Сперанскій возлагалъ большія надежды на это преобразованіе комиссіи. „Сколько постороннія мои хлопоты и развлеченнія работы дозволили, писалъ онъ 13 Апрѣля 1809 года графу Кочубею,— успѣли мы дать нѣкоторое образованіе комиссіи законовъ. Преобразованы экспедиціи, болѣе пятидесяти человѣкъ лишнихъ исключено, установленъ порядокъ работы, сдѣлано положеніе, коимъ все приведено къ одному средоточію, а для ревизіи нашихъ работъ, для разрѣшенія противорѣчій и трудностей въ законахъ, наипаче же для при миренія комиссіи съ общимъ мнѣніемъ и для доставленія трудамъ ея нѣкотораго въ отечествѣ нашемъ довѣрія, учрежденъ особенный при ней совѣтъ. Я надѣюсь, что съ мая двинется и, хотя не быстро, все пойдетъ въ порядкѣ и безостановочно“. Но Сперанскій (говорить баронъ Корфъ) ошибался въ рассматриваемое время въ методѣ работы. Обманывая себя мнимою легкостью задачи, онъ приступилъ прямо къ концу, т. е., къ сочиненію новаго Уложенія, не приготовивъ ни начала—собранія законовъ, ни середины—свода ихъ. Онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканія малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ.

1-го Января 1810 года съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта комиссія подвергалась новому преобразованію. Она была обращена въ установлѣніе, состоящее при Государственномъ совѣтѣ, собственный ея совѣтъ упраздненъ и начальникомъ ея назначенъ Сперанскій съ титуломъ директора. Между тѣмъ къ концу 1809 года былъ составленъ Розенкампфомъ подъ наблюденіемъ Сперанскаго проектъ первой части гражданскаго Уложенія и въ Январѣ 1810 года внесенъ въ Государственный совѣтъ. Въ послѣднѣй въ продолженіи 1810 года разсмотрѣнію проекта было посвящено 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія. Въ томъ же 1810 году была закончена и вторая часть гражданскаго Уложенія, также внесенная въ Государственный совѣтъ

и разсмотрѣнная имъ къ концу года¹⁾). Тогда обѣ части были напечатаны для новаго пересмотра въ исправленномъ видѣ. Однако, съ этого времени, по крайней мѣрѣ при Сперанскомъ, ничто болѣе по предмету новаго Уложенія не вносилось въ Государственный совѣтъ. Разгадка тому (говорить баронъ Корфъ) находится въ отчетѣ Сперанского за 1810 годъ. Онъ уже начиналъ чувствовать всѣ трудности дѣла и невозможность продолжать его среди другихъ занятій, которыхъ у него было не мало: „Должно, писалъ онъ въ этомъ отчетѣ, знать подробности сей работы, чтобы измѣрить всѣ ея трудности. Если бы комиссія составлена была, какъ, напримѣръ, во Франції, изъ знаменитыхъ юрисконсультовъ, совершенно свѣдущихъ въ отечественномъ законѣ и его приложениі; если бы дѣло сіе пріготовлено было предшествующими сочиненіями ученыхъ людей, если бы потомъ окончательная редакція въ томъ состояла, чтобы пересмотрѣть и свести воедино всѣ эти материаалы, то и тогда работа сія представляла бы еще множество затрудненій, и тогда требовалась она однаго времени самаго трудолюбиваго и знающаго редактора. Во Франції одно гражданское Уложение, составленное вначалѣ Камбасересомъ по образцамъ, за сто лѣтъ начертаннымъ, пересматриваемо было потомъ три года, четыре раза перелагалось и почти два года было пересматриваемо въ совѣтѣ. Всѣмъ известны и составъ нашей комиссіи, и смѣсь нашихъ законовъ, и совершенный недостатокъ всякихъ юридическихъ познаній. Не взирая, однако, на все сіе, можно съ достовѣрностью утверждать, что въ теченіе минувшаго года не только гражданское Уложение, но и большая часть судебнаго устава могли бы быть окончены, еслибы всѣ сіи предметы тоже не стекались въ однѣ руки. Дѣло комиссіи было составить своды, сдѣлать компиляціи и начертать правильные проекты. Но потомъ дѣло директора есть свести все сіе воедино, приспособить къ общему плану и, наконецъ, изложить съ правильностью и единообразiemъ. Работы сей у насъ раздѣлять не можно, ее долженъ дѣлать одинъ. Слѣдовательно, не комиссія, но одинъ ея директоръ отвѣтствуетъ въ умѣдлениі; онъ одинъ останавливаетъ движение сего дѣла“.

¹⁾ Подробности обсужденія въ Государственномъ совѣтѣ гражданскаго Уложения см. въ запискѣ Сперанского, написанной имъ въ 1821 г. и изданной г. Винаверомъ (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. VI, „Объ источникахъ X тома Свода Законовъ“).

Межу тѣмъ двѣ первыя части Уложенія, будучи напечатаны, сдѣлались достояніемъ общества и, являясь ничѣмъ инымъ, какъ сколками съ французскаго кодекса, вызвали не мало возраженій и критики. Выразительницей подобнаго отношенія общества къ проекту явилась извѣстная записка Карамзина о древней и новой Россіи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Карамзинъ: „опять новая декорація. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣрную пристань. Уже манифестъ объявленъ, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ наполеоновскаго кодекса. Какое изумленіе для россіянъ, какая пища для злословія? Благодаря Всевышняго, мы не подпали еще желѣзному скіпетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служить уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣть, для того ли около ста лѣть трудятся надъ сочиненiemъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ, не велѣль бы безъ всякихъ дальнихъ окопичностей взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими (міжніе Карамзина въ этомъ случаѣ совершенно не вѣрно, такъ какъ Петръ, напротивъ, прямо предисказалъ комиссіи 1720 года примѣнить къ условіямъ русской жизни иностранные кодексы и законы, т. е. иначе говоря, „назвать ихъ русскими“), ибо вѣдалъ Петръ, что законы народовъ должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ“¹⁾). Далѣе слѣдуетъ довольно обстоя-

¹⁾ Въ своей запискѣ, составленной въ 1821 г., Сперанскій старается оправдаться отъ обвиненій его въ заимствованіяхъ изъ французскаго кодекса. „Упра-каемо было, говорить онъ, что проектъ россійскаго уложения сходенъ съ французскимъ. Составить такое гражданское уложение, которое не имѣло бы сходства ни съ какимъ другимъ уложениемъ, нѣтъ никакой возможности. Всѣ гражданскія уложения отъ шведскаго до французскаго сходны между собою и сходны не только въ главныхъ частяхъ, но и въ подробностяхъ. Петръ Великій велѣль уложение расположить по образцу шведскаго не потому, конечно, чтобы ввести въ Россіи законы шведскіе, но потому, что въ его время уложение сіе было лучшимъ. Въ наше время французское уложение, по общему признанію, заняло сіе

тельная критика многихъ статей проекта. Затѣмъ Карамзинъ высказываетъ свои предположенія на счетъ того, что собственно нужно для Россіи въ области законодательства. Любопытно, что онъ предлагалъ почти тоже, что послѣ при императорѣ Николаѣ I было сдѣлано: сперва собрать законы по предметамъ, затѣмъ соединить однородныя части въ цѣлое и, наконецъ, исправить то, что по условиямъ времени потребуетъ перемѣны.

Въ 1812 году въ Государственный совѣтъ былъ внесенъ проектъ третьей части гражданскаго Уложенія и разсмотрѣнъ имъ. Въ томъ же году коммиссія снова была преобразована, именно: должность директора, вслѣдствіе выхода изъ состава коммиссії Сперанскаго, была упразднена, а въ замѣнѣ ея учрежденъ особый совѣтъ изъ трехъ членовъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ своего учрежденія, совѣтъ вошелъ съ представлениемъ въ министерство юстиціи, которому теперь сюда была подчинена коммиссія, и спрашивалъ о мѣрахъ, принятие которыхъ являлось, по его мнѣнію, крайне необходимымъ для успѣшнаго хода работъ. А именно: совѣтъ спрашивалъ, что предпринять съ проектомъ гражданскаго Уложенія, оставить ли его неизмѣненнымъ въ томъ видѣ, какимъ онъ поступилъ въ коммиссію изъ Государственнаго совѣта, или подвергнуть новому разсмотрѣнію и измѣненію сообразно съ требованіями плана 28 Февраля 1804 года. Самъ совѣтъ признавалъ болѣе основательнымъ второй путь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задавался и другимъ вопросомъ, какъ дѣйствовать при составленіи нового Уложенія: держаться ли начальъ прежнаго законодательства, стараясь только дополнить пропуски и исправлять недостатки, или же принять новые начала, заимствуя ихъ изъ иностранного законодательства? „Всякіе законы“, читаемъ въ представлениі совѣта, „тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они уже освѣщены временемъ. Слѣдовательно, должно сохранять ста-

---

мѣсто. Весьма равнодушно знать, въ какой типографіи, въ какое время и подъ какимъ именемъ (намекъ на революціонное происхожденіе кодекса) оно было издано. Можетъ быть полезнѣе было бы изслѣдовать, когда оно началось и какими средствами было составляемо“. Далѣе слѣдуютъ указанія на черты различій между проектомъ и кодексомъ (напр., по послѣднему права гражданскія принадлежать равно всѣмъ, „въ проектѣ же они ограничиваются разными состояніями“, въ кодексѣ—„бракъ есть гражданскій договоръ“, въ проектѣ—„тайство церкви“ и т. п. Впрочемъ, различій указано только четыре). См. Винавера, Объ источникахъ X тома Свода Законовъ (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. VI).

рыя начала неприкосновенными, если только не будуть они очевидно противъ цѣли государства и правительства. Всякая новизна оскорбляетъ то, что для людей любезнѣе—привычку, и дѣлаетъ ихъ неувѣренными въ своемъ состояніи и въ своихъ правахъ. Гражданскіе законы непосредственно касаются всѣхъ общественныхъ связей, состоявшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ, и потому нельзя полагать, чтобы можно было перемѣнить ихъ вдругъ изданіемъ новаго Уложенія, не причинивъ замѣшательства въ настоящемъ порядке вѣцей. Мы ошибаемся, если вообразимъ, что съ перемѣнами на бумагѣ текста гражданскихъ законовъ столь же легко и скоро перетѣнится и существующее право, и что отъ введенія постановленій другого государства произойдутъ изъ оныхъ тѣ же самыя слѣдствія, какъ и тамъ, где къ онымъ привыкли. Не одни люди, но и время постаповляетъ и опредѣляетъ начала законодательства. Редакторамъ надлежитъ только найти и установить образъ ихъ приложенія, смотря по обстоятельствамъ. Искусные люди могутъ, конечно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятые, началами чужеземными, то сіи Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія *о правѣ не существующемъ*. Обязанность комиссіи законовъ, по мнѣнію совѣта, есть важнѣе и полезнѣе сего. Она состоить въ томъ, чтобы разобрать начала существующія, изложить происхожденіе и духъ древнихъ законовъ, показать, какимъ образомъ дѣлать постепенно перемѣны и представить несовершенства, которыхъ открыть опытъ¹⁾.

Не смотря, однако, на это мнѣніе совѣта комиссіи, работы въ ней продолжались согласно прежнему методу, и такимъ способомъ были составлены еще два проекта Уложеній: уголовнаго (1813 г.) и торговаго (1814 г.). Кромѣ того, подъ наблюдениемъ Розенкампфа, бывшаго съ наденіемъ Сперанскаго первымъ лицомъ въ комиссіи, последняя составила первую часть устава гражданскаго судопроизводства и исправила проекты торговаго и уголовнаго Уложеній.

Въ Іюль 1812 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ ему было поручено и временное управлѣніе комиссіей. Первымъ его

¹⁾ Труды комиссіи составленія законовъ, т. I; Пахманъ, Исторія кодификації гражданскаго права, т. I.

дѣломъ, по вступлениі въ ея составъ, было обозрѣніе работъ комиссіи и донесеніе о нихъ государю. Отзывъ его былъ самый неблагопріятный, а именно Сперанскій доносилъ, что проекты исполнены пропусковъ и несовершенствъ, что слогъ ихъ не только не имѣть свойственныхъ закону ясности и точности, но, какъ бы съ намѣреніемъ, до того затемнѣнъ и неопределителенъ, что Сенатъ и судебныя Мѣста принуждены будуть часто обращаться къ той же комиссіи за истолкованіемъ смысла ея постановленій, наконецъ, что, таъ называемый, сводъ есть ничто иное, какъ какая-то смѣсь, гдѣ для тѣхъ двухъ или трехъ существенныхъ словъ, которыя составляютъ силу закона, выписаны цѣликомъ кипы частныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого къ нему отношенія". Для приведенія всего этого въ надлежашій порядокъ, Сперанскій считалъ 必需нымъ дополнить недостатки внесеніемъ пропущенныхъ статей, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и цѣлыхъ главъ и исправить слогъ, т.-е. большую часть статей вновь передѣлать. „Чтобы произвести сіе исправленіе въ самой комиссіи, писалъ Сперанскій, къ сему надлежало бы: 1) на каждую часть работы сдѣлать нужная примѣчанія, 2) сравнить сія примѣчанія съ текстомъ и рѣшить правильность ихъ или неправильность, 3) по сему рѣшенію произвести самое исправленіе. Примѣчанія сдѣлать можно, но кто въ комиссіи будетъ судить ихъ? Комиссія есть Розенкампфъ и ничего болѣе. Слѣдовательно, это будетъ одно только личное состязаніе между примѣчателемъ и составителемъ, личности же во всякомъ дѣлѣ, а особенно въ дѣлѣ законовъ не могутъ быть совмѣстны. Потомъ, предположивъ, что примѣчатель въ семъ спорѣ одержитъ верхъ, что по его примѣчаніямъ будетъ производить самое исправленіе? Комиссія? Но сія комиссія есть опять тотъ же самый Розенкампфъ, и нѣть большей вѣроятности, чтобы онъ нынѣ могъ сдѣлать удачнѣе, нежели прежде". Вслѣдствіе этихъ соображеній, Сперанскій предлагалъ другое средство исправить проекты, а именно произвести ихъ чрезъ Государственный совѣтъ съ тѣмъ, чтобы комиссія представила туда свои работы, и чтобы онъ, какъ членъ совѣта, внесъ свои письменныя на нихъ примѣчанія, а совѣтъ все бы это разсмотрѣлъ и обсудилъ. Когда, говорилъ онъ, такимъ образомъ обличены будутъ пропуски и недостатки, и обличены будутъ не частнымъ мнѣніемъ одного лица, но и цѣлымъ сословіемъ, тогда уже можно будетъ приняться за окончательное разсмотрѣніе. Между тѣмъ пріисканы

къ сему будуть два или три способныхъ редактора, а настоящіе члены комиссіи получать размѣщеніе, соотвѣтственное тому понятію, какое составится объ ихъ трудахъ. Такимъ образомъ вся работа раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой, такъ сказать, предварительной, разсмотрѣны и одѣнены будуть настоящіе проекты, во второй получать они окончательное ихъ исправленіе¹⁾.

Государь одобрилъ планъ Сперанскаго, и разсмотрѣніе трудовъ комиссіи въ Государственномъ совѣтѣ началось снова съ проекта гражданскаго Уложенія и притомъ опять съ двухъ первыхъ его частей, хотя онъ уже дважды разматривались въ совѣтѣ (въ 1810 и въ 1815 гг.). Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: къ каждой главѣ прилагались подробныя изъясненія, иногда очень обширныя, и всѣ эти изъясненія, какъ и всѣ журналы совѣта, содержащіе въ себѣ разсужденія и заключенія Сперанскаго, онъ писалъ собственноручно. Затѣмъ подписаныя журналы подносились государю. Членамъ совѣта были розданы печатные экземпляры проекта, и въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или нѣсколько главѣ, а въ слѣдующій разъ выслушивались письменныя или словесныя замѣчанія на прочитанное въ предшествовавшее засѣданіе. Такимъ образомъ былъ разсмотрѣнъ проектъ гражданскаго Уложенія съ небольшимъ въ годъ, занявъ 38 засѣданій. Но надѣ этимъ дѣломъ, какъ довольно удачно выразился баронъ Корфъ, тяготѣлъ особенный фатализмъ. Три пересмотра въ теченіе десяти лѣтъ не могли привести ни къ чему окончательному. Государственный совѣтъ постановилъ измѣнить 721 параграфъ, въ томъ числѣ цѣлыхъ главы, и съ такими исправленіями полагалъ проектъ утвердить. Но тогда поднялась противъ него оружіе самъ Сперанскій, внутренно сознававшій слабость всей работы. Онъ представилъ государю, что гражданскаго Уложенія нельзѧ ввести въ дѣйствіе безъ устава судопроизводства, а этому уставу едва только положено начало, и что, кроме того, въ самомъ проектѣ Уложенія, за всѣми пересмотрами и поправками, все еще осталось много недостатковъ и неточностей, которыхъ можно избѣгнуть только новою передѣлкою его въ цѣломъ составѣ. Къ такой передѣлкѣ, однако, ни тогда, ни послѣ не было приступлено. При видимомъ охлажденіи имп. Александра къ этому дѣлу, вопросъ о новомъ Уложеніи снова заглохъ и въ разматриваемое царствованіе уже навсегда.

¹⁾ Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, ч. I.

§ 3. Кодификація при Николаѣ I—Сводъ Законовъ.

Со вступлениемъ на престоль имп. Николая I этотъ вопросъ былъ снова поднятъ, тѣмъ болѣе, что самъ государь крайне интересовался его разрѣшенiemъ. „Я счель долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, говорилъ впослѣдствіи (19 Января 1833 г.) въ засѣданіи Государственного совѣта имп. Николай, о которыхъ не имѣль почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ, занявшимъ меня, дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще съ молоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіе полныхъ на все законовъ или о смѣшаніи ихъ отъ чрезвычайного множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этого: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направить свои дѣйствія по части законодательства; и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вместо сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ сперва собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взять въ непосредственное мое руководство“.

Одновременно съ этимъ государь поручилъ Сперанскому изложить мысли о способахъ улучшенія законодательства. Сперанскій выполнилъ порученную ему работу и представилъ двѣ записки, а именно: краткое историческое обозрѣніе комиссіи составленія законовъ и предположенія къ окончательному составленію законовъ. Изъ этихъ записокъ видно, что Сперанскій остался вѣренъ своей прежней точкѣ зрѣнія на необходимость составленія нового Уложенія, а не свода законовъ. Но государь съ этимъ не согласился и, отстранивъ мысль о составленіи Уложенія, которое казалось ему чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретическимъ, остановилъ свой выборъ на сводѣ законовъ существующихъ съ исключеніемъ

всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ¹⁾.

Опредѣливъ направлѣніе кодификаціонныхъ работъ, государь преобразовалъ бывшую комиссию во II отдѣленіе собственной канцеляріи (31 января 1826 г.), начальникомъ которой, хотя и былъ назначенъ Балугъянскій, но фактически дѣлами всего отдѣленія завѣдывалъ Сперанскій, не смотря на то, что съ формальной стороны не имѣлъ никакого отношенія къ отдѣленію. Сперанскій вель дѣло съ умѣніемъ и съ распорядительностію, не теряя напрасно ни минуты. По словамъ его біографа, для каждой главной части Свода и предшествовавшихъ ей историческихъ обозрѣній имъ самимъ были составлены отдѣльные планы или оглавленія, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ частіи и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Многія изъ этихъ предварительныхъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробнотей, измѣнились, но работавшіе имѣли въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, некоторую путеводную нить, полагавшую и границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую. При II отдѣленіи была учреждена большая типографія, и пока одни изъ чиновниковъ сносили отовсюду и потомъ повѣряли, и отдавали въ печать материалы, долженствовавшіе войти въ Полное Собрание Законовъ, другіе готовили нужныя изъ нихъ извлеченія для Свода, располагая предметы въ порядкѣ, указанномъ программами. Совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей (говорить баронъ Корфъ) можно было сравнить съ благоустроеною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постояннѣмъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ. „Я исправижу всякую хлонотливость, говорилъ Сперанскій, непріятны, не дѣла, но бездѣлки, черезъ которыхъ надобно пройти къ дѣламъ“. Этому правилу (замѣчаетъ баронъ Корфъ), которое практически соблюдалось въ занятіяхъ II отдѣленія, должно, можетъ быть, приписать одну изъ главныхъ причинъ ихъ успѣшиности. Сперанскій очень часто самъ бывалъ въ отдѣленіи и следилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ старшіе редакторы поочередно являлись со своими тетрадями къ нему и здѣсь при Балугъянскомъ проходили съ нимъ сперва историческія обозрѣнія, потомъ dogmatischeкую часть, изъ которой ни одна строка во всѣхъ

1) Бачковъ, Русская Старина 1876 г., № 2.

15 томахъ не осталась безъ личной его повѣрки и очень часто передѣлки. По мѣрѣ того, какъ поспѣвала какая-нибудь часть имѣвшая значеніе нѣкотораго дѣлого, Сперанскій представлялъ ее государю. Кромѣ того, всѣ безъ исключенія чиновники должны были еженедѣльно подавать письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіи недѣли, и эти отчеты также подносились государю въ меморіяхъ, на которыхъ онъ не разъ дѣлалъ свои отмѣтки. Только такою твердостью воли и непрерывною бдительностью высшихъ дѣятелей (говорить баронъ Корфъ) можно объяснить, какимъ образомъ при разнородности элементовъ, изъ которыхъ было составлено II отдѣленіе, при очень небольшомъ числѣ трудившихся въ немъ и при малой еще, въ особенности вначалѣ, опытности ихъ, была приведена къ окончанію столь грандиозная работа.

Сперанскій въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ учрежденія отдѣленія, какъ было уже сказано, занимался составленіемъ плана какъ всей работы въ совокупности, такъ и отдѣльныхъ плановъ каждой части Свода и историческихъ обозрѣній, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. На основаніи этихъ предположеній Сперанскаго II отдѣленію предстояло выполнить слѣдующую программу: определить съ точностью существо дѣла и главныя его правила, составить планъ общаго раздѣленія законовъ, учредить по этому плану работы приготовительныя и установить работы окончательныя.

Что касается существа дѣла, то изъ опытовъ прежнихъ комиссій видно было, что труды ихъ всегда колебались между двумя предположеніями: составить сводное Уложеніе, подъ которымъ разумѣлся сводъ существующихъ законовъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣнений въ ихъ существѣ, или составить новое Уложеніе, источники котораго сплошь да рядомъ даже и не предполагались въ дѣйствующемъ правѣ. Изъ этихъ двухъ системъ, какъ было уже сказано, императоръ Николай избралъ первую, заключавшуюся въ составленіи свода законовъ безъ всякихъ измѣненій. Затѣмъ Сперанскій пришелъ къ тому заключенію, что наше сводное Уложеніе и кодексъ Юстиніана въ дѣйствительномъ исполненіи одни представляютъ дѣло законодательного характера, а всѣ прочіе виды сводовъ—выписки; сборники, указатели, книги учебныя и ученыя—есть дѣло частное, поэтому было рѣшено, что предположенный Сводъ

долженъ быть *Corpus juris*, общимъ составомъ законовъ и въ этомъ понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности¹⁾.

Такимъ образомъ, опредѣливъ существо Свода, слѣдовало опредѣлить правила его составленія. Эти правила отчасти содержались въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода—въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ того, ближайшимъ руководствомъ было признано принять начала, установленные Бэкономъ, съ ограничениями, признанными необходимыми по свойству русскаго законодательства. Правила Бэкона состоять въ слѣдующемъ: 1) исключать изъ Свода всѣ законы, вышедши изъ употребленія, причемъ послѣдними считать только тѣ, которые отмѣнены силою позднѣйшихъ узаконеній; 2) исключать всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановлений, касающихся одного и того-же предмета, принять одно изъ нихъ—полнѣйшее; 3) сохранять слова закона, извлекая статьи Свода изъ текста его источниковъ, хотя бы самыми мелкими и дробными частями; затѣмъ эти части свя-
зать и соединить между собою, такъ какъ въ законѣ имѣть значение не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности драгоцѣнна древность; безъ этого-же Сводъ быль-бы учебною или ученою книгою, а не собранiemъ дѣйствующихъ законовъ. Правило это было рѣшено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: а) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ, излагать тѣми самыми словами, которыя имѣются въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; б) тѣ статьи, которыя основаны на нѣсколькихъ указахъ, излагать словами главнаго указа съ присоединеніемъ словъ изъ другихъ указовъ, служащихъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; в) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать въ томъ смыслѣ, какой онъ представляютъ въ ихъ совокупности, и при томъ подъ каждой статьей выписывать указы, легшие въ ея основание; 4) законы многосложные и обширные должны быть сокращаемы; 5) изъ законовъ, противорѣчашихъ другъ другу, избирать тотъ, который является лучшимъ. Однако, въ виду того, что составители Свода преступили-бы предѣлы, положенные имъ, если-бы взялись за разрешеніе вопроса, который изъ двухъ противорѣчашихъ законовъ лучше, рѣшено было принять другое правило, а именно: изъ двухъ несходныхъ между

¹⁾ Сперанскій, Обзоръ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 89 и слѣд.

собою законовъ слѣдоватъ позднѣйшему, не разбирая, лучше-ли онъ или хуже прежняго; 6) по составленіи такимъ образомъ Свода, онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы въ него подъ видомъ старыхъ законовъ не вкрадись новые законы. Согласно съ этимъ правиломъ было положено подвергать ревизіи своды каждой части законодательства со стороны тѣхъ изъ государственныхъ учрежденій, къ компетенціи которыхъ они имѣютъ отношеніе; 7) Бэконъ полагаетъ составить два свода: одинъ изъ, такъ называемаго въ Англіи, общаго права, а другой изъ статутовъ. У насъ этого различія нѣтъ, но есть законы дѣйствующіе на всемъ пространствѣ имперіи, и законы мѣстные, имѣющіе значеніе только для извѣстныхъ областей. Въ виду этого, было решено въ общемъ Сводѣ соединить законы первой категоріи, законы-же второй категоріи собрать въ двухъ сводахъ: для западныхъ губерній и для оствѣскаго края; 8) кромѣ этихъ правилъ, составители Свода признали нужнымъ принять еще слѣдующее: въ виду того, что составляемый ими законодательный сборникъ долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ юридической жизни, было постановлено всѣ вновь выходящіе законы печатать въ ежегодномъ продолженіи Свода и согласовать съ нимъ статьи послѣдняго¹⁾.

Опредѣливъ существо Свода и установивъ правила его составленія, II отдѣленіе приступило къ выработкѣ плана общаго раздѣленія законовъ, согласно съ которымъ должны были быть размѣщены въ сводѣ отдельные постановленія. Въ этомъ отношеніи всѣ законы были раздѣлены на восемь слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

I. Основные государственные законы (т. I, ч. 1).

II. Учрежденія: 1) центральныя (т. I, ч. 2); 2) мѣстныя (т. II); 3) уставъ о службѣ государственной (т. III).

III. Законы правительственныхъ силъ: 1) уставъ о повинностяхъ (т. IV); 2) уставы о податяхъ и о пошлинахъ (т. V); 3) уставъ таможенный (т. VI); 4) уставы монетный, горный и о соли (т. VII); 5) уставы лѣсной, оброчныхъ статей и счетные (т. VIII).

IV. Законы о состояніяхъ (т. IX).

V. Законы гражданскіе и межевые (т. X).

VI. Уставы государственного благоустройства: 1) уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, кредитный, о

¹⁾ Сперанскій, назв. соч., стр. 104 и слѣд.

векселяхъ, торговый, консультский, о промышленности (т. XI) и 2) уставы путей сообщения, почтовый, телеграфный, строительный, положение о взаимномъ страховании отъ огня, уставъ о сельскомъ хозяйствѣ, положенія о наймѣ на сельскія работы и о трактирныхъ заведеніяхъ, уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, о казачьихъ селеніяхъ и о колоніяхъ иностранцевъ въ имперіи (т. XII).

VII. Уставы благочинія: 1) уставы о народномъ продовольствіи, обѣ общественномъ призрѣніи и врачебный (т. XIII) и 2) уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, цензурный, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о содержащихся подъ стражей, о ссылочныхъ (т. XIV).

VIII. Законы уголовные (т. XV)¹⁾.

Основанія такого раздѣленія законовъ, принятыхъ II отдѣленіемъ, по словамъ самого Сперанского, были слѣдующія. Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный можетъ быть внутренний и вѣнчаний; здѣсь идетъ рѣчь только о первомъ. Союзъ гражданскій можетъ быть также двухъ родовъ: союзъ семейственный и союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности, тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами, вслѣдствіе чего послѣдніе бываютъ двухъ категорій: законы государственные и гражданскіе. Законы государственные въ свою очередь дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо государственного союза и правъ, вытекающихъ изъ него. Здѣсь прежде всего представляется порядокъ образованія верховной власти и дѣйствій ея въ области законодательства и управления, органы этого дѣйствія—учрежденія, средства—силы государственные, предназначенные для этого дѣйствія. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ, этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида государственныхъ законовъ: 1) законы основные, 2) учрежденія, 3) законы государственныхъ силъ и 4) законы о состояніяхъ. Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыми охраняются какъ государственный и гражданскій союзы, такъ

¹⁾ Въ 1898 г. введенъ еще т. XVI, въ составъ которого вошли законы процессуальные, т. е. судебные уставы 1864 г. (за исключеніемъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, отнесенного еще въ 1886 г. къ составу XV т.) и правила обѣ устройствѣ судебнай части и производства судебнѣй въ мѣстностахъ, въ которыхъ введено положеніе о земельныхъ начальникахъ.

и права, вытекающія изъ нихъ. Сюда принадлежать: 1) законы предохранительные, т. е. уставы благочинія и 2) законы уголовные.

4) Законы гражданскіе таکъ-же, какъ и государственные, дѣлятся на двѣ категории. Къ первой принадлежать законы, установляющіе порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ, во-вторыхъ, законы, установляющіе порядокъ укрепленія правъ имущественныхъ; въ-третьихъ, законы установляющіе порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особенномъ отношеніи ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и т. п. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ: 1) законы союза семейственного, 2) общіе законы объ имуществахъ (эти два вида носятъ название общихъ гражданскихъ законовъ; къ нимъ присоединяются еще законы межевые, опредѣляющіе порядокъ „развода“ границъ владѣній) и 3) особенные законы объ имуществахъ, называемые законами государственного благоустройства или экономіи. Ко второй категоріи гражданскихъ законовъ относятся законы, охраняющіе дѣйствіе правъ мѣрами порядка гражданскаго. Эти законы слѣдующіе: 1) законы о порядке взысканій по дѣламъ безспорнымъ, 2) законы о судопроизводствѣ: общемъ—гражданскомъ и особенномъ—межевомъ и торговомъ, 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій. Въ этомъ состоять главныя основанія принятаго въ Сводѣ раздѣленія законовъ.

Что касается до приготовительныхъ работъ, предпринятыхъ Ц. отдѣленіемъ, то онѣ состояли въ собраніи законовъ и въ подробномъ обозрѣніи каждой части Свода посредствомъ историческихъ сводовъ. Еще задолго до Сперанского неоднократно дѣлались попытки, какъ со стороны законодательныхъ комиссій, такъ и со стороны частныхъ лицъ составить сборники законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядке, но всѣ эти сборники страдали неполнотою, незаконченностью и невѣрностью въ текстѣ законовъ. Въ виду этого, II отдѣленію пришлось начать снова вышенназванную работу. Приступая къ ней, составители Свода установили слѣдующія главныя правила: 1) все собраніе раздѣлить по двумъ эпохамъ: первое—отъ Уложенія 1649 г. до 12 Дек. 1825 г., когда былъ изданъ первый манифестъ имп. Николая, и второе—съ 12 Дек. 1825 г., по настоящее время (теперь имѣется уже третье собраніе законовъ, въ составъ которого входятъ всѣ законодательные акты, изданные съ 1-го Марта

1881 г., т. е. со дня вступлениі на престолъ имп. Александра III). Началомъ собранія законовъ положено было принять Уложеніе, въ виду того, что законодательные акты, изданные до него, считались отмѣненными самимъ фактомъ изданія Уложения, какъ известно, долженствовавшаго объединить собою весь предшествовавшій ему законодательный материалъ; 2) въ собраніи помѣстить всѣ законодательные акты, изданные верховной властью или учрежденными ею правительственные мѣстами, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные; 3) судебная рѣшенія въ собраніи не помѣщать, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, сила дѣйствій которыхъ распространена на всѣ аналогичные случаи, а также тѣхъ, которыхъ признаны примѣромъ или образцомъ для другихъ рѣшеній, и, наконецъ, тѣхъ, въ которыхъ разъясненъ общий законъ, т. е. установленъ точный его смыслъ и отвергнуты толкованія, несообразны съ его „разумомъ“; 4) все „частное“ и „личное“, равно какъ и „временные мѣры“, исключить изъ собранія, кромѣ тѣхъ изъ распоряженій, которыхъ, хотя по существу и являются частными и случайными, но важны въ историческомъ отношеніи.

По установленіи названныхъ правилъ, II отдѣленіе приступило къ составленію собранія законовъ, для чего было предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ сдѣлать у себя изысканія и составить реестры имѣющихся у нихъ узаконеній, которыхъ въ подлинникахъ и отправить въ отдѣленіе для напечатанія.

Издание Полнаго Собрания Законовъ было необходимо главнымъ образомъ потому, что безъ него не только могли бы быть составленъ самый Сводъ, но и при немъ собраніе законовъ считалось необходимымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ. Такое собраніе было необходимо, во-первыхъ, для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ возникли при дѣйствіи еще прежнихъ законовъ; во-вторыхъ, для разрѣшенія сомнѣній, могущихъ имѣть мѣсто при применѣніи на практикѣ какой-либо изъ статей Свода; въ-третьихъ, во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, где не стоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и где часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить законъ, основанный не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства; въ-четвертыхъ, въ законахъ видно, какъ нравственные и политическія силы.

государства слагались, образовывались, возрастили и измѣнялись", а поэтому собрание должно было иметь значение и для науки.

Вторая приготовительная работа къ изданию Свода заключалась въ составлении отдельныхъ на каждую часть по-следнаго историческихъ сводовъ. Эти своды составлялись слѣдующимъ образомъ. По написаніи общаго плана, для каждой главной его части въ особенности составлялся отдельный планъ или оглавление, въ которомъ означались предметы части согласно указаніямъ лучшихъ образцовъ и съ раздѣленіемъ ея на книги, раздѣлы, планы и отдѣленія. По этимъ оглавленіямъ прискивались къ каждому отдѣленію законы, какъ действующіе, такъ и отмѣненные, а затѣмъ уже послѣдніе исключались.

Окончательные труды по составленію свода состояли въ томъ, что тексты законовъ распредѣлялись по своимъ мѣстамъ въ видѣ статей, и такимъ образомъ составлялись отдельные своды, которые сравнивались между собою съ цѣлью уничтоженія среди ихъ постановлений разногласій, имѣвшихъ возможность вкрасться въ каждый сводъ при отдельномъ его составлении. Подъ каждой статьей означались ея источники, иногда сопровождаемые примѣчаніями, не существовавшими, впрочемъ, имѣть силы закона (по крайней мѣрѣ по первоначальной мысли составителей Свода), а предназначенные служить исключительно къ разъясненію закона.

По мѣрѣ составленія отдельныхъ частей Свода, онъ отсыпалась для ревизіи, т. е. пересмотра въ, такъ называемые, ревизионные комитеты, учрежденные при министерствахъ и главныхъ управлѣніяхъ (всѣхъ ихъ было семь). Эти комитеты обозрѣвали своды со стороны ихъ полноты и точности постановлений, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы всѣ действующіе законы были помѣщены въ Сводъ и чтобы среди нихъ не оказались отмѣненные законы. Ревизія окончилась въ Маѣ 1832 г.

19 Янв. 1833 года Государственный совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ зала совѣта лежали 15 томовъ Свода и 56 томовъ Полнаго Собрания Законовъ. Засѣданіе было открыто самимъ государемъ, который произнесъ рѣчь, продолжавшуюся болѣе часа. Въ ней государь изложилъ сущность труда, совершенного II отдѣленіемъ, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыхъ должны были явиться результатами названнаго труда въ области изученія и прак-

тическаго примѣненія законодательства. Рѣчь свою государь заключилъ обращеніемъ къ членамъ совѣта, прося ихъ высказать свои мнѣнія по поводу того, въ какой силѣ и съ какого времени Сводъ долженъ начать свое дѣйствіе? Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній со стороны министра юстиціи Дашкова на редакцію Свода, государь предложилъ четыре вопроса: 1) признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобы текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраниі, служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; 2) признать ли статьи Свода закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, где не существуетъ сомнѣнія какъ относительно наличности закона, такъ относительно его смысла, въ случаѣ же возникновенія такого сомнѣнія, прибѣгать къ самому тексту закона изъ Полнаго Собранія и разрѣшать сомнѣнія по этому тексту; 3) признать ли текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраниі, единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ, а статьи Свода считать только средствомъ вспомогательнымъ или, такъ сказать, совѣщательнымъ при присканіи ихъ и при удостовѣреніи въ ихъ смыслѣ; 4) признать ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона Полнаго Собранія основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія? Этотъ четвертый вопросъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Точно также былъ разрѣшенъ и третій вопросъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Сводъ, не получивъ никакой законодательной силы, былъ бы низведенъ до значенія частнаго юридического сборника и всѣ труды по его составленію оказались бы вполнѣ непроизводительными. Выборъ же между двумя первыми предположеніями послужилъ поводомъ къ долгимъ преніямъ, закончившимся принятіемъ первого предложенія, вслѣдствіе чего было рѣшено: „издать Сводъ въ видѣ законовъ, коимъ въ рѣшеніяхъ исключительно руководствоваться должны“. Однако, при подписаніи журнала Государственного совѣта 19 Января между членами его произошло разногласіе, причемъ большинство полагало, что журналъ составленъ правильно, меньшинство же придерживалось противоположнаго взгляда. Объ этомъ разногласіи былъ составленъ особый журналъ, на которомъ государь положилъ слѣд-

дующую резолюцію: „Журналъ составленъ совершенно правильно согласно моимъ намѣреніямъ, въ Совѣтѣ изложеніемъ. Сводъ разсылается нынѣ же, какъ положительный законъ, котораго исключительное дѣйствие начнется съ 1-го Янв. 1835 г. Руководствоваться онимъ нынѣ же дозволяется только въ такомъ смыслѣ, что подъ каждою статьею означеніи всѣ законы, которые до каждого предмета касаются и которые по нынѣшней формѣ судопроизводства всѣ въ приговорѣ или опредѣленіи прописаны быть должны, но отнюдь не выписывая собственной статьи Свода, котораго законная сила начинается съ 1835 года“¹⁾.

На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 21 Января 1833 г., которымъ было предписано Сенату обнародовать Сводъ Законовъ во всеобщее свѣдѣніе. Послѣдній „имѣлъ воспріять законную свою силу и дѣйствие“ съ 1 Янв. 1835 г., почему съ этого времени всѣ правительственные и судебныя мѣста должны были „прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на статьи Свода“ „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы“ (т. е. изданные до Свода). Всѣ же законы, изданные послѣ 1-го Янв. 1833 г., должны были вноситься въ „продолженія“ Свода. „Симъ исполнилось, говорилъ въ заключеніи манифестъ, желанія предковъ нашихъ, въ теченіе ста двадцати шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся“²⁾.

Со времени первого изданія Свода Законовъ въ 1832 г. онъ выдержалъ еще два изданія полныхъ: въ 1842 и въ 1857 г. и девять неполныхъ: въ 1876, 1883, 1885, 1886,

1) Бар. Корфъ, Жизнь графа Сперанского, ч. II, стр. 318; Коркуновъ, Сборникъ статей, стр. 82 (статья „Значеніе Свода Законовъ“). Въ сочиненіи бар. Корфа сказано, что на разрѣшеніе Государственного совѣта были предложены только три вопроса о Сводѣ Законовъ (1-й, 2-й и 3-й). Между тѣмъ изъ подлинника журнала Государственного совѣта, приведеннаго проф. Коркуновымъ въ назв. статьѣ, видно, что вопросовъ было предложено не три, но четыре.

2) Изъ всего сказанного видно, что Сводъ Законовъ, есть законъ, ставшій, съ 1835 г. источникомъ нашего права и отмѣнившій дѣйствие всѣхъ прежнихъ законовъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько они не согласны съ его постановленіями. Однако, противъ этого, признаннаго какъ наукой, такъ и практикой, мнѣнія выступилъ проф. Коркуновъ, отрицающій за Сводомъ характеръ закона и признающій за нимъ лишь значеніе аутентичнаго толкованія прежнихъ законовъ, продолжающихъ якобы свое дѣйствие и теперь (Сборникъ статей, назв. статья, стр. 75 и слѣд.). Аргументація г. Коркунова вполнѣ опровергнута г. Лозинча-Лозинскимъ (Журн. Мин. Юстиціи 1897 г., кн. IV и V, статья „Кодифікація законовъ по русскому праву“).

1887, 1889, 1890, 1893 и 1896 г.г. Что же касается до законодательныхъ актовъ, издававшихся въ промежутки между новыми изданіями Свода, то они помѣщаются въ „продолженіяхъ“ къ Своду, печатающихся время отъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Съ царствованія Александра II стали издаваться, кромѣ обыкновенныхъ „продолженій“, еще сводныя продолженія, въ составѣ которыхъ входятъ всѣ перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія (полнаго или неполнаго) Свода.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ.
ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

Государственное право.

ГЛАВА I.

Territoria.

Въ императорскую эпоху терриорія Россіи значительно увеличилась сравнительно съ терриоріей Московскаго государства, причемъ это увеличеніе произошло насчетъ земель, лежащихъ на западѣ, югѣ и востокѣ. Первые завоеванія на западѣ были произведены въ царствованіе Петра Великаго послѣ знаменитой войны со Швеціей и санкционированы, какъ принадлежащія Россіи, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ 1721 г. По этому договору Россія пріобрѣла Ингерманландію, часть Карелии, когда то принадлежавшую Великому Новгороду и утраченную Московскимъ государствомъ по Столбовскому мирному договору, Лифляндію, Эстландію¹⁾ и часть Финляндіи

¹⁾ Ништадтскій договоръ только санкционировалъ de jure то, что раньше уже совершилось de facto. Такъ, Лифляндія была присоединена къ Россіи еще въ 1710 г., послѣ утвержденія Петромъ такъ называемыхъ „аккордныхъ пунктовъ“, которыми за ліфляндскими дворянами и горожанами сохранились ихъ права и привилегіи. Тогда же Петръ издалъ двѣ жалованныя грамоты—дворянству (30 Сентября) и горожанамъ (12 Октября), которыми снова подтвердилъ права и привилегіи ліфляндскихъ сословій, но со слѣдующими оговорками: „елко ония къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“, а также „однакожъ наше и нашихъ государствъ высочество и права предоставляя безъ предосуждения и вреда“. Этими оговорками было признано право русскихъ государей дѣлать измѣненія въ областномъ устройствѣ Ліфляндіи, чѣмъ впослѣдствіи и воспользовалась Екатерина II.

Точно также и Эстландія была присоединена къ Россіи въ томъ же 1710 г. и получила аналогичныя грамоты 1-го и 13-го Марта 1712 г.

(нынѣшнюю Выборгскую губернию). Эти пріобрѣтенія имѣли огромное значение для Россіи, такъ какъ она стала твердою ногою на прибрежья Балтійского моря и, вслѣдствіе этого, вступила въ сонмъ европейскихъ державъ. Отнынѣ судьбы Россіи тѣсно связались съ судьбами остальной Европы, и, при разрѣшеніи общеевропейскихъ дѣлъ, голосъ Россіи получилъ весьма важное значеніе. Иначе говоря, выражаясь словами Пушкина, въ Европу было „прорублено окно“, и такимъ образомъ Россія вышла изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ она находилась въ московскомъ періодѣ, будучи огражденной отъ всего цивилизованнаго мира враждебными ей Турціей, Польшей, Ливоніей и Швеціей и имѣя только такой неудобной выходъ въ Европу, какъ Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ.

Такое же важное пріобрѣтеніе на западѣ было сдѣлано Россіей при Екатеринѣ II послѣ раздѣла Польши, когда съ Россіей возсоединились древнерусскія области, нѣкогда отторгнутыя отъ нея великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Такъ, послѣ первого раздѣла Польши въ 1772 г. была присоединена сѣверная и восточная часть Бѣлоруссіи; послѣ второго раздѣла въ 1793 году остальная часть Бѣлоруссіи и юго-западный край и послѣ третьаго раздѣла въ 1795 г. Литва (такимъ образомъ невозсоединеной осталась Червонная Русь или Галиція, и по сей день входящая въ составъ Австрійской имперіи). Въ томъ же 1795 году къ Россіи была присоединена и Курляндія¹⁾.

Наконецъ, въ царствованіе Александра I Россія еще расширила свои пріобрѣтенія на западѣ путемъ присоединенія Финляндіи и Царства Польскаго. Въ литературѣ существуетъ возврѣпіе, будто Великое Княжество Финляндское не составляетъ инкорпорированной части Россіи, а находится въ состояніи реальной уніи съ ней. Это мнѣніе раздѣляется финляндскими учеными и публицистами²⁾ и, по странной слу-

1) Послѣ паденія Польши, курляндскій ландтагъ (Курляндія находилась въ личной зависимости отъ Польши) постановилъ: „покориться непосредственно и безусловно Имперіи Россійской“, вслѣдствіе чего Екатерина II манифестомъ 15 Янв. 1795 г. присоединила Курляндію „на вѣчныя времена“ къ Россіи, обѣщающа сохранить права и привилегіи ея сословій съ оговоркою, что на нихъ будутъ распространены права и выгоды, дарованныя всѣмъ остальнымъ русскимъ подданнымъ.

2) Впрочемъ, это мнѣніе возникло сравнительно недавно; такъ какъ прежніе финляндскіе писатели (напр., Пекка Каухариненъ, Пальменъ, Лундаль, Роненборгъ и др.) признавали Финляндію русскою провинціею, отвергая какой бы

чайности, нѣкоторыми русскими. Напротивъ, большинство западно-европейскихъ ученыхъ, занимающихся вопросами государственного и международного права, стоятъ на противоположной точкѣ зрењія, отвергая всякую унію между Россіей и Финляндіей ¹⁾. Второе мнѣніе вполнѣ правильно, такъ какъ соответствуетъ историческимъ фактамъ и толкованіямъ юридическихъ документовъ, опредѣляющихъ государственно-правовое положеніе Финляндіи. Прежде всего нужно замѣтить, что Финляндское „государство“ уже по одному тому не можетъ существовать, что такого никогда не было, такъ какъ Финляндія всегда являлась ничѣмъ инымъ, какъ шведской провинціей ²⁾, не пользовавшейся вдобавокъ никакимъ особыннымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, благодаря которому она могла бы находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ остальная шведская провинція. Затѣмъ Финляндія была завоевана силою русского оружія во время войны съ Швецией въ 1808—9 г.г. и присоединена къ Россіи на основаніи Фридрихсгамского мирного договора. По этому послѣднему шведскій король отказался „отнынѣ и навсегда“ отъ Финляндіи въ пользу русского императора, его преемниковъ и Российской Имперіи. „Губерніи сіи (т. е. финляндскія), какъ гласитъ ст. 4 договора, будуть отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Импе-

2

то ни было договорный характеръ въ отношеніяхъ между нею и Россіею (Абовъ, Финляндія въ русскомъ государственномъ правѣ, Журн. Юрид. Общ. 1898 г., кн. IV).

1) Напр., Филиморъ, Кальво, Бульмеринъ, Гольцендорфъ, Бичъ-Лауренсъ, Еллинекъ и др. „Финляндія, говоритъ послѣдний, по своему устройству и управлению самостоятельна такъ, какъ никакая другая провинція Россіи. Но тѣмъ не менѣе, она только провинція русской имперіи, а не государство, стоящее въ ней въ отношеніи реальной или личной уніи, ибо завоеваніемъ государства или части государства, господствовавшага въ немъ до того времени государства, совершенно уничтожается и на ея мѣсто вступаетъ новая, съдовательно, власть Швеціи замѣнилась властью Россіи“ (Die Lehre vov den Staatenverbindungen, стр. 11; см. также статью Коркунова „Финляндское Великое Княжество“ въ Юрид. Лѣтописи 1890 г., № 2). Впрочемъ, въ позднѣйшемъ своемъ труда „Ueber Staatsfragmente“ (1896 г.) Еллинекъ видоизмѣнилъ свои возврѣпія на юридическое положеніе Финляндіи. Попрежнему не признавая за ней характера государства, онъ однако, не считаетъ ее и провинціей, а относить къ категоріи, такъ называемыхъ, государственныхъ фрагментовъ (?!)—понятіе и терминъ которыхъ впервые изобрѣтены имъ. Таковыми онъ считаетъ, кроме Финляндіи, еще земли Австрійской короны, Хорватію, англійскія колоніи и др.

2) Территорія Финляндіи составляла нѣсколько губерній (län), о чёмъ и говорить ст. 4 Фридрихсгамского трактата, такъ что Финляндія, въ смыслѣ единаго территоріального цѣла, никогда не было.

рії Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Далѣе, въ высочайшемъ повелѣніи о созваніи финляндскаго сейма въ г. Борго въ мартѣ 1809 г. императоръ Александръ I заявилъ что „волею Провидѣнія и побѣдою нашего оружія Великое Княжество Финляндское навсегда присоединено къ нашей имперії" ¹⁾). Затѣмъ, наканунѣ открытия засѣданій сейма государь издалъ манифестъ, которымъ утвердилъ права и привилегіи финляндскихъ сословій. Этотъ манифестъ любопытенъ въ двойкомъ отношеніи. Во-первыхъ, изъ него видно, что подтвержденіе финляндскихъ привилегій Александромъ I было актомъ милости государя („признали мы за благо", говорится въ манифестѣ), а совершенно не основывалось на какомъ бы то ни было договорѣ, обязательномъ для русского правительства; ²⁾ во-вторыхъ, обѣщаю хранить привилегіи, Александръ I говоритъ только о себѣ, совершенно не связывая руку въ этомъ отношеніи у своихъ преемниковъ ³⁾. Остальные акты, касающіеся Финляндіи и изданные въ царствованіе Александра I, Николая I и Александра II, также свидѣтельствуютъ въ пользу того, что Финляндія была просто присоединена къ Россіи, или выражаясь юридически, инкорпорирована Россіей, такъ что на основаніи ихъ никоимъ образомъ нельзя говорить о какой бы то ни было уніи—личной или реальной, существующей между Россіей и Финляндіей. Для примѣра приведемъ манифестъ о переименованіи финляндскаго совѣта въ сенатъ, въ которомъ, между про-

¹⁾ Впрочемъ, еще въ манифестѣ 5 Іюня 1808 года было заявлено, что „въ средѣ народовъ, скіпетру россійскому подвластныхъ и единую имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени навсегда воспріали свое мѣсто". Ту же мысль высказалъ имп. Александръ въ своемъ письмѣ къ Наполеону (1808 г.), когда писалъ: *j'ai déclaré la Finlande Suedoise province russe; comme V. M. l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeait* (Елениевъ, Ученіе о Финляндскомъ государствѣ, стр. 45). Точно также въ письмѣ къ Густаву IV императоръ писалъ: „Финляндія включена въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребию битвы" (Абовъ, Финляндія въ русскомъ государственномъ правѣ, Журн. Юрид. Общ. 1898 г., кн. IV).

²⁾ О томъ же говорить и ст. 6 Фридрихсамскаго трактата, а именно: „Его Величество Императоръ Всероссийскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правлѣнія своего жителямъ приобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обеспечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушного своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества".

³⁾ См. мою рецензію въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1890 г., № 9 на Сборникѣ авторѣ Великаго Княжества Финляндскаго, изданный финляндскими учеными Бореніусомъ (Гельсингфорсъ, 1890 г.).

чимъ, читаемъ слѣдующее: „нынѣ, достигши ожиданного давно случая, безъ препятствія отъ попеченій вѣшнихъ, посвятить занятія на управлѣніе *внутренними дѣлами государства нашего*, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ мы, для вѣщаго означенованія на мѣренія нашего о упомянутомъ мѣстномъ управлѣніи *крайа сего*, дать финляндскому вышнему правительству название финляндскаго сената“. И такъ, на основаніи приведеннаго манифеста, финляндскій край входитъ въ составъ „государства *нашего*“, т. е. Россіи, и *внутрення дѣла* послѣдней, а „въ числѣ оныхъ“ и финляндскія, одинаково озабочиваются государя, который, въ силу этого, рѣшается предпринять известную реформу въ области *мѣстнаго финляндскаго управлѣнія*. Болѣе категорически нельзя высказаться о характерѣ отношеній между Россіей и Финляндіей. Наконецъ, послѣдній манифестъ, изданный 28-го Февраля 1891 г., во время засѣданій финляндскаго сейма, снова повторилъ, что финляндскій „край“ находится въ „собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи“. „Финляндскій край, читаемъ въ манифестѣ, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части (рѣчь идетъ о Выборгской губерніи, присоединенной къ Россіи еще по Ништадтскому мирному договору) и раньше, въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ по волѣ имп. Александра I особый порядокъ внутренняго управлѣнія“. Затѣмъ въ манифестѣ указывается на то, что Финляндія находится „подъ скіпетромъ российскимъ“, а учрежденія ея называются „*мѣстными*“.

Если же Финляндія пользуется своимъ особымъ областнымъ устройствомъ и управлѣніемъ, т. е. имѣеть свой сеймъ,¹⁾ свой сенатъ (предсѣдателемъ котораго, впрочемъ, состоить русскій генералъ-губернаторъ), свои мѣстныя учрежденія, свое войско (находящееся, впрочемъ, въ вѣдѣніи не только финляндскаго сената, но и русскаго военного министерства), свою монету (съ которой, впрочемъ, теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкурируетъ и русская монета), свою таможенную границу, свои почтовыя марки (впрочемъ, почтовая часть подчинена теперь русскому главному управлѣнію почтъ

¹⁾ Впрочемъ, огромная масса законодательныхъ актовъ не прошла черезъ сеймъ и издана государями (начиная съ Александра I) безъ его участія. Примѣрное перечисленіе ихъ см. у Абова, назв. ст. въ Журн. Юрид. Общ., 1898 г., кн. IV.

и телеграфовъ), свои законы и т. п., то все это свидѣтельствуетъ о широкой мѣстной автономіи, но не обѣ отдельномъ государственномъ бытіи (здесь нужно замѣтить, что иностранныя сношения Финляндіи ведутся черезъ русское министерство иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ национальнымъ флагомъ; русскія войска, стоящія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи, находятся въ вѣдѣніи русского военного министра; русскія гимназія и реальное училище, имѣющіяся въ краѣ, подвѣдомственны русскому министерству народного просвѣщенія и православные приходы и церкви находятся въ вѣдѣніи русского Св. Синода). Англійскія колоніи въ Америкѣ (напр., Канада и Ньюфаундлендъ), въ Африкѣ (напр., Капландія) и въ Австралии (напр., Викторія, Новый Южный Валлісъ, Квинсландія, Тасманія и др.) пользуются еще большей автономіей и фактически почти независимы, однако, никому и въ голову не приходитъ утверждать, что онѣ фигурируютъ въ качествѣ отдельныхъ государствъ и находятся съ Англіей въ унії. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, неосновательно предполагать существованіе какой бы то ни было уніи между Россіей и Финляндіей. Точно также и фактъ существованія титула „Великій Князь Финляндскій“ никакъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу мнѣнія обѣ отдельномъ государственномъ бытіи Финляндіи, какъ думаютъ нѣкоторые финляндскіе ученые (напр., профессоръ Данельсонъ). Дѣло въ томъ, что въ полномъ титулѣ государь именуется также: „Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій“ и затѣмъ уже „Финляндскій“. Въ среднемъ же титулѣ именованіе „Великій Князь Финляндскій“ поставлено въ самомъ концѣ, послѣ титуловъ: „Царь Сибирскій, Царь Херсонеса Таврическаго, Царь Грузинскій“, и только въ краткомъ титулѣ наименованія: „Царь Шольскій и Великій Князь Финляндскій“ выдѣлены изъ общаго титула. Слѣдовательно, какъ справедливо замѣтить г. Еленевъ, выводить изъ титула обособленность Финляндіи въ смыслѣ реальной уніи столь же основательно, какъ если бы кто, на основаніи тогоже титула, сталъ доказывать, что Крымъ и Грузія составляютъ самостоятельный государствъ, состоящія въ реальной уніи съ Россіей“, и что за ними сохранены прежніе законы татарскихъ хановъ и грузинскихъ царей¹⁾.

¹⁾ Еленевъ, назв. сочин., а также моя рецензія на него (Истор. Вѣстникъ 1895 г., № 8) и Коркуновъ, Финляндское Великое Княжество (Юрид. Дѣтопись 1890 г., № 2).

Что касается до Царства Польского, то оно было присоединено къ Россіи на основаніи постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 года и получило особое областное управление и устройство въ родѣ финляндскаго.

Это устройство опредѣлялось на основаніи конституціи или „хартії государственныхъ установлений“ 27 Ноября 1815 года. Согласно съ хартіей во главѣ Царства былъ поставленъ особый намѣстникъ, назначаемый государемъ изъ польскихъ гражданъ или изъ членовъ императорскаго дома. Намѣстникъ управлять врамъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, предсѣдателемъ которого онъ былъ. Государственный совѣтъ состоялъ изъ министровъ (ихъ было пять) и государственныхъ совѣтниковъ—также по назначенію государя. Функции совѣта заключались въ правительственной дѣятельности и въ выработкѣ законопроектовъ для внесенія въ сеймъ. Послѣднему принадлежала законодательная власть, и онъ состоялъ изъ сената и палаты депутатовъ. Въ составъ сената входили епископы и сенаторы, назначаемые пожизненно государемъ изъ двухъ кандидатовъ на каждую вакансию, избираемыхъ сенатомъ. Напротивъ, въ составъ палаты депутатовъ входили 77 пословъ, избираемыхъ дворянскими сеймиками, состоящими изъ дворянъ, обладавшихъ недвижимою собственностью, и 51 депутата отъ общинъ, избираемыхъ не дворянами, но также владѣющими или недвижимымъ имуществомъ, или промышленнымъ заведеніемъ, затѣмъ духовными лицами и, наконецъ, преподавателями учебныхъ заведеній и представителями либеральныхъ профессій. Что касается до пассивнаго ценза, то онъ сводился къ достижению 30-ти лѣтняго возраста и къ уплатѣ прямого налога. Депутаты избирались на шесть лѣтъ, причемъ палата обновлялась по третямъ, т. е. черезъ каждые два года. Всякий законопроектъ для превращенія въ законъ обязательно долженъ быть пройти черезъ сеймъ и получить его санкцію, равно какъ и быть утвержденнымъ государемъ, пользовавшимся правомъ безусловнаго вето.

Послѣ возстанія 1830 г., „хартія“ была отмѣнена, и областное устройство Царства преобразовано на основаніи грамоты 14 Февр. 1832 г. Во главѣ края былъ поставленъ особый совѣтъ управлениія подъ предсѣдательствомъ намѣстника, причемъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла вносились на разсмотрѣніе въ Государственный совѣтъ, при которомъ для этой цѣли былъ учрежденъ особый департаментъ дѣлъ

Царства Польского, поставленный въ совершенно исключительные условия. Однако, послѣ возстанія 1863 года и это устройство Царства было уничтожено.

Одновременно съ расширениемъ русской территории на западѣ шло и расширение ея на югѣ. Уже въ царствование царя Алексея Михайловича сознавалась необходимость для Россіи стать твердою ногою на Черномъ морѣ (Азовскій соборъ 1642 года). Къ тому же стремился и Петръ I, предпринимая свои азовскіе походы. То же стремленіе существовало и при Аннѣ Ивановнѣ, когда побѣды Миниха нанесли сильные удары Турціи и Крыму. Но только Екатеринѣ II удалось утвердиться на берегахъ Чернаго моря. Такъ, влѣдствіе разгрома Турціи въ первую турецкую войну, закончившуюся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 1774 г., къ Россіи отошли берега Азовскаго моря; въ 1783 году пало Крымское ханство, столь долго беспокоявшее южныя окраины Россіи, и, наконецъ, по Ясскому договору 1791 г., закончившему вторую турецкую войну, къ Россіи былъ присоединенъ съверный берегъ Чернаго моря вплоть до устьевъ Днѣстра. Александръ I въ этомъ отношеніи (говоримъ „въ этомъ отношеніи“, такъ какъ во всемъ остальномъ иностранная политика Александра I существенно отличалась отъ екатерининской) продолжалъ политику своей бабки и по Бухарестскому миру 1812 г. присоединилъ къ Россіи Бессарабію (правда, южная часть ея по Парижскому договору 1856 г. отошла къ Румыніи, но по Берлинскому договору 1878 г. была снова возсоединена съ Россіей).

При Екатеринѣ II началось прерванное одно время движение Россіи на востокъ (оно существовало уже при Петре и выражалось въ его персидскомъ и хивинскомъ походахъ), но только Александру I удалось въ этомъ отношеніи достичнуть реальныхъ результатовъ. Такъ, при немъ были присоединены Грузія, Имеретія и другія владѣнія въ Закавказіи. При имп. Николаѣ I было завоевано много земель въ Закавказіи и на восточномъ берегу Чернаго моря. Послѣ же войны съ Персіей, закончившейся Тюремчайскимъ мирнымъ договоромъ 1827 г. къ Россіи была присоединена вынѣшняя Эриванская губернія. Окончательно Кавказъ былъ присоединенъ при Александрѣ II послѣ плененія Шамиля въ 1864 г. Наконецъ, благодаря послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., къ Россіи отошли Карская и Батумская области. При Александрѣ же II предѣлы Россіи значительно расшири-

лись и на дальнемъ востокѣ; такъ, благодаря энергіи адмирала Невельского и графа МуравьевАмурскаго, Россія стала твердою ногою на Амурѣ путемъ присоединенія къ ней Приамурскаго и Южноуссурскаго края, а также острова Сахалина (въ 1855, 1858, 1860 и 1875 гг.)¹⁾. Вскорѣ послѣ того началось расширение русскихъ предѣловъ въ Средней Азіи. Такъ, въ 1865 г. былъ завоеванъ Туркестанъ, благодаря главнымъ образомъ штурму Ташкента со стороны генерала Черняева. Въ 1876 г. былъ завоеванъ Коканъ (нынѣ Ферганская область). Еще ранѣе (въ 1873 г.) Хива, а затѣмъ и Бухара, если не *de jure*, то *de facto* лишились своей независимости и вошли въ сферу русского влиянія. Наконецъ, въ 1881 году, какъ результатъ ахаль-текинской экспедиціи, завершившейся штурмомъ крѣпости Геоктепе, къ Россіи была присоединена Закаспійская область,²⁾ вслѣдствіе чего русские предѣлы непосредственно придвигнулись къ Афганістану. Благодаря этимъ завоеваніямъ, Россійская Имперія стала однимъ изъ самыхъ большихъ государствъ на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе, что ея территорія составляетъ непосредственно одно цѣлое, а не разбросана по частямъ въ видѣ разныхъ колоній, каѣвъ, напр., у Англии.

ГЛАВА II.

Населеніе.

§ 1. Дворянство³⁾

Высшее сословіе въ Россіи въ императорскую эпоху со времени Петра I стало называться шляхетствомъ и только съ 1762 г. (съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ дворянства) дворянствомъ.

¹⁾ Послѣднее пріобрѣтеніе Россіи на дальнемъ востокѣ было занято въ 1888 г. Порта Артура и Таліенвана (въ Китаѣ), хотя *de jure* это занятіе считается, во—1, временнымъ (на 25 лѣтъ) и, во—2, съ сохраненіемъ верховной власти Китая въ обоихъ городахъ.

²⁾ Собственно говоря, въ 1881 г., была присоединена не вся Закаспійская область, такъ какъ Мервъ добровольно присоединился только въ 1884 г.

³⁾ Яблочковъ, Исторія дворянскаго сословія въ Россіи; Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII стол. до отмены крѣпостного права; мои Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII стол., т. I, гл. 5. „Дворянскіе наказы“; см. также мое изданіе проекта нового Уложения 1754—1766 гг., ч. 3, гл. 22 „О дворянахъ и ихъ преимуществѣ“ (СПБ. 1893 г.).

Способовъ пріобрѣтенія послѣдняго было нѣсколько. Первымъ способомъ нужно признать *рожденіе*, по которому законныя дѣти дворянъ также становились дворянами. Вторымъ способомъ была *выслуга*, установленная Петромъ путемъ изданія въ 1722 г. табели о рангахъ. Было уже сказано, что значение этого законодательнаго памятника въ исторіи русскаго государственного права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности нужно признать громаднымъ, такъ какъ, благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Профессоръ Романовичъ-Славатинскій вполнѣ правъ,¹⁾ говоря, что по духу своему табель была вполнѣ демократической: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждого плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, черезъ которыхъ посредствомъ чина „подлые“ члены общества могли „облагородиться“ и войти въ ряды дворянства. Слѣдствиемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новые силы изъ народа, и оно не могло замкнуться въ особую касту.

На основаніи табели первый оберъ-офицерскій чинъ въ военной службѣ и должностъ VIII класса на гражданской давали потомственное дворянство²⁾. Что-же касается до должностей ниже VIII класса (въ гражданской службѣ), то они давали личное дворянство. Впрочемъ, въ табели обѣ этихъ чинахъ только и сказано „проче-же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, оныхъ дѣти не суть дворянне“. И уже со времени Екатерины II этотъ параграфъ табели сталъ толковаться въ томъ смыслѣ, что лица, имѣющія чины ниже восьмого класса (т. е. коллежскаго ассесора), должны быть причислены къ личному дворянству. Такъ продолжалось до манифеста 1845 г., когда полученіе дворянства было значительно затруднено, а

¹⁾ Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмены крѣпостнаго права, стр. 14.

²⁾ Постановленіе табели относительно военной службы заимствовано изъ указа 16 Янв. 1721 г., по которому было предписано считать дворянами всѣхъ оберъ-офицеровъ не изъ дворянъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и потомками и выдать имъ патенты на дворянство.

именно: по манифесту на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ давалъ только личное дворянство, первый-же штабъ-офицерскій чинъ—потомственное. Что-же касается до гражданской службы, то чинами ниже девятаго класса давалось почетное гражданство, девятымъ классомъ (титулярный совѣтникъ)—личное, а пятымъ (статскій совѣтникъ)—потомственное дворянство. Наконецъ, съ изданіемъ указа 1856 г., было постановлено, что потомственное дворянство пріобрѣтается на военной службѣ чиномъ полковника, а на гражданской—чиномъ дѣйствительного статского совѣтника.

Пріобрѣтеніе дворянства выслугою встрѣтило сильную оппозицію со стороны дворянъ. Уже въ 1730 г., когда дворянство, при избраніи на престолъ императрицы Анны Ioannовны, получило возможность впервые высказать свои нужды и желанія, оно въ своихъ, поданныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, проектахъ просило о раздѣлении дворянъ на двѣ категоріи, съ цѣлью несмѣшанія ихъ между собой, а именно: на дворянъ „подлинныхъ“ или „родовыхъ“ и на „новыхъ“ или „худородныхъ“, т. е. чиновныхъ. Еще болѣе рѣзко выразилась оппозиція дворянъ при составленіи проекта нового Уложения Елизаветинской законодательной комиссіей 1754—1766 гг., при чёмъ присутствовали также и дворянскіе депутаты. По этому проекту было высказано то, что впослѣдствии отчасти получило законодательную санкцію въ манифестѣ 1845 г., а именно: потомственное дворянство можно было получать только на военной службѣ путемъ производства въ первый штабъ-офицерскій чинъ, личное-же дворянство—на военной службѣ путемъ производства въ первый оберъ-офицерскій чинъ. Такимъ образомъ на гражданской службѣ нельзя было дослужиться до потомственного дворянства. „Дѣтей ихъ, читаемъ въ проектѣ, и ихъ самихъ отъ особливыхъ преимуществъ, данныхъ однимъ дворянамъ, исключить, чтобы вѣрные наши поданные изъ дворянъ, чувствуя свое преимущество, къ ревности, большому прилежанію въ наукахъ и къ показанію заслугъ какъ отечеству, такъ и намъ (т. е. императрицѣ) были поощряемы“. Какъ известно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. Въ 1767 г., при созваніи Екатерининской законодательной комиссіи, дворяне въ своихъ наказахъ также высказались по поводу вопроса о „чинѣ“. Такъ, въ ярославскомъ наказѣ дворянство просило: „не соблаговолено-ли будетъ право достигшимъ въ офицерскіе чины дворянскаго какъ имени, такъ и прочихъ

дворянскихъ правъ отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой-бы чинъ не имѣли, дабы достоинство дворянское, которое единственно государю жаловать надлежитъ, не было уподлено". Въ проектѣ, составленномъ коммиссіей о правахъ благородныхъ (члены которой, какъ извѣстно, были избраны общей коммиссіей), желаніе дворянъ было услышано, и проектъ постановилъ: „благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того времени рождены или вновь монархами симъ нарицаніемъ пожалованы". Такимъ образомъ, выслуга, какъ способъ пріобрѣтенія дворянства, долженъ былъ быть уничтоженъ. Однако, и этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи, да и не могъ ея получить, въ виду вполнѣйшаго несогласія воззрѣній императрицы Екатерины II со стремлениями дворянства. Въ своемъ Наказѣ государыня осталась вполнѣ вѣрна принципамъ табели о рангахъ. „Мало такихъ случаевъ, читаемъ здѣсь, которые-бы болѣе вели къ получению чести (т. е. дворянства), какъ военная служба". „Но, хотя военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства... однакоожъ и правосудіе не менѣе надобно во время мира, какъ и въ войнѣ... а изъ этого слѣдуетъ, что не только прилично дворянству, но и пріобрѣтать сіе достоинство можно и гражданскими добродѣтелями, какъ и военными". Въ виду подобныхъ воззрѣній императрицы, нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что Жалованная грамота дворянству постановила: „благородное название дворянское и достоинство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными". Такимъ образомъ, стремлениа дворянъ остались неосуществленными, и выслуга попрежнему продолжала считаться однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія дворянства. Правда, въ проектѣ дополнительнаго закона о состояніяхъ, составленномъ комитетомъ 6 декабря 1826 г. (комитетъ былъ учрежденъ имп. Николаемъ I для обсужденія разныхъ проектовъ, оставшихся послѣ смерти имп. Александра I, и для пересмотра многихъ сторонъ государственного устройства и управления, для чего онъ долженъ былъ представить свои заключенія о необходимыхъ въ этомъ отношеніи преобразованіяхъ), выслуга и получение ордена, какъ способы пріобрѣтенія дворянства, были уничтожены („отнынѣ, гласитъ ст. 12 проекта, достоинство дворянское будетъ не иначе пріобрѣтаемо, какъ двумя только образами: правомъ рожденія и потомственнымъ возведеніемъ въ оное, утвержденнымъ гра-

мотою за собственноручнымъ императорскаго величества под-
писаниемъ"). Однаво, этотъ проектъ, при обсужденіи его въ
Государственномъ совѣтѣ, вызвалъ противъ себя большую
оппозицію, во главѣ которой находился великий князь Кон-
стантинъ Павловичъ, представившій государю двѣ обстоятель-
ныхъ записки, направленныхъ противъ проекта. Между про-
чимъ, великий князь высказался за сохраненіе выслуги, какъ
способа получения дворянства. „Новость сія (т. е. уничто-
женіе выслуги), писалъ онъ, къ настоящимъ обстоятельствамъ
государства не приспособленная, едва-ли не послужить по-
водомъ къ возбужденію, съ одной стороны, во многихъ ропота
и нареканій, влекущихъ за собою непріятныя послѣдствія, а,
съ другой, и самая служба едва-ли не понесетъ на томъ ощу-
тительного вреда"¹⁾). Въ виду этой оппозиціи, нужно ду-
мать, проектъ не получилъ санкціи со стороны государя, а
введенная имъ „новость“ силы закона.

Третімъ способомъ пріобрѣтенія дворянства было по-
жалованіе государемъ. Пожалованіе, равно какъ и выслуга, не
были известны въ Московскомъ государствѣ („изъ посадскихъ
людей, говоритъ Котошихинъ, и ихъ поповыхъ, и изъ крестьян-
скихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей дворянство не дается
никому“) и стали практиковаться только со времени Петра I.
Пожалованіе часто имѣло мѣсто въ царствованіе Елизаветы
Петровны и Екатерины II и иногда даже принимало массо-
вый характеръ. Такъ, Елизавета Петровна послѣ государ-
ственного переворота, доставившаго ей престолъ въ 1741 году,
произвела въ дворяне всѣхъ солдатъ гренадерской роты пре-
ображенского полка, „понеже во время вступленія нашего
на престолъ полки нашей лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская
рота преображенского полка, намъ ревностную службу
такъ показали, что воспріяли престолъ безъ кровопролитія“.

Четвертымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства было по-
жалованіе ордена, что стало практиковаться со времени из-
данія Жалованной грамоты дворянству.

Наконецъ, послѣднимъ способомъ являлся индигенатъ ино-
странцевъ, о чмъ впервые говоритъ табель о рангахъ, пред-
писывая признавать дворянское достоинство за иностранцами
не иначе, какъ съ разрѣшенія государя на каждый отдель-
ный случай („не имѣть никто рангъ взять по характеру,

¹⁾ Проектъ закона о состояніяхъ и обѣ записки великаго князя напечатаны
въ ХС т. Сборн. Русск. Истор. Общ., стр. 363, 467 и 490.

гласитъ табель, который онъ въ чужихъ службахъ получилъ, пока мы его онаго характера не подтвердили“).

Дворяне со времени издания табели о рангахъ дѣлились на два разряда: потомственные и личные. Личные дворяне не передавали дворянства своимъ дѣтямъ и представляли изъ себя особый общественный классъ, по вѣрному замѣчанію профессора Романовича-Славатинского, „не совсѣмъ опредѣленный въ юридическомъ и соціальномъ отношеніи, промежуточный между потомственнымъ дворянствомъ и податными классами, отставшій отъ послѣднихъ и не приставшій къ первому“¹⁾). По нѣкоторымъ правамъ личные дворяне примикивали въ потомственныхъ: они были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутской повинности, но зато, лишенные права владѣть крѣпостными и принимать участіе въ дворянскомъ самоуправлѣніи, они не составляли единаго цѣлаго съ потомственными дворянами. Имп. Николай I старался слить этотъ общественный классъ съ городскими обывателями, почему и предписалъ дѣтей личныхъ дворянъ причислить къ почетному гражданству, а имъ самимъ предоставилъ право записываться въ городскую обывательскую книгу. По Жалованной грамотѣ личнымъ дворянамъ было предоставлено въ двухъ случаяхъ получать права потомственного дворянства, а именно: 1) если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, дающіе личное дворянство, то дѣти ихъ имѣли право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ и 2) если отецъ и сынъ имѣли чины, дающіе личное дворянство, и безпорочно пребывали на службѣ, то внукъ имѣлъ право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ²⁾). Впослѣдствіи (въ 1815 г.) Сенатъ истолковалъ второй пунктъ Жалованной грамоты въ томъ смыслѣ, что ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ можно только въ томъ случаѣ, если отецъ и дѣдъ прослужили въ чинахъ каждый не менѣе 20 лѣтъ, а проситель притомъ совершенолѣтній и состоитъ на службѣ. Государственный совѣтъ утвердилъ это толкованіе Сената, мотивируя утвержденіе тѣмъ, что „чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе бу-

¹⁾ Назв. соч., стр. 21.

²⁾ Аналогичное право существовало по Жалованной грамотѣ городамъ и у именитыхъ гражданъ, а именно старшимъ изъ внуковъ такихъ гражданъ, при достижени ими тридцатилѣтнаго возраста и „буде дѣдъ, отецъ и они имѣность безпорочно сохранили“, было предоставлено право ходатайствовать о дворянствѣ (ст. 187).

деть для государства". Съ этимъ мнѣніемъ согласился и государь.

Среди потомственныхъ дворянъ выдѣлялись въ особую группу титулованные дворяне: князья, графы и бароны. Княжескій титулъ древнерусскаго происхожденія, но въ Московскомъ государствѣ онъ не жаловался („а вновь московскій царь, говоритъ Котошихинъ, изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и ихъ иныхъ чиновъ людей княземъ учинити не можетъ никакого, потому что не обычай тому есть и не повелось“), въ императорскую же эпоху онъ могъ быть пожалованъ государемъ. Среди князей выдѣлялись свѣтлѣйшіе князья, пользовавшіеся предикатомъ „свѣтлости“ въ отличие отъ другихъ князей, имѣвшихъ право вмѣстѣ съ графами только на „сіятельство“. Титулы графа и барона иноземнаго происхожденія и впервые введены Петромъ.

Дворянскія фамиліи заносились въ особыя книги, которыхъ было по шести въ каждой губерніи (онъ были введены Жалованной грамотой дворянству). Но еще задолго до этого (послѣ уничтоженія мѣстничества въ 1682 г.) была заведена одна родословная книга (Бархатная книга), куда заносились всѣ дворянскіе роды. При Елизаветѣ Петровнѣ она была дополнена. Однако, дворянство желало децентрализовать веденіе дворянскихъ книгъ и уже въ 1730 г. въ своихъ проектахъ, представленныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, просило о заведеніи двухъ книгъ: одной для родового, а другой для чиновнаго дворянства. Проектъ Елизаветинской комиссіи, при обсужденіи котораго, какъ известно, присутствовали и дворянскіе депутаты, высказался за четыре книги или списка: княжескій, графскій, баронскій и дворянскій. Дворянскіе наказы 1767 г. (напр., ярославскій) желали „расписать“ дворянство по городамъ и въ каждомъ городѣ завести шесть реестровъ дворянскихъ фамилій. Это желаніе наказовъ было услышано имп. Екатериной II, и въ Жалованной грамотѣ она предписала завести въ каждой губерніи шесть дворянскихъ книгъ, причемъ записывать въ нихъ дворянъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-ую книгу — пожалованныхъ государемъ, въ 2-ую — получившихъ дворянство на военной службѣ, въ 3-ую — получившихъ дворянство на гражданской службѣ, въ 4-ую — иностранныхъ дворянъ, признанныхъ таковыми въ Россіи, въ 5-ую — титулованныхъ дворянъ и въ 6-ую — „древніе благородные роды“, могущіе доказать столѣтие своего дворянства (въ 1785 г.).

При Петре, съ учреждением Сената, при послѣднемъ была учреждена особая должность герольдмейстера, функции которого состояли въ вѣдѣніи дворянства, какъ служилаго сословія, въ составленіи дворянскихъ списковъ¹⁾ и въ надзорѣ за образованіемъ и поступленіемъ на службу молодыхъ дворянъ. Такимъ образомъ, герольдмейстеръ унаслѣдовалъ компетенцію московскаго Разряда. Съ раздѣлениемъ Сената при Екатеринѣ II на департаменты, вѣдѣніе дворянъ сосредоточилось въ первомъ департаментѣ, а съ 1848 года въ департаментѣ герольдіи, въ которомъ герольдмейстеръ сталъ исполнять обязанности первоприсутствующаго.

Въ изучаемую эпоху, благодаря сословному духу времени, дворянство уже вполнѣ прониклось сознаніемъ общности своихъ сословныхъ интересовъ и сословной чести. Идея дворянскаго „корпуса“ или „корпуса“ дворянства, какъ чего-то цѣльного и изолированного отъ прочихъ общественныхъ классовъ, вполнѣ въ это время назрѣла и можетъ быть констатирована почти во всѣхъ заявленіяхъ, исходившихъ отъ дворянства. Иллюстраціей къ сказанному могутъ служить дворянскіе наказы, поданные въ Екатерининскую законодательную комиссию. „Дворянскій корпусъ, читаемъ въ московскомъ наказѣ, заключаетъ въ себѣ собственные свои преимущества и безопасность“. „Корпусъ дворянства, говоритъ болховской наказъ, отдать права и преимущества отъ прочихъ разнаго рода и званія людей“. „Чтобы корпусу дворянства права и преимущества самодержавною властью пожалованы были“, ходатайствуетъ наказъ депутата „отъ корпуса волоколамскаго дворянства“. Подобный же заливленія были высказаны депутатами и во время засѣданій комиссіи. „Дворянство, говорилъ одинъ изъ послѣднихъ, должно быть особливымъ родомъ людей въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему и изъ своей среды замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ“. Иначе говоря, по воззрѣніямъ дворянъ изучаемой эпохи, все общество должно было раздѣляться на два класса: „благородныхъ“ и „подлыхъ“. И действительно, оба указанныхъ термина получаютъ право гражданства въ официальныхъ актахъ XVIII ст. Такъ,

¹⁾ Списки были трехъ родовъ: 1) „генеральныя именныя и пороныя по чинамъ“, 2) „кто изъ нихъ къ дѣламъ отводится, и употреблены будуть и къ какимъ, пороны, и затѣмъ оныхъ останется“, 3) „что у кого дѣтей, и каковы лѣта, и впередъ кто родится и умираетъ мужеска пола“ (см. инструкцію герольдмейстеру 1722 г.).

уже въ царствование Петра предикать „благородія“, на которую въ московскую эпоху имѣлъ право только государь, начинаетъ принадлежать дворянамъ. Вотъ что писалъ по этому поводу въ 1706 году Брюсъ директору московской типографіи Кипріянову: „ежели въ какой твоей печати имя государя царевича помяняется, то тебѣ не надлежитъ писать царевича благороднымъ, понеже всякий шляхтичъ знатный пишется благороднымъ“. Въ 1721 году, при введеніи императорскаго титула, было предписано титуловать чиновъ императорской фамилии „благовѣрными“ вмѣсто „благородными“, „понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нынѣшнему употребленію низко; ибо благородство и шляхетству дается“. Точно также и во всѣхъ позднѣйшихъ актахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ „российское благородное дворянство“. Одновременно съ терминомъ „благородный“ входитъ въ употребленіе и терминъ „подлый“ въ смыслѣ синонима нисшаго. Однако, уже въ серединѣ XVIII ст. этотъ терминъ вызываетъ протесты. „Подлаго у меня нѣть ничего, говорилъ одинъ депутатъ въ Екатерининской комиссіи, землемѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякий изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы тѣ только, которые имѣютъ дурные свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающія общее спокойствіе, и, наконецъ, тѣ, которыхъ, не ради о чужомъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно“.

Обособившись отъ „подлыхъ“, „благородные“, по возврѣніямъ той эпохи, во всемъ должны были отличаться отъ первыхъ и стараться во что бы то ни стало не смѣшиваться съ ними. Эти цѣли могли быть достигнуты надѣленіемъ благородныхъ такими правами и обязанностями, которыхъ выдѣлили бы ихъ изъ всей массы населенія, поставивъ въ особыя и исключительныя условія. Разсмотрѣніемъ этихъ правъ и обязанностей мы теперь и займемся, причемъ начнемъ съ послѣднихъ.

До манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 года дворяне обязаны были нести постоянную службу, военную или гражданскую; причемъ при Петре эта служба для каждого дворянина начиналась съ достижениемъ имъ 15 лѣтъ и обязательно (въ военной службѣ) должна была начинаться съ солдата. Такъ, указъ 1714 г. постановилъ „впредь изъ дворянскихъ породъ отнюдь не писать въ офицеры“ тѣхъ, кото-

рые не служили солдатами, такъ какъ они „фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ“. Впослѣдствіи (въ сороковыхъ годахъ XVIII ст.) служба въ нижнихъ чинахъ обходилась тѣмъ, что дѣти записывались въ разные полки и, фактически не служа, производились въ офицерскіе чины, съ которыхъ и начинали свою дѣйствительную службу, по достижениіи совершеннолѣтія.¹⁾ Напротивъ, при Петрѣ производство въ офицерскіе и вообще въ высшіе чины происходило не иначе, какъ сообразно со способностями и усердіемъ служащаго. По Воинскому уставу (гл. I) въ офицеры могли быть произведены только грамотные и служившіе до этого „честно, трезво, умѣренно, учтиво и храбро“, причемъ начальству было строго воспрещено повышать въ чинахъ не за личныя заслуги, но или по корыстнымъ цѣлямъ, или по человѣколюбію, потворству, „похлѣбству“ и т. п. (гл. X).

Члены „знатнаго“ шляхетства обыкновенно поступали въ гвардію, а остальные дворянѣ въ армію. Впрочемъ, Петръ далъ крайне своеобразное толкованіе понятію „знатности“, предписавъ въ 1724 году знатное дворянство „по годности считать“, т. е. иначе говоря, принимать въ гвардію лицъ, физически годныхъ для этого, каковыми могли быть, очевидно, статные, сильные и рослые дворянѣ. Въ виду постояннаго характера службы, отставка или, какъ тогда говорилось, абышидъ, была мыслима только въ случаяхъ дряхлости, болѣзни или полученія ранъ, препятствующихъ продолженію службы. Однако, въ виду необходимости отпускать дворянъ для управлѣнія своими имѣніями, вошла въ обычай, такъ называемая, „побывка на рекреацію“, т. е., отпускъ со службы на извѣстный срокъ съ обязательствомъ явиться обратно по первому востребованію.

Кромѣ военной, дворянѣ обязаны были отправлять и гражданскую службу, къ которой они относились съ гораздо большей непріязнью, чѣмъ къ первой, считая ее пессимистическою со своимъ достоинствомъ. Въ виду такой точки зрѣнія, Генеральный регламентъ предписалъ „не ставить въ укоризну“ дворянамъ прохожденіе ими гражданской службы. Одновременно съ этимъ Петръ опредѣлилъ извѣстную пропорцію шляхетства, служащаго на гражданской службѣ, а именно, одну

¹⁾ При Елизавѣтѣ Петровнѣ дѣти записывались прямо въ капрали, унтер-офицера и сержанты, а при Екатеринѣ II даже въ офицеры (впрочемъ, запись въ офицерахъ иногда имѣла мѣсто и до Екатерины).

треть членовъ каждой фамилии. Въ 1737 г., по инициативѣ Сената, правительство предписало набрать дворянскихъ недорослей отъ 15 до 17 лѣтъ и распределить ихъ, въ качествѣ приказныхъ служителей, на службу между Сенатомъ, коллегіями, канцеляріями и т. п. Недоросли должны были называться сенатскими, коллежскими и т. д. дворянами, „чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе приказныхъ людей отъ себя отвести“. Способные черезъ пять лѣтъ производились въ секретари, неспособные же опредѣлялись въ солдаты. Вирочемъ, въ 1740 г. эта мѣра насильтственнаго назначенія дворянъ на службу была уничтожена, „понеже къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно“. Вмѣстѣ съ этимъ Сенатъ, видя, что недоросли, „смотря происхожденіе воинской службы другихъ ихъ братии дворянъ, болѣе къ тому прилежать и тщаться“, постановилъ принимать на гражданскую службу только поступающихъ на нее добровольно. Мы уже говорили, что Екатерина II въ своемъ Наказѣ ставила гражданскую службу на одну доску съ военной, говоря, что „правосудіе не меныше надобно... и государство разрушилось бы безъ онаго“. Однако, дворянство попрежнему гнушалось гражданской службой, что и вынудило императрицу предписать въ 1796 г. губернскимъ правленіямъ „поощрять, чтобы молодые дворяне, по окончаніи наукъ, занимались законами своей земли и образомъ судопроизводства, а для сего опредѣлялись бы въ приказы, не вмѣняя сie въ предосужденіе благородству“. Гражданская служба при Петре также начиналась съ низшихъ должностей, т. е. „порядкомъ, какъ въ воинскихъ чинахъ производится“ (Табель о рангахъ). Впрочемъ, изъ этого правила дѣлались исключенія въ пользу лицъ, получившихъ научное образованіе и специальную подготовку, которыхъ имѣли право начинать службу не съ низшихъ должностей. Впослѣдствіи (съ начала XIX ст.) получение известнаго образованія сдѣгалось необходимымъ условіемъ для назначенія на некоторые должности и для производства въ известные чины (Положеніе обѣ устроиствѣ училищъ 24 Янв. 1803 г., указъ о производствѣ въ чины 6 Авг. 1809 г., Положеніе о производствѣ въ чины 25 Июня 1834 г. и др.).

Служба, какъ гражданская, такъ и военная, вознаграждалась жалованьемъ и раздачей населенныхъ имѣній (въ особенности при Екатеринѣ II и Павлѣ I), явившейся на смену раздачѣ помѣстій, практиковавшейся въ московскую эпоху.

Другая обязанность дворянъ, введенная Петромъ, состояла въ обязательномъ обученіи, для чего государь черезъ извѣстные періоды времени дѣлалъ смотры дворянскимъ юношамъ, строго наказывая неуспѣвшихъ въ наукахъ. При Аннѣ Ивановнѣ (въ 1736 г.) названные смотры были упорядочены слѣдующимъ образомъ: на первый смотръ являлись всѣ мальчики, достигшіе 7-ми лѣтъ, и заносились въ особые списки; на второй смотрѣ являлись тѣ же мальчики, но уже достигшіе 12 лѣтъ, причемъ тогда же имъ производился экзаменъ изъ чтенія и письма, который они подъ страхомъ наказанія родителей, обязаны были выдержать; на третій смотрѣ они должны были явиться по достижениіи ими 16-ти лѣтъ, причемъ имъ производился экзаменъ изъ Закона Божьяго, ариѳметики и геометріи; не выдержавшіе зачислялись навсегда въ матросы. Наконецъ, на четвертый смотрѣ молодые люди являлись по достижениіи ими 20-ти лѣтъ, причемъ держали экзаменъ изъ географіи, исторіи и фортификаціи, послѣ чего производились въ офицеры. При Петрѣ же, въ цѣляхъ поощренія къ ученію, было предписано разрѣшать вступленіе въ бракъ только тѣмъ изъ дворянъ, которые представлять свидѣтельство о знанії ими ариѳметики и геометріи.

Тяжесть службы и обязательного обученія влекли за собою массовое укрывательство молодыхъ дворянъ отъ явки на смотры, и съ такими „нѣтчиками“ (какъ назывались въ то время нейтившіеся на смотры) правительство вело безпощадную борьбу, угрожая имъ и карая ихъ всячими наказаніями, начиная со штрафовъ и кончая шельмованіемъ (т. е. лишениемъ всѣхъ правъ и постановкою въѣзда закона) и конфискаціей имущества. Имена нѣтчиковъ прибивались къ висѣлицѣ съ барабаннымъ боемъ, „дабы о нихъ всякъ зналъ, что преслушателей указовъ и разныхъ измѣнниковъ“, причемъ каждый обязывался доносить на нихъ, за что вознаграждался изъ ихъ имущества. Но ничто не помогало, и нѣтчики продолжали существовать¹⁾ до самаго уничтоженія обязательной службы дворянства. Послѣднее въ 1730 г., при избраніи на престолъ Анны Ивановны, ходатайствовало въ своихъ проектахъ объ ограниченіи службы 20 годами. Анна Ивановна отчасти вняла этой просьбѣ и указомъ 1736 г. ограничила

¹⁾ По словамъ Просошкова, „въ ослушаніи и въ презрѣніи указовъ царскаго величества иные дворяне уже состарѣлись, въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали“ (О скучности и богатствѣ, Сочиненія, т. I., стр. 89).

службу дворянъ 25 годами, причемъ она обязательно начиналась съ 20-ти лѣтнаго возраста. По прошествіи 25 лѣтъ, дворянинъ получалъ абшидъ, но съ обязательствомъ выставить вмѣсто себя опредѣленное количество рекрутъ. Кромѣ того, указъ разрѣшилъ одному изъ сыновей или братьевъ оставаться дома для занятій хозяйствомъ и не поступать на службу. Наконецъ, въ 1762 г., состоялся известный манифестъ о вольностяхъ дворянства, которымъ обязательная служба дворянъ была уничтожена. По манифесту дворянство получило право служить или не служить за исключеніемъ военнаго времени, когда всѣ дворяне могли быть призваны на службу¹⁾). Затѣмъ дворяне получили право служить въ иностранныхъ государствахъ, причемъ, при переходѣ на русскую службу, за ними признавался чинъ, полученный ими на иностранной службѣ. Наконецъ, дворянство могло воспитывать своихъ дѣтей, где и какъ угодно. Освободивъ послѣднее отъ службы, манифестъ 1762 г., однако, высказалъ надежду, что лица высшаго класса „побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностью и желаніемъ въ ону вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ ону продолжать, не меныше и дѣтей своихъ съ прилежностью и раченіемъ обучать пристойнымъ наукамъ“, грозя въ противномъ случаѣ предписать „всѣмъ истиннымъ сынамъ отечества“ „презирать“ и „уничтожать“ (sic) тѣхъ, „кои нигдѣ никакой службы не имѣютъ и въ лѣности и праздности свое время препровождаютъ“. Жалованная грамота 1785 г. подтвердила эти постановленія манифеста со слѣдующей, впрочемъ, оговоркою: „во всякое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный дворянинъ обязанъ, по первому призыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государству“.

Въ царствование императора Николая I. постановленія Жалованной грамоты относительно свободы, обученія и службы дворянъ были неоднократно нарушаемы. Такъ, свобода обученія была значительно ограничена указомъ 1831 г., воспретившимъ молодымъ людямъ, не достигшимъ 18-лѣтнаго возраста, выѣздъ за границу съ цѣлями обученія, затѣмъ указомъ 1834 г. дворянамъ было запреще-

¹⁾ Впрочемъ, лица, находившіяся на военной службѣ, не могли выходить въ отставку во время войны или за три мѣсяца до нея.

но пребываніе за границею долѣе пяти лѣтъ, а указомъ 1851 года—даже долѣе трехъ лѣтъ, причемъ за выдачу заграничнаго паспорта второй указъ предписывалъ взимать 250 руб. за полъ-года.

Что касается до свободы службы, то она была ограничена указомъ 1837 г., предписавшимъ всѣмъ поступающимъ на службу начинать ее обязательно въ губерніяхъ и только по прошествіи трехъ лѣтъ переходить на службу въ министерства и другія центральныя учрежденія. Въ то же время на губернаторовъ была возложена обязанность надзирать за вновь поступающими на службу „съ тѣмъ, чтобы они пеклись о сихъ молодыхъ людяхъ не только какъ начальники, но какъ отцы семейства, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и о поведеніи ихъ доносили бы Его Императорскому Величеству каждые полъ-года“. Наконецъ, въ 1853 г., генералъ-губернаторы получили инструкцію наблюдать, „чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности и посвящали бы себя службѣ государственной“.

Со временемъ Екатерины II дворянство становится привилегированнымъ сословіемъ, такъ какъ получаетъ такія права и преимущества, которыми не обладаютъ другія сословія. Къ этимъ привилегіямъ относятся: во-первыхъ, преимущества по службѣ, какъ военной, такъ и гражданской. Впервые такое преимущество дворяне получили относительно военной службы въ 1762 г., когда было предписано „всѣмъ дворянамъ, отставляемымъ за болѣзнями отъ службы, но не съ офицерскими чинами“, давать эти послѣдніе, „дабы они предъ тѣми, кои не изъ дворянъ отставляемы будуть, преимущество имѣли“. Затѣмъ полковничьей инструкціей 1765 г. правительство предписало производить въ офицеры дворянъ предпочитительно предъ недворянами. На ту же точку зрения стали и наказы, ходатайствуя предъ Екатериной II о томъ, чтобы „дворянъ, вступающихъ на службу, избавить навсегда отъ солдатства и унтеръ-офицерства“ (опочецкій) и о воспрещеніи производства въ офицеры недворянъ (керенскій и др.). Правда, это желаніе правительство не исполнило, но за то даровало дворянамъ не мало другихъ служебныхъ привилегій. Такъ, въ 1787 г., состоялось распоряженіе о приемѣ въ гвардію только дворянъ, въ 1790 г.—о разрешеніи перехода изъ гражданской службы въ военную только дворянамъ и т. д. При Павлѣ Петровичѣ исполнилось и желаніе

наказовъ. Сперва уставами о службѣ пѣхотной и кавалерійской было постановлено производить въ офицеры: дворянъ, по прослуженіи ими трехъ лѣтъ, а недворянъ, по прослуженіи 12 лѣтъ, притомъ не иначе, какъ за отмѣнныя способности и заслуги. Наконецъ, указомъ 1798 г. правительство совершенно запретило производить въ офицеры лицъ, не принадлежащихъ къ высшему сословію, „потому что въ оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять“. И только закономъ 1829 г., было разрешено производство недворянъ въ офицеры, но не иначе, какъ по прослуженіи ими 6 лѣтъ въ солдатахъ (впрочемъ, этимъ правомъ могли воспользоваться только однодворцы, для разночинцевъ же былъ установленъ 10-ти лѣтній срокъ службы).

Привилегіи по гражданской службѣ ведутъ свое начало съ 1771 г., когда состоялось запрещеніе о приемѣ на называемую службу лицъ податныхъ состояній. Затѣмъ въ 1790 г. вышли правила о срокахъ производства въ чины, на основаніи которыхъ дворяне получили право производства въ чинъ 8-го класса черезъ три года службы въ 9-мъ классѣ, а недворяне—черезъ 12 лѣтъ; затѣмъ при отставкѣ право быть произведенными въ слѣдующій чинъ могло принадлежать только дворянину. Уничтоженіе указанныхъ правилъ произошло въ 1856 г., когда были введены общіе сроки при производствѣ въ чины для лицъ всѣхъ состояній, такъ какъ „награжденія повышеніемъ въ чинахъ такъ же, какъ и всѣ прочія по службѣ награды должны быть даруемы только за постоянные.. труды на самой службѣ, безъ принятія въ уображеніе какихъ-либо обстоятельствъ, сей службѣ предшествовшихъ“.

Во-вторыхъ, привилегии въ области уголовного права. Такъ, уже Войнскій уставъ 1716 г. освободилъ дворянъ отъ пытки, за исключеніемъ разбирательствъ дѣлъ по нѣкоторымъ государственнымъ преступленіямъ и по убийству. Кроме того, по сепаратнымъ указамъ дворяне иногда ставились въ болѣе льготныя условія, чѣмъ недворяне. Такъ, указъ 1711 г. грозитъ „вышнихъ чиновъ дворянамъ быть въ его, великаго государя, гнѣвѣ, о нижнихъ—въ жестокомъ истязаніи“. Точно также во многихъ указахъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ полагаются слѣдующія наказанія: для помѣщиковъ—своего рода штрафъ, выражавшійся въ томъ, что съ нихъ брали въ рекрутѣ вдвое больше людей сравнительно съ утаенными, а для приказчиковъ и старостъ—смертная казнь и т. п. Однако, указанными льготами

тами дворяне не были довольны, почему въ проектѣ Елизаветинской комиссіи провели слѣдующее постановлѣніе: „дворяне не должны быть арестуемы ни за какія преступленія, развѣ въ преступленіи въ самомъ дѣлѣ пойманы, съ поличнымъ приведены, или по суду отчасти изобличены будуть, и важность онаго преступленія того требуетъ. Затѣмъ по проекту дворянство освобождается отъ пытокъ, пристрастнаго допроса и отъ „всякаго неприличнаго его природѣ наказанія“, какъ то: кнута, кошечкъ, плетей и батоговъ. Наконецъ, къ дворянамъ не могутъ быть примѣняемы ссылка на казенные работы и конфискація имущества. На той же точкѣ зреѣнія стояли и дворянскіе наказы 1767 г. Такъ, напр., калужскій наказъ просилъ избавить дворянъ „какъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и во всякомъ состояніи, вездѣ и всегда отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія, и пытокъ, и смертной казни“. Ярославскій наказъ также обратился къ императрицѣ съ подобною же просьбою. „Не соблаговолено ли будетъ, читаемъ въ немъ, и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей“, такъ какъ въ противномъ случаѣ „дворянскія дѣти лишатся знатныхъ мыслей, которыя черезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить“. Тѣ же начала легли въ основаніе „проекта правамъ благородныхъ“, составленнаго законодательной комиссіей 1767 г. Такъ, по проекту „благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію“, и имѣніе ихъ, „движимое и недвижимое—ни за какое преступленіе, кромѣ оскорблѣнія величества, не отписывается, и то только благопріобрѣтенное, а не родовое“. Екатерина II обратила вниманіе на нѣкоторыя желанія дворянства и въ Жалованной грамотѣ послѣднему отмѣнила тѣлесное наказаніе и конфискацію имущества¹⁾. При Павлѣ I, однако, тѣлесное наказаніе стало снова примѣняться къ дворянамъ, въ виду своеобразнаго толкованія этими государемъ постановлений Жалованной грамоты. Такъ, по поводу одного дѣла Павелъ I написалъ слѣдующую резолюцію: „какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать“. Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе

¹⁾ Впрочемъ, уже комиссія по пересмотру манифеста о вольностяхъ дворянскихъ, учрежденная Екатериной II въ 1768 г., высказалась за освобожденіе дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и за необходимость, при разсмотрѣніи „криминальныхъ дѣлъ“ дворянъ, „болѣе вящихъ доказательствъ, нежели противъ недворянъ“ (ст. 13 и 16 доклада, составленнаго комиссией).

примѣнялось къ дворянамъ, но только предварительно ихъ лишали дворянскаго достоинства. Александръ I возстановилъ предписаніе Екатерины II, и дворяне были уже навсегда освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ указомъ 1802 г. было запрещено ковать въ желѣзо подсудимыхъ изъ дворянъ, а положеніемъ Комитета министровъ 1826 г. бить поль-головы у арестантовъ изъ дворянъ. Наконецъ, Сводъ Законовъ (изд. 1857 г.) окончательно санкционировалъ постановленіе, что „дворянинъ свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія какъ по суду, такъ и во время содержанія подъ стражей“ (ст. 199 IX т.).

Въ-третьихъ, право на поземельную собственность, т. е. на владѣніе какъ населенными, такъ и ненаселенными имѣніями. Это право окончательно получило законодательную санкцію въ царствованія Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Такъ, указомъ 1730 г. воспрещалось, на основаніи Уложения 1649 г. (ст. 41, гл. XVII), боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ приобрѣтать недвижимыя имущества какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, а приобрѣтенные уже предписывалось продать въ поль-года со времени изданія указа. Въ 1746 г. такое же запрещеніе покупки уѣздныхъ земель состоялось относительно купечества, цеховыхъ, казаковъ, ямщиковъ и „прочихъ разночинцевъ, состоящихъ въ подушномъ окладѣ“. Названный запрещенія съ обязательствомъ продать имѣющіяся земли въ полугодовый срокъ неоднократно подтверждались и впослѣдствіи, однако, на практикѣ всѣ сословія конкурировали съ дворянами въ дѣлѣ приобрѣтенія недвижимой собственности, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ. На это явленіе обратили вниманіе дворянскіе наказы 1767 г., прося „предоставить одному только дворянству имѣть деревни и ими пользоваться, а прочимъ никому, хотя бы кто въ какой вышнѣй чинѣ не дослужился, а дворянствомъ не пожалованъ, не долженъ тѣмъ правомъ пользоваться“ (кашинскій наказъ). Большинство наказовъ содержитъ въ себѣ подобную просьбу. Екатерина II вняла ей и въ Жалованной грамотѣ 1785 г. снова подтвердила (ст. 21) исключительное право дворянъ на владѣніе поземельною собственностью. Съ указа 1801 г., изданного Александромъ I, это право было нѣсколько ограничено, вслѣдствіе разрѣшенія членамъ другихъ сословій, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, владѣть ненаселенными имѣніями. Съ указа же 1848 г. это право получили и

крѣпостные. Въ связи съ названнымъ правомъ находилось, въ-четвертыхъ, право на владѣніе крѣпостными крестьянами (впрочемъ, *de facto* и другія сословія владѣли крѣпостными, не смотря на постоянный запрещенія этого со стороны правительства; ¹⁾ послѣднее запрещеніе состоялось въ указѣ 1836 года ²⁾ и вошло въ Сводъ Законовъ). Также въсвязи съ правомъ на поземельную собственность находилось, въ-пятыхъ, и право на владѣніе домами въ городахъ, сакнціонированное дворянамъ Жалованной грамотою 1785 г.

Въ-шестыхъ, права въ области торговли и промышленности. При Петрѣ, на основаніи указа о единонаслѣдії 1714 г., торговлей могли заниматься только младшіе сыновья дворянъ, таѣь называемые, кадеты, въ виду лишенія ихъ поземельного имущества, переходившаго по наслѣдству къ старшему сыну или въ завѣщательномъ порядке къ одному изъ сыновей по выбору отца. Съ отмѣною указа въ 1731 г. уничижилось и право торговли кадетовъ (дворяне на основаніи указа 1726 г. могли продавать только свои деревенские продукты ³⁾). Однако, дворянство было крайне недовольно ограниченіемъ своихъ торговыхъ правъ и это недовольство высказалось въ наказахъ 1767 года. Такъ, московскій наказъ (подписанный представителями 17 княжескихъ фамилій) просилъ, „что бы дворянству позволено было продавать, гдѣ кто захочетъ, земскіе деревень своихъ продукты, вступать во внѣшніе и внутренніе валовые и мелочные торги и предпринимать всякие промыслы съ подверженіемъ себя, однако же,

¹⁾ Такъ, указъ 1746 г. предписываетъ всѣмъ недворянамъ: „людей и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей нигдѣ не писать“. Тоже подтверждаетъ и межевая инструкція 1754 г., а также указъ 1758 г. Однако, не смотря на это, всѣ сословія, даже свободные крестьяне, ходатайствовали предъ Екатериной II въ комиссіи 1767 г. о разрѣшении имъ владѣть крѣпостными; на практикѣ это не рѣдко и имѣло мѣсто.

²⁾ Названный указъ, предписывая продать всѣмъ недворянамъ населенные имѣнія въ полугодовой срокъ, т. е. подтверждая постановленіе указа 1758 г., въ то же время устанавливаетъ правила, на основаніи которыхъ, если крѣпостные съ землей или безъ земли достанутся по наслѣдству лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими, то они обязательно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ выдается изъ казны за каждую ревизскую душу извѣстное вознагражденіе.

³⁾ Тоже подтверждаетъ и проектъ Елизаветинской комиссіи, добавляя къ этому еще право покупки дворянами у купцовъ извѣстнаго города „купеческаго права“, на основаніи котораго они получали возможность заниматься торговлей.

подъ всѣ тѣ права и тягости, которыя при установлениі и учрежденіяхъ торговыхъ дѣлъ въ имперіи для каждого мѣщанскаго промысла особо узаконямы бытъ могутъ". О томъ же ходатайствовалъ и ярославскій наказъ. „Какъ уже всѣ ученѣйшие народы признали, читаемъ въ немъ, что право торговли виѣ государства, если и дворяне въ оную вступать, полезно государству, а въ Россіи, еще не столь изученной ни чужестраннымъ языкамъ, ниже самаго исчислениія въ купечествѣ, дворянству бы сего не запретить". Михайловскій же наказъ шелъ еще дальше, требуя установленія для дворянъ монополіи хлѣбной торговли, „ибо только всего для дворянина, какъ одна земля, слѣдовательно, и ея произрастанія принадлежительны ему одному".

Однако, воззрѣнія Екатерины II на торговыя права дворянъ были иными, и ихъ она высказала въ своемъ Наказѣ. „Люди, читаемъ здѣсь, думаютъ, что надлежитъ установить законы, поощряющіе дворянство въ отправленію торговли; это было бы способомъ въ разоренію дворянства безо всякой пользы для торговли. Противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало, погибельно было бы сіе для городовъ и отняло бы между купцами и чернью удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило. Обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству, принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, кои весьма много споспѣствовали къ приведенію тамо въ бессиліе прежняго учрежденнаго правленія". Не смотря на подобную точку зрѣнія на торговлю дворянъ, императрица, однако, въ Жалованной грамотѣ представила послѣднимъ, таєль называемое, городовое право, т. е., право записи въ гильди¹⁾. Очевидно, это была уступка съ ея стороны дворянству, жаждавшему обладать торговыми правами. Тѣмъ же объясняется, конечно, и разрѣшеніе, данное императрицею дворянамъ въ 1783 г., на владѣніе лавками и амбарами, находящимися въ домахъ послѣднихъ. Впрочемъ, въ концѣ своего царствованія Екатерина II значительно ограничила торговыя права дворянъ. Такъ, указомъ 1790 г. послѣднимъ было запрещено записываться въ гильдию. Осно-

¹⁾ Кромѣ того, Жалованная грамота подтвердила „благороднымъ право оптомъ продавать, что у нихъ въ деревняхъ родится или руководствомъ производится", а также даровала право вывоза за границу названныхъ продуктовъ.

ваніемъ для изданія названнаго указа послужило заключеніе губернскаго прокурора, представленное имъ въ общее собрание московскаго губернскаго правленія и палаты: гражданскаго и уголовнаго суда, созванное московскимъ главнокомандующимъ кн. Прозоровскимъ въ 1790 г. для разрѣшенія вопроса о правѣ дворянъ записываться въ гильдіи. „Самое существоство дворянства, говорилъ въ своемъ заключеніи прокуроръ, обязуетъ каждого дворянина упражняться не въ оборотахъ торговли, но главнѣйше въ службѣ военной, а въ мирное время въ от правленіи правосудія“, почему, „и не существуетъ дворянству входить въ промыселъ торговый наравнѣ съ купечествомъ, такъ какъ нельзя оба эти званія соединить вмѣстѣ и къ одному праву, ибо каждый изъ нихъ съ младенчества приготовленъ образомъ мыслей, другъ отъ друга весьма отдаленныхъ, да и какая удобность съ записаннаго въ купечество дворянина въ общественные нужды и тягости требовать даянія“. Запрещеніе дворянамъ записываться въ гильдіи продержалось до 1807 г., когда манифестомъ, изданный 1-го Января этого года, было снова разрѣшено, но только тѣмъ изъ нихъ, которые не состояли на государственной службѣ. Мотивомъ къ изданію манифеста послужило стремленіе укрѣпить связь между обоими государственными сословіями, а также и то, „чтобы дворяне могли содѣйствовать общему благу на поприщѣ торгового трудолюбія“. Однако, въ 1824 году начала манифеста 1807 года были нарушены, такъ какъ въ это время состоялось новое ограниченіе торговыхъ правъ дворянъ, а именно имъ было разрѣшено записываться только въ одну первую гильдию и запрещено владѣть лавками въ гостинныхъ дворахъ, рядахъ и на рынкахъ. Но уже въ 1827 году дворяне получили опять разрѣшеніе записываться во всѣ гильдіи и, слѣдовательно, вести торговлю на одинаковыхъ правахъ съ купечествомъ.

Въ связи съ торговыми правами дворянъ находилось и право обязываться векселями со стороны послѣднихъ. Было уже сказано, что уставъ о векселяхъ 1729 г. игнорировалъ дворянъ въ этомъ отношеніи, почему они въ своихъ наказахъ 1767 г. и ходатайствовали предъ Екатериною II о дарованіи имъ названнаго права. Однако, императрица остановила эти ходатайства безъ вниманія, а Банкротскимъ уставомъ 1800 года дворянамъ было даже прямо запрещено обязываться векселями. Названное право дворянство получило только въ 1862 г.

Что касается до правъ *въ области промышленности*, то со времени Петра и вплоть до изданія Жалованной грамоты дворянне пользовались правомъ повсюду (какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ) заводить и эксплоатировать въ свою пользу всякие фабрики и заводы. По проекту Елизаветинской комиссіи это право превратилось даже въ исключительную дворянскую привилегію, такъ какъ большинство фабрикъ и заводовъ могли содержать только дворяне (ст. 7, глава ХХIII, ч. III). Мотивами этого постановленія послужили слѣдующія соображенія: 1) „чтобы дворянне, находясь въ разныхъ службахъ, вѣрнѣе и ревностнѣе ихъ отправляли и приличнымъ образомъ достоинству и чину своему себѣ содержать могли“ и 2) надеждою правительства, что дворянство „приведеть въ отличное состояніе фабрики и заводы“, такъ какъ правительство „съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣло“, что купечество въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлало. Дворянскіе наказы, поданные въ комиссію 1767 г., не требовали какихъ либо исключительныхъ правъ, но настаивали на томъ, чтобы „дворянству позволено было заводить и содержать фабрики и мануфактуры и предпринимать всякие промыслы“ (московскій). Однако, въ комиссіи подобныя желанія возбудили протестъ городскихъ депутатовъ, въ которымъ присоединились и нѣкоторые дворянскіе. Вотъ что, напр., говорилъ по этому поводу дворянскій депутатъ Глазовъ: „ежели станутъ благородные заводить заводы и фабрики, то купечество приведено будетъ въ оскорблѣніе и лишится въ томъ купеческой своей пользы, а должно благороднымъ имѣть фабрики изъ произрастанія земляного, а также рудокопныхъ заводы, а купечеству фабрики и заводы всякие имѣть должно безъ изъятія“. Очевидно, этотъ протестъ былъ услышанъ императрицею, и она въ Жалованной грамотѣ нѣсколько ограничила права дворянъ въ области промышленности, дозволивъ имъ имѣть фабрики и заводы только въ деревняхъ. Впрочемъ, еще раньше, съ изданіемъ устава о винокуреніи 1765 года, право дворянъ повсюду курить вино и брать подряды на поставку его, чѣмъ они пользовались съ времени Петра I-го, ¹⁾ было

1) Указъ 1716 г., подтвержденный въ 1726 г., по которому винокуреніе стало исключительно дворянской привилегіей. Съ 1754 г. и право подряда на поставку вина также сдѣлалось привилегіей только дворянъ. Въ такомъ же направлении редактированъ и проектъ Елизаветинской комиссіи, предписавшій „до содержанія винокуренныхъ заводовъ и къ подрядамъ въ доставкѣ вина на кабаки допускать однихъ только помѣщиковъ“.

уничтожено, и они могли курить вино только у себя въ деревняхъ безъ права продажи его. Поставка же вина и откупы стали рассматриваться, какъ исключительно купеческое право. Однако, это запрещеніе продолжалось въ законѣ только до 1774 года, когда дворяне опять получили прежнія права въ области винокуренія. Что же касается до поставки вина, то еще съ 1769 года къ ней снова были допущены дворяне, а съ 1786 года имъ вообще было дозволено входить во всякаго рода откупы и подряды. Наконецъ, въ 1827 году дворяне получили право заводить фабрики и заводы повсюду (а не только въ деревняхъ), но съ обязательной въ такихъ случаяхъ записью въ гильдію.

Къ привилегіямъ дворянъ принадлежала еще свобода отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности и отъ постоянной. Свобода отъ личныхъ податей была установлена со времени введенія подушной подати, рѣзко раздѣлившей все населеніе Россіи на два класса: податной и неподатной; ко второму было отнесено дворянство. Рекрутская повинность не коснулась дворянъ въ виду ихъ обязательной службы. Что же касается до постоянной повинности, то отъ нея дворяне были освобождены только въ деревняхъ, городские же ихъ дома не пользовались этой привилегіею.

Къ исключительнымъ правамъ дворянства (а также и членовъ торгово-промышленного класса) слѣдуетъ причислить и право на маиораты. Впрочемъ, мы видѣли уже, какъ отнеслись дворяне къ указу о единонаслѣдіи 1714 г., результатомъ чего была отмѣна его въ 1731 г. Однако, съ течениемъ времени взгляды дворянства измѣнились, и въ своихъ наказахъ въ 1767 г. дворяне ходатайствовали о дарованіи имъ права на маиораты. Такъ, московскій наказъ просилъ императрицу, чтобы, „сообразуясь съ прочими въ Европѣ христіанскими областями благоучрежденными, дано было право власти всякому владѣльцу нѣчто и нѣкотораго рода свойства собственнаго своего движимаго и недвижимаго имѣнія определить по благоизобрѣтенію въ нераздѣльное наслѣдство кому, кто оное отдать пожелаетъ, съ предписаніемъ порядка, какъ оному переходить и изъ колѣна въ колѣно“. Точно также и въ Переяславско-Заліцкомъ наказѣ встрѣчаемъ аналогичную просьбу, а именно: „мнился бы быть полезно для сохраненія фамиліи и домовъ, если бы позволено было, кто самъ пожелаетъ при себѣ или при концѣ своемъ одну или сколько деревень похочетъ въ фамилію отказать“. Правда, вплоть до

1845 г. закона о маюратѣ не послѣдовало, но на практикѣ иногда разрѣшалось его учрежденіе. Такъ продолжалось до 1845 г., когда было издано известное положеніе о заповѣдныхъ имѣніяхъ, дѣйствующее и по сіе время.

Дворяне пользовались и нѣкоторыми почетными правами. Такъ, они имѣли право на гербы, появившіеся на практикѣ въ концѣ XVII ст. и впервые получившіе законодательную санкцію въ табели о рангахъ и въ инструкціи герольдмейстеру 1722 г. На основаніи послѣдней названное должностное лицо должно было составить общій для всѣхъ дворянскихъ родовъ гербовникъ, руководствуясь при этомъ пристойными книгами другихъ государствъ. Въ 1797 г. снова состоялся указъ о составленіи общаго гербовника, въ который должны были быть внесены всѣ гербы дворянскихъ родовъ. Этотъ гербовникъ, составленный въ 1798 г., хранится въ Сенатѣ, въ департаментѣ герольдіи, и до 1816 г. обнародовано 9-ть частей его (10-ая часть не обнародована, хотя и утверждена императоромъ Николаемъ въ 1836 г.). Затѣмъ дворяне пользовались правомъ одѣвать своихъ лакеевъ въ особы ливреи, „понеже знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ“; ѿздить въ экипажахъ, запряженныхъ опредѣленнымъ числомъ лошадей, смотря по рангу дворянина, и имѣть особы мундиръ (съ 1832 г.—мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ).

Чтобы покончить съ дворянскими правами и преимуществами, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о неприкосновенности дворянского достоинства, о чемъ дворяне неоднократно хлопотали, начиная съ 1730 г. Въ этомъ году въ „кондіціяхъ“, предложенныхъ Аннѣ Ивановнѣ Верховны тайнымъ совѣтомъ и принятыхъ ею, было постановлено, чтобы „у шляхтетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать“. О томъ же ходатайствовали и дворянскіе наказы 1767 г. Екатерина II вняла этимъ просьbamъ и въ Жалованной грамотѣ постановила: „не токмо имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо, всѣдствіе этого да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленія, основаніемъ дворянскаго достоинства противнаго“, поэтому „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія“. Мало того,

на основаніи грамоты всікій судебный приговоръ, лишающій дворяніна дворянства или жизни, долженъ быль быть представленъ въ Сенатъ и конфірмованъ государемъ, безъ чего онъ не имѣть никакой юридической силы.

§ 2. Духовенство ¹⁾.

Духовенство раздѣлялось на *черное* или *монашествующее* и *бѣлое* или *приходское*. Первое, не будучи наследственнымъ, не могло трактоваться какъ сословіе, напротивъ, второе, начиная съ XVIII ст., стало организовываться въ особую сословную группу, потомственную и замкнутую.

Петровское законодательство обратило большое внимание на упорядочение юридического положенія монашествующаго духовенства, причемъ чисто хозяйственный взглядъ правительства на подданныхъ, требовавшій непремѣнного участія всѣхъ въ государственномъ дѣлѣ, строго наблюдавшій, чтобы никто не уклонялся отъ государственной службы, никто „въ избылыхъ не былъ“, сталъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кедровъ, въ прямое противорѣчіе съ идею монастырскаго отреченія отъ міра ²⁾. Точка зреінія Петра на монашество рельефно сказалась въ его известномъ указѣ 31 Янв. 1724 г. „Нынѣшнее житіе монаховъ, читаємъ въ немъ, точю видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ... понеже большая часть (монаховъ) тунеядцы суть... Въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то кохмо вольные поселяне суть. Прилежать-же-ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ: молятся, то и всѣ молятся... Что-же прибыль обществу отъ сего? Воистину только старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣнности, дабы даромъ хлѣбъ есть“. При такомъ взглядѣ на монашество, становятся понятны мѣропріятія правительства къ уменьшенію числа монастырей, къ введенію строгихъ правилъ монашескаго житія и къ затрудненію поступленія въ монашество, предпринятые въ царствованіе Петра. Такъ, по Духовному регламенту (см. „Прибавленіе къ регламенту о правилахъ причта церковнаго и чина

¹⁾) Горчаковъ, Монастырскій приказъ; Знаменскій, Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра; Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго; *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.

²⁾) Кедровъ, назв. соч., стр. 215.

монашескаго", изданное въ 1722 г.) бытъ созданъ цѣлый рядъ затруднительныхъ условій для постриженія. Для этого, во-первыхъ, требовался известный возрастъ (30 лѣтъ для мужчинъ и 50 лѣтъ для женщинъ), затѣмъ, во-вторыхъ, согласіе непосредственнаго начальства, причемъ для крѣпостныхъ крестьянъ—согласіе помѣщиковъ, наконецъ, въ-третьихъ, прекращеніе всѣхъ обязательствъ, напр., уплата долговъ и т. п. Мало того, регламентъ запретилъ постригать супруговъ, произвольно разведшихся или имѣющихъ малолѣтнихъ дѣтей. Но государь не удовольствовался только этими мѣропріятіями и указомъ 28 Янв. 1723 г. совсѣмъ воспретилъ, кому-бы то ни было, поступать въ монашество. „Отнынѣ, гласилъ указъ, впредь отнюдь никого не постригать, а сколько изъ обрѣтающихся нынѣ числа онъхъ монаховъ и монахинь будетъ убывать, о томъ въ Синодъ рапортовать, и на тѣ убылыхъ мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ" (конечно, нужно думать, на покой). Такимъ образомъ монашество было осуждено на исчезновеніе въ Россіи, еслибы Екатерина I не отмѣнила дѣйствія петровскаго указа въ 1725 г. Тогда-же императрица предписала, чтобы, при поступленіи въ монастырь, въ каждомъ частномъ случаѣ испрашивалось разрѣшеніе Синода. При Аннѣ Иоанновнѣ указомъ 1734 г. было разрѣшено постригать въ монахи только однихъ вдовъыхъ священниковъ, дьяконовъ и отставныхъ солдатъ, всѣмъ-же остальнымъ лицамъ правительство воспретило, подъ страхомъ ссылки и конфискаціи имущества, поступать въ монастырь. Только во время Екатерины II (въ 1762 г.) законодательство вернулось къ началамъ указа 1725 г., т. е. поступленіе въ монастырь стало правомъ каждого лица, но осуществленіе его было поставлено въ зависимость отъ разрѣщенія Синода. Наконецъ, въ 1778 г. законъ воспретилъ постригать несовершеннолѣтнихъ. Что касается до правъ и привилегій монашествующаго духовенства, то они были одинаковы съ тѣми, какія получило и бѣлое духовенство.

Послѣднее дѣлилось на священно-служителей (священники и дьяконы) и церковно-служителей (причетники, т. е. дьячки, пономари и др.) и съ начала XVIII ст. стало организоваться, какъ особое сословіе, замкнутое въ смыслѣ вступленія въ него и выхода изъ него и потомственное въ смыслѣ наследственности званія. Усиленію характера замкнутости духовенства значительно способствовали паденіе значенія приходскихъ выборовъ клира и организація известнаго специальнаго образо-

ванія въ учрежденныхъ при Петрѣ духовныхъ школахъ. Выборы членовъ клира приходомъ, столь широко практиковавшіеся въ до-петровской Россіи и благодаря которымъ въ составъ духовенства постоянно приливали новые элементы изъ другихъ сословій (прихожане могли избирать священно и церковно-служителями кого имъ угодно) встрѣтили сильную оппозицію со стороны свѣтскаго и церковнаго правительства въ XVIII ст., считавшихъ единственно—правильнымъ способомъ замѣщенія вакантныхъ должностей при церквяхъ—назначеніе епархіальными начальствомъ, въ свою очередь признававшимъ наследственность церковныхъ мѣстъ, переходившихъ отъ отца къ его нисходящимъ. Первоначально избраніе приходомъ было ограничено въ томъ отношеніи, что выбирались только духовныя лица, причемъ въ большинствѣ случаевъ наследственность мѣстъ также принималась въ расчетъ. Наконецъ, въ концѣ XVIII ст. (при Павлѣ I) приходскіе выборы совсѣмъ вышли изъ практики.

Съ учрежденiemъ духовныхъ школъ, въ качествѣ необходімаго условія для поступленія въ духовную службу, было выставлено требованіе известнаго специального образованія, полученнаго въ нихъ. По Духовному регламенту, хотя эти школы и учреждались при архіерейскихъ каѳедрахъ „къ воспитанію дѣтей въ надежду священства“, однако, доступъ въ нихъ не былъ закрытъ и для другихъ сословій („для дѣтей священическихъ и прочихъ“). Такимъ образомъ, благодаря школамъ, также была возможность войти въ составъ духовенства лицамъ, не принадлежащимъ къ нему по рожденію. Но такой порядокъ вещей продолжался не долго, и духовныя школы въ скромъ времени стали сословными. Преграждая путь къ духовному званію для всѣхъ тѣхъ, которые въ нихъ не учились, онъ въ тоже время, говоря словами г. Зваменскаго, все плотнѣе замыкался для людей недуховнаго происхожденія и такимъ образомъ становились только новымъ орудіемъ къ развитію той-же замкнутости духовнаго званія¹⁾. Уже по Духовному регламенту, какъ мы видѣли, не признавшему еще сословнаго характера духовныхъ школъ, все содержаніе ихъ было возложено на архіерейскіе дома, монастыри и духовенство безъ всякаго пособія со стороны государства. Точно также надзоръ за ними и вообще все управление ими было сосредоточено въ рукахъ епархіальныхъ архіе-

¹⁾ Приходское духовенство въ Россіи со временемъ реформы Петра, стр. 82.

реевъ и Синода. Наконецъ, программа преподаванія въ школахъ ясно указывала на ихъ профессіональный, а не общеобразовательный характеръ. Мы не говоримъ уже о политикѣ церковныхъ властей, всегда трактовавшихъ свои школы, какъ сословныя. Дѣйствительно, во второй половинѣ XVIII ст. окончательно завершилась замкнутость духовно-учебныхъ введеній, еще болѣе завершившая замкнутость духовенства. Само правительство цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ сдѣлало духовное званіе почти недоступнымъ для постороннихъ лицъ. Правда, указомъ о единопасльдіи 1714 г. младшіе братья (kadеты) изъ дворянъ, при достижениі ими сорока лѣтнаго возраста, получили право поступать въ духовное званіе, но, не говоря уже о томъ, что такое дозволеніе, очевидно, закрывало доступъ въ это званіе для всѣхъ остальныхъ дворянъ, съ отмѣною въ 1730 г. названного указа потеряло силу и самое дозволеніе. Точно также въ 1725 г. былъ изданъ указъ, разрѣшившій архіереямъ посвящать въ священники и дьяконы крестьянъ, но только въ томъ случаѣ, если на названныя церковныя должности не будетъ кандидатовъ изъ духовнаго званія. Въ 1744 г. самъ Синодъ ходатайствовалъ предъ Елизаветою Петровною, чтобы вакантныя мѣста въ приходахъ замѣщались исключительно лицами духовнаго званія, „ибо церкви святыя удобнѣе и приличнѣе нынѣ наполнять таковыми чинами“. Такое мнѣніе Синода вполнѣ гармонировало съ точкою зрѣнія правительства, которое при преемникахъ Петра неоднократно воспрещало лицамъ изъ податныхъ сословій вступать въ духовное званіе, освобожденное отъ уплаты всякихъ податей, въ томъ числѣ и подушной подати. Такъ, когда до свѣѣнія правительства въ 1766 г. дошло, что въ некоторыхъ мѣстностяхъ было пострижено въ монахи и посвящено въ священники 139 государственныхъ черносотныхъ крестьянъ, то оно разоспало ко всѣмъ архіереямъ указы, чтобы впредь изъ податныхъ сословій никого не постригать и не посвящать. Вполнѣ естественно, что при такой политикѣ правительства въ данномъ вопросѣ, желаніе Синода, высказанное имъ въ своемъ наказѣ, поданномъ въ Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г., „о позвolenіи свѣтскимъ изъ всякихъ чиновъ, кто пожелаетъ и достоинъ будетъ, вступать въ духовные чины“¹⁾

¹⁾ Наказъ Синода дважды напечатанъ: г. Прилежаевымъ въ Христіанскомъ Чтеніи 1876 г. (№ 9 и 10) и проф. Сергеевичемъ въ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLIII.

(замѣтимъ, что это желаніе шло въ разрѣзъ съ ходатайствомъ самого-же Синода въ 1744 г.) не было исполнено, и въ 1769 г. правительство подтвердило силу указовъ 1766 г. Къ концу XVIII ст., по свидѣтельству г. Знаменского, духовное званіе до того замкнулось для постороннихъ лицъ, а церковная служба на столько сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ духовенства, что постороннему человѣку весьма трудно было попасть даже на мѣсто церковнаго сторожа¹⁾). Въ 1826 г. Сенатъ возбудилъ вопросъ о пріемѣ въ духовное званіе людей податныхъ сословій и вольноотпущеныхъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ и передалъ его на разрѣшеніе Государственного совѣта. Послѣдній разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: лица податныхъ сословій могутъ быть допущены въ бѣлое духовенство только въ томъ случаѣ, если оказывается недостатокъ въ кандидатахъ изъ духовнаго званія на церковныя должности, причемъ обязаны представить увольнительный приговоръ отъ своего общества. Дѣла такого рода разсматриваются казенною палатою и окончательно разрѣшаются губернаторомъ.

Замкнутость духовенства сказалась также и въ разрѣшении вопроса о выходѣ изъ него, хотя законодательство по этому поводу постоянно колебалось, то затрудняло выходъ, то облегчая его. Такъ, уже петровскій указъ 30 Апр. 1724 г., разрѣшилъ вдовымъ священно-служителямъ слагать съ себя санть и вступать во второй браѣ, причемъ они принимались на службу не только по духовному, но и по свѣтскому вѣдомству. Напротивъ, въ 1732 г., по иниціативѣ Синода, Сенатъ воспретилъ пріемъ на гражданскую службу лицъ изъ духовнаго званія („въ подьячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ, также и въ другіе чины отнюдь не отдавать дѣтей своихъ (т. е. священно и церковно-служителей), подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подъ безпощаднымъ наказаніемъ“) и этимъ почти совсѣмъ закрылъ выходъ изъ духовнаго званія. Въ царствованіе Екатерины II сила указа 1724 г. была вполнѣ восстановлена, тѣмъ болѣе, что самъ Синодъ по разсматривающему вопросу измѣнилъ свое мнѣніе и въ наказѣ, данномъ депутату въ коммиссію 1767 г., ходатайствовалъ о возвратленіи силы этого указа (п. 3). Дѣйствительно, во все царствованіе Екатерины II выходъ изъ духовнаго сословія не представлялъ затрудненій. Священно-служители, оставляв-

¹⁾ Назв. соч., стр. 108 и 109.

шіе санъ, имѣли полную возможность поступать на службу или записываться въ гильдіи, цехи и государственные крестьяне. Дѣти ихъ, обучавшіяся въ семинаріяхъ, получили право зачисляться на службу въ губернскихъ учрежденіяхъ, и для этого требовалось только разрѣшеніе епархиального архіерея (указъ 1779 г.). Мало того, въ 1784 г., по рѣшенію общей конференціи Сената и Синода, дѣти священно и церковно-служителей, если они не находились въ семинаріяхъ, обязательно должны были избрать себѣ родъ жизни, причемъ имъ предоставлялось на волю записаться въ купечество или цехи, поступить въ военную службу или войти въ составъ государственныхъ крестьянъ; въ послѣднемъ случаѣ они получали льготы въ отношеніи платежа податей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Павелъ I рѣзко измѣнилъ политику правительства въ рассматриваемомъ вопросѣ. Такъ, узнавъ въ 1800 г. о поступленіи десяти семинаристовъ на гражданскую службу, онъ сдѣлалъ за это выговоръ тверскому епархиальному архіерею и предписаль, чтобы „впредь безъ особаго повелѣнія государя изъ духовнаго званія въ другія мѣста отнюдь не поступали“. „Предпишите, писалъ далѣе государь въ своемъ указѣ на имя первенствующаго члена Синода Амвросія петербургскаго, всѣмъ епископамъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей ни въ какое другое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться“. При Александрѣ I увольненіе семинаристовъ изъ духовнаго званія стало функцией Синода, причемъ епархиальнымъ архіереямъ было предписано (въ 1803 г.) „удерживаться отъ представленія Синоду прошеній такихъ лицъ“. Стѣснія выходъ семинаристовъ, правительство, однако, не препятствовало выходу священно-служителей на основаніи указа 1724 г., и дѣтей духовенства, не получившихъ образованія въ семинаріяхъ. Въ 1805 г. послѣднимъ даже было разрѣшено приписываться къ купеческому и мѣщанскому обществамъ безъ согласія послѣднихъ. При имп. Николаѣ I правительство опять стало стѣснять выходъ изъ духовнаго званія. Такъ, 28 Июня 1833 г. былъ изданъ законъ о растроженныхъ священно-служителяхъ, по которому бывшимъ священникамъ и дьяконамъ, хотя и разрѣшалось вступленіе на государственную и общественную службу, но не иначе, какъ по истечениіи семилѣтнаго срока послѣ сложенія сана. Этотъ законъ дѣйствовалъ въ теченіи 6-ти лѣтъ и 22 Февр. 1839 г., былъ замѣненъ новымъ, а именно высочайшимъ повелѣніемъ, собственноручно написаннымъ госу-

даремъ на докладѣ Синода. „Полагаю, писалъ государь, что званіе священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоеніи онаго, столько же должно затруднить добровольное онаго сложеніе. Полагаю, что никакъ нельзя попускать, чтобы лицо, носившее сіе высокое званіе, могло непосредственно посвящаться иному служенію, какое бы оно ни было, безъ явнаго соблазна и какъ бы въ доказательство, что мірскія обязанности сильнѣе духовныхъ“. Въ виду этихъ соображеній высочайшее повелѣніе предложило: принимать на государственную службу дьяконовъ, по истечениі 6-ти лѣтъ, а священниковъ, по истечениі 10-ти лѣтъ со времени сложенія ими сана. Не менѣе стѣснительны были постановленія закона при имп. Николаѣ I относительно выхода изъ духовнаго званія дѣтей духовенства и церковно-служителей. Такъ, еще въ указѣ 1826 г., государь выскажался противъ этого выхода. „Его Величество, гласилъ указъ, изволитъ полагать полезнымъ всѣхъ воспитывающихся во всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣлить непремѣнно въ духовное званіе, ибо для свѣтскихъ должностей пріуготовляется другое юношество въ свѣтскихъ училищахъ“. Однако, эти начала не были строго выдержаны на практикѣ, и законами 25 Іюля и 14 Октября 1827 г. дѣти священно-служителей получили право, по выдержаніи установленнаго экзамена, поступать на военную и гражданскую службу и получать на нихъ чины. Но зато доступъ на службу церковно-служителямъ и ихъ дѣтямъ былъ вовсе возбраненъ и только въ 1830 г. правительство разрѣшило принимать ихъ въ канцелярскую службу по духовному вѣдомству.

Съ разсмотрѣнною политикою правительства шли въ разрѣзъ, такъ называемые, разборы духовенства, практиковавшіеся довольно часто въ XVIII ст., благодаря которымъ масса лицъ духовнаго званія принудительнымъ путемъ отчислялась отъ него и набиралась въ солдаты или записывалась въ подушный окладъ. Необходимость подобныхъ разборовъ объяснялась тѣмъ, что въ духовенствѣ, благодаря его замкнутости, накоплялся огромный излишекъ людей, находившихся безъ мѣстъ и бѣдствовавшій въ материальномъ отношеніи. Достаточно вспомнить о такъ называемыхъ „переходящихъ“ или „крестовыхъ“ попахъ, т. е. безмѣстныхъ священникахъ и дьяконахъ, собиравшихся на „крестцахъ“ (въ Москвѣ), т. е. на людныхъ пунктахъ и нанимавшихся за небольшую плату служить обѣдню и исполнять другія требы. О нихъ

говорить еще Духовный регламентъ, свидѣтельствуя о томъ, что „многіе священницы и дьяконы ставятся къ единой церкви свыше потребы“, „почему и волочатся съмо и овамо“. Въ 1741 г. оберъ-прокуроръ Синода кн. Шаховской предписалъ ловить „крестовыхъ“ поповъ и „за таковое непреличествующее священному чину напрасное и праздное стояніе“ бить ихъ плетьми въ дикастеріи (соответствуетъ нынѣшней консисторіи) и ссылать подъ началь въ монастыри. Даже въ 1768 г. преосвященный Амвросій московскій нисалъ, что крестовые попы „премногимъ числомъ шатаются и къ крайнему соблазну, великия дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку“¹⁾). Кромѣ „крестовыхъ“ поповъ, безъ мѣстъ находился и огромный контингентъ дѣтей священно-служителей, а также и церковно-служители со своими дѣтьми. Этотъ контингентъ значительно увеличился послѣ введенія въ 1722 г. штатовъ бѣлага духовенства, когда много членовъ послѣдняго осталось безъ мѣстъ. Между тѣмъ государство нуждалось въ людяхъ, почему съ открытій военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей въ великую сѣверную войну начались усиленные наборы въ военную службу среди духовенства. Самый большой наборъ былъ произведенъ въ 1705 г. Со введеніемъ подушной подати въ окладъ были записаны всѣ священно-служители и ихъ дѣти, не состоявшіе на дѣйствительной службѣ при церквяхъ, а также весь контингентъ церковно-служителей и ихъ дѣтей, хотябы они и состояли на службѣ. Такимъ образомъ огромная масса духовенства вышла изъ своего сословія. Такіе же разборы съ отчисленіемъ въ военную службу или съ записью въ подушной окладъ продолжались отъ времени до времени и при преемникахъ Петра (въ особенности суровы были разборы при Аннѣ Іоанновнѣ, когда одинъ разъ (въ 1736 г.) правительство предписало набрать въ солдаты 7000 человѣкъ, а другой разъ (въ 1738 г.)—по рекруту со 120 человѣкъ). Послѣдній разборъ произошелъ при имп. Николаѣ I въ 1831 г.

Кромѣ замкнутости, духовенство въ изучаемую эпоху пріобрѣло потомственныи характеръ, вслѣдствіе наследственности духовного званія, зависѣвшаго главнымъ образомъ отъ наследственности церковныхъ мѣстъ. Уже указъ, 1722 г. говоритъ объ этой наследственности. Освобождая дѣтей священно-

¹⁾ Знаменскій, назв. соч., стр. 280.

служителей отъ платежа подушной подати, онъ мотивируетъ это тѣмъ, „чтобы имъ быть при тѣхъ (отцовскихъ) церквахъ во дьякахъ и пономаряхъ, изъ нихъ же учить въ школѣ и производить на убылыхъ мѣста въ попы и во дьяконы“. Дѣйствительно, послѣ смерти отца, его мѣсто переходило къ сыну (обыкновенно старшему), котораго онъ уже заблаговременно готовилъ въ свои наслѣдники и который состоялъ при немъ въ качествѣ викария, дьякона или дьячка. Наслѣдственные права сына вполнѣ признавались духовнымъ начальствомъ и если кто нибудь перебивалъ у него мѣсто, онъ пользовался правомъ вчинять искусть и жаловаться на самаго архиерея, допустившаго такое нарушеніе его правъ. Если у священнослужителя не было сыновей, его мѣсто переходило въ наслѣдство по женской линіи, къ дочери, внучкѣ и т. д. Само собой разумѣется, что мѣсто предоставлялось мужьямъ этихъ послѣднихъ, какъ бы въ видѣ приданаго. Создавая силу своихъ наслѣдственныхъ правъ на церковныя мѣста, говоритъ г. Знаменскій, невѣсты-наслѣдницы иногда были очень разборчивы на жениховъ, такъ что при маломъ количествѣ свободныхъ, не зачисленныхъ мѣстъ замѣщеніе священно-служительскихъ вакансій весьма много зависѣло отъ вкуса этихъ дѣвицъ къ женихамъ¹⁾). Духовная власть также всегда уважала и права наслѣдницъ, считая ихъ единственнымъ средствомъ обеспеченія дочерей духовенства. Такъ, въ 1767 г. Синодъ издалъ указъ, которымъ предписалъ: „если послѣ умершихъ священно-служителей остаются дочери и племянницы дѣвицы, а жены умершихъ на мѣста мужей своихъ къ тѣмъ своимъ дочерямъ и племянницамъ пожелаютъ кого принять, таковыхъ по ихъ желаніямъ, достойныхъ опредѣлять“. Мало того, права наслѣдниковъ и наслѣдницъ уважались духовною властью и въ томъ случаѣ, когда они были несовершеннолѣтни и не могли сейчасъ занять своихъ мѣстъ. Въ такомъ случаѣ выходили изъ затрудненія при помощи слѣдующей мѣры. Мѣсто предоставлялось наслѣдникамъ, а для исполненія связанныхъ съ нимъ богослужебныхъ обязанностей до совершеннолѣтія первыхъ назначался на него викарий, обыкновенно по выбору семейства наслѣдниковъ. На языке того времени быть назначеннымъ викариемъ называлось опредѣленіемъ „въ заставку“. Викарий входилъ въ особое договорное отношеніе съ наслѣдниками,

2) Назв. соч., стр. 183.

нанималась обыкновенно за половину или треть дохода отъ мѣста. Синодскій указъ 1767 г. вполнѣ признаетъ институтъ викаріатства, предписывая „до изученія и возрасту малолѣтнихъ дѣтей на отцовское мѣсто никого не опредѣлять, а велѣть содержать изъ получаемыхъ отъ тѣхъ церквей доходовъ викарія“. Къ концу XVIII ст., параллельно съ паденiemъ приходскихъ выборовъ, значительно усилилось значеніе наследственнаго начала, и рѣдкое церковное мѣсто не переходило отъ отца къ его наследникамъ.

Разрозненность и очень часто, какъ мы видѣли, несогласованность законодательныхъ актовъ, касающихся духовенства, естественно вызвали потребность въ ихъ кодификациіи и такимъ образомъ въ опредѣленіи юридического положенія духовенства. Удовлетворить такую потребность, конечно, всего лучше могли законодательныя комиссіи, составлявшія проекты новаго Уложенія. Какъ это не странно, однако, въ трудахъ Елизаветинской комиссіи мы совсѣмъ не встрѣчаемъ даже намека на опредѣленіе правъ и обязанностей духовенства, хотя юридическое положеніе остальныхъ сословій въ нихъ болѣе или менѣе подробно опредѣлено¹⁾). Напротивъ, Екатерининская комиссія, не смотря на отсутствіе въ ней депутатовъ отъ духовенства, обратила вниманіе на это со словіе. Правда, Наказъ императрицы говорить о духовенствѣ только вскользь, причемъ, очевидно, имѣеть въ виду причислить его къ среднему роду людей, т. е. къ городскимъ обычательямъ, какъ это видно изъ 381 ст. („Сверхъ того, къ среднему роду людей причислить слѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кои выходить будуть, не бывъ дворянами, изо всѣхъ нами и предками нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или сельскія“)²⁾). Но за то городскіе наказы занялись не мало и положеніемъ духовенства, ходатайствуя о разныхъ правахъ въ его пользу. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., углицкій наказъ, являются въ сущности, ни чѣмъ инымъ, какъ наказами духовенства (см. первую „часть“ углицкаго наказа)³⁾). Наконецъ, и наказъ Синода посвятилъ не мало мѣста опредѣле-

¹⁾ Въ части III проекта („О состояніяхъ подданныхъ вообще“) имѣется нѣсколько статей, но касающихся только иновѣрческаго духовенства (См. мое изданіе проекта, СПБ., 1892 г., глава II „О православныхъ и иловѣрцахъ“, стр. 2).

²⁾ См. Градовскаго Начала русскаго государственного права, т. I, стр. 282.

³⁾ См. мои Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 493.

нію юридического положенія духовныхъ лицъ и ихъ „выгод-
ностей“, т. е. правъ. Въ виду этого, комиссія была вынуж-
дена обратить вниманіе на лицъ духовнаго званія и въ
проектѣ законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ
жителей удѣлила членамъ бѣлага духовенства не мало мѣста.
Послѣднихъ она отнесла въ разрядъ мѣщанъ и причислила
къ „упражняющимся въ наукахъ и службахъ“, давъ имъ цѣ-
лый рядъ правъ. Однако, проектъ вызвалъ протестъ со сто-
роны Синода, на разсмотрѣніе которого онъ былъ предста-
ленъ въ 1769 г. Мотивы протesta были четырехъ родовъ:
1) „положеніе комиссіи относится не до всего вообще духо-
венства, но до одной его части“, 2) „изображенныя въ главѣ
права одному бѣлому или нижнему духовенству присвоются,
а духовенству высшему никакихъ правъ не положено“, 3) „бѣ-
лове духовенство причисляется къ среднему роду людей“ и
4) въ проектѣ ничего не сказано объ „особливыхъ“ правахъ
малороссійскаго духовенства. Въ виду всего этого, Синодъ
пришелъ къ слѣдующему „разсужденію“: 1) чтобы при раз-
судженіи о родѣ и правахъ духовенства положенію быть о
всемъ вообще духовенствѣ, а не объ одной его части, ибо
существо духовенства во всѣхъ есть едино, поелику всѣхъ
духовныхъ званіе состоить въ священнодѣйствіи и учительствѣ,
и нижнее духовенство съ высшимъ столь есть соединено, что
одно безъ другаго существенно быть не можетъ. 2) Понеже
въ духовенствѣ иные суть правительствующіе, яко то: митро-
политы, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены,
протоіереи, а другіе правительствуемые, яко то: іеромонахи,
священники, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы и церковно-
служители, то посему и слѣдуетъ духовенство вмѣсто того,
чтобъ одну его часть именовать бѣлымъ, раздѣлить на вы-
шшее и низшее, дабы подъ именемъ первого заключались лица
правительствующія, подъ именемъ втораго—правительствуемыхъ.
И какъ нижнему, названному бѣлымъ, духовенству права отъ
коммисіи назначены, то справедливо требуется, чтобъ и
высшему положены были. 3) Чтобъ все вообще духовенство
не причисляемо было къ среднему роду людей, но въ осо-
бливомъ родѣ положено бѣ было, а въ какомъ, въ сравненіи
другихъ родовъ, степени—сіе единственно зависить отъ ми-
лосердной воли ея имп. величества, ибо всѣ духовные по зва-
нию своему суть пастыри и учителя всякаго рода людей. И
потому должны они пользоваться особливомъ почтеніемъ и
уваженіемъ въ ихъ санѣ мірянъ всякаго рода, въ раз-

суждений чего какъ греческими православными царями почтены духовные между благородными, такъ и государственными узаконеніями. 4) Какъ духовенство малороссійское особливыми пользуется правами и выгодами, то и остается разсмотрѣть, какъ всего малороссійского, такъ и всего вообще духовенства права и выгоды и положить оное въ законъ¹⁾. Весьма возможно, что, вслѣдствіе этого протеста со стороны Синода, Жалованная грамота городамъ 1785 г. уже не трактуется членовъ бѣлага духовенства, какъ особый разрядъ городского сословія, и въ число именитыхъ гражданъ—категоріи „городовыхъ обывателей“, имѣющей по своимъ составнымъ элементамъ нѣкоторое сходство съ разрядомъ „упрощающихся въ наукахъ и службахъ“ проекта—бѣлое духовенство не внесено. Правда духовныя лица имѣли возможность войти (и многія изъ нихъ навѣрно вошли) въ разрядъ „настоящихъ городовыхъ обывателей“, но въ такомъ случаѣ они считались мѣщанами только въ качествѣ владѣльцевъ недвижимаго имущества въ предѣлахъ городской черты, а не въ качествѣ членовъ бѣлага духовенства²⁾.

Вопросомъ, объ урегулированіи юридического положенія послѣдняго занялся и комитетъ 6 Декабря 1826 г. По крайней мѣрѣ въ составленномъ имъ проектѣ дополнительного закона о состояніяхъ мы находимъ и отдѣль о духовенствѣ. Но онъ состоитъ всего изъ двухъ статей, подтверждающихъ права и преимущества, „дарованныя духовенству разными постановленіями“ и въ отличие отъ отдѣловъ, посвященныхъ другимъ сословіямъ, крайне лакониченъ³⁾.

Реформы 60-хъ годовъ коснулись и лицъ духовнаго званія, совершенно видоизмѣнивъ ихъ юридическую физіономію. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ авторъ (въ особенности законами 1867 и 1869 г.г.) сословный характеръ духовенства былъ уничтоженъ путемъ отмѣны наследственности званія и церковныхъ мѣстъ, а также замкнутости какъ относительно вступленія въ сословіе, такъ и выхода изъ него.

Переходимъ въ разсмотрѣнію правъ и обязанностей духовенства по законодательству изучаемой эпохи. Само, собою разумѣется, что основною обязанностью духовенства было стре-

¹⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XXXVI, стр. 185—188; *мои* Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст., стр. 498.

²⁾ *Мои* Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст., стр. 500.

³⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 369.

мленіе къ достиженню тѣхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, ради которыхъ оно и имѣло свой смыслъ существованія. Иначе говоря, лица духовнаго званія должны были быть, выражаясь словами вышеприведенного документа Синода, „пастырями и учителями всякаго рода людей“. Но для успѣшнаго осуществленія этой „пастырской и учительской“ обязанности, члены духовенства должны были сами получить образованіе. И дѣйствительно, начиная съ Петра I, правительство возлагаетъ на духовенство, такъ же какъ и на дворянство, повинность учиться. Цѣлый рядъ петровскихъ указовъ (напр., 1708 и 1710 г.г.) признаетъ образованіе для духовенства обязательнымъ, предписывая отдавать въ солдаты „поповыхъ, дьяконо-выхъ, дьячковыхъ, понамаревыхъ и даже сторожевыхъ и пропсвириновыхъ дѣтей, если они не похотятъ учиться въ школахъ“. Монастырскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго находились школы до учрежденія Синода, былъ обязанъ „учениковъ духовныхъ, которые отъ учения отстали, ссыкивать и отсылать въ школы съ наказаніемъ“. Духовный регламентъ (О епископахъ, п 9—10) пошелъ еще далѣе и предписалъ, когда архіерейскихъ школъ „довольное число покажется“, назначать на церковныя должности только лицъ, окончившихъ въ нихъ курсъ, „а если епископъ, прибавляетъ регламентъ, неученаго во онъихъ школахъ человѣка поставить въ священники или монашескій степень, минувъ ученаго, то подлежитъ наказанію, якое опредѣлено будетъ въ Духовномъ коллегіумѣ“ (т. е. въ Синодѣ). Точно также и указъ 1722 г. снова повторяетъ, чтобы изъ неученыхъ „никого не посвящать и въ причеть церковный отнюдь произхожденія не чинить“. „Оное, говоритъ далѣе указъ, архіереямъ имѣть во всегдашней памяти со всеюонечнымъ исполненіемъ подъ немалымъ за то самихъ архіереевъ штрафованіемъ“. Петровскія узаконенія постоянно подвергдались и впослѣдствіи. Такъ, въ 1797 г. Синодъ предписалъ „при произведеніи въ санъ священства воспитанныхъ семинаристовъ предпочтать неученымъ, хотя бы прихожане и просыбами о нихъ настояли“. Затѣмъ указами 26 Іюня 1808 г. и 27 Авг. 1814 г. было приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство всѣхъ дѣтей духовенства съ 6—8 лѣтъ. Свобода отъ обязательнаго обученія была дарована духовенству только въ 1849 г.

Среди правъ и привилегій духовенства весьма важной считалась свобода отъ личныхъ податей и повинностей. Однако, эту льготу духовенство получило не сразу.

Такъ, при Петрѣ оно платило цѣлый рядъ сборовъ, напр., табельные или окладные сборы, повсигодные поборы, каппелярскіе, запросные, оброчные (напр., сборы съ мельницъ, съ бани, съ пчельниковъ, съ рыбныхъ ловель) и др. сборы¹⁾. Большинство изъ нихъ было уничтожено съ введеніемъ подушной подати. Впрочемъ, оброчные сборы просуществовали во всю первую половину XVIII ст. и были отмѣнены только при Екатеринѣ II. При введеніи подушной подати, правительство первоначально предполагало освободить отъ нея только священнослужителей, дѣтей же ихъ и церковнослужителей положить въ подушный окладъ, но такое намѣреніе встрѣтило энергичный протестъ со стороны Синода. Благодаря ему, дѣти действительно служащихъ священниковъ и дьяконовъ были также освобождены отъ уплаты подушныхъ денегъ, но церковно-служители этой льготы не получили²⁾. Рекрутскую повинность священнослужители, конечно, не отправляли, но взамѣнъ ея должны были платить особый сборъ на драгунскихъ лошадей, уничтоженный въ 1725 г. Что же касается до ихъ дѣтей и церковнослужителей, то они отправляли эту повинность лично, негодные же къ ней платили, такъ называемый, козловскій окладъ, уничтоженный въ 1724 г. Точно также члены духовнаго сословія вначалѣ не были освобождены отъ постойной повинности. Она была снята съ нихъ въ 1724 г., потому что, говорилось въ узазѣ „во время отправленія правила къ священнослуженію такому постою быть не прилично“. Хотя этотъ указъ неоднократно подтверждался и впослѣдствії, однако, на практикѣ не всегда приводился въ исполненіи, о чёмъ и свидѣтельствуетъ Синодъ въ своемъ наказѣ, поданномъ въ законодательную комиссию 1767 г. „Хотя по прежнимъ указамъ, читаемъ здѣсь, въ домахъ священно и церковно-служителей постоецъ ставить не велѣно, однако, какъ нынѣ по представленіямъ изъ епархій усмотрѣно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оніе постоецъ отягощаются“. Наконецъ, духовенство было обязано нѣкоторыми полицейскими повинностями, напр.,ходить на караулы къ рогаткамъ, являться на пожары, дежурить на сѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ для посылають къ колодникамъ и для работъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ напр., отъ дежурства на сѣзжихъ дворахъ и въ до-

¹⁾ Перечисленіе всѣхъ этихъ сборовъ см. у Горчакова „Монастырскій приказъ“, стр. 204 и слѣд.

²⁾ Подробности см. у Знаменского, назв. соч., стр. 369 и слѣд.

макъ, офицеровъ, духовенство было освобождено въ 1736 г. („дабы въ церковной службѣ остановки не было“). Отъ остальныхъ же оно получило свободу только въ 1742 г. Однако, какъ видно изъ наказа Синода, и эта свобода не всегда соблюдалась на практикѣ.

Большое значеніе придавало духовенство тѣмъ привилегіямъ въ области судопроизводства, которое оно стало получать еще со времени Петра I. Такъ, съ учрежденіемъ Синода и по его инициативѣ было предписано (указъ 15 Марта 1722 г.) по оговорамъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) духовныхъ лицъ судить въ Синодѣ, „доколѣ не дойдутъ до гражданскаго суда“, и не брать ихъ ни въ коллегіи, ни въ другія судебнія учрежденія, причемъ каждый „челобитчикъ въ злодѣянії“, напр., „въ брані, бою, кражѣ, въ обидахъ и безчестіяхъ и т. п.“. обязанъ былъ вчинять искъ на членовъ духовенства только въ Синодѣ. Что касается до гражданскихъ дѣлъ („исковая и тажебная“ дѣла), то они должны были разсматриваться, „еже гдѣ опредѣлено всѣмъ“, т. е. въ свѣтскихъ судахъ. Эти начала въ нѣсколько модифицированной формѣ были подтверждаемы и впослѣдствіи. Такъ, указомъ 1735 г. правительство запретило судить духовныхъ лицъ въ свѣтскихъ судахъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) безъ сношенія съ епархиальнымъ начальствомъ. По мелкимъ уголовнымъ дѣламъ (бой, брань, кража и т. п.) духовенство подлежало свѣтскому суду только въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ былъ не духовнымъ лицомъ, но разбирательство такихъ дѣлъ обязательно должно было происходить въ присутствіи особыхъ депутатовъ отъ духовенства, „чтобы духовные получали непрерывную и достойную сatisfacti҃on“. По гражданскимъ и по всѣмъ остальнымъ уголовнымъ дѣламъ духовные судились въ свѣтскихъ судахъ, но также въ присутствіи духовныхъ депутатовъ, которые съ 1791 г. назначались по двое въ каждый городъ и по одному на 10—15 сельскихъ приходовъ изъ священнослужителей хорошаго поведенія. Указами 1810 и 1812 г. г. подробно разработаны узаконенія прежнаго времени о духовныхъ депутатахъ, безъ участія которыхъ (за исключеніемъ случаевъ, не терпящихъ отлагательства) нельзя было разсматривать дѣла о лицахъ духовнаго званія въ свѣтскихъ судахъ. Наконецъ, въ 1823 г. права этихъ депутатовъ были значительно расширены предоставлениемъ имъ права голоса въ судѣ наравнѣ съ прочими судьями.

Со времени Екатерины II духовенство постепенно получаетъ такую льготу въ области уголовнаго права, какъ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній. Екатерина, исходя изъ того воззрѣнія, что благодаря существованію тѣлесныхъ наказаній „священнослужители теряли должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подавался немалый соблазнъ и причина къ презрѣнію“, освободила отъ нихъ священниковъ и дьяконовъ. Но эта свобода ограничивалась только предѣлами одного духовнаго вѣдомства, свѣтскіе же суды попрежнему имѣли право наказывать священнослужителей тѣлесно. Въ виду этого, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ имп. Павла, Синодъ ходатайствовалъ передъ нимъ обѣ освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія и въ свѣтскіхъ судахъ, „ибо чинимое ему наказаніе въ виду тѣхъ самыхъ прихожанъ, кои получали отъ него спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана“. Государь исполнилъ желаніе Синода и освободилъ лицъ духовнаго званія отъ наказанія на тѣлѣ. Но эта льгота не получила тогда практическаго осуществленія въ виду того, своеобразнаго толкованія Жалованной грамоты дворянству въ отношеніи тѣлеснаго наказанія со стороны Павла I, о которомъ мы говорили уже раньше. Поэтому однимъ изъ первыхъ узаконеній Александра I былъ извѣстный указъ 22 Мая 1801 г., освободившій священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія, въ виду желанія государя „дать примѣръуваженія къ священному сану въ народѣ“ и въ виду „укорененія въ немъ самомъ чувствауваженія къ себѣ и ужаса къ пороку“. Въ 1808 г. были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія жены и вдовы священнослужителей, а въ 1811 г.—монахи. Наконецъ, въ 1835 г. эта льгота была распространена на дѣтей священно-служителей. Что же касается до церковно-служителей, то они подвергались тѣлесному наказанію вплоть до отмѣны его въ 1863 г.

Говоря о привилегіяхъ духовенства, необходимо упомянуть также и о правѣ на безчестіе, т. е. на получение особаго штрафа за оскорблѣніе, узаконенаго еще Уложеніемъ 1649 г. Размѣръ его зависѣлъ отъ ступени на іерархической лѣстницѣ, занимаемой лицомъ духовнаго званія. Увеличеніемъ этого размѣра особенно интересовались городскіе наказы, поданные въ законодательную комиссию 1767 г. Такъ, углицкій наказъ, указывая на то, что вслѣдствіе небольшаго размѣра безчестія, „многіе партикулярные люди“

называют священнослужителей „разными безчестными и ругательными священному чину званиями, а прочие бранять и бьютъ“, ходатайствуетъ „пополнить о томъ узаконенiemъ съ прибавлениемъ числа за безчестie и особливо за бой иувѣчье такою суммою и отмщенiemъ, которые бъ священному чину соотвѣтствовать могли“¹⁾). Проектъ законовъ о правахъ средняго рода жителей, хотя и не упомянулъ о безчестіи, но въ ст. 5 постановилъ, что „священнослужители должны пользоваться особливымъ почтенiemъ и уваженiemъ къ ихъ сану отъ мірянъ, и за учиненную имъ обиду излишнее налагается наказаніе“. Едвали, однако, постановленіе столь неопределеннаго характера могло удовлетворить духовенство, тѣмъ болѣе, что и самъ Синодъ въ своемъ наказѣ ходатайствовалъ о томъ, чтобы „о безчестіи архіереевъ и прочихъ духовныхъ властей, а особливо о бой иувѣчии протопоповъ и поповъ и прочихъ церковнослужителей и ихъ женъ и дѣтей учинить надлежащее законоположеніе“.

Наконецъ, духовенству принадлежали и нѣкоторыя почетныя права. Такъ, уже проектъ законовъ о правахъ средняго рода жителей предоставилъ священнослужителямъ право ъздить въ каретахъ. При имп. Павлѣ I духовенство получило право получать награды и отличія, а именно: крестъ для ношенія на цѣпи на шеѣ, камилавку или скуфью и митру. Тогда же государь предписалъ достойныхъ священнослужителей представлять къ наградамъ орденами.

Но, имѣя извѣстныя привилегіи, духовенство въ тоже время было и ограничено въ нѣкоторыхъ правахъ, осуществленіе которыхъ считалось несовмѣстнымъ съ духовнымъ званіемъ. Такъ, еще при Петрѣ I были подтверждены прежнія запрещенія духовенству заниматься торговлею и промыслами, вступать въ откуша и подряды и въ нѣкоторыя другія обязательства, курить вино и т. п. Но за то при Петрѣ духовенство могло пользоваться доходами со своихъ домовъ, напр., отдавать ихъ въ наемъ, что прежде было запрещено. Эти ограниченія неоднократно подтверждались и впослѣдствіи. Въ 1743 г. было даже предписано „изврещи сана священническаго вовсе“ всякое духовное лицо, изображенное въ роли „наемника, а не пастыря.“ Наказъ Синода также ходатайствуетъ о томъ, чтобы духовенству было запрещено „ни въ какія мірскія дѣла, также за кого либо въ опекуны, па-

¹⁾ См. мои Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 495.

че же въ стряпчество входить и въ поручительство и подряды обязываться". Точно также духовенство было лишено права владѣть населенными имѣніями и крѣпостными людьми. Однако, на практикѣ послѣднее ограниченіе соблюдалось далеко не всегда, и духовные лица, приобрѣтали себѣ крѣпостныхъ, только записывая ихъ на чужое имя, но фактически распоряжаясь ими, какъ своею собственностью. Впрочемъ, на основаніи указовъ 1744 г., духовенство, какъ и остальные сословія, могло закрѣплять за собою незаконнорожденныхъ дѣтей, принятыхъ къ себѣ на воспитаніе. О крѣпостномъ правѣ для духовенства ходатайствовалъ Синодъ въ своемъ наказѣ, прося правительство „въ покупкѣ священнослужителямъ для послуженія мужска и женска пола людей дать позволеніе, наложа пропорцію, чтобы лишнихъ имѣть не могли". Однако, Екатерина II не исполнила этого желанія и даже, какъ извѣстно, при ней состоялось освобожденіе крестьянъ духовныхъ вотчинъ, т. е. поселенныхъ на земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ, соборамъ и церквамъ. Въ 1804 г. лица духовнаго званія, наравнѣ съ членами остальныхъ сословій, получили право приобрѣтать ненаселенные имѣнія, чѣмъ еще разъ было подчеркнуто, что крѣпостное право считалось правительствомъ исключительно дворянскою привилегіею.

§ 3. Купцы и мыщане ¹⁾.

141

Первый законодательный памятникъ, опредѣлившій юридическое положеніе членовъ торгово-промышленнаго класса, былъ Регламентъ главному магистрату, изданный Петромъ I 16 Фефраля 1721 г. На основаніи его торгово-промышленный классъ получилъ название гражданъ, разделенныхъ на два разряда: регулярныхъ и нерегулярныхъ. Регулярные въ свою очередь дѣлились на двѣ гильдіи, причемъ въ составъ первой входили: банкиры, купцы, ведшіе большую торговлю,

¹⁾ Пригара, Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ Великомъ; Плошинскій, Городское или среднее состояніе русского народа въ его историческомъ развитіи; Дитятинъ, Устройство и управліеніе городовъ Россіи, т. I и II; мои, Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст., т. I, гл. 6: „Городские наказы“; см. также мое изданіе проекта новаго Уложенія, ч. III, гл. 23: „Право купеческое“, гл. 24: „О росписи купцовъ по гильдіямъ“ и гл. 25: „О цехахъ“.

доктора, алтекаря, шеипера, живописцы и др.; въ составъ второй—мелочные торговцы и ремесленники. Послѣдніе дѣлились на цѣхи или цунфты, причемъ каждое ремесло составляло особый цехъ¹⁾, во главѣ котораго стояли альдерманы, избиравшіеся членами цеха изъ своей среды на цеховыхъ собранияхъ. Въ составъ цеха входили мастера, подмастерья и ученики, причемъ послѣдніе обязательно должны были обучаться ремеслу въ теченіи семи лѣтъ, а затѣмъ, по выдержаніи экзамена, получали письменное удостовѣреніе въ знаніи ремесла. Становились ли они затѣмъ подмастерьями или непосредственно получали степень мастера—неизвѣстно. Нужно думать, что вѣроятнѣе первое предположеніе. Мастера считались полноправными членами цеха и избирали альдермановъ, управлявшихъ дѣлами послѣдняго. Каждое произведеніе известнаго мастера должно было имѣть какъ его печать, такъ и альдермана, въ противномъ случаѣ оно не могло поступить въ продажу. Такимъ образомъ наблюденіе за доброкачественностью вещей, поступающихъ въ продажу, и уничтоженіе ихъ вслѣдствіе негодности, являлось одною изъ функций альдермановъ. Другими функциями послѣднихъ были: 1) веденіе цеховой книги, куда записывались всѣ лица, поступающія въ цехъ (такими могли быть какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, причемъ изъ русскихъ—лица всѣхъ словій, кроме дворянъ и крестьянъ, разъ послѣдніе не имѣли отпускныхъ писемъ отъ помѣщиковъ), и 2) раскладка и сборъ государственныхъ податей и повинностей. Поступленіе въ цехъ было обязательно для ремесленниковъ, работающихъ на продажу, такъ какъ съ точки зреенія людей той эпохи цехи считались необходимымъ условіемъ для процвѣтапія ремесленной промышленности. Уже въ предложеніи Салтыкова Петру (о чёмъ было говорено выше) мы встрѣчаемся съ совѣтомъ предписать „мастерамъ“ и промышленникамъ, по примѣру западной Европы, записываться въ цехи. „Ежели же, говорить Салтыковъ, кто похочетъ въ ученики какого ни есть мастерства или промысла, и ему записываться въ книги и быть въ томъ мастерствѣ или промыслѣ, въ ученикахъ семь лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ учениковъ свидѣтельствовать мастерамъ и выдавать грамоту²⁾.

¹⁾ „Каждое художество или ремесло, гласить указъ 27 Апр. 1722 г., свои особые цунфты или собрания ремесленныхъ людей имѣетъ“.

²⁾ Милковъ, Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 539.

Какъ известно, советъ Салтыкова былъ принятъ и осуществленъ на практикѣ указомъ 1722 г. Однаково съ Салтыковымъ смотрѣль на цехи и известный Посошковъ, видя въ нихъ причину того, что на Западѣ мастера „добра и похвальны“, и совѣтуя „учинить такой же твердый гражданскій союзъ“ (т. е., цехи) въ Россіи¹). Само правительство въ этомъ вопросѣ придерживалось той же точки зрѣнія, какъ то видно изъ мнѣнія Сената, высказанного имъ въ 1760 г., а именно: „въль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ, до тѣхъ поръ всякое о развитіи ремеслъ прилагаемое стараніе было бы тщетно, и величія иждивенія употреблялись бы напрасно“²). Какъ видимъ ниже, та же точка зрѣнія продолжала господствовать и въ царствованіе Екатерины II.

Объ гильдіи пользовались известнымъ самоуправлениемъ, хотя Регламентъ главному магистрату говорить объ этомъ довольно глухо. Мы знаемъ только, что каждая гильдія ^{Уже съ} избирала нѣсколько старшинъ, изъ которыхъ одинъ являлся гильдейскимъ старостою, а остальные его товарищами. Функции ихъ опредѣлялись довольно неопределенно, а именно: „попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ касается“. Старшины входили въ составъ особаго совѣта, существовавшаго при магистратѣ, по всей вѣроятности, съ правомъ совѣтательного голоса.

Что касается до нерегулярныхъ гражданъ, то таковыми считались дворяне, духовные лица, лица, состоявшія на службѣ и „подлые“ люди, т. е. чернорабочіе и находившіеся въ наймахъ. Главное различие названныхъ разрядовъ другъ отъ друга состояло въ томъ, что регулярные граждане участвовали въ городскомъ самоуправлении путемъ избрания членовъ магистратовъ въ то время, какъ нерегулярные этимъ правомъ не пользовались. Такимъ образомъ сословный духъ времени вполнѣ сказался въ разсмотрѣнной организаціи торжево-промышленного класса, который теперь сталъ совершенно обособленнымъ сословиемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ дворянствомъ, съ одной стороны, и съ крестьянствомъ, съ другой.

На такомъ же сословномъ началѣ былъ организованъ торжево-промышленный классъ и по проекту Елизаветинской комиссіи. Юридическое положеніе его опре-

¹⁾ О скудости и богатствѣ, стр. 140 (Сочиненія, т. I).

²⁾ Дитятинъ, Устройство и управление городовъ Россіи т. I, стр. 249.

дѣлялось по особому „праву купеческому“, сообразно съ ко-
торымъ онъ раздѣлялся на четыре разряда, а именно: 1) по-
томковъ московскихъ гостей и купцовъ, платившихъ въ тѣ-
ченіе четырехъ лѣтъ по 30000 руб. пошлинь ежегодно
(этотъ разрядъ пользовался слѣдующими правами: на владѣніе
населенными имѣніями, прежде пожалованными, т. е. до изда-
нія проекта, на ношеніе шпагъ и на первенство, „во всякихъ
засѣданіяхъ и совѣтахъ мѣрскихъ“), 2) купцовъ 1-ой гиль-
діи („знатное“, „богатое“ купечество), 3) купцовъ 2-ой гильдіи
(„средственное“ купечество) и 4) купцовъ 3-ей гильдіи
(„маломочное“ купечество). Во главѣ каждого разряда стоялъ
выборный старшина съ двумя товарищами.

Сословный духъ времени сказался и на стремленіяхъ
городскихъ наказовъ, поданныхъ въ комиссию 1767 г. Всѣ
наказы требуютъ, чтобы „купеческое право“ было только
для купцовъ, причемъ поступленіе въ разрядъ послѣднихъ
зависѣло бы исключительно отъ согласія магистратовъ, а
выходъ изъ купечества былъ бы строго воспрещенъ.

Съ той же сословной точки зренія смотрѣла на этотъ
классъ и имп. Екатерина II въ своемъ Наказѣ. „Средній родъ
людей или мѣщанъ, писала она, суть тѣ, которые обитаютъ
въ городахъ и, не бывъ дворянѣ, ни хлѣбопашцы, упраж-
няются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ
торговлѣ и ремеслахъ“. „Какъ все основаніе сему среднему
роду людей будетъ имѣть въ предметѣ доброправіе и трудо-
любіе, то, напротивъ того, нарушеніе сихъ правилъ будетъ
служить къ исключенію изъ онаго“. Нужно замѣтить, что
это опредѣленіе „средніго рода людей“ скорѣе относилось къ
западно-европейской буржуазіи, чѣмъ къ русскимъ купцамъ
и мѣщанамъ, однако, не смотря на это, попало въ Жалован-
ную грамоту городамъ 1785 г. Еще раньше оно было букваль-
но воспроизведено въ проектѣ, составленномъ частною ком-
миссіею о государственныхъ родахъ въ 1767—68 гг., при-
чемъ „средній родъ людей“ былъ раздѣленъ на три разряда
или „части“, а именно: 1) на „упражняющихся въ наукахъ и
службахъ“ (бѣлое духовенство, ученые, „выслужившіеся“, при-
казные служители и художники), 2) на „торгующихъ“ (куп-
цы, заводчики, фабриканты и содержатели морскихъ и рѣч-
ныхъ судовъ) и 3) на „упражняющихся въ разныхъ, прилич-
ныхъ мѣщанству, работахъ“ (ремесленники, мѣщане и воль-
ноотпущенны). Какъ известно, этотъ проектъ не получилъ
законодательной санкціи, и до изданія Жалованной грамоты

мы встречаемся только съ однимъ законодательнымъ памятникомъ, опредѣлившимъ юридическое положеніе торгово-промышленного класса, а именно съ манифестомъ 1775 г. о раздѣленіи купечества на гильдіи. По манифесту всѣ лица, не обладающія капиталомъ свыше 500 р., были отнесены въ категорію мѣщанъ; лица же, обладающія капиталомъ отъ 500 до 1000 р., составляли третью гильдію, отъ 1000 до 10000 руб.—вторую и, наконецъ, отъ 10000 и свыше—первую. Каждая гильдія избирала старшину, старосту и его товарища срокомъ на одинъ годъ для завѣдыванія гильдейскими дѣлами, причемъ старшины и старосты 3-ей и 2-ой гильдій подчинялись старшинѣ 1-ой гильдіи. Въ такомъ же подчиненномъ положеніи къ нему находился и староста со своимъ товарищемъ 1-ой гильдіи.

Что касается до Жалованной грамоты городамъ, то, хотя она и повторяетъ опредѣленіе „средняго рода людей“, принадлежащее Наказу, но въ то же время отличается рѣзкимъ дуализмомъ, проходящимъ черезъ всѣ ея опредѣленія и выражющимся въ соединеніи поста-новленій относительно торгово-промышленного класса, изъ которыхъ грамота создаетъ особое сословіе, съ одной стороны, съ постановленіями объ организаціи городского управления, какъ управлениія общественнаго, всесословнаго, съ другой стороны. Въ виду этого дуализма, постановленія грамоты далеко не отличаются ясностью и категоричностью, а, напротивъ, скорѣе страдаютъ недосказанностью и нерѣдко противорѣчивостью. Такъ, грамота признаетъ городскихъ обывателей или мѣщанъ особымъ сословіемъ, что явствуетъ изъ многихъ статей грамоты¹⁾, и между прочимъ изъ статьи 83, по которой „мѣщанскаꙗ дѣти получають мѣщанскоѣ состояніе наслѣдственное“. Затѣмъ далѣе слѣдуетъ подраздѣленіе мѣщанъ на шесть разрядовъ, а именно: на „настоящихъ городскихъ обывателей“, на купцовъ, записанныхъ въ три гильдіи (купцы первой гильдіи могли торговатъ оптомъ и рознично, какъ въ Россіи, такъ и за границей, кунцы второй гильдіи могли торговатъ только въ Россіи, купцы третьей гильдіи могли торговатъ только въ городѣ и уѣздѣ, гдѣ записаны), на цеховыхъ ремесленниковъ, на иногородныхъ и

¹⁾ Такъ, ст. 80, гласящая: „городскихъ обывателей средняго рода людей или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе трудолюбія и добронравія, чѣмъ и пріобрѣли отличное состояніе“, или ст. 84, 85 и 87, говорящія о сословномъ судѣ, а также ст. 86 и 91—о сословной части и т. д.

иностранныхъ купцовъ, производившихъ торговлю въ извѣстномъ городѣ, на „именитыхъ гражданъ“ и на посадскихъ. Такимъ образомъ, „средній родъ людей“ или мѣщане состоятъ изъ шести разрядовъ, изъ которыхъ каждому изъ нихъ присущи особыя права и обязанности, кромѣ еще общихъ правъ и обязанностей, присущихъ всѣхъ разрядамъ, какъ составнымъ элементамъ единаго цѣлага, т. е. мѣщанскаго сословія вообще. Иначе говоря, сословное начало, завѣщанное еще петровскимъ законодательствомъ, проводится вполнѣ послѣдовательно, и мѣщанство трактуется законодательствомъ только съ одной этой сословной точки зренія. И вдругъ оказывается, что въ одинъ изъ разрядовъ мѣщанскаго сословія, замѣтимъ кстати, передающагося наследственно отъ отца къ сыну, входятъ „всѣ, кои въ городѣ домъ или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ“ т. е., члены и другихъ сословій, напр., дворянства, духовенства и т. д. (эти лица входятъ въ составъ первого разряда, т. е. „настоящихъ городскихъ обывателей“). Мало того, эти члены другихъ сословій вносятся въ одну изъ мѣщанскихъ книгъ, несутъ извѣстныя повинности и пользуются извѣстными правами, въ числѣ которыхъ есть право, дарованное только дворянамъ, по выражению грамоты, „ради сохраненія ихъ достоинства, а именно право освобожденія отъ личныхъ податей и службъ по городскому управлению“. Мало того, въ другомъ мѣстѣ грамоты (ст. 77) понятіе „городского обывателя“ еще болѣе расширяется, такъ какъ подъ него подводятся также и „всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или сторожили, или родились, или поселились, или въ окладъ записаны и по тому городу носятъ службу или тѣгости“. Такое смѣщеніе началъ стараго-сословнаго и новаго-всесословнаго встрѣчается въ грамотѣ не разъ, причемъ является ничѣмъ непримиреннымъ и ни съ чѣмъ не согласованнымъ¹⁾. Мы уже сказали, что грамота дѣлить „средній родъ людей“ или мѣщанъ на шесть разрядовъ. Первый составляютъ „настоящие городскіе обыватели“, т. е. лица, обладающія въ предѣлахъ города какимъ либо недвижимымъ имуществомъ. Въ составъ второго входятъ купцы, т. е. „тѣ, кои какого бы кто ни былъ рода, поколѣнія, семьи, состоянія, торговли, промысла, рукодѣлія или ремесла, объявили за

1) См. мое изслѣдование „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I, а также статью Дитятини, „Къ истории жалованыхъ грамотъ 1785 года“ (Русская Мысль 1885 г.).

собою установленные капиталы". Сообразно съ величиною послѣднихъ, купечество дѣлится на три гильдіи: въ первую входятъ лица, объявившія капиталъ въ размѣрѣ отъ 10 до 50 тысячъ рублей, во вторую—отъ 5 до 10 тысячъ и въ третью—отъ одной и до пяти тысячъ. Купцы 1-ой гильдіи пользуются правомъ торговать оптомъ и рознично какъ въ Россіи, такъ и заграницею, купцы 2-ой гильдіи—только въ Россіи, купцы 3-ей гильдіи—только въ городѣ и уѣздахъ, где записаны. Третій разрядъ составляютъ цеховые ремесленники, о которыхъ мы скажемъ ниже. Четвертый—иностранные и иногородные гости. Пятый—именитые граждане, составъ которыхъ довольно смѣшанный, а именно: а) тѣ, кои проходя по порядку службу городскую и получивъ уже название степенныхъ, вторично, по выборѣ, отправили съ похвалою службу"; б) "ученые, кои могутъ предъявить академические или университетскіе аттестаты или письменныя свидѣтельства о своемъ знаніи или искусствѣ и кои по испытаніямъ россійскихъ главныхъ училищъ таковыми признаны"; в) "художники трехъ художествъ, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены академическихъ или имѣютъ удостоянія академическихъ о своемъ знаніи или искусствѣ и по испытаніямъ россійскихъ главныхъ училищъ таковыми признаны"; г) всякаго званія и состоянія капиталисты, кои объявлять за собою капитала отъ 50 тысячъ рублей и болѣе"; д) "банкиры, переводящіе деньги, кои для сего званія объявлять за собою капитала отъ 100 до 200 тысячъ рублей"; е) тѣ, кои торгуютъ оптомъ и не имѣютъ лавокъ"; ж) "кораблемозева, отправляющіе за море собственные корабли". Такимъ образомъ именитые граждане представляли изъ себя аристократію ума и капитала города. Наконецъ, шестой разрядъ составляли посадскіе, т. е. "тѣ изъ старожиловъ или поселившихся, или родившихся въ городѣ, кои не внесены въ другихъ частяхъ городовой обывательской книги и кормятся въ томъ городѣ промысломъ, рукодѣліемъ или работою", иначе говоря, мѣщане въ тѣскомъ смыслѣ этого слова. Всѣ названные разряды вносились въ такъ называемую "городовую обывательскую книгу", дѣлившуюся на шесть частей соотвѣтственно числу разрядовъ. Книга составлялась городовыми, депутатскими собраніемъ, состоявшимъ изъ городского головы и опредѣленного количества старостъ и депутатовъ, избираемыхъ городскимъ обществомъ на три года.

Одновременно съ Жалованной грамотой было издано Ремесленное положение, опредѣлившее юридическое положение цеховъ. Послѣдніе попрежнему считались необходимымъ условиемъ для развитія промысловъ, что высказала имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ. „Безспорно, читаемъ въ немъ, что для заведенія мастерства цехи полезны, а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено, ибо сіе самое препятствуетъ размноженію руководлій. Во многихъ городахъ въ Европѣ они сдѣланы свободными въ томъ, что не ограничено число, а могутъ вписываться въ оные по произволенію, и примѣчено, что то служило въ обогащеніе тѣхъ городовъ. Въ малолюдныхъ городахъ полезны быть могутъ цехи, дабы иметь искусныхъ людей въ мастерствахъ“. Въ томъ же направленіи высказались и депутатскіе наказы. Такъ, петербургскій наказъ просилъ императрицу „повелѣть всѣмъ ремесленникамъ сдѣлать обстоятельную перепись, учредить порядочные цехи и на оные ихъ росписать съ опредѣленiemъ старшинъ каждому, такожъ особыхъ привилегій и правилъ“. Кромѣ того, наказъ ходатайствовалъ о запрещеніи ремесленникамъ, не записаннымъ въ цехи, „производить работу ремесла своего“. По Ремесленному положению каждое ремесло образовывало особый цехъ или управу, и только въ томъ городѣ, въ которомъ не имѣлось по крайней мѣрѣ пяти ремесленниковъ одного ремесла, нѣсколько ремесль могли образовать одинъ цехъ. Поступать въ цехъ могъ каждый городской обыватель, по представлениіи своей работы особой комиссіи изъ мастеровъ и по признаніи ея со стороны послѣдней удовлетворительной, причемъ онъ обязывался внести опредѣленную сумму денегъ въ цеховую кассу. Однако, для нѣкоторыхъ лицъ поступление въ цехъ не было обязательно, чѣмъ екатерининскіе цехи отличались отъ петровскихъ, имѣвшихъ строго монопольный характеръ. Такъ, по положенію „дневное пропитаніе работника управа никому запретить не могла“; точно также казенные и помѣщички ремесленники имѣли право работать на продажу безъ всякой записи въ цехъ. Послѣдніе, какъ и въ петровское время, состояли изъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Ученики принимались въ цехъ не иначе, какъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей и съ записью условій приема въ особую книгу, причемъ на срокъ отъ трехъ и до пяти лѣтъ. Отношенія учениковъ и хозяевъ были опредѣлены положеніемъ, а именно: первые должны были быть послушны, прилежны, вѣрны и почтительны относительно вторыхъ; вторые

обязывались обходиться съ первыми кротко, справедливо и человѣколюбиво. Впрочемъ, хозяева пользовались правомъ наказывать своихъ учениковъ, хотя осуществлять это право не могли безъ причины, напр., въ пьяномъ видѣ, въ злости "и „въ глупости". По окончаніи ученія, ученикъ получалъ письменное удостовѣреніе въ знаніи ремесла, что давало ему право на степень подмастерья. Отношенія между послѣдними и мастерами также устанавливались путемъ договора, причемъ размѣръ платы мастерамъ опредѣлялся на ремесленномъ сходѣ на весь годъ. По окончаніи 3-хъ лѣтнаго срока пребыванія въ подмастерьяхъ и по достижениіи 24 лѣтъ, а также по исполненіи такъ называемаго, „управнаго урока“, свидѣтельствующаго о знаніи ремесла, подмастерья производился въ мастера и становился полноправнымъ членомъ цеха. Послѣдній по ремесленному положенію, являлся юридическимъ лицомъ, символомъ чего была печать, а также ремесленный значекъ. Въ качествѣ юридического лица, цехъ обладалъ собственностью, а именно: казною, источникомъ которой были взносы при вступлении въ цехъ, штрафы, налагавшіеся на членовъ цеха, и сборы, устанавливавшіеся ремесленнымъ сходомъ, въ силу права самообложженія. Органами цеха были: управа и ремесленный сходъ. На сходѣ могли принимать участіе только мастера, и онъ созывался три раза въ годъ. Функциями его являлись: 1) избрание членовъ управы и 2) завѣдываніе приходомъ и расходомъ цеха, въ силу чего сходъ имѣлъ право вотиривать разные сборы, обязательные для членовъ цеха. Что касается до управы, то она состояла изъ старшины и двухъ его товарищѣй, избиравшихся сходомъ на годъ. Функции управы были судебныя и административныя. Въ качествѣ судебнаго учрежденія, управа разбирала всѣ „ссоры и споры, не превосходящіе 25 р., касательно ремесла или довѣрія по ремеслу или поведенія ремесленниковъ въ разсужденіи ремесла“. Въ качествѣ административнаго учрежденія, управа была обязана „стараться облагоуспѣшномъ состояніи ремесла, о приращеніи искусства въ ремеслѣ, о добромъ порядкѣ и согласіи ремесленниковъ“; она, наконецъ, непосредственно завѣдывала казною, но, безъ согласія схода, не могла расходовать ее, вела книги и созывала сходъ. Управа была связана отчетностью по управлению дѣлами цеха передъ сходомъ.

Кромѣ названныхъ должностей, существовала еще общечеховая должность ремесленного головы (одного на весь

годъ), избиравшагося всѣми цехами и утверждавшагося магистратомъ. Въ составъ его юрисдикціи входили споры между цехами, а также между должностными лицами и членами одного цеха. Затѣмъ онъ „предлагалъ о нуждахъ и недостаткахъ“ цеховъ думѣ и, наконецъ, ему были подчинены („почтительны и послушны“) всѣ цеховыя должностныя лица.

Въ положеніи торгово-промышленного класса послѣ смерти Екатерины II произошло сравнително мало измѣненій. Такъ, въ 1807 г. были уничтожены именитые граждане, и взамѣнъ ихъ учреждено первостатейное купечество, члены которого вносились въ особую „бархатную“ книгу. Послѣдняя дѣлилась на двѣ части, причемъ въ первую часть вносились непрерывныя колѣна, а во вторую—боковыя колѣна тѣхъ родовъ, дѣдъ, отецъ и внукъ которыхъ „безъ явной укоризны занимали мѣста въ высшей гильдіи“. Проектъ дополнительного закона о состояніяхъ, составленный комитетомъ 6 Дек. 1826 г., раздѣлилъ все „гражданство“, т. е. городскихъ обывателей на четыре разряда: гражданъ чиновныхъ, именитыхъ, почетныхъ и мѣщанъ. Права первыхъ трехъ разрядовъ пріобрѣтались выслугою (на военной и гражданской службѣ), получениемъ извѣстнаго ордена, „отличиемъ“ въ наукахъ и художествахъ, а также въ торговлѣ и промышленности. Купцы по проекту не составляли особаго разряда, такъ какъ каждый „гражданинъ“ (въ томъ числѣ и мѣщане) могъ записываться въ гильдіи и заниматься торговлею¹⁾. Однако, какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. 10 Апрѣля 1832 г. первостатейное купечество было уничтожено и замѣнено сословіемъ почетныхъ гражданъ (потомственныхъ и личныхъ), существующихъ и по сіе время. Мотивомъ названной реформы послужило желаніе правительства „новыми отличіями болѣе привязать городскихъ обывателей къ состоянію ихъ, отъ процвѣтанія коего зависятъ успѣхи торговли и, промышленности“.

Переходимъ къ обзору правъ и обязанностей членовъ торгово-промышленного класса. Основнымъ правомъ послѣднихъ было заниматься торговлей и промышленностью, что стало съ изданіемъ Жалованыхъ грамотъ 1785 г. привилегіей однихъ купцовъ и мѣщанъ, такъ какъ дворяне и въ особенности крестьяне могли торговвать только своими дерев-

¹⁾ Сборн. Русск. Имп. Общ., т. ХС, стр. 370 и слѣд.

венскими продуктами; ¹⁾ право дворянъ записываться въ гильдіи, какъ мы видѣли, продолжалось недолго. Купцы ревниво охраняли свои права въ этомъ отношеніи и въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную коммиссію 1767 г., требовали даже уничтоженія торговли деревенскими продуктами со стороны дворянъ и крестьянъ, видя въ ней нарушение своихъ интересовъ. „Купцамъ, читаемъ въ великолѣкомъ наказѣ, своего права не продавать и кредитовъ никому не давать, въ отпуски съ товарами не посыпать и въ лавки не сажать“. „Благоучрежденный порядокъ во всѣхъ государствахъ, гласитъ московскій наказъ, узакониваетъ, чтобы всякий чинъ и званіе извѣстный промыселъ свой производилъ, въ который бы другіе чины не мѣшались; во уваженіе сего здѣшнее купечество всенижайше просить, чтобы имъ въ купеческихъ ихъ промыслахъ и торгахъ ни отъ какого никакого подряда и помѣшательства не происходило“. „Только купечеству, заявляетъ архангельскій наказъ, единственно пользоваться торговыми, мануфактурами и фабриками съ полною выключкою отъ сего права всѣхъ прочихъ чиновъ въ государствѣ подъ конфискацію“. Почти тѣ же стремленія мы встрѣчаемъ и въ проектѣ Елизаветинской коммиссії, при обсужденіи котораго, какъ извѣстно, присутствовали и купеческие депутаты. „Никому изъ разnochинцевъ, читаемъ въ проектѣ, безъ позволенія купечества, и кто въ оное не записанъ, никакихъ торговъ и промысловъ, лавокъ и амбаровъ не имѣть“. На той же точкѣ зреінія стояла тогда и частная коммиссія о государственныхъ родахъ, составившая въ 1767—1768 гг. свой проектъ о средняго рода государственныхъ жителяхъ, постановившій, что „торги, мастерства и по онымъ подряды по мѣщанскимъ упражненіямъ никому принадлежать не могутъ, кроме мѣщанъ.“ Торговые права купцовъ по Жалованной грамотѣ были различны и зависѣли отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, какъ обѣ этомъ было уже сказано выше. Кроме того, именитымъ гражданамъ и купцамъ двухъ первыхъ гильдій разрѣшалось заводить фабрики, заводы и морскія и рѣчные суда; купцы же 3-ей гильдіи и посадскіе имѣли право только на заведеніе становъ, трактировъ, бани и постоянныхъ

1) „Кто въ городѣ въ мѣщанство не записанъ, гласитъ дворянская грамота, мѣщанскимъ промысломъ да не промышляетъ, подъ опасеніемъ, что за то въ законѣ написано“.

дворовъ. Затѣмъ, члены торгово-промышленного класса пользовались известными льготами въ области уголовного права. Такъ, Жалованная грамота городамъ 1785 г. освободила отъ тѣлеснаго наказанія купцовъ двухъ первыхъ гильдій и имѣнитыхъ гражданъ¹⁾. Далѣе, купцы, владѣвшіе фабриками, пользовались правомъ приобрѣтать къ нимъ населенные имѣнія на такъ называемомъ, посессионномъ правѣ и, такимъ образомъ, эксплоатировать трудъ крѣпостныхъ (посессионныхъ) крестьянъ. Впрочемъ, это право было уничтожено Екатериной II. Вообще члены торгово-промышленного класса пользовались правомъ на владѣніе недвижимой собственностью. Еще наказы хлопотали о дарованіи горожанамъ правъ на владѣніе сѣнными покосами, выгонами, лѣсными угодьями и пахатными землями вблизи городовъ. Однако, комиссія о государственныхъ родахъ въ своемъ проектѣ постановила только, что мѣщане „имѣютъ право владѣть городскими и загородными домами и ими пользоваться“, забывъ о другихъ видахъ недвижимаго имущества, на что указывали наказы. Напротивъ, Жалованная грамота въ этомъ вопросѣ стала на точку зрения наказовъ, разрѣшивъ горожанамъ „ненарушимо имѣть и пользоваться мирно и вѣчно“, „какъ внутри города, такъ и внѣ онаго“, землями, садами, полями, пастищами, лугами, рѣками, рыбными ловлями, лѣсами, рощами, кустарниками, пустопорожними землями и мельницами. Всѣмъ этимъ недвижимымъ имуществомъ горожане владѣли, какъ члены городской общины, которой, въ сущности говоря, и принадлежало право собственности на нихъ. Но и сами по себѣ, члены торгово-промышленного класса могли владѣть домами, лавками, амбарами, фабриками и заводами, а именитые граждане—еще загородными дворами, т. е. дачами и садами. Въ 1801 году купцы и мѣщане получили право приобрѣтать ненаселенные имѣнія, а въ 1822 году и дома въ деревняхъ. Съ изданія манифеста 1775 года купцы были освобождены отъ подушной подати и рекрутской повинности, взамѣнъ чего, по указу 1776 года и по Жалованной грамотѣ городамъ, обязаны были платить особый процентъ съ объявленного ими капитала и по 500 рублей

¹⁾ „Такого же рода льготы мы встрѣчаемъ уже и въ проектѣ Елизаветинской комиссіи, а именно: „изнатныхъ изъ купцовъ, т. е., первой гильдіи, также гостей ничѣмъ на тѣлѣ не наказывать, а шрафовать взятіемъ денегъ“. О томъ же просили и наказы.

за рекрута. Эта льгота не распространялась на ремесленниковъ и на „посадскихъ“, которые съ этого времени, будучи отдѣлены отъ купцовъ въ юридическомъ отношеніи, образовали мѣщанское сословіе въ современномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, купцамъ принадлежали нѣкоторыя почетныя права, такъ, купцы 1-й гильдіи имѣли правоѣздить въ каретахъ, запряженныхъ парою, купцы 2-й гильдіи—въ коляскахъ парою и купцы 3-й гильдіи—въ экипажахъ въ одну лошадь. По проекту нового Уложенія Елизаветинской комиссіи, гости и купцы 1-й гильдіи получили право носить шпаги, но законодательной санкціи это право не получило.

Заканчивая изложеніе правъ, принадлежавшихъ членамъ торгово-промышленного класса, мы считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ охранѣ закономъ купеческой части и достоинства. Объ этомъ очень много хлопотали наказы, жалуясь на постоянное поруганіе купеческой части. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ вологодскомъ наказѣ по этому поводу: „безчестіе положено править посадскимъ людямъ самое малое, почему не токмо имѣющіе офицерскіе чины, но и самые подлые люди посадскихъ людей, по безсовѣстію своему, явно всякими ругательными и бранными словами поносить и бранятъ съ таковымъ еще выговоромъ, что-де не диковинка и лучшему за побои и безчестіе заплатить, и съ того купцы претерпѣваютъ себѣ великій стыдъ, а другіе и побои напрасно приемлютъ“. На „презрѣніе“ отъ высшихъ сословій жалуется и кронштадтской наказъ, свидѣтельствуя, что купцамъ нерѣдко приходится сносить разныя „поносительныя“ слова, въ родѣ слѣдующихъ: „пшелъ, мужикъ, покуда не бить; вѣдь тебя и убить, такъ сорокъ алтынъ безчестья заплатить“. Жалованная грамота приняла во вниманіе эти жалобы и запретила „мѣщанамъ учинять безчестіе; а кто учинитъ мѣщанину безчестіе словомъ или письмомъ, то повиненъ платить, сколько обиженный какъ казнѣ, такъ и городу платить тотъ годъ; за единий-же ударъ рукою безъ иного орудія обидчику обиженному повиненъ платить вдвое“.

Пользуясь извѣстными правами, купцы и мѣщане въ то-же время несли и извѣстныя повинности, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Къ числу этихъ послѣднихъ относились разныя обязательныя службы у казенныхъ сборовъ, напримѣръ, у продажи питей, казенной соли, гербовой бумаги и др., полицейская служба, т. е. избрание изъ своей среды низшихъ полицейскихъ органовъ и слѣдующія повинности: постоянная,

подводная, почтовая, фуражная и рекрутская, а также и подушная подать (послѣдня двѣ до 1775 года). Тяжесть этих повинностей была очень велика и невыгодно отражалась на материальномъ положеніи купечества. Объ этомъ мы знаемъ, благодаря наказамъ, поданнымъ въ законодательную комиссию въ 1767 году. Такъ, въ наказѣ главнаго магистрата читаемъ: „купцамъ отъ выбора къ кабацкимъ, солянымъ и прочимъ службамъ происходитъ несносное отягощеніе и, можно сказать, совсѣмъ раззореніе и въ торгахъ помѣщательство, а въ коммерціи подрывъ; въ купецкихъ дѣлахъ управляться имъ уже и время не дозволяетъ, и черезъ то недовольно своей коммерціи, но и капитала своего лишаются“. Изъ архангельского наказа ¹⁾ мы знаемъ, что изъ 342 годныхъ къ службѣ купцовъ 141 служили, что, конечно, отражалось самимъ неблагопріятнымъ образомъ на материальномъ благосостояніи архангельского купечества. Съ изданіемъ Жалованной грамоты многія изъ указанныхъ повинностей были уничтожены.

§ 4. Крестьяне ²⁾.

//
Былъ:

Въ рассматриваемую эпоху крестьяне дѣлились на нѣсколько разрядовъ. Такъ, были крестьяне черносотные, жившіе какъ на своихъ земляхъ, такъ и на чужихъ на условияхъ половничества, однодворцы, экономические крестьяне, дворовые, поссессионные и, наконецъ, крѣпостные.

А. Государственные черносотные крестьяне ³⁾, являясь потомками черносотныхъ Московского государства, въ изучаемую эпоху находились только на сѣверѣ Россіи (въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской, Пермской и Казанской губ.) и въ Сибири, гдѣ вслѣдствіе отдаленности отъ центра государства, успѣли сохранить свою независимость. Въ 1763 году ихъ было до 600 тысячъ душъ мужскаго

¹⁾ Содержаніе его изложено мною въ Юридическомъ Вѣстнике 1886 года.

²⁾ Бѣляевъ, Крестьяне на Руси; Побѣдоносцевъ, Историческая изслѣдованія и статьи; Романовичъ-Славатинский, Дворянство въ Россіи (гл. IV, „Крѣпостное право“); Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, а также Крестьянский вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Многочисленныя статьи г. Семевскаго по истории разныхъ разрядовъ крестьянъ будуть указаны въ своемъ мѣстѣ.

³⁾ Семевскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II-й. (Черносотные крестьяне); см. „Русскую Старину“ 1879 года, т. XXIV.

пола. Среди нихъ господствовало общинное землевладѣніе, но безъ передѣловъ, какъ въ остальной Россіи, причемъ одновременно съ общинаами-деревнями существовали и общины-волости, пользовавшіяся общинными выгонами, лѣсами и рыбными ловлями, а иногда и пахотными и сѣнокосными землями. „Которыя наши земли пахотныя и сѣнокосныя, читаемъ, напримѣръ, въ наказѣ ленской волости яренскаго уѣзда, поданномъ въ коммиссію 1767 года, находятся въ смежности наволоцкой волости крестьянъ съ землями-жъ, тѣмъ быть, какъ издревле, въ общемъ владѣніи“. Однако, общинное землевладѣніе не исключало частной собственности, объектомъ которой являлись пашни и части покосовъ, такъ называемые, повѣтки, по отношенію къ которымъ крестьяне пользовались правомъ распоряженія, т. е., могли ихъ продавать, отдавать въ приданое, закладывать и т. п. Результатомъ такого порядка вещей было большое имущественное неравенство среди крестьянъ и появление, такъ называемыхъ, „деревенскихъ владѣльцевъ“ изъ купцовъ, приказныхъ служителей и духовенства, въ качествѣ собственниковъ крестьянскихъ участковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, архангельскій губернаторъ Головцынъ въ своемъ заявлениі отъ 1767 года. „Купцы, гласить заявленіе, имѣютъ въ уѣздахъ за собою во владѣніи немалое число государственныхъ черносошныхъ земель“, такъ что, „мысли ихъ купеческія больше деревенскимъ обрядамъ, нежели къ распространенію коммерціи, подвижны бываютъ“; многие изъ нихъ, „оставя городъ, живутъ по деревнямъ своимъ и, покинувъ купецкую торговлю, упражняются въ земледѣльчествѣ“. На подобное пожеланіе дѣль обратила вниманіе еще межевая инструкція 1754 года, воспретивъ продажу крестьянскихъ участковъ всѣмъ лицамъ, не положеннымъ въ подушный окладъ, и предписавъ отобрать обратно земли у „деревенскихъ владѣльцевъ“. Точно также и межевая инструкція 1766 года запретила продажу крестьянскихъ участковъ какъ постороннимъ лицамъ, такъ и между крестьянами, лишивъ послѣднихъ вообще права распоряженія своими землями („крестьянамъ имѣющихихся за ними недвижимыхъ имѣній никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою, не продавать, и не закладывать, и вѣ иски, также по вѣселямъ и за долги не отдавать“). Желая уничтожить имущественное неравенство, правительство указомъ 1781 года ввело передѣлы, предписавъ „между крестьянами земли и всѣ угодья смѣшавъ, раздѣлить порядочно на тяглы, по душамъ и по

имуществу, а съ того уже быть какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и работамъ". Передѣлы, равно какъ и раскладка податей и повинностей сдѣлались функцией "мира", причемъ правительство требовало только, чтобы "общее мірское уравненіе дѣгалось всегда правильно, безъ малйшаго другъ друга отягощенія". Однако, на практикѣ все осталось попрежнему, въ силу чего явилась необходимость въ новомъ распоряженіи правительства въ 1829 году объ обязательномъ введеніи передѣловъ среди крестьянъ Архангельской губ.

Среди черносошныхъ крестьянъ, какъ результатъ обезземеленія, возникшаго вслѣдствіе права распоряженія крестьянскими участками, образовался особый общественный классъ, получившій название *половниковъ*¹⁾. Къ категоріи послѣднихъ причислялись крестьяне, лишившіеся своихъ участковъ и поселившіеся на земляхъ "деревенскихъ владѣльцевъ" (у нѣкоторыхъ было отъ 20 до 70 половниковъ). Отношенія ихъ между собою были договорныя. "Владѣльцы" платили за половниковъ подати, ссуждали ихъ съменами, а иногда оказывали имъ вс помошествованія при первомъ обзаведеніи. Взаимъ этого половники отдавали владѣльцамъ половину своего урожая (отсюда и название: "половникъ") и исполняли на нихъ разные работы, напримѣръ, косили и убирали сѣно, рубили лѣсъ, доставляли дрова, занимались постройкою разныхъ строеній, пасли скотъ, служили въ домѣ и т. п. Половники пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, но только въ предѣлахъ одного уѣзда и по уплатѣ владѣльцу "пожилыхъ денегъ". Положеніе рассматриваемаго класса было крайне тяжело, о чёмъ свидѣтельствуютъ его наказы, а также вышеупомянутое заявленіе губернатора Головышина. По словамъ послѣдняго, "купцы надѣяются половниками во всемъ власть свою распространять, и какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ на нихъ купцовъ всякую работу исправлять, отчего для своего пропитанія лишаются удобнаго къ посѣву, также и къ сѣнокосу и къ жатвѣ времени", что, конечно, въ высшей степени вредно отражаться на ихъ материальномъ благосостояніи. По словамъ наказовъ, владѣльцы половниковъ неоднократно "безвинно бываютъ, стегаютъ безъ указаннаго суда и увѣчать за напрасно самоуправствомъ своимъ"; также "который половникъ противъ приходи владѣльца, хотя мало въ чёмъ не услужить,

¹⁾ Семевскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II (Половники); см. Русскую Старину 1879 г., т. XXIV.

того въ рекрутъ и отдасть, не разсуждая и не сожалѣя, очередь ли ему или нѣтъ". Въ виду такого положенія вещей, правительство указомъ 1827 г. рѣшило до извѣстной степени урегулировать отношенія между половниками и владѣльцами, предписавъ имъ заключать между собою договоры срокомъ отъ шести до 20 лѣтъ съ обязательствомъ предупреждать другъ друга за годъ о своемъ намѣреніи прекращать договорные отношенія.

Б. Другимъ разрядомъ крестьянъ являлись однодворцы¹⁾. Они были потомками московскихъ служилыхъ людей, посѣленныхъ на окрайнѣ (преимущественно южной) государства съ цѣлью защиты послѣдняго отъ набѣговъ татаръ и другихъ инородцевъ. Въ 1713 году г. Петръ учредилъ изъ нихъ, такъ называемую, "ландмилиciю", раздѣленную на полки (пѣшіе и конные), пополнявшіеся наборомъ однодворческихъ молодыхъ людей отъ 15 до 30 лѣтъ, причемъ треть новобранцевъ поступала въ регулярное войско, а остальные въ нерегулярное. Съ 1764 года наборы стали производиться черезъ каждые пять лѣтъ, а срокъ службы въ ландмилициѣ былъ определенъ въ 15 лѣтъ. Въ 1783 году Екатерина II уничтожила ландмилицию, и съ того времени однодворцы въ отношеніи рекрутской повинности были сравнены съ остальными крестьянами. Изучаемый разрядъ крестьянъ не зналъ общиннаго землевладѣнія, пользуясь землей на основаніи личнаго, т. е. подворно-участковаго землевладѣнія. До 1727 года однодворцы имѣли право распоряжаться своими участками, но въ этомъ году правительство воспретило имъ продажу земель, что подтвердила и межевая инструкція 1766 г. Однако, по свидѣтельству наказовъ, продажа продолжалась на практикѣ, вслѣдствіе чего огромное количество однодворческихъ земель перешло въ руки членовъ другихъ сословій. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ воронежскомъ наказѣ: "дворяне и другихъ разныхъ чиновъ люди, и бывшіе воеводы, секретари, подьячие и приказные служители, и находящіеся въ воинскихъ командахъ штабъ и оберъ-офицеры, презрѣвъ именные запретительные указы, унасъ, у однодворцевъ, женъ нашихъ и дѣтей изъ земель не-малое число четвертей на свои и постороннія имена покупали, именуя тѣхъ однодворцевъ, у которыхъ покупку чинили, помѣщиками". То же самое, по словамъ тамбовскаго наказа,

¹⁾ Семевскій, назв. статья (Однодворцы); см. Русскую Старину 1879 г., т. XXIV.

дѣлали и купцы. Результатъ получился аналогичный съ тѣмъ, что мы видѣли у черносошныхъ крестьянъ, а именно: малоземеліе и обезземеліе, въ силу чего не мало однодворцевъ должно было поступать въ батраки къ собственникамъ ихъ прежнихъ земель. Наказы ходатайствуютъ передъ императорицею объ отображеніи послѣднихъ и объ установлѣніи передѣловъ въ цѣляхъ „уравнительного содержанія“ земли, „отчего всякий можетъ быть безобиденъ и въ платежахъ состоятеленъ“. На ту же точку зрењія сталъ и курскій директоръ экономіи, приславшій въ коммиссію 1767 года свое „мнѣніе“. „Настоитъ немалая надобность, писалъ онъ, чтобы между рода сего людьми (т. е., однодворцами) послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, на подобіе прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо, поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ душъ“. Однако, правительство не исполнило желанія наказовъ, въ силу чего на практикѣ во многихъ мѣстахъ поселенія однодворцевъ послѣдніе сами перешли въ общенному землевладѣнію съ передѣлами.

B. Третиимъ разрядомъ являлись экономические крестьяне, бывшіе прежде крестьянами духовныхъ вотчинъ¹⁾, т. е. принадлежавшихъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ, соборамъ и церквамъ. Уже въ 1701 г. правительство, учредивъ Монастырскій приказъ, передало въ его вѣдѣніе управлѣніе называемыми вотчинами, равно какъ и сборъ съ нихъ доходовъ, часть которыхъ должна была идти на церковныя, а часть на государственные нужды²⁾. Однако, такой порядокъ вещей крайне не нравился духовенству, почему однимъ изъ первыхъ актовъ Св. Синода было представление доклада государю о необходимости подчиненія вотчинъ ему, „ибо отъ гражданскихъ правителей вотчины пришли въ скудость и нищету“. Петръ согласился съ точкою зрењія Синода, и въ 1720 году управлѣніе духовными землями перешло въ его вѣдѣніе.

Число крестьянъ, прикрепленныхъ къ духовнымъ вотчинамъ, равнялось по третьей ревизіи 991,700, причемъ часть ихъ была на барщинѣ, часть на оброкѣ. Барщина выражалась въ различныхъ земледѣльческихъ работахъ, въ косябѣ сѣна, въ постройкѣ домовъ, въ поставкѣ подводъ, въ ловлѣ

¹⁾ Семевский, Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка. („Русская Мысль“ 1882 года, №№ 9 и 10).

²⁾ Подробности см. у Горчакова, Монастырскій приказъ.

рыбы и т. п. Оброкъ платился или деньгами, или натурою, т. е. хлѣбомъ, сѣномъ, дровами, ягодами, грибами, яйцами, масломъ и т. п. Повинности названныхъ крестьянъ были очень тяжелы, что неоднократно возбуждало среди нихъ волненія, подавлявшіяся военною силою. Вообще, положеніе церковныхъ крестьянъ какъ въ материальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи было печально, тѣмъ болѣе, что они въ сущности являлись такими же крѣпостными, какъ и помѣщичьи крестьяне. До нась дошло немало жалобъ крестьянъ на свое духовное начальство, изъ которыхъ видно, какъ это послѣднее жестоко расправлялось съ ними въ случаѣ какихъ либо провинностей съ ихъ стороны, а нерѣдко и безъ всякой причины. „Архимандритъ (такой-то), читаемъ въ одной жалобѣ, завсегда мужескій полъ въ цѣпи сажаетъ, мучить и плетьми бьетъ беззаконно“. „Управитель (такой-то), читаемъ въ другой, держать насть въ цѣпяхъ и жалѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетьми, палками, пинками, смертными побои и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучить голодно и студеною смертью“. „Архимандритъ (такой-то), гласить третья жалоба, повелѣль насть всякими муками мучать, немилостиво плетьми билъ, въ студеные чуланы садиль и многихъ крестьянъ билъ, давая ударовъ ста по три и по пяти сотъ плетьми“ и т. д. Немало терпѣли крестьяне и отъ управителей и прикащиковыхъ, назначавшихся духовными властями для непосредственного управления и суда надъ ними. Правда, управители снабжались особыми инструкціями, ограничивавшими ихъ власть (например, они могли наказывать крестьянъ не иначе, какъ въ присутствіи старостъ и выборныхъ, а также съ записью, за что такой-то наказанъ, причемъ, разбирая дѣла, касающіяся „брани, боя, зайдовъ между собою и прочихъ тому подобныхъ“, должны были примѣнять Уложеніе 1649 года и указы). Но на практикѣ въ большинствѣ случаевъ инструкціи не соблюдались, и ничѣмъ не сдерживаемый произволъ управителей отражался крайне тягостно на положеніи крестьянъ, побуждая ихъ къ периодически повторяющимся волненіямъ, изъ которыхъ некоторые принимали характеръ настоящихъ бунтовъ. Если же крестьяне обращались съ жалобою на своихъ властей, то таковыя оставлялись безъ послѣдствій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ Петра III 1762 г. „Уже съ давняго времени, читаемъ въ немъ, къ нашему неудовольствію и къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на

своихъ властей или епархиальныхъ архиереевъ членобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архиерамъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ Синодѣ или не исполняется существительная его должностъ, или же и того хуже, дѣлается одна токмо поташка епархиальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодѣ походить больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ". Въ виду всего сказаннаго, указъ предписалъ изъять управление крестьянами изъ духовнаго вѣдомства и передать его въ вѣдѣніе коллегіи экономіи съ обязательствомъ со стороны послѣдней выдавать на церковныя нужды часть доходовъ, получаемыхъ съ духовныхъ вотчинъ. Однако, со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, духовныя вотчины опять перешли въ руки духовенства, причемъ послѣднее получило предписаніе „съ крестьянами поступать благоумѣрно и никакими излишними сборами и ненужными или только къ одному увеселенію властей служащими работами и строеніями не изнурять". Возстановивъ старый порядокъ вещей, императрица, однако, на этомъ не остановилась и 29 Ноября 1762 г. организовала особую комиссію о церковныхъ имѣніяхъ, поручивъ ей, во 1-хъ, привести въ извѣстность доходы, получаемые церковью съ недвижимой собственности и съ поселенныхъ на ней крестьянъ, и во 2-хъ, выработать проектъ управления духовными вотчинами. Пока комиссія занималась надъ порученнымъ ей дѣломъ, императрица указомъ 1763 г. передала въ вѣдѣніе коллегіи экономіи половину всѣхъ духовныхъ вотчинъ, оставивъ остальную половину въ вѣдѣніи духовенства „въ его полное правленіе па его собственное довольство и экономію для содержанія домовъ и монастырей". Однако, оставленіе за духовенствомъ половины его недвижимой собственности вызвало крайнее недовольство крестьянъ, проявившееся въ сильныхъ волненіяхъ, что побудило императрицу окончательно секуляризовать церковныя имущества, за что высказалась въ своемъ докладѣ и комиссія о церковныхъ имѣніяхъ. 26 Февр. 1764 г. появился знаменитый указъ, завершившій собою процессъ секуляризациіи церковныхъ земель, начатый еще въ эпоху Московскаго государства при Иванахъ III и IV. Согласно указу, всѣ духовныя вотчины „со всѣми казенными въ нихъ наличностями" перешли въ исключительное „вѣдѣніе" и управление коллегіи экономіи. Исключеніе

составили небольшое количество земель, городскихъ домовъ и подворій, оставленныхъ за церковью. Одновременно съ этимъ маловотчинные монастыри были упразднены, а всѣ остальные получили по особымъ штатамъ содержаніе отъ казны, на что ежегодно ассигновывалась сумма въ 400 тысячъ рублей. Что касается до крестьянъ, то перейдя въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, они получили право собственности на земли и сѣнокосы, „какіе на дома архіерейскіе и монастыри пахали и косили, исключая только тѣхъ, кои болѣе 20 верстъ отъ ихъ поселеній отстоять и, за дальностью, тѣ пахотѣ и сѣнокосу имъ неподручны“. Коллегія экономіи должна была управлять крестьянами черезъ посредство экономическихъ правленій (ихъ было четыре) и особыхъ должностныхъ лицъ—казначеевъ, зависимыхъ отъ правленій. Впрочемъ, въ 1786 г. коллегія экономіи была упразднена, и экономические крестьяне во всемъ были сравнены съ государственными.

Г. Четвертый разрядъ составляли дворцовые крестьяне¹⁾, потомки московскихъ дворцовыхъ, доходы съ которыхъ шли на содержаніе двора. Названные крестьяне пользовались землей на правахъ общинного владѣнія и, по примѣру черносошныхъ, могли распоряжаться тѣми участками, которые принадлежали имъ, какъ частная собственность. Такъ продолжалось до изданія межевой инструкціи 1766 года, воспретившей крестьянамъ продажу и залогъ земель. До 1775 года управление дворцовыми крестьянами сосредоточивалось въ дворцовой канцеляріи, съ 1775 года же въ казенныхъ палатахъ. Существование послѣднихъ не исключало крестьянского самоуправления, органомъ которого былъ мірской сходъ въ каждой волости и выбираемые имъ старости, сотские, десятковые и сборщики податей. Закономъ о престолонаслѣдіи 1797 года изъ дворцовыхъ крестьянъ былъ образованъ особый разрядъ удѣльныхъ, поселенныхъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ, созданныхъ для обеспеченія содержанія императорской фамиліи (удѣльные имѣнія не могли быть продаваемы и обмѣниваемы, они только переходили по наслѣдству). Удѣльные крестьяне вѣдались департаментомъ удѣловъ, а ближайшимъ образомъ—особыми экспедиціями, учрежденными по одной на 50 тысячъ душъ. Впрочемъ, главное назначеніе экспедицій заключалось въ сборѣ податей, вышательство же

¹⁾ Семевский, Крестьяне дворцового вѣдомства въ XVIII вѣкѣ (Вѣстникъ Европы 1878 г., №№ 5 и 6).

во внутреннія дѣла крестьянъ имѣло быть воспрещено („всякое разбирательство внутренняго сельскаго дѣла, выборъ начальниковъ, поставка рекрутъ и подобное оному отъ управлениія и распоряженія сихъ экспедицій должно быть чуждо, и для того всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ наистрожайше воспрещается“). Въ зависимости отъ экспедицій находились приказы, учрежденные на 3000 душъ каждый, причемъ составъ ихъ былъ выборный, а именно: приказный, двое старостъ и писарь, избираемые крестьянами. Съ учрежденіемъ въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ съ цѣлью попечительства надъ государственными крестьянами всѣхъ разрядовъ и съ цѣлью упорядоченія крестьянской администраціи, названные крестьяне (кромѣ удѣльныхъ) перешли въ вѣдѣніе упомянутаго министерства. Мѣстными органами послѣдняго для управлениія крестьянами были цалаты государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ и окружныхъ правленія въ уѣздахъ. Функции ихъ сводились къ слѣдующему. Они утверждали выборныя крестьянскія должности, увольняли и предавали суду лицъ, занимавшихъ послѣднія, и вообще надзирали за ними. На нихъ лежало попеченіе о благоустройствѣ и благочиніи въ дѣлахъ вѣры, въ силу чего они заботились о постройкѣ церквей въ деревняхъ, о пріятѣ; вели борьбу съ расколовъ и т. п. На нихъ лежали: забота о нравственности среди крестьянъ и объ искорененіи нищенства, охрана крестьянскихъ земель и угодій, а также забота о врачебномъ благоустройствѣ, о народномъ продовольствіи, о путяхъ сообщенія и т. п. Наконецъ, они же завѣдывали сборомъ податей и отправленіемъ повинностей крестьянами.

Д. Пятый разрядъ составляли поссессионные крестьяне¹⁾, стоявшіе на рубежѣ между государственными и крѣпостными крестьянами. Состояніе послѣднихъ возникло пѣсколькими способами, изъ которыхъ главнымъ была покупка къ фабрикамъ и заводамъ. Такъ, уже указъ 18 Янв. 1721 года разрѣшилъ „для размноженія заводовъ“ кѣль дворянамъ, тавъ и купцамъ покупать населенныя имѣнія и приписывать ихъ къ фабрикамъ, „дабы тѣ имѣнія всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“. Указъ запретилъ подобныя имѣнія особо отъ заводовъ „продавать и закладывать, равно какъ всякими

¹⁾ Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II (Поссессионные крестьяне).

вымыслы за кѣмъ либо крѣпить и на выкупъ отдавать". Крестьяне, поселенные на такихъ имѣніяхъ, назывались посессионными (впрочемъ, указанный терминъ впервые появляется въ законодательствѣ въ 1797 году) ¹⁾). Въ 1752 году было опредѣлено количество крестьянъ, выше котораго фабриканты не могли употреблять на работы; такъ, на шелковые заводы можно было ставить только $\frac{1}{4}$ изъ приписанныхъ къ нимъ крестьянъ, на суконные $\frac{1}{3}$ и т. д. Остальное же количество ($\frac{3}{4}$ и $\frac{2}{3}$) должно было заниматься земледѣльческими работами. При Петрѣ III указомъ 1762 года правительство запретило покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, предоставивъ фабрикантамъ "довольствоватьсь вольными наемными за договорную плату людьми". Правда, въ 1798 году покупка была снова разрѣшена, но это продолжалось недолго, и въ 1816 г. она была окончательно воспрещена.

Вторымъ способомъ возникновенія состоянія посессионныхъ крестьянъ являлась приписка къ этому разряду по указамъ нѣкоторыхъ лицъ, носившихъ название вѣчноотданныхъ на фабрики. Такъ, указомъ 1722 года было разрѣшено оставить на заводахъ работавшихъ на нихъ бѣглыхъ и разныхъ пришлихъ людей; то же было разрѣшено и указомъ 1736 года, причемъ собственникамъ бѣглыхъ, разъ у послѣднихъ были паспорты, фабриканты обязывались выплатить по 50 рублей за семью съ малолѣтними дѣтьми, а за совершеннолѣтнихъ доплатить по особой таѣ. Затѣмъ къ посессионнымъ крестьянамъ нерѣдко причислялись незаконнорожденные и не помнятшіе родства. Наконецъ, указъ 1753 года предписалъ приписывать въ рассматриваемый разрядъ и нищихъ или, по его словамъ, "шатающимся по миру мужскаго пола разночинцевъ", кои къ службѣ негодны, а работать еще могутъ". Подобная отдача по указамъ практиковалась до Петра III, когда была воспрещена.

Третьимъ способомъ поступленія въ разрядъ посессионныхъ была передача фабрикантамъ казенныхъ мастеровыхъ по распоряженіямъ Сената и Бергъ и Мануфактуръ-коллегій.

Управление названными крестьянами сосредоточивалось въ упомянутыхъ коллегіяхъ, обязаннныхъ надзирать за фабри-

¹⁾ Подъ "посессией" понималось вслomоженіе или пособіе, дававшееся фабрикантамъ и заводчикамъ отъ казны въ формѣ земель, лѣсовъ, крестьянъ и т. п. Въ частныхъ актахъ этотъ терминъ появляется въ 1796 г., откуда и заимствуется правителstвомъ въ 1797 г. (Удинцовъ, Пposессионное право, стр. 57 и слѣд.)

кантами, „чтобъ порядочно содержали мастеровыхъ и чтобъ всякий свою должность исполнялъ“. Въ 1763 г. фабриканты получили весьма важное право ссыпать крестьянъ въ Сибирь, впрочемъ, съ разрѣшенія Мануфактуръ-коллегіи въ каждомъ отдельномъ случаѣ. За то, съ другой стороны, крестьянамъ разрѣшено было вступать въ бракъ безъ согласія фабрикантовъ и жаловаться на нихъ правительству въ случаѣ разныхъ притѣсненій. Однако, несмотря на это, фактически положеніе поссесіонныхъ было очень тяжелое, чѣмъ и объясняется наличность многочисленныхъ волненій среди нихъ, имѣвшихъ мѣсто въ изучаемую эпоху.

Крестьяне, благодаря сословному духу времени, въ рассматриваемую эпоху окончательно обособились отъ торгово-промышленного класса, составивъ особую сословную группу. Этому значительно способствовали реформы Екатерины II, проведенные въ узко-сословномъ направлении. Свою точку зреінія на крестьянъ императрица высказала въ Наказѣ. „Сельские жители, читаемъ здѣсь, живутъ въ селахъ и деревняхъ, обрабатываютъ землю, произведеніями которой питаются всѣ сословія, и сіе есть ихъ жребій“.

Сообразно съ этимъ возврѣніемъ на крестьянъ опредѣлялось и ихъ юридическое положеніе. Такъ, крестьяне были ограничены въ слѣдующихъ правахъ. На основаніи указа 1730 г. они были лишены права на приобрѣтеніе недвижимой собственности (земель и домовъ) въ городахъ и уѣздахъ. Только въ 1801 г. имъ было разрѣшено владѣть населенными имѣніями, а въ 1827 г. домами (кромѣ столицъ; въ послѣднихъ крестьяне получили названное право въ 1848 г.). На основаніи указа 1739 г. крестьяне лишились права покупать рекрутовъ и ставить ихъ вмѣсто себя. Регламентомъ Камер-коллегіи 1731 г. имъ было запрещено вступать въ подряды и откупъ („кромѣ найма подводъ и судовъ“); впрочемъ, въ отношеніи винныхъ откуповъ это запрещеніе продолжалось только до 1774 г., когда было отменено. Точно также крестьяне были лишены всіхъ правъ въ области торговли (они могли продавать свои деревенскіе продукты), что продолжалось до 1812 г., когда имъ было разрѣшено торговать безъ записи въ гильдію. На основаніи указа 1761 г. крестьяне не могли обязываться векселями (уставъ о векселяхъ 1729 г. обѣ этомъ молчитъ) и вступать въ поручительства; за ними было оставлено только право на выдачу заемныхъ писемъ „съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ ихъ правителей и отъ

тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоять, и съ поруками, токмо не изъ крестьянъ, а изъ другихъ чиновъ". Въ этомъ отношеніи проектъ Елизаветинской комиссіи идетъ дальше и разрѣшаетъ крестьянамъ обязываться векселями и вступать въ другія сдѣлки въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда имъ необходимо взять въ долгъ не свыше 10 р., 2) "когда крестьянинъ подрядится кому поставить какіе съѣстственные припасы, дрова, сѣно и проч., что отъ крестьянской экономіи происходитъ", 3) "наймется у кого что-нибудь свезти водою или сухимъ путемъ", 4) "имѣя покормежное письмо или паспортъ, договорится у кого быть въ услугеніи", 5) "или какую работу отправлять", 6) "или что построить". Но, какъ известно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. На конецъ, крестьяне не имѣли права заводить фабрики и завѣды, и только въ 1818 г. имъ было даровано это право, но не иначе, какъ съ разрешеніемъ начальства и со взаимъ тораго свидѣтельства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Что касается до повинностей крестьянъ, то они должны были платить подушную подать¹⁾ и отправлять слѣдующія повинности: рекрутскую, подводную, фуражную, почтовую, постную, дорожную, мостовую и караульную (т. е. выставлять караулы къ казеннымъ складамъ, амбарамъ и т. п.) Тажесть этихъ повинностей ложилась тяжелымъ бременемъ на материальное благосостояніе крестьянъ, о чемъ въ яркихъ краскахъ свидѣтельствуютъ дворянскіе и крестьянскіе наказы 1767 г., ходатайствующіе предъ правительствомъ объ уменьшениі этихъ повинностей.

E. Послѣдній разрядъ составляли крѣпостные крестьяне, юридическимъ положеніемъ которыхъ мы теперь и займемся.

Крѣпостное право въ XVIII ст., несмотря на увеличеніе его тажести сравнительно съ московскимъ periodомъ, вплоть до манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 г. продолжаетъ попрежнему сохранять свой государственный характеръ: крестьяне прикрѣплены къ имѣніямъ дворянъ, потому что дворяне прикрѣплены къ обязательной службѣ государству. Такимъ образомъ существованіе крѣпостного права объясняется существованіемъ обязательной службы дворянства.

Съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ можно было ожидать, какъ его логическое слѣдствіе, освобожденіе кресть-

¹⁾ Прічтѣ, вслѣдствіе круговой поруки волости и, въ силу этого, платы за умершихъ, неимущихъ и выбывшихъ (напр., бѣглыхъ), она была крайне тяжела для крестьянъ.

янъ изъ подъ крѣпостной зависимости, такъ какъ теперь утратился всякий смыслъ существованія крѣпостного права. Однако, этого не случилось, и крестьяне попрежнему остались въ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но теперь, благодаря манифесту о вольностяхъ, крѣпостное право при-
няло исключительно частноправный характеръ, въ виду не-
существованія болѣе единственного мотива прикрѣпленія кресть-
янъ вполнѣ государственного характера—доставить служило-
му классу постоянныхъ работниковъ, чтобы имѣть возмож-
ность отправлять государеву службу. Такимъ образомъ съ
середины XVIII ст. крѣпостное право становится привилегіей
дворянства, притомъ привилегіей весьма существенной. Эта по-
слѣдняя развилась болѣе фактически, чѣмъ юридически, такъ
какъ законъ не предупреждалъ того, что само собой сложилось въ
жизни. До самаго изданія Свода Законовъ, гдѣ впервые за-
конодатель формулируетъ юридическія отношенія крѣпостныхъ
къ ихъ владѣльцамъ, не было системы законовъ, опредѣляю-
щихъ эти отношенія. Та или другая сторона ихъ, какъ осно-
вательно замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій, тотъ
или другой вопросъ разрѣшались мало по малу, отдѣльными
постановлѣніями. Вотъ почему законодательство о крѣпост-
номъ правѣ носить такой фрагментарный и казуистический ха-
рактеръ не только въ XVIII, но и въ XIX ст.¹⁾. Подобный поря-
докъ вещей крайне не нравился дворянству, почему оно стрем-
илось дать законодательную формулировку отношеніямъ, суще-
ствовавшимъ между помѣщиками и крѣпостными, и такимъ
образомъ уничтожить тотъ фрагментарный характеръ законо-
дательства о крѣпостномъ правѣ, о которомъ мы говорили.
Съ первой попыткой юридической формулировки крѣпостного
права мы встрѣчаемся въ проектѣ Елизаветинской комиссіи,
при составленіи котораго, какъ известно, присутствовали
дворянскіе депутаты. „Дворянство, гласить проектъ, имѣеть
надъ людьми и крестьянами своими мужескаго и женскаго по-
ла и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія, кро-
мѣ отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ
оними пытокъ. И для того воленъ всякий дворянинъ тѣхъ
своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ при-
даное и въ рекрутъ отдавать и во всякия крѣпости укрѣплять,
на волю вѣчно и для промыслу и для прокормленія на время,
а вдовъ и дѣвокъ для замужества, за постороннихъ отпус-
с

¹⁾ Дворянство въ Россіи, стр. 278.

кать, изъ деревень въ другія свои деревни переводить, и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужскому полу жениться, а женскому полу замужъ идти позволять, и, по изволенію своему, во услуженіе, работы и посылки употреблять, и всякия наказанія чинить или для наказанія въ судебныхъ правительства представлять, и, по разсужденію своему, прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать". Въ другомъ мѣстѣ проекта мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ понятія крѣпостныхъ крестьянъ, а именно: таковы „суть тѣ, которые принадлежать собственно государю или дворянамъ; принадлежащіе же дворянамъ суть тѣ, которые пожалованы отъ государя въ вѣчное и потомственное владѣніе или дошедшіе куплею, подареніемъ, наслѣдствомъ и въ приданое и состоять въ совершенной власти своего господина".

Однако, въ виду неполученія законодательной санкціи названнымъ проектомъ, дворянству въ 1767 г. въ своихъ наказахъ пришлось снова ходатайствовать, „дабы въ сохраненіи древняго узаконенія и дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго Уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издавна помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ". Но, какъ мы уже сказали, вплоть до изданія Свода Законовъ крѣпостное право продолжало носить свой прежній фрагментарный и казуистический характеръ. Прослѣдимъ исторію этого права въ рассматриваемую эпоху.

Введеніе подушной подати и первая ревизія имѣли весьма большое вліяніе въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ окончательно смѣшили въ одинъ разрядъ населенія крѣпостныхъ и холоповъ, введя послѣднихъ въ составъ крѣпостного крестьянства и такимъ образомъ уничтоживъ ту грань между ними, какая существовала еще въ Уложеніи¹⁾). Таѣ, указъ 22 Янв. 1719 г. предписалъ „учинить перепись, сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ крестьянъ,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи Петръ I только завершилъ тотъ процессъ, который начался уже во второй половинѣ XVII ст., когда некоторые разряды холоповъ, а именно задворные лорди и посаженные на пашню дѣловые люди были сравнены во всемъ съ крѣпостными крестьянами (см. Ключевскаго, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи, Русская Мысль 1886 г., кн. V, VII, IX и X и Дьяконова, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 241 и слѣд.).

бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по именамъ есть, отъ старого до самаго младенца". Такимъ образомъ указъ подтвердилъ прежнее смышеніе въ одинъ разрядъ крестьянъ и холоповъ, посаженныхъ на пашню¹). Однако, оказалось, что правительство имѣло въ виду смышеніе крестьянъ со всѣми холопами. Объ этомъ его намѣреніи мы узнаемъ изъ указа 5 Февр. 1720 г. „Слышишь я (т. е. государь), читаемъ въ указѣ, что въ нынѣшихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ (т. е. холоповъ, жившихъ во дворахъ своихъ господъ и состоявшихъ въ домашнемъ услужденіи) и прочихъ не пишутъ; того ради подтверждаемъ указомъ, чтобы всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какою они звания ни есть". Наконецъ, указы 1-го Іюня 1722 г. и 26 Марта 1729 г. предписали смышать съ крѣпостными крестьянами и кабальныхъ холоповъ, какъ известно, находившихся въ холопствѣ временно и получавшихъ свободу послѣ смерти своихъ господъ. Такимъ образомъ указанными мѣропріятіями понятіе холопа, какъ вещи (res), какъ объекта частной собственности было уничтожено. Всѣ разряды холоповъ слились съ крѣпостными крестьянами, т. е. стали трактоваться какъ лица (personae), вошли въ составъ одного изъ государственныхъ сословій, были обязаны цѣлымъ рядомъ повинностей въ пользу государства и получили нѣкоторыя права, осуществленіе которыхъ, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ зависѣло отъ воли помѣщика. Однако, это смышеніе прежняго холопства съ крѣпостнымъ состояніемъ имѣло въ результатѣ модификацію послѣдняго. Такъ, помѣщики въ отношеніи крѣпостныхъ стали пользоваться тѣми же правами, какія прежде принадлежали господамъ въ отношеніи холоповъ, способами установления и прекращенія крѣпостного состоянія сдѣливались многіе способы установления и прекращенія холопства и т. п. Иначе говоря, получилось полное смышеніе понятій, благодаря которому были возможны также несообразности съ точ-

¹) Задворными людьми назывались холопы, получившие отъ своихъ господъ въ пользованіе земельные участки и жившіе отдельными дворами, имѣя каждыіе свое особое хозяйство (Ключевскій, назв. статья; этого же мнѣнія, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, придерживается и проф. Дьяконовъ, назв. соч., стр. 241 и слѣд.). Дѣловыми людьми назывались холопы, жившіе въ сельскихъ усадьбахъ своихъ господъ и на нихъ содержанны. Часть ихъ была посажена на пашню, имѣла свои дворы и ничѣмъ не отличалась отъ задворныхъ людей (Ключевскій, назв. статья, Дьяконовъ, назв. соч., стр. 287 и слѣд.).

ки зре́нія права, какъ, напр., продажа человѣка, считавшагося лицомъ, а не вещью, обладавшаго извѣстными правами и несшаго извѣстныхъ обязанности въ качествѣ члена определенного сословія. До извѣстной степени возникновеніе подобного порядка вещей (не говоря уже о фрагментарномъ характерѣ законодательства о крѣпостныхъ, въ силу чего крѣпостное право развивалось болѣе фактически, чѣмъ юридически) зависѣло отъ окончательного установлѣнія отвѣтственности помѣщиковъ за исправное отправленіе крѣпостными повинностей, въ особенности же за платежъ подушной подати. Подобная отвѣтственность уже возникла въ XVII ст., но какъ общая мѣра была установлена при Петрѣ I. Такъ, о ней говорить инструкція генералу Чернышеву 5 Февр. 1722 г. „Дворянамъ объявить, читаемъ здѣсь, чтобы платили со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются, по восьми гривенъ съ персоны“. То же подтвердилъ и регламентъ Камеръ-коллегіи 1731 г., ст. 6 которого постановляетъ: „подушные деньги платить самимъ помѣщикамъ, а где ихъ нѣтъ, приказчикамъ и старостамъ или тѣмъ людямъ, кому деревни приказаны; а ежели который помѣщикъ или приказчикъ на срокъ не заплатить, то въ такія деревни полковникамъ обще съ воеводами посыпать эзекуцію и велѣть немедленно править на помѣщикахъ и приказикахъ и старостахъ и ихъ понуждать, чтобы они собирали съ крестьянъ“. Благодаря названному мѣропріятію, крѣпостные крестьяне были окончательно отстранены отъ непосредственнаго обиженія съ государственную властью и ея органами: между крѣпостнымъ и государствомъ стала помѣщикъ, этотъ полицеемайстеръ надъ крестьяниномъ, по выражению имп. Павла.

Послѣ Петра замѣчается большое усиленіе крѣпостного права, главнымъ образомъ вслѣдствіе его территоріального распространенія, что достигло апогея своего развитія при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Въ эти царствованія широко примѣнялся способъ раздачи населенныхъ имѣній въ формѣ пожалованій частнымъ лицамъ, и такимъ образомъ было раздано (т. е. обращено въ крѣпостное сословіе) 1 миллионъ 200 тысячъ душъ крестьянъ¹⁾. Кромѣ того, при Екатеринѣ II

¹⁾ Раздача населенныхъ имѣній была уничтожена при Александрѣ I. „Русские крестьяне, сказъ по этому поводу государь, большую частью принадле-

указомъ 1783 г. крѣпостное право было введено въ Малороссии, гдѣ до того времени существовалъ еще обычай перехода крестьянъ съ земель одного владѣльца на земли другого. Указъ 1783 г. отмѣнилъ этотъ переходъ и тѣмъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ.

Способовъ приобрѣтенія крѣпостного состоянія было нѣсколько. Первымъ способомъ являлось рожденіе, благодаря которому дѣти крѣпостныхъ также становились крѣпостными. Вторымъ способомъ была записка по ревизіи, о чёмъ мы уже говорили. Третьимъ способомъ являлось закрѣпленіе незаконнорожденныхъ подкидышей воспитателями, причемъ послѣдніе могли быть членами всѣхъ сословій, а не только одного дворянскаго. Объ этомъ способѣ впервые говоритъ указъ 1746 г.: „хотя купцы и разночины суть подлые люди, коимъ имѣть крѣпостныхъ запрещено, но за ними повелѣвается писать незаконнорожденныхъ подкидышей, ибо, ежели отъ тѣхъ воспитателей отбирать, то таковыхъ во младенчествѣ никто къ себѣ принимать не будетъ, и отъ того иные прошадать будуть“. Это правило видоизмѣняется проектомъ Елизаветинской комиссіи, предписывающимъ недворянамъ держать у себя принятыхъ на воспитаніе подкидышей только до достижени ими 18 лѣтъ, а затѣмъ продавать „такимъ людямъ, кому людей и крестьянъ имѣть позволено“. Названное постановленіе вводится въ дѣйствіе инструкціей слободскому губернатору 1765 г. съ тѣмъ только различиемъ, что 18-лѣтній возрастъ проекта замѣняется 20-лѣтнимъ. Четвертымъ способомъ вступленія въ разрядъ крѣпостныхъ было закрѣпленіе военно-плѣнныхъ нехристіанского вѣроисповѣданія, вышедшее изъ употребленія при Екатеринѣ II. Пятымъ способомъ являлось правило Судебникъ и Уложенія 1649 г.: „по рабѣ холопъ и по холопу раба“, т. е. приобрѣтеніе крѣпостного состоянія путемъ брака. Первое правило, а именно „по рабѣ холопъ“ стало отмѣняться для нѣкоторыхъ разрядовъ населенія въ царствованіе Екатерины II; такъ, въ 1763 г. изъ подъ дѣйствія этого правила были изыяты питомцы воспитательного дома, въ 1764 г.—воспитанники Академіи художествъ, въ 1775 г.—вольноотпущенны. На конецъ, въ 1783 г. состоялось предписаніе, чтобы „вольныхъ людей отнюдь ни за кѣмъ не укрѣплять“, чѣмъ окончательно было отмѣнено дѣйствіе

жать помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія и потому я даль обѣйтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и привыкъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ“.

правила „по рабѣ холопъ“. Что касается до второго правила, а именно: „по холопу раба“, то оно было отменено въ 1815 г. Шестой способъ вступленія въ разрядъ крѣпостныхъ состоялъ въ закрѣплѣніи путемъ договоровъ: выкупъ, продажи, мѣны, даренія и т. п. Седьмымъ способомъ было пожалованіе населенныхъ имѣній, о чёмъ мы уже говорили, и, наконецъ, послѣдній способъ вытекалъ изъ права закрѣпощать себя. Онъ былъ отмененъ въ 1783 г., когда Екатерина II воспретила всѣмъ свободнымъ закрѣпощаться, „прѣдоставивъ имъ свободу избирать такой родъ жизни, какой сами злагоразсудятъ“.

Что касается до способовъ прекращенія крѣпостного состоянія, то такихъ также было несолько. Однимъ изъ первыхъ явилось отбываніе рекрутской повинности, благодаря которой всякий рекрутъ выходилъ изъ крѣпостного состоянія, причемъ освобождалась также и его жена, а съ 1764 г. и дѣти, рожденные послѣ поступленія отца на службу. Вторымъ способомъ была ссылка помѣщикомъ въ Сибирь на поселеніе, причемъ обязательно съ женой. Третій способъ вытекалъ изъ факта наказанія помѣщика за извѣстнаго рода преступленія. Такъ, указъ 1726 г. предписалъ освобождать доносчиковъ изъ крестьянъ за доносъ на помѣщиковъ обѣ утайкѣ душъ при ревизіяхъ. Точно также и указъ 1763 г. постановилъ: „прописныхъ, кои помѣщикомъ утаены и явятся сами гдѣ въ судебныхъ мѣстахъ и докажутъ, такимъ дать свободу, взыскивая за оныхъ подушныхъ деньги съ помѣщиковъ“. Четвертымъ способомъ выхода изъ крѣпостного состоянія явилось бѣгство, когда само законодательство въ лицѣ многихъ манифестовъ и указовъ, начиная съ 1759 г., освобождало бѣглыхъ отъ крѣпостной зависимости путемъ записи ихъ въ государственный и дворцовые волости или путемъ оставленія ихъ въ мѣстахъ ихъ временнаго пребыванія (напр., на окраинахъ) съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты, или, начиная съ 1722 г., путемъ приписки ихъ къ фабрикамъ и заводамъ. Пятымъ способомъ было отпущеніе на волю со стороны помѣщиковъ посредствомъ выдачи отпускной или по духовному завѣщанію. Наконецъ, послѣднимъ способомъ былъ выкупъ со стороны крѣпостного, размѣръ, втогорядѣ постоянно варьировался, доходя иногда до 1000 руб. и болѣе за человека. Вышедшие изъ крѣпостного состоянія назывались вольноотпущенными и обязывались приписаться къ одному изъ податныхъ состояній.

Юридическое положение крѣпостныхъ выясняется главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ тѣхъ правъ, которыя принаадлежали помѣщикамъ въ отношеніи ихъ. Такихъ правъ было не мало. Во-первыхъ, помѣщикамъ принадлежало право распоряженія своими крѣпостными, т. е. они могли ихъ продавать, закладывать, обмѣнивать, дарить, завѣщать и т. п. Продажа людей была уже очень развита при Петрѣ. „Обычай былъ въ въ Россіи, который и нынѣ есть, свидѣтельствуетъ самъ государь въ указѣ 15 Апрѣля 1721 г., что крестьянъ и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое плахетство продаетъ врознь, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего немалый вопль бываетъ“. Желая до нѣкоторой степени ограничить эту торговлю живымъ мясомъ, Петръ въ томъ же указѣ высказался противъ продажи отдельныхъ членовъ семьи врознь: по указу была разрѣшена только продажа цѣлыми семьями¹⁾. Впрочемъ, значение этого указа было парализовано разрѣшеніемъ ставить вмѣсто себя въ рекрутъ купленныхъ людей, что правительство дозволило въ 1720 г. Впослѣдствии, а именно въ 1747 г. правило указа 1720 г. было подтверждено, причемъ помѣщики получили право продавать крестьянъ въ рекрутъ кому бы то ни было. Такъ продолжалось до 1766 г., когда состоялось запрещеніе совершать купчія на крестьянъ за три мѣсяца до набора. Въ 1771 г. правительство провело другое ограничение право распоряженія крѣпостными, а именно воспрещеніе продажи крестьянъ безъ земли съ молотка; впрочемъ, въ 1792 г. названное запрещеніе получило слѣдующее разъясненіе: крестьянъ безъ земли можно продавать за долги помѣщиковъ и даже совершать это публично, только безъ употребленія молотка. На практикѣ торговля людьми была крайне развита въ XVIII ст., причемъ нерѣдко крѣпостныхъ выводили на рынки, какъ невольниковъ, а газеты были испещрены объявленіями въ родѣ слѣд.: „продажаются портной, поваръ, башмачникъ, вѣнская прочной ра-

¹⁾ По справедливому замѣчанію г. Побѣдоносцева, названный указъ въ сущности „не можетъ быть названъ закономъ“, такъ какъ „не содержитъ въ себѣ яснаго, положительного запрещенія и не былъ обращаемъ къ исполненію, а подлежалъ только вѣдѣнію Сената, чтобы о томъ при сочиненіи нынѣшняго уложения изѣснить, какъ г. г. сенаторы заблагоравсудятъ“. А предложенное уложение вовсе не было приведено къ концу“ (Историческія изслѣдованія и статьи, стр. 165).

боты коляска и хорошо выбранная верховая лошадь", или „продается лось 30-ти дубка и молодая гнедая лошадь; их видеть можно тамъ то“, или „продается 20 лось дворовый человѣк и лучшей породы корова“, или „продаются четыре пары гончихъ, 15 щенковъ и двѣ дѣвки“ и т. п. Цѣна крѣпостныхъ была весьма различна и съ приближеніемъ къ XIX ст. постоянно возрастала. Такъ, при Елизавѣтѣ Петровнѣ она въ большинствѣ случаевъ равнялась 30 руб. за душу, а при Екатеринѣ II—отъ 70 до 100 руб. Указанная норма цѣны имѣла значеніе при продажѣ отдельныхъ имѣній; напротивъ, при продажѣ въ одиночку размѣръ цѣны значительно увеличивался; такъ, рекрутъ стоили отъ 120 (въ 1768), до 300 р. (въ 1786 г.), ремесленники и артисты—300 руб., артисты—несколько тысячъ, прислуга—50-80 руб. и дороже, дѣти отъ 3 до 20 руб.

Продажа крѣпостныхъ уже въ XVIII ст. вызвала, хотя робкіе, но все же протесты со стороны лучшихъ людей того времени. Такъ, многіе дворянскіе наказы, поданные въ коммиссію 1767 г., ходатайствуютъ объ ограниченіи этой продажи; напр., михайловскій наказъ просить о разрѣшеніи послѣдней только въ предѣлахъ одного уѣзда, „дабы проданный крестьянинъ въ близости своихъ сродственниковъ находиться могъ“; шлиссельбургскій идетъ дальше и находитъ необходимымъ вообще запрещеніе продажи „на вывозъ“; тамбовскій высказывается за то, чтобы „по дѣвкамъ мужьевъ и ихъ дѣтей не отдавать, а зачитать дѣвками, понеже оттого проісходять немалыя раззоренія, а дѣтамъ отъ отцовъ вѣчное разлученіе“ и т. п. Во время засѣданій коммиссіи нѣсколькими депутатами были сдѣланы аналогичные заявленія, изъ которыхъ въ особенности выдается заявленіе казака Алейникова. „Большое будетъ предосужденіе господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами“, сказалъ Алейниковъ, „когда по окончаніи сей высокославной коммиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же самыхъ христіанъ, какъ и мы сами“.

Однако, вплоть до царствованія Александра I на практикѣ все оставалось попрежнему, и крестьяне продавались, по выражению Алейникова, „какъ скотина“. Александръ I обратилъ на это явленіе вниманіе и уѣзомъ 1804 г. запрѣтилъ подобный „постыдный торгъ“, по крайней мѣрѣ, съ армянами, покупавшими преимущественно дѣвушекъ для вы-

воза ихъ въ Турцію. Въ томъ же году состоялся другой указъ о запрещеніи пріема въ рекрутъ людей менѣе, чѣмъ черезъ три года, по совершеніи на нихъ купчей. Затѣмъ, указомъ 1808 г. была уничтожена продажа на ярмаркахъ, а указомъ 1822 г. запрещены публикаціи въ газетахъ. Но этимъ, собственно говоря, и ограничились мѣропріятія имп. Александра. При его преемникѣ вопросъ о продажѣ крѣпостныхъ былъ внесенъ на разрѣшеніе Государственного совѣта, но встрѣтилъ тамъ довольно сильную оппозицію, выразителемъ которой явился адмиралъ Мордвиновъ. „Отъ горькаго корня“, сказалъ, между прочимъ, послѣдній, „не будетъ плода сладка, на рѣдкѣ не выростетъ ананасъ; доколѣ рабство между крестьянами существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допущена. Она необходима и часто для проданного бываетъ плодотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго, отъ скучной и тощей нивы переселяется на ниву просторную и плодородную“. Однако, доводы Мордвинова не убѣдили правительства, и оно закономъ 1833 года запретило продажу и дареніе крѣпостныхъ съ раздробленіемъ семействъ, т. е., въ сущности, подтвердило постановленія указа 1721 г., а въ 1841 г. разрѣшило покупку только лицъ, обладающимъ населенными имѣніями, снова подтвердивъ воспрещеніе раздѣлять семьи при продажѣ, залогѣ и раздѣлѣ между наследниками.

Во-вторыхъ, помѣщики пользовались правомъ хозяйствен-
ной эксплоатациіи труда своихъ крѣпостныхъ. Послѣдняя выражалась въ двойкой формѣ: оброка и барщины. Что касается до оброка, то величина его обыкновенно равнялась отъ 1 до 5 руб., находясь, по словамъ одного современника (Георги), въ зависимости отъ заработка крестьянъ, добродоты или строгости господина и т. п. Впрочемъ, къ концу XVIII ст. размѣръ оброка значительно увеличился и достигъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ до 20 руб. съ человѣка. Отсутствие нормы оброка въ законодательствѣ крайне тяжело отражалось на благосостояніи крестьянъ. Еще Просошковъ свидѣтельствовалъ, что „крестьянское житѣе скучдостно отъ помѣщичья насилия“, и что „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаются скучдости неудобоносимы... и еще требуютъ съ нихъ излишнаго побору“... говоря: „крестьянину да не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола“. Въ виду этого, Просошковъ высказался за изданіе „расположенія указ-

наго, почему помѣщикамъ крестьянъ оброку и иного чго имать". На той же точкѣ зрењія стояла и Екатерина II въ своемъ Наказѣ, когда писала: „весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства". Какъ уже было сказано, въ томъ же направлениі высказался и депутатъ Коробинъ въ комиссіи 1767 г. Однако, послѣдняя не нормировала оброка, такъ какъ нельзѧ же за установление нормы считать слѣдующее постановленіе одного изъ проектовъ комиссіи: „помѣщики крестьянъ могутъ опредѣлить на денежные оброки безъ тягости и, сверхъ положенного годового оброка, въ тотъ годъ болѣе брать не должны". Точно также и Сводъ Законовъ (изд. 1857 г.) предоставилъ помѣщикамъ право взиманія какого угодно оброка, лишь бы не произошло отъ подобнаго взиманія разоренія для крестьянства. Кроме оброка, крестьяне обязаны были поставлять помѣщикамъ, такъ называемый, столовый запасъ, т. е. сѣно, овесъ, дрова, птицу, зелень, масло и т. п.

Не смотря на тажестъ оброка, крестьяне предпочитали его барщинѣ, такъ какъ, сидя на оброкѣ, они пользовались большею независимостью, чѣмъ при отправлениі послѣдней. Барщина была двухъ родовъ: по числу дней, когда крестьяне работали на помѣщика, и въ формѣ урока. Въ первомъ случаѣ крестьяне обыкновенно исполняли работу на помѣщика въ теченіе половины рабочаго времени, т. е. три дня въ недѣлю. Впрочемъ, встрѣчалось не мало мѣстностей, где барщина отправлялась и въ большее количество времени, напр., 4 и 5 дней. По словамъ агронома Рычкова, были и такие помѣщики, что „крестьянамъ и одного дня на себя работать не давали, а, давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляли ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно". Какъ и относительно оброка, такъ и относительно барщины не существовало никакой нормы въ законодательствѣ, если не считать правила обѣ освобожденіи отъ работы въ праздничные и воскресные дни, унаслѣдованныго XVIII ст. еще отъ XVII ст. Первый, если не считать Просошкова, высказавшій за необходимость подобной нормировки барщины, былъ Панинъ, считавшій возможнымъ въ законодательномъ порядкѣ установить, „чтобы помѣщики отъ крестьянъ не требовали работъ болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а въ сутки требовали бы не болѣе, какъ вспаханіе

одной десятины доброй земли". Ученикъ Панина, имп. Павелъ Петровичъ отчасти выполнилъ желаніе своего учителя, предписавъ указомъ 1797 г. требовать отъ крестьянъ исполненія барщины только въ теченіе трехъ дней въ недѣлю и освободить ихъ отъ всякихъ работъ по праздникамъ.

Барщина въ формѣ опредѣленнаго урока, исполняемаго крестьянами, также не была урегулирована въ законодательномъ порядке и вполне зависѣла отъ прихоти помѣщиковъ. По словамъ Татищева, урокъ заключался въ десятинѣ полевыхъ работъ и косьбѣ 120 пуд. сѣна; впрочемъ, нерѣдко урокъ былъ и больше.

Въ-третьихъ, помѣщикамъ принадлежало право *перевода крестьянъ въ дворовые и наоборотъ*. Количество дворовыхъ, т. е. крестьянъ, оторванныхъ отъ земледѣльческихъ работъ и предназначенныхъ для домашнихъ услугъ, было громадно. По словамъ Шторха, „въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ было втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ такомъ же немецкомъ; о домахъ же вельможъ и говорить нечего“. У послѣднихъ число слугъ доходило отъ 150 до 400 и 500, среди которыхъ были лакеи, офиціанты, дворецкіе, буфетчики, камердинеры, парикмахеры, кондитеры, повара, ключники, дворники, скороходы, кучера, форейторы, конюхи и т. п. Положеніе дворовыхъ было крайне тяжелое, въ виду близости къ господамъ. По словамъ Болтина, „нѣкоторые дворяне поступаютъ со своими слугами хуже, нежели со скотами; такихъ помѣщиковъ меныше, однако-жъ, должно къ стыду признаться нарочитое число есть“. Помѣщикъ эксплоатировалъ трудъ дворовыхъ не только въ свою пользу, но и отдавалъ ихъ въ наемъ постороннимъ лицамъ. Срокъ отдачи въ наемъ былъ опредѣленъ указомъ 1775 г., ограничившемъ его только пятью годами; закономъ же 1824 г. подобная отдача была разрешена исключительно для услугъ дворянамъ, т. е. лицамъ, имѣвшимъ право на крѣпостной трудъ.

Многозисленность дворни уже при Екатеринѣ II возбуждала протесты. Таѣль, известный новгородскій губернаторъ Сиверсъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императрицѣ высказался за крайнюю необходимость уменьшенія дворни. „Если этотъ предметъ слишкомъ щекотливый“, писалъ онъ, „чтобы облечь его въ форму закона, то было бы весьма полезно сдѣлать по крайней мѣрѣ вызовъ къ этому при общемъ наборѣ“. На той же точкѣ зреѣнія стояли и нѣкоторые наказы въ 1767 году, считая необходимымъ „напомнить

дворянамъ о томъ, сколько ихъ раззоряетъ содержаніе многихъ излишнихъ дворовыхъ людей” (Дмитровскій). При императорѣ Николаѣ I вопросомъ объ уменьшеніи числа дворовыхъ занимался особый секретный комитетъ, учрежденный въ 1844 г., но только въ 1858 году состоялось запрещеніе помѣщикамъ перечислять крестьянъ въ дворовые.

Въ-четвертыхъ, помѣщики пользовались правомъ управлять ^{4/} своими имѣніями и поселенными въ нихъ крѣпостными лично и черезъ посредство другихъ лицъ. При личномъ управлѣніи послѣднее, конечно, являлось вполнѣ не ограниченнымъ, такъ какъ помѣщикъ для своихъ крестьянъ, какъ мѣтко выразился Румянцевъ, „быть законодателемъ, судью, исполнителемъ своего рѣшенія и, по желанію своему, истцомъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не могъ”. Не смотря, однако, на подобное положеніе вещей, не мало помѣщиковъ, признавало значение крестьянскаго міра въ дѣлахъ управлѣніями крестьянами. Такъ, нерѣдко міръ избиралъ разныхъ должностныхъ лицъ, напр., бурмистра, старость, цѣловальниковъ и т. п., обязанныхъ совѣщаться съ нимъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ управлѣнія. Затѣмъ, мірской сходѣ нерѣдко опредѣлялъ наказанія, налагавшіяся на провинившихся крестьянъ („человѣка непорядочнаго”, читаемъ въ одномъ изъ предписаній Суворова, „сокращать мірскими наказаніями”). Наконецъ, такая важная функция, какъ раскладка податей и повинностей (государственныхъ и помѣщичьихъ) также силошь да рядомъ принадлежала міру. Изъ „уложенія” графа Орлова мы знаемъ, что сходѣ распоряжался и мірскою казною. „Есть”, читаемъ въ названномъ памятнику, „необходимые и чрезвычайные мірскіе расходы; когда и сколько собирать денегъ для упомянутыхъ расходовъ— отдается на волю мірскую; на сіи сборы, съ согласія общества, дѣлаютъ мірскіе приговоры”. Послѣдняя функция, принадлежавшая сходу, были передѣлы земли. Что касается состава послѣдняго, то онъ опредѣлялся предписаніями помѣщиковъ. Обыкновенно на сходѣ принимали участіе всѣ крестьяне: „На сходѣ ходить всѣмъ”, гласить одно предписаніе, „не отговариваясь работами, съ каждого двора по человѣку, а если случится въ дѣльной отлучкѣ или тяжкой болѣзни, что можетъ за него прийти, кто у него въ домѣ есть, даже жена; кто же не пойдетъ на сходѣ за пустыми отговорками, то взыскивать штрафу по два рубля въ міръ”; по другому предписанію, мірской сходѣ составляется „изъ хозяевъ семействъ,

коимъ отъ рода исполнилось 21 годъ". Мірськіе приговоры иногда записывались и представлялись на утверждение помѣщика. Въ разрешеніи вопросовъ крестьянскаго управлениія не рѣдко инициатива принадлежала самимъ крестьянамъ, входившимъ къ помѣщику съ челобитными, по внѣшней формѣ вполнѣ напоминавшія тѣ, съ которыми подданные обращались къ государю („государю нашему... бывать чelомъ и плачутся... вотчины разныхъ деревень крестьяне сообща всего мірскаго согласія приговоромъ"). У нѣкоторыхъ помѣщиковъ были даже выработаны особые правила для писанія челобитныхъ, (напримѣръ, правила Суворова, по которымъ челобитные должны были писаться „по артикуламъ и статьямъ", причемъ „каждой вещи часть подробно толковать и брать въ уваженіе, одну часть соображать съ другою, сравнивать тягость съ полезностью" и т. п.).

Управление крестьянами чрезъ посредство другихъ лицъ во многихъ отношеніяхъ отличалось отъ личнаго. Оно сосредоточивалось въ домовой канцелярии или конторѣ, члены которой у нѣкоторыхъ помѣщиковъ (напр., у графа Орлова) являлись скорѣе государственными людьми въ миніатурѣ, чѣмъ простыми управителями. Такъ, они докладывали помѣщику о дѣлѣ вмѣстѣ съ проектомъ резолюціи, подписаннымъ или единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, помѣщикъ же (рѣчь идетъ объ Орловѣ), по разсмотрѣніи дѣла и мнѣній конторы, возвращалъ ихъ со своимъ утвержденіемъ или съ измѣненіемъ резолюціи. Органами изучаемаго вида управлениія являлись управители, прикащики и земскіе. Первыми нерѣдко бывали дворяне, вторыми и третьими всегда крѣпостные, причемъ функция земскихъ заключалась въ письмоводствѣ. Помѣщики, ввѣряя управлениe названнымъ лицамъ, составляли для нихъ инструкціи и уложения. Нѣкоторый изъ послѣднихъ (напр., Румянцева, Орлова и др.) пользовались такою популярностью, что переписывались другимъ помѣщикамъ и вводились ими у себя. Вотъ, напр., начало инструкціи графа Строганова: „во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже удовольствія принести не можешь... если судьбу человѣчества (т. е. крѣпостныхъ) отягчишь" или „излишняя потачка превращаетъ человѣколовіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ, а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство". Нерѣдко случалось, что помѣщики сдавали свои населенные имѣнія въ аренду, но въ 1853 г. это было запрещено.

Въ-пятыхъ, помѣщикамъ принадлежало право *переселенія* своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. По указу 1724 г., для осуществленія названаго права, въ каждомъ отдельномъ случаѣ требовалось разрѣшеніе Камеръ-коллегіи. Но съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. испрошеніе разрѣшенія было замѣнено простымъ заявленіемъ въ верхній земскій судъ, причемъ требовалась уплата подати за переселяемаго за весь текущій годъ. Переселялись нерѣдко сотни и тысячи людей, такъ, въ одномъ случаѣ было переселено до 15 тысячъ на Уралъ, а въ другомъ (въ 1781 г.) до 26 тысячъ въ Новороссію и т. п.

Въ-шестыхъ, помѣщикамъ принадлежало право *заключать браки крѣпостныхъ*, не спрашивая согласія послѣднихъ. При выдачѣ дѣвицъ въ замужество на сторону, помѣщикъ давалъ имъ отпускныя письма и пользовался правомъ на полученіе отъ жениха *выводныхъ* денегъ въ размѣрѣ отъ 10 до 40 руб. и болѣе. Указомъ 1724 г. на помѣщиковъ была возложена даже обязанность выдачи дѣвицъ замужъ за солдатъ, если послѣдніе „заплатятъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновеніе въ тѣхъ мѣстахъ братъ“. Впрочемъ, дѣйствіе этого указа было отмѣнено въ 1764 году съ изданіемъ полковничей инструкціи, предписавшей солдатамъ „безъ отпусканыхъ невѣстъ не братъ, также и выводныя деньги платить“. Другое постановленіе указа 1724 года, хотя никогда и не было отмѣнено, но въ то-же время никогда никѣмъ, начиная съ самаго правительства, не исполнялось¹⁾. Мы говоримъ о формальномъ запрещеніи помѣщикамъ принужденія въ устройствѣ брачныхъ дѣлъ своихъ крѣпостныхъ, въ силу чего послѣдніе обязывались, при вступлении въ бракъ, выдавать особыя письма съ заявленіемъ „подъ клятвою суда Божія и присяги своей, что ихъ не неволять“. Практика игнорировала этотъ указъ, и помѣщики, по словамъ Сиверса, „обыкновенно принуждали къ браку молодыхъ людей, дѣлая это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ“. Точно также и Радищевъ въ своемъ извѣстномъ „Путешествіи“, чуть не стоявшемъ ему головы, свидѣтельствуетъ, что „вступающіе въ бракъ, хотя бы и ненавидѣли другъ друга, властю господина своего влекутся на казнь къ алтарю Отца“.

¹⁾ Не смотря даже на то, что сила указа была дважды подтверждена при Елизавѣтѣ Петровнѣ (см. указы 1742 г. 21 мая и 3 июня).

всѣхъ благъ, и служитель Его принимаетъ исторгнутую властью клятву и утверждаетъ бракъ, и сіе называется союзомъ божественнымъ". Вотъ, что читаемъ также въ уложеніи графа Орлова: „когда дѣвкѣ совершится 20 лѣть, таковыхъ старшій въ семье отдавалъ-бы замужъ, а на присканіе жениха дать сроку полѣ-года подъ страхомъ наказанія и штрафомъ или по разсужденію начальства". Принужденіе и выкупъ въ брачныхъ дѣлахъ неоднократно вызывали протестъ въ лучшыхъ людяхъ изучаемой эпохи, а въ 1767 г. и Синодъ въ своемъ наказѣ высказался за воспрещеніе „вѣнчать по одному произволенію помѣщиковъ, и непремѣнно чтобы брачущіяся оба лица самоизвольно свое въ церкви свободно, явно и добровольно объявляли желаніе"¹⁾). Иначе говоря, Синодъ высказался за возстановленіе силы всѣми забытаго указа 1724 г. Однако, вплоть до отмены крѣпостного права помѣщики продолжали безконтрольно распоряжаться устройствомъ брачныхъ дѣлъ своихъ крѣпостныхъ.

Въ-седьмыхъ, помѣщики пользовались правомъ наказанія въ отношении крѣпостныхъ. Правда, вплоть до изданія Свода Законовъ законодательство регулируетъ только одинъ видъ наказаній, налагаемыхъ помѣщиками, а именно— ссылку крѣпостныхъ въ Сибирь, но на практикѣ было очень много другихъ наказаній, которымъ подвергались крѣпостные. Право ссылки въ Сибирь на поселеніе помѣщикамъ было даровано въ 1760 г., „понеже въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи состоять въ поселенію и хлѣбопашству удобныя мѣста, которыхъ въ заселенію государственный интересъ требуетъ". Такимъ образомъ цѣль такой ссылки являлась чисто колонизационной, почему помѣщики получили право ссылать только крестьянъ, годныхъ въ работѣ и не старше 45 лѣтъ, причемъ обязательно съ женою, но безъ дѣтей; за каждого сосланного помѣщика получалъ рекрутскую євитанцію. Въ 1765 г. правительство предоставило новое право помѣщикамъ, а именно ссылки въ каторжную работу крестьянъ, „по прордеростному состоянію, заслуживающихъ справедливое наказаніе“, съ правомъ возвращать ихъ обратно изъ каторги. Однако, на практикѣ, благодаря названному указу, получились безчисленные злоупотребленія, такъ какъ помѣщики стали ссылать всѣхъ негодныхъ въ рекруты, какъ-то: имѣющихъ разные физические недостатки, старыхъ, дряхлыхъ, боль-

¹⁾ Христіанское Чтеніе 1876 г., № 9 и 10.

ныхъ и т. п., получая за нихъ рекрутскія квитанціи и такимъ образомъ освобождаясь отъ поставки рекрутъ. Число ссылаемыхъ было огромно; такъ, согласно донесенію сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина, въ 1771 г. оно достигло цифры 6,000, причемъ „изъ отправляемыхъ поселенчиковъ едва четвертая часть доходила до мѣста назначения, вслѣдствіе страшной смертности среди нихъ“. Донесеніе Чичерина возымѣло дѣйствіе, и Сенатъ вшелъ съ докладомъ къ императрицѣ о прекращеніи ссыпки въ Сибирь крѣпостныхъ. Послѣдняя дала свое согласіе, и ссылка была пріостановлена до „указа“. Однако, уже въ 1775 году императрица снова ее разрѣшила, что продолжалось до царствованія Александра I. Въ это царствованіе, именно въ 1802 году, была пріостановлена ссылка крестьянъ на поселеніе, а въ 1811 году, по поводу одного частнаго случая, состоялась резолюція государя, по которой право помѣщиковъ ссыпать своихъ крестьянъ на поселеніе было истолковано исключительно въ смыслѣ государственного интереса заселенія Сибири, по миновеніи надобности въ которомъ, оно должно было быть отмѣнено, крестьяне же могли быть ссыпаны въ Сибирь не по желанію помѣщика, а единственно по приговору суда, за предусмотрѣнныя закономъ преступленія. Несколько раньше названной резолюціи, а именно въ 1807 году, была отмѣнена и ссылка крестьянъ въ категорию работу. Впрочемъ, во вторую половину царствованія Александра I право ссылки въ Сибирь на поселеніе, но безъ зачета въ рекруты, было опять возвращено помѣщикамъ. Наконецъ, 30 Августа 1827 года состоялся законъ, ограничивавшій назначенное право, а именно, помѣщикамъ разрѣшалось ссыпать крѣпостныхъ только при соблюдении слѣдующихъ условій: 1) если они не старше пятидесяти лѣтъ, не дряхлы и не убѣжны; 2) не разлучая супруговъ вмѣстѣ съ дѣтьми: съ малышиками до 5 лѣтъ и съ дѣвочками до 10 лѣтъ; 3) ссылаемыхъ снабжать одеждой и кормовыми деньгами.

Остальные виды наказаній не регулируются законодательствомъ и развиваются фактически въ силу чего крайне разнообразны. По словамъ одного современника иностранца, „наказаніе рабовъ въ Россіи измѣняется сообразно съ расположениемъ духа и характеромъ государя или заступающаго его мѣсто; оно гораздо чаще сопровождается со строгостью того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностью пропущенія наказываемаго. Самая обычная исправительная сред-

ства — палки, плети и розги. Наказаніе производится обыкновенно въ конюшнѣ или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязуемаго не беспокоили господъ. Я видѣлъ, что палками наказывали, какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку, за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ". Дѣйствительно, фантазія помѣщиковъ въ изобрѣтеніи наказаній была неистощима. На первомъ планѣ стояли тѣлесныя наказанія, а именно: батоги, палки, кнутъ, кошки, плети, розги и т. п. За ними слѣдовали разные виды пытокъ, напримѣръ, приковываніе къ стѣнѣ на цѣпь, разнаго рода ротатки, желѣза и колодки, подвѣшиваніе за какую-нибудь часть тѣла и др. истязанія, „изобрѣтаемыя помѣщиками“, по словамъ членовъ одного земскаго суда (елецкаго), „съ такимъ необузданнѣмъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить не можно“. Наконецъ, послѣдними видами наказаній являлись: ссылка въ дальнюю вотчину, бритье половины головы, обливаніе водой на морозѣ, сѣченіе крапивой, постановка на колѣни на гречкѣ или орѣховой скорлупѣ и т. д. Однимъ словомъ, всякаго рода истязанія допускались со стороны помѣщиковъ и, кроме смертной казни, не было вида наказаній, который-бы не примѣнялся ими на практикѣ. Впрочемъ, въ той или иной замаскированной формѣ нерѣдко имѣла мѣсто и смертная казнь. Въ виду-же того, что законодательство не регулировало право наказанія, принадлежавшее помѣщикамъ, суды ставились въ крайне затруднительное положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда до нихъ доходили выдающіеся по своей жестокости факты. Этимъ объясняется масса снисходительныхъ приговоровъ, постановлявшихся судами за дѣла, по существу своему до нельзя возмутительныя и носившія въ себѣ, съ нашей современной точки зренія, всѣ признаки преступленій.

Сознаніе необходимости урегулированія права наказанія крестьянскихъ существовало уже въ XVIII ст., какъ объ этомъ мы можемъ судить по многимъ фактамъ. Такъ, въ 1761 году двѣ воеводскія канцеляріи Воронежской губерніи ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи закона, по которому, если окажется, что крестьянинъ былъ битъ топоромъ, кольями, дубиною и т. п. тяжелымъ орудіемъ и во время побой умеръ, а тѣмъ болѣе, если убитъ умышленно, то помѣщикъ, виновный въ этомъ, „яко убийца, по узаконеннымъ правамъ судится“. По проекту Елизаветинской комиссіи,

помѣщики лишились права наказывать своихъ крѣпостныхъ „отнятіемъ жицота“, кнутомъ и пытками. Напротивъ, дворянскіе наказы просили не ограничивать права наказанія крѣпостныхъ, предоставивъ помѣщикамъ слѣдующія наказанія: отдачу въ рекрутъ, ссылку на поселеніе и въ каторжныя работы, кнутъ, и плети, а ливенскій наказъ даже ходатайствовалъ „не ставить въ вину дворянину смерть бѣлага крестьянина, вслѣдствіе наказанія“. Проектъ нижняго рода государственныхъ жителей, составленный комиссіей 1767 года, выражается довольно неопределенно о правѣ наказывать крѣпостныхъ, а именно: „хотя помѣщики и власти за упрямство и непослушаніе, и за другія вины могутъ налагать и исполнять всякія наказанія, однако, не имѣютъ права жестоко ихъ наказывать, но наблюдать умѣренность, чтобы тѣмъ наказаніемъ не повредить членовъ и не лишить жизни“. Любопытно, что сознаніе необходимости урегулированія права наказанія крѣпостныхъ чувствовалось самими помѣщиками, какъ то видно изъ „уложеній“ и инструкцій послѣднихъ. Такъ, въ „пунктахъ, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ вотчинахъ управители, прикащики и старости за разныя преступленія крестьянъ наказывать“, составленныхъ графомъ Румянцевымъ въ 1751 году, мы встрѣчаемъ подробную регламентацію наказаній, а именно: за лѣнность и пьянство налагается штрафъ, за „бой безъ знаку“—также штрафъ (въ размѣрѣ 25 коп.) и, кромѣ того, трехдневное заключеніе въ сельской тюрьмѣ на цѣпи и батоги, за кражу—плети и конфискація имущества, за оскорблѣніе сельскихъ властей—штрафъ въ пользу обиженнаго и плети, за членовредительство—отдача въ рекрутъ и т. п.

Впервые съ урегулированіемъ въ законодательномъ порядке права наказанія крѣпостныхъ мы встрѣчаемся въ Сводѣ Законовъ. Правда, въ изданіи 1832 года говорится только о домашнихъ средствахъ наказанія и исправленія, притомъ безъ увѣчій и опасности для жизни наказываемаго, но за то въ изданіи 1845 года постановляется, что крѣпостные подвѣдомы какъ суду помѣщика, такъ и коронному суду. Въ составъ юрисдикціи первого суда входитъ разсмотрѣніе преступленій, не влекущихъ за собою лишенія правъ и направленныхъ противъ помѣщика, его семейства и его крѣпостныхъ. Остальные виды преступленій разматриваются въ коронномъ судѣ. Помѣщикъ пользуется правомъ налагать слѣдующія наказанія: розги до 40 ударовъ, палки до 15 ударовъ, заключеніе въ

сельской тюрьмѣ до 2 мѣсяцевъ и въ смирительномъ домѣ до 3 мѣсяцевъ, отдача въ арестантскія роты на срокъ до 6 мѣсяцевъ, а также въ рекруты и удаленіе навсегда изъ имѣнія съ представленіемъ въ распоряженіе губернскаго правленія.

Наконецъ, въ-восьмыхъ, помѣщику принадлежало право собственности на имущество крѣпостныхъ. Въ виду отсутствія закона, ограждающаго имущественные права крестьянъ, de jure все имущество послѣднихъ принадлежало ихъ господамъ, но de facto крестьяне обладали, пользовались и распоряжались своимъ имуществомъ, заключавшемся, какъ въ движимостяхъ, такъ и въ недвижимостяхъ, причемъ нерѣдко сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія богатства. „Крестьянинъ“, говоритъ Болтицъ, „имѣть свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ“. Однако, дворянство неоднократно высказывало желаніе на счетъ прямого и категорического постановленія закона касательно правъ помѣщика на имущество крѣпостныхъ. Съ такимъ постановленіемъ мы встрѣчаемся въ проектахъ Елизаветинской и Екатерининской комиссій. „Дворянство“, гласить первый, „имѣть надъ людьми и крестьянами своими и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія“. По второму проекту, за крестьянами признаются известныя имущественные права, но для осуществленія ихъ требуется согласіе помѣщика. Впрочемъ, второй проектъ, при разрѣшениі разматриваемаго вопроса, гораздо либеральнѣе первого, таъ какъ признаеть, что „всѣ, получаемыя отъ земли трудомъ крестьянъ, произрастенія принадлежать имъ собственно“; затѣмъ, въ случаѣ недоимокъ, помѣщикъ можетъ воспользоваться только такою частью имущества крестьянина, „которой-бы довольно было на уплату его доимки“; наконецъ, продажа крѣпостныхъ обязательно должна происходить вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ. Однако, признаніе въ законодательномъ порядке за крѣпостными права собственности произошло не раньше 1848 года, когда крестьянамъ было разрѣшено, съ согласія помѣщика, пріобрѣтать на свое имя всякое имущество.

Что касается до обязанностей помѣщиковъ въ отношеніи крѣпостныхъ, то ихъ было очень немногого, и въ сущности онѣ сводились къ двумъ, а именно: къ обязанности, подъ страхомъ наказанія штрафомъ, кормить и содержать крѣпостныхъ въ голодное время и обязанности не мучить и не разорять ихъ, подъ страхомъ попасть въ подопечное состояніе.

О первой обязанности говорить не мало указовъ, предписывая помѣщикамъ содержать своихъ крестьянъ, для чего имѣть годовой запасъ хлѣба на случай неурожая и не допускать крѣпостныхъ до нищенства, равно какъ и не отпускать на волю больныхъ и стариковъ. Надзоръ за исполнениемъ названной обязанности возлагался на мѣстныя власти (указы 1735, 1761, 1767 и 1782 г.г.). Сводъ Законовъ подтвердилъ эти постановленія, предписавъ штрафовать помѣщиковъ за каждого нищаго крѣпостнаго. О второй обязанности также говорить не мало памятниковъ. Такъ, уже Петръ I предписалъ инструкціей 1719 г. воеводамъ отдавать подъ „начальъ“ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые „своимъ деревнямъ безпутные раззорители суть и вотчины свои раззоряютъ, налагаю на крестьянъ всякия несносныя тяжести и въ томъ ихъ бываютъ и мучатъ“, а имущество ихъ передавать наследникамъ. Воеводы и земскіе комиссары должны были наблюдать за помѣщиками и о „раззорителяхъ“ докладывать Сенату. Та же обязанность была возложена Учрежденіемъ о губерніяхъ на губернаторовъ, которые должны были „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и раззорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокость“. Въ виду же неопределенноти названного постановленія, въ царствованіе Александра I было разъяснено, что надъ жестокими помѣщиками учреждается опека, причемъ учрежденіе послѣдней является функцией, согласно закону 1817 года, генераль-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, а согласно закону 1822 года, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей совмѣстно съ дворянскими собраниями. Въ 1826 году состоялся весьма знаменательный манифестъ, въ которомъ имп. Николай I, констатируя, что до него дошли свѣдѣнія, „несогласныя съ примѣрами, которыми помѣщики должны быть руководимы ихъ обязанностями христіанъ и вѣрноподданныхъ“, вмѣняетъ дворянству въ „обязанность“ христіанскоѳ и законное обращеніе съ крестьянами. Надзоръ же за такимъ обращеніемъ вручается дворянскимъ предводителямъ, обязаннымъ „навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства объ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами“. Предводители должны усовѣщевать жестокихъ помѣщиковъ и, въ случаѣ непослушанія, доводить до свѣдѣнія начальниковъ губерній. Наконецъ, законами 1829 и 1837 г.г. наложеніе опеки стало опять функцией начальниковъ губерній, притомъ не только военныхъ, но

и гражданскихъ, выполнившихъ ее совмѣстно съ предводителями, причемъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ наложенія опеки объ этомъ доводилось до свѣдѣнія Сената. Однако, на практикѣ эти мѣры ни къ чему не приводили, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что крѣпостные лишены были права жаловаться на помѣщиковъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ и вѣчной каторги, какъ то было постановлено указомъ 1767 г.

Заключаемъ очеркъ юридического положенія крѣпостныхъ обозрѣніемъ тѣхъ правъ, какія были оставлены за ними законодательствомъ изучаемаго периода. Такъ, еще по Уложенію 1649 г. крѣпостные пользовались правомъ иска и отвѣта на судѣ (ст. 38 гл. XVIII). Однако, на практикѣ это право постоянно нарушалось помѣщиками. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ въ „уложеніи“ кн. Орлова: „всѣмъ рядовымъ крестьянамъ запрещается входить самимъ въ тяжебныя дѣла; если они живутъ дома, то относились бы по онѣмъ къ начальству своему, а начальство, разсмотря и посовѣтуясь съ смышленными людьми—или самъ проситель сіе сдѣлаетъ—представляло бы въ контору мою“. Точно также по Уложенію 1649 года крѣпостные могли свидѣтельствовать на судѣ, и показанія ихъ, какъ и показанія членовъ другихъ сословій, принимались во вниманіе (ст. 159 гл. X). Законодательство XVIII столѣтія не отрицаетъ этого права за крѣпостными, но значительно ограничиваетъ его; такъ, Воинскій уставъ допускаетъ свидѣтельство крѣпостного по дѣлу своего господина, но только въ случаѣ отсутствія другихъ, болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей. Затѣмъ, въ области торговли крѣпостные пользовались тѣми же правами, какъ и государственные крестьяне, т. е., безъ записи въ гильдію, были лишены всякихъ торговыхъ правъ. Кроме того, находясь въ зависимости отъ помѣщиковъ, они могли записываться въ гильдію не иначе, какъ представивъ отпускныя письма отъ своихъ господъ (указъ 3 Января 1762 года, отмѣнившій постановленія указа 13 Февраля 1748 года, по которому крѣпостной, обладающій имуществомъ цѣнностью отъ 300 и болѣе рублей, могъ записываться въ купечество безъ позволенія помѣщика и съ уплатою послѣднему обыкновенного оброка, а „не по богатству“). Большинство дворянскихъ наказовъ 1767 года ходатайствовало о расширеніи торговыхъ правъ крестьянъ, стоя на точкѣ зренія необходимости разрѣшить крѣпостнымъ продолжу разныхъ предметовъ (перечисляемыхъ въ наказахъ),

какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ. Только нѣкоторые дворянскіе и, конечно, всѣ купеческіе наказы просили объ изданіи постановленія, по которому „во всемъ государствѣ дворовыми людьми и крестьянамъ никакими товарами въ городахъ и уѣздахъ не торговать, а упражняться единственно въ земледѣльчествѣ, ибо оный торгъ принадлежить до купечества“ (крапивинскій наказъ). Жалованная грамота городамъ разрѣшила крестьянамъ, какъ въ городахъ такъ и въ уѣздахъ, торговать только „своими произрастеніями и руководствами“, запретивъ веденіе всякой иной торговли. Въ связи съ торговыми правами находилось право обязываться заемными письмами, но не векселями, причемъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ требовалось согласіе помѣщика (указъ 1761 года). Городскіе наказы при разрѣшеніи этого вопроса, стремились расширить права крестьянъ, предоставивъ имъ право обязываться и векселями. Что касается до права вступать въ подряды и откупа, то оно въ отношеніи вина было предоставлено крѣпостнымъ по указу 13 Февраля 1774 года, причемъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ требовалось поручительство помѣщика въ исправномъ платежѣ откупной суммы крестьяниномъ. Кромѣ перечисленныхъ, крѣпостные пользовались еще слѣдующими правами: на безчестіе, на вступленіе въ военную службу и на отлучку. Еще Уложеніе 1649 года опредѣлило взимать за оскорблѣніе крѣпостного безчестіе въ размѣрѣ одного рубля. Ничтожный размѣръ штрафа (въ XVII столѣтіи деньги были дороже, чѣмъ въ XVIII столѣтіи) побудилъ нѣкоторые дворянскіе наказы ходатайствовать объ „удвоеніи“ или „утроеніи“ послѣдняго, но только при условіи нахожденія крестьянина въ деревнѣ, а не въ городѣ, что „отвратить побои и нападки отъ проѣзжающихъ и принудить крестьянъ къ деревенскому житию“. Право на поступленіе въ военную службу безъ согласія помѣщиковъ было даровано указомъ 7-го Марта 1721-го года. Однако, въ 1742 году (указъ 2-го Іюня) это право было уничтожено, и правительство „наикрѣпчайше подтвердило, чтобы впредь помѣщиковъ люди отнюдь записки въ военную службу не просили“ подъ страхомъ „жестокаго“ наказанія внутомъ съ ссылкою въ каторжныя работы. Право на отлучку изъ мѣста жительства было урегулировано указомъ 1724 года, по которому отлучка не далѣе 30 верстъ разрѣшалась крѣпостнымъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ отъ помѣщика, далѣе же 30 верстъ требовалась еще подпись земскаго коммиссара. Послѣднее условіе

было уничтожено въ 1744 году, когда для отлучекъ далѣе 30 верстъ стали выдаваться особые печатные паспорты отъ губернаторовъ.

Ж. Крестьянский вопросъ. Не смотря на сильное раз-
витіе крѣпостного права въ императорскомъ періодѣ, луч-
шіе люди того времени, начиная съ Екатерины II, по-
стоянно озабочивались разрѣшеніемъ вопроса объ улч-
шеніи участіи крѣпостныхъ и даже объ освобожденіи ихъ
отъ крѣпостной зависимости. Уже въ концѣ XVII ст.
извѣстный фаворитъ царевны Софьи, князь В. В. Голицынъ,
человѣкъ европейски образованный, мечталъ объ освобожденіи
крестьянъ. „Цѣлью князя“, говоритъ французъ Невилль, по-
сѣтившій въ то времена Москву, „было поставить Россію на
одну доску съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о прочихъ европейскихъ державахъ
и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ кресть-
янъ и предоставлениемъ имъ тѣхъ земель, которыхъ они
обработываютъ, съ пользою для царя за ежегодный оброкъ“.
Того же желалъ и современникъ Петра I Просошковъ, когда
писалъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы,
того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ
владѣлецъ всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ време-
ненно; и того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ раз-
зорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, что-
бы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, по-
неже крестьянское богатство—богатство царское“. Въ виду
этихъ соображеній, Просошковъ высказался за опредѣленіе
нормы оброка и барщины.

Наконецъ, и Екатерина II въ своемъ Наказѣ коснулась
крестьянского вопроса ¹⁾). Вотъ что гласить, напр., ст. 250
XI гл.: „гражданское общество, какъ и всякая вещь, тре-
буетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ
которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повину-
ются, и сie есть начало всякаго рода покорности. Сie бы-
ваетъ больше или меныше облегчительно, смотря по состоя-
нию служащихъ“. Всѣдствіе же того, что, естественный за-

¹⁾ Еще раньше въ бытность свою великой княгиней, Екатерина писала въ своихъ замѣткахъ, что „противно вѣрѣ христіанской и справедливости дѣлать небольшими людѣй“, такъ какъ „они всѣ рождаются свободными“. Тогда же будущая императрица высказалась за необходимость постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, пере-
ходящихъ въ руки нового владѣльца (Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. I, стр. 11).

конъ повелѣваетъ намъ (т. е. императрицѣ) заботиться о благополучіи всѣхъ людей, мы должны стараться обѣ облегченія положенія названныхъ подвластныхъ людей". Далѣе Наказъ выскаживается за необходимость избѣгать случаевъ отдачи людей въ неволю, „развѣ крайняя необходимость заставитъ поступать такимъ образомъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной". Затѣмъ (читаемъ далѣе) „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе, съ одной стороны, предостергали бы опасности, могущія оттуда произойти, такъ какъ несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены устанавливать жестокіе законы". Наконецъ, Наказъ выскаживается за установление частной собственности крѣпостныхъ. Такъ, ст. 261, говорить, что „законы могутъ учредить нечто полезное для собственного рабовъ имущества". Русскій текстъ этой статьи крайне туманенъ и неясенъ. Лучше всего разматриваемое мѣсто передано по нѣмецки, а именно: die Gesetze knnen dadurch etwas Gutes stiften, wen sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen". Иначе говоря, императрица желала, чтобы, въ случаѣ оставленія крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи, за ними было утверждено право имѣть свою собственность. Въ XIII гл. также говорится о необходимости частной собственности для крестьянъ. „Не можетъ земледѣльчество", читаемъ здѣсь, „прочѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣеть ничего собственнаго. Сie основано на правилѣ весьма простомъ: всякий человѣкъ имѣеть болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагается ста-ранія о томъ, въ чёмъ опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ". Въ Наказѣ встрѣчаются такія статьи, затронывающія вопросъ обѣ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными. „Кажется еще", читаемъ въ другомъ мѣстѣ Наказа, „что новозаведенный способъ дворянъ сбирали свои доходы уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пять рублей, не смотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги". „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ дома и семейства; тѣмъ бы распространилось болѣе земледѣліе, и число бы на-

рода въ гоударствѣ умножилось. Многіе, пользуясь удобностью говорить, но, не будучи въ силахъ испытать въ тонкости о томъ, о чёмъ говорять, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи; также и то: чѣмъ большія отъ нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыхъ всегда пагубу приносили и всегда будуть причинять гибель самодержавнымъ государствамъ“.

Было уже сказано, что въ первоначальной редакціи Наказа статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, но что въ печатной редакціи они исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, которымъ императрица читала свой Наказъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ изъ черновой рукописи Наказа мы встрѣчаемъ слѣдующія мысли по поводу крѣпостныхъ: „законы должны о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости и въ болѣзни не были оставлены... Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Желательно, чтобы можно было закономъ предписать въ производство сего (т. е. суда помѣщика надъ крестьянами), по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насилии“. Далѣе высказывается желаніе организовать судъ изъ „крестьянъ для уменьшения домашней суровости помѣщиковъ или слугъ или посылаемыхъ на управление деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству“... Затѣмъ, „могутъ еще законы опредѣлить урочное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ“. Наконецъ, необходимо гарантировать крѣпостнымъ право на имущество для того, „чтобы они имѣли возможность выкупиться на свободу“; кромѣ того, необходимо еще точно опредѣлить въ законѣ, сколько крѣпостной долженъ платить господину за свое освобожденіе.

Эти мысли, а также и другія до насъ не дошедшия, вызвали сильную оппозицію со стороны близкихъ къ императрицѣ лицъ. Выразителемъ ея, между прочимъ, былъ извѣстный Сумароковъ, возраженія которого на Наказъ до насъ дошли. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя“, писалъ Сумароковъ, „свѣдные люди ни повара, ни кулинара, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія беззѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ

ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань”¹⁾.

Вопросъ о крѣпостныхъ, какъ уже извѣстно, былъ затронутъ и въ законодательной комиссіи 1767 года, и пренія по поводу него продолжались цѣлый мѣсяцъ. Инициаторомъ возбужденія вопроса былъ извѣстный поручикъ Коробынъ, произнесшій большую рѣчь, посвященную улучшенію участіи крѣпостныхъ, какъ обѣ этомъ было сказано выше. Предложеніе Коробына вызвало горячія дрекія, продолжавшіяся въ теченіе мѣсяца, въ которыхъ приняли участіе до 20 депутатовъ, причемъ 8 высказалось за предложеніе и 12 — противъ. Изъ рѣчей наиболѣе замѣчательны — князя Щербатова и капитана Чаадаева, говорившихъ противъ, и крестьянина Чупрова, маюра Козельскаго и однодворца Маслова, говорившихъ за предложеніе Коробына. Щербатовъ отрицалъ необходимость улучшенія быта крестьянъ вообще и дарованія имъ права собственности на землю въ частности. „Откуда взять земли“, воскликнулъ онъ, „если у помѣщиковъ, то это значитъ лишить ихъ кровью приобрѣтенного“. „Нѣть и изображеніе сего довольно, мню, самаго неправосудного въ ужасъ приводить“. Чаадаевъ же назвалъ предложеніе Коробына мечтою, такъ какъ „не стѣсненіемъ власти благонравныхъ помѣщиковъ, но исправленіемъ злонравныхъ благоденствіе земледѣльцамъ доставить можно“. Изъ рѣчей защитниковъ Коробына болѣе всѣхъ выдается рѣчь Козельскаго. Онъ энергично поддерживалъ мысль о необходимости дарованія крестьянамъ владѣнія потомственno землею безъ участія помѣщиковъ, такъ какъ „теперь крестьянинъ впередѣ знаетъ, что все, что бы ни было у него, то ни его, а помѣщиковъ; каковому человѣку надобно въ такомъ случаѣ быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И какъ ему надобно быть добронравну и добродѣтельну, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ семъ насилии онъ принужденъ и себѣ доброхотствовать, и оттого и пынствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣнности. И верховная власть не требуетъ болѣе опредѣленной всякому службы; желать владѣть крестьянами безпредѣльно — значитъ желать большаго“. Мас-

¹⁾ На это возраженіе императрица замѣтила: „г. Сумароковъ хороший поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольної въ мысляхъ не имѣть“.

ловъ же предложилъ всѣхъ крѣпостныхъ передать въ казенное управлѣніе, для чего учредить особую комиссію, должностную ю вѣдать ихъ въ административно-судебномъ отношеніи и уплачивать за нихъ оброкъ помѣщикамъ.

Какое же мнѣніе было самой комиссіи? Въ виду того, что ей не пришлось высказаться по разсматриваемому вопросу баллотировкою, мы имѣемъ только юсвенныя указанія на отношенія ея къ этому дѣлу, добытыя путемъ сопоставленія полученныхъ Коробинымъ и его противниками избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ при баллотировкахъ въ члены частныхъ комиссій, въ чемъ, естественно, выражалась, по справедливому замѣчанію профессора Сергеевича, произведшаго указанныя сопоставленія, степень сочувствія депутатовъ къ баллотируемымъ¹⁾. Число избирательныхъ шаровъ у Коробина возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ разгорается споръ по поводу его предложенія. Онъ баллотировался еще до возбужденія вопроса о крѣпостныхъ, и тогда былъ забаллотированъ, получивъ 102 избирательныхъ голоса изъ 221. Вторично онъ баллотировался въ день возбужденія имъ вопроса о крѣпостныхъ и получилъ 174 избирательныхъ изъ 287, т. е., былъ избранъ большинствомъ 61 голоса. Въ третій разъ, при новой баллотировкѣ, въ самый разгаръ преній по поводу его предложенія, онъ получилъ уже 260 избирательныхъ голосовъ изъ 306. Такимъ образомъ, ясно, что громадное большинство депутатовъ было на сторонѣ Коробина, тѣмъ болѣе, что одновременно съ увеличеніемъ бѣлыхъ шаровъ у него увеличивается число черныхъ шаровъ у его противниковъ.

Однако, изъ факта возбужденія вопроса о крѣпостныхъ при Екатеринѣ II, не смотря на благія намѣренія самой императрицы, ровно ничего не вышло. Комиссія 1767 года ничего не сдѣлала, и мысли Наказа не попали въ законодательство. Мало того, можно, не ошибаясь, утверждать, что царствованіе Екатерины II значительно способствовало усиленію крѣпостного права, главнымъ образомъ благодаря раздачѣ населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, широко практиковавшейся Екатериной, прикрепленію малороссийскихъ крестьянъ и дарованію некоторыхъ новыхъ правъ помѣщикамъ въ отношеніи крѣпостныхъ.

Это усиленіе крѣпостного права вызвало сильную реакцію въ народѣ, выразившуюся въ пугачевскомъ бунтѣ, тѣмъ

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по истории русского права, стр. 650.

болѣе, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ послѣдняго было освобожденіе крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ. Вотъ, что писалъ Пугачевъ въ своемъ манифестѣ отъ 31 Июня 1774 года: „жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ у помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами нашей короны и награждаемъ... вольностью и свободою, не требуя реєрутскихъ поборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными и сѣнокосными угодьями безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ всѣхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей“. Въ рѣчи своей въ Саратовѣ Пугачевъ указывалъ, какъ на главный поводъ изверженія своего съ престола, на желаніе его уничтожить крѣпостное состояніе, чѣму воспротивились дворяне и его жена, т. е., императрица Екатерина II. Послѣ подавленія мятежа и въ средѣ правительства наступила реакція, выразившаяся въ охлажденіи Екатерины II къ крестьянскому вопросу. Въ концѣ царствованія эта реакція достигла апогея своего развитія, что, между прочимъ, отразилось на судьбѣ злополучнаго Радищева, приговореннаго къ смертной казни (она, впрочемъ, не была приведена въ исполненіе) за изданіе имъ своего извѣстнаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, въ которомъ онъ высказался за необходимость освобожденія крестьянъ.

Въ царствованіе Александра I правительство впервые сдѣлало нѣкоторые шаги по пути къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, тѣмъ болѣе, что самъ государь былъ убѣжденнымъ сторонникомъ эманципаціи. Такъ, изъ рѣчи имп. Николая, произнесенной имъ въ Государственномъ совѣтѣ въ 1842 году, мы знаемъ, что „его предшественникъ на мѣренъ былъ въ началѣ царствованія даровать свободу крѣпостнымъ людямъ“. Затѣмъ, до насъ дошли слова самого императора Александра, сказанныя имъ нѣсколькимъ лицамъ, а именно: „видите ли, (государь указалъ при этомъ на печать съ изображеніемъ пчелъ вокругъ улья), это девизъ мой и моей бабушки (т. е., Екатерины II); я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ, я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь“. Наконецъ, когда, послѣ окончанія войны 1812 года, извѣстный Шишковъ поднесъ императору Александру для подпиши проектъ манифеста, въ которомъ выражалось желаніе го-

судара о продолженіи существованія связи между помѣщи-
ками и крестьянами, „столь свойственной русскимъ нравамъ
и добродѣтелямъ“, и въ силу которой помѣщики „отечески
о крестьянахъ, яко о чадахъ своихъ, заботятся“, а крестья-
не, „яко усердные домочадцы, исполняютъ свои сыновнія обя-
занности и долгъ“, то государь отказался подписать его,
заявивъ, что это было бы „противно его совѣсти“ и что съ
идеями манифеста „онъ ни мало не согласенъ“.

Въ виду такого отношенія государя къ вопросу объ ос-
вобожденіи крестьянъ, можно было ожидать, что этотъ по-
слѣдній будетъ до извѣстной степени разрѣшенъ. Дѣйстви-
тельно, имп. Александръ къ этому стремился, о чёмъ сви-
дѣтельствуютъ многіе факты, напр., возбужденіе вопроса въ
„неофиціальномъ комитѣтѣ“, состоявшемъ изъ близкихъ къ
государю лицъ и собиравшемся у него во дворцѣ, обсужденіе
его въ Государственномъ совѣтѣ (въ 1820 г.) и, нако-
нецъ, порученіе со стороны государя нѣкоторымъ лицамъ
составить проекты освобожденія крестьянъ. „Неофиціаль-
ный комитѣтъ“, будучи занятъ другими дѣлами, удѣлилъ
крестьянскому вопросу сравнительно не много времени, вы-
сказавшись за необходимость улучшенія быта крѣпостныхъ.
До насъ дошла рѣчь графа Строганова, въ которой онъ до-
вольно энергически настаивалъ въ комитѣтѣ на этой необ-
ходимости. „Нужно бояться не дворянъ, но крестьянъ“, го-
ворилъ Строгановъ, „они вездѣ одинаково чувствуютъ тажесть
своего рабства, вездѣ мысль о неимѣніи собственности по-
давляетъ ихъ способности и производить то, что ихъ про-
мышленная дѣятельность для народнаго благосостоянія нич-
тожна, ихъ способности не получаются полнаго развитія... но
дають имъ чувствовать вполнѣ тажесть бремени, ихъ гнету-
щаго. Съ самаго дѣтства они преисполнены ненавистью
къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ“. При обсужденіи
крестьянскаго вопроса въ Государственномъ совѣтѣ въ 1820
году ярымъ оппонентомъ всякаго улучшенія быта крѣпост-
ныхъ выступилъ Шишковъ, произнесшій большую рѣчу про-
тивъ предполагавшагося запрещенія продажи крестьянъ безъ
земли. Въ особенности вооружился онъ противъ словъ „духъ
времени“, имѣвшихъ мѣсто въ проектѣ, внесенномъ въ Го-
сударственный совѣтъ. „Подъ словомъ — „духъ времени“, го-
ворилъ Шишковъ, „часто разумѣется общее стремление къ
своевольству и неповиновенію... Гдѣ же правительство твер-
до и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени,

а не духъ времени ими". Вслѣдствіе этой оппозиціи, проектъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли былъ взятъ обратно, и Государственный совѣтъ ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта послѣднихъ.

Что касается до проектовъ освобожденія крѣпостныхъ, то такихъ было представлено государю нѣсколько, причемъ два (Киселева и Аракчеева) по желанію самого Александра. Киселевъ въ основу своего проекта положилъ слѣдующую мысль: „гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія; истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколь желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ ею". Но высказавъ такое положеніе, Киселевъ сталъ на точку зреінія постепенности ограниченія правъ помѣщиковъ и освобожденія крестьянъ. Аракчеевъ въ своемъ проектѣ предложилъ выкупъ крѣпостныхъ государствомъ, по соглашенію съ помѣщиками, для чего казна должна была ежегодно отпускать 5 миллионовъ руб. Третій проектъ, принадлежавшій Мордвинову, также стоялъ за выкупъ, но произведенный самими крестьянами по особой тарифѣ: за дѣтей до 5 лѣтъ по 100 руб., до 10 лѣтъ—по 200 руб., до 20 лѣтъ по 600 руб., до 50 лѣтъ—по 1000 и до 60 лѣтъ—по 500 руб. „Цѣна", говоритъ Мордвиновъ, „должна быть ближе къ высокой нежели къ низкой для возбужденія трудолюбія"; „также мирное прохожденіе изъ зависимаго состоянія въ свободное никакому другому сословію не навлечетъ непріятностей и потерь: крестьяне получатъ свободу, помѣщики останутся полными владельцами земли своей и съ денежнѣмъ, еще капиталомъ". Четвертый проектъ, составленный Канкринымъ, также высказался за необходимость выкупа самими крестьянами, но въ теченіе 60 лѣтъ (съ 1819 по 1880 г.г.).

Однако, изъ всѣхъ названныхъ проектовъ ровно ничего не вышло, и единственno, что было сдѣлано при Александрѣ I въ интересахъ крестьянъ, это—изданіе указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20 Февр. 1803 г. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году графъ Румянцевъ подалъ государю записку, въ которой, указавъ на то, что „многіе помѣщики находять выгоднымъ для себя давать свободу нѣкоторымъ крестьянамъ за известную плату", и что „они охотно уволили бы и цѣлое селеніе, если бы это оказалось выгоднѣе продажи крѣпостныхъ", просилъ „дозволить помѣщикамъ освобождать цѣлые селенія,

утверждала крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо или же всю дачу за обществоомъ на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и съ обоюдою пользою⁴. При записѣ Румянцевъ приложилъ и проектъ условій, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами. Государь передалъ его на разсмотрѣніе Государственного совѣта, одобравшаго проектъ, который и легъ въ основу указа 1803 года. На основаніи его, помѣщикамъ разрѣшалось отпускать на волю крѣпостныхъ: по одиночкѣ или цѣлымъ селеніемъ, притомъ съ утвержденіемъ за ними на право собственности участка земли или цѣлой дачи, но на извѣстныхъ условіяхъ, представляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ черезъ губернскаго предводителя дворянства и министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя. Эти условія могли быть трехъ родовъ: 1) единовременная уплата крестьянами капитала, при совершенніи отпускной, 2) разсрочка уплаты на извѣстное число лѣтъ и 3) отправленіе со стороны крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣленныхъ повинностей въ теченіе извѣстнаго срока. При несоблюденіи указанныхъ условій, крестьяне возвращались обратно въ крѣпостное состояніе.

Практическія послѣдствія указа 1803 года были весьма незначительны; такъ, при Александрѣ I, на основаніи его, было освобождено только 47000 душъ крестьянъ, а всего, до вступленія на престолъ Александра II, — 114,000. Разсматривая случаи освобожденія при Александрѣ I, мы видимъ слѣдующее: 17 помѣщиковъ освободили своихъ крестьянъ безъ всякой платы, остальные — или съ платою, причемъ minimum вознагражденія былъ 139 руб. съ души, maximum 5000 съ души, или съ возложеніемъ на крестьянъ извѣстныхъ повинностей, а именно: въ однихъ случаяхъ оброка до смерти помѣщика (отъ 6 до 20 р. съ души), въ другихъ — барщины также до смерти помѣщика.

Кромѣ указа 1803 года, при Александрѣ I были еще изданы въ 1816 и въ 1818 г. г. два указа, на основаніи которыхъ состоялось освобожденіе, но безъ земли, крестьянъ Остзейского края.

Императоръ Николай I также былъ сторонникомъ уничтоженія крѣпостного права, хотя и не сразу, но постепенно, въ теченіе извѣстнаго времени. Вотъ, что онъ говорилъ графу Киселеву въ 1834 г.: „видишь ли (государь указалъ на картонъ, стоявшіе на полкахъ его кабинета), здѣсь я,

со вступлением своего на престолъ, собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи. Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ о преобразованіи крѣпостного права, и ни одинъ не отнесся къ этому съ прямымъ сочувствіемъ. Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи". Затѣмъ 30 Марта 1842 г. государь произнесъ рѣчъ въ Государственномъ совѣтѣ, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „нѣть сомнѣнія, что крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощущительное и очевидное... и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда"; вслѣдствіе чего, „необходимо пріготовить средства для постепенного перехода къ иному порядку вещей". Точно также, присутствуя на засѣданіи комитета, учрежденного для улучшения быта дворовыхъ, въ 1844 году, государь заявилъ, что „мысль объ измѣненіи крѣпостного состоянія никогда не оставляла его съ самаго вступленія на престолъ", и что, считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился начать съ улучшенія быта дворовыхъ людей. Однако, съ другой стороны, имп. Николай считалъ землю исключительною собственностью дворянства и отвергалъ всякую мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею. „Я ясно выразилъ мысль мою", сказалъ государь предводителямъ смоленского дворянства въ 1847 г., „что земля, заслуженная нами дворянами или предками нашими, есть наша дворянская; замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ". Тѣ же мысли развидалъ государь и въ другой своей рѣчи, сказанной депутатамъ петербургскаго дворянства въ 1848 г.: „Я объявилъ", замѣтилъ, между прочимъ, Николай I, „что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину помѣщику; это—вещь святая, и никто къ ней прикасаться не можетъ".

Изучаемое царствованіе было обильно всевозможными секретными комитетами по крестьянскому вопросу. Такихъ комитетовъ въ разное время было учреждено девять, но только дѣятельность комитета 1839—1842 г. г. привела къ известнымъ практическимъ результатамъ. Послѣдній былъ учрежденъ съ цѣлью уничтоженія затрудненій выхода изъ крѣпостного состоянія, причемъ дѣятельность его главнымъ образомъ свелась къ обсужденію записки графа Киселева, одоб-

ренной государемъ¹⁾. Основнымъ положеніемъ записки было слѣдующее: „увольненіе крестьянъ съ землею требовало перехода всей недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ пользу низшаго сословія; послѣдствіемъ сей мѣры было бы уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи изъ людей, перешедшихъ изъ крѣпостного состоянія. Послѣ сего не нужно, кажется, особыхъ доказательствъ, сколь сія мѣра противна государственному устройству; въ которомъ дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть съ народомъ, должно исключительно пользоваться правомъ владѣнія заселенными землями, да-бы, сохранивъ вліяніе свое на массу народа и обеспечивъ свое существованіе, быть въ возможности исполнять высокое назначеніе свое на службу престолу“. Высказавъ этотъ основной принципъ, Киселевъ предложилъ освободить крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ: „помѣщики, сохранивъ за собой право вотчинной собственности на землю, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ определенною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ. Исполненіе повинностей, опредѣляемыхъ инвентаремъ, обеспечивается круговою отвѣтственностью крестьянъ и содѣствиемъ правительства посредствомъ судебной власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правами, предоставленными закономъ сельскому управлению, какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ... Уволенные такимъ образомъ крестьяне по отношенію къ владельцамъ земли получаютъ название обязанныхъ крестьянъ“. Что касается до повинностей послѣднихъ, то Киселевъ, а за нимъ и комитетъ высказались за необходимость ограничения ихъ въ законодательномъ порядке. „Число рабочихъ дней въ пользу помѣщика“, читаемъ въ записѣ, „должно быть опредѣлено въ такой мѣрѣ, чтобы дѣньность работы соответствовала пространству надѣла землею. Во всякомъ случаѣ, надѣлъ приводится въ такую соразмѣрность, чтобы повинности крестьянъ не превышали установленныхъ трехъ дней

¹⁾ По прочтеніи записки, государь написалъ на ней слѣдующее: „читаль съ полнымъ удовольствиемъ и особымъ вниманіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажутся весьма справедливы и основательны; я не нашелъ сдѣдать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внести въ комитетъ“.

съ работника въ недѣлю. Мѣра дневной работы опредѣляется особымъ урочинымъ положеніемъ по различнымъ полосамъ и съ тѣми измѣненіями, какія по свойству почвы необходимы".

Записка Киселева, по обсужденію комитета, поступила на разсмотрѣніе Государственного совѣта и затѣмъ была положена въ основу указа 1842 г. (2 Апрѣля) объ обязанныхъ крестьянахъ. Цѣлью его было освобожденіе крестьянъ на такихъ условіяхъ, "чтобы принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ". Въ виду этого, основныя положенія проекта комитета вошли въ содержаніе указа и получили такимъ образомъ законодательную санкцію. Однако, сравнивая указъ съ проектомъ, мы видимъ, что въ одномъ пункте они существенно разошлись между собою, это именно въ разрѣшеніи вопроса о повинностяхъ крестьянъ. Указъ отвергъ необходимость ограничения послѣднихъ законодательнымъ порядкомъ, предоставивъ опредѣленіе ихъ въ договорахъ по взаимному соглашенію сторонъ. „Повинности, гласить указъ, могутъ быть опредѣлены въ договорахъ, денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли или другою работою".

Указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ также воспользовались очень немногіе, и на основаніи его было освобождено только 24000 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ стало очевиднымъ, что реформа, подобная освобожденію крестьянъ, могла произойти не по доброй волѣ помѣщиковъ, а только принудительнымъ путемъ. На этотъ путь и стало правительство имп. Александра II, признавшаго въ своей рѣчи, сказанной имъ предводителямъ московского дворянства въ Мартѣ 1856 года, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу". И действительно, названный путь привелъ Царя-Освободителя въ знаменательному дню 19 Февраля 1861 года, когда имя крѣпостныхъ крестьянъ навсегда исчезло изъ русскаго законодательства.

ГЛАВА III.

Государь.

24/м. Въ императорскомъ періодѣ мы впервые встрѣчаемся съ формулировкой власти государя въ законѣ, „Его Величество",

гласить Воинскій уставъ, „есть самовластный манархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣть свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомѣнію управлять“¹⁾. Съ такою же формулировкою власти мы встрѣчаемъ и въ Духовномъ регламентѣ „Монарховъ власть“, читаемъ здѣсь, „есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“. Но рядомъ съ этой законо-дательной формулировкою власти мы встрѣчаемъ также и ея теоретическую формулировку. Съ подобнымъ научно-философскимъ обоснованіемъ власти выступилъ Феофанъ Прокоповичъ въ извѣстной Правдѣ воли монаршой, написанной по порученію Петра. Основаніями для теоретической формулировки, изложенной въ Правдѣ, служатъ, во-первыхъ, современная политическая теорія и, во-вторыхъ, Св. Писаніе.

Въ XVII и XVIII ст. въ западной Европѣ господствующимъ политическимъ учениемъ была, такъ называемая, теорія естественного права, подробно разработанная въ сочиненіяхъ такихъ мыслителей, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Пuffendorfъ и др. Родоначальникомъ этой теоріи былъ Гуго Гроцій, впервые изложившій ее въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О правѣ войны и мира“. всякая власть выводится имъ изъ договора, благодаря которому всѣ люди, въ силу добровольного соглашенія, подчиняются опредѣленной власти и этимъ выходятъ изъ того естественного состоянія, въ которомъ они находились до заключенія договора. Послѣдній можетъ заключаться не только формально, но и нерѣдко существуетъ, какъ нечто подразумѣваемое и молча признанное всѣми. Такъ, покоренный народъ, подчиняясь побѣдителю, показываетъ этимъ, что признаетъ его власть. Подобный случай является примѣромъ молчаливаго соглашенія или подразумѣваемаго договора. По мнѣнію Гроція, всякая власть, въ какой-бы формѣ она не проявлялась, въ формѣ ли монархіи, аристократіи или демократіи, обязательно предшествуетъ договоромъ и основывается на немъ.

¹⁾ Названная формулировка власти государя буквально заимствована изъ шведского права, а именно изъ рѣшенія риксдага 1693 г. Вотъ что гласитъ послѣднее: „король есть самодержавно всѣмъ повелѣвающій суверенный король, который ни передъ кѣмъ на землѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія, по имѣть власть и силу по своему желанію и какъ христіанскій король править и царствовать своимъ государствомъ“ (Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 673).

Гоббесъ еще более развилъ этотъ договорный характеръ происхожденія власти, что у него послужило доказательствомъ для необходимости абсолютной формы правленія, убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ былъ. По мнѣнію Гоббеса, всякому государственному бытю предшествуетъ естественное состояніе, въ которомъ люди, одаренные по природѣ одинаковыми правами и побуждаемые эгоистическимъ стремлениемъ захватить въ свою собственность все то, что принадлежитъ всѣмъ, находятся въ положеніи войны всѣхъ противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*). Чтобы выйти изъ такого анархического состоянія, люди рѣшаются отказаться отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и заключаютъ между собою договоръ, по которому каждый, отказываясь отъ своихъ правъ, переносить ихъ на учреждаемую договоромъ власть. Заключеніемъ подобного договора превращается естественное состояніе и организуется государство, власть которого становится абсолютной, въ виду отказа отъ всѣхъ своихъ правъ со стороны подданныхъ. Вотъ почему, по мнѣнію Гоббеса, государь долженъ обладать неограниченной властью, а подданные не могутъ пользоваться никакими политическими правами.

Пуффендорфъ примыкаетъ къ учению Гоббеса, такъ какъ тоже видѣть въ заключеніи договора единственный способъ выйти изъ того анархического состоянія, въ которомъ пребываютъ люди, пользуясь своими естественными правами. Главное различие его теоріи въ этомъ отношенія заключается въ томъ, что договоръ, по его мнѣнію, является продуктомъ дѣятельности не отдельныхъ лицъ, но семействъ, которые также основываются путемъ договора, по временемъ предшествующаго политическому договору.

Вліяніе этихъ теорій сказалось на Правдѣ воли монаршей, и политической договоръ сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ зиждилась власть, съ точки зрѣнія Правды. „Сама наслѣдная монархія“, читаемъ въ Правдѣ, „имѣеть начало отъ первого въ народѣ согласія; сie-же глаголемъ не токмо о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, нѣ воспоминая здѣ монархіи оныхъ, которыхъ начала приняли отъ нѣкого превозмогающаго въ народѣ человѣка, насилиствіемъ народъ себѣ покорившаго, хотя и въ таковыхъ монархіяхъ, когда уже народъ непрекословно, безмѣтежно, еще-же и доброхотно повиноватися самодержцу своему пріобиѣ, разумѣти подобаетъ, что домъ монаршій не къ тому насилиствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданый

себѣ скіпетръ держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновенiemъ являеть на тое преклоненную волю свою“.

По мнѣнію составителя Правды, русскіе заключили между собою слѣдующій договоръ, въ которомъ выражалась „воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъявленная“: „согласно всемъ хощемъ, да ты (т. е. государь) къ общей нашей пользѣ владѣши надъ нами вѣчно, т. е. понеже смертенъ еси, тогда по тебѣ ты-же самъ впредь да оставляши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы-же единожды воли наше совлекшеся, никогда-же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніямъ одолжаемся и нашихъ по насть наслѣдниковъ тымже должествомъ обязуемъ“.

Вторымъ основаніемъ для теоретической формулировки власти государя являются слова Св. Писанія. Правда слѣдующимъ образомъ излагаетъ извѣстное ученіе о богоустановленности власти: „всякій государь, наслѣдіемъ или избраниемъ скіпетръ получившій, отъ Бога оный пріемлет—Богомъ бо цари царствуютъ и сильніи пишуть правду: отъ Господа дается имъ держава и сила. отъ Вышняго, владѣеть Вышній царствомъ человѣчимъ и ему-же восходитъ, даетъ его“.

Однако, авторъ Правды чувствуетъ необходимость согласовать оба ученія: договорную теорію и идею о богоустановленности власти, въ виду ихъ взаимнаго противорѣчія, и выходитъ изъ этого затрудненія провозглашеніемъ принципа: „глазъ народа—глазъ Божій“. „Народное согласіе“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Правда, „всегда и вездѣ есть слѣдствіе премудройствующаго смотрѣнія Божія“. „Вѣдати-же подобаетъ“, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, „что народная воля, какъ въ избирательной, такъ и въ наслѣдной монархіи и въ прочихъ правительства образахъ, бываетъ не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ Св. Писаніе, что есть власть, аще не отъ Бога. И того ради вся должества, какъ подданныхъ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ, не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божіей происходятъ“.

Послѣдствія, проистекающія изъ договора, касаются какъ народа, такъ и государя. Для народа они выражаются во-первыхъ, въ томъ, что онъ „долженъ безъ преисловія и доп-¹)танія вся отъ самодержца повелѣваемая творить“. Необходи-

мость этого проистекает уже изъ того, что „аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ ону монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы безъ всякой отговорки“. „Такимъ образомъ уставы и вслкіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просять, аки-бы свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго: истязуютъ-же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія“. Въ доказательство истинности послѣдняго положенія, Правда цитируетъ Св. Писаніе, которое велить „властямъ повиноваться не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“.

Второе послѣдствіе договора, касающеся народа, слѣдующее: „не можетъ народъ судить государя своего, иначе-бы имѣль-бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ государю своему“, „понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како можетъ законамъ человѣческимъ подлежати; аще-бы подлежала, не была-бы верховная; судацій бо другого не повинующійся уже есть, но властительствующій, яко-же вопреки повинующійся кому не можетъ судити того, которому повинуется“. Выводъ изъ всего сказанного слѣдующій: „явственно Духъ Святой, научая подданныхъ совершенного царя повиновенія, показуетъ, что власть царская весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ“. Иначе говоря, самодержавная власть „есть неподвижная, ни которому-же суду человѣческому не подлежащая, и весьма неприкосновенная; и сія то оной сила въ славной своей титлѣ „маестетъ“ или „величество“ содергится“.

Наконецъ, третье послѣдствіе слѣдующее: „не можетъ народъ повелѣвати что-либо монарху своему“. Истинность этого положенія доказывается словами римскаго императора Валентинiana, сказанными имъ войску: „меня избрati императоръ было въ вашей волѣ, но, когда уже избрали менѧ, сіе, чего желаете, не въ вашей, но въ моей волѣ есть; вамъ, яко подданнымъ, подобаетъ тихо, мирно пребывать; мнѣ-же, яко императору, смотрѣть надлежитъ, что есть на потребу“. „Если такъ“, прибавляетъ Правда, „свободенъ монархъ избранный, то вольми паче наследный, которому народъ волю свою и власть надъ собою во вѣки отдалъ“.

Что касается до послѣдствій изъ договора, касающихся государя, то они излагаются слѣдующимъ образомъ: „власть

верховная едину своего установленија вину конечную имѣть — всенародную пользу. Можетъ монархъ законно повелѣвать народу не токмо все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, лишь бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было. Сему-же могущество его основаніе есть то, что народъ правительской воли своей совлеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежитъ всякие обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пирораніяхъ, свадьбахъ, по-гребеніяхъ и прочая».

Самодержавная власть государя при Петре I, получивъ свою законодательную и теоретическую формулировку, существовала также и на дѣлѣ, такъ что въ этомъ отношеніи царствованіе первого русскаго императора представляетъ со-бою полную гармонію между теоріей и практикой. Власть государя въ это время уже не ограничивалась обычаемъ, на-противъ, великій реформаторъ Россіи объявилъ безпощадную войну всякимъ обычаямъ, равно какъ и старинѣ, основанной на нихъ. Такая реформа, какъ петровская, самымъ ради-кальнымъ образомъ видоизмѣнившая весь общественный и го-сударственный строй древней Россіи, могла быть совершена только самодержавнымъ государемъ. Вотъ почему, не рискуя ошибиться, можно назвать Петра первымъ русскимъ госуда-ремъ, обладавшимъ дѣйствительно самодержавной властью и провозглашавшимъ ее не только въ теоріи, какъ Иоаннъ IV, но и воспользовавшимся ею на практикѣ.

Однако, послѣ смерти Петра старыя традиціи стали снова оживать, и адепты ихъ, сдерживаемые при жизни первого императора его желѣзною рукою, почувствовавъ теперь отсут-ствіе этой руки, громко заявили о своемъ существованіи. Уже самое вступленіе на престоль Екатерины I-й напоминало со-бою государственный переворотъ. Она была „избрана“ на царство Сенатомъ, Синодомъ и „генералитетомъ“, т. е. учреж-деніями, въ составъ компетенціи которыхъ избраліе государя совершенно не входило. Вскорѣ послѣ этого былъ учрежденъ известный Верховный тайный совѣтъ, долженствовавшій, по мнѣнію современниковъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Россіи, ограничить власть государыни. Такъ, по словамъ французскаго посланника Кампредона, учрежденіе Верхов-наго тайного совѣта является „первымъ шагомъ къ перемѣнѣ формы правленія“, которая должна быть „подобною суще-

ствующей въ Швеціи или въ Англії“¹⁾. О томъ-же самомъ говорять и австрійскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ вѣнскому двору²⁾. Однако, слова иностранцевъ не совсѣмъ оправдались, такъ какъ *de jure* Верховный тайный совѣтъ не ограничилъ власти государыни. Напротивъ, по словамъ указа 1 Янв. 1727 г., онъ былъ „учрежденъ не для чего иного, только дабы въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ намъ (т. е. императрицѣ) вспоможеніе и облегченіе учинилъ“. Въ виду этого, протоколы и резолюціи совѣта, касающіеся по крайней мѣрѣ „важныхъ дѣлъ“, для полученія силы закона, должны были санкционироваться императрицею³⁾. Фактическое-же положеніе вещей было иное, такъ какъ въ продолженіи всего царствованія Екатерины I Верховный тайный совѣтъ имѣлъ огромное значеніе. Показателемъ этого послѣдняго, не говоря уже о другихъ фактахъ, можетъ служить фактъ ничтожнаго количества указовъ, изданныхъ одною императрицею, сравнительно съ количествомъ указовъ, прошедшихъ черезъ совѣтъ. По подсчету проф. Филиппова первые, притомъ большую частью касающіеся довольно узкой сферы личной дѣятельности императрицы, составляютъ менѣе одной четверти вторыхъ, относящихся до всѣхъ сторонъ государственной жизни⁴⁾.

То-же самое продолжало существовать, притомъ не только уже *de facto*, но и *de jure*, и при малолѣтнемъ Петрѣ II, когда Верховный тайный совѣтъ, согласно съ „Тестаментомъ“ Екатерины I, осуществлялъ всѣ функции регентства и обладалъ, по выражению пункта 5-го „Тестамента“, „полною властью правительствующаго самодержавнаго государя“. Естественно, что подобное положеніе вещей пришлось по вкусу членамъ совѣта или верховникамъ, какъ ихъ тогда называли. Поэтому, когда въ 1730 г. Петръ II скоропостижно скон-

1) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LVIII, стр. 186 и 256.

2) Брикнеръ, Русскій дворъ при Петрѣ II (Вѣстникъ Европы 1896 г., № 2).

3) См. 3-й пунктъ „Мнѣнія не въ указѣ“: „чтобы о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ, и не подписавъ, напередъ для апробаціи къ ея имп. величеству взносить... и какъ уже ея имп. величество изволили апробовать, тогда подписывать и въ дѣлѣ производить“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LL, стр. 96).

4) Филипповъ, Къ вопросу о Верховномъ тайномъ совѣтѣ, стр. 30.

чался, Верховный тайный советъ въ ночномъ засѣданіи съ 18 на 19 Января рѣшилъ избрать на русскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Ивановну (дочь царя Ивана Алексѣевича) и одновременно съ этимъ, по выражению кн. Дм. Мих. Голицына, „себѣ полегчить“ и „себѣ воли прибавить“. Для достижени¤ этой цѣли, верховники составили рядъ пунктовъ, получившихъ название кондицій, которые и отправили съ депутатіей въ Митаву, гдѣ въ то время находилась будущая императрица. Послѣдняя вынуждена была ихъ подписать. Эти пункты были слѣдующіе. Анна Ивановна обязывалась: 1) „содержать и распространять“ православіе; 2) „въ супружество во всю жизнь не вступать“; 3) наследника себѣ не назначать; 4) безъ согласія Верховнаго тайного совета войны не объявлять и мира не заключать; 5) подданныхъ новыми по-датами не отягощать; 6) въ чины выше полковника никого не производить; 7) гвардіи и арміи находиться въ вѣдѣніи Верховнаго тайного совета; 8) у дворянства жизни, имущества и чести безъ суда не отнимать; 9) вотчинами и деревнями никого не жаловать; 10) въ придворные чины никого не производить; 11) государственные доходы въ расходъ не употреблять, и 12) при несоблюдении одного изъ этихъ условій, императрица лишалась престола.

Названные пункты имѣли характеръ прелиминарныхъ условій, такъ какъ на ихъ основѣ долженъ былъ быть выработанъ цѣлый планъ государственного устройства. Авторомъ его явился инициаторъ всей затѣи — кназъ Дм. Голицынъ. По плану представителемъ верховной власти въ Россіи былъ Верховный тайный советъ; ему въ качествѣ такового принадлежали слѣдующія права: 1) въ области иностранной политики — право заключенія мира и договоровъ и объявление войны; 2) въ области администраціи — право назначенія на высшія должности и производство въ высшіе чины, право командованія войскомъ и управлениія финансами и 3) законодательство. По плану въ составъ совѣта должны были входить отъ десяти до двѣнадцати членовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій государства. Рядомъ съ нимъ, „для предварительного разсмотрѣнія дѣлъ“, существовалъ Сенатъ изъ 36 членовъ и сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ: шляхетской (изъ 200 членовъ) и городскихъ депутатовъ, для охраны правъ и интересовъ дворянства и торгово-промышленного класса. Что-же касается до императрицы, то ея роль ограничивалась предсѣдательствомъ въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, съ правомъ

на два голоса и съ нѣкоторыми правами въ области придворнаго управлениія¹⁾.

Въ то время, когда происходили переговоры между верховниками и герцогинею курляндскою, среди членовъ Сената и Синода, а также среди шляхетства, съѣхавшагося въ Москву въ огромномъ количествѣ по случаю похоронъ Петра II, начались волненія, и ясно опредѣлились две партіи: одна, стоявшая за самодержавіе, другая—за ограничение власти императрицы, но въ интересахъ шляхетства.

Къ первой партіи принадлежали: часть сенаторовъ и генералитета, часть шляхетства и все духовенство съ Феофаномъ Прокоповичемъ во главѣ. По словамъ соксонско-польского посланника Лефорта, среди членовъ этой партіи раздавались такие разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который мало-по-малу захватить въ свои руки бразды правлениія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководствоваться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія“.

„Боже сохрани, читаемъ въ одной запискѣ, направленной противъ верховниковъ, „что бы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десять самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и таѣ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и приуждены будемъ идолопоклонничать и милости просить у всѣхъ“. Заканчивается записка словами: „мы, среднее шляхетство, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ“. Болѣе всѣхъ агитировалъ въ пользу самодержавія авторъ „Правды воли монаршей“ Феофанъ Прокоповичъ.

„Русскій народъ“, говорилъ онъ, „таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣльствомъ хранимъ быть можетъ, а, если какое-нибудь иное владѣніе правило воспріиметь, содржаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь невозможно“.

Вторая партія, хотя и стояла за ограничение власти императрицы, но таѣ же была враждебно настроена къ вер-

¹⁾ Планъ въ подлинникѣ до насъ не дошелъ, и мы знаемъ о немъ на основаніи отзывовъ двухъ иностранныхъ резидентовъ: французскаго — Маньянна и англійскаго—Рондо (Корсаковъ, Водареніе имп. Анны Ивановны, стр. 179).

ховникамъ. Члены этой партии на особыхъ собранияхъ вырабатывали свои проекты государственного устройства и затѣмъ представляли ихъ въ Верховный тайный совѣтъ. До насъ дошло 12 такихъ проеътовъ, извлеченныхъ изъ архива Государственного совѣта проф. Корсаковымъ¹⁾. Они подписаны 1,100 лицами и могутъ служить выражениемъ мнѣнія членовъ второй партии. Общая черта всѣхъ проектовъ, это— допущеніе шляхетства къ участію въ государственномъ управлении, какъ путемъ избрания членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій, напр., Верховного тайного совѣта, Сената, коллегий и др., такъ и путемъ избрания высшихъ должностныхъ лицъ, напр., губернаторовъ, воеводъ и т. п., причемъ органомъ шляхетства должно быть особое собраніе или сеймъ.

Съ приѣздомъ императрицы въ Москву, первая партія взяла верхъ, и Анна Ивановна 25 Февраля 1730 года, при довольно торжественной обстановкѣ, провозгласила себя самодержавной государыней и изодрала подписанные ею пункты. Одновременно съ этимъ Верховный тайный совѣтъ былъ упраздненъ.

Такимъ образомъ, попытка верховниковъ ограничить власть государя не удалась. Съ тѣхъ поръ въ XVIII ст. такихъ попытокъ больше не было. Правда, есть извѣстіе, будто Панинъ, извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича, обусловилъ свое участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II ограниченіемъ ея власти особымъ совѣтомъ и Сенатомъ, которому хотѣлъ дать выборную организацію (часть сенаторовъ должна была избираться дворянствомъ на дворянскихъ собранияхъ)²⁾. Но Екатерина, по вступленіи на престолъ, не согласилась на это, и царствовала самодержавной государыней. Свои возврѣнія на форму правленія она высказала въ Наказѣ. Русскій государь, по мнѣнію императрицы, долженъ быть самодержавнымъ, таъль кась никакая другая власть не была бы въ состояніи действовать на пространствѣ такого обширнаго государства. „Пространное государство“, читаемъ въ Наказѣ, предполагаетъ самодержавную власть, такъ какъ необходимо, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, присылаемыхъ изъ дальнихъ странъ, вознаграждала медленность, происходящую вслѣдствіе отдаленности мѣстъ. Вотъ, почему всякая другая форма правленія была бы для Россіи не только вред-

¹⁾ Корсаковъ, Вопросы имп. Анны Ивановны.

²⁾ Записки Фонвизина (Русская Старина, 1884 г., т. XLII). Объ ограничении власти императрицы совѣтомъ см. ниже.

на, но и крайне раззорительна“¹⁾). Названная мысль о необходимости абсолютной формы правления для государства съ большой территорией заимствована у Монтескье. Послѣдний говоритъ, что республика мыслится только въ малыхъ государствахъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ пространствѣ общій интересъ, такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ, вслѣдствіе чего дѣйствія правительственныйыхъ лицъ всегда находятся подъ постояннымъ контролемъ. Ограниченнага монархія, съ точки зрења Монтескье, должна быть средней величины. Если она очень мала, то легко превращается въ республику, если же она очень велика, то легко можетъ погибнуть, вслѣдствіе того, что областные правители, будучи удалены отъ центра и надѣясь на безнаказанность, легко могутъ уклониться отъ повиновенія и привести государство къ разрушенію. „Единственное средство противъ этого зла, говорить Монтескье“, состоитъ въ установлѣніи абсолютной власти. Большая государства естественно склоняются къ абсолютизму. Быстрота разрешеній должна восполнить здѣсь дальность разстояній“. Другая причина, по мнѣнію императрицы, почему въ Россіи должно быть самодержавіе, заключается въ томъ, что „лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, чѣмъ угодить многимъ“.

Разрѣшивъ вопросъ о формѣ правленія, Наказъ переходитъ къ вопросу о „среднихъ“ властяхъ, зависящихъ отъ верховной власти и вполнѣ подчиненныхъ ей. Эти власти по Наказу составляютъ природу или существо монархіи. Назначеніе ихъ — быть „малыми протоками, чрезъ которые изливается власть государя“. Съ другой стороны, „среднія“ власти, называемыи Наказомъ правительствами, обязаны представлять государю о незаконности указовъ и другихъ правительственныйыхъ распоряженій, о вредности ихъ направленія, о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе и т. п. Только при существованіи подобныхъ посредствующихъ властей, го-

¹⁾ Та же мысль выражена императрицей и въ „секретномъ наставлѣніи князю Вяземскому“, а именно: „Россійская имперія столь обширна, что кромѣ самодержаваго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо всѣ прочія медлительныя въ исполненіяхъ и многое множество страшней разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресечению всякаго вреда и предпочитающаго общее добро своимъ собственнымъ“. Въ 1782 году Екатерина сказала своимъ приближеннымъ: „я въ душѣ республиканка и деспотизма ненавижу, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима“ (Щегловъ, Государственный совѣтъ въ Россіи, т. I, стр. 665).

сударственных учреждений могутъ быть тверды и недвижимы. Одно изъ такихъ правительствъ должно быть хранилищемъ законовъ, которое, съ одной стороны, объявляетъ народу вновь изданные законы, а, съ другой стороны, „возобновляетъ забвению преданные законы“. Въ Россіи такимъ хранилищемъ законовъ долженъ быть Сенатъ. Всѣ эти мысли также являются ничѣмъ инымъ, какъ перефразировкою мнѣній Монтескье.

Въ царствованіе Павла I самодержавная власть государя снова получила законодательную формулировку, а именно въ законѣ „О наслѣдованіи императорскаго престола“ 5 Апрѣля 1797 года и въ „Учрежденіи обѣ императорской фамилії“ того же года было сказано, что „Императорскій Россійскій Государь самодержавный“.

Напротивъ, преемникъ имп. Павла Александръ I былъ большой сторонникъ представительной формы правленія. Будучи воспитанникомъ извѣстнаго Лагарпа, „преисполненнаго“, по его собственнымъ словамъ, „республиканскими правилами“, императоръ въ молодости даже мечталъ о республикѣ. Какъ свидѣтельствуетъ Чарторыйскій, бывшій въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ государемъ, Александръ „хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считалъ эту форму правленія единствено сообразной съ желаніями и правами человѣчества.“ По мнѣнію государа, „верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рождения, а по подачѣ голосовъ націею, которая сумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управителя ею“. Конечно, съ теченіемъ времени эти юношескія мечты были оставлены, но императоръ долгое время оставался сторонникомъ представительной системы. Какъ извѣстно, онъ ввелъ ее въ Финляндіи и Польшѣ и собирался ввести также и въ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь государя, произнесенная имъ въ Варшавѣ въ 1818 году, при открытии первого сейма Царства Польскаго. „Я даровалъ вамъ“, сказаль, между прочимъ, Александръ полякамъ, „устройство, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, не предостававшихъ быть предметомъ моихъ заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе, надѣюсь я, съ помощью Божіей, распространить на всѣ страны, Провидѣнiemъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средства явить моему отечеству то, что я уже издавна ему готовлю, и чѣмъ оно воспользуется, какъ только начала столь важного дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости“. И, дѣйствительно, до нась дошелъ обширный проектъ преобразованія государственного

устройства Россіи, такъ называемый, „Проектъ уложения государственныхъ законовъ“¹⁾, составленный Сперанскимъ, по желанію имп. Александра I¹⁾. Мало того, по свидѣтельству Сперанского, проектъ былъ написанъ „послѣ тѣснаго его знакомства съ образомъ мыслей государя“ и являлся ничѣмъ инымъ, какъ „систематическимъ расположениемъ идей, занимавшихъ государя въ 1801 году“. Въ основу проекта положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей. „Три силы движутъ и управляютъ государствомъ, читаемъ въ немъ, „сила законодательная, исполнительная и судная; начало и источникъ ихъ въ народѣ“. „Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное. Сословіе судебнаго должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ за судебнми формами и охраненіемъ общественной безопасности принадлежалъ правительству. Исполнительная власть должна быть исключительно ввѣрена правительству“. Законодательная власть принадлежитъ государю и государственной думѣ. Государь пользуется правомъ инициативы и санкціи законовъ, такъ какъ „пространство имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо, и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема“. Организація государственной думы довольно сложна и состоить въ слѣдующемъ. Въ каждой волости учреждается волостная дума, созываемая разъ въ три года и состоящая изъ депутатовъ, избираемыхъ властельцами недвижимой собственности, и старшинъ казенныхъ селеній, посылаемыхъ въ думу отъ каждого пятисотнаго участка. Функціи думы сводятся къ избранію членовъ окружной думы и волостного правленія, къ разсмотрѣнію отчетовъ послѣдняго о сборахъ и употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ и къ представлению окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

¹⁾ Впервые извлечения изъ проекта были напечатаны Н. Тургеневымъ въ его сочиненіи „La Russie et les russes“ и воспроизведены въ трудѣ г. Панина „Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I“. Въ послѣднее время проектъ весьма подробно изложенъ въ изслѣдованіи проф. Щеглова „Государственный совѣтъ въ Россіи“ (1892 г.), причемъ послѣдній пользовался его редакціею, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ. См. также Сергиевича, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 760.

Во главѣ уѣзда поставлена окружная дума, состоящая изъ депутатовъ волостныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды членовъ окружнаго совѣта, окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу, рассматриваетъ отчеты окружнаго начальства объ употреблениіи ввѣренныхъ ему суммъ на покрытие общественныхъ издержекъ и дѣлаетъ представление губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ. Окружная дума также собирается разъ въ три года. Во главѣ губерніи находится губернская дума, состоящая изъ депутатовъ окружныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды членовъ губернского совѣта и суда и депутатовъ въ государственную думу. Во всемъ остальномъ ея компетенція аналогична съ компетенціей окружной думы. Наконецъ, во главѣ государства находится государственная дума, засѣданія которой открываются ежедневно въ Сентябрѣ въ силу закона, слѣдовательно, безъ особаго созванія каждый разъ со стороны правительства. Продолжительность сессіи зависитъ отъ количества дѣлъ. Впрочемъ, правительству принадлежитъ право отстрочить засѣданіе и даже совсѣмъ распустить думу, но съ обязательствомъ немедленно назначить новые выборы со стороны губернскихъ думъ. Функции думы сводятся къ законодательной дѣятельности, почему ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ ея участія. По проекту законы вносятся въ думу отъ имени государя однимъ изъ министровъ или членовъ Государственного совѣта, обсуждаются и затѣмъ вотируются ею, причемъ для принятія закона требуется, чтобы за него высказалось большинство депутатовъ думы; въ противномъ случаѣ законъ считается отвергнутымъ. При разсмотрѣніи законопроектовъ, дума имѣеть право избирать изъ своей среды специальная комиссія, на разсмотрѣніе которыхъ законопроекты предварительно и поступаютъ. Пользуясь такимъ значеніемъ въ области законодательства, дума, однако, лишена инициативы въ этомъ дѣлѣ, которая, какъ было уже сказано, сосредоточивается исключительно въ рукахъ государя. Исключеніе составляютъ слѣдующіе три случая, когда думѣ принадлежитъ инициатива въ дѣланіи представленія государю, а именно: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи правительственныхъ лицъ отъ отвѣтственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ дума имѣеть право привлечь министровъ къ отвѣтственности (съ этой цѣлью они обязаны контрасигновать всѣ акты, исходящіе

отъ государя) и большинствомъ голосовъ предать ихъ суду. Для избѣжанія подобной отвѣтственности, министры могутъ болѣе или менѣе важныя административныя мѣры (напр., объявление войны и заключеніе мира, чрезвычайная мѣропріятія, „пріемлемая правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій“ и т. п.) вносятъ на разсмотрѣніе думы.

Административно-исполнительная власть, сосредоточиваясь въ рукахъ государя, осуществляется Государственнымъ совѣтъмъ и министрами, которые, чтобы „образъ исполненія закона не отступалъ отъ его разума и не содѣлалъ самый законъ игралищемъ прихоти и произвола“, какъ было уже сказано, отвѣтственны предъ думою. Административная власть издаетъ распоряженія, называемыя Сперанскимъ „уставами“ и „учрежденіями“, имѣющія цѣлью установление „образа исполненія законовъ“. Въ области мѣстнаго управлѣнія административная власть сосредоточивается въ рукахъ начальниковъ губерній и уѣздовъ, дѣйствующихъ совмѣстно съ особыми совѣтами (губернскій и окружной совѣты и волостное правленіе), члены которыхъ избираются мѣстными думами. Такимъ образомъ власть мѣстной администраціи также ограничена совѣщательными учрежденіями, построенными на представительномъ началѣ.

Судебная власть осуществляется особыми мѣстными судами (волостными, окружными и губернскими), члены которыхъ также избираются думами, и Сенатомъ, являющимся верховнымъ судилищемъ по обыкновеннымъ преступленіямъ. Составъ Сената выборный, такъ какъ сенаторы избираются государственною думою. При немъ учреждается высшій верховный судъ изъ членовъ Государственного совѣта, Сената и государственной думы, въ составъ юрисдикціи котораго входитъ разсмотрѣніе преступленій, совершенныхъ высшими должностными лицами, на основаніи обвинительныхъ вердиктовъ государственной думы. „Такимъ образомъ“, заявляетъ Сперанскій въ концѣ своего проекта, „всѣ части государственной организаціи будутъ имѣть одинаковое устройство, отъ министра и до волостного правителя дѣла будутъ слѣдовать, такъ сказать, по прямой линіи и не будутъ, какъ теперь, безпрестанно уклоняться въ сторону“.

Проектъ былъ одобренъ имп. Александромъ и, по словамъ барона Корфа, біографа Сперанскаго, долгое время находился въ кабинетѣ у государя. Однако, вслѣдствіе паденія Сперан-

скаго, а затѣмъ и измѣнія въ возрѣніяхъ государя, настутившихъ послѣ отечественной войны, онъ не получилъ законодательной санкціи. Изъ всего проекта была осуществлена на практикѣ только одна часть, касающаяся Государственного совѣта, да и то съ измѣненіями, такъ какъ еще при Сперанскомъ государь рѣшилъ приступить къ введенію реформъ въ духѣ проекта не вдругъ, а постепенно.

Въ царствованіе имп. Николая I самодержавная власть государя еще разъ получила свою законодательную формулировку, а именно въ Сводѣ Законовъ, первая статья первой части первого тома которого гласить: „Императоръ Всероссійский есть монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться которому не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“.

Въ титулѣ¹⁾ государя въ изучаемомъ періодѣ произошли измѣненія, а именно съ 20 Октября 1721 года русскій государь принялъ титулъ императора. Произошло это по инициативѣ Сената и Синода, поднесшихъ Петру I титулъ императора, отца отечества и великаго. Съ теченіемъ времени новый титулъ былъ признанъ за русскими государями и иностранными государствами: раньше всѣхъ Пруссіею и Голландіею, позже всѣхъ Польшею (въ 1762 г.)¹⁾.

Территоріальная часть титула также подверглась измѣненіямъ, причемъ эти измѣненія происходили постепенно, по мѣрѣ расширенія территоріи государства. Такъ, при Петрѣ I къ титулу были присоединены слѣдующія слова: „Князь Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій“; при Петрѣ III: „Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Сторнмарнскій и Дитмарсенскій и Графъ Ольденбургскій“, при Екатеринѣ II „Царица Херсониса Таврическаго и Княгиня Курляндская и Семигальская“; при Павлѣ I: „Князь Само-

¹⁾ Императорскій періодъ унаследовалъ титулъ, сложившійся въ эпоху Московскаго государства. Послѣдній дѣлился на три части. Въ первой указывалось на источникъ власти — „Божію милостью“. Вторая свидѣтельствовала о характерѣ власти государя: великий князь, царь, государь, самодержецъ. Третья часть — территоріальная заключала въ себѣ указаніе на владѣнія, входившія въ составъ государства, по мѣрѣ ихъ присоединенія къ послѣднему. Титулъ былъ двухъ родовъ: полный, когда выписывалась вся территоріальная часть, и краткій, форма которого была слѣдующая: „Божію милостью, Великій Государь, Царь и Великій Князь вселія Великія и Малыя и Бѣлые Руси Самодержецъ“.

¹⁾ Швеція привила новый титулъ въ 1723 году, Турція въ 1789 г. (по Бѣлградскому договору), Англія и Германія въ 1742 году, Франція и Испанія — въ 1745 году.

гитскій“, при Александрѣ I: „Великій Князь Финляндскій, Князь Бѣлостоцкій и Царь Польскій“, при Николаѣ I: „и области Арменскія“ (въ 1828 г.). Съ тѣхъ поръ террито-ріальная часть титула не измѣнялась, не смотря на обшир-ные завоеванія на Кавказѣ, въ Малой Азіи, въ централь-ной Азіи и на Амурѣ, значительно расширившія предѣлы Россіи.

Въ императорскую эпоху произошли также измѣненія и въ предикатѣ государя, а именно государь сталъ именоваться „Августейшимъ“, „Всепресвѣтѣйшимъ“ и „Державнѣй-шімъ“. Затѣмъ измѣненія коснулись также формы обраще-нія къ государю со стороны народа. Такъ указомъ 1701 г. было предписано писать „полныя“, а не уничижительныя имена, какъ то было въ обычаяхъ при всѣхъ обращеніяхъ къ государю въ московское время; точно также вместо „холопа“, указъ предписалъ называться „нижайшимъ рабомъ“, замѣненными при Екатеринѣ II „подданнымъ“. Одновременно съ этими Петръ запретилъ становиться на колѣни и снимать шляпу передъ дворцомъ. „Какое же различіе“, говорилъ онъ, „между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству, сія то почесть свойственна царю“. Наконецъ, указъ 1786 г. замѣнилъ слова: „бить чelомъ“ словами: „приносить жалобу“ или „всеподданѣйше просить“. Точно также при Петрѣ было запрещено духовенству имено-вать государя „благороднымъ“, „понеже титуловаться благо-родствомъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо благород-ство и шахтетству дается“.

Что касается до герба, то въ общемъ онъ остался преж-нимъ, съ тою только разницей, что съ учрежденіемъ въ 1769 г. ордена Св. Георгія „ѣздовъ“ московской эпохи сталъ изображать собою этого святого ¹⁾.

Точно также прежнею осталась и государственная печать съ изображеніемъ на ней государственнымъ гербомъ. Она прилагалась къ государственнымъ актамъ и дѣлилась, какъ и въ московскую эпоху, на большую, среднюю и малую.

¹⁾ Гербъ Московского государства—двуглавый орелъ съ распластанными крыльями, а посрединѣ его всадникъ, поражающій конемъ змѣя—былъ заим-ствованъ изъ Византіи послѣ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ. Древніе рус-скіе никогда не признавали всадника за изображеніе Св. Георгія, а просто на-зывали его „ѣздокомъ“ или „ѣздецомъ“. Въ XVII ст. єзда объяснялся, какъ изображеніе самаго царя. Такъ, по свидѣтельству Котошкина, на „московской печати вырезано: царь на конѣ побѣдилъ змѣя“.

Наконецъ, къ прежнимъ государственнымъ регаліямъ¹⁾ прибавились новые, а именно: корона, впервые употребленная при коронації Екатерины I въ 1724 г., порфира, подбитая горностаемъ, государственный мечъ и государственное знамя или паниръ изъ желтаго атласа съ государственнымъ гербомъ по срединѣ и гербами областей по сторонамъ²⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію правъ и прерогативъ государя въ области государственного управления. Во-первыхъ, государь пользовался извѣстною религиозною властью, которую онъ осуществлялъ чрезъ духовную коллегію, впослѣдствіи названную Св. Синодомъ. Мало того, государь считался верховнымъ покровителемъ церкви и блюстителемъ православія, почему Тестаментомъ Екатерины I 1727 года и было предписано, что „никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который негреческаго закона“. Тоже постановленіе было подтверждено и актомъ о престолонаслѣдіи 1797 г. Во-вторыхъ, государь являлся субъектомъ законодательной власти и, въ качествѣ такового, обладалъ правами въ области инициативы и санкціи закона, съ чемъ, впрочемъ, было уже сказано выше. Въ-третьихъ, государю принадлежала судебная власть, которую онъ отправлялъ лично, на основаніи указовъ 1714 и 1718 г.г., только въ трехъ случаяхъ, а именно: 1) въ случаѣ отказа Сената въ правосудіи, 2) въ случаѣ неправильнаго рѣшенія съ его стороны и 3) въ случаѣ неимѣнія закона. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ указъ 1718 г. предписывалъ подавать жалобы и прошенія непосредственно въ суды, „не докучая о своихъ обидахъ государю, понеже онъ одна персона есть, и та толикими воинскими и прочими несмѣтными трудами объята“. Съ учрежденіемъ Верховнаго тайного совѣта всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла разрѣшались имъ въ присутствіи императрицы. Наконецъ, всѣ судебные приговоры совершились именемъ государя. Въ-четвертыхъ, въ связи съ судебною властью государя находилось и право помилованія, присущее ему. Впервые свою законодательную формулировку это право получило въ инструкціи канцеляріи конфискаціи 1730 г. „Колле-

1) Регаліями въ московскую эпоху считались: 1) вѣнецъ или шапка Мономаха, по преданию присланная византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комnenомъ Владимиру Мономаху, 2) скіпетръ, вошедший въ употребленіе съ Федора Ивановича, 3) держава, введенная Лжедмитріемъ, и 4) царская цѣль.

2) Мечъ и знамя впервые были введены при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. (Бѣлоозерская, Царское вѣнчаніе въ Россіи, Русская Мысль 1883 г., кн. 5).

гі и суды“, читаемъ здѣсь, „обыкновенные штрафы хотя налагать и могутъ, однако, облегченіе и отставление штрафовъ токмо отъ Ея Импер. Величества Высочайшей власти зависитъ, ибо сіе къ случаюмъ милости принадлежить и часть права помилованія въ себѣ содержитъ“. Иногда право помилованія выражалось въ формѣ амнистіи или „милостивыхъ манифестовъ“, которыми по словамъ Петра I, „учинялось генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ“. На конецъ, въ-пѣнхъ, государю принадлежали права въ области управления. Петръ I принималъ непосредственно и лично участіе въ управлении, въ силу чего Воинскій уставъ и постановилъ, что присутствіе государя въ извѣстномъ мѣстѣ пресекаетъ тамъ дѣйствія всѣхъ начальниковъ, власть которыхъ непосредственно переходитъ къ государю. Съ Екатерины Второй государю принадлежитъ главнымъ образомъ верховный надзоръ за управлениемъ и разрѣшеніе только важнѣйшихъ вопросовъ. Этотъ принципъ и былъ выписанъ въ Наказѣ. „Право же“, читаемъ въ немъ, „отъ власти верховной неотдѣлимое было, есть и будетъ: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная; но, когда по человѣчеству невозможно, чтобы государь вездѣ самъ обращался, ради того учреждается онъ для соблюденія добра порядка власти средня подчиненная, зависящая отъ верховной и составляющая существо правленія. Власти эти—малые протоки, сирѣчь, правительства, черезъ которые изливается власть государева.“.

230.
Порядокъ преемства престола вплоть до конца XVIII ст. не былъ определенъ, поэтому въ первой половинѣ императорскаго периода мы встрѣчаемъ самые разнообразные способы занятія престола отъ законнаго наследования дѣтей послѣ родителей и до государственного переворота включительно.

Устранивъ своего сына царевича Алексея отъ наследованія престола, Петръ I въ уставѣ 1722 г. отвергъ „старый обычай, что большему сыну наследство давали“, какъ обычай недобрый и взамѣнъ того, провозгласилъ новый принципъ: „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому онъ хочетъ, тому и определить наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отмѣнить“. Въ оправданіе нового принципа уставъ 1722 года сослался на Св. Писаніе и на Ивана III, который „наследство перво отдалъ внуку мимо сыновей, а потомъ отставилъ внука,

уже вънчанного, и отдалъ сыну". Но, видимо сознавая недостаточность подобной аргументации, Петръ поручилъ Феофану Прокоповичу написать известную „Правду воли монаршой“, где и обосновать новый принципъ. Сущность теории правды заключается въ слѣдующемъ. Каждый отецъ можетъ устранить своего сына отъ наследства въ случаѣ его непокорности волѣ отца, тѣмъ болѣе имѣеть право на это государь, заботящійся не о частномъ имуществѣ, а объ интересахъ государства. Въ такомъ случаѣ это становится даже его обязанностью по отношению къ послѣднему, въ особенности, „если разсудимъ, кое долженство на царяхъ лежить, отъ самого Бога возложенное на нихъ, но не токмо отъ того познаемъ, что не грѣхъ имъ по волѣ своей избрать себѣ наследника, но грѣхъ не избрать. Царей должностъ — содержать своихъ подданныхъ въ безпечаліи и промышлять имъ всякое лучшее наставлѣніе, какъ къ благочестію, такъ и честному житѣльству... А если о добрѣ общемъ народа, себѣ подданного, только пещись, долженъ самодержецъ, то како не долженъ есть прилежно смотрѣть, дабы по немъ наследникъ былъ добрый, бодрый, искусный и таковыи, который бы доброе отечества состояніе не токмо сохранилъ въ цѣлости, но и паче бы утвердилъ и укрѣпилъ, и если бы что недовершенное засталъ, тщился бы привести въ совершенство“. „Чего для за благо мы разсудили сей уставъ (т. е. 1722 г.) учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому онъ захочетъ, тому и определить наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя узду на себѣ“. „Правда“ останавливается и на томъ случаѣ, если государь умретъ, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тогда необходимо избрать на престолъ того изъ сыновей, который былъ ближе всѣхъ къ государю, и котораго отецъ болѣе всѣхъ любилъ. Если же это не извѣстно, то выборъ долженъ пастъ на того изъ нихъ, кто болѣе всѣхъ „подобенъ“ отцу по характеру и направленію мыслей.

Петръ I умеръ, не оставивъ себѣ преемника, и на престолъ вступила, по избранію Сената, Синода и генералитета, его супруга Екатерина I. Сторонники ея мотивировали это избраніе тѣмъ, что императрица была коронована еще при жизни Петра, и что будто бы этимъ актомъ покойный государь пріобщилъ ее къ власти. Екатерина I составила

известный Тестаментъ, которымъ совершенно отмѣнила Петровскій уставъ 1722 г., таѣкъ какъ установила опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія съ предпочтеніемъ наслѣдниковъ мужескаго пола наслѣдникамъ женскаго. Согласно этому Тестаменту, на престолъ вступилъ Петръ II, причемъ подданные присягали ему „и по немъ Его Величества высокимъ наслѣдникамъ, которые, по соизволенію и самодержавной, ему отъ Бога данной императорской власти, определены и впредь опредѣляемы и въ воспріятію престола удостоены будуть“¹⁾). Послѣ смерти Петра II Тестаментъ былъ нарушенъ тѣмъ, что на престолъ оказалась избранной герцогиня курляндская Анна Ивановна, не смотря на существованіе прямыхъ наслѣдниковъ, согласно Тестаменту. Анна Ивановна назначила своимъ преемникомъ герцога Брауншвейгскаго Ивана Автоновича, бывшаго малолѣтнимъ ребенкомъ. Но онъ былъ низвергнутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Елизаветою Петровной, занявшую престолъ съ помощью преображенского полка. Въ свое манифестъ по этому поводу Елизавета Петровна заявила, что она вступила на престолъ по праву законнаго престолонаслѣдія и кровной близости къ покойнымъ государямъ (Петру I и Екатеринѣ I). „Всѣ наши“, гласить манифестъ, „какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всѣподданнѣйше и единогласно просили насъ, дабы мы, для пресечения всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ беспокойствъ и непорядковъ, яко по крови близкая, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому нашему законному праву, по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседрожайшимъ родителямъ, мы тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили“. Петръ III сталъ государемъ также на основаніи принципа близости крови. „Яко по крови ближайший“ къ покойной императрицѣ, гласиль манифестъ, въ силу чего Елизавета Петровна оставила „намъ въ самодержавство прародительскій престолъ, яко сущему наслѣднику, по правамъ, преимуществамъ и узаконеніямъ принадлежащій“. Однакъ, въ присягѣ новому государю было провозглашено также и завѣщательное начало (какъ и въ присягѣ Петру II), въ силу чего подданные присягали не

¹⁾ Такимъ образомъ опять былъ провозглашенъ завѣщательный принципъ, чѣмъ постановленія Тестамента оказались нарушенными.

только государю, но и „по немъ по самодержавной его Имп. Величества власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наследникамъ“. Новый переворотъ передалъ власть въ руки Екатерины II, причемъ подданные присягали ей и цесаревичу Павлу Петровичу, „законному все-российскаго престола наследнику“. Вскорѣ, по восшествіи на престолъ этого послѣдняго, былъ изданъ известный актъ о престолонаслѣдіи 5 Апрѣля 1797 года, вошедший въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Мотивами къ его изданію послужили слѣдующія соображенія: 1) „дабы государство не было безъ наследника“, 2) „дабы наследникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ“, 3) „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наследовать“ и 4) „дабы сохранить право родовъ въ наследствѣ, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій изъ рода въ родъ“.

Вступленіе на престолъ новаго государя всегда сопровождалось изданіемъ манифеста къ народу и присягою послѣдняго. Въ 1741 г. было предписано не приводить къ присягѣ крѣпостныхъ крестьянъ, въ виду принесенія за нихъ присяги со стороны помѣщиковъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ вступленія на престолъ слѣдовало коронованіе, причемъ короновались не только государь, но и государыня. Впервые подобный обычай былъ введенъ Петромъ I въ 1724 году, когда была коронована Екатерина I. Самый обрядъ коронованія происходилъ по западно-европейскому образцу, причемъ съ Анны Ивановны пріобщеніе св. тайнъ должно было происходить по священническому чину, т. е. отдельно тѣла и крови. Съ Елизаветы Петровны возложеніе на себя короны и порфиры стало производиться не архіепископомъ, какъ прежде, а самимъ государемъ.

ГЛАВА IV.

Управление.

25 юл.

§ 1. Административное дѣление.

На основаніи указа 1708 года¹⁾ вся Россія была раздѣлена на восемь губерній, въ свою очередь дѣлившися на

¹⁾ Впрочемъ, проф. Коркуновъ доказалъ, что первое учрежденіе губерній относится не къ 1708 г., какъ думали до сихъ поръ, основываясь на Полномъ Собрании Законовъ; но къ 9 Января 1710 года. (См. Журналъ Минист. Народ. Просв., Февраль 1893 г.).

уезды. Это новое административное деление находилось въ тѣсной связи съ военно-финансовыми округами XVII ст.— разрядами, тѣмъ болѣе, что основной мотивъ дѣленія на губерніи былъ военно-податной: вновь созданную армию нужно было размѣстить по разнымъ мѣстностямъ Россіи съ цѣлью содержанія на счетъ населенія, а для этого правительство признalo необходимымъ раздѣлить государство на губерніи и въ предѣлахъ послѣднихъ размѣстить полки¹⁾. Кромѣ этого мотива, были еще и другіе, среди которыхъ немалую роль играла потребность въ сильныхъ отвѣтственныхъ органахъ въ мѣстности, что и достигалось путемъ учрежденія должности губернаторовъ²⁾. Модификація разрядовъ въ губерніи происходила постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызванныхъ шведскою войною. Такъ, еще задолго до 1708 года, а тѣмъ болѣе до 1710 года, появляется терминъ „губернаторъ“ въ примѣненіи къ архангельскому воеводѣ Апраксину (въ 1694 г.). Второй разъ этотъ терминъ употребляется въ 1703 г. въ отношеніи Меншикова, назначенаго „губернаторомъ“ Нѣтебурга. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ завоеванія прибалтійского края, Меншиковъ становится во главѣ Ингерманландской „губерніи“ (1704 и 1705 г. г.), переименованной впослѣдствіи въ Петербургскую. Въ 1704 г. кн. Голицынъ получаетъ титулъ кievскаго „губернатора“ и т. д.³⁾. Указу 1708 г. (1710 г.) пришлось такимъ образомъ лишь санкционировать то, что образовалось постепенно путемъ практики, а не создавать новаго административнаго дѣленія, впервые вводимаго въ Россію. Указъ 28 Января 1715 г. ввелъ еще новое дѣленіе, а именно доли („5536 дворовъ или по скольку будетъ удобнѣе, по разстоянію мѣста, больше или меньше по разсмотрѣнію губернаторскому“), которыхъ въ однихъ мѣстахъ были болѣе, а въ другихъ менѣе уѣзда. Впрочемъ, доли были вскорѣ упразднены. Съ 1718 г. правительство опять обратило вниманіе на административное дѣленіе государства, причемъ предполагало заимствовать его изъ Швеціи, какъ то видно изъ двухъ ре-

¹⁾ Это положеніе весьма подробно аргументируется г. Милюковымъ (Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго), а также и некоторыми другими учеными, напр., Неволинскимъ (Собрание Сочиненій, т. VI), проф. Мроцекъ-Дровдовскимъ (Областное управление Россіи XVIII вѣка), отчасти Лохвицкимъ (Губернія) и др.

²⁾ Градовский, Начала русского государственного права, т. III, стр. 86.

³⁾ Милюковъ, назв. соч., стр. 342 и слѣд.

золюцій Петра на предложение известного Фика, долженствовавшихъ „шведское земское управление съ русскимъ сложить и спустить съ русскими обычаями“. Проектъ Фика, по разсмотрѣнію его въ Сенатѣ, получилъ санкцію государя 29 Мая 1719 г. Согласно съ ней было предположено раздѣленіе на губерніи замѣнить раздѣленіемъ на провинціи и во главѣ послѣднихъ поставить генераль-губернаторовъ (въ „порубежныхъ знатныхъ“), губернаторовъ или комендантovъ (въ „порубежныхъ незнатныхъ“) и воеводъ (во внутреннихъ), кроме Московской¹⁾). Однако, на практикѣ губернія продолжала сохранять значение высшаго областного центра, а провинція сдѣлалась сперва фактически, а потомъ и юридически подраздѣленіемъ губерніи. Это случилось въ томъ же 1719 году, когда Россія была раздѣлена, вместо прежнихъ восьми, на 11 губерній. Это число затѣмъ постоянно увеличивалось и во времени вступлениія на престолъ Екатерины II достигло цифры 15. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., упразднивъ провинціи, еще увеличило число губерній, въ составъ которыхъ должны были входить отъ 300 до 400 тысячъ жителей²⁾). Совокупность нѣсколькихъ губерній образовывала намѣстничество, т. е. генераль-губернаторство³⁾ (такъ было, по крайней мѣрѣ, на практикѣ), причемъ каждая губернія дѣлилась на уѣзды или округа, въ составъ которыхъ должны были входить отъ 30 до 40 тысячъ жителей, а каждый уѣздъ на волости (опять—таки, на практикѣ). Это дѣленіе въ общихъ чертахъ сохранилось и до нашего времени.

§ 2. Центральное управление

А. Сенатъ.

Въ первое время царствованія Петра во главѣ государства по-прежнему находилась боярская дума, но постепенно съ развитиемъ реформаторской дѣятельности государя характеръ ея модифицируется, причемъ модификація касается ея названія,

¹⁾ Милюковъ, назв. соч., стр. 623 и слѣд.

²⁾ Въ 1781 г. число губерній равнялось 40; затѣмъ, если не считать царствованія Павла I, это число постоянно увеличивалось (Лохвицкій, Губернія, стр. 52 и сл.).

³⁾ Въ составъ одного намѣстничества приблизительно входило по двѣ губерніи (Лохвицкій, Губернія, стр. 53).

состава, предметовъ вѣдомства, дѣятельности и даже дѣло-производства.

Дума начинаетъ называться ближней канцеляріей, по мѣсту своихъ засѣданій, или же консиліей министровъ¹⁾, причемъ число членовъ ей очень ограничивается (такъ, въ 1710 году ихъ было только 8). Мало того, въ составъ думы входятъ уже не только одни думные люди, но и лица изъ другихъ чиновъ, напр., стольникъ Ромодановскій, дьякъ Курбатовъ и др. Въ одномъ письмѣ Петра къ боярину Голицыну съ товарищами (т. е. думѣ) государь писалъ: „будучи въ Москвѣ, приказалъ я, чтобы за тѣми и прочими дѣлами трудиться вамъ и прочимъ, кою возьмете къ себѣ“. Наконецъ, изъ одного документа, относящагося къ 1708 г. мы видимъ, что на засѣданіи консиліи, разсмотрившей жалованную грамоту на кievскую митрополію, данную митрополиту Іосафу Краковскому, принимали участіе 14 лицъ, изъ которыхъ съ думными чиномъ былъ только одинъ внѣзъ Черкасскій, остальные же 13 лицъ, хотя и стояли во главѣ разныхъ приказовъ, но думными чинами не обладали. Такимъ образомъ, дума постепенно лишается своего прежняго аристократическаго характера. Затѣмъ, модификація коснулась и самой дѣятельности думы. Теперь государь, будучи отвлеченъ другими дѣлами, рѣдко присутствуетъ на засѣданіи консиліи бояръ, въ силу чего возникаетъ двоекое направление въ законодательствѣ, а именно государевы указы и боярскіе приговоры начинаютъ существенно отличаться другъ отъ друга, чего совершенно не было въ московскую эпоху. Другимъ результатомъ отсутствія государя изъ думы является изданіе массы законовъ помимо думы. Наконецъ, третьимъ результатомъ названнаго факта нужно считать появленіе самостоятельныхъ дѣйствій думы въ указанныхъ государемъ предѣлахъ и, въ силу этого, отвѣтственности думы предъ государемъ. Будучи занятъ войною со Швеціей и другими дѣлами, требовавшими частыхъ отлучекъ его изъ Москвы, Петръ неоднократно самъ предписывалъ начальникамъ приказовъ и другихъ вѣдомствъ обращаться въ думу. „Еще прошу Васъ“, писалъ онъ кн. Ромодановскому въ 1707 г., „дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, где сѣзда бываетъ въ верх-

¹⁾ Ближняя канцелярія возникаетъ въ 1701 г., сѣзди же или „консилій“ министровъ въ ней начинаются въ 1704 г., когда она и становится во главѣ всего управления (Токаревъ, Ближняя канцелярія при Петре Великомъ въ кн. „Документы и бумаги моск. архива мин. юстиції“, стр. 44).

ней, т. е. ближней канцелярии или где-нибудь, посоветовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь (т. е. у государя) истинно и безъ того дѣла много". Но предоставивъ думѣ извѣстную самостоятельность, Петръ возложилъ на нее и отвѣтственность за дѣйствія, въ силу чего предписалъ ей завести особую книгу для записи указовъ и приговоровъ, съ цѣлью контроля ея дѣятельности. Наконецъ, въ 1707 году установлены были обязательные протоколы засѣданій думы. Въ письмѣ къ Ромодановскому Петръ предписалъ ему объявить „всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются, чтобы они всякия дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ". Точно также модификація коснулась и предметовъ вѣдомства думы. Въ отличіе отъ думы XVII ст., среди разнообразныхъ функций консиліи на первомъ планѣ стояли финансовая и военная дѣла, а также контроль надъ дѣятельностью всѣхъ (какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ) учрежденій, почему послѣднія были обязаны, на основаніи указовъ 1701 и 1710 г.г., подавать въ консилію „перечневая вѣдомости", т. е. отчеты о своей дѣятельности. Стоя во главѣ всего управлѣнія, консилія посыпала въ подчиненные ей мѣста указы, а сама получала отъ нихъ рапорты (доношения)¹⁾.

Такимъ образомъ въ царствованіе Петра дума изъ соучастницы верховной власти, изъ учрежденія, составлявшаго неразрывную часть единаго цѣлаго съ государемъ, самыми тѣснѣшими узами связанныаго съ нимъ, постепенно превратилась хотя и въ высшій, но все же въ подчиненный государю и отвѣтственный предъ нимъ органъ управлѣнія. Въ этой своей модифицированной формѣ она имѣла много точекъ соприкосновенія съ Сенатомъ, учрежденнымъ въ 1711 г. Первоначальный составъ, компетенція, дѣлопроизводство и отвѣтственность Сената значительно напоминали собою составъ, компетенцію, дѣлопроизводство и отвѣтственность ближней канцелярии.

Выводъ изъ всего сказанного тотъ, что Сенатъ образовывался постепенно, вырабатываясь изъ старой думы, по мѣрѣ хода и развитія реформаторской дѣятельности Петра. Пере-

¹⁾ См. Ключевского, Боярская дума древней Руси, стр. 446 и слѣд. и Токарева, Ближняя канцелярия при Петре Великомъ (Документы и бумаги моск. архива мин. юстиції, кн. V, стр. 43—75).

ходной формой отъ думы къ Сенату, звеномъ въ цѣпи, связующей оба названныя учрежденія, является консилія министровъ въ ближней канцеляріи, составляющая въполномъ смыслѣ этого слова прообразъ Сената¹⁾.

Такимъ образомъ мнѣніе, будто Сенатъ заимствованъ изъ Швеціи, будучи скопіемъ со шведскаго сената, не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что между обоими учрежденіями нѣтъ ничего общаго ни въ отношеніи состава, дѣлопроизводства и компетенціи, ни въ отношеніи характера дѣятельности. Шведскій сенатъ былъ органомъ сейма и, въ качествѣ такового, до извѣстной степени ограничивалъ власть короля; ²⁾ нашъ Сенатъ, хотя и стоялъ во главѣ государственного управлениія, но вполнѣ зависѣлъ отъ государя, будучи подчиненъ ему и отвѣтственъ передъ нимъ ³⁾). Иначе говоря, заимствованіе ограничилось только однимъ названіемъ (хотя и это послѣднее скорѣе могло быть заимствовано изъ Польши, такъ какъ въ Швеціи сенатъ рѣдко назывался этимъ именемъ, нося название государственного совѣта).

Формально Сенатъ былъ учрежденъ 22 Февраля 1711 г. когда, по случаю войны съ Турцией, Петръ вынужденъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Сенатъ учреждался въ качествѣ регентства на время отсутствія государя „вмѣсто его царскаго величества собственной персоны“, какъ гласилъ манифестъ. „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ“, читаемъ въ манифестѣ, „какъ духовнымъ такъ и мирскимъ,

¹⁾ Любопытно, что самъ Сенатъ смотрѣлъ на консилію министровъ, какъ на свою предшественницу, которая должна была уступить ему принадлежавшія ей права и обязанности (см. у Токарева, наз. статья, стр. 49). Что касается до ближней канцеляріи, то послѣ учрежденія Сената и съ прекращеніемъ въ ней консиліи министровъ, она уже съ крайне узкимъ кругомъ предметовъ вѣдомства просуществовала еще до 1717—1718 г. г., когда, по всейѣроятности, была преобразована въ Ревизіонъ-коллегію (Токаревъ, назв. ст., стр. 74).

²⁾ Правда, послѣ переворота, произведенаго Карломъ XI, шведскій сенатъ утратилъ свое прежнее значеніе, но старыя традиціи продолжали въ немъ жить, и въ теченіе всего царствованія Карла XII онъ находился въ сильной оппозиції въ отношеніи короля.

³⁾ Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласно и свидѣтельство Теллова въ его докладѣ о Сенатѣ, представленномъ имъ имп. Екатеринѣ II въ 1763 г., а именно: „государь Петръ Великій Сенатъ, своей самодержавной власти приличный въ государствѣ своемъ, для подмоги себѣ въ дѣлахъ, не съ польского, шведскаго и другого какого либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативу первымъ быть правительствомъ подъ собою“ (Филипповъ, „Объ экспрессіи „сенаторъ“ и о россійскомъ сенатѣ“, Журн. Юрид. Общ. 1897 г., кн. IV).

военного и земского управления вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучахъ, опредѣляли управительный (вскорѣ названный „правительствующимъ“) Сенатъ, которому всякъ и его указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ *намъ самому*, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по винѣ смотря¹. Этотъ первоначально временной характеръ нового учрежденія вскорѣ превратился въ постоянный, причемъ въ присутствіи государя (въ столицѣ или въ предѣлахъ государства) Сенатъ представлялъ фигурировать въ качествѣ регенства, а являлся высшимъ органомъ управления.

Первоначально въ составъ Сената входило девять сенаторовъ,¹⁾ назначаемыхъ государемъ, причемъ ихъ происхождение, званіе и чинъ не принимались въ расчетъ²⁾. Затѣмъ съ учрежденіемъ коллегій составъ сената былъ видоизмѣненъ, а именно всѣ президенты коллегій *ex officio* должны были быть сенаторами. Впрочемъ, это правило дѣйствовало не долго и уже въ 1722 г. (12 Января) оказалось отмѣненнымъ. Самъ Петръ призналъ, что „сіе сначала не осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ“. Мотивами къ отмѣнѣ названного правила были слѣдующія соображенія: 1) президенты, будучи обременены своими занятіями въ коллегіяхъ, не имѣютъ времени для занятій въ Сенатѣ и 2) „чтобы члены Сената, трудясь о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ, смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить“? Второй мотивъ и послужилъ главнымъ образомъ основаніемъ для изданія указа 1722 г. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. „Такъ какъ сенаторы—вельможи“, читаемъ въ немъ, „то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшуть по ихъ дудкѣ, а отсюда и рождается множество интригъ и несправедливостей; когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, всѣ они соглашаются между собою, и ужъ, конечно, одна ворона не выклѣюетъ

¹⁾ Сенаторы назывались также и „членами сената“. Оба эти наименованія или „экспрессіи“ пользовались одинаковымъ правомъ гражданства въ теченіе всего XVIII ст. (Филипповъ, „Объ экспрессіи „сенаторъ“ и о россійскомъ сенатѣ“, Журн. Юрид. Общ., 1897 г., кн. IV).

²⁾ Этимъ объясняется, почему должность сенатора не попадавъ табель о рангахъ и не была пріурочена ни къ какому классу, хотя Сенатъ и ходатайствовалъ объ этомъ (о ходатайствѣ Сената см. у Евреинова, назн. соч., стр. 99).

глаза другой, поэтому многие порядочные люди не мало страшатъ". После указа 1722 года въ Сенатѣ остались президенты только трехъ главныхъ коллегий, т. е. иностранныхъ дѣлъ, военной и морской¹⁾. Остальные сенаторы должны были назначаться государемъ изъ трехъ первыхъ классовъ (по табели о рангахъ), хотя это не всегда соблюдалось. Подобные назначения происходили не иначе, какъ по именнымъ указамъ, причемъ каждый вновь назначенный сенаторъ приносилъ присягу, сочиненную самимъ Петромъ. Отставка сенаторовъ также происходила на основаніи именныхъ указовъ.

Сенатъ имѣлъ свою канцелярію, во главѣ которой находился оберъ-секретарь. Онъ былъ ближайшій начальникъ канцеляріи и, въ качествѣ такового, непосредственно завѣдывалъ ею, отвѣчалъ за ея дѣятельность, распредѣлялъ дѣла между канцеляристами, наблюдалъ за ними, приготовлялъ дѣла къ докладу и докладывалъ по нимъ. Канцелярія дѣлилась на нѣсколько столовъ (напр., секретный, приказный, губернскій, разрядный и др.) и состояла изъ подьячихъ. Впрочемъ, въ 1718 году они были уничтожены и замѣнены приказными служителями, на манеръ коллежскихъ, а именно: секретарями (въ качествѣ помощниковъ оберъ-секретаря), протоколистами, актуаріусами, регистраторами, канцеляристами, копистами и т. п.

Кромѣ канцеляріи, Сенатъ имѣлъ еще особую контору (въ Москве) специально для разрѣщенія маловажныхъ дѣлъ.

При Сенатѣ существовало нѣсколько особыхъ должностей, имѣвшихъ весьма важное значение въ области государственного управления. Къ такимъ относились, во-первыхъ, фискалы, институтъ которыхъ былъ заимствованъ или изъ Швеціи, или изъ Пруссіи²⁾.

¹⁾ Правда, 16 Мая того же года (1722) былъ изданъ другой указъ, который некоторыми учеными (Андреевскимъ, Неволиномъ и г. Дмитріевымъ) признается за возстановленіе старого порядка вещей, когда все президенты коллегий должны были быть сенаторами, но г. Петровский, имѣвшій подъ руками подлинныя дѣла Сената, хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, доказалъ, что названный указъ относится только до президентовъ трехъ главныхъ коллегий, оставленныхъ въ Сенатѣ указомъ 12 Января. Согласно съ первымъ указомъ (16-го Мая) упомянутые президенты, на время освобожденіе отъ присутствія въ Сенатѣ для управлениія дѣлами своихъ коллегий, снова призываются въ Сенатъ, влѣдствіе "малолюдства" сенаторовъ, съ правомъ присутствовать въ немъ двумя днями менѣе въ недѣлю сравнительно съ другими сенаторами (Петровский, О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 56).

²⁾ Введеніе этого института въ Пруссіи произошло при Фридрихѣ I, союзникѣ Петра, откуда послѣдній и могъ его заимствовать (см. Берентдса, Опытъ системы административного права, т. I, вып. I, стр. 136).

Во главѣ фискаловъ находился генераль-фискалъ со своимъ помощникомъ — оберъ-фискаломъ. Имъ были подчинены фискалы, представлявшіе изъ себя цѣлую іерархію должностей, а именно: фискалы при коллегіяхъ, провинціалъ-фискалы въ губерніяхъ и городовые фискалы въ городахъ. Генераль-фискалъ назначался государемъ, оберъ-фискалъ — Сенатомъ, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы¹⁾. Что же касается городовыхъ фискаловъ, то часть ихъ назначалась провинціалъ-фискаломъ, часть избиралась шляхтствомъ (изъ лицъ не моложе 40 лѣтъ) и горожанами²⁾. Функціи фискаловъ на основаніи указовъ 5 Марта 1711 года и 17 Марта 1714 г. заключались въ слѣдующемъ: они должны были „тайно провѣдывать, доносить и обличать“ всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Иначе говоря, обязанности ихъ сводились къ слѣдующему: 1) они должны были надзирать за исполненіемъ законовъ, 2) заботиться о ненарушении имущественныхъ интересовъ казны и 3) преслѣдовать казнокрадство, взлочничество и хищенія должностныхъ лицъ, а также „безгласный преступленія явно противогосударственного и противообщественного характера“³⁾. Провѣдываніе о названныхъ преступленіяхъ производилось при помощи слѣдующихъ средствъ: 1) доносовъ частныхъ лицъ, причемъ фискалы обязаны были провѣрять справедливость послѣднихъ, для чего могли вызывать къ себѣ и допрашивать доносчиковъ; 2) разсмотрѣнія въ присутственныхъ мѣстахъ подлинныхъ дѣлъ и документовъ и 3) личного присутствія при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ администраціи, напр., при конфискаціяхъ въ казну. Результаты, добытые провѣдываніемъ, представлялись на усмотрѣніе

¹⁾ Должность оберъ-фискала была учреждена раньше должности генераль-фискала (въ 1723 г.) и тогда на нее назначалъ самъ государь. Съ учрежденіемъ же второй должности оберъ-фискаль, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы, стали назначаться Сенатомъ, по представлению генераль-фискала (Петровскій, назван. соч., стр. 109).

²⁾ Собственно „купеческими людьми“ и не изъ „первостатейныхъ“ и платящихъ „большіе оклады“, а изъ „средней статьи“, чтобы „не учинить въ платежѣ оклада недобору“ (Петровскій, назв. соч., стр. 105).

³⁾ Подъ „безглазными дѣлами“ понимались такія „иже не имѣютъ человѣтчика по себѣ“, напр., „ежели какого пріѣзжаго убить, или наследникъ послѣдній въ своей фамиліи во младенчествѣ умретъ, безъ завѣту духовной предковъ его“ (указъ 17 Марта 1714 г.). Такимъ образомъ вся сфера гражданскихъ дѣлъ и нѣкоторая уголовная дѣла, а именно „глазъ о себѣ имѣющія“ (например, о личныхъ обидахъ) были изъяты изъ вѣдѣнія фискаловъ.

правительства, причемъ подобныя представлениа облекались въ форму письменного доноса („доношеннія“). Производство въ присутственномъ мѣстѣ по доношенню, хотя и не зависѣло отъ фискала, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., когда оно разсматривалось въ Сенатѣ) происходило въ его присутствії, и онъ имѣлъ право лично и устно обличать лицо, о кото-ромъ поступило доношеніе¹⁾. Въ случаѣ правильности доноса, половина штрафа шла въ пользу фискала, въ случаѣ же неправильности, было предписано „въ вину ему того не ставить“ (указъ 5 Марта 1711 г.).

Такой порядокъ вещей привелъ къ крайнему произволу и злоупотребленіямъ со стороны фискаловъ, что въ свою очередь вызвало негодованіе общества противъ нихъ. Выразителемъ названнаго общественаго настроенія явился извѣстный Стефанъ Яворскій, произнесшій въ московскомъ Успенскомъ соборѣ большую рѣчъ противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ“, сказалъ Яворскій, „а законы человѣческие бывають порочны. А какои же то законъ, напр., постановить надзирателемъ надъ судомъ и дать ему волю, кого хочетъ обличить, да обличитъ: поклепъ сложить на ближняго вольно то ему. Не такъ подобаетъ симъ бытъ: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ, пусть положить свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязывается въ такую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оній, сынъ погибельный, чужою да мѣрою мѣрити“. Эта рѣчъ имѣла въ результатѣ издание указа 17 Марта 1714 г., опредѣлившаго отвѣтственность фискаловъ за ложные доносы. „Буде фискалъ“, гласилъ указъ, „ради страсти или злобы затѣйтъ, и предъ судомъ отъ того, на кого то возвель, обличенъ будеть, то оному, яко преступнику, то же учинить, что довелось было учинить тому, еслибъ, по его доносу, подлинно виноватъ быль“. Если же окажется, что неправильность доноса зависѣла отъ ошибки или неудачи „въ добровѣстномъ увлеченіи“, то онъ освобождается отъ наказанія, „ибо невозможно во всемъ фискалу вѣдать акуратно“. При частомъ же повтореніи неправильныхъ доносовъ, однакоже безъ умысла, „ни для какой корысти или злобы“, фискалъ подвергается „легкому штрафу“, „дабы впредъ лучше, осмотряся доносить“. Фискалы просуществовали сравнительно

¹⁾ Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ отъ Петра Великаго до Екатерины II (Юридический Вѣстникъ 1888 года, № 10).

недолго, хотя съ учрежденія прокуратуры потеряли всякий дальнишій смыслъ своего существованія ¹⁾.

Во-вторыхъ, при Сенатѣ существовалъ генералъ-прокуроръ, стоявшій во главѣ прокуроровъ. Неудовлетворительность фискалата, какъ органа надзора за Сенатомъ и за другими учрежденіями, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ обнаруживать уже совершилія преступленія, а не предупреждать возможности ихъ совершенія, побудила Петра перенести на русскую почву французскій институтъ прокуратуры, наблюдать дѣятельность котораго ему пришлось во время своего пребыванія во Франціи ²⁾. Врочемъ, Петръ не сразу обратился къ этому институту. Первоначально онъ организовалъ особый надзоръ за Сенатомъ путемъ учрежденія должности генераль-ревизора (въ 1715 г.). Послѣдній долженъ былъ имѣть особый столъ въ залѣ сенатскихъ засѣданій и вести протоколы послѣднімъ; съ этою цѣлью ему сообщались копіи со всѣхъ указовъ. На обязанности генераль-ревизора лежали: наблюденіе, чтобы во всемъ государствѣ указы исполнялись въ возможно скорое время, а также надзоръ за дѣятельностью Сената ³⁾. Въ 1718 г. должность генераль-ревизора была уничтожена, и функция надзора за Сенатомъ перешли къ его оберъ-секретарю. Послѣдній долженъ былъ наблюдать за порядкомъ сенатскихъ засѣданій, „чтобы не было суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго“, а также за правильностью обсужденія и решенія дѣлъ и вообще за законностью всѣхъ дѣйствій Сената. Но и оберъ-секретарь

¹⁾ Собстенно говоря, юридически институтъ фискалата никогда не былъ отмѣненъ, но фактически прикратилъ свое существованіе при ближайшихъ преемникахъ Петра I вслѣдствіе неназначенія никого на вакантныя должности фискаловъ. Дольше всѣхъ просуществовали городовые фискалы. Послѣднія извѣстія о нихъ относятся къ царствованію Анны Ивановны.

²⁾ Аналы парижского парламента сохранили подробное описание засѣданія общаго собранія послѣдняго, на которомъ присутствовалъ Петръ. По окончаніи очередныхъ дѣлъ, королевскій прокуроръ Ламуаньонъ отъ имени всей французской прокуратуры поздравилъ парламентъ съ высокою честью Царскаго въ немъ присутствія. „И прежде“, заключилъ свою рѣчь прокуроръ, „мы видѣли сосѣднихъ государей, являвшихся отдать долгъ уваженія познаніямъ и мудрості нашего судилища, но не было еще примѣра, чтобы государь страны столь отдаленной и столь могущественной въ Европѣ и Азіѣ пожелалъ присутствовать въ этомъ высокомъ собраніи. И такъ какъ исторіи суждено передать потомству подвиги и доблести этого героя, то храмъ правосудія долженъ включить настоящій день въ число славнѣйшихъ дней своихъ, а лѣтописи парламента всегда сохранять о немъ воспоминаніе“ (Муравьевъ, Юридический Вѣстникъ, 1888 г., № 10).

³⁾ Петровскій, названное сочиненіе, стр. 159.

какъ органъ надзора за Сенатомъ, просуществовалъ не долго, такъ какъ 28 Янв. 1721 г. функціи его въ этомъ отношеніи перешли въ штабъ-офицерамъ гвардії, которые должны были присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и пользовались правомъ сажать подъ арестъ въ чемъ либо провинившихся сенаторовъ. Но такой порядокъ вещей, нарушающій престо~~ть~~ Сената, какъ высшаго государственного учрежденія, продержался не долго и вскорѣ былъ уничтоженъ.

Прокуроровъ Петръ учредилъ указомъ 12 Января 1722 г.¹⁾. Во главѣ ихъ былъ поставленъ генераль-прокуроръ, который вмѣстѣ со своимъ помощникомъ—оберъ-прокуроромъ, назначался государемъ и состоялъ при Сенатѣ. Въ его вѣдѣніи находились прокуроры при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, избиравшіе генераль-прокуроромъ и утверждавшіе Сенатомъ.

Генераль-прокуроръ, выражаясь словами указа 1722 года, являлся „око^м государевымъ“ и „стражемъ о дѣлахъ государственныхъ“. Въ качествѣ „государева ока“, онъ стоялъ во главѣ сенатской канцеляріи, причемъ ему было поручено смотрѣть, „чтобы не на столѣ только дѣла вершились, но самимъ дѣствомъ по указамъ исполнялись“, т. е., чтобы сенатскіе приговоры и указы были бы быстро отправляемы въ надлежашія мѣста для исполненія, а не валялись бы подолгу въ канцеляріи. Кроме того, генераль-прокуроръ заботился о хорошемъ устройствѣ послѣдней и о лучшемъ распределеніи ея занятій. Всѣ дѣла, поступившія въ Сенатъ, обязательно проходили черезъ руки генераль-прокурора и имъ вносились на разсмотрѣніе Сената. Онъ созывалъ чрезвычайныя и общія сенатскія засѣданія и присутствовалъ на нихъ въ качествѣ предѣдателя, т. е., руководилъ преніями, ставилъ вопросы на баллотировку, надзиралъ за порядкомъ и за исполненіемъ законовъ и т. п. Наконецъ, онъ пользовался правомъ протеста относительно сенатскихъ рѣшений и правомъ донесенія государю о неправильныхъ, по его мнѣ-

¹⁾ Однимъ изъ материаловъ при выработки этой реформы было письмо К. Зотова, легшее въ основу его же проекта о генераль-ревизорѣ. Такъ, изъ этого проекта заимствована Петромъ первая статья инструкціи генераль-прокурору, изданной 27 Апр. 1722 года послѣ тщательной переработки послѣдней самимъ государемъ. Затѣмъ изъ проекта заимствовано вѣсколько выражений и терминовъ въ томъ числѣ „око государево“ и „стражемъ о дѣлахъ государственныхъ“ (Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 75 и слѣд.).

нію, дѣйствіяхъ Сената. Подобная должностъ являлась въ то время крайне необходимой, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многие указы, имѣвшіе цѣлью регулировать сенатскія засѣданія. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ: „чтобы въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было, то время ни о чёмъ другомъ, только о настоящемъ говорить, рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и ~~потомъ~~ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ“. Затѣмъ такие факты, ~~какъ~~, напримѣръ, столкновеніе Шафирова и Писарева ¹⁾, и другіе, также свидѣтельствовали, что далеко не всѣ засѣданія Сената проходили безупречно, и что чувствовалась необходимость въ извѣстномъ органѣ надзора за Сенатомъ.

Въ качествѣ стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ, генераль-прокурору принадлежала извѣстная активная роль въ области законодательства. Такъ, онъ могъ возбуждать вопросы объ изданіи новыхъ законовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ 17 Апрѣля 1722 года, предписывающая генераль-прокурору, „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено“, предлагать Сенату, „чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы, и доносить намъ“ (т. е. государю). Наконецъ, генераль-прокуроръ объявлялъ Сенату словесные высочайшіе указы и представлялъ на усмотрѣніе государя всѣ исходящіе изъ Сената доклады, рапорты и меморіи. Генераль-прокуроръ въ отношеніи Сената былъ вполнѣ независимъ, что, конечно, являлось необходимымъ въ виду контролирующей власти, которая была ему присуща. „Генераль и оберъ-прокуроры“, читаемъ въ указѣ 17 Апрѣля 1722 года, „ничему суду не подлежать, кроме нашего“. Эта судъ могъ приговорить ихъ къ слѣдующимъ наказаніямъ. За умышленное преступление („есжели въ чемъ поманитии или иначе, какимъ образомъ ни есть, должностъ свою вѣдѣніемъ и волею преступить“) они, какъ преступники указовъ и явные раззорители отечества, должны быть приравнены къ измѣнникамъ, и даже „вашше“ измѣнниковъ, и подвергаться смертной казни. Ложный, по неумышленный доносъ, какъ единичный фактъ, не влекъ за собою уголовной кары, такъ какъ „лучше донесеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“; впрочемъ, при частомъ повтореніи прокуроры „не безъ вины бывали“.

¹⁾ См. у Соловьевъ, т. XVIII, стр. 146.

Положение прокуроровъ при коллегіяхъ и при надворныхъ судахъ было вполнѣ аналогично съ положеніемъ генераль-прокурора при Сенатѣ, съ тою разницею, что они пользовались менышею независимостью, такъ какъ подчинялись генераль-прокурору.

Изъ сказаннаго видно, какою большою властью пользовался ~~представитель „ока государева“~~, Будучи всегда почти во мнѣніяхъ подкрѣпляемъ высочайшей властью¹⁾, говорить о генераль-прокурорѣ одинъ современникъ Сперанскаго, „и слѣдственно получая вліяніе на сужденіе членовъ Сената, онъ составлялъ вормило государственного управлениія. Не нося званія первого ministра, онъ былъ таковыи на самомъ дѣлѣ. По этой-то причинѣ названъ онъ окомъ государя“¹⁾.

Третьимъ должностнымъ лицомъ, состоявшимъ при Сенатѣ, былъ рекетмейстеръ. Наличность его объясняется функциями вышаго апелляціонаго суда по отношенію къ коллегіямъ и другимъ судебнымъ мѣстамъ, принадлежавшимъ Сенату. На обязанности рекетмейстера лежали приемъ жалобъ на коллегіи и докладъ по нимъ Сенату. Впрочемъ, если изъ поданныхъ жалобъ рекетмейстеръ убѣждался въ наличии злоупотребленія со стороны коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, то онъ былъ обязанъ самъ поднять обѣ этомъ дѣло и донести о немъ уже не до свѣдѣнія Сената, но самого государя (указъ 1722 года). При рекетмейстѣ состояла особая рекетмейстерская контора, какъ часть сенатской капеллярии.

Четвертымъ сенатскимъ должностнымъ лицомъ былъ герольдмейстеръ, вѣдавшій шляхетство и также докладывавшій Сенату по предмету своей компетенціи. Герольдмейстеръ, какъ уже было сказано выше, унаслѣдовалъ функции Разряда.

Наконецъ, послѣдними должностными лицами были коммиссары отъ губерній (двоє отъ каждой), учрежденные для облегченія спошений Сената съ губерніями. На обязанности комиссаровъ было доставлять Сенату всѣ необходимыя ему свѣдѣнія по дѣламъ губерній, принимать отъ него указы, отсылать ихъ къ губернаторамъ и подавать Сенату рапорты и вѣдомости губернаторовъ. Впрочемъ, на практикѣ функции комиссаровъ не рѣдко расширялись путемъ порученія имъ исполненія по тѣмъ или инымъ дѣламъ²⁾.

¹⁾ Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генераль-прокуроры, стр. 125.

²⁾ Петровскій, назв. сочин., стр. 82.

Дѣлопроизводство Сената, въ отличие отъ московской думы, характеризовалось двумя признаками: усиленіемъ письменности и увеличеніемъ формальности. Современники даже жаловались на это, говоря, что, благодаря письменному элементу и излишнимъ формальностямъ, страдали какъ интересы государства, такъ и частныхъ лицъ. Въ особенности любопытна въ этомъ отношеніи жалоба извѣстнаго Фика, ~~п~~робно излагающаго весь процессъ рѣшенія дѣла со всеми его стадіями и свидѣтельствующа, что „одно дѣло чрезъ шесть и больше недѣль не окончится“ ¹⁾.

Обыкновенно порядокъ рѣшенія всякаго дѣла былъ слѣдующій: вначалѣ ~~дѣло~~ поступало къ оберъ-секретарю, который и ~~подготавливъ~~ ^{подготавлялъ} его къ докладу въ канцелярии Сената; затѣмъ слѣдовалъ ^{самый} докладъ, послѣ которого происходили ^{диспути}, т. е. пренія по поводу доклада. Регулировать ихъ было обязанностью генералъ-прокурора, передъ которымъ стояли песочные часы для наблюденія за тѣмъ, чтобы пренія не затягивались. За „диспутами“ слѣдовала баллотировка, при чемъ, на основаніи указа 5 Марта 1711 года, дѣла должны были рѣшаться единогласно. Впрочемъ, это продолжалось недолго, и въ 1714 году (4 Апрѣля) былъ изданъ другой указъ, которымъ вводилось рѣшеніе по большинству голосовъ ²⁾.

¹⁾ „Здѣсь“, говоритъ Фикъ, „когда какое дѣло вступить, то обычайно такая резолюція бываетъ: записать въ протоколъ и выписать и потомъ: 1) оное дѣло и по оному дана резолюція, въ протоколѣ запишется; 2) подъячему въ руки придетъ, который выписку сочинятъ имѣть — у него медлить нѣсколько дней, пока начнется; 3) а когда сочинится и на столъ положится, то лежитъ нѣсколько дней, пока прочтена будетъ; 4) когда такъ порядочно сочинена, что пять нужды нѣсколько разъ чернить и переписывать, то сочиняется по ней приговоръ и лежитъ паки нѣсколько времени, пока подписана будетъ; 5) и когда все то учинено, то проходитъ паки нѣсколько времени, пока указъ написанъ и закрытъ будетъ; 6) а случается, что при закрытии указа объ одномъ или другомъ дѣлѣ упоминается, для чего все дѣло вновь передѣлать нужда бываетъ; 7) и такъ одно дѣло чрезъ 6 или больше недѣль не окончится“ (Петровскій, назв. соч., стр. 329).

²⁾ „А съ той диспучи“, гласить указъ, „куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить, и подписывать всѣмъ общую сентенцию, кто и спорить будетъ, понеже болѣе его голосовъ туда стало“. Въ подлинныхъ дѣлахъ Сената, по свидѣтельству г. Петровскаго, единогласное рѣшеніе всегда выражается въ формуѣ: „согласно приговорили“, рѣшеніе же по большинству голосовъ — въ формуѣ: „по диспучу приговорили“. Такимъ образомъ анализъ содержания архивныхъ данныхъ, касающихся дѣлопроизводства Сената и найденныхъ г. Петровскимъ, вполнѣ опровергаетъ мнѣніе, высказанное нѣкоторыми учеными (напр., Неволинъ, Дмитревскимъ, Градовскимъ, Андреевскимъ и др.), будто при Петре дѣла въ Сенатѣ всегда рѣшались единогласно (Петровскій, назв. соч., стр. 333).

Все, что происходило на засѣданіи, вносилось въ протоколъ, подписьавшійся всѣми сенаторами, съ цѣлью открытия „дурости“ каждого изъ нихъ, по выражению Петра¹⁾. Однако, на практикѣ послѣднее правило не всегда соблюдалось. Такъ, до насъ дошла жалоба генераль-прокурора Писарева на извѣстнаго Шафирова, изъ которой видно, что послѣдній „никогда голоса своего записывать не велитъ, чтобы неизвѣстны были приговоры его, которые онъ чинитъ по страстямъ и кричить на оберъ-секретаря, такъ и на секретарей неучтивостью и бранью“. Сенатскій приговоръ облекался въ канцеляріи въ форму указа и разсыпался въ соотвѣтствующія учрежденія, обязанныя немедленно исполнить его и рапортовать о томъ Сенату. Вначалѣ послѣдній засѣдалъ ежедневно, но съ 1714 года засѣданія происходили въ опредѣленные дни, причемъ зимою съ 6 часовъ утра, а лѣтомъ съ 8-ми. Каждое засѣданіе должно было продолжаться не менѣе 5 часовъ.

Компетенція Сената была весьма обширна. Въ виду того, что онъ являлся помощникомъ государя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, его двойникомъ („вмѣсто его величества персоны“ — въ отсутствіе государя), онъ вѣдалъ рѣшительно все и всѣхъ. Не было отрасли управлѣнія (въ осо-бенности до учрежденія коллегій), которая не входила бы въ составъ компетенціи Сената. „Все на васъ положено“, „все у васъ въ рукахъ“, неоднократно заявлялъ Петъръ въ своихъ указахъ и письмахъ Сенату.

Во-первыхъ, Сенатъ фигурировалъ въ качествѣ высшей // судебной инстанціи въ аппеляціонномъ отношеніи. Только, въ видѣ исключенія, въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣлъ и лицъ, Сенатъ являлся судомъ первой инстанціи²⁾. Обыкновенно-же Сенатъ, въ качествѣ высшаго аппеляціоннаго суда, разрѣшалъ всѣ жалобы на рѣшенія коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, причемъ рѣшенія Сената не подлежали обжалованію,

¹⁾ Протоколъ обязаны были подписывать и отсутствовавшіе сенаторы, почему онъ посыпался имъ на домъ. Вообще, посыщеніе сенатскихъ засѣданій было обязательно, за исключениемъ случаевъ „крайней нужды“ и болѣзни; непосыщеніе-же засѣданія по другимъ причинамъ влекло за собою штрафъ въ 50 руб.

²⁾ Такъ, Сенатъ судилъ дѣла по политическимъ преступленіямъ (по двумъ первымъ пунктамъ), конкурируя въ этомъ отношеніи съ Преображенскимъ приказомъ и Тайной розыскной канцеляріей, а также по преступленіямъ нѣкоторыхъ лицъ, напр., фискаловъ, казначеевъ, членовъ комиссариата и др. Наконецъ, иногда самъ государь предписывалъ то или другое дѣло разсмотрѣть прямо въ Сенатѣ.

„понеже вышній Сенатъ“, какъ гласить указъ 22 Декабря 1718 года, „отъ его царскаго величества высокоповѣренныемъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоить, которымъ не только члобитчиковы дѣла, но и правление государства повѣрено есть“. Было уже сказано, при обзорѣ судебныхъ правъ государя, въ какихъ случаяхъ нарушалось названное правило, и когда, слѣдовательно, можно было жаловаться на Сенатъ, а именно: 1) когда Сенатъ отказывался рѣшать дѣло, 2) когда Сенатъ рѣшалъ явно противозаконно, 3) въ случаѣ отсутствія закона на данный случай.

Въ отличіе отъ московской думы послѣдній, постановляя судебній приговоръ, не законодательствовалъ ad hoc, но примѣнялъ законъ къ конкретному случаю; только, вслѣдствіе отсутствія или неясности закона, онъ, на основаніи указа 25 Августа 1713 г., могъ постановить рѣшеніе по собственному усмотрѣнію, которое съ 1722 года должно было получать санкцію со стороны государя.

Во-вторыхъ, Сенату принадлежала масса функцій въ 1) области управления, въ виду присущаго ему характера высшаго правительственно-административнаго учрежденія. Не ошибаясь, можно сказать, что не было отрасли управлениія, не входившей въ составъ его компетенціи. „Едино сказать“, читаемъ въ указѣ 1718 года, перечислявшемъ функціи Сената, „всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе-бы простираТЬ и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать“. Такимъ образомъ Сенатъ являлся средоточиемъ всего управлениія, въ особенности до учрежденія коллегій, когда нѣкоторыя сенатскія функціи перешли къ нимъ. Въ отдѣльности въ области управлениія Сенатъ вѣдалъ: 1) военное дѣло, т. е. снабженіе арміи и флота людьми, лошадьми, аммуниціей, боевыми припасами, жалованьемъ, провіантомъ и фуражемъ, сборъ и доставку рекрутъ, а также надзоръ за службою и обученіемъ шляхетства (черезъ герольдмейстера); 2) финансы, торговлю и промышленность, т. е. приходы и расходы государственныхъ суммъ (имѣя въ виду „деньги, какъ возможно болѣе сбирать“), установление новыхъ налоговъ, монетное дѣло и урегулированіе всѣхъ видовъ торговли и промышленности; 3) полицію безопасности и благосостоянія, т. е. постройку городовъ, прорытіе каналовъ, проведеніе дорогъ, организацію почтовой части, принятія мѣръ противъ пожаровъ, голода, заразительныхъ болѣзней и разбоевъ, заботу о школахъ и духовныхъ дѣлахъ.

(до учреждения Св. Синода, когда неоднократно происходили совместные заседания Сената и освященного собора; послѣ учреждения Синода такія совместные заседанія происходили между нимъ и Сенатомъ, но только при разрешеніи дѣлъ, затрагивавшихъ интересы какъ церкви, такъ и государства); 4) иностранную политику, т. е. сношения съ иностранными государствами черезъ коллегию иностранныхъ дѣлъ и русскими посланниками непосредственно.

Наконецъ, въ-третьихъ, Сенату принадлежали нѣкоторыя права въ области законодательства. Не будучи участникомъ верховной власти, какъ боярская дума, Сенатъ не имѣлъ того законодательного значенія, которое принадлежало послѣдней, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1722 года законодательные права его значительно расширились, напоминая собою права думы¹⁾. Вообще, при изложеніи значенія Сената въ области законодательства, всегда необходимо имѣть въ виду два періода, раздѣленные собою 1722 годомъ.

Въ первомъ періодѣ, Петръ, занятый шведскою войною и реформаторскою дѣятельностью, неоднократно покидалъ не только столицу, но и предѣлы государства, и тогда права Сената, фигурировавшаго въ качествѣ регентства, облеченнаго всѣми атрибутами верховной власти, крайне расширялись. Въ присутствии же государя Сенату не принадлежало право законодательства, но только участіе въ послѣднемъ въ роли законосовѣщательного учрежденія. Въ качествѣ такого, онъ могъ возбуждать законодательные вопросы и участвовать въ составлениі и обсужденіи проектовъ, но санкція послѣднихъ сосредоточивалась исключительно въ рукахъ государя. Иначе обстояло дѣло въ отсутствіи послѣдняго, когда Сенатъ являлся „собраніемъ, установленнымъ вмѣсто его царскаго величества собственной персоны“. Тогда, замѣняя собою государя, онъ пользовался правомъ издавать своею властью законы, вступавшіе въ дѣйствіе безъ санкціи со стороны го-

¹⁾ Законодательное значеніе Сената при Петре обстоятельно выяснено г. Петровскимъ въ извѣ соч. Однако, противъ мнѣнія, что Сенатъ до 1722 г. имѣлъ права въ области законодательства выступилъ проф. Коркуновъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Петровского (Журн. гражд. и уголовн. права, 1875 г.). По мнѣнію г. Коркунова, у Сената была только одна распорядительная, а не законодательная власть. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, въ виду яснаго и категоричнаго заявленія памятниковъ (см. текстъ). Распорядительную власть Сенатъ дѣйствительно получилъ, но только съ 1722 г. послѣ того, когда у него были ограничены пра га въ области законодательства.

сударя. Это право Сената было выражено въ собственноручной помѣтѣ Петра на докладныхъ пунктахъ Сената, представленныхъ имъ государю въ 1721 г. „Какое дѣло позоветъ“, читаемъ здѣсь, „о новомъ какомъ опредѣлениі генеральному (т. е. о законѣ), то не должно въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить; а буде въ отлученіи нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытия нашего невозможнно, то Сенату подписать и потомъ публиковать“.

Сенатъ широко пользовался названнымъ правомъ, издавая указы, какъ измѣнявшие составъ и компетенцію государственныхъ учрежденій, такъ и отмѣнявшие или пристанавливавшіе на время именные указы, т. е. изданные самимъ государемъ. Такъ, Сенатъ въ отсутствіи Петра взялъ въ свое вѣдѣніе Помѣстный приказъ, подчиненный до тѣхъ поръ московскому губернатору, передалъ розыскныя дѣла въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, уничтожилъ Ямской приказъ, возстановилъ приказъ церковныхъ дѣль, учредилъ Купецкую палату и т. п. Что касается до отмѣны именныхъ указовъ, то любопытными примѣрами подобной отмѣны могутъ служить слѣдующіе. Такъ, именной указъ 1719 года запретилъ повсюду рубку дуба, но, не смотря на это, Сенатъ, своею властію, издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ рубить дубъ въ Сибири, въ Астраханской губерніи и Уфимской провинціи, такъ какъ на материальномъ благосостояніи этихъ мѣстностей указъ 1719 года отозвался тяжело. Затѣмъ, именной указъ 1722 года постановилъ, чтобы въ бурмистры и цѣловальники въ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ не выбирались купцы, но только дворяне и офицеры. Однако, Сенатъ, по донесенію Камеръ-коллегіи, что такихъ лицъ оказывается немногого, возстановилъ своимъ указомъ прежній порядокъ вещей, т. е., отмѣнилъ именной указъ. Наконецъ, Сенатъ своею властію пристанавилъ на время дѣйствіе именного указа 1712 года о запискѣ охотниковъ въ солдаты и т. п.

Второй періодъ въ дѣятельности Сената въ области законодательства начинается съ 1722 года. Къ этому времени прекратились тѣ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, вслѣдствіе шведской войны, почему государь могъ уже чаще находиться въ столицѣ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ государственномъ управлении. Въ этомъ году издается указъ (17 Апрѣля), ограничивающій законодательныя права Сената, въ случаѣ отсутствія государя изъ столицы. Всѣ, при отправленіи своихъ дѣль, читаемъ

въ указѣ, „встрѣтъ недоразумѣніе, которое регламентами не устраниется, или о чёмъ въ регламентахъ сказано темно, не рѣшалъ, приносили бы выписки въ Сенатъ, который обязанъ объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако же не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявить намъ, и когда опредѣлимъ и подпишимъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ и потомъ въ дѣйство производить“. Такимъ образомъ, изъ цитированного отрывка указа 1722 года видно, что, въ случаѣ присутствія государя въ столицѣ, сохраняется прежнее значеніе Сената, въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Но и въ отсутствіе государя, Сенатъ не подукаетъ теперь права законодательства, а одну только, такъ называемую, распорядительную власть. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ указа: „Буде же, гласитъ онъ, „когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подпишавъ, еслимъ чинить, но не печатать, ниже утверждатъ вссе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ (т. е., утвержденъ), напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будеть“. Иначе говоря, право законодательной санкціи было отнято отъ Сената.

Но лишившись его, Сенатъ попрежнему принималъ участіе въ законодательствѣ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Въ качествѣ такового, ему принадлежали слѣдующія права: 1) иниціатива законовъ, которая выражалась въ двухъ формахъ, а именно, во-первыхъ, когда подчиненные Сенату присутственныя мѣста (коллегіи, канцеляріи, конторы и друг.) обращались къ нему съ ходатайствомъ о разъясненіи темноты и противорѣчія въ законахъ или обѣ изданія новыхъ или отмѣнѣ старыхъ законовъ и, во вторыхъ, когда Сенатъ самъ приходилъ къ сознанію необходимости видоизмѣнить дѣйствующее законодательство; 2) составленіе проекта закона и обсужденіе его, благодаря которымъ Сенатъ имѣлъ важное значеніе въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Такъ, желая уничтожить тотъ законодательный хаосъ, который существовалъ въ то время въ Россіи, и, благодаря которому, суды „играли въ законы, какъ въ карты, подбирая масть къ масти“, Петръ въ 1714 году предписалъ Сенату разобрать всѣ указы и изъ многихъ, противорѣчашихъ другъ другу, „выбрать приличные къ истинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ“. Затѣмъ, при учрежденіи коллегій, Сенатъ также игралъ весьма видную роль, что явствуетъ изъ двухъ ука-

зовъ, изданныхъ въ 1718 году. На основаніи первого изъ нихъ (28 Апрѣля) Сенатъ долженъ быть, имѣя въ виду шведскіе законы, составить регламенты и инструкціи для коллегій, причемъ обо всемъ, что въ названныхъ законахъ оказалось бы „неудобнымъ или съ ситуациою сего государства (т. е. Россіи) несходнымъ, о томъ разсуждать, разсмотрѣть и на мѣрѣ поставить“. На основаніи второго указа (11 Іюня) было предписано, разсмотрѣвъ предварительно регламенты въ коллегіяхъ, внести ихъ въ Сенатъ, гдѣ решить спорныя дѣла, составить по поводу нихъ мнѣнія и „выписать“ въ докладъ государю. Въ этомъ же году (19 Мая) Петръ издалъ третій указъ (касавшійся реформы мѣстнаго управлениія), которымъ предписалъ Сенату „выписать изъ шведскихъ законовъ и шведскіе порядки спускать съ русскими обычаями, что можетъ быть по старому и что перемѣнить, то все ставить на мѣрѣ“. Въ 1719 году на Сенатъ, какъ уже извѣстно, была возложена обязанность составленія новаго Уложенія. Наконецъ, въ 1722 году онъ долженъ былъ, примѣняясь къ Воинскому и Морскому уставамъ, составить уставъ о наказаніяхъ за государственные преступленія и т. п.; 3) публикація законовъ, о чмъ было уже говорено прежде.

Послѣ смерти Петра въ положеніи Сената произошли большія перемѣны, а именно, съ учрежденіемъ въ 1726 году Верховнаго тайного совѣта значеніе Сената въ государственномъ управлениі крайне умалилось. Неудивительно поэтому, что онъ отказался принять указъ объ учрежденіи совѣта, „для того, что присланъ къ нимъ (сенаторамъ) указъ и велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“¹⁾. Однако, въ виду вторичнаго предписанія со стороны императрицы, Сенатъ долженъ былъ подчиниться и признать совѣтъ, въ которомъ, какъ уже было сказано, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ—иностраницъ, сказался „шагъ къ перемѣнѣ формы правленія“.

Съ этого момента начинается періодъ упадка Сената, что отразилось на всемъ характерѣ послѣдняго. Такъ, назначеніе сенаторовъ стало до извѣстной степени функціей совѣта (кандидаты въ сенаторы представлялись совѣту сенатомъ или же самъ совѣтъ предлагалъ императрицѣ лицъ для назначенія

¹⁾ По словамъ проф. Филиппова „ни въ дѣлахъ совѣта, ни въ сенатскомъ архивѣ мин. юстиціи слѣдовъ этого указа не осталось“ (Исторія Сената въ правлениѣ Верховнаго тайного совѣта, стр. 148).

въ Сенатъ, причемъ присяга вновь назначеннаго сенатора происходила въ присутствіи одного изъ членовъ совѣта), а должность генераль-прокурора была фактически упразднена¹⁾. Функции его отчасти перешли къ совѣту, ставшему отныне посредникомъ между Сенатомъ и государыней, отчасти (напр., контроль надъ дѣятельностью Сената, предсѣдательствование на его засѣданіяхъ, управление сенатскою канцеляриею и т. п.) къ оберъ-прокурору. Компетенція Сената была крайне сужена, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла перешли къ совѣту, а среди неважныхъ, оставленныхъ въ рукахъ Сената, очень многія разрѣшались не иначе, какъ съ вѣдома и согласія совѣта. Вообще въ отправлении своихъ функций Сенатъ оказывался далеко не самостоятельнымъ, такъ, денежныя выдачи, на основаніи указа 15 Іюля 1726 г., онъ могъ производить только по указамъ совѣта; затѣмъ, согласно указу 4 Янв. 1727 г., былъ обязанъ подавать въ Совѣтъ еженедѣльныя вѣдомости о движении государственныхъ доходовъ и расходовъ; мало того, съ изъятіемъ въ томъ же 1727 году Ревизіонъ-коллегіи изъ вѣдѣнія Сената и съ подчиненiemъ ея непосредственно совѣту, Сенатъ наравнѣ со всѣми коллегіями долженъ былъ представлять ей свои счеты и отчеты. Что Сенатъ являлся въ это время учрежденiemъ, далеко не самостоятельнымъ, видно также и изъ того, что онъ получалъ указы изъ совѣта, которые былъ обязанъ исполнять, фигурируя такимъ образомъ въ роли исполнительного органа совѣта. По словамъ проф. Филиппова, имѣвшаго въ своихъ рукахъ архивныя данныя этого периода въ исторіи Сената, „въ подлинныхъ протоколахъ и журналахъ Сената всегда на первомъ мѣстѣ стоятъ приказы Сената по исполненіи указовъ совѣта“, которыхъ было такъ много, что Сенатъ большую часть времени отдавалъ имъ²⁾. За неисправное исполненіе своихъ обязанностей Сенатъ получаетъ выговоры и замѣчанія отъ Совѣта, а иногда даже и штрафуется послѣднимъ. Суженіе компетенціи Сената, выражлось въ томъ, что вся сфера верховнаго управления перешла къ совѣту, въ области же законодательства за Сенатомъ были оставлены:

¹⁾ Генераль-прокуроръ Ягужинскій получилъ другое назначеніе, причемъ на его мѣсто не только никто не былъ назначенъ, но совѣтъ даже рѣшилъ: „отствовать окладъ, который даванъ генераль-прокурору“, т. е. уничтожилъ генераль-прокурорскій окладъ въ штатѣ Сената, не уничтожая однако de jure самой должности.

²⁾ Исторія Сената, стр. 317.

иніціатива законовъ, принадлежавшая ему, впрочемъ въ той же мѣрѣ, какъ и коллегіямъ, толкованіе законовъ и ихъ публикація. Что касается до судебныхъ функций Сената, то и онѣ оказались крайне умаленными, такъ какъ право высшаго апелляціоннаго суда по многимъ преступленіямъ перешло къ совѣту, Сенатъ же въ такихъ случаяхъ сдѣлался одною изъ судебныхъ инстанцій, на рѣшенія которой можно было жаловаться въ совѣтъ, въ виду чего должностъ реектмейстера оказалась упраздненою и ея функции были переданы оберъ-прокурору (указъ 7 Марта 1727 г.). Наконецъ, многія дѣла (напр., о важныхъ политическихъ и служебныхъ предступленіяхъ) были совсѣмъ изъяты изъ сферы юрисдикціи Сената, приговоры же его по другимъ дѣламъ, оставшимся въ его вѣдѣніи, нуждались въ утвержденіи со стороны совѣта (напр., по преступленіямъ, влекшимъ за собою смертную казнь или политическую смерть, дѣла о политическихъ преступникахъ „меньшей важности“ и др.). Постепенно Сенатъ приравнивается къ коллегіямъ, тѣмъ болѣе что три главныя изъ нихъ (военная, морская и иностранныхъ дѣлъ) даже формально эмансируются изъ подъ его власти ¹⁾, причемъ начинаютъ сноситься съ нимъ промеморіями, а не рапортами, какъ прежде (указъ 8 Февр. 1726 г.). Затѣмъ до настѣнно дошло много указовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ попыткою приравнять Сенатъ къ коллегіямъ, такъ какъ слова: „Сенатъ и прочія коллегіи“ являются въ нихъ стереотипными. Наконецъ, обязательная отчетность передъ Ревизіонъ-коллегіею, посылка въ совѣтъ рапортовъ и получение отъ него, какъ и коллегіи, указовъ, призывъ сенаторовъ наравнѣ съ членами коллегій для объясненій въ совѣтъ, получение Сенатомъ, какъ и коллегіями, выговоровъ отъ совѣта и т. п., все это довершила названное приравленіе. Поэтому неудивительно, что современники, въ особенности иностранцы, считали Сенатъ за особую коллегію (см. у Бюшинга, гдѣ Сенатъ помѣщенъ въ число коллегій и гдѣ ему „принадлежитъ управление государственнымъ хозяйствомъ, юстиціею и полиціею“) ²⁾). При

¹⁾ Въ п. 11 Мнѣнія не въ указѣ читаемъ: „первые три коллегіи подъ Сенатомъ быть не могутъ“ (Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. LV, стр. 95).

²⁾ Градовскій, Высшая администрація въ Россії XVIII в. и генераль-прокуроры, стр. 143. Другой иностранецъ, Цедеркрайцъ замѣчаетъ, „что русскій Сенатъ похожъ на особую коллегію, изъ которой исходятъ всѣ ордера и экспедиціи касательно внутреннихъ дѣлъ государства“ (Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 680).

такомъ упадкѣ Сената, онъ, конечно, не могъ болѣе титуловаться „правительствующимъ“ и сталъ называться „высокимъ“ (указъ 14 Марта 1726 г.). Итакъ, вотъ во что превратился Сенатъ, это любимое дѣтище царя-реформатора, учрежденное имъ „вмѣсто собственной его царскаго величества персоны“!

По вступлениіи на престолъ Анны Ивановны, когда партія шляхетства, стоявшая за самодержавіе, подала государинѣ свою извѣстную челобитную о воспріятіи послѣдняго, то она просила, между прочимъ, „чтобы соизволили учинить вмѣсто Верховнаго тайного совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при его величествѣ Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною“. Анна Ивановна исполнила это желаніе. Она уничтожила Верховный тайный совѣтъ, возвратила Сенату титулъ „правительствующій“, значительно расширила его компетенцію, увеличила число сенаторовъ до 21, возстановила должности рекетмейстера и генералъ-прокурора, подчинила Сенату коллегіи и даже раздѣлила его на пять департаментовъ (впрочемъ, на практикѣ это дѣленіе не было осуществлено¹⁾). Однако, съ учрежденiemъ Кабинета, который, по вѣрному выраженію указа, изданнаго впослѣдствіи Елизаветой Петровной (въ 1741 году), „сочиненъ былъ въ равной силѣ, какъ Верховный тайный совѣтъ, и только одно имя перемѣнено²⁾“), наступилъ опять періодъ упадка Сената. Во-первыхъ, огромная масса дѣлъ, входившая прежде въ составъ компетенціи Сената, теперь была передана Кабинету, такъ что въ категоріи предметовъ вѣдомства первого стали относиться только одни маловажныя дѣла, при решеніи которыхъ онъ та же далеко не всегда былъ самостоятеленъ; во-вторыхъ, Сенатъ наравнѣ съ коллегіями долженъ былъ, на основаніи

¹⁾ Департаменты при Аннѣ Ивановнѣ отличались отъ департаментовъ при Екатеринѣ II тѣмъ, что сами не рѣшали никакихъ дѣлъ, а только подготовляли къ рѣшенію въ общемъ собраніи. При Екатеринѣ же II въ департаментахъ сосредоточивалось рѣшеніе массы дѣлъ, и въ общее собраніе поступали только такія дѣла, по которымъ не состоялось единогласнаго рѣшенія въ департаментахъ.

²⁾ Точно также по словамъ доклада, представленнаго Елизаветѣ Петровнѣ собраниемъ министровъ, сенаторовъ и генералитета 9 Декабря 1741 г. у Верховнаго тайного совѣта и Кабинета „имена разныя, а дѣйство почти одно въ обѣихъ было“ (Филипповъ, „Докладъ имп. Елизаветѣ Петровнѣ о восстановленіи власти Сената“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., кн. 2).

двухъ указовъ 1731 г., представлять ежемѣсячно рапорты и реестры въ кабинетъ „о производящихся въ немъ дѣлахъ для усмотрѣнія, безволокитно ли по онмъ рѣшенія бывають“, т. е. иначе говоря, былъ созданъ контроль Кабинета надъ дѣятельностью Сената¹⁾; въ-третьихъ, Кабинетъ посыпалъ въ Сенатъ сообщенія, приказы (даже словесные) и указы, получая отъ него представлениа, рапорты (доношениа) и доклады²⁾; въ-четвертыхъ, должностъ генераль-прокурора опять была фактически отменена, что продолжалось въ теченіе почти десяти лѣтъ, т. е. до 28 Апрѣля 1740 г., когда на нее былъ назначенъ кн. Трубецкой; въ-пятыхъ, три первыя коллегіи были изъяты изъ вѣдѣнія Сената, а военная коллегія даже получила право въ нѣкоторыхъ случаяхъ не исполнять сенатскихъ указовъ³⁾. Единственно, что осталось за Сенатомъ, это—его титулъ „правительствующій“, бывшій, однако, теперь совсѣмъ не у мѣста. Такимъ образомъ, Сенатъ, по выражению фельдмаршала Миниха, обратился въ ничто, вслѣдствіе чего старые

¹⁾ По словамъ проф. Филиппова, изучавшаго исторію Кабинета на основаніи архивныхъ данныхъ, эти рапорты, будучи весьма обширны, передавались точно и обстоятельно обо всмъ томъ, что дѣлали Сенатъ въ теченіе мѣсяца (Филипповъ, Кабинетъ министровъ и Прав. Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (Сборникъ, Правовѣдія, т. VII, стр. 1—61).

²⁾ Въ первыя годы царствованія Анны Ивановны преобладающей формою сношеній Кабинета съ Сенатомъ были сообщенія и приказы, но съ 1735 г. указы. Въ 1739 г. вопросъ о формѣ сношеній между двумя учрежденіями былъ предметомъ обсужденія въ Кабинетѣ, причемъ послѣдній постановилъ: „за подписаніемъ г.г. каб.-министровъ о всякихъ дѣлахъ сообщеніями писать въ Прав. Сенатъ и въ Прав. Св. Синодъ, а въ коллегіи, канцеляріи и конторы писать указами“. Такимъ образомъ повидимому Сенатъ и Синодъ были выдѣлены изъ ряда другихъ учрежденій, но, по справедливому замѣчанію проф. Филиппова, какъ съ этого времени, такъ и раньше, „сообщенія“ въ сущности были тѣми же указами, такъ какъ, извѣщая Сенатъ о томъ или другомъ фактѣ или разсужденіи Кабинета по его поводу, Кабинетъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ или указывалъ Сенату поступить такъ или иначе. Точно также „представлениа“ Сената Кабинету по существу ни чѣмъ не отличались отъ его рапортовъ или докладовъ (Филипповъ назв. статья въ Сборн. Правов., т. VII; см. также Сбор. Русск. Истор. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. LXV).

³⁾ А именно, въ томъ случаѣ, когда они противорѣчили именными указами, по вѣрному замѣчанію Градовскаго, нарушалось основное положеніе Генерального регламента, по которому коллегія, получивши сенатскій указъ, не сходный, по ея мнѣнію, съ именными, должна была представить объ этомъ Сенату и, въ случаѣ подтвержденія имъ, исполнить его безпрекословно, донеся государю (Градовскій, назв. соч., стр. 158).

сенаторы перестали ёздить на его засѣданія, отговариваясь болѣзнью¹⁾.

Въ царствованіе Ивана Антоновича, когда правительни-
цей, послѣ низверженія Бирона, была мать малолѣтняго го-
сударя, Анна Леопольдовна, упадокъ Сената достигъ апогея
своего развитія. Лишенный законодательной функции, Сенатъ
и въ области администраціи и суда вполнѣ зависѣлъ отъ
Кабинета. Въ это время была учреждена должность ревет-
майстера при высочайшемъ дворѣ, которому можно было по-
давать жалобы на медленность рѣшенія дѣлъ Сенатомъ, „а
тѣ коллегіи, канцеляріи и самій Сенатъ“, читаемъ въ ука-
зѣ объ учрежденіи названной должности, 27 Ноября 1740 г.),
„которые членовъ въ указанные сроки не удоволь-
ствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и волокиту штрафова-
ны“. Кромѣ того, въ это время Сенатъ долженъ былъ по-
давать о своей дѣятельности въ Кабинетъ уже не ежемѣ-
сячные, но еженедѣльные рапорты²⁾.

Со вступлениемъ на престолъ Елизаветы Петровны по-
ложение вещей сразу измѣнилось, и наступилъ золотой вѣкъ
въ исторіи Сената. Вѣрная традиціямъ политики своего отца,
Елизавета Петровна возстановила Сенатъ въ прежнемъ его
значеніи и упразднила Кабинетъ³⁾. „Повелѣваемъ къ отвра-
щенію бывшихъ до сего времени непорядковъ, читаемъ въ
указѣ, изданномъ по этому поводу, „въ правленіи государ-

1) Записки Миниха, изд. Семевскаго, стр. 46. Впрочемъ, въ концѣ царствова-
нія Анны Ивановны значеніе Сената нѣсколько увеличилось, что выражалось
въ учащеніи такъ называемыхъ „генеральныхъ собраний“, т. е., совмѣстныхъ
засѣданій Сената и Кабинета, созывавшихся за все время существованія Каби-
нета, но учащихся въ періодѣ времени отъ 1737 года по 1739 годъ вклю-
чительно, въ возстановленіи, какъ мы видѣли должности генераль-прокурора,
въ подчиненіи нѣкоторыхъ коллегій и канцелярій Сенату и въ обязанности съ
ихъ стороны обращаться къ нему за разрѣшениемъ дѣлъ во всѣхъ сомнитель-
ныхъ случаяхъ. Мало того, къ этому времени относится проектъ преобразова-
нія Сената, имѣвшій цѣлью, по словамъ маркиза де-Шетарди, доставить ему
прежній блескъ, причемъ предполагалось составить его изъ лицъ, принадлежа-
щихъ къ лучшимъ фамиліямъ (Градовскій, назв. соч., стр. 160).

2) По исторіи Сената за это время см. статью г. Лазовскаго „Правите-
льствующій Сенатъ съ 17 Октября 1740 по 25 Ноября 1741 г.“ (Внутренній бытъ
русскаго государства, кн. II).

3) Мы уже говорили о томъ докладѣ, который былъ представленъ Елизавѣтѣ Пётровнѣ собраниемъ министровъ, сенаторовъ и генералитета 3 Декабря 1741 г! Докладъ явился отвѣтомъ на словесный указъ государыни, въ которомъ
она выказалась свое „намѣреніе возобновить правительство на томъ фундамен-
тѣ, какъ оное было при жизни государя—родителя ея величества, Петра Ве-
ликаго“ (Филипповъ, назв. статья въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., кн. 2).

ства слѣдующее: правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежнюю свою силу и власть въ правлѣніи внутреннихъ всякихъ званія государственныхъ дѣлъ". Въ виду этого, Сенатъ снова сталъ во главѣ управлѣнія государствомъ, фактически же, вслѣдствіе индифферентизма Елизаветы Петровны къ государственнымъ дѣламъ, пріобрѣлъ огромную власть. На это впослѣдствіи жаловалась Екатерина II, когда писала князю Вяземскому, что „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписаныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебнія мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ". По мнѣнію Екатерины, подобный порядокъ вещей происходилъ вслѣдствіе „неприлежанія къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ". И действительно, власть Сената въ это время была огромна, онъ фактически являлся распорядителемъ всѣхъ судебнія государства, и никто не имѣлъ возможности ему противостоять.

До какой степени доходила эта власть, можно видѣть по тѣмъ примѣрамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова диктаторскихъ мѣръ, которыя иногда примѣнялись Сенатомъ. Такъ, въ 1750 г., во время голода, онъ едѣлъ описать весь хлѣбъ, имѣвшійся у помѣщиковъ, купцовъ и промышленниковъ, для раздачи бѣднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запрѣтилъ помѣщикамъ виноизуреніе, обязавъ ихъ не только кормить крестьянъ, но и снабжать ихъ сѣменами для посѣвовъ. Затѣмъ въ 1754 году, ради сохраненія лѣсовъ, онъ предписалъ уничтожить всѣ, отстоявшіе отъ Москвы менѣе, чѣмъ на 200 верстъ, хрустальные, стеклянные и желѣзные заводы; та же мѣра, но въ отношеніи Петербурга, была предпринята имъ въ 1759 году. Наконецъ, однажды, вслѣдствіе недостатка мѣди для чеканки монеты, онъ распорядился конфисковать половину наличной мѣди у частныхъ собственниковъ и т. п. Законодательное значеніе Сената въ это время также было громадно; фактически онъ сплошь да рядомъ фигурировалъ въ роли единственного субъекта законодательной власти, такъ какъ всѣ моменты составленія закона, съ санкціей послѣдняго включительно, сосредоточивались въ немъ. Такъ, въ 1742 году онъ издалъ указъ, которымъ призналъ малолѣтними всѣхъ лицъ, не достигшихъ 17 лѣтъ, при немъ освободилъ ихъ отъ пытки и смертной казни. Въ 1744 г. онъ предписалъ исполнять смертные приговоры только по утвержденіи ихъ имъ самимъ. Въ 1757 г. онъ собственномъ

властью смягчилъ тѣлесныя наказанія для женщинъ, предписавъ послѣднихъ, по наказаніи кнутомъ, ссылать въ Сибирь, не вырывая имъ ноздрей и не клеймя ихъ. Затѣмъ Сенатъ разрѣшилъ давать деньги въ долгъ на годовой срокъ, хотя банковый уставъ запретилъ занимать болѣе, чѣмъ на полѣ-года, причемъ, измѣнія такимъ образомъ дѣйствующій законъ, онъ мотивировалъ подобную мѣру широкими полно-мочіями, принадлежащими ему измѣнить дѣйствующее зако-нодательство. Наконецъ, Сенатъ широко пользовался правомъ толкованія законовъ, понимая крайне своеобразно это право (такъ, въ одномъ случаѣ онъ примѣнилъ къ Малороссии Уложеніе, а не Литовскій статутъ, дѣйствовавшій тамъ) и т. п.

Само собою разумѣется, что въ царствованіе Елизаветы Петровны всѣ коллегіи и вообще всѣ учрежденія—централь-ныя и мѣстныя, были подчинены Сенату и, по свидѣтель-ству Екатерины II, „черезъ такія великия гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ такой упадокъ, что и регламентъ свой позабыли; раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находя-щихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется“.

Правда, въ концѣ разсматриваемаго царствованія была учреждена особая Конференція при высочайшемъ дворѣ¹⁾, но она не имѣла ничего общаго ни съ Кабинетомъ, ни съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, такъ какъ вѣдала почти ис-ключительно одну иностранную политику. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что она сносила съ Сенатомъ, какъ равная съ равными, а именно экстрактами изъ протоколовъ васѣданий. Послѣдний же попрежнему вѣдалъ всю внутреннюю поли-тику государства, о чёмъ свидѣтельствуетъ указъ Елизаветы Петровны, изданный за два года до ея смерти, въ которомъ Сенатъ назывался „первымъ государственнымъ мѣстомъ по должностіи своей и по данной ему власти“²⁾.

¹⁾ Впрочемъ, de facto Конференція существовала съ самого упраздненія Кабинета, но слѣды ея дѣятельности впервые встречаются въ 1746 г. (Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. I, стр. 642).

²⁾ Правда, Конференція имѣла пополненіе стать выше Сената, но встрѣ-тила энергичный отпоръ со стороны послѣдняго. Такъ, въ 1759 г., Конферен-ція потребовала отъ Сената донесенія по поводу одного дѣла. Сенатъ отка-залъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ, „какъ первое государственное мѣсто, кроме ея импер. величества, не обязанъ никому свои мнѣнія подавать“ (Соловьевъ, История Россіи, т. XXIV., стр. 365).

Начало паденія столь огромнаго значенія Сената относится къ царствованію Петра III, когда, во-первыхъ, изъ него въдѣнія были изъяты три первыя коллегіи и непосредственно подчинены особому Совѣту при высочайшемъ дворѣ, и когда, во-вторыхъ, отъ Сената было отнято право законодательной дѣятельности, а именно ему было предписано „отнюдь не издавать въ публику такихъ указовъ, кои въ законѣ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представляя напередъ намъ (т. е. государю) и не получа на то напушу апробацію“ (указъ 1762 г.) ¹⁾.

Екатерина II въ этомъ отношеніи продолжала политику своего супруга. Мы уже видѣли ея точку зрењія на значеніе Сената. Къ этому необходимо прибавить, что она опа-салась съ его стороны посягательства на свою власть. „Можетъ быть“, говорила она, „что и для любочестія иныхъ чинамъ прежніе примѣры прелестны, однако же, я покамѣстъ живу, то останется такъ, какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія столь обширна, что, кроме самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей“. Понятно, что политика Екатерины II въ отношеніи Сената была иная, чѣмъ у Елизаветы Петровны. Желаю ослабить Сенатъ, она въ 1763 году раздѣлила его на шесть департаментовъ, въ которыхъ и сосредоточилось рѣшеніе большинства дѣлъ, такъ, что общее собраніе созывалось весьма рѣдко ²⁾). Первый департаментъ вѣдалъ важнѣйшія дѣла государственного управлениія, а именно: „государственные внутреннія и политическія дѣла“, т. е. финансы („приходы и расходы государственныхъ суммъ“, монетное и банковое дѣло), торговлю и промышленность, дѣла по секретной и тайной экспедиціямъ, дѣла о дворянствѣ и купечествѣ, а также объ иностранцахъ и др. Второй департаментъ вѣдалъ судебная и межевая дѣла, третій — народное просвѣщеніе, пути сообщенія, полицію и дѣла областей, находившихся на особомъ положеніи, четвертый — военное и морское дѣло, пятый и шестой, находившиеся въ Москвѣ, — снова административная (пятый) и судебная (шестой) дѣла. Всѣ дѣла, при условіи единогласнаго голосованія, окончательно разрѣщались въ департаментахъ и только

¹⁾ Въ это же время при Сенатѣ учреждается одинъ департаментъ „для скрытаго рѣшенія юстицкихъ, вотчинахъ и вскихъ апелляціонныхъ дѣлъ“.

²⁾ Раздѣленіе Сената на 6 департаментовъ рекомендовалъ императрицѣ и Панинъ въ своемъ проектѣ „Устава Верховнаго правительства“ (о немъ см. ниже).

въ случаяхъ разногласія вносились въ общее собраніе. Раздробивъ Сенатъ, императрица, кромѣ того, увеличила значеніе должности генераль-прокурора путемъ усиленія его контроля надъ Сенатомъ и постепенной передачи въ его непосредственное вѣдѣніе многихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія Сената. Благодаря этой реформѣ, генераль-прокуроръ сталъ настоящимъ министромъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ¹⁾. Затѣмъ три первыя и нѣкоторыя другія коллегіи²⁾ были освобождены изъ-подъ опеки Сената, а съ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года и мѣстное управление до извѣстной степени было изъято изъ его вѣдѣнія, главнымъ образомъ вследствіе учрежденія должности генераль-губернаторовъ, непосредственно подчиненныхъ государынѣ и въ свою бытность въ столицѣ присутствовавшихъ въ Сенатѣ съ правомъ голоса³⁾. Благодаря этой реформѣ, устройство Сената оказалось совершенно несогласованнымъ съ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. Екатерина II желала уничтожить эту несогласованность, но всѣ попытки ея въ названномъ отношеніи оказались неудачными и не получили силы закона. Такъ, до нась дошло два проекта преобразованія Сената съ цѣлью согласовать его дѣятельность съ дѣятельностью губернскихъ учрежденій. Первый, носящій название „Плана новаго преобразованія Сената“, относится къ 1775 году и, оставляя шесть департаментовъ Сената, зачительно изменяетъ ихъ компетенцію. По Плану первый департаментъ долженъ быть соотвѣтствовать губернскому правленію, и поэтому въ составъ его компетенціи входило: публикація и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ за чиновниками и опредѣленіе на нѣкоторыя должности. Второй департаментъ соотвѣтствовалъ казеннымъ палатамъ и, въ силу этого, вѣдалъ финансы, контролируя дѣятельность палатъ во главѣ его стоялъ государственный казначай. Третій депар-

¹⁾ Припомнимъ слова Державина: „ злоупотреблениемъ законопошь, генераль-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную“.

²⁾ А именно: камеръ-коллегія, коллегія экономіи и канцелярія опекунства иностраннныхъ. Всѣ эти шесть (считая и три первыхъ) коллегій стали получать именные указы отъ самой императрицы и имѣли право входить съ докладами прямо къ ней, а не черезъ посредство Сената.

³⁾ За Сенатомъ остался высшій контроль надъ мѣстнымъ управлениемъ и право назначенія на нѣкоторыя должности. Въ качествѣ органа контроля, онъ являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ губернскому правленію и гражданской и уголовной палатамъ.

таментъ, ровно какъ и два московскіе, остались въ прежнемъ видѣ, за то четвертый былъ преобразованъ, ставъ аппеляціонной инстанціей для гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Другой проектъ, такъ называемый, „Проектъ указа Сената“ относится къ 1788 году и дѣлить Сенатъ на четыре департамента, причемъ компетенція ихъ снова значительно измѣняется въ смыслѣ усиленія судебнаго характера дѣятельности Сената. Особенность проекта заключается въ припискѣ къ каждому департаменту дѣль южной, средней и сѣверной полосы Россіи, причемъ департаментамъ присваивается высшій контроль надъ дѣятельностью губернскихъ учрежденій — каждому въ своей полосѣ¹⁾.

Параллельно съ ограничениемъ функций Сената въ области управления шло и уменьшеніе его значенія въ области законодательства²⁾. Такъ, указъ 1763 года отнялъ у Сената право толкованія законовъ, предписавъ ему буквально примѣнять законъ, не измѣнія въ нихъ „ни единой литеры“. Еще раньше Сенату было вмѣнено въ обязанность обо всѣхъ разъясненіяхъ законовъ и о всакихъ сомнѣніяхъ въ ихъ примѣненіи докладывать государынѣ. Затѣмъ, такая важная законодательная работа, какъ составленіе проекта нового Уложения, была поручена особой комиссіи, въ которой Сенатъ, наравнѣ съ другими учрежденіями, представлялся однимъ депутатомъ. Наконецъ, съ учрежденіемъ Императорскаго Совѣта въ 1769 году, всѣ законодательныи функции Сената перешли къ нему. Такимъ образомъ единственныи предметъ сенатскаго вѣдомства, не тронутый Екатериною II, былъ судъ, въ силу чего, къ концу рассматриваемаго царствованія Сенатъ постепенно преобразился въ судебное учрежденіе по преимуществу.

Этотъ характеръ еще болѣе усилился при Павлѣ I, когда для скорѣйшаго окончанія массы нерѣшенныхъ дѣлъ, оставшихся отъ прошлаго царствованія (такихъ дѣлъ было: 11476 — въ департаментахъ и 360 — въ общемъ собраніи),

1) Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи т. II, стр. 132—185.

2) Уже Панинъ въ своемъ проектѣ высказалъ, что Сенатъ „подъ государственную державную властью не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и правиламъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 202 и слѣд.). Впрочемъ, тотъ же Панинъ предоставилъ Сенату „имѣть свободность представлять на высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣшить наши государственные законы или народа нашего благосостояніе“.

всѣ административные департаменты Сената были преобразованы въ судебные¹⁾). Павелъ I, усиливая судебній характеръ Сената, въ то же время крайне умалилъ его значеніе въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Такъ, онъ разрѣшилъ жаловаться на приговоры Сената непосредственно ему, въ силу чего сенатскія рѣшенія потеряли свой окончательный характеръ²⁾. Затѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., между казною и частными лицами) рѣшенія Сената должны были получать санкцію со стороны государя, въ противномъ случаѣ они не имѣли никакого юридического значенія. Такимъ образомъ Сенатъ вступилъ снова въ періодъ упадка, столь картинно описанный въ докладѣ Александру I „о правахъ и обязанностяхъ Сената“, составленномъ графомъ Завадовскимъ. „Хотя отъ самой кончины Петра I, гласить записка, „властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ, властвовать, но никогда только не успѣли въ уничиженіи Сената, какъ въ послѣдніе годы (при Павлѣ I). Безъ напряженія можемъ уподобить его немощному тѣлу въ такія времена, когда онъ не видѣлъ у себя предсѣдательствующими государей, и отношенія его къ нимъ шли не черезъ самихъ членовъ, а черезъ трети руки. Сенатъ въ первый разъ подвергнутъ былъ, въ своихъ рѣшеніяхъ аппеляціи, подобно судебнѣмъ мѣстамъ, и даже опубликованъ назначенный къ оной годовой срокъ. Слѣдствіемъ того было, что ракетмейстеръ, учрежденный Петромъ I для принятія въ Сенатъ прошенія на коллегіи, началъ принимать просьбы на Сенатъ и возвышенъ въ судью дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу прерывалась очередь теченія дѣлъ, и Сенатъ, обягтый сильнымъ вліяніемъ на дѣла его, по нѣскольку разъ перевершивъ свои рѣшенія. Се образъ пора-

¹⁾ Еще до восшествія своего на престолъ, Павелъ I смотрѣлъ на Сенатъ какъ на судебное учрежденіе. Такъ, въ дошедшій до насъ собственноручной запискѣ государя обѣ устройствѣ Сената послѣдній называется „единственno судебнѣмъ мѣстомъ“, въ которое поступаютъ „дѣла чрезъ подчиненные мѣста на конфirmaцію во всѣхъ казусахъ, которые не во власти нижнихъ судебнѣхъ мѣстъ“. Съ этой цѣлью Сенатъ раздѣляется на два департамента—уголовный и гражданскій, собирающіеся иногда въ общее собраніе. Рѣшенія Сената утверждаются государемъ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XQ, стр. 146).

²⁾ Въ такихъ случаяхъ жалобы докладывались государю, а затѣмъ отсыпались къ генераль-прокурору, который, собравъ необходимыя свѣдѣнія по поданной жалобѣ, снова докладывалъ о ней государю. Революція послѣд资料ного объявлялась Сенату.

бощенного Сената, въ которомъ молчать было тяжко, говорить было бѣдственно!...“

Александръ I, вступивъ на престолъ, пожелалъ возстановить Сенатъ въ прежнемъ его значеніи¹⁾; поэтому онъ издалъ указъ 5 Июня 1801 года, въ которомъ предписалъ Сенату высказать въ особомъ докладѣ на имя государя желанія сенаторовъ касательно своихъ правъ и обязанностей. Указъ уже самъ намѣтилъ тотъ путь, по которому долженъ былъ идти Сенатъ въ этомъ докладѣ. „Уважая всегда правительствующій Сенатъ“, гласилъ указъ, „яко верховное мѣсто право- судія и исполненія законовъ, и, зная, сколь много права и преимущества отъ государей, предковъ моихъ, ему присвоенные, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подверглись перемѣнѣ и ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго, я желалъ возстановить его на прежнюю степень, ему приличную, и для управленія мѣстъ, ему подвластныхъ, толико нужную. И на сей конецъ требую отъ Сената, чтобы онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должностъ, права и обязанности его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или въ ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго Сената я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкреплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ“.

Исполняя указъ государя, Сенатъ приступилъ къ составленію доклада, причемъ мнѣнія сенаторовъ по этому вопросу значительно раздѣлились. Одни желали реставраціи Сената времени Елизаветы Петровны, приданія ему законодательного и правительственного значенія, даже ограничепія имѣніи власти государя, снабженія его такими правами, какъ право составленія государственного бюджета, право присужденія къ смертной казни безъ конфирмациіи государя и т. п. Другіе настаивали на необходимости подчиненія министровъ

¹⁾ По словамъ графа Строганова, „императору было больно видѣть Сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время, и потому его величество, считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу, желалъ прискать мѣры къ возвращенію ему прежнаго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на таюмъ прошломъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его“ (Дневникъ графа Строганова, содержащий въ себѣ описание засѣданій неофиціального комитета 1801 года и напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 г., т. I).

Сенату путемъ объявленія имъ указовъ черезъ Сенатъ и путемъ представленія государю со стороны послѣдняго о пре-вышеніи ими власти. Третыи высказывались за измѣненіе со-става Сената, требуя избранія сенаторовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ губернскими дворянскими собраніями или, какъ, напр., Державинъ, особымъ собраніемъ вышихъ чинов-никовъ присутственныхъ мѣстъ въ обѣихъ столицахъ, и т. п. ¹⁾). Такимъ образомъ, по словамъ одного современика (Шторха), „вместо историческихъ объясненій членовъ Се-ната о прежде бывшемъ его положеніи сообразно съ сущ-ствовавшими постановленіями, Сенатъ, напротивъ, собралъ политическія мнѣнія своихъ членовъ о томъ, чѣмъ онъ могъ бы быть въ новомъ порядке вещей“. Нужно думать, что въ виду этого, многія изъ приведенныхъ мнѣній не получили одобренія государя. Но, какъ бы то ни было, результатомъ преній явился докладъ Сената объ его правахъ и обязанно-стяхъ, представленный государю ²⁾). Докладъ начинался слѣ-дующими словами: „О достопамятный указъ 5 Июня, чрезъ столѣтіе Александръ I съ Петромъ I встрѣчаются единомыс-ліемъ о правительству, которое имѣло бы пространную власть и довѣренность своего государя и именемъ его дѣйствовало бы на всѣ дѣла Имперіи“. Въ своемъ докладѣ Сенатъ хо-датайствовалъ о возвращеніи къ временамъ Петра I и Ели-заветы Петровны, прося реставраціи прежняго своего зна-ченія, правъ и преимуществъ. „Сенатъ“, читаемъ въ докла-дѣ, „по основанію своему есть первое государственное пра-вительство, снабженное отъ государя и законодателя силою и всею исполнительной властью, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами въ Имперіи и высшей надъ собою власти не имѣеть, кромѣ единой самодержавного государя. Должность и обязанность его—предохранять права и пре-имущество своего самодержавца, соблюдать законы, пещись всемѣрно объ исполненіи воли и повелѣній государя, всякой вообще пользѣ народной и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно; изъ сихъ правъ изливается преимущество, что-бы повелѣнія его исполняемы были, какъ именные государя узазы. По симъ правиламъ принадлежить ему ходатайство

1) Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній, напр., Воронцова, Мордвинова, Державина и др., до настъ дошли. О проектѣ Державина см. статью проф. Коркунова „Проектъ устройства Сената Г. Р. Державина“ въ „Сборникѣ статей“ названнаго учена-го, стр. 128—133.

2) Авторомъ доклада былъ графъ Заладовскій.

у престола по всемъ нуждамъ народа, и, въ случаѣ потребъ государственныхъ, докладывая Имп. Величеству, прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей. Отъ сихъ поръ слѣдуетъ и то, что судьи и разсправа верховнымъ образомъ принадлежитъ Сенату по входящимъ въ оный гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ". Затѣмъ, „должно постановить, чтобы въ единой власти Сената состояло точное и непосредственное управление всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Имперіи, и чтобы одинъ государь или именной указъ могъ перемѣнить или остановить повелѣнія Сената, который только бы могъ предписывать образъ исполненія законовъ и разрѣшать всѣ представляемые ему недоразумѣнія". Наконецъ, Сенатъ долженъ имѣть право „представлять государю, если бы законъ или указъ отъ него вышелъ противенъ прежде изданнымъ, вреденъ или неясенъ былъ".

Докладъ поступилъ на разсмотрѣніе, такъ называемаго, неофиціального комитета, собиравшагося во дворцѣ у Александра I и состоявшаго изъ нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей (Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ и др.). Послѣдніе, разматривая его, сдѣлали противъ него не мало возраженій, а Новосильцевъ представилъ даже цѣлое „допесеніе", въ которомъ высказался противъ дарованія Сенату законодательной и исполнительной власти. Сенатъ, по мнѣнію Новосильцева, „не могъ быть разматриваемъ, какъ законодательный корпусъ". Организація его „не позволяетъ и думать о врученіи столь важной власти собранію, которое уже по своему составу не можетъ заслужить себѣ довѣріе націи и которое, будучи наполнено людьми, назначенными властью, не допускаетъ и мысли объ участії большинства общества въ изданіи тѣхъ законовъ, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія". Новосильцевъ стоялъ за ограниченіе дѣятельности Сената одною только судебною сферою, но „такъ, чтобы онъ пользовался судебной властью самыемъ широкимъ образомъ, съ полной независимостью отъ опеки генералъ-прокурора" ¹⁾.

1) Вѣстникъ Европы 1866 г., т. I. По словамъ Чарторыйскаго, „идея реформы, отстаиваемой членами неофиціального комитета, заключалась въ томъ, чтобы отнять у Сената его исполнительную функцию, оставивъ ему роль высшаго судебнаго учрежденія и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую современемъ вошли бы депутаты отъ русской знати" (Щеглов).

Однако, государь согласился съ мнѣніемъ комитета только отчасти, въ силу чего 4 Сент. 1802 г. состоялся указъ о возстановлении правъ Сената. Послѣдній опредѣлялся въ указѣ, какъ „верховное мѣсто въ Имперіи, которому въ по-рядкѣ суда и управлениія подчиняются всѣ другія присут-ствленныя мѣста“, причемъ власть его „ограничивается еди-ною властью государя“, а указы его исполняются, какъ именные. Сенатъ, „какъ хранитель правосудія и законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи праваго суда. Онъ дол-женъ наблюдать за сборомъ податей и штатными расходами, имѣть попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденія общаго спокойствія и тишины и прекра-щенія всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчи-ненныхъ ему мѣстахъ“. Затѣмъ Сенатъ получилъ право до-клада государю черезъ посыпку особой депутатіи въ послѣд-нему о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и о противо-рѣчіи вновь издаваемыхъ законовъ съ прежними и, нако-нецъ, въ случаѣ какого либо конфликта съ генераль-проку-ромъ, онъ пользовался правомъ переносить спорное дѣло на разсмотрѣніе государя, причемъ, при разбирательствѣ его, долж-на была присутствовать опять-таки особая сенатская депутація.

Съ учрежденіемъ министерствъ (8 Сент. 1802 г.) пра-вительственное значеніе Сената не должно было умалиться, такъ какъ онъ получилъ право „разсматривать дѣянія ми-нистровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управлению ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи онъхъ съ госу-дарственными постановлѣніями и донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшимъ, дѣлать свои заключенія и пред-ставлять государю докладъ“. Иначе говоря, Сенатъ получилъ право контроля и надзора за дѣятельностью министровъ, обя-занныхъ представлять ему ежегодные отчеты объ этой по-слѣдней, причемъ онъ могъ требовать отъ нихъ нужныхъ объясненія (ст. 13 манифеста 8 Сент. 1802 г.).

Такимъ образомъ, повидимому, Сенатъ былъ возстанов-ленъ во всемъ своемъ прежнемъ значеніи. Однако, на прак-тикѣ, а затѣмъ и de jure Сенатъ вскорѣ лишился этого зна-

ловъ, назв. соч., т. I, стр. 180 и т. II, стр. 756). Вопросъ о преобразованіи Сена-та обсуждался и въ Непремѣнномъ совѣтѣ, причемъ членами его было высказано два противоположныхъ взгляда по этому предмету. Одни (Завадовскій, Воронцовъ, Румянцевъ) стояли за реставрацію Сената въ прежнемъ его значеніи высшаго государственного учрежденія, другіе, напротивъ, отвергали всякую реформу въ его устройствѣ (подробности см. у Щеглова, назв. соч., т. II, стр. 252 и слѣд.).

ченія. Во-первыхъ, отчетность министровъ и контроль надъ ихъ дѣятельностью со стороны Сената продержались очень не долго, такъ какъ министры, стѣсняемые въ своей дѣятельности Сенатомъ, стали испрашивать на каждый отдельный случай высочайшія повелѣнія и дѣйствовать на основаніи ихъ; а такъ какъ высочайшія повелѣнія, само собою разумѣется, не подлежали контролю со стороны Сената, то de facto названный контроль превратился въ одну формальность, ответственность же министровъ сдѣлалась, по словамъ Трощинскаго, „мечтательною и идеальною“ ¹⁾). Во-вторыхъ, съ учрежденiemъ должности государственного контролера, отчетность предъ Сенатомъ въ расходѣ штатныхъ суммъ также вышла изъ употребленія. Въ-третьихъ, административно-правительственная дѣятельность Сената была узурпирована Комитетомъ министровъ, ставшимъ вскорѣ послѣ своего учрежденія во главѣ всего государственного управлѣнія. Въ-четверыхъ, право представлять государю о неудобствѣ вновь издаваемыхъ законовъ было истолковано (указъ 21 Марта 1803 г.) въ томъ смыслѣ, что Сенатъ можетъ дѣлать такія представленія касательно только старыхъ законовъ ²⁾). Наконецъ, въ-пятыхъ, у Сената было отнято право послать депутацию къ государю при разбирательствѣ послѣднимъ столкновеній Сената съ генераль-прокуроромъ. Такимъ образомъ, въ самомъ скромъ времени послѣ реставраціи Сената, онъ снова обратился въ учрежденіе преимущественно судебнаго характера, причемъ решенія его съ 1812 г. могли быть обжалованы въ Государственномъ совѣтѣ, ставшимъ такимъ образомъ высшимъ аппеляціоннымъ судомъ.

¹⁾ „Министры, говоритъ также и Карамзинъ (см. его известную Записку о древней и новой Россіи), основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величие; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказывъ: „я имѣю счастіе докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ, и съ минима ответственности была пустынны обрядомъ“.

²⁾ Дѣло въ томъ, что 5 Декабря 1802 г. государь утвердилъ докладъ военной коллегіи о правилахъ увольненія отъ службы дворянъ, которыми было предписано отставлять отъ службы не послужившихся до обер-офицерскихъ чиновъ лицъ этого сословія, только при условіи нахожденія ихъ на дѣятельной службѣ не менѣе 12 лѣтъ. Сенатъ увидѣлъ въ этомъ законѣ нарушеніе постановленія Жалованной грамоты и сдѣлалъ въ такомъ смыслѣ представление государю. Въ отвѣтъ на это былъ изданъ указъ 21 Марта 1803 г., въ которомъ разъяснялось, что право Сената дѣлать представленія государю не касается „вновь издаваемыхъ и подтверждаемыхъ“ законовъ, относясь единствен-но къ „существовавшимъ уже законамъ“.

Одно время можно было думать, что сиова произойдетъ реставрація Сената въ его прежнихъ правахъ. Это случилось тогда, когда Сперанскій сталъ пріобрѣтать извѣстное вліяніе на государственныя дѣла. Еще въ 1804 г. онъ составилъ Проектъ учрежденія губернскихъ мѣстъ, въ которомъ, выставивъ положеніе, что „усовершеніе мѣстнаго управлениія не можетъ быть сдѣлано безъ усовершенія общаго государственаго“, обратилъ вниманіе и на организацію центральныхъ учрежденій. По проекту во главѣ всѣхъ государственныхъ установлений былъ поставленъ Сенатъ, дѣлившійся на законодательный и исполнительный. Въ составъ компетенціи первого входило „все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія государственного закона и уложенія“. Въ составъ компетенціи второго—„все то, что принадлежитъ до постановленія временныхъ учрежденій и исполненія законовъ“. Исполнительный Сенатъ въ свою очередь подраздѣлялся на судный и управляющій. Для разрѣшенія дѣлъ первостепенной важности могли происходить совмѣстныя засѣданія законодательного Сената съ обоими изъ отдѣленій исполнительного. Такъ, при разрѣшеніи дѣлъ „верховной важности, относящихся до суда“, законодательный и судный Сенатъ образовывали верховный судъ, „могущій не только рѣшить дѣло по существующимъ законамъ, но въ недостаткѣ оныхъ или очевидномъ несходствѣ постановить законъ новый, не взирая на то, что постановленіе сіе учреждается по частному случаю“. При разрѣшеніи дѣлъ, касающихся до управления, происходили совмѣстныя засѣданія законодательного и управляющаго Сената, образовывавшія верховное правительство, также пользовавшееся законодательной властью.

Сперанскій придавалъ большое значеніе своему проекту. По его мнѣнію, послѣдній, „утверждая народное мнѣніе, возводилъ его ближе къ монархическимъ идеямъ иставилъ Россію на одну чреду европейскихъ государствъ“. Но „главная польза“ проекта, съ точки зрѣнія Сперанскаго, заключалась „въ удобности, какую сей образъ правленія имѣть, чтобы современемъ превратиться въ совершенную монархическую систему“, т. е. на представительныхъ началахъ¹⁾.

Вторично вопросомъ о Сенатѣ занялся Сперанскій въ своемъ извѣстномъ Проектѣ уложенія государственныхъ за-

¹⁾ Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 817 и слѣд.

коновъ. Въ основу его, какъ мы уже говорили, была положена теорія Монтескіе о раздѣлении властей, въ силу чего законодательная власть должна была сосредоточиться въ государственной думѣ, исполнительная — въ министерствахъ, подъ контролемъ Государственного совѣта и судебная — въ Сенатѣ. По проекту послѣдній дѣлился на четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, причемъ сенаторы избирались государственной думой, а государь четырехъ изъ нихъ назначалъ президентами департаментовъ. Министръ юстиціи являлся блюстителемъ судебныхъ формъ въ дѣлопроизводствѣ Сената. Засѣданія послѣдняго были публичны.

Послѣ преобразованія министерствъ въ 1811 г., Сперанскій опять обратилъ вниманіе на Сенатъ, желая согласовать его устройство съ устройствомъ министерствъ. „Образованіе Сената“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ „должно быть въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ“. Для достиженія этой цѣли Сперанскій составилъ проектъ преобразованія Сената (счетомъ третій), по которому послѣдній дѣлился на правительствующій и судный. Первый (одинъ на всю Россію) состоялъ изъ министровъ, ихъ товарищей и главноуправляющихъ, подъ предсѣдательствомъ государственного канцлера. Второй — изъ лицъ, отчасти назначенныхъ государемъ, отчасти избранныхъ дворянствомъ, учреждался въ четырехъ городахъ (Петербургъ, Москва, Кіевъ и Казані).

При разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ совѣтѣ, было сдѣлано много возраженій противъ него, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ: 1) „перемѣна учрежденія, великими монархами установленного и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ печальное впечатлѣніе на умы“; 2) „раздѣленіе Сената умалитъ его важность, и если слабость, а можетъ быть и пристрастіе находятъ входъ въ это верховное судилище передъ глазами монарха, то не болѣе ли еще должно опасаться за тысячами верстъ? Притомъ раздѣленіе Сената по округамъ повлечетъ за собою большія издержки и еще большую трудность въ пріисканіи способныхъ людей какъ въ должности канцелярскія, такъ и въ самые сенаторы“; 3) „назначеніе части сенаторовъ по выбору противъ разуму самодержавнаго правленія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу, ибо въ однихъ такихъ выборахъ могутъ быть произведены подъ вліяніемъ мѣстныхъ чинов-

никовъ, а въ другихъ богатые помѣщики наполнять Сенатъ людьми, имъ преданными, и присвоять себѣ чрезъ это возможность и власть безнаказанно тѣснить, кого захотятъ". Однако, не смотря на эти возраженія, проектъ былъ утвержденъ государемъ и не былъ имъ осуществленъ лишь вслѣдствіе паденія Сперанскаго ¹⁾.

Подобные же планы о раздѣленіи Сената рассматривались и въ царствованіе имп. Николая I. Изъ нихъ болѣе любопытенъ планъ внезя Лобанова-Ростовскаго, по которому Сенатъ дѣлился на три учрежденія, а именно: 1) законодательный Сенатъ, который былъ ничѣмъ инымъ, какъ преобразованнымъ Государственнымъ совѣтомъ, 2) правительственный Сенатъ, составленный изъ комитета министровъ и первого департамента Сената, и 3) судебный Сенатъ, составленный изъ остальныхъ департаментовъ Сената ²⁾). Однако, изъ всѣхъ этихъ плановъ ничего не вышло, и Сенатъ по-прежнему оставался по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ. Этотъ его судебный характеръ былъ еще усиленъ реформою 1864 г., учредившей кассационные департаменты Сената, благодаря которымъ послѣдній сталъ высшимъ кассационнымъ судомъ.

Б. Совѣты при особѣ государя.

Въ продолженіе всего императорскаго періода постоянно чувствовалась потребность въ особомъ учрежденіи, которое, во-первыхъ, состояло бы при государѣ, помогая ему осуществлять всѣ функции государственного управления и, во-вторыхъ, являлось бы посредствующемъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ. Потребность въ подобномъ учрежденіи вполнѣ сознавалась людьми XVIII ст., какъ бѣ этомъ свидѣтельствуетъ историческая записка фельдмаршала Миниха, представленная имъ Екатеринѣ II и изданная покойнымъ М. И. Семевскимъ. Минихъ доказываетъ въ ней рядомъ историческихъ фактовъ необходимость учрежденія особаго совѣта, который былъ бы соединительнымъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ (Совѣтъ долженъ „наполнить пустоту

¹⁾ Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, ч. II, стр. 129. Внѣслѣдствіи этого проекта рассматривался известнымъ комитетомъ 6 Дек. 1826 г., который сдѣлалъ въ немъ много измѣненій (см. т. LXXIV, стр. 50—259 и т. XC, стр. 125 и слѣд. Сборн. Русск. Ист. Общ.).

²⁾ Русскій Архивъ 1871 г., кн. XI.

между верховною властью и Сенатомъ"). „Благо государства, писалъ Минихъ, требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью Сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта“¹⁾.

Впрочемъ, потребность въ подобномъ учрежденіи чувствовалась даже при Петре I, не смотря на то, что въ это время до извѣстной степени роль его игралъ Сенатъ. Такъ, до насъ дошли три проекта, составленные Люберасомъ, Фикомъ и Курбатовымъ и говорящіе о подобномъ совѣтѣ. Первый, ссылаясь на Швецію, высказывается за необходимость учрежденія особымъ „дирекціонсъ-коллегію“, называемой имъ еще „реляціонною коллегіею“ и „референдатомъ“, функции которой заключались бы въ надзорѣ, за дѣятельностью всѣхъ остальныхъ коллегій. Въ свою очередь дирекціонсъ-коллегія должна была зависѣть отъ особаго кабинета или тайного совѣта, являющагося высшимъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ²⁾. Фикъ предлагаетъ раздѣлить сенатъ на двѣ „высшія инстанціи“ или „генеральныя директоріи“: 1) юстиціи и полиціи и 2) финансовой. Эти двѣ директоріи въ соединенномъ засѣданіи съ синодомъ и съ особымъ тайномъ совѣтомъ иностранныхъ дѣлъ должны были разрѣшать всѣ важные вопросы законодательства, управления и суда³⁾. Наконецъ, Курбатовъ въ своихъ „Пунктахъ о кабинетъ-коллегіумѣ“, представленныхъ имъ Петру, подробно разрабатываетъ вопросъ объ учрежденіи этого „коллегіума“, называемаго имъ еще „архиканцеляріей имперіи“. Любопытно, что мотивировка необходимости учрежденія „коллегіума“ также сама, которую мы встрѣчаемъ впослѣдствії при учрежденіи Верховнаго тайного совѣта, а именно — облегчить положеніе государя (пунктъ 16 проекта гласитъ: „отъ многихъ стужаній и трудовъ воспріметъ его величество многую свободность“). Кабинетъ-коллегіумъ является высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, и въ немъ присутствуетъ самъ государь. Онъ вѣдаетъ законодательный дѣла (п. п. 2 и 9), ему присуща масса административныхъ дѣлъ, онъ фигурируетъ въ роли высшей судебной инстанціи (п. 3),

¹⁾ Записки Миниха, стр. 96.

²⁾ Берендей, Баронъ Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи, стр. 18. По словамъ проф. Берендейса, видѣвшаго въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла подлинникъ проекта Любераса, послѣдній часто говорить о тайномъ совѣтѣ, „не входя въ подробное разсужденіе его роли и значенія“ (ibid, стр. 18).

³⁾ Милковъ, назв. соч., стр. 674.

а дѣла по политическимъ преступленіямъ разсматриваетъ въ качествѣ суда первой инстанціи (п. 8); наконецъ, въ немъ сосредоточивается надзоръ надъ всѣмъ управлениемъ, вслѣдствіе чего онъ контролируетъ дѣятельность какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденій. Одна только область внѣшней политики не входитъ въ составъ его компетенціи¹⁾.

Самъ Петръ былъ также сторонникомъ учрежденія особаго совѣта. До насъ дошла его собственноручная замѣтка слѣдующаго содержанія: „о коллегіи такой, которая бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, наченше отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшенія въ государствѣ“²⁾. И дѣйствительно, въ концѣ своего царствованія указомъ 13 Февр. 1720 г. государь учредилъ особый тайный совѣтъ, въ составъ втораго, кромѣ государя, канцлера и подканцлера, должны были войти „всѣ или нѣсколько, по важности дѣла“ дѣйствительные тайные совѣтники. Кругъ вѣдомства совѣта опредѣлялся рѣшеніемъ „важныхъ“ государственныхъ дѣлъ. Въ указѣ объ учрежденіи Верховнаго тайного совѣта 8 Февр. 1726 г., мы также находимъ свѣдѣнія объ этомъ петровскомъ совѣтѣ. „Тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ, гласитъ указъ 1726 г., и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдають нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ въ тайномъ совѣтѣ немалое имъ чинится помѣшательство“³⁾. Въ какихъ отноше-

1) „Пункты о кабинетъ-коллегіумѣ“ изданы г. Павловымъ-Сильванскимъ („Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“, СПБ. 1897 г., стр. 47 и слѣд.). Попытка же его облизить проектъ Курбатова съ петровскимъ Сенатомъ 1721—1723 г.г., на нашъ взглядъ, мало обоснована (стр. 64 и слѣд.).

2) Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 66. Названная замѣтка сдѣлана карандашомъ и находится въ дѣлахъ кабинета. См. также Щеглова, Государственный совѣтъ въ Россіи, томъ II, 1895 г., стр. 5.

3) Существование петровского тайного совѣта, созданного указомъ 1720 г., до послѣдняго времени игнорировалось историками права. Впервые обращено на него вниманіе Соловьевымъ (Исторія Россіи, т. XVII (изд. 3), стр. 189), а затѣмъ проф. Коркуновымъ въ его рецензіи на книгу г. Филиппова „Исторія Сената въ правленіе Верховнаго тайного совѣта“ (Журн. Мин. Нар. Пров., 1895 г., кн. IX). Однако, проф. Филипповъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ не упоминаетъ о немъ (см. его рѣчь „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ“ въ Ученыхъ запискахъ Юрьевскаго университета 1898 г., № 1, стр. 6).

шеніяхъ находился этотъ совѣтъ къ Сенату и къ коллегіямъ и вообще какую роль онъ игралъ въ сферѣ государственного управлениа — неизвѣстно.

Первымъ совѣтомъ при особѣ государя, о которомъ мы имѣемъ много свѣдѣній, былъ *Верховный тайный совѣтъ*, учрежденный 8-го Февраля 1726 года. Въ составъ совѣта входили лица по назначенію государя, причемъ онъ вѣдалъ всѣ отрасли государственного управления (*внѣшняя политика, финансы, военное дѣло, назначеніе на высшія должности и проч.*), законодательства и суда (дѣла по важнымъ политическимъ и служебнымъ преступленіямъ, а также высшій судъ по нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ), какъ о томъ свидѣтельствуютъ протоколы разматриваемаго учрежденія, изданные Русскимъ Историческимъ Обществомъ подъ редакціей академика Дубровина ¹⁾). Совѣтъ долженъ былъ быть раздѣленъ на департаменты, но на дѣлѣ этого не случилось ²⁾). Согласно указу 1-го Янв. 1727 г. дѣла въ совѣтѣ решались „общимъ мнѣніемъ“ всѣхъ его членовъ, т. е. единогласно. Указъ безусловно запрещаетъ рѣшеніе по большинству голосовъ. Если же достигнуть единогласія оказалось невозможнымъ, то отдельные мнѣнія членовъ совѣта представлялись императрицѣ, и отъ нея уже зависѣло утвердить то мнѣніе, которое ей казалось болѣе другихъ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла. Все, что происходило на засѣданіяхъ совѣта вносилось въ особые журналы, которые отличались отъ протоколовъ, заключавшихъ въ себѣ только одни постановленія и резолюціи совѣта. Эти послѣднія и подписывались членами ³⁾). На основаніи протоколовъ составлялись указы. Наконецъ, при совѣтѣ состояла особыя канцелярія съ очень ограниченнымъ составомъ служащихъ и съ оберъ-секретаремъ во главѣ.

¹⁾ Томы LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXXIX, LXXXIV, XCIV и CI.

²⁾ См. п. 5 Мнѣнія не въ указѣ, по которому каждый членъ совѣта долженъ быть стать во главѣ особыго департамента или „попытка“ (Сб. Р. Ист. Общ. т. I, LV). О департаментахъ говорить въ указѣ 1727 г., предписывая, „по примеру другихъ государствъ“, распределить дѣла между членами совѣта „по особливымъ департаментамъ“ и свидѣтельствуя, что „сіе до сего времени еще не учіено“. Вырочемъ, фактически дѣла были распределены между отдельными членами совѣта, несмотря на отсутствіе департаментовъ (См. Филиппова Исторія Сената въ правлениѣ Верх. т. совѣта, стр. 36).

³⁾ Пунктъ 6 Мнѣнія не въ указѣ гласитъ: „Въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ, другой же — о учіеніяхъ въ тайномъ совѣтѣ революціяхъ и опредѣленіяхъ, которыхъ тайному совѣту закрѣплять“.

Было уже сказано, что совѣтъ, съ одной стороны, узурпировалъ права Сената, а съ другой, сперва *de facto*, а затѣмъ и *de jure* (при Петрѣ II) ограничилъ власть государя. Въ 1730 г., послѣ неудачной попытки стать во главѣ государства, онъ былъ уничтоженъ¹⁾.

Однако, на его мѣстѣ былъ вскорѣ учрежденъ, такъ называемый, *Кабинетъ министровъ*, просуществовавшій до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны. Официально Кабинетъ былъ созданъ указомъ 6-го Ноября 1731 г., но фактически онъ возникъ сейчасъ же послѣ уничтоженія Верховнаго тайного совѣта и возстановленія Сената. По крайней мѣрѣ въ извѣстномъ докладѣ, поданномъ впослѣдствіи (въ 1741 г.) Елизавѣтѣ Петровны и о которомъ мы уже говорили, было указано, что „потомъ (т. е. послѣ обнародованія манифеста, возстановившаго Сенатъ въ его прежнемъ значеніи) почти чрезъ цѣлый годъ тайно содержался въ рукахъ Остермана Кабинетъ“. Есть и другія данныя, подтверждающія фактъ существованія Кабинета, если и не за годъ, то по крайней мѣрѣ за нѣсколько мѣсяціевъ до его официальнаго учрежденія по указу 6-го Ноября 1731 г. Мало того, еще за $2\frac{1}{2}$ недѣли до этого указа былъ изданъ другой указъ (18 Октября), говорящій о составѣ и компетенціи Кабинета, но объявленный лишь Сенату, а не „во всенародное извѣстіе“²⁾.

Мы уже говорили, что въ сущности Кабинетъ ничѣмъ не отличался отъ Верховнаго тайного совѣта (по крайней мѣрѣ времени Екатерины I), пользуясь такимъ же огромнымъ значеніемъ въ области государственного управлѣнія, какъ и совѣтъ³⁾. Кабинетъ, по словамъ указа 6-го Ноября

¹⁾ О Верховномъ тайномъ совѣтѣ см. изслѣдованіе проф. Филиппова „Исторія Сената“ и его же брошюру „Къ вопросу о Верховномъ тайномъ совѣтѣ“ и рѣчь „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ“. (Ученые записки Юрьевск., унив. 1898 г., № 1), а также брошюру проф. Алексѣева „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго тайного совѣта“. Любопытная полемика названныхъ ученыхъ выяснила много темныхъ сторонъ въ исторіи Верховнаго тайного совѣта при Екатеринѣ I.

²⁾ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. XXXIV. Въ этомъ томѣ изданы проф. Филипповымъ бумаги Кабинета за 1731—1732 г.г.

³⁾ Проф. Филипповъ дѣлить исторію Кабинета на три периода: до указа 9-го Июля 1735 г., до смерти Анны Ивановны и въ царствованіе Ивана Антоновича. Однако, изъ его же словъ вытекаетъ, что въ первомъ періодѣ Кабинетъ, столъ во главѣ государственного управлѣнія, пользуется своею властью не столько формально, сколько фактически, во второмъ же періодѣ этотъ „фактъ превращается въ право“, ничего не прибавляя къ власти Кабинета по существу. Что же ка-

1731 г., былъ установленъ „для лучшаго и порядочнаго управлѣнія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и пользы подданныхъ“, въ силу чего онъ получилъ (опять на счетъ Сената) самыя широкія полномочія въ области законодательства, управлѣнія и суда. Въ немъ, подобно Верховному тайному совѣту, сосредоточивались всѣ моменты законодательной дѣятельности (число именныхъ указовъ, не прошедшихъ черезъ Кабинетъ ничтожно), причемъ, какъ можно судить на основаніи именного указа, объявленного Кабинету Волынскимъ въ Декабрѣ 1738 г., резолюціи его представлялись на утвержденіе императрицы лишь въ наиболѣе важныхъ случаяхъ¹⁾. Мало того, по указу 9 іюня 1735 г. указы Кабинета, если они подписаны тремя кабинетъ-министрами, приравнивались по силѣ дѣйствія къ именнымъ указамъ. Кромѣ законодательной функції, въ Кабинетѣ сосредоточивались функціи верховнаго управления, такъ, онъ вѣдалъ иностранныя дѣла, финансы (преимущественно дѣла о доходахъ и расходахъ), военные дѣла, назначенія на высшія должности, контроль надъ дѣятельностью учрежденій и лицъ и т. п. Наконецъ, ему были присущи и судебныя функціи, причемъ онъ фигурировалъ въ роли какъ слѣдственной, такъ и судебной камеры, а также въ роли суда первой и высшей инстанціи. Ему же принадлежало право смягчать наказанія или даже вовсе освобождать отъ нихъ²⁾.

Составъ Кабинета былъ крайне ограниченъ: въ него входили три лица по назначенію государыни, носявшія название министровъ. Очевидно, въ виду такого небольшаго числа членовъ Кабинета, на его засѣданія не рѣдко приглашались и другія лица, иногда же происходили соединенные засѣданія Кабинета и Сената, такъ называемыя, генеральныя собранія, на которыхъ сенаторы пользовались одипломовымъ правомъ го-

---

сается до 8-го періода, то самъ г. Филипповъ, полемизируя съ Градовскимъ, утверждаетъ, что события царствованія Ивана Антоновича „не могли въ томъ или иномъ смыслѣ повліять на развитіе Кабинета“ или отразиться на его отношеніяхъ къ Сенату и найти какое либо „яркое выраженіе въ измѣненіяхъ его устройства и компетенціи“ (Сборн. Правовѣд., т. VII; Ученые записки Юрьевскаго университета 1898 г., № 12.) Но если третій періодъ ничѣмъ не отличается отъ втораго, а второй, какъ мы видѣли, по существу ничѣмъ не отличается отъ первого, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ дѣлать исторію Кабинета на періоды?

¹⁾ Филипповъ, назв. ст. (Сборн. Правов., т. VII).

²⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. LXXIV и слѣд.

лоса съ кабинетъ-министрами. Во время регенства Анны Леопольдовны Кабинетъ былъ раздѣленъ на три департамента — внутреннихъ, военныхъ и морскихъ и иностранныхъ дѣль, каждый съ однимъ изъ кабинетъ-министровъ во главѣ, хотя рѣшающей голосъ остался за общимъ собраниемъ¹⁾.

При Кабинетѣ состояла канцелярія, отличавшаяся первоначально крайнею простотою (въ нее входило нѣсколько секретарей). Впослѣдствіи (въ 1739 г.) она была раздѣлена на три экспедиціи — иностранныхъ, внутреннихъ и секретныхъ дѣль, „дабы впредь конфузій происходить не могли“.

Кабинетъ былъ упраздненъ Елизаветою Петровною. Взять его она учредила Конференцію при высочайшемъ дворѣ, „для произведенія съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ весьма важныхъ дѣль и для скорѣйшаго исполненія ея имп. вел. повелѣній“. Конференція, хотя и не имѣла значенія Кабинета, но была поставлена въ независимое положеніе относительно Сената, что видно изъ факта сношеній ея съ Сенатомъ экстрактами изъ протоколовъ засѣданій, излагавшихъ мнѣнія Конференціи. Послѣдняя вѣдала иностранную политику и отчасти военную дѣла²⁾.

Петръ III, вступивъ на престолъ, заявилъ, что онъ самъ будетъ всѣмъ управлять, и поэтому „отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ“. Но подобный порядокъ вещей оказался неудобнымъ, почему и вызвалъ до-кладъ государю со стороны канцлера графа Воронцова, въ которомъ послѣдній высказался за необходимость учрежденія особаго совѣта при государѣ. „Генеральный дѣла Европы“, писалъ Воронцовъ, „въ такую теперь кризу пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ. Но сюю новую систему составить и всѣ распоряженія согласно тому учредить не можетъ ни Сенатъ, ни иностранная коллегія, паче же, когда пойдутъ

1) „Буде же которому департаменту случится, гласитъ указъ 1740 г., такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣнного общаго разсужденія, а одному на мѣрѣ положить невозможно, о таковомъ тотчасъ учинить общий совѣтъ“. По истории Кабинета въ царствованіе Ивана Антоновича см. статью г. Честова „Императорскій Кабинетъ съ 17 Окт. 1740 г. по 25 Ноября 1741 г.“ въ т. II изданія „Внутренній бытъ Русскаго государства“.

2) Офиціозыки вице-канцлера Бестужева (въ 1747 и 1757 г.г.) поставить Конференцію во главѣ государственного управления и въ частности подчинить ей Сенатъ не удалось вслѣдствіи упорной оппозиціи со стороны Елизаветы Петровны (См. у Соловьевъ, т. XXII, стр. 176 и т. XXIV, стр. 26).

дѣла на перепискахъ между Сенатомъ и коллегіями". Въ по-
слѣднемъ случаѣ „во-первыхъ, секретъ поверженъ во многихъ
рукахъ большой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ
и то легко случиться можетъ, что между равными мѣстами
произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несо-
гласія, а отъ несогласія разногласные доклады государю".
„Буде же государю угодно будетъ прежнюю ли Конференцію
или какой тому подобный совѣтъ возстановить", то „настоящее
смѣщеніе дѣлъ въ объясненіе придетъ, и система установле-
на будетъ". Кромѣ того, государь, „присутствуя въ такомъ
совѣтѣ и видя въ одномъ мѣстѣ все сопряженіе главныхъ
дѣлъ, меныше будетъ имѣть затрудненій, а несравненно больше
способа и времени все собственными очами видѣть и все
собственнымъ трудомъ управлять"¹⁾. Доводы Воронцова
убѣдили Петра III, и онъ взамѣнъ Конференціи учредилъ,
такъ называемый, *Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ*, „чтобы
многія наши къ пользѣ и славѣ Имперіи нашей и къ бла-
гополучію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ принятая намѣренія
наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли".
Совѣтъ вѣдалъ преимущественно военные дѣла, въ силу че-
го ему были подчинены обѣ военные коллегіи. Затѣмъ указъ,
подписанный членами совѣта, приравнивался по силѣ дѣй-
ствія къ именному указу²⁾. Совѣтъ былъ упраздненъ Ека-
териною II.

При вступлениі послѣдней на престолъ, существовалъ
проектъ создать особый императорскій совѣтъ, долженство-
вавшій до нѣкоторой степени ограничить власть государы-
ни³⁾ (раньше уже было сказано, что такой же проектъ су-

¹⁾ Даневскій, Исторія образованія Государств. совѣта въ Россіи, приложенія, стр. 4.

²⁾ Въ дѣлахъ московского архива мин. иностр. дѣлъ сохранился проектъ плана Совѣта, по всей вѣроятности составленный Воронцовыми, по которому Совѣтъ долженъ быть раздѣленъ на четыре департамента (военныхъ дѣлъ, морскихъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовыхъ и иныхъ дѣлъ), съ особымъ статьей-секретаремъ каждый. Однако, этотъ планъ не былъ осуществленъ на практикѣ (Щегловъ, Государственный совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 15).

³⁾ По словамъ Ратинскаго, Панинъ желалъ создать такой порядокъ вещей, который, „оставляя верховную власть въ принципѣ самодержавною, давалъ бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ ее ограничивать (Русскій Архивъ, 1886 г., т. XXIV). О такой же тенденціи про-
екта Панина свидѣтельствуютъ очень много и другихъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Мало того, тѣ лица, которымъ было поручено императрицею предварительно разсмотрѣть проектъ, высказались противъ него главнымъ образомъ изъ за названной его тенденціи. Такъ, одно изъ нихъ

ществовалъ и относительно Сената). Авторомъ проекта былъ графъ Н. И. Панинъ, представившій императрицѣ докладъ о предполагаемой имъ реформѣ, а также и проектъ послѣдней, подъ названіемъ „Устава верховному правительству“. Въ докладѣ Панинъ высказался за необходимость „раздѣленія“ самодержавной власти государыни „между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственno персонъ“, долженствующихъ составить „верховное мѣсто лежислаций или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе“. По проекту „Устава“ въ составѣ названного Совета должны были войти шесть членовъ, носившихъ название императорскихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ четверо получали название „штатскихъ“ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военный и морской. Совѣтъ являлся главнымъ образомъ законодательнымъ учрежденіемъ, въ силу чего „всякое новое узаконеніе, актъ, постановленія, манифесты, грамоты и патенты, которые государи сами подписываютъ, должны быть контрасигнованы тѣмъ штатскимъ министромъ, по департаменту котораго то дѣло производилось, дабы тѣмъ публика оное отличать могла“. Кромѣ того, Совѣтъ служилъ средоточиемъ всего управления, въ силу чего всѣ дѣла должны были быть раздѣлены между штатскими министрами, которые по своимъ департаментамъ ихъ „разсма-

---

(авторъ „замѣчаній на проектъ“, по всей вѣроятности Воронцовъ) совѣтуетъ императрицѣ недреманымъ окомъ смотрѣть, чтобы самодержавную власть подобно уздѣ изъ руки не выпускать“. Точно также и Бестужевъ указываетъ Екатеринѣ II на опасность „раздѣлить съ императорскимъ совѣтомъ власть, приобрѣтеннуу съ такимъ трудомъ“. Наконецъ, вотъ что писалъ третій рецензентъ, генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа: „ мнѣ кажется, что составитель проекта подъ видомъ защиты монархіи тонкимъ образовомъ склоняется къ аристократическому правлѣнію. Обязательный и государственный закономъ установленный совѣтъ и влиятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей... Въ случаѣ учрежденія совѣта, воля императрицы будетъ связана избранными въ него членами... Для русскаго монарха нужна неограниченная власть, совѣтъ же слишкомъ приблизить подданного къ государю, и у подданного можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VІІ, стр. 217; Соловьевъ, т. XXV, стр. 182). Анализъ содержанія самого проекта, приведенного въ текстѣ, вполнѣ подтверждаетъ наличность въ немъ названной тенденціи его автора. Въ виду всего сказаннаго, попытка г. Чечулина (Проектъ импер. совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II, Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., кв. III) доказать, что Панинъ въ своемъ проектѣ совершившио не стремился ограничить власть Екатерины II должна быть признана вполне неудачной. Несостоительность аргументаціи г. Чечулина выясниена проф. Щегловымъ (Госуд. совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 56 и слѣд.).

тряваютъ, вырабатываютъ, въ ясность приводятъ, предлагають въ Совѣтъ государю и по нимъ отправленія чинять по резолюціямъ и повелѣніямъ государя”¹⁾. Однако, въ виду ограничения власти государыни со стороны Совѣта, проектъ не былъ утвержденъ Екатериной II, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ, какъ было уже сказано, сильную оппозицію со стороны многихъ лицъ²⁾.

Но высказавшись противъ ограничения власти совѣтомъ, императрица вполнѣ сознавала необходимость въ подобномъ учрежденіи, почему въ 1768 г., по случаю войны съ Турцией, учредила, такъ называемый, *Императорскій совѣтъ*³⁾. Первоначально онъ имѣлъ временный характеръ, какъ то видно изъ манифеста, учредившаго его. Совѣтъ былъ организованъ, „дабы, по причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, ни въ которой части, къ тому принадлежащей, ничего проронено не было, что служить можетъ къ безопасности имперіи, и дабы скорѣйшія сношенія установить между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ”. Въ началѣ онъ учреждался только на время войны, „дабы имѣть какъ разсужденіе, такъ и бдѣніе, чтобы ничего не было упущенъ къ оборонѣ и къ безопасности государства, также и къ военнымъ дѣйствіямъ”. Однако, уже со слѣдующаго 1769 года Совѣтъ превратился въ постоянное учрежденіе, причемъ былъ раздѣленъ на два департамента—для политическихъ и военныхъ дѣлъ, и, какъ видно изъ журналовъ его засѣданій,

¹⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII. стр. 202. См. также у Соловьевъ, т. XXV, стр. 174.

²⁾ Императрица въ точеніе почти цѣлаго полугодія держала проектъ у себя, причемъ сдѣлала въ немъ много поправокъ и все же въ результатѣ не утвердила его. Впрочемъ, одно время она хотѣла уже „уступить“ (такъ выраженіе въ письмѣ къ Понятовскому) и даже подписала манифестъ объ учрежденіи совѣта, но въ 1768 г. измѣнила свое намѣреніе и надорвала манифестъ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VІІ, стр. 210).

³⁾ Впрочемъ, еще раньше, а именно въ 1768 г. она поручила фельдмаршалу Миниху составить проектъ совѣта, что и было исполнено послѣднимъ. По этому проекту совѣтъ долженъ состоять изъ пяти лицъ, „находящихся у государственного кормила“, которыхъ могли бы направлять всѣ дѣла имперіи, облегчать имъ трудъ ея величества императрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности не особенно важныхъ дѣлъ”. Совѣтъ долженъ быть раздѣленъ на пять департаментовъ, во главѣ которыхъ императрицею назначены были стоять лица „изъ способныхъ администраторовъ“. Эти лица входили бы въ совѣтъ, обязанный руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ „мудрыми рѣшеніями государыни“ (Записки Миниха, изд. Семевскаго, стр. 95 и слѣд.). Однако, мысль Миниха о раздѣленіи Совѣта на пять департаментовъ не была осуществлена.

изданныхъ покойнымъ Калачовымъ подъ названиемъ „Архивъ Государственного Совѣта“, сталъ во главѣ всего государствен-наго управлениія, хотя и не ограничивалъ власти государыни, такъ какъ имѣлъ строго совѣщательный характеръ. Черезъ Совѣтъ прошли всѣ болѣе или менѣе важные законодатель-ные памятники, изданные Екатериной II, напримѣръ, Учреж-дение о губерніяхъ 1775 года, уставъ благочинія 1782 го-да, манифестъ о горныхъ промыслахъ, Жалованная грамоты дворянству и городамъ 1785 года и другіе. Одновремено съ этимъ Совѣтъ игралъ весьма важную роль въ области управ-ленія. Такъ, онъ принималъ всевозможны мѣры для благо-получнаго окончанія войны съ Турцией, для подавленія пугачевскаго бунта, для прекращенія моровой язвы и т. п. Въ составъ его входили вначалѣ семь членовъ, затѣмъ гораздо больше, причемъ всѣ они назначались императ-рицею, принимавшею самое дѣятельное участіе въ трудахъ Совѣта.

Послѣдній продолжалъ свое существованіе и въ царство-ваніе Павла I, хотя значение его было крайне уменьшено, во-первыхъ, потому, что за нимъ осталась только одна функ-ція, а именно, цензура, всѣ же остальные не входили болѣе въ составъ его компетенціи¹⁾, во-вторыхъ, потому, что го-сударь почти не присутствовалъ на его засѣданіяхъ (за все время своего царствованія Павелъ I былъ только одинъ разъ на засѣданіи, въ то время, какъ Екатерина II, присутство-вала на 63 засѣданіяхъ) и, въ-третьихъ, потому, что онъ созы-вался крайне рѣдко (во все царствованіе Павла I онъ былъ созванъ 143 раза, въ то время, какъ при Екатеринѣ II онъ за-сѣдалъ 1597 разъ).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I, совѣтъ былъ упраздненъ, въ виду того, что, „быть рѣдко занимаемъ пред-метами существенными, доселѣ носилъ одно имя государствен-наго установлениія безъ ощущительного вліянія на дѣла об-щественные“. Въ замѣнѣ же его, по плану извѣстнаго Тро-щинского, былъ учрежденъ 30 Марта 1801 г., такъ называемый, Непремѣнныи совѣтъ, какъ „мѣсто установленное при Его Импе-

1) Впрочемъ, въ началѣ царствованія имп. Павла онъ вѣдалъ еще и другія дѣла. Самъ государь въ своей „Запискѣ объ устройствѣ разныхъ частей государствен-наго управлениія“ смотрѣлъ на Совѣтъ, какъ на мѣсто не законодательное, а един-ственное для въ помошь и сношеніе государю и министрамъ“, почему высказалъся за то, чтобы „Совѣту себѣ дѣлъ не присвоять, а разматривать представлен-ныи министрами“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. ХС, стр. 2). 171

раторскомъ Величествѣ для обсужденія и уваженія дѣлъ го-
сударственныхъ“, причемъ „онъ не входитъ ни въ какія
распоряженія по части исполнительной и силы другой въ
государственномъ управлениі не имѣетъ, кроме силы сообра-
женія“. Въ составѣ его входили „особы, довѣренностью го-
сударя и общею почтенныя“. Что касается до компетенціи
Совѣта, то она была опредѣлена слѣдующимъ образомъ:
„предметъ разсужденій Совѣта составляетъ все, что принад-
лежитъ къ государственнымъ установленіямъ временными или
коренными и непреложными“, такъ какъ, поручаемое ему
дѣло „относится только къ части законодательной“. Въ виду
этого, цѣлью Совѣта должно было быть слѣдующее: „поста-
вить силу и блаженство Всероссійской имперіи на незыбле-
момъ основаніи закона“. Для достиженія же этой цѣли Со-
вѣтъ, согласно данному ему наказу, долженъ былъ пересмот-
рѣть всѣ законы и, начертать проекты перемѣнъ и исправ-
леній, имѣя въ виду „любовь къ человѣчеству и къ всеоб-
щему порядку“, а также, „чтобы новыми законами вдохнуть
жизнь и бодрость во всѣ низшія состоянія людей, обращая
покровительство законовъ на земледѣліе, мануфактуру, про-
мыслы и ремесла и на торговлю, какъ первые источники си-
лы государственной“. Наконецъ, совѣтъ долженъ былъ, „отли-
чивъ просвѣщеніе истинное отъ ложнаго, постановить твер-
дныя начала къ возрожденію первого и къ уклоненію отъ вто-
рого“. При Совѣтѣ была учреждена канцелярія, раздѣленная
на четыре отдѣленія. Всѣ дѣла поступали въ эти послѣднія
и подготавливались въ нихъ къ слушанію въ Совѣтѣ, въ кото-
ромъ решались по большинству голосовъ. Впрочемъ, какъ
мнѣніе большинства членовъ совѣта, такъ и мнѣнія отдѣльныхъ
его членовъ представлялись на „уваженіе“ государя ¹⁾.

Однако, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ открытия
засѣданій Совѣта, дѣятельность его вызвала не мало нареканій.
По словамъ графа А. Р. Воронцова, „въ немъ мало что дѣла-
лось: вступали въ Совѣтъ только тѣ дѣла, кои докладчики
дѣлать не хотѣли; были даже собранія опаго, въ коихъ,
еслибы не прочесть журнала предыдущаго засѣданія и под-
писать оный, и собираться бы въ Совѣтѣ не для чего“. Въ
виду такого положенія вещей, Воронцовъ предлагалъ „при-
весть Совѣтъ въ состояніе, дѣйствительное для пользы общей
и ближе къ намѣренію, съ коимъ онъ, какъ изъ наказа его

¹⁾ Даневскій, назв. соч., стр. 45. и слѣд.

видно, императоромъ и учрежденъ былъ[“]. Для достижения этой цѣли Воронцовъ находилъ необходимымъ присутствіе государя въ Совѣтѣ расширеніе, его компетенціи съ точнымъ опредѣленіемъ послѣдней и реформу въ области его дѣло-производства. Помимо законодательства, Совѣтъ долженъ быть вѣдать еще политическая (т. е. иностранная), военная и финансовая дѣла¹). Дѣйствительно, реформа Непременнаго совѣта вскорѣ сдѣлалась предметомъ обсужденія въ „неофиціальномъ комитетѣ“ Александра I, причемъ большинство членовъ послѣдняго высказалось за присутствіе министровъ въ Совѣтѣ и за внесеніе на его разсмотрѣніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ²). Это мнѣніе членовъ комитета получило силу закона съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ, такъ какъ всѣ министры вошли въ составъ Совѣта, причемъ на засѣданіяхъ послѣдняго должны были присутствовать не менѣе пяти изъ нихъ, считая въ томъ числѣ и того министра, къ компетенціи котораго относилось разматриваемое въ Совѣтѣ дѣло. Манифестомъ же, учредившимъ министерства, было опредѣлено, что „дѣла, особенную важность въ себѣ содержащія“, обязательно вносились въ Совѣтъ, обыкновенная же дѣла разматривались въ Комитетѣ министровъ. Вплоть до учрежденія Государственного совѣта Непремѣнныи совѣтъ функционировалъ въ роли высшаго законодательнаго, отчасти административнаго и даже судебнаго учрежденія³), хотя въ этомъ отношеніи имѣлъ сильнаго конкурента въ лицѣ Комитета министровъ, который, благодаря присутствію на его засѣданіяхъ государя, постепенно фактически сталъ во главѣ государственного управления, оттѣснивъ на второй планъ какъ Сенатъ, такъ и Совѣтъ.

Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока во главѣ государственного управления не сталъ Сперанскій, сдѣлавшій въ полномъ смыслѣ этого слова право рукою государя. Онъ, какъ известно, пришелъ къ сознанію необходимости преобразовать все государственное устройство и началъ съ Совѣта. Было уже сказано, что въ основу своего плана онъ положилъ теорію Монтескіе и, сообразно съ нею, для осуществленія административно-исполнительной власти,

¹⁾ Щегловъ, назв. соч., т. I. стр. 740, т. II, стр. 167.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1866 г., т I.

³⁾ Протоколы совѣта обнародованы Калачовыми, въ сборникѣ „Архивъ Государственного совѣта“, а разработаны проф. Щегловымъ во II т. его „Государственного совѣта въ Россіи“, стр. 212—356.

создать министерства, действовавшія подъ контролемъ Государственного совѣта. Впрочемъ, по проекту „Уложенія государственныхъ законовъ“, значеніе послѣдняго далеко не исчерпывалось названнымъ контролемъ. Задачей Государственного совѣта, главнымъ образомъ, было посредничество между государемъ, съ одной стороны, и законодательной (государственная дума), исполнительной (министерства) и судебнай (Сенатъ) властью, съ другой стороны. „Дѣйствие этихъ трехъ учрежденій“, читаемъ въ проектѣ, „соединяется въ Государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ трону“, таѣ какъ совѣтъ стоитъ во главѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій, составляя „вершину всей государственной организаціи и послѣднее ея звено“. Въ виду этого, „въ порядкѣ государственныхъ установлений совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательного, судебнаго и исполнительного въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются“. Какъ слѣдствіе изъ указанного значенія совѣта, являлось участіе его въ разработкѣ законопроектовъ, поступавшихъ въ государственную думу. Предсѣдателемъ совѣта былъ государь или лицо, назначенное послѣднимъ, членами же — „особы, высочайшею довѣренностью въ сословіе сие призываляемыя“, а также министры какъ члены ехъ officio. Совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ, духовныхъ и государственной полиціи и 4) государственной экономіи. Члены департаментовъ вмѣстѣ съ особо назначенными лицами составляли общее собраніе совѣта. Кромѣ того, при совѣтѣ имѣлась канцелярія, подъ названіемъ государственной, изъ пяти отдѣлений, управляемая государственнымъ секретаремъ и подчиненная государственному канцлеру. Черезъ иссѣ „идутъ всѣ дѣла, входящія и исходящія изъ совѣта, пріуготовляются въ ней и, по ихъ утвержденіи, отправляются къ надлежащему исполненію“.

Кромѣ названного проекта, до насъ дошла еще „Записка о необходимости учрежденія Государственного совѣта“, написанная также Сперанскимъ¹⁾. Въ пей собраны всѣ доводы въ пользу необходимости учрежденія совѣта, какъ мѣста „для общаго соображенія государственныхъ дѣлъ въ отно-

¹⁾ „Записка“ хранится въ архивѣ Госуд. сов. и впервые обнародована проф. Щегловымъ (назв., соч. т. I, стр. 860 и т. II, стр. 371). Она написана Сперанскимъ позже „Проекта“ и представлена Александру I уже тогда, когда онъ рѣшился осуществить на практикѣ только нѣкоторыя части послѣдняго.

шениі ихъ къ части законодательной¹⁾, а уже не мѣста для „соединеній“ законовъ, администраціи и суда, какъ по проекту. Государственный совѣтъ по Запискѣ является по преимуществу законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, на разсмотрѣніе котораго вносятся законопроекты, установленія въ разсмотрѣніе государственної думы. Въ такой модифицированной формѣ совѣтъ долженъ быть водворить господство „закона твердаго и постояннаго“, изгнать изъ управлѣнія произволъ и личное довѣріе къ отдѣльнымъ лицамъ, благодаря которому въ законахъ „развилась великая несвязность, они часто соображались втайне, издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія (т. е. обсужденія), перемѣнялись по личнымъ случаямъ и удобностямъ и слабо исполнялись на дѣлѣ“. Для уничтоженія подобнаго порядка вещей и необходимо было учрежденіе Государственного совѣта. Дѣйствительно, послѣдній былъ торжественно открытъ 1 Янв. 1810 г., причемъ Александръ I произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ сущность новаго учрежденія. „Мысль о твердыхъ государственныхъ установлѣніяхъ“, сказалъ государь, „никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установлѣніяхъ, такъ какъ лица умираютъ, и одни установлѣнія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государства. Я имѣю удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установлѣній: Государственный совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управлѣнія; бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установлѣній непрѣмѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ“¹⁾.

На основаніи Учрежденія или „Образованія“ совѣта, компетенція его была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „въ порядке государственныхъ установлений совѣтъ составляетъ сословіе, въ которомъ всѣ части управлѣнія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются и черезъ него восходятъ въ верховной императорской власти... Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершению... Никакой

¹⁾ Даневскій, назв. соч., стр. 56.

новый законъ, уставъ и учрежденіе не исходить изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти". Такимъ образомъ этими постановленіями „Образованій" подчеркивался законосовѣщательный характеръ Государствен-наго совѣта, какъ онъ и былъ опредѣленъ Сперанскимъ въ его Запискѣ, но не въ Проектѣ, въ виду измѣненія воззрѣй государя. Къ законодательнымъ функциямъ совѣта, были еще присоединены и нѣкоторыя другія, какъ то: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявление войны, заключеніе мира и другія важныя виѣшнія мѣры, „когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію", 3) ежегодныя сметы государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года и чрезвычайныя финансовые мѣры; 4) отчеты всѣхъ министерствъ въ управлѣніи ввѣренными имъ частями. Съ теченіемъ времени функции Государственного совѣта расширились еще болѣе. Такъ, въ 1812 году онъ получилъ права высшаго апелляціоннаго суда, узурпированныя имъ на счетъ Сената. Еще раньше онъ получилъ нѣкоторыя права въ области финансового управлѣнія и пр.

Государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи, причемъ по нѣкоторымъ дѣламъ департаменты постановляли окончательное рѣшеніе¹⁾, по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ рѣшеніе департамента вносилось на разсмотрѣніе общаго собранія. При совѣтѣ была учреждена канцелярія (государственная) съ государственнымъ секретаремъ во главѣ.

Сперанскій придавалъ огромное значеніе учрежденію по его инициативѣ совѣту. Вотъ, что писалъ онъ въ отчетѣ, представленномъ государю, за 1810 г.: „излишне было бы изображать здѣсь пользу сего установленія; приводя его въ движение и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствиемъ, Ваше Величество, лучше другихъ можете объять все его влияніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоян-

¹⁾ А именно: дѣла, „заключающія въ себѣ изясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложенія ихъ къ частнымъ случаямъ и не предполагающія нового закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ".

ства, твердости и единообразія. Въ семь отношеніи онъ исполнилъ свое предназначение. Никогда въ Россіи законы не были рассматриваемы съ большою зрѣлью, какъ нынѣ, никогда государю самодержавному не представляли истины съ большою свободою, такъ какъ и никогда, должно сознаться, самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ¹⁾.

B. Св. Синодъ²⁾.

Мотивы и цѣли учрежденія Синода и замѣны имъ патріаршой власти изложены въ Духовномъ регламентѣ, бывшемъ, какъ уже сказано, учредительнымъ актомъ духовной коллегіи, переименованной въ Св. Синодъ. Петръ I, преобразуя Московское государство по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ, такъ называемаго, полицейского государства, и будучи сторонникомъ теоріи просвѣщенного деспотизма, съ некоторыми адептами которой (нафр., съ Лейбницемъ) онъ даже находился въ близкихъ отношеніяхъ, ставилъ очень высоко абсолютную власть государя, относясь крайне недружелюбно ко всему тому, что хотя до некоторой степени ограничивало эту власть. Кроме того, совершая свою революционную реформу всего государственного и общественного строя древней Руси и видя упорную, хотя и пассивную, оппозицію своей преобразовательной дѣятельности со стороны населения, естественно не могъ сочувствовать такимъ сторонамъ московской государственной жизни, которыхъ могли служить, если не преградой, то во всякомъ случаѣ и до известной степени препятствиемъ свободному отправленію функций со стороны верховной власти. Такимъ препятствиемъ былъ, между прочимъ, институтъ патріаршества, причинившій не мало хлопотъ еще отцу Петру, царю Алексѣю Михайловичу, въ его борьбѣ съ известнымъ Никономъ. Затѣмъ оппозиція

¹⁾ Баронъ Корфъ, Жизнь графа Олеранскаго, ч. II, стр. 120.

²⁾ По исторіи Синода см. Кедрова „Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго“, статью Тихомирова „Св. Синодъ“ во II чн. сборника „Внутренний бытъ Русскаго государства съ 17 Октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г., Ольшевскаго „Св. Прав. Синодъ при Петре Великомъ“ (Киевскій Унив. Извѣстія 1894 г., чн. II и III) и Барсова „Св. Синодъ и его прошломъ“.

духовенства реформъ, вызвавшая столь рѣзкія слова со стороны государя: „о бородачи, отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами, многому злу корень—старцы и попы“, и, наконецъ, нелюбовь Петра ко всему тому, что напоминало ему „папежскій духъ“, заставили его покончить съ патріаршествомъ. „Отъ единаго собственнаго правителя духовнаго можно опасаться отечеству мятежей и смущенія“, гласилъ Духовный регламентъ, „ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуєтъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство“. При такомъ взглядѣ на патріарха, какъ на лицо, облеченнное властью, равной монаршей (читаемъ въ Духовномъ регламентѣ), въ случаѣ конфликта между государемъ и патріархомъ, „простыя сердца“ (синонимъ „простаго народа“) „духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовать и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Божій поборствуютъ“. Этимъ пользуются „коварные человѣцы“, враждующіе на своего государя, и подстрекаютъ простой народъ къ подобному „беззаконію“. Такимъ образомъ первый мотивъ уничтоженія патріаршества заключался въ чрезмѣрной власти патріарха, явившійся опасной для цѣлости и спокойствія государства. Но, кроме этого мотива, былъ и другой. Петръ, отчасти подъ вліяніемъ Лейбница, былъ большой сторонникъ коллегіальной системы управлениія, считая ее гарантіей противъ произвола и многихъ другихъ злоупотребленій; между тѣмъ патріаршеская власть являлась вполнѣ единоличной, „а въ единой персонѣ, по словамъ регламента, „не безъ страсти бываетъ, къ тому же не наслѣдственная власть“; не говоря уже о томъ, что въ „единоличномъ правлениі часто бываетъ дѣль продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣгаются дѣла“. Въ виду всего этого, составитель регламента высказывается за примѣненіе къ управлению духовными дѣлами „лучшей и совереннѣйшей“ формы управления, какою является коллегіальная или соборная форма. Этю послѣднюю „извѣстнѣе взыскивается истина, нежели единимъ лицомъ, такъ какъ „что единъ не постигнетъ, то по-

стигнетъ другой, а чего не увидить сей, то онъ увидитъ, и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и какого требуетъ опредѣленія, не трудно покажется". Кромѣ того, „и сила въ опредѣлениіи дѣла у соборнаго правительства большая есть, понеже вяще ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ". Наконецъ, „въ коллегіумѣ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству и лихоимному суду". Такимъ образомъ, преимущество коллегіальной власти надъ единоличной было другимъ мотивомъ уничтоженія патріаршества и замѣны его духовной коллегіей, впослѣдствіи Синодомъ, организація, компетенція и дѣлопроизводство котораго были опредѣлены въ Духовномъ регламентѣ.

Поводомъ учрежденія Синода послужила смерть патріарха Адріана (16 Октября 1700 г.). Впрочемъ, вначалѣ Петръ распорядился только не избирать нового патріарха, а взамѣнъ его учредилъ должность „мѣстоблюстителя патріаршаго престола", на которую назначилъ Стефана Яворскаго. Послѣдній долженъ былъ управлять церковными дѣлами совместно съ освященнымъ соборомъ, въ составъ котораго по очереди входили всѣ митрополиты, архіепископы и епископы¹⁾. Такимъ образомъ этотъ соборъ отличался отъ московскаго церковнаго собора, во-первыхъ, тѣмъ, что засѣдалъ постоянно, и во-вторыхъ, тѣмъ, что состоялъ изъ очередныхъ высшихъ чиновъ духовенства, а не изъ всѣхъ, какъ въ Москвѣ. Иначе говоря, названный соборъ являлся ничѣмъ инымъ, какъ прообразомъ Синода, составляя промежуточное звено между послѣднимъ и древне-рускимъ церковнымъ соборомъ. Такъ продолжалось до 1721 г., когда былъ изданъ Духовный регламентъ, учредившій духовную коллегію, переименованную вскорѣ (высочайшею резолюціею 14 Февр. 1721 г.) въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ²⁾.

Составъ послѣдняго былъ организованъ по образцу другихъ коллегій, а именно Синодъ состоялъ изъ 12 „правительствующихъ особъ“, назначавшихся государемъ изъ митро-

¹⁾ Кругъ вѣдомства мѣстоблюстителя съ соборомъ ограничивался только духовными дѣлами, т. е. о расколѣ, ересяхъ и „противностяхъ церкви Божіей“, дѣла же хозяйственныхъ, напр., управление церковными имуществами, сосредоточились въ Монастырскомъ приказѣ.

²⁾ Въ Сентябрѣ 1721 г. Петръ извѣстилъ объ учрежденіи Синода константинопольскаго патріарха, который вмѣстѣ съ антioхійскимъ патріархомъ принялъ его въ 1723 г.

политовъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, причемъ упомянутые духовные чины обязаны были по очереди исполнять обязанности синодальныхъ членовъ, состоя въ числѣ названныхъ 12 „особъ“. Эти послѣдніе образовывали присутствіе Синода, состоявшее изъ президента, двухъ вице-президентовъ и опредѣленнаго количества совѣтниковъ и ассесоровъ. Президентъ (какъ и вице-президенты) назначался государемъ обязательно изъ архiereевъ, причемъ былъ только предсѣдателемъ, а не начальникомъ Синода. Выясненію роли президента Петръ удѣлилъ не мало мѣста въ регламентѣ. „Имя это, читаемъ въ послѣднемъ, „не гордое есть и не иное что значить, только предсѣдатель; не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ высоко помышляти“¹⁾.

При Синодѣ, какъ и при Сенатѣ, было учреждено нѣсколько должностей. Такъ, при немъ вначалѣ существовали фискалы, называвшіеся инквизиторами, съ протоинквизиторомъ во главѣ. Вскорѣ они были подчинены созданной въ 1722 г. должности синодального оберъ-прокурора, обязанности которого были тождественны съ обязанностями генералъ-прокурора при Сенатѣ. Онъ таекъ-же, какъ и послѣдній, стоялъ во главѣ синодальной канцеляріи, ближайшее завѣдываніе которой было поручено оберъ-секретарю. Наконецъ, при Синодѣ существовала должность агента, переименованного въ 1724 г. аккюторомъ, главная обязанность которого заключалась въ томъ, чтобы слѣдить затѣмъ, „дабы духовныя дѣла въ Сенатѣ слушались прежде всѣхъ коллежскихъ дѣлъ, первыми послѣ его имп. величества указовъ“, а также чтобы „рекордовать въ Сенатѣ и коллегіяхъ настоятельно, дабы по синодскимъ вѣдѣніямъ и указамъ надлежащая отправа чинена была безъ продолженія времени“. Въ противномъ-же случаѣ онъ долженъ быть „протестовать“ предъ „президирующими персонами“ (въ коллегіяхъ) и доносить генералъ-прокурору.

Дѣлопроизводство въ Синодѣ, какъ и въ коллегіяхъ, опредѣлялось Генеральнымъ регламентомъ (гл. VI). Всякое дѣло сначала поступало въ канцелярію, на обязанности которой было составить докладъ о немъ и внести на разсмотрѣніе присутствія, т. е. общаго собранія синодальныхъ членовъ. По выслушаніи доклада, послѣдніе приступали къ преніямъ, руководимымъ президентомъ, а съ уничтоженія этой долж-

¹⁾ Со смертію Стѣфана Явѣрскаго въ 1728 г., бывшаго первымъ президентомъ, назѣнная должность фактически была уничтожена, и обязанности предсѣдателя въ Синодѣ исполняли одинъ изъ вице-президентовъ.

ности — вице-президентомъ. Съ 1763 г. роль предсѣдателя въ Синодѣ стала играть, такъ называемый, „первенствующій“ членъ, каковымъ былъ сперва новгородскій, а затѣмъ петербургскій митрополитъ. Пренія заканчивались баллотировкою, причемъ подача голосовъ начиналась съ младшихъ членовъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ, причемъ при равенствѣ послѣднихъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ. Однако, въ общее собраніе Синода вносились только болѣе важныя дѣла, остальные же разсматривались въ особыхъ конторахъ, учрежденныхъ при Синодѣ (напр., для судебнѣхъ дѣлъ, для инквизиторскихъ дѣлъ, для раскольническихъ дѣлъ и т. д.), изъ которыхъ большое значение впослѣдствіи получила московская синодальная контора. Первоначально во главѣ конторы стояли синодальные совѣтники и ассесоры, въ московскую же контору съ теченіемъ времени стали назначаться особые члены на правахъ синодальныхъ членовъ.

Наконецъ, какои-либо сомнѣнія или разрѣшаемыя въ отсутствіе государя Синодъ долженъ быть рѣшать совмѣстно съ Сенатомъ на особыхъ конференціяхъ.

Въ составѣ компетенціи Синода входили административная, судебная и законодательная дѣла, касающіяся церкви и духовенства. Такъ, къ административнымъ функциямъ Синода должны были быть отнесены слѣдующія дѣла: 1) наблюденіе за чистотою вѣры („здѣ наблюдать подобаетъ“, гласить Духовный регламентъ, „аще все правильно и по закону христіанскому дѣется и не дѣется-ли что и гдѣ закону оному противное“, а также „аще довольно христіанамъ наставление употребляется“), въ силу чего на немъ лежали слѣдующія обязанности: истолкованіе догматовъ вѣры, распространеніе христіанства среди язычниковъ, искорененіе ересей, борьба съ расколомъ, наблюденіе за чистотою обрядовъ, забота о религіозномъ просвѣщеніи народа и т. п., 2) надзоръ за церковнымъ управлениемъ, органы которого были непосредственно подчинены Синоду; 3) назначеніе духовныхъ лицъ на мѣста и должности; 4) попеченіе о материальномъ положеніи церквей, управлениѣ церковными имуществами, переданными Петромъ Синоду изъ Монастырскаго приказа¹⁾ и т. п.

адм.

¹⁾ Эта весьма важная мѣра, отсрочившая секуляризацию церковныхъ имуществъ почти на полѣ столѣтія, произошла по инициативѣ Синода, который на первомъ-же своемъ засѣданіи рѣшилъ обратиться по поводу нея съ докладомъ

Что касается судебных функций Синода, то онъ заключались въ разсмотрѣніи: 1) преступлений противъ вѣры (дѣла о богохульствѣ, расколѣ, ересяхъ и волшебствѣ); 2) преступлений противъ семейственного права, напр., дѣла о бракахъ, заключенныхъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и свойства или же совершенныхъ посредствомъ принужденія и 3) нѣкоторыхъ преступлений духовныхъ лицъ, напр., при обвиненіи „въ брачни, въ бою, въ кражѣ, въ обидахъ и въ безчестіяхъ“. Впрочемъ, всѣ эти дѣла входили въ составъ юрисдикціи Синода только при наличности факта „самоизволности“, сознанія со стороны подсудимаго; если-же онъ не сознавался, и приходилось прибѣгнуть къ пыткѣ, въ такомъ случаѣ дѣло переносилось на разсмотрѣніе Сената. Въ противномъ случаѣ Синодъ рѣшалъ названныя дѣла, въ качествѣ высшаго аппеляционнаго суда. Однако, по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., по жалобамъ на архіереевъ со стороны другихъ духовныхъ лицъ или по жалобамъ архіереевъ другъ на друга, а также по такимъ дѣламъ, въ которыхъ отвѣтчиками были синодальные члены) Синодъ, согласно Духовному регламенту и указу 22 Іюня 1722 г., фигурировалъ въ качествѣ суда первой инстанціи.

Наконецъ, степень законодательной власти Синода (по крайней мѣрѣ до 1722 г.) находилась въ зависимости отъ факта присутствія государя въ столицѣ или въ предѣлахъ государства или отсутствія его изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ Синодъ, участвуя въ законодательной дѣятельности по церковнымъ дѣламъ, не пользовался правомъ санкціи закона, принадлежавшимъ исключительно государю. „Должна-же есть сія коллегія“, гласить Духовный регламентъ, „новыми впредь правилами дополнить регламентъ свой, яковыхъ правиль востребуютъ разные разныхъ дѣль случаи; однакожъ, дѣлать сіе должна коллегія не безъ нашего соизволенія“. Во второмъ случаѣ Синодъ пользовался большими правами, а именно: „буде въ отлученіи нашемъ (гласить революція Петра 19 Ноября 1721 г.) такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будеть невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“. Изъ цитированного мѣста видно, что Синодъ въ отсутствіе государя пользовался меньшими законодательными правами, чѣмъ Сенатъ, таѣ

къ государю. Въ докладѣ Синодъ, указывая на то, что духовныи вотчины „отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту“, ходатайствовалъ о передачѣ ихъ въ его вѣдѣніе. На докладѣ Петромъ написано: „быть по сему“.

какъ онъ обязательно долженъ былъ совѣщаться съ Сенатомъ и издавать законъ не иначе, какъ совмѣстно съ нимъ. Напротивъ, Сенатъ дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ совершенно самостоятельно и совѣщался съ Синодомъ только при изданіи такихъ „генеральныхъ опредѣленій, въ чѣмъ и синодская команда заключается“, т. е. касающихся компетенціи Синода. Въ 1722 г. государь предписалъ въ случаѣ своего отсутствія „рѣшать Синоду обще съ Сенатомъ до нашей аprobacii“, т. е. „подписавъ всѣмъ, чинить, ю не печатать, ниже утверждать по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оное аprobовано будетъ“.

Разматривая юридическое положеніе Синода, необходимо констатировать фактъ крайней неопредѣлности послѣдняго. Съ одной стороны, Синодъ является преемникомъ власти патріарха, на что указываетъ его титулъ „святейший“. Мало того, власть Синода считается даже большею, чѣмъ патріарха. Вотъ что, напр., читаемъ въ одномъ предписаніи Синода. „Синоду честь изъяснять безъ всякаго умаленія и повиноватися ему во всемъ безпрекословно, понеже онъ Синодъ имѣть честь, силу и власть патріаршескую или едва-ли не большую, понеже соборъ есть“. Самъ Петръ говорилъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, что „за благо разсудили мы установить со властью равнопатріаршескою духовный Синодъ“. Затѣмъ послѣдній ставился въ равноправное положеніе съ Сенатомъ, на что, между прочимъ, указывалъ его титулъ „правительствующій“ и многіе акты, опредѣлявшіе его юридическое положеніе. „Повелѣваемъ всѣмъ“, гласить, между прочимъ, манифестъ 25 Янв. 1721 г. объ учрежденіи Синода, „всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть Синодъ за важное и сильное правительство“. До насъ дошелъ также слѣдующій отвѣтъ Петра на докладные пункты Синода о формѣ сношеній его съ Сенатомъ и съ коллегіями: „въ Сенатъ сноситься вѣдѣніемъ и за подписaniemъ всѣхъ (т. е. какъ равный съ равнымъ), а въ коллегіи такъ, какъ изъ Сената пишутъ, и за подписаниемъ только секретарскимъ“ (опять равенство съ Сенатомъ). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ словахъ резолюціи государя на докладъ Синода въ 1722 г., вполнѣ подтверждающихъ мнѣніе о равноправности Синода съ Сенатомъ: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣть, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе ему равное отдавать надлежить“.

И вдругъ оказывается, съ другой стороны, что Синодъ „есть коллегія, какъ и прочія коллегіи“ и, въ силу этого, права его далеко не одинаковы съ Сенатомъ. Такъ, мы уже видѣли неравноправность его положенія съ послѣднимъ въ области законодательства во время отсутствія государя. Но подобная неравноправность существовала и въ присутствіи государя, такъ какъ всікіе докладные пункты Синода по законодательнымъ дѣламъ, прежде представлена ихъ Петру, должны были проходить чрезъ Сенатъ, гдѣ подвергались обсужденію. Наконѣцъ, публикація синодскихъ указовъ являлась функциею Сената. Точно также и въ области суда Синодъ не былъ равноправенъ съ Сенатомъ, на что уже было указано выше. Не пользовался онъ равноправностью и въ области администраціи, такъ какъ многія его мѣры въ этой отрасли управлениія нуждались въ утвержденіи со стороны Сената и даже могли быть имъ вассированы. Затѣмъ, осуществленіе этихъ мѣръ на практикѣ во многихъ случаяхъ являлось функциею Сената¹⁾). Эта неопределенность юридического положенія Синода крайне вредно отразилась на его судьбахъ послѣ смерти Петра.

Съ учрежденіемъ Верховнаго тайного совѣта, Синодъ сдѣлалъ было попытку стать выше Сената, находившагося въ то время въ періодѣ упадка, подавъ императрицѣ докладъ, въ которомъ довольно ясно намекнуль о своемъ желаніи сноситься „вѣдѣніемъ“ съ совѣтомъ и „указами“ съ Сенатомъ. Но императрица не утвердила доклада, и Синодъ наравнѣ съ Сенатомъ стала получать изъ Совѣта указы, а въ Совѣтъ подавать доношенія. Вскорѣ послѣ того (въ 1726 г.) онъ былъ раздѣленъ на два „апартамента“ (т. е. департамента), причемъ въ составъ первого вошли шесть духовныхъ лицъ (архіереевъ), а въ составъ второго шесть свѣтскихъ лицъ. Первый вѣдалъ исключительно духовныя дѣла, второй—судебныя и административно-хозяйственные²⁾, въ силу чего и стала называться коллегіей экономіи. Одновременно съ этимъ

¹⁾ См. Кедрова Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго. Даже проф. Барсовъ, отстаивающій равенство Синода съ Сенатомъ при Петре, вынужденъ признать, что этотъ государь „въ своихъ частныхъ распоряженіяхъ поставлялъ Синодъ въ иѣвторую зависимость отъ Сената“ (Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 414).

²⁾ Манифестъ 1726 г. предписалъ во второмъ департаментѣ „быть суду и расправѣ, такоже смотрѣнію сборовъ и экономіи и проч. по примѣру прежде бывшаго патріаршаго разряда“.

было видоизменено название членовъ духовнаго департамента: они стали называться членами и присутствующими въ Синодѣ. Въ это время Синодѣ пришелъ въ состояніе такого-же упадка, какъ и Сенатъ, что, между прочимъ, выражалось въ лишеніи его титула „правительствующій“, въ подачѣ имъ Верховному тайному совѣту ежемѣсячныхъ реестровъ о количествѣ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ и отчетовъ по финансовымъ дѣламъ и въ значительной эманципаціи изъ подъ его власти коллегіи экономіи. Мало того, Верховный тайный совѣтъ постоянно вмѣшивался въ дѣла Синода, приговоры которого очень часто не утверждались Совѣтомъ или прямо замѣнялись распоряженіями послѣдняго. Даже такія мѣропріятія Синода, какъ избраніе кандидатовъ на епископскія каѳедры, замѣщеніе духовныхъ должностей, назначеніе священниковъ и т. п., вполнѣ зависѣли отъ Совѣта. Послѣдній вполнѣ контролировалъ дѣятельность Синода и въ случаѣ замедленія рѣшеніемъ какого-либо дѣла, требовалъ объясненій отъ Синода¹⁾.

Послѣ уничтоженія Верховнаго тайного совѣта и съ усиленіемъ власти Сената, что, какъ известно, имѣло мѣсто въ началѣ царствованія Анны Ивановны, возбужденъ былъ вопросъ и объ усиленіи значенія Синода. Послѣдній представилъ въ Сенатъ по этому поводу свое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ необходимость несмѣняемости синодальныхъ членовъ. Мнѣніе Синода до настъ не дошло, и мы знаемъ о немъ изъ доклада Сената государынѣ, въ которомъ Сенатъ энергической высказался противъ стремленій Синода. Указывая на „требованіе“ послѣдняго, „чтобы всѣмъ онаго членамъ быть безперемѣнно“, Сенатъ объяснялъ наличность его ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ „получить большую власть и силу“²⁾. Однако, Анна Ивановна видимо не согласилась съ мнѣніемъ Сената, такъ какъ указомъ 21 Іюля 1730 г. назначила въ Синодѣ постоянныхъ, а не перемѣнныхъ членовъ.

Съ учрежденіемъ Кабинета Синодѣ, по примѣру Сената, стала въ подчиненное положеніе къ нему, вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, которое онъ занималъ въ отношеніи Верховнаго тайного совѣта. Въ это-же время коллегія экономіи была уже формально изъята изъ его вѣдомства и подчинена

¹⁾ Барсовъ, Св. Синодѣ въ его прошломъ, стр. 482 и слѣд.

²⁾ См. статью г. Тихомирова „Св. Синодѣ“ въ кн. II изданія „Внутренній бытъ Русскаго государства“, стр. 269 и слѣд.

исключительно Сенату. Всякое сношение съ ней со стороны Синода должно было обязательно идти черезъ Сенатъ. Такая реформа оправдывалась тѣмъ, что въ коллегіи „состоятъ тоже сборы и другія экономическая дѣла, которые подлежать къ вѣдѣнію Сената, а духовныхъ дѣлъ не бываетъ“.

Правда, Елизавета Петровна возстановила прежнее значеніе Синода, но при Екатеринѣ II онъ снова былъ нѣсколько ограничено въ своихъ правахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе возстановленія коллегіи экономіи (упраздненной Елизаветой Петровной) и подчиненія ея непосредственно Сенату и императрицѣ. Независимость коллегіи выражалась также и въ томъ, что по многимъ дѣламъ она получила право „по довѣренности нашей (т. е. государыни) къ ней сама своею властью поступать“. При Александрѣ I значеніе Синода было значительно уменьшено, вслѣдствіе учрежденія 24 октября 1817 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“, причемъ министръ духовныхъ дѣлъ въ отношеніи Синода получилъ огромныя права, какъ органъ надзора и контроля надъ дѣятельностью послѣдняго. Такъ, ему принадлежали въ отношеніи Синода функции генераль-прокурора относительно Сената, почему онъ долженъ былъ „накрѣпко смотрѣть, дабы Синодъ въ своемъ званіи правильно и нелицемѣрно поступалъ“. Затѣмъ приговоры Синода поступали на его разсмотрѣніе, и онъ имѣлъ право возвращать ихъ обратно для нового обсужденія вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ. Наконецъ, всѣ доклады Синода государю подносились послѣднему министромъ, который и объявлялъ Синоду высочайшія повелѣнія. Синодальный оберъ-прокуроръ былъ непосредственно подчиненъ министру. Въ 1824 г. министерство духовныхъ дѣлъ было уничтожено, но всѣ права министра постепенно перешли къ синодальному оберъ-прокурору.

I. Коллегіи.

Выше мы уже сказали, что Петръ былъ большой сторонникъ коллегіальной формы управлѣнія, въ приказахъ-же конца XVIII ст. эта форма совершенно выродилась, и, по свидѣтельству самого Петра (указъ 22 Дек. 1718 г.), главные приказные суды рѣшали дѣла вполнѣ единолично безъ вся-

ваго участія „товарищій“, чого було дѣлать тѣмъ болѣе не трудно, такъ какъ у приказовъ не имѣлось никакихъ регламентовъ¹⁾.

Находясь подъ вліяніемъ многихъ лицъ, бывшихъ адептами коллегіальної системы управлениія, Петръ рѣшился взамѣнъ прежніхъ приказовъ учредить по образцу Данії, Швеції и Германії коллегії для отправленія отдельныхъ функцій въ области суда и управлениія. Такъ, еще въ 1698 г., во время пребыванія Петра въ Англії, некто Френсисъ Ли предложилъ ему „предложеніе о правильной организаціи правительства“, именно обѣ учрежденіі „комитетовъ или коллегій“ (всѣхъ ихъ должно было быть шесть). Затѣмъ въ 1711 г. „рудокопный офицеръ“ Блигеръ представилъ государю „меморіалъ“, въ которомъ высказался за необходимость учрежденія „бергъ-коллегіума, состоящаго въ искусствъ сему художеству особахъ“. Наконецъ, въ 1712 г. мы встрѣчаемъ новое предложеніе относительно коллегій неизвѣстнаго автора, въ которомъ рекомендуется „учинить коммерцъ-коллегіумъ и ревизіонъ-коммісіонъ, т. е. пересмотрительный приказъ, который-бы во всемъ государствѣ по вся годы всѣ приходы и расходы свыше всѣхъ приказовъ считать могъ подробнѣ“. Съ 1715 года государь самъ принимается за дѣло введенія коллегій. Такъ, отъ этого года до насъ дошла собственно-ручная записка Петра (отъ 23 Марта) „о коллегіяхъ въ соображенію“, перечисляющая шесть коллегій, подлежащихъ введенію въ Россіи. Въ основу проекта былъ положенъ проектъ неизвѣстнаго автора, представленный государю въ томъ-же 1715 году и перечисляющій не шесть, но семь коллегій съ опредѣленіемъ компетенціи каждой²⁾. Тогда-же Петръ командировалъ извѣстнаго Фика въ Швецію собирать материалы для предстоящей реформы, а своему министру при датскомъ дворѣ кн. Долгорукову предписалъ прислать печатные или письменные уставы датскихъ коллегій³⁾.

¹⁾ Вотъ что говоритъ Петръ въ указѣ 1718 г. „коллегіи, т. е. собранія многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣть, какъ старые суды дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ-же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищій своихъ ничего учинить“.

²⁾ По предложенію (весъма вѣроятному) проф. Берендейса, основанному на сообщеніяхъ совремѣнниковъ, въ основу этихъ проектовъ положена организація французскаго высшаго управления того времени (Опытъ системы административного права, т. I, вып. I, стр. 116).

³⁾ Мало того, въ бѣтность свою въ Копенгагенѣ въ 1716 г., Петръ, по свидѣтельству датскаго исторіографа Понтопинадуса, лично осматривалъ датскія

Одновременно съ этимъ государемъ было поручено Вейде „достать ученыхъ и въ правостяхъ искусствныхъ людей для отправления дѣлъ въ коллегіяхъ“. Такое же порученіе получилъ резидентъ при австрійскомъ дворѣ Веселовскій, долженствовавшій сыскать изъ шрейберовъ (писцовъ) „не гораздо высокихъ чиновъ, которые бывали на службѣ цезарской“, изъ чеховъ, силезовъ и моравянъ, „которые знаютъ по-славянски, отъ всѣхъ коллегій, которые есть у цезаря, кроме духовныхъ, по одному человѣку и чтобы они... могли тѣ дѣла здѣсь основать“. Въ 1717 г. Фиель вернулся изъ заграницы и привезъ съ собою „нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей“. Для разработки названного материала въ помошь Филю былъ опредѣленъ Брюсъ. Оба они должны были „въ генеральныхъ терминахъ положить, какія дѣла къ какой коллегіи принадлежатъ, и что имъ вырабатывать и до чего не касаться“; кроме того, они должны были опредѣлить штаты коллегій и размѣры жалованія, „дабы можно было выбрать со временемъ президентовъ, годныхъ къ каждой коллегіи“. Къ дѣлу реформы былъ привлеченъ еще одинъ иностранецъ, а именно Люберацъ, которому государь поручилъ составить „очеркъ устройства коллегій въ правильномъ государственномъ хозяйствѣ“. Люберацъ написалъ два сочиненія: одно, касающееся государственныхъ учрежденій Швеціи, а другое, посвященное изложению тѣхъ измѣненій, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало въ нихъ произвести при посадкѣ на русскую почву, и, кроме того, составилъ 28 проектовъ, уставовъ и регламентовъ для коллегій¹⁾.

Между тѣмъ, на основаніи материала, привезеннаго Филемъ, составленъ былъ въ томъ же 1717 г. примѣрный реестръ персонала всѣхъ коллегій, а также окончательно опредѣлено, какія коллегіи должны быть введены. Наконецъ, въ концѣ 1717 года Петръ назначилъ коллежскихъ президентовъ и вице-президентовъ, предписавъ въ теченіе года окон-

коллегіи и самъ списывалъ правила ихъ дѣлопроизводства (Берендей, назв. соч. т. I, вып. I, стр. 115).

¹⁾ Сочиненія и проекты Любераца хранятся въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ и въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла въ СПБ., содержаніе же ихъ изложено въ сочиненіяхъ Берендейса „Баронъ Люберацъ и его замѣнѣка обѣ устройствѣ коллегій въ Россіи“ и Милкова „Госуд. хозяйство Россіи и реформа Петра В“; изъ послѣдняго сочиненія нами заимствованы и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, касающіяся исторіи коллегій, стр. 564—588. См. также Берендейса Опытъ системы административнаго права, т. I, вып. I, стр. 108—125.

чательно покончить съ устройствомъ коллегій. Государь собственноручно написалъ инструкцію президентамъ, которою они должны были руководствоваться при избраніи членовъ коллегій. „Выбирать президентамъ, гласила инструкція, подручныхъ или товарищѣй своихъ такимъ образомъ: 1) чтобы не было отнюдь свойственниковъ или собственныхъ креатуръ; 2) выбрать по два или по три человѣка во всякое мѣсто, а изъ нихъ всѣхъ коллегіи выбирать баллотиромъ“.

Въ слѣдующемъ 1718 году государь издалъ указъ, которымъ официально опредѣлилъ способъ устройства коллегій. „Всѣмъ коллегіямъ“, гласилъ указъ, „надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ регламенты, а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны или съ ситуацией сего государства не сходны, и онѣ ставить по своему разсужденію“. Однако, только въ 1719 г. оказались составленными нѣкоторые изъ регламентовъ коллегій, и послѣднія получили возможность вступить въ дѣйствие. Генеральный же регламентъ, служащий учредительнымъ актомъ для всѣхъ коллегій, былъ изданъ въ 1720 году (28-го Февраля).

Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи. Въ составъ первого входили президентъ, вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре ассесора¹⁾. Послѣдніе (т. е.; совѣтники и ассесоры) назначались Сенатомъ по представлению коллегій. Президентъ назначался государствомъ, вице-президентъ Сенатомъ, но съ утвержденіемъ государя (обыкновенно Сенатъ избиралъ нѣсколькихъ кандидатовъ, изъ которыхъ государь одного и назначалъ вице-президентомъ). Президентъ исполнялъ обязанности предсѣдателя; въ качествѣ такового, ему принадлежала „генеральная и верховная дирекція“²⁾, причемъ онъ имѣлъ право доносить Сенату о злоупотребле-

¹⁾ При Екатеринѣ I въ составъ присутствія входили только двое совѣтниковъ и двое ассесоровъ, причемъ половина всего присутствія получила право по очереди не бывать на засѣданіяхъ въ виду того, что „въ такомъ множайшемъ числѣ членовъ въ исправленіи дѣлъ лучшаго успѣха не находится, но паче въ разногласіяхъ въ дѣлахъ остановка и помѣшательство происходить“ (указъ 1726 года).

²⁾ Однако, по старой привычкѣ, президенты нерѣдко выходили изъ роли предсѣдателей, стремясь рѣшать дѣла единолично. Подобные факты вызвали указъ 9 Мая 1719 г., въ которомъ государь писалъ: „понеже коллегіи нынѣ устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ своей коллегіи дѣлала, тѣго ради подтверждается симъ указомъ, дабы президенты никакихъ дѣлъ, ни узаконъ одни не дѣлали и не подчищали“.

ніяхъ и неспособностахъ членовъ коллегіи и просить о назначениі другихъ на ихъ мѣсто. Канцелярія состояла изъ секретаря, регистраторовъ, протоколистовъ и другихъ приказныхъ служителей. Секретарь являлся начальникомъ канцеляріи и, въ качествѣ такового, подготавлялъ доклады для присутствія, принималъ прошенія членовъ коллегіи, составлять реестры дѣлъ и надзиралъ за дѣятельностью канцелярскихъ чиновниковъ. Протоколистъ или нотаріусъ составлялъ протоколы засѣданій присутствія; регистраторъ вель реестры входящимъ и исходящимъ бумагамъ; актуаріусъ хранилъ у себя бумаги, отвѣчая за ихъ сохранность; переводчики переводилъ на русскій языкъ бумаги, написанные на иностраннѣхъ языкахъ и поступавшія въ коллегіи; канцеляристы, вмѣстѣ со своими помощниками копіистами, приготовляли дѣла къ докладу подъ наблюденіемъ секретаря. Высшіе изъ названныхъ чиновниковъ назначались Сенатомъ по представлению коллегіи, низшіе—самою коллегіею. Будучи знатоками законовъ и письменного дѣлопроизводства, канцелярскіе члены скоро приобрѣли рѣшающее значеніе въ коллегіяхъ, и на практикѣ коллегіальное начало было сведено къ нулю, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что присутствіе обыкновенно соглашалось съ докладомъ канцеляріи. Подобный порядокъ вещей и вызвалъ замѣчаніе Миниха, что Россія управляетъ секретарями и оберъ-секретарями.

Дѣла въ коллегіяхъ рѣшались слѣдующимъ образомъ: прежде слушались государственные дѣла, а потомъ уже частныя, причемъ на рѣшеніе первыхъ полагалась недѣля, а вторыхъ шесть мѣсяцевъ. По окончаніи преній, приступали къ баллотировкѣ, которая обязательно должна была вестись такимъ порядкомъ, чтобы младшіе члены подавали голоса раньше старшихъ. Приговоръ составлялся по большинству голосовъ, причемъ при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ. Всякій членъ, въ случаѣ разногласія съ большинствомъ, имѣлъ право требовать занесенія своего мнѣнія въ протоколъ.

Всѣхъ коллегій учреждено 12, а именно: три государственные коллегіи— иностраннѣхъ дѣлъ, военная и морская (Адмиралтейство-коллегія); три финансовая—Камеръ-коллегія, вѣдавшая государственные доходы, Штатъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая государственные расходы, и Ревизіонъ-коллегія, наблюдавшая за исполненіемъ сметъ по доходамъ и расходамъ; три торгово-промышленная коллегія—Бергъ-

коллегія, вѣдавшая горное дѣло; Мануфактуръ-коллегія, вѣдавшая промышленность, и Коммерцъ-коллегія, вѣдавшая торговлю; затѣмъ Юстицъ-Коллегія, вѣдавшая судь; Вотчинная коллегія, явившаяся на смѣну Шомѣстному привазу¹⁾, и Духовная коллегія, впослѣдствіи Св. Синодъ.

Коллегіи были не только административными, но и судебными учрежденіями, чѣмъ напоминали старые приказы въ которыхъ также судъ и администрація не раздѣлялись. Въ качествѣ судебныхъ учрежденій, онъ главнымъ образомъ фигурировали въ роли суда второй инстанціи, и решения ихъ могли быть обжалованы въ Сенатъ, которому вообще коллегіи были подчинены. Нѣкоторыя коллегіи обладали еще своими конторами; такъ, если коллегія находилась въ Петербургѣ, то въ Москвѣ учреждалась ея контора, рѣшавшая дѣла въ большинствѣ случаевъ вполнѣ самостотельно.

Большинство коллегій просуществовало до Екатерины II, когда нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты (напримѣръ, Камеръ-коллегія, Юстицъ-коллегія и другія), вслѣдствіе издания Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, перенесшаго коллегіи въ формѣ палатъ (казенной, гражданскаго и уголовнаго суда, губернскаго правленія, приказа общественнаго призрѣнія и т. п.) изъ центра въ провинцію и преобразовавшаго ихъ изъ органовъ центральнаго въ органы мѣстнаго управлениія. Оставшіяся же коллегіи были уничтожены при Александрѣ I, когда взамѣнъ ихъ государь учредилъ министерства—институтъ, построенный не на коллегіальномъ, а на единоличномъ началѣ.

Д. Министерства.

Терминъ „министръ“ неоднократно употреблялся въ императорскомъ періодѣ еще задолго до образованія министерствъ. Такъ, при Петрѣ I, существовала консилія министровъ, при Аннѣ Ивановнѣ Кабинетъ министровъ и т. д., но все эти учрежденія не были представителями ми-

¹⁾ Вотчинная коллегія, какъ и нѣкоторыя другія коллегіи, не имѣла своего регламента, но три проекта послѣдняго, не получившіе законодательной санкції, до насъ дошли. См. Ардашева „Регламентъ Вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 г.г.“.

нистерского, т. е., единоличного начала въ управлении¹⁾. Впервые это начало стало сказываться въ царствование Екатерины II. Такъ, уже въ докладѣ Панина императрицѣ былъ выставленъ принципъ, что „самодержавный государь можетъ произвести свою власть въ полезное дѣйство только разумнымъ раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ“. По мнѣнію Панина, государственное управление должно быть раздѣлено между нѣсколькими лицами, обязанными заботиться „о тѣхъ государственныхъ частяхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго правленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей“. Такихъ „частей“, т. е., министерствъ, должно быть восемь: 1) судъ народа (министерство юстиціи), 2) внѣшняя политика (министерство иностранныхъ дѣлъ), 3) внутренняя политика — духовный законъ и права гражданскія (министерство внутреннихъ дѣлъ), 4) оборона государственная (министерство военное и морское), 5) казенные дѣла управления, т. е., „сравненіе и доброта ходачей монеты, государственные доходы и расходы и государственная экономія“ (министерство финансъ) и 6) торговля и промышленность. Указанныхъ рубрикъ шесть, а не восемь, потому что подъ третьей и четвертой рубриками помѣщены по два министерства. Точно также по проекту Миниха все государственные дѣла должны были распредѣляться между пятью лицами, стоявшими во главѣ департаментовъ совѣта и входившими въ составъ послѣдняго на правахъ членовъ.

На практикѣ, въ особенности въ концѣ царствования Екатерины II, личное начало стало вытеснять коллегіальную систему управлениія (по крайней мѣрѣ, въ центрѣ), пришедшую въ состояніе вполнѣ упадка. Такъ, мы уже говорили, что генераль-прокуроръ въ это время сталъ вполнѣ министромъ финансъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ²⁾. За-

¹⁾ Впрочемъ, наличность министерского начала, конечно, только до известной степени, можетъ быть отмѣчено и въ это время. Такъ, члены Верховнаго тайного совѣта завѣдывали отдельными отраслями управления, по которымъ и докладывали въ совѣтъ. Отчасти тоже самое было и въ Кабинетѣ.

²⁾ Въ составъ его компетенціи входило вѣдѣніе слѣдующихъ частей управления: внутреннаго управлениія въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, юстиціи, ревизіи счетовъ, монетнаго дѣла, солянаго и виннаго управления, горно-заводской промышленности и банковаго дѣла; къ этому надо добавить, что генераль-прокуроръ стоялъ во главѣ всей центральной администраціи и обладалъ обширною властью (Градовскій, назв. соч., стр. 238 и слѣд.).

тѣмъ, другія отрасли управлѣнія также постепенно стали сосредоточиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, народное просвѣщеніе въ рукахъ Бецкаго, пути сообщенія въ рукахъ Муравьева и т. д.

При Павлѣ I личное начало управлѣнія значительно усилилось¹⁾, во-первыхъ, вслѣдствіе подчиненія каждой коллегіи особому главному директору, не участвовавшему въ засѣданіяхъ коллегіи и сносившему съ нею предложеніями, но обладавшему правомъ личного доклада у государя и объявлявшему коллегіи высочайшія повелѣнія и, во-вторыхъ, вслѣдствіе еще большей, чѣмъ при Екатеринѣ II, дифференціації отдѣльныхъ отраслей управлѣнія между лицами, пользовавшимися особымъ довѣріемъ государя (такъ, появляются должностіи государственного казначея и даже двухъ министровъ: удѣловъ и коммерці). Однако, министерское начало не было согласовано съ коллегіальнымъ, въ силу чего получилась крайняя запутанность отношеній между министрами и коллегіями. Такъ, съ учрежденіемъ должностіи министра коммерціи, Коммерцъ-коллегія не была уничтожена, но была поставлена въ извѣстную зависимость отъ министра. Послѣдній имѣлъ право дѣлать свои замѣчанія на рѣшенія коллегіи, но не могъ ихъ измѣнить; въ случаѣ же несогласія коллегіи съ этими замѣчаніями, онъ долженъ былъ докладывать государю. Согласно инструкціи, полученной министромъ, обсужденіе разныхъ мѣропріятій относительно торговли было возложено главнымъ образомъ на него, приведеніе же въ исполненіе этихъ мѣропріятій — на коллегію, въ то время какъ слѣдовало бы вакъ разъ наоборотъ на основаніи правила, что обсужденіе — дѣло многихъ, исполненіе же — одного²⁾.

Свое господство личное начало пріобрѣтаетъ при Александрѣ I, когда учреждаются министерства. Вопросъ о нихъ впервые обсуждался въ томъ неофиціальномъ комитетѣ, который собирался у государя. Одинъ изъ членовъ комитета, именно Новосильцевъ, разработалъ проектъ названной ре-

1) Самъ государь высказалъ свои взгляды на этотъ счетъ въ извѣстной „Запискѣ объ устройствѣ разныхъ частей госуд. управлѣнія“. По мнѣнію Павла I, послѣднее должно сосредоточиться въ рукахъ семи министровъ, поставленныхъ во главѣ департаментовъ: юстиціи, финансовыхъ, военнаго, морскаго, иностраннѣй дѣлъ, коммерціи и казны (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. ХС, стр. 1—2).

2) Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 695, т. II, стр. 94.

формы, по которой въ Россіи учреждалось одно министерство, раздѣленное на части, подвѣдомственные восьми министрамъ. Этотъ проектъ и легъ въ основаніе первого учрежденія министерствъ въ 1802 г. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, былъ указанъ слѣдующій мотивъ: „мы за благоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, че-
го будетъ требовать отъ нихъ должность и чего мы ожида-
емъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія во благу об-
*щему”¹⁾. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь²⁾.,
причемъ обращено вниманіе на уясненіе ихъ отношеній къ Сенату и къ коллегіямъ. Объ отношеніи министерствъ къ Сенату было уже говорено прежде, поэтому скажемъ теперь объ отношеніяхъ ихъ къ коллегіямъ. Послѣднія были рас-
писаны по отдѣльнымъ министерствамъ, хотя и не вошли въ ихъ составъ въ видѣ департаментовъ, которыхъ вообще, на основаніи учрежденія 1802 года, не существовало. Отноше-
нія между коллегіями и министерствами были крайне свое-
образны. Каждая коллегія о всѣхъ дѣлахъ посыпала мини-
стру *меморію*, а по дѣламъ затруднительнымъ особья пред-
ставленія. Министръ разрѣшалъ представленія, а на меморіи, если считалъ нужнымъ, дѣлалъ возраженія. И отвѣты, и замѣчанія министра сообщались коллегіямъ предложеніями. Если коллегіи не соглашались съ замѣчаніями ministra, то представили ему свои разсужденія. При подтверждении со стороны ministra, если съ нимъ не соглашались коллегіи, мнѣнія послѣднихъ записывались въ журналъ, а революціи ministra приводились въ исполненіе. Изъ этого видно, что первое учрежденіе министерствъ имѣло характеръ компро-
мисса между коллегіальной и министерской системами управ-
ленія.*

¹⁾ Въ сущности тотъ же мотивъ реформы выставляетъ и Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ. „Цѣлью этой реформы“, говорить онъ, „было отдѣлить министерства, опредѣлить ихъ границы, соединить въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ всѣ однородныя дѣла, централизировать руководство ими и такимъ образомъ увеличить ответственность главныхъ органовъ государственной власти“ (Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 792).

²⁾ Военное, морское, иностраннѣхъ дѣлъ, внутреннѣхъ дѣлъ, коммерціи, финансово-юстиціи и народного просвѣщенія. Кроме того, въ положеніи, рав-
нѣмъ съ министерскимъ, находилась должностъ государственного казначея.

Александр I былъ очень доволенъ этой реформой. „Мѣра, о которой мы такъ часто говорили, писалъ онъ Лагарпу, „въ полномъ дѣйствіи: министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого приобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что не такъ, какъ слѣдуетъ“. Были довольны реформою и другія, напримѣръ, известный сторонникъ коллегіальной системы, Трощинскій, выставлявшій на видъ въ своей запискѣ, что „въ производствѣ дѣлъ сохранялся прежній коллежскій порядокъ, и власти министровъ положены предѣлы, ибо въ обыкновенныхъ случаяхъ они не должны вмѣшиваться въ сужденія коллегій, а въ необыкновенныхъ быть только посредниками между коллегіями и государемъ, посредствомъ чего министры, получая дѣйствительно всѣ способы къ ускоренію теченія дѣлъ, не иначе могли препятствовать сему теченію, какъ подъ точною отвѣтственностью“.

Однако, сами министры были крайне недовольны своимъ положеніемъ, и это недовольство высказалъ одинъ изъ нихъ, а именно Кочубей, въ своемъ докладѣ государю. Докладъ содержитъ въ себѣ изложеніе слѣдующихъ недостатковъ реформы: 1) „медленность въ дѣлахъ управлениія нестерпимая составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда“; 2) недостатокъ раздѣленія работы и постепенного ея усовершенія; 3) множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; 4) недостатокъ ответственности; 5) „министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т. е., онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, рассматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть въ каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ, и все сіе только для того, чтобы сказать ей свою резолюцію или объявить указъ. Сіе вводитъ ministra въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности“¹⁾). Названный докладъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и указомъ 1803 года было предписано упразднить коллегіальные учрежденія, под-

¹⁾ Цитируемъ по соч. барона Корфа „Жизнь графа Сперанского“. См. также Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 5—26.

въдомственнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же году во всѣхъ министерствахъ (кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) были учреждены департаменты, а затѣмъ мало-по-малу уничтожены и другія коллегіи.

Другимъ недостаткомъ рассматриваемой реформы, на что Кочубей не обратилъ вниманія, было крайне неопределенное въ юридическомъ отношеніи положеніе особаго государственного учрежденія, впервые установленнаго учрежденіемъ министерствъ 1802 года и, въ силу этого, вскорѣ узурпировавшаго многія права Непременного Совета и Сената. Мы говоримъ о Комитетѣ министровъ, учрежденіе котораго находилось въ тѣснѣйшей связись учрежденіемъ министерствъ.

Еще въ неофиціальномъ комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ объ этомъ комитетѣ. Такъ, на одномъ изъ засѣданій комитета въ 1801 году нѣсколькими его членами была высказана мысль, что всѣ важнѣйшия государственные дѣла должны разсматриваться въ Непременномъ Совѣтѣ, дѣла же, требующія особенной тайны, необходимо обсуждать въ особымъ комитетѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 21 Апрѣля 1802 года, въ неофиціальномъ комитетѣ былъ снова возбужденъ вопросъ о разсматриваемомъ учрежденіи, когда при чтеніи Новосильцевымъ своего проекта о министерствахъ, онъ высказалъ слѣдующую мысль относительно способа составленія докладовъ государю: „Доклады должны состоявали подвергаться обсужденію комитета, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и, въ случаѣ несоблюденія сей формальности, каждый изъ нихъ имѣлъ бы право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада“. Въ виду того, что государь изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно пользы подобнаго установления, члены комитета постарались убѣдить его въ цѣлесообразности послѣдняго, заявляя, что „всѣ отрасли управлія составляютъ какъ бы звенья цѣлаго; следовательно, всякое новое распоряженіе должно быть обсуждаемо совокупно всѣми лицами, участвующими въ управліи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены въ общій дѣлѣ. Мѣры сіи могли также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связанны междо собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей“. Государь согласился съ этими доводами. Затѣмъ, члены комитета снова высказались за то, „чтобы текущія дѣла рѣшались въ коми-

тетъ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ Совѣтъ". Такимъ образомъ, изъ сказанного видно, что, съ точки зренія членовъ неофиціального комитета, вновь проектированный Комитетъ министровъ долженъ быть явиться такимъ учрежденiemъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія министровъ, предварительно представлена ихъ на утвержденіе гоударя, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію, для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами путемъ единичныхъ докладовъ необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства. Въ этомъ стремленіи къ установлению солидарности въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ органовъ правительственной власти и къ централизаціи этой власти завлючается вся сущность совершившагося въ то время административного переустройства вообще и въ частности учрежденія Комитета министровъ¹⁾.

Если мы обратимся къ „Образованію“ министерствъ въ 1802 году, то убѣдимся въ истинности сказанного. На основаніи ст. 15 Образованія „всѣ министры суть члены Совѣта, дѣла же обыкновенныя трактуются въ Комитетѣ, составленномъ единственно изъ министровъ“. Затѣмъ, на основаніи ст. 10 и 11 выясняется еще другое назначеніе Комитета, а именно, въ случаѣ представленія государю со стороны кого либо изъ министровъ доклада, осуществленіе котораго на практикѣ сопряжено „съ отмѣною существующихъ законовъ“ или вызоветъ необходимость „изданія новыхъ узаконеній“, „каждый министръ, прежде поднесенія государю такого доклада, долженъ предварительно предложить прочимъ министрамъ для обсужденія и надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями“. Такимъ образомъ, задача Комитета заключалась 1) въ разсмотрѣніи „дѣлъ обыкновенныхъ“, болѣе точно не опредѣленныхъ въ законѣ и 2) „въ соображеніи со всѣми государственными частями“ министерскихъ докладовъ, имѣющихъ цѣлью видоизмѣненіе существующаго законодательства.

Вскорѣ послѣ своего учрежденія, Комитетъ министровъ, въ составѣ своихъ членовъ, т. е. министровъ, ихъ товарищей и государственного казначея, собрался на первое свое

¹⁾ Журналы Комитета министровъ, томъ I, предисловіе

засѣданіе, въ которомъ постановилъ ходатайствовать предъ государемъ, „не благоугодно ли будетъ ему удостоить Комитетъ своимъ присутствиемъ“, что имѣло огромное значеніе въ исторіи Комитета, служа факторомъ увеличенія его власти и сконцентрированія въ немъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Государь согласился съ постановленіемъ Комитета и рѣдко когда не посѣщалъ его засѣданій.

Въ 1805 и 1808 г.г. были изданы правила, долженствовавшія опредѣлить компетенцію и дѣлопроизводство Комитета; однако, не смотря на это, положеніе его оставалось въ сущности крайне неопределеннымъ. Въ особенности этой неопределенностью отличалась его компетенція. Какъ „дѣла обыкновенныя“ учрежденія 1802 года, такъ и различныя „категоріи дѣлъ“ правилъ 1805 и 1808 годовъ требовали дальнѣйшаго разясненія въ законодательномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Комитетомъ функционировали еще Сенатъ и Непременный Советъ, въ составъ компетенціи которыхъ также входило вѣдѣніе различныхъ „дѣлъ“, почти не разграниченныхъ отъ дѣлъ Комитета¹⁾.

Между тѣмъ, не смотря на эту юридическую неопределенность своего положенія, Комитетъ министровъ вскорѣ занялъ вполнѣ определенное de facto мѣсто, чemu главнымъ образомъ способствовало постоянное присутствіе государя на его засѣданіяхъ. Не будучи ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими законодательными предѣлами и благодаря присутствію государя на его засѣданіяхъ, Комитетъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлался средоточiemъ всего государственного управления, „верховнымъ мѣстомъ имперіи“ какъ это видно изъ журналовъ его засѣданій, обнародованныхъ статсь-секретаремъ Куломзиннымъ, узурпировавъ такимъ образомъ права Сената и Совета.

Такое ненормальное положеніе вещей вызвало сътканіе со стороны не только такихъ принципіальныхъ противниковъ

¹⁾ Правила 1805 г. опредѣлили компетенцію Комитета слѣдующимъ образомъ. Онъ разрѣшаетъ „дѣла“: 1) по которымъ министръ обязанъ подносить его императорскому величеству всеподданнѣйшіе доклады, 2) изъ текущихъ дѣлъ тѣ, которая угодно будетъ государю особымъ повелѣніемъ къ тому назначить, и 3) которая министръ, для разрѣшенія собственныхъ сомнѣній, сочтетъ за нужное туда представить“. Правила 1808 года вѣсколько видоизмѣнили эту компетенцію, предписавъ вносить въ Комитетъ тѣ изъ текущихъ дѣлъ, которые требуютъ высочайшей резолюціи, а также дѣла по нѣкоторымъ отраслямъ управлія, перечисленнымъ въ правилахъ (Журналы Комитета министровъ, т. I).

министерского управлениі, какъ Трощинскій и Карамзинъ, но и со стороны такого приверженца названного управлениі, какъ Сперанскій. „Всѣ принятые въ 1802 г. въ ограниченію власти министровъ мѣры, писалъ Трощинскій, сдѣлались недѣйствительными, и Сенатъ лишился способа дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ, кромѣ судебной; самыми сильными сенаторами по своему мнѣнію были министры“. Еще болѣе рѣзко, какъ мы уже видѣли, выражался Карамзинъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“. „Министры, читаемъ у него, основавъ свое бытіе на развалинахъ коллегій, стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе, хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія; выходило, что Россіею правили министры“. Что касается Сперанскаго, то свои воззрѣнія по этому предмету онъ высказалъ въ „Запискѣ о государственныхъ установлениахъ“. Говоря объ организаціи министерствъ въ 1802 г. онъ замѣчаетъ, что „три главные неудобства опыта обнаружены въ семъ установлениѣ“: 1) смѣщеніе дѣлъ и власти между Сенатомъ и министерствами, 2) введеніемъ коллегій въ составъ министерствъ хотя усилены скорость и единство управлениія, но за то ничѣмъ не преграждена самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣльность соображеній, 3) неопределенность власти и недостатокъ отвѣтственности.

Столь ненормальное положеніе государственныхъ учрежденій вообще и Комитета министровъ въ частности вынудило правительство Александра I-го приступить въ новымъ реформамъ. Дѣйствительно, съ учрежденіемъ Государственного совѣта въ 1810 году, съ преобразованіемъ министерствъ въ 1811 и 1812 годахъ и съ изданіемъ „Учрежденія Комитета министровъ 1812 года“ прекратилась неопределенность положенія высшихъ органовъ управлениія, и дѣятельность Комитета министровъ была введена въ очерченные закономъ предѣлы¹⁾.

1) См. мою статью въ Юридическомъ Вѣстнике 1888 года „Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I-го“.

§ 3. Мѣстное управление.

А. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Мѣстное управление также подверглось реформѣ при Петре I, причемъ за образецъ были приняты шведскіе порядки. Реформа началась съ указа 1702 года, отмѣнившаго губернскихъ старостъ и сыщиковъ и передавшаго ихъ функции въ руки воеводъ. Однако, послѣдніе должны были управлять совместно съ особыми дворянскими советами, члены которыхъ (въ большихъ городахъ по три и по четыре, въ небольшихъ — по два) избирались по уѣздамъ помѣщиками и вотчинниками изъ своей среды, „изъ добрыхъ и знатныхъ людей“. Воеводы были обязаны „всѧкія дѣла вѣдать обще съ дворянами, и тѣ дѣла врѣпить тѣмъ воеводамъ и дворянамъ всакому своими руками“, а одному воеводѣ „безъ нихъ дворянъ, дѣль никакихъ не дѣлать и указу никакого не чинить“. Такимъ образомъ, коллегіальное начало оказалось перенесеннымъ и въ сферу мѣстнаго управления.

Въ 1708 г. (въ 1710 г.), какъ уже было сказано, Петре учредилъ губернаторовъ, поставленныхъ во главѣ губерній, причемъ власть ихъ также ограничивалась особыми выборными органами, такъ называемыми, ландратскими коллегіями, заимствованными изъ Остзейскаго края и состоявшими изъ 12, 10 или 8 членовъ, (смотря по величинѣ городовъ), избираемыхъ дворянами. Губернаторъ въ отношеніи ихъ былъ „не яко властитель, но яко президентъ“. Въ скоромъ времени ландраты были поставлены во главѣ долей, „для управления всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ“, въ предѣлахъ которыхъ, на основаніи указа 1 Іюля 1716 года, и было определено постоянное ихъ мѣстопребываніе (этотъ указъ предписываетъ ландратамъ завести въ доляхъ свои дворы для помѣщенія „приказа, тюрьмы и хоромъ, гдѣ можно имъ жить“). При губернаторѣ же были оставлены два ландрата, а управлявшіе долями должны были стѣзжаться въ губернскій городъ разъ въ годъ, „для счета и исправленія дѣлъ“. Такимъ образомъ, ландраты изъ товарищей губернатора оказались въ подчиненномъ у него положеніи, что, конечно, не согласовалось совершенно съ духомъ первоначальной реформы.

Съ учрежденіемъ въ 1719 году провинцій, во главѣ ихъ были поставлены воеводы, также подчиненные губернаторамъ,

въ виду того, что провинція въ скоромъ времени стала частію губернії. Воеводы получили особую інструкцію, переведенную со шведской інструкціі ландсгевдингамъ 1687 года, должностъ которыхъ имѣла много общаго съ должностью воеводы. Согласно съ ней, воевода долженъ быть заботиться о расквартировкѣ и продовольствіи войскъ, борясь со шпіонствомъ и заботиться о хорошемъ состояніи крѣпостей. Затѣмъ, ему принадлежали иѣкоторыя функціи въ области казеннаго управлениія; такъ, онъ наблюдалъ за казенными заводами, лѣсами, рудниками, за собираемъ и исправнымъ поступленіемъ доходовъ. Въ области судебныхъ дѣлъ, „хотя ему не подлежало ссоръ тяжебнаго дѣла между подданныхъ судить и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательство чинить“, однако, на него возлагалось: пресъченіе волокиты, отсылка преступниковъ въ судъ и распоряженіе по приведенію въ дѣйствіе судебныхъ приговоровъ. Наконецъ, воеводѣ принадлежало не мало полицейскихъ функцій (см. ниже). Согласно інструкціи, воевода надзиралъ за дѣятельностью всей провинціальной администраціи и находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ органами центральнаго управлениія, что было вполнѣ понятно при существованіи у правительства намѣренія замѣнить губернское управлениѣ провинціальнымъ (см. выше). Этимъ же намѣреніемъ объясняется и умолчаніе со стороны інструкціи объ отношеніяхъ воеводы къ губернатору.

Одновременно съ воеводами государь учредилъ еще одну должностъ, также заимствованную изъ Швеціи,—земскихъ камерировъ, поставленныхъ въ зависимость отъ Камерь-коллегіи и завѣдовавшихъ мѣстными сборами. Согласно інструкціи, также переведенной со шведского, камериръ являлся „знатѣйшимъ камернымъ чиновникомъ въ провинції“ и, въ качествѣ такового, получалъ всѣ отчеты отъ мѣстныхъ властей, представляя ихъ на разсмотрѣніе Камерь-коллегіи и Штатсь-конторы. Обязанности его, кроме отчетности, заключались въ наблюденіи за всѣми сборами, въ надзорѣ за продовольствиемъ войскъ, за подрядами и поставками провіанта и фуража въ армію, за государственными имуществами и отдачей на откупъ казенныхъ статей и за хозяйствомъ общественныхъ учрежденій¹⁾.

Въ вѣдѣніи камерировъ находились земскіе комиссары—²⁾ прообразъ будущихъ земскихъ исправниковъ. Земскій комиссаръ

¹⁾ Милковъ, назн. соч., стр. 628.

избирался дворянами уезда изъ своей среды (изъ „лучшихъ“ людей) на годъ, причемъ, по окончаніи службы, представлялъ отчетъ о своей дѣятельности избирателямъ на особомъ дворянскомъ съездѣ, пользовавшимся правомъ „штрафовать“ (т. е. наказывать) его за неисправность. Функции земскихъ комиссаровъ состояли въ сборѣ всѣхъ доходовъ подъ наблюденіемъ камерировъ, въ надзорѣ за правильнымъ исполненіемъ рекрутской и постойной повинностей, въ вѣдѣніи путей сообщенія, въ принятии полицейскихъ мѣръ противъ бѣглыхъ и разбойниковъ, въ смотрѣніи, затѣмъ, „чтобы подданные при всѣхъ случаяхъ къ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, также и къ подданнѣйшей вѣрности его величеству обучены и наставливаны были“, и въ содѣйствіи отправленію правосудія, напримѣръ, въ представлѣніи преступниковъ въ судъ, въ исполненіи приговоровъ суда и тому подобное¹⁾.

Одновременно съ названными должностями, Петръ учредилъ также и земскихъ рентмейстеровъ, т. е., казначеевъ, функции которыхъ заключались въ приемѣ поступленій отъ комиссаровъ, въ храненіи ихъ въ особой земской казнѣ, такъ называемой, рентерей и въ выдачѣ по ассигновкамъ. Рентмейстры получили также особую инструкцію, переведенную со шведскаго²⁾.

Реформы Петра въ области мѣстнаго управлѣнія подверглись коренной ломкѣ при его преемникахъ. Послѣдніе мотивировали необходимость такой ломки въ указѣ 9 Января 1727 года. Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ, читаемъ въ указѣ, „не только служить къ великому отягощению штата, но и къ великой тягости народа, по неже вмѣсто, что прежде къ одному правителью адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ 10 и можетъ и большѣа всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особыливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и свой особыливыи судъ,

¹⁾ Земськіе комиссары получили также особую инструкцію (въ 1719 году), переведенную со шведской инструкції герадефохту 1688 года. Однако, въ виду того, что земскій комиссаръ вскорѣ сдѣлался сборщикомъ подушной подати (онъ ее собиралъ и передавалъ полковому комиссару) и, въ качествѣ такового, уже не могъ подчиняться камериру и Камерь-коллегіи, ставъ въ непосредственную зависимость отъ военной коллегіи, указанную инструкцію пришлось заново передѣлать.

²⁾ Должность рентмейстера существовала недолго и была уничтожена въ 1726 году, причемъ функции ея перешли къ камериру.

и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочить, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходить или происходить будуть". Въ виду этого, указъ предписалъ „всѣхъ лишихъ управителей и канцеляріи, и конторы земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить". Правительство пощадило только губернаторовъ и воеводъ, въ рукахъ которыхъ (особенно послѣднихъ) и сосредоточились всѣ функціи мѣстного управлениія и суда (при Петрѣ судъ былъ отдѣленъ отъ администраціи, какъ объ этомъ увидимъ ниже) ¹⁾). Въ помошь названнымъ должностнымъ лицамъ были оставлены, получившія теперь важное значеніе, канцеляріи: губернская при губернаторѣ, провинціальная при провинціальномъ воеводѣ и воеводская при уѣздномъ воеводѣ. Воеводы были подчинены губернаторамъ, „чтобы, вѣдая надъ собою ближнюю команду, осторожнѣе и исправнѣе поступали". Для руководства имъ былъ составленъ особый наказъ (12 Сентября 1728 года), въ отличие отъ предыдущихъ инструкцій, заимствованный уже не изъ Швеціи, но въ значительной степени повторяющій постановленія воеводскихъ наказовъ XVII ст. Согласно ему, воевода получилъ функціи упраздненныхъ камерира и рентмейстера, т. е., онъ ведеть и провѣряетъ книги, необходимыя для отчетности, а также собираетъ сборы и расходуетъ ихъ по ассигновкамъ финансовыхъ коллегій ²⁾). Затѣмъ, ему принадлежать весьма обширныя полномочія въ области администраціи вообще и полиції въ частности, а также въ области гражданскаго, такъ и уголовнаго суда.

Такъ продолжалось до Екатерины II, когда правительство снова вступило на путь реформъ ³⁾). О послѣднихъ ходатайствовали сословія въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ за-

¹⁾ Впрочемъ, должность земского комиссара, хотя и должна была быть „отставлена“, однако, продолжала свое существование.

²⁾ Милюковъ, назв. соч., стр. 690.

³⁾ Впрочемъ, уже Елизавета Петровна сдѣлала попытку реформировать строй мѣстного управлениія въ духѣ политики своего отца. Такъ, незадолго до своей смерти (указомъ 5 Іюня 1761 г.) она предоставила помѣщикамъ право избирать изъ своей среды воеводъ. Таковыми должны были быть лица, владѣвшія населенными имѣніями вблизи городовъ и имѣвшія возможность содержать себя собственными доходами. Едвали, однако, этотъ указъ былъ приведенъ въ исполненіе.

конодательную комиссию 1767 года¹⁾; въ особенности этимъ занялось дворянство, причемъ наказы его по своимъ стремлениямъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой относятся такие, которые желаютъ, по крайней мѣрѣ, въ уѣздахъ всѣ функции мѣстного управлія передать въ руки дворянства, органъ котораго дворянскій сѣѣздъ избираетъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ и контролируетъ ихъ дѣятельность. Ко второй категоріи относятся такие, которые выскаживаются за одновременное существованіе двухъ администрацій — правительственной и дворянской, а именно: правительство назначаетъ въ уѣздъ воеводу, дворянство же избираетъ его „товарища“²⁾.

Екатерина II до извѣстной степени удовлетворила желанія дворянъ путемъ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, преобразовавшаго весь строй мѣстного управлія. Этому важному законодательному акту предпосланы мотивы, которыми руководилась императрица въ своей реформаторской дѣятельности. „Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управлія имперіи, читаемъ въ Учрежденіи, нашли мы, въ первыхъ, что, по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управлія людьми; что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правліе губерніи, совокуплены и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею и, сверхъ того, еще уголовный дѣла и гражданскіе суды отправляются, а таковыми же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціахъ и уѣздахъ правлія не меныше подвержены,

¹⁾ Впрочемъ, еще до созванія комиссіи 1767 года правительство приступило къ нѣкоторымъ реформамъ; такъ, 21 Апрѣля 1764 г. было издано, такъ называемое, „Наставлѣніе губернаторамъ“, въ которомъ императрица обратила вниманіе на мѣстное управліе. „Все цѣлое, гласило „Наставлѣніе“, не можетъ быть отнюдь совершенное, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ. Главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыхъ болѣе всего исправлѣнія требуютъ“. „Наставлѣніе“ значительно эманципировало губернаторовъ изъ подъ власти коллегій. „Губернаторъ, читаемъ въ немъ, какъ повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хранинъ всей врученней его смотрѣнію губерніи, состоять имѣть подъ собственнымъ нашимъ и Сената нашего вѣдѣніемъ, потому и указы только отъ насъ и Сената нашего приемлетъ“. Это положеніе вполнѣ тождественно съ основою мыслию Учрежденія 1775 года. Согласно „Наставлѣнію“, губернаторамъ были вѣрены обширные права надзора, также напоминающія права, предоставленныя имъ Учрежденіемъ 1775 года.

²⁾ См. мое изслѣдованіе „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.“ т. I, стр. 411.

ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и. знанія. Съ одной стороны, медленность, упущенія и волокита суть естественные послѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣла одно другое останавливаютъ и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправление должности и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своеольство и ябда обще со многими пороками, ибо возмездія за преступленіе и пороки производятся не съ таковою поспѣшностью, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продержос тныхъ". Руководствуясь этими мотивами, императрица, во-первыхъ, депентрализуетъ все управление, перенося изъ центра въ мѣстности не мало функций послѣдняго, и во-вторыхъ, дифференцируетъ отдѣльныя отрасли управления между разными ею созданными учрежденіями.

Во главѣ всего мѣстнаго управления поставленъ государевъ намѣстникъ или генералъ-губернаторъ, вѣдущій (впрочемъ, не всегда) несколько губерній. Онъ обязанъ „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ, ему подчиненныхъ, мѣсть и людей, о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей“. Затѣмъ, онъ является начальникомъ полиції и поэтому долженъ „пресѣкать разнаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и заразительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокость“. Наконецъ, ему принадлежитъ надзоръ за сборомъ налоговъ и податей и за отправленіемъ повинностей. Въ качествѣ намѣстника государя, генералъ-губернаторъ пользуется особымъ почетомъ: такъ, онъ имѣеть право на особый конвой и почетную стражу изъ молодыхъ дворянъ, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ можетъ засѣдать въ Сенатѣ и по дѣламъ своихъ губерній подавать голосъ наравнѣ съ другими сенаторами.

Генералъ-губернаторъ управляетъ губерніей вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ, въ которомъ играетъ роль прелѣсѣдателя. Въ составѣ губернскаго правленія, въ качествѣ членовъ, входятъ губернаторъ, два губернскихъ совѣтника, и губернскій прокуроръ. Губернское правленіе не ограничиваетъ власти генералъ-губернатора, такъ какъ имѣеть только совѣщательное значеніе и обязано подчиняться его.

предписаніямъ¹⁾). Однако, не смотря на это, оно „есть мѣсто, управляющее всей губерніей въ силу законовъ именемъ императорскаго величества“, и потому „оно обнародоваетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ оному областяхъ законы и приказанія имп. величества и выходящіе изъ Сената и прочихъ государственныхъ мѣстъ, на то властъ имѣющихъ“. Затѣмъ ему принадлежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ, и оно обязано принимать мѣры къ прекращенію всякаго беспорядка.

Во главѣ каждой губерніи былъ поставленъ губернаторъ, получившій весьма важное значеніе, въ виду того, что генераль-губернаторы были далеко не вездѣ. Помощникомъ его является вице-губернаторъ, стоящій вдѣблюетъ во главѣ казенной палаты. Послѣдня опредѣляется „ничѣмъ инымъ, какъ соединеннымъ департаментомъ Камеръ и Ревизіонъ-коллегій, которому поручаются въ смотрѣніи домостроительныхъ и касенныхъ дѣла губерніи“. Казенная палата вѣдаетъ производство народныхъ переписей, казенные доходы и расходы, ревизію счетовъ, казенные зданія, соляные дѣла и винные откупы и подряды. Въ составъ казенной палаты входятъ вице-губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, директоръ экономии или домоводства, совѣтникъ, два ассесора и губернскій казначай. Органами казенной палаты въ уѣздахъ являются уѣздныя казначейства. Наконецъ, послѣднимъ губернскимъ учрежденіемъ является приказъ общественнаго призыва, состоящей изъ 6 засѣдателей — по двое отъ трехъ словесныхъ судовъ и подъ предсѣдательствомъ губернатора. Названное учрежденіе вѣдаетъ народныя школы, сиротскіе дома, госпитали, больницы, богодѣльни, дома для неизлѣчи-мо-больныхъ, сумасшедшихъ, смирительные и рабочіе дома.

Уѣздными учрежденіями были земскій исправникъ и нижній земскій судъ. Земскій исправникъ или капитанъ избирался дворянами и стоялъ во главѣ уѣзда, управляя имъ, „како опекунъ“ вмѣстѣ съ нижнимъ земскимъ судомъ. Въ составъ послѣднаго входили: исправникъ, въ качествѣ предсѣдателя, и два засѣдателя, также избиравшіеся дворянами (такимъ образомъ желаніе наказовъ было исполнено). Функции суда

¹⁾ Впрочемъ, если окажется, что предписаніе губернатора „не соответствуетъ пользѣ общей или службѣ имп. величества или нарушаетъ узаконенія, и губернатора разсужденіями оттого отвратить не можно“, то губернское правленіе, исполнивъ его, обязано представить свое „письменное мнѣніе“ о томъ въ Сенатъ.

были слѣдующія: 1) „имѣть бдѣніе, дабы въ уѣздѣ сохранины были благочиніе, добропровіе и порядокъ“; 2) „чтобы предписанное законами полезное всюду въ уѣздѣ исполняемо и охраняемо было“ и 3) „судъ одинъ въ уѣздѣ право имѣть приводить въ дѣйствіе повелѣнія правленія, рѣшенія падать, верхнихъ и уѣздныхъ судовъ и чинить отказы“. Кромѣ того, ему принадлежали извѣстныя права въ области полиції безопасности и благосостоянія; такъ, онъ заботился о торговлѣ и промышленности, вѣдалъ пути сообщенія, принималъ мѣры противъ эпидемій и эпизоотій, боролся съ пожарами и нищенствомъ и т. п. Иначе говоря, нижній земскій судъ, хотя и назывался судомъ, но былъ исключительно административно-полицейскимъ учрежденіемъ.

Не мало мѣста удѣлило Учрежденіе о губерніяхъ и институту прокуратуры, созданному имъ по крайней мѣрѣ въ сфере мѣстнаго управлениія. Какъ уже было сказано, губернскій прокуроръ состоялъ при губернскомъ правленіи, которому и обязанъ былъ доносить о всѣхъ замѣченыхъ имъ злоупотребленіяхъ и нарушеніяхъ закона. Функции прокурора заключались въ слѣдующемъ: „онъ смотрѣть и бдѣніе имѣть о сохраненіи всѣхъ всякаго порядка, законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправлениіи самыхъ дѣлъ“. Затѣмъ онъ „сохраняетъ цѣлостность власти, установленій и интереса имп. величества, наблюдаетъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не бралъ, и долгъ имѣть истреблять повсюду зловредныя взятки“. Кромѣ того, на его обязанности было слѣдить за тѣмъ, чтобы одно присутственное мѣсто не вторгалось въ вѣдомство другого, давать заключенія въ спорахъ о подсудности и въ случаѣ сомнѣнія на счетъ смысла закона и просматривать, также съ цѣлью дачи заключеній, всѣ приговоры по дѣламъ казеннымъ и общественнымъ. Наконецъ, въ составѣ его же компетенціи входили: наблюденіе за порядкомъ въ обществѣ и доносы о непослушаніи и ропотѣ жителей губерніи, о нарушеніи правилъ благочинія и общественнаго спокойствія и т. п. Губернскій прокуроръ былъ подчиненъ генераль-прокурору и стоялъ во главѣ прокуроровъ, находившихся при другихъ учрежденіяхъ, напримѣръ, при верхнемъ земскомъ судѣ, при губернскомъ магистратѣ, при верхней расправѣ и др. Кромѣ того, при немъ, въ качествѣ помощниковъ, состояли два стражчихъ: одинъ—казенныхъ, другой—уголовныхъ дѣлъ, на обязанности которыхъ было: первого—отыскивать судомъ убытки,

понесенные казною, а второго—возбуждать такія уголовныя дѣла, по которымъ не было истцовъ. Остальныя обязанности стряпчихъ были тѣ же, что и прокуроровъ. Въ уѣздѣ былъ особый уѣздный стряпчій.

Хотя Учреждение о губерніяхъ 1775 года просуществовало вплоть до реформъ Александра II, но и за этотъ періодъ оно испытalo извѣстныя модификаціи. Прежде всего таковая коснулась должностіи генералъ-губернатора, придавъ ей характеръ чрезвычайной власти и поставивъ ее въ губернскихъ учрежденій. По справедливому замѣчанію покойнаго Градовскаго, начало этому превращенію разсматриваемой должностіи положено самою учредительницею губерній¹⁾. Мы уже говорили, что на практикѣ въ составѣ намѣстничества вошло нѣсколько губерній (большею частью двѣ), въ силу чего, выражаясь словами Градовскаго же, была разорвана связь между намѣстниками и губернскими учрежденіями, чѣмъ, въ свою очередь, нарушилась основная мысль Екатерины II, чтобы между губерніями и высшимъ правительствомъ не было никакихъ посредствующихъ инстанцій, каковою и явился тотъ же намѣстникъ. Послѣдній съ теченіемъ времени, будучи поставленъ въ столь исключительное положеніе, вдобавокъ не ограниченный въ своей дѣятельности закономъ (какъ извѣстно, Учреждение о губерніяхъ 1775 г. только въ общихъ чертахъ опредѣлило функции генералъ-губернатора) превратился изъ органа надзора въ органъ управления, въ высшей степени личнаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризуетъ Сперанскій положеніе мѣстнаго управления: „губернскія мѣста въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора: гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами, ему равными; прокуроръ имѣть въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія; надзоръ со властью исправленія по общему учрежденію принадлежитъ генералъ-губернаторамъ. Но тамъ, где званіе сие существуетъ, дѣйствие его, яко личное и съ точностью не опредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ“.

Съ учрежденіемъ министерствъ, должностість генералъ-губернатора по своей идее стала въ противорѣчіе съ первыми,

¹⁾ Градовскій, Начала русскаго государственного права, т. III, стр. 202, 203 и 205.

какъ посредствующая исполнительная власть между высшимъ правительствомъ и мѣстными учрежденіями, уничтоженіе чего являлось одной изъ цѣлей учрежденія министерствъ, и какъ органъ надзора, по существу своему, противорѣчашій началамъ министерскаго надзора. Мало того, являясь представителемъ высшей политической власти въ мѣстности, генераль-губернаторы какъ бы узурпировали права министровъ, въ рукахъ которыхъ исключительно должна была сосредоточиваться вся сила политической власти¹⁾). Чтобы уничтожить эти противорѣчія, правительство рѣшило согласовать между собою указанныя двѣ должности. Такъ, уже въ 1816 г., по высочайшему повелѣнію, былъ составленъ проектъ новаго учрежденія намѣстничествъ. Согласно съ нимъ имперія раздѣлялась на 12 намѣстничествъ, изъ 3—5 губерній каждое²⁾). Во главѣ намѣстничества стоялъ намѣстникъ, причемъ при немъ учреждался совѣтъ, но только съ правомъ совѣщательнаго голоса. Въ рукахъ намѣстника и совѣта сосредоточивались всѣ отрасли управления въ намѣстничествѣ, кроме военнаго. Затѣмъ намѣстникъ имѣлъ право, за нѣкоторыми исключеніями, назначать и смѣнять должностныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ. Представленія государю намѣстникъ могъ дѣлать не иначе, какъ чрезъ Комитетъ министровъ, равно какъ чрезъ то же учрежденіе онъ получалъ и высочайшія повелѣнія. Что касается до указовъ Сената, то они адресовались непосредственно ему. Съ другой стороны, министры посыпали свои распоряженія губернскимъ властямъ не иначе, какъ чрезъ намѣстниковъ, равно какъ и эти власти чрезъ намѣстниковъ же дѣлали свои представленія высшему правительству. Мало того, намѣстникъ получилъ право въ извѣстныхъ случаяхъ пріостанавливать исполненіе указовъ Сената и распоряженій министровъ³⁾). Этотъ проектъ не былъ осуществленъ на практикѣ повсемѣстно⁴⁾ по всей вѣроятности вслѣдствіе оппозиціи министра финансовъ графа Гурьева, доказывавшаго, что чрезвычайная власть намѣстниковъ,

¹⁾ Градовскій, назв. соч., т. III, стр. 206—207.

²⁾ Сбор. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 212.

³⁾ Анучинъ, Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи, стр. 13—14.

⁴⁾ Было учреждено только одно намѣстничество изъ пяти губерній (Рязанской, Тульской, Воронежской, Курской и Тамбовской), во главѣ котораго генераль-губернаторомъ былъ поставленъ Балашовъ, долженствовавшій произвести опытъ примѣненія проекта на практикѣ.

предоставленная имъ по проекту, парализуетъ дѣятельность министерствъ, тѣмъ болѣе, что по существу своему эта власть противорѣчитъ началамъ министерского управлѣнія. Съ точки зренія Гурьева, всѣ функции управлѣнія должны сосредоточиваться въ министерствахъ, съ одной, и въ губернскихъ учрежденіяхъ, съ другой стороны, главный же мѣстный надзоръ долженъ быть ввѣренъ намѣстникамъ, причемъ должностъ ихъ обязательно должна быть поставлена въ такія условія, чтобы не служить препятствиемъ для дѣйствія высшихъ и низшихъ исполнительныхъ властей¹⁾). Въ 1819 г. государь поручилъ Балашову составить новый проектъ, причемъ руководствоваться данными практики, почерпнутыми имъ изъ управлѣнія названными пятью губерніями. Любопытно, что въ то же время Александръ I высказалъ свой взглядъ на должностъ генераль-губернатора. „Министры“, сказалъ государь, „по обязанности своей, должны давать направление каждой части своей, а подвѣдомственные мѣста и лица въ губерніяхъ должны дѣлать распорядки и исполненія по предписанію министровъ на основаніи законовъ и уставовъ; генераль-губернаторъ же—всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей управлѣнія въ его окружѣ“. Такимъ образомъ, съ точки зренія государя, генераль-губернаторъ являлся органомъ надзора, а не управлѣнія. Эта мысль легла въ основу проекта Балашова. Согласно ей, только министры должны направлять дѣятельность подчиненныхъ властей, роль же генераль-губернатора сводилась къ наблюденію за исполненіемъ предписаній правительства. Что касается до самого управлѣнія, то оно возлагалось исключительно на губернатора, причемъ послѣдній отвѣчалъ за то, „правильно ли распорядился или исполнилъ“, а генераль-губернаторъ, какъ власть надзирающая, за то, „не попустилъ ли онъ въ молчаніи и невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія“. „Итакъ, заключаетъ Балашевъ“, „я полагаю управлѣніе лежащимъ на губернаторѣ, а надзоръ за управлѣніемъ на генераль-губернаторѣ“²⁾). Въ то же время былъ составленъ и проектъ Сперанскимъ, въ основу которого была положена мысль объ извѣстіи должности генераль-губернатора изъ круга мѣстныхъ учрежденій и отнесенія ея къ кругу

¹⁾ Аничинъ, назв. соч., стр. 17.

²⁾ Градовскій, назв. соч., т. III, стр. 209 и слѣд.

„государственныхъ“, т. е., центральныхъ установлений. „Генераль-губернаторъ, гласить проектъ, „есть ничто иное, какъ министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему всѣхъ министерствъ составу, къ Сенату. Такимъ образомъ, министерское установление будетъ имѣть два вида: одинъ общий, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по предметамъ, другой мѣстный, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ. Изъ сего само собой уже слѣдуетъ, что нѣтъ никакой причины давать сему установлению видъ средній, ни къ тому, ни къ другому порядку не принадлежащей. Сей средній видъ въ многосложности управления было нѣчто излишнее, а потому вредное“¹⁾.

По вступлениіи императора Николая I, на престолъ, всѣ эти проекты перешли на разсмотрѣніе комитета, учрежденного, какъ уже известно, 6 Дек. 1826 года, который рѣшительно высказался противъ нихъ. Вообще необходимо констатировать тотъ фактъ, что комитетъ отнесся крайне отрицательно къ должностямъ генераль-губернатора, какъ къ органу съ чрезвычайною властью. „Твердость, единство и сила управления, гласилъ, между прочимъ, одинъ изъ журналовъ комитета (4 Мая 1827 г.), „зависятъ отъ совершенства установлений, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, сіи установления теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ даннія имъ полномочія на то, чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда постановлены будутъ точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управлений и суда, и когда мѣста сіи зависѣтъ будуть отъ одного центральнаго верховнаго правительства, которое бы руководствовало каждого по одинаковымъ начальамъ, и, такъ сказать, едиными движеніемъ“. Въ виду этихъ соображеній, комитетъ призналъ необходимымъ сохранить генераль-губернаторовъ только на окраинахъ, въ центральныхъ же губерніяхъ функции надзора рѣшено было возложить на губернаторовъ²⁾. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ наказъ послѣднимъ въ 1837 году. Согласно съ нимъ, дѣятельность губернатора опредѣлялась въ двоевременномъ отношеніи: какъ представителя верховной власти и охранителя за-

1) Градовскій, назв. соч., стр. 211; Анучинъ, назв. соч., стр. 19 и слѣд.

2) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXIV, стр. 145.

коновъ и какъ администратора. Какъ представитель верховной власти, онъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ правлениі, которое и является непосредственнымъ органомъ правительства. Какъ блюститель порядка и законовъ, онъ пользуется правомъ ревизіи и непрерывнаго надзора. Какъ администраторъ, онъ имѣтъ обширный кругъ дѣлъ, которыми завѣдуетъ чрезъ посредство разныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, на-казъ 1837 г. соединилъ въ лицѣ губернатора два элемента, разъединенные по Учрежденію о губерніяхъ¹⁾). Что касается до функций губернатора по наказу, то онъ крайне разнообразны, такъ что, не ошибаясь можно сказать, что не было почти ни одной отрасли, которая не входила бы въ составъ его компетенціи. Такъ, въ качествѣ представителя верховной власти, онъ является оберегателемъ ея интересовъ, причемъ его надзору подчинено все губернское управление; затѣмъ, въ качествѣ „хозяина“ губерніи, онъ завѣдуетъ мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, дѣйствуя чрезъ приказъ общественнаго призрѣнія, разныя комиссіи (напр., строительная и дорожная, продовольственная и т. д.), уѣздные комитеты по тѣмъ же дѣламъ, городскія думы и т. д.; далѣе въ его вѣдѣніи находится вся мѣстная полиція; наконецъ, онъ принимаетъ мѣры къ обеспеченію интересовъ казны, т. е. по отбыванію различныхъ повинностей и по поступленію налоговъ. Кроме этихъ, чисто административныхъ функций, ему принадлежать извѣстныя функции и въ области правосудія; такъ, онъ наблюдаетъ за отправлениемъ послѣдняго, производить ревизіи судебныхъ мѣстъ и разсматриваетъ и утверждаетъ приговоры уголовныхъ палатъ по иѣкоторымъ дѣламъ.

Урегулировавъ положеніе губернаторовъ, правительство обратило вниманіе и на болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей губернскаго правлениія. Еще въ комитѣтѣ 6 Декабря 1826 г. этому вопросу было посвящено не мало засѣданій, при обсужденіи двухъ проектовъ губернскихъ учрежденій, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ Балугьянскимъ, а другой Сперанскимъ. По первому проекту губернское правление должно было состоять изъ губернатора, вице-губернатора и 6-ти совѣтниковъ, причемъ компетенція его признавалась очень обширною. Проектъ весьма подробно останавливается на вопросѣ объ отношеніяхъ губернатора къ правлѣнію и, разбирая три формы мѣстнаго управлениія—единолич-

¹⁾ Градовскій, назв. соч., т. III, стр. 212.

ную, коллегіальную и смѣшанную, высказывается за примѣнение къ Россіи послѣдней. Такимъ образомъ дѣла, „до одного исполненія касающіяся“, должны разрѣшаться губернаторомъ, дѣла же, „требующія соображенія или техническія и мѣстныя свѣдѣнія“, должны разрѣшаться правленіемъ по большинству голосовъ. Впрочемъ, губернаторъ пользуется правомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ останавливать исполненіе опредѣленій правленія, но обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ¹⁾. Основные положенія проекта Балугъянскаго были приняты комитетомъ, и онъ сдѣлалъ въ немъ поправки исключительно детального характера²⁾.

По проекту Сперанскаго губернское правленіе должно было быть исключительно полицейскимъ учрежденіемъ, раздѣлявшимся на четыре отдѣленія, по которымъ и распредѣлялись функции полиціи безопасности и благосостоянія. Нѣкоторая дѣла отдѣленія решали самостоительно, другія же вносили на разсмотрѣніе всего присутствія правленія, состоявшаго изъ вице-губернатора, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассесоровъ. Хозяйственный дѣла сосредоточивались въ казен-ной палатѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляла „общее присутствіе“ съ губернскимъ правленіемъ. Въ этомъ „общемъ присутствіи“ предсѣдательствовалъ губернаторъ, и оно являлось органомъ надзора въ губерніи. Во всѣхъ трехъ учрежденіяхъ дѣла решались по большинству голосовъ. Такимъ образомъ, въ основу проекта было положено коллегіальное начало, роль же губернатора сводилась къ предсѣдательствованію въ „общемъ присутствіи“ и къ надзору за канцеляріей послѣдняго³⁾. Комитетъ, при обсужденіи проекта, сдѣлалъ много поправокъ въ нему, причемъ значительно умалилъ значеніе коллегіального начала путемъ увеличенія власти губернатора. Такъ, онъ предоставилъ ему право, въ случаяхъ своего несогласія съ большинствомъ „общаго присутствія“, останавливать исполненіе опредѣленій послѣдняго и переносить дѣло на разсмотрѣніе того министра, до компе-

¹⁾ Проектъ напечатанъ въ ХС т. Сборн. Русск. Истор. Общ., стр. 214 и слѣд., по еще раньше свѣдѣнія о немъ были сообщены въ назв. соч. Анутина, стр. 25 и слѣд.

²⁾ См. журналы засѣданій комитета за Февраль и Мартъ 1828 г. (Сборн.—Русск. Ист. Общ., т. LXXIV, стр. 264—285).

³⁾ Проектъ напечатанъ въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1859 г., кн. IV, стр. 92 и V, стр. 71 и въ ХС т. Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 274 и слѣд.

тендіи котораго оно касается. Затѣмъ „въ случаяхъ важныхъ, когда нужны рѣшительныя мѣры“, губернаторъ получилъ право принимать ихъ даже вопреки единогласному опредѣленію „общаго присутствія“, но подъ личною своею отвѣтственностью.¹⁾ Иначе говоря, коллегіальное начало, положенное въ основу проекта Сперанскаго, было замѣнено началомъ смѣшаннымъ, сторонникомъ котораго уже заявилъ себѣ комитетъ, при обсужденіи проекта Балугъянскаго.

Однако, не смотря на эту дѣятельность комитета, вплоть до 1837 г. не было издано никакого закона, касающагося губернскихъ правленій и только въ этомъ году было обнародовано положеніе о порядке производства дѣлъ въ названныхъ правленіяхъ, по своимъ основнымъ началамъ не имѣющее ничего общаго съ предположеніями комитета. По положенію губернскія правленія были раздѣлены на отдѣленія, съ совѣтниками въ качествѣ ихъ управляющихъ во главѣ. Среди нихъ была создана новая должность старшаго совѣтника, получившая название вице-губернатора. Въ проектѣ положенія старшій совѣтникъ назывался товарищемъ губернатора, однако, Государственный совѣтъ предпочелъ названіе вице-губернатора, причемъ прежній вице-губернаторъ былъ переименованъ въ предсѣдателя казенной палаты²⁾. Старшій совѣтникъ являлся помощникомъ губернатора, предсѣдательствовалъ въ его отсутствіе въ правленіи и наравнѣ съ остальными совѣтниками управлялъ однимъ изъ отдѣленій. Дѣла въ правленіи рѣшались по резолюціи губернатора, и только для рѣшенія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ требовался коллегіальный порядокъ, т. е. они рѣшались по большинству голосовъ.

Вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе положенія 1837 г., стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ представленія отъ губернаторовъ съ указаниемъ па различныя неудобства, встрѣченныя ими при осуществленіи реформы на практикѣ. Однако, до назначенія министромъ графа Перовскаго на эти указанія не было обращено никакого вниманія. Перовскій, напротивъ, собравъ весь находившійся въ министерствѣ матеріалъ о недостаткахъ положенія 1837 г., выработалъ проектъ нового положенія, основные начала котораго были предложены (въ 1842 г.) на обсужденіе губернаторовъ,

¹⁾ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXIV, стр. 379—438 (Журналы комитета за 1829 г. и за Январь и Февраль [1830 г.]).

²⁾ Анучинъ, назв. соч., стр. 51.

а затѣмъ и самій проектъ былъ разосланъ по губерніямъ для разсмотрѣнія въ особыхъ губернскихъ комитетахъ. Изъ 43 комитетовъ 39 высказались за проектъ, послѣ чего онъ былъ внесенъ въ Государственный совѣтъ, а въ 1845 г. въ качествѣ новаго положенія о губернскихъ правленіяхъ обнародованъ¹⁾.

Согласно съ нимъ, въ составъ правленія входили: губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, причемъ онъ долженъ былъ присутствовать только при рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, вице-губернаторъ, предсѣдательствовавшій въ отсутствіе губернатора и болѣе не завѣдывавшій никакимъ отдѣленіемъ, и совѣтники и ассесоры, назначавшіеся министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ первые попрежнему стояли во главѣ отдѣленій правленія. Затѣмъ, что касается до компетенціи послѣдняго, то въ составѣ ея должны были входить дѣла, дѣлившіяся по способу ихъ, рѣшенія и по степени важности на три рода: на дѣла судебнаго, рѣшаемыя коллегіальнымъ по-порядкомъ, т. е. по большинству голосовъ (напр., разрѣшеніе пререканій между различными учрежденіями, преданіе суду должностныхъ лицъ, наложеніе на нихъ штрафовъ, понужденіе къ скорому исполненію возложенныхъ на нихъ дѣлъ, разъясненіе смысла закона, въ случаѣ сомнѣнія и т. п.), на дѣла распорядительныя, рѣшаemыя по журналамъ губернскаго правленія съ утвержденіемъ губернатора, и на дѣла исполнительныя, рѣшаemыя вице-губернаторомъ и отдѣльными совѣтниками по отдѣленіямъ губернскаго правленія. Одновременно съ этими казенными палаты, получившія въ 1837 г. особаго предсѣдателя (вместо вице-губернатора), были подчинены министру финансовъ, ставъ учрежденiemъ, исключительно завѣдывающимъ казенными сборами и счетною частью. Еще раньше, а именно въ 1838 г., въ связи съ преобразованіемъ управления государственными крестьянами (см. выше), правительство учредило, такъ называемыя, палаты государственныхъ имуществъ, состоявшія изъ управляющаго палатой, совѣтниковъ, губернскаго лѣсничаго, ассесора и врача государственныхъ имуществъ. Функции палатъ заключались въ вѣдѣніи дѣлъ хозяйственныхъ, т. е. въ попечительствѣ надъ государственными крестьянами и въ управлении незаселенными землями и оброчными статьями, въ вѣдѣніи дѣлъ по

¹⁾ Подробности исторіи составленія положенія 1845 г. см. у Анутина, назв. соч., стр. 53 и слѣд.

управлению лѣсному, какъ въ отношеніи казенныхъ, такъ и въ отношеніи крестьянскихъ лѣсовъ, и въ вѣдѣніи контролльныхъ дѣлъ, т. е. въ ревизіи счетовъ и отчетовъ объ оборотахъ суммъ. Органами палаты государственныхъ имуществъ въ уѣздахъ являлись окружные правленія, состоявшія изъ окружнаго начальника, его помощника, лѣсничаго и врача.

Б. Дворянское самоуправление.

Было уже указано на попытку Петра I привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управлѣніи (дворянскіе совѣты, ландратскія коллегіи, земскіе комиссары). Однако, изъ этихъ попытокъ ничего не вышло, и дворянству въ первой половинѣ XVIII столѣтія не удалось превратиться въ мѣстный землевладѣльческий классъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ мѣстное управление. Главная причина этого заключалась въ обязательной службѣ дворянъ, мѣшавшей имъ осѣтись въ своихъ имѣніяхъ и связаться съ интересами мѣстности. Съ другой стороны, нравы и стремленія самого дворянства, сложившіеся подъ вліяніемъ обязательной службы и возращенные на почвѣ послѣдней, также не могли способствовать успеху Петра: привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управлѣніи и сложиться въ извѣстное самоуправляющееся тѣло.

Но рядъ попытокъ правительства организовать мѣстныя дворянскія общества не прошелъ даромъ. Къ тому же въ 1762 году была уничтожена обязательная служба дворянства, следовательно, оно получило возможность осѣтись въ мѣстности, стать уже исключительно землевладѣльческимъ классомъ. Все это отразилось на стремленіяхъ и политическихъ идеалахъ дворянъ. И вотъ, во главѣ о дворянствѣ III части проекта Елизаветинской законодательной комиссіи мы встрѣчаемъ статью, говорящую, что „до особливыхъ дворянамъ преимуществъ надлежитъ также и позволеніе имъ отъ насы земскіе по провинціямъ сѣѣзы имѣть“. Такимъ образомъ, проектъ призналъ существованіе провинціального дворянскаго общества, органомъ котораго долженъ былъ быть „земскій“ сѣѣздъ.

Созваніемъ законодательной комиссіи 1767 года само правительство признало за дворянствомъ уѣзда характеръ извѣстной общественной единицы, представителями которой являлись: избираемый на два года предводитель, получившій,

отъ избирателей особое полномочіе, и депутатъ, снабжавшійся наказами. Обязанность предводителя заключалась въ сохраненіи между дворянами „порядка, не только при нынѣшнемъ выборѣ депутатовъ, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего (дворянъ) общаго разсужденія и положенія всѣхъ, живущихъ въ уѣздѣ, дворянъ“. Предводителемъ обязательно долженъ быть дворянинъ, владѣвшій деревнею и достигшій 30 лѣтъ, депутатомъ — также владѣлецъ деревни, но достигшій 25 лѣтъ.

Сами дворянне въ своихъ наказахъ также высказались за корпоративное устройство дворянства и за предоставлениѳ ему весьма видной роли въ дѣлѣ мѣстнаго управления. Говоря о дворянскомъ обществѣ и о согласованіи его съ предѣлами опредѣленной территоріальной единицы, громадное большинство наказовъ высказалось за организацію уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Органомъ былъ признанъ съѣздъ, собирающійся въ опредѣленные сроки. Функціи его административно-судебныя. Онъ избираетъ должностныхъ лицъ, смыщаеть ихъ, выслушиваетъ ихъ отчеты, даже судить ихъ и штрафуетъ. Затѣмъ онъ является судомъ по отношенію ко всѣмъ дворянамъ. Представителемъ дворянского общества долженъ быть предводитель дворянства, избираемый съѣздомъ на опредѣленное время. Функціи его также административно-судебныя, причемъ онъ далеко не является должностнымъ лицомъ, завѣдующимъ исключительно дѣлами одного дворянского общества, напротивъ, онъ играетъ весьма видную роль въ области всего мѣстнаго управления.

Екатерина II удовлетворила желаніе дворянъ, даровавъ имъ Жалованную грамоту 1785 года, организовавшую дворянское самоуправлениѣ¹⁾. На основаніи грамоты дворянство каждой губерніи составляло особую корпорацію съ правами юридического лица²⁾; такъ, оно имѣло право составлять

¹⁾ Многія постановленія грамоты были отмѣнены при Павлѣ I. Александрѣ I, хотя ихъ возстановилъ, но сдѣлалъ это съ большой неохотою, вслѣдствіе „исключительности“ правъ, предоставляемыхъ грамотою дворянамъ. Манифестомъ 6 Декабря 1831 года грамоту постигли новые измѣненія, но уже въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія ея постановленій.

²⁾ Уѣздное дворянство такого значенія не получило, и только при Павлѣ I правительство сдѣлало попытку раздробить губернское общество на уѣздныя, предписавъ закономъ 1799 года производить всѣ выборы по уѣздамъ. Однако, съ возстановленіемъ грамоты Александромъ I этотъ порядокъ вещей былъ уничтоженъ.

свою „особливую казну“ посредствомъ „добровольныхъ складокъ“ дворянъ, владѣть домомъ для собраній, имѣть свой архивъ и свою печать. Послѣдующее законодательство еще болѣе усилило значеніе дворянскаго общества, какъ юридическаго лица. Такъ, положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 года было предписано допускать дворянскія общества предпочтительно передъ другими желающими къ подрядамъ по земскимъ повинностямъ въ губерніи, а положеніемъ о провинціальномъ управлѣніи 1816 года дворянскимъ обществамъ предоставлено право безъ узаконенія залога вступать въ подряды и поставки для войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ губерніи.

Органомъ дворянскаго общества являлось дворянское собраніе, въ составѣ котораго, по грамотѣ, входили лица, достигшія 25-ти лѣтнаго возраста, владѣющія деревнями и имѣющія обер-офицерскій чинъ. Что касается до пассивнаго права, т. е., до права быть избраннымъ на какую либо должность, то грамота, кромѣ указанныхъ условій, требуетъ еще наличности ежегоднаго дохода въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ 100 рублей. Подобный порядокъ вещей продолжался до закона 1831 года и дополненій къ нему 1836 года, когда имущественный цензъ былъ значительно повышенъ. По этимъ узаконеніямъ въ составѣ дворянскаго собранія входять потомственные дворяне двухъ категорій, имѣющіе и не имѣющіе право голоса въ собраніи. Что касается до первыхъ, то таковыми должны быть лица: 1) честнаго и безукоризненнаго поведенія, не находящіяся въ явномъ порокѣ и подозрѣніи, 2) записанныя въ одну изъ дворянскихъ книгъ и обладающія недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерніи, 3) достигшія возраста не менѣе 21-го года, 4) имѣющія по крайней мѣрѣ чинъ XIV класса или прослужившія три года по выборамъ, или получившія на службѣ орденъ и 5) представившія указъ объ увольненіи отъ службы. Вторыми должны быть потомственные дворяне, не имѣющіе чина, не служившіе по выборамъ, не обладающіе никакимъ недвижимымъ имуществомъ. Самое право голоса въ собраніи можетъ быть двоякимъ: для постановленій собранія и для выборовъ. Второе, кромѣ условій, дающихъ дворянину право участвовать въ постановленіяхъ собраній, зависитъ еще отъ качества и количества состоящей за нимъ недвижимой собственности и, соподчинено тому, можетъ быть непосредственнымъ и посред-

ствомъ уполномоченныхъ. Непосредственное право принадлежитъ дворянину, имѣющему не менѣе 100 душъ крестьянъ мужескаго пола или 100 человѣкъ поселянъ, живущихъ на его землѣ по условію съ нимъ, а также не менѣе 3000 десятинъ земли, хотя бы и не заселенной, но въ предѣлахъ одной губерніи. По дополненію 1836 года, непосредственное право распространено и на лицъ, получившихъ на службѣ чинъ полковника или действительного статскаго совѣтника, если при томъ, они имѣютъ въ предѣлахъ одной или разныхъ губерній не менѣе 5 душъ поселенныхъ крестьянъ или же 150 десятинъ удобной, хотя и не заселенной земли. Дворянинъ, имѣющій непосредственный голосъ, можетъ вместо себя послать въ собраніе одного изъ неотдѣленныхъ сыновей, если онъ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ для участія въ дворянскихъ собраніяхъ. Точно также дворянка, обладающая правомъ непосредственного голоса, можетъ представить это право мужу, сыну или зятю, хотя бы они не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ въ губерніи, если только имѣютъ право участвовать въ собраніи. За неимѣніемъ такихъ лицъ, дворянка можетъ передать свое право и постороннему лицу, обладающему правомъ непосредственного голоса. Право участія выбора черезъ уполномоченныхъ принадлежитъ тѣмъ дворянамъ, которые обладаютъ въ предѣлахъ одной губерніи не менѣе 5 душъ поселенныхъ крестьянъ или же не менѣе 150 десятинъ удобной, хотя и не заселенной земли, причемъ сами они не состоятъ въ чинѣ полковника или действительного статскаго совѣтника. Неполные участки складываются въ полные и на каждый полный полагается уполномоченный, какъ бы ни было велико число неполныхъ участковъ, составляющихъ полные¹⁾.

Повысивъ активный цензъ, законъ 1831 года значительно понизилъ пассивный, а именно въ должностіи по выбору дворянства получили право избираться: 1) потомственные дворяне губерніи, „имѣющіе право участія въ дѣлахъ собранія“, 2) потомственные дворяне, не участвующіе въ дѣлахъ собранія, вслѣдствіе необладанія недвижимымъ имуществомъ, 3) потомственные дворяне, не участвующіе въ дѣлахъ собранія вслѣдствіе неимѣнія чина, и 4) личные дворяне губерніи, но только въ должностіи засѣдателей земскихъ судовъ и,

1) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 436.

въ случаѣ недостатка потомственныхъ дворянъ, въ земскіе исправники.

По Жалованной грамотѣ, дворянскія собранія дѣлились на губернскія и уѣздныя, причемъ тѣ и другія могли быть обыкновенными и чрезвычайными: первыя для выборовъ, вторыя для выслушанія предложеній генераль-губернатора и губернатора.

Павелъ I уничтожилъ губернскія собранія, оставилъ однѣ уѣздныя. Александръ I, какъ уже было сказано, възстановилъ постановленія Жалованной грамоты. Положеніе 1831 года опредѣлило болѣе точно роды и виды собраній. Согласно съ нимъ, собранія могутъ быть губернскія и уѣздныя—обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные губернскія собранія созываются черезъ каждые три года, чрезвычайные—по мѣрѣ надобности. Обыкновенные уѣздныя собранія созываются за три мѣсяца до открытия обыкновенного губернскаго собранія, а чрезвычайные—по мѣрѣ надобности, но не иначе, какъ по испрошеніи уѣздными предводителями черезъ губернскаго разрѣшенія губернатора. Въ составъ компетенціи дворянскихъ собраній по Жалованной грамотѣ и по послѣдующему законодательству входили слѣдующія дѣла: 1) избраніе должностныхъ лицъ; 2) представленія генераль-губернатору или губернатору обѣ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства¹⁾; а съ 1831 года и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или обѣ уничтоженіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управлѣніи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого либо постановленія; съ 1836 года дворянство получило право для принесенія подобныхъ жалобъ избирать депутатовъ; 3) представленія и жалобы, приносимыя черезъ депутатовъ какъ Сенату, такъ и государю, причемъ съ 1831 года представленія прошептѣ государю въ конвертахъ, адресованныхъ въ собственнѣя руки Его Императорскому Величеству²⁾; 4) составленіе особливой казны добровольными складками дворянства, причемъ съ 1805 года предложеніе о нихъ должно было обязательно вноситься губернскимъ предводителемъ, испросившимъ предварительно на это дозволеніе губернатора, и рѣшаться не иначе, какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ собранія. Законъ

¹⁾ Въ 1831 году дворянство получило право дѣлать представленія о своихъ нуждахъ также и министру внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Представленія черезъ депутатовъ Сенату были въ этомъ году отмѣнены.

1831 года раздѣлилъ складки на двѣ категоріи: 1) на надобности всей губерніи или общеполезныя и 2) на предметы, общей надобности не составляющіе, или на издержки частные. Первыя устанавливались большинствомъ двухъ третей голосовъ и представлялись губернскимъ предводителемъ че-резъ губернатора, ministra внутреннихъ дѣлъ, и Комитетъ министровъ на утвержденіе государя, причемъ санкціониро-ванныя имъ становились обязательными для всѣхъ дворянъ, какъ присутствовавшихъ въ собраніи, такъ и отсутствовав-шихъ изъ него. Вторыя же становились обязательными толь-ко для дворянъ, принявшихъ ихъ; 5) повѣрка родословной книги, составляемой депутатскимъ собраніемъ, и опредѣле-ніе размѣра суммы въ дворянскую казну, взимаемой при за-пискѣ въ книгу; 6) исключеніе опороченныхъ судомъ или та-кихъ, „явный и бесчестный поступокъ коихъ всѣмъ извѣстенъ“, причемъ въ 1831 году для этого требовалось единогласное рѣшеніе или по крайней мѣрѣ рѣшеніе большинствомъ двухъ третей голосовъ собранія съ подписаніемъ протокола послѣд-няго всѣми предводителями губерній, и 7) участіе въ состав-леніи сметъ и раскладки земскихъ повинностей (съ 1805 года).

Функции уѣздныхъ собраній заключались въ: 1) избра-ніи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, уѣзданого предводителя дворянства, засѣдателей верхняго земскаго, со-вѣстнаго, уѣзданого и нижняго земскаго судовъ, а также, уѣзданого или окружнаго судьи и исправника, 2) приготови-тельныхъ распоряженій въ губернскимъ выборамъ и 3) въ избраніи одного члена для разсмотрѣнія отчетовъ въ упо-требленіи дворянскихъ суммъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію юридического положенія должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянскими собраніями. Съ изданіемъ Жалованной грамоты, сперва фактически, а за-тѣмъ и юридически, установилось начало, что специальнѣ дворянскія должности, т. е., для управлѣнія дѣлами дворян-скихъ обществъ, безвозмездны, должности же для завѣдыва-нія разными отраслями мѣстнаго управлѣнія должны опла-чиваться жалованьемъ, причемъ въ 1797 году источникомъ послѣдняго былъ признанъ сборъ съ дворянскихъ имѣній, со-бираемый подъ наблюденіемъ предводителей въ два полугодо-вовые сроки. Что касается до характера службы, то до 1831 го-да она имѣла нѣкоторыя особенности, отличавшія ее отъ службы коронной. Правда, специальнѣ дворянскія должност-сти состояли въ извѣстномъ классѣ, но относительно новыше-

нія въ чины, представлениа къ орденамъ и къ другимъ наградамъ онъ отличались отъ коронныхъ должностей. Въ 1831 году дворянская служба была окончательно сравнена съ государственной.

Среди специально дворянскихъ должностей на первомъ планѣ безспорно стоять предводители—губернскіе и уѣздные. Послѣдніе, какъ уже сказано, появились въ 1767 году, при чемъ по Учрежденію о губерніяхъ ихъ функции были расширены, вслѣдствіе представлениа имъ правъ предсѣдателей въ дворянскихъ опекахъ. Первые появляются въ 1778 году, а съ изданіемъ Жалованной грамоты опредѣляется ихъ юридическое положеніе и способъ избранія. Что касается до послѣднаго, то онъ состоялъ въ слѣдующемъ: каждые три года дворянское собраніе представляетъ изъ уѣздныхъ предводителей двухъ кандидатовъ генерал-губернатору или губернатору, который и назначаетъ одного изъ нихъ въ губернскіе предводители. Функции послѣднаго по грамотѣ сводились только къ наблюденію надъ составленіемъ дворянской родословной книги. Положеніе 1831 года измѣнило способъ избранія губернскаго предводителя, узаконенной грамотою, предписавъ дворянскому собранію избирать каждые три года двухъ кандидатовъ, которыхъ и представлять чрезъ начальника губерніи и министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе одного изъ нихъ государю. Въ виду отсутствія въ законѣ какихъ либо постановленій, регулирующихъ отношеніе между губернскимъ и уѣзднымъ предводителями, первые неоднократно старались стать въ начальственныя отношенія къ послѣднимъ, что принуждало правительство ограждать независимость послѣднихъ (указы Сената 1808 и 1809 гг.), мотивируя это тѣмъ, что предводители одинаково избираются однимъ и тѣмъ же дворянскимъ сословиемъ, а потому и независимы другъ отъ друга (указ Сената 1809 г.). Точно также существовала большая неопределенность въ порядкѣ сношеній между предводителями и начальникомъ губерніи, пока въ 1808 г. не была принята форма отношеній. Въ виду же неопределенности отношеній между предводителями и другими губернскими должностными лицами, результатомъ чего были частыя столкновенія между ними, Комитетъ министровъ положеніемъ 1816 г. постановилъ, что во всѣхъ случаяхъ общаго присутствія съ губернскими чиновниками, губернскій предводитель всегда долженъ занимать мѣсто послѣ губернатора. Функции предводителя, какъ губернскаго,

такъ и уѣзднаго, образовались постепенно. Одними изъ первыхъ были: руководство дѣятельностью дворянскихъ собраній, составленіе родословной книги и дѣла по опекѣ. Затѣмъ, мало по малу появляются и другія обязанности, а именно: съ 1776 г. раскладка рекрутской повинности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ 1805 г. участіе въ составленіи сметъ земскихъ повинностей, съ 1827 г.—попеченіе о почтовыхъ станціяхъ и надзоръ за отношеніемъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и т. д. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію проф. Романовича-Славатинскаго, предводительская должностъ, созданная для завѣдыванія внутренними дѣлами дворянскихъ обществъ, превратилась въ общеправительственную¹⁾.

Къ числу специальнѣо дворянскихъ должностей, кромѣ предводителей, должны быть также отнесены и депутаты дворянского собранія, избираемые по одному отъ каждого уѣзда на три года. Они составляютъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя депутатское собраніе, функции котораго состоять въ веденіи родословной книги, въ разсмотрѣніи доказательствъ на дворянство (для рѣшенія этихъ дѣлъ требуется единогласіе или большинство двухъ третей голосовъ), во внесеніи дворянскихъ родовъ въ книгу и въ выдачѣ грамотъ на дворянство. Послѣдняя функция была уничтожена Павломъ I въ 1796 г., такъ какъ оказалось, что въ дворянскихъ собраніяхъ, „по просьbamъ ищущихъ дворянства съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе“. Составленіе родословной книги контролировалось губернскимъ дворянскимъ собраніемъ; кромѣ того, всякий недовольный разборомъ доказательствъ на дворянство со стороны депутатскаго собранія, имѣлъ право представить ихъ въ герольдію.

Наконецъ, послѣдними специальными дворянскими должностями были должности секретарей дворянского собранія и депутатовъ для составленія раскладки земскихъ повинностей. Первые избирались на три года для завѣдыванія канцелярскою частью какъ дворянскихъ, такъ и депутатскихъ собраній, послѣдніе входили въ составъ особаго комитета о земскихъ повинностяхъ, собиравшагося черезъ каждые три года.

Кромѣ специальнѣо дворянскихъ должностей, дворянскія собранія избирали еще немалое число должностныхъ лицъ

¹⁾ Назв. соч., стр. 462.

по разнымъ вѣдомствамъ. Мы говорили уже объ административно-должностныхъ лицахъ и въ своемъ мѣстѣ скажемъ о судебныхъ. Здѣсь же упомянемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не имѣютъ отношенія къ названнымъ двумъ вѣдомствамъ. Такъ, уставомъ гимназій 1828 г. дворянству было предоставлено право избирать изъ своей среды почетного попечителя гимназіи, имѣвшаго немалое значеніе въ дѣлѣ администраціи гимназій и въ особенности въ дѣлѣ изысканія средствъ для открытия при нихъ пансіоновъ. Положеніе 1831 г. опредѣлило порядокъ изборанія почетного попечителя, утверждаемаго государемъ по представленію министра народнаго просвѣщенія. Согласно закону 1836 г. было постановлено, что въ городахъ, где нѣсколько гимназій, дворянство избираетъ одного попечителя для нихъ всѣхъ. Кромѣ почетнаго попечителя гимназіи, дворянство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избирало и другихъ должностныхъ лицъ по учебному вѣдомству, напр., трехъ депутатовъ въ совѣтъ института благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ, особаго члена для завѣдыванія хозяйственной частью въ совѣтъ института для воспитанія дѣвицъ въ Астрахани и т. п. Дворянство избирало также нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по кредитному вѣдомству. Такъ, съ учрежденiemъ совѣта по государственнымъ кредитнымъ установленіямъ въ 1817 г. Дворянству СПБ. губерніи было предоставлено право черезъ каждые три года избирать въ составъ его по 6 членовъ, причемъ губернскій предводитель обязательно долженъ быть входить въ число послѣднихъ. Съ учрежденiemъ разныхъ банковъ, дворянству было предоставлено право избирать директоровъ и другихъ членовъ правленія названныхъ учрежденій. Затѣмъ, по вѣдомству народнаго продовольствія дворянство избирало слѣдующихъ лицъ: непремѣннаго члена комиссій продовольствія, учрежденныхъ въ 1834 г., и пѣсколькихъ попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Наконецъ, по вѣдомству путей сообщенія и строительному дворянству предоставлено было право избирать на слѣдующія должности: депутата окружнаго правленія путей сообщенія (въ столицахъ съ 1845 г.) и депутатовъ въ строительныя и дорожныя комиссіи (съ 1851 г.). Кромѣ того, съ 1808 г. дворянство избирало еще депутатовъ въ квартирнныя комиссіи, завѣдывавшія квартирной повинностію, и съ 1839 г.—посредниковъ для постояннаго ходатайства по дѣламъ межеванія (по одному на уѣздъ). Въ послѣдніхъ выборахъ могли принимать участіе всѣ дво-

ряне, имѣющіе въ уѣздѣ поземельную (какъ бы мала она ни была) собственность.

Изъ сказанного видно, что дворянство пользовалось огромнымъ значеніемъ въ сферѣ мѣстнаго управлениія, такъ какъ масса должностей послѣдняго избиралась дворянскимъ собраніемъ. Однако, судить на основаніи этого факта о степени власти органовъ дворянскаго самоуправлениія нельзя. Напротивъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, дворянское самоуправлениѣ обладало весьма слабою дозою самостоятельности, находясь совершенно подъ опекою правительственной власти. Уже при избраніи депутатовъ въ законодательную комиссию въ 1767 г., губернаторы играли весьма важную роль, такъ какъ выборы должны были происходить подъ ихъ надзоромъ и руководствомъ (они смотрѣли за тѣмъ, чтобы „выборы происходили съ тихостью, учтивостью и безмолвіемъ“). Первые выборы по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. производились также въ присутствіи губернскаго начальства (губернатора, вице-губернатора и одного изъ предсѣдателей палатъ). Въ виду неопредѣленности отношеній начальниковъ губерній къ дворянскимъ собраніямъ по Учрежденію о губерніяхъ, названныя отношенія разъяснялись вопросными пунктами, предлагаемыми генералъ-губернаторами императрицѣ, при наступленіи новыхъ выборовъ, и отвѣтами на нихъ послѣдней. Согласно подобнымъ отвѣтамъ, даннымъ императрицею въ 1778 году генералъ-губернаторъ получилъ право назначать срокъ для созыва дворянскихъ собраній, но за то ему было запрещено присутствовать въ собраніяхъ и вести дворянъ къ присягѣ, что стало функциею губернскаго предводителя. Жалованная грамота также обратила мало вниманія на отношенія мѣстныхъ властей къ органамъ дворянскаго самоуправлениія. Она опредѣлила только, что собраніе дворянства въ губерніи собирается по созыву или дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для выборовъ, такъ и для выслушиванія ихъ предложеній, и что въ случаѣ этихъ предложеній, они берутся собраніемъ въ уваженіе и по нимъ дѣлаются пристойные отвѣты, рѣшенія и соглашенія. При такой неопредѣленности законодательныхъ постановленій, фактически начальники губерній поработили собранія своей власти, тѣмъ болѣе, что назначеніе губернскаго предводителя изъ двухъ кандидатовъ, избираемыхъ собраніемъ, зависѣло исключительно отъ нихъ. „Да и какъ было устоять собраніямъ, замѣчаетъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій, при той огромной степени

полномочій, которую Екатерина II дала своимъ намѣстникамъ¹⁾. Эта висимость собраній отъ генералъ-губернаторовъ обратила на себя вниманіе даже иностранцевъ, сводившихъ значеніе дворянскихъ собраній въ сферѣ мѣстнаго управления къ нулю²⁾. Мало того, дѣло дошло до того, что само правительство неоднократно стремилось эмансицировать собранія изъ подъ власти начальниковъ губерній и защитить ихъ отъ захватовъ послѣднихъ. Такъ, указомъ Сената 1788 г. было запрещено губернаторамъ входить въ дворянскія собранія. Впрочемъ, императоръ Павелъ I въ 1798 г. отмѣнилъ это запрещеніе, предписавъ начальникамъ губерній присутствовать на собраніяхъ „для соединенія добра го порядка“. При Александрѣ I правительство снова вступило на путь ограниченія свободы дворянскихъ собраній отъ посѣщательствъ на нее со стороны администраціи. Такъ, указъ 1802 г. запретилъ губернаторамъ вмѣшиваться въ дворянскіе выборы, домогаясь избранія однихъ и удаленія другихъ. Напротивъ, положеніе 1831 г. значительно усилило административную опеку надъ дворянскимъ самоуправлениемъ. Такъ, дворянскія собранія собираются съ разрѣшеніемъ начальника губерніи. Мало того, даже для открытия собранія требуется испрошеніе и разрѣшенія у губернатора, причемъ наканунѣ дня, назначенного для открытия, губернскій предводитель обязанъ представить списки всѣхъ дворянъ, прибывшихъ на собраніе, губернатору. Губернаторъ же приводитъ дворянство къ присягѣ. Собрание должно исполнить всѣ законные требования начальника губерніи и доставлять ему всѣ нужныя свѣдѣнія по предметамъ, относящимся до выборовъ. Вообщѣ, оно черезъ губернскаго предводителя обязано доводить до свѣдѣнія начальника губерніи всѣхъ своихъ постановленій. Въ случаѣ какихъ либо беспорядковъ въ собраніи (о чёмъ губернскій предводитель обязанъ немедленно доводить до свѣдѣнія губернатора), начальникъ губерніи прѣзываетъ къ себѣ виновниковъ беспорядковъ и влагаетъ имъ наложеннѣе арестованіе, постановляя на видъ, что при возобновленіи беспорядковъ онъ донесетъ о нихъ высшему начальству. Задачи суда могутъ быть продолжены только съ разрѣшенія губернатора, причемъ самое закрытие собранія происходитъ не иначе, какъ по его письменному предложению. Если къ сказанному прибавимъ,

¹⁾ Назв. соч., стр. 441 и 442.

²⁾ Романовичъ-Славатинскій, назв. соч., стр. 441 и 442.

что уездные предводители утверждались въ своихъ должностяхъ губернаторомъ и, въ случаѣ наличности съ ихъ стороны какихъ либо злоупотреблений, могли быть вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ удалены отъ должности временно съ преданіемъ суду, то увидимъ, какъ ничтожна была степень самостоятельности, оставленная за дворянскимъ самоуправлениемъ. Въ сущности это послѣднее, выражаясь словами проф. Романовича-Славатинскаго, было ничѣмъ инымъ, какъ преобразованіемъ военной обязательной службы дворянъ, сообразно потребностямъ правительства, въ мѣстную обязательную службу гражданскую, сообразно потребностямъ мѣстнаго управления, иначе говоря, обязанностью губернскихъ дворянскихъ обществъ наряжать чиновниковъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, т. е. тягнуть новое тягло мѣстной службы¹⁾). Само дворянство мало по малу усвоило себѣ подобный взглядъ, результатомъ чего явилось крайне халатное отношение съ его стороны къ мѣстной службѣ, выразившееся въ традиціонномъ отлыниваниі отъ нея. Впрочемъ, первые выборы, по словамъ современниковъ, прошли хорошо, такъ какъ „тогда не успѣли еще разсмотреть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархии произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру, но скоро сей жаръ простылъ“. Кромѣ указанной причины, была еще другая, почему дворянство съ крайней неохотой относилось къ занятію мѣстныхъ должностей и къ отправленію обязанностей въ сферѣ мѣстного управления. Дѣло въ томъ, что послѣ отмены обязательной службы, дворянство стало смотрѣть на нее, какъ на необходимую принадлежность каждого дворянина, тѣмъ болѣе, что служба давала чинъ, столь чтимый всегда въ Россіи. Наконецъ, государственная служба признавалась во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе выборной мѣстной, и вотъ дворянство потянулось на первую, отлынивал отъ послѣдней. Правительство неоднократно обращало вниманіе на это явленіе и принимало разныя мѣры къ его искорененію. Такъ, въ 1802 г. былъ изданъ указъ, предписавшій Сенату довести до свѣдѣнія дворянъ „волю“ государя, что ему „весыма пріятно будетъ, если они съ большою ревностью собираясь будутъ къ выборамъ и съ возможнѣмъ безпредвзятствиемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага“. Государь надѣется,

¹⁾ Назв. соч., стр. 491.

что его воззвание приведеть къ благопріятнымъ результатамъ, такъ какъ онъ не можетъ себѣ представить, „чтобы, по нерадѣнію къ общему благу въ семъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ, обществахъ соревнованіе угасло“. Однако, это воззвание мало подѣйствовало, и дворянство подрѣжнему продолжало уклоняться отъ службы по выборамъ, въ силу чего положеніемъ 1831 г. участіе дворянъ въ собраніяхъ уже прямо было признано обязанностью, отъ которой можно освободиться только при наличности законныхъ причинъ. При неявкѣ въ собраніе, дворянинъ долженъ былъ посылать отзывъ съ изложеніемъ причинъ неявки, причемъ послѣдній поступалъ на разсмотрѣніе собранія. Если оно находило отзывъ неосновательнымъ, то, большинствомъ двухъ-третей голосовъ, могло сдѣлать дворянину въ первый разъ замѣчаніе, во второй—наложить на него штрафъ въ размѣрѣ отъ 25 до 250 р., а въ третій разъ исключить на время изъ собранія. 1-го Января 1832 г. былъ изданъ новый указъ, въ которомъ государь снова выражалъ надежду что „дворянство устремится къ исполненію одной изъ важнейшихъ своихъ обязанностей“, а также будетъ избирать лицъ, „истинно достойныхъ имени блестителей порядка и правосудія“. Однако, и на этотъ разъ надеждамъ государя не суждено было осуществиться, и вплоть до реформъ императора Александра II мѣстное управление, находившееся въ рукахъ дворянства, оставляло желать очень многаго и, по выражению графа Завадовскаго, „далеко уклонилось отъ прямой цѣли своего установленія“.

В. Городское самоуправление¹⁾.

Первыми законодательными актами Петра, касающимися городского управления, были два указа 30 Янв. 1699 г., учредившіе Бургомистерскую палату или Ратушу въ Москве и земскія избы въ городахъ. Мотивы реформъ высказаны въ указахъ, а именно: „всѣ черныхъ сотень и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными и его, великаго государя, окладными доходами

¹⁾ Дитятинъ, Устройство и управление городовъ Россіи, т. I и II, а также его статьи: „Русский дореформенный городъ“ („Русская Мысль“ 1884 г., № 5 и 6) и „Къ исторіи жалованыхъ грамотъ“ („Русская Мысль“ 1885 г., № 4- 8).

въдомы въ разныхъ приказахъ; и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большиe убытки и раззорение, а его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учiniлись въ доимкѣ, а пошлины сборамъ и инымъ поборамъ большиe недоборы"... И вотъ, чтобы уничтожить подобный порядокъ вещей, взамѣнъ „многихъ приказовъ“, учреждается одна Бурмистерская палата, въ качествѣ центральнаго государственаго установления, вѣдающаго „всего Московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей“ черезъ посредство земскихъ избъ, въ свою очередь вѣдающихъ по отдѣльнымъ городамъ „всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мѣрскихъ, расправныхъ и чelobитныхъ дѣлахъ въ сборахъ“. Такимъ образомъ, реформа имѣла строгое государственно-фискальный характеръ, имѣя въ виду организацію торгово-промышленного класса, какъ общегосударственного сословія, въ цѣляхъ упорядоченія отправлениія повинностей, лежащихъ на немъ. Любопытно, что подобная же реформа была проведена (но не примѣнена на практикѣ) известнымъ государственнымъ дѣятелямъ XVII ст. Ординъ-Нащокинымъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г.. Послѣдній также постановилъ слить торгово-промышленное населеніе въ одно цѣлое путемъ изъятія его изъ вѣдомства многихъ приказовъ и подчиненія „одному пристойному приказу, где великий государь укажетъ своему боярину“. Названный приказъ долженъ быть быть „купецкимъ людямъ обороною, защитою и управою... и давать имъ судъ, если они будутъ бить чelомъ на другихъ чиновъ людей“. Однако, проектъ Ординъ-Нащокина не былъ осуществленъ въ то время и возродился въ указахъ Петра 1699 г.

Что касается до состава Бурмистерской палаты и земскихъ избъ, то онъ былъ выборный, таѣ какъ члены ихъ, такъ называемые, бурмистры избирались сотнями и слободами, т. е. торгово-промышленнымъ населеніемъ, а также селами и деревнями, т. е. „уѣздными людьми“, иначе говоря, крестьянами. („великий государь указалъ во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ и его великаго государя волостей и сель и деревень вѣдаться въ земскихъ избахъ“, въ составѣ членовъ которыхъ „выбирать имъ посадскимъ, и купецкимъ, и промышленнымъ, и уѣзднымъ людямъ“ бурмистровъ). Выборы происходили ежегодно, причемъ избиратели были ответственны за избранныхъ (, а буде они бурмистры, въ которомъ году какихъ его, великаго государя, доходовъ по выберутъ

по окладу или какихъ сборовъ чего не доберуть, и то все взять на тѣхъ людяхъ на всѣхъ, которые ихъ въ бурмистры выберутъ двое"). Въ составъ компетенціи изучаемыхъ учрежденій входилъ главнымъ образомъ сборъ „всякихъ денежныхъ доходовъ“, раскладка податей и повинностей между членами торгово-промышленного класса и отдача „всякихъ статей въ оброкъ съ торга“, причемъ права расходованія собранныхъ суммъ у земскихъ избъ не было, какъ не было и своего имущества (для произведенія каждого расхода требовался указъ государя за печатью Бурмистерской палаты).

Изъ сказаннаго видно, что реформа 1699 г. не исходила отъ понятія города, какъ единаго цѣлага, какъ юридического лица, однимъ словомъ, какъ извѣстной общественной единицы, имѣя въ виду только торгово-промышленное населеніе городовъ, тянувшее извѣстное тягло въ пользу государства. Земскія избы съ Бурмистерскою палатою, по справедливому замѣчанію Дитятина, могутъ быть названы городскими учрежденіями развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ находились въ городахъ, такъ какъ и по составу своему (какъ было уже сказано, бурмистры избирались только торгово-промышленнымъ классомъ, т. е. частью всего городского населения, а, съ другой стороны, въ выборахъ принимали участіе и „увѣздные люди“, вовсе не входившіе въ составъ городского населенія), и по предметамъ вѣдомства (ихъ вѣдѣнію подлежали сборы въ цѣломъ государствѣ), онѣ являлись ничѣмъ инымъ, какъ сословно-государственными учрежденіями, созданными съ исключительною цѣлью — уничтоженія „недоборовъ въ сборахъ“ и „доимокъ въ доходахъ“. Этимъ государственно-тягловымъ характеромъ изучаемыхъ учрежденій объясняется фактъ отсутствія у нихъ своего имущества, приписка малыхъ городовъ къ большимъ и подчиненность земскихъ избъ Бурмистерской палатѣ, равно какъ и отсутствіе у нихъ права расходованія денежныхъ суммъ на городскія нужды.

Вторая попытка Петра организовать городское управление была болѣе удачна. Путемъ издания регламента Главному магистрату 1721 г. и инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. Петръ преобразовалъ городское устройство и управление по образцу существовавшаго въ Эстляндіи и Лифляндіи, значительно, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, модифицировавъ его. Во всѣхъ городахъ были учреждены магистраты и ратуши, а въ Петербургѣ Главный магистратъ, играв-

шій роль „главнаго начальства“ всѣхъ „купецкихъ людей“. Инициаторомъ этой реформы былъ извѣстный Фикъ, предста- вившій государю особый меморіалъ, на который послѣдній положилъ слѣдующую резолюцію: „магистратовъ городскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сie, на ос- нованіи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ го- родамъ“. Резолюція состоялась въ 1718 г., а въ 1720 г. былъ уже учрежденъ въ С.-Петербургѣ Главный магистратъ, причемъ государь поручилъ ему „вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сю храмину паки собрать“. Съ из- даниемъ регламента 1721 г. Главному магистрату было по- ручено организовать магистраты въ городахъ. Однако, это порученіе исполнялось крайне медленно, что заставило Пет- ра въ 1722 г. издать на имя президента Главнаго маги- страта князя Трубецкаго грозный указъ. „Понеже“, гласить послѣдній, „давно имѣется указъ и регламентъ о исправлениі дѣла, вамъ врученаго, а именно, о учиненіи перво маги- страта правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ прочихъ, но по сie время никакого успѣху въ томъ не дѣлается. То- го ради симъ опредѣляемъ, что, ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣль, т. е. магистратовъ и цеховъ не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полъ-года, то ты и товарищъ твой Иса- евъ будете въ работу каторжную посланы“. Должно быть этотъ указъ подѣйствовалъ, и Главный магистратъ былъ ор- ганизованъ, а съ изданіемъ инструкціи городовымъ магистра- тамъ въ 1724 г. послѣдніе были введены и въ городахъ, хотя далеко не во всѣхъ. Согласно инструкціи, всѣ города были раздѣлены на пять разрядовъ по количеству дворовъ. Первый составляли города, обладавшіе не менѣе 2000 дво- ровъ, второй не менѣе 1500, третій не менѣе 500, четвер- тый не менѣе 250 и пятый—всѣ остальные. Въ первомъ разрядѣ въ составѣ магистратовъ входили четыре бурмистра и одинъ президентъ, во второмъ три бурмистра и одинъ президентъ, въ третьемъ и въ четвертомъ два бурмистра и одинъ президентъ и въ пятомъ—только одинъ бурмистръ. Всѣ названные должностныя лица были выборныя, причемъ избирались пожизненно регулярными гражданами изъ „угодныхъ и искусныхъ персонъ“, принадлежащихъ къ „первостатейнымъ и пожиточнымъ“ обывателямъ. По избра- ни, утверждались Главнымъ магистратомъ и считались на- ходящимися на государственной службѣ, почему получали

чины. Составъ Главнаго магистрата былъ иной, имѣя вполъ смѣшанный характеръ, такъ какъ онъ состоялъ изъ оберъ-президента и его товарища, по назначению отъ правительства, и изъ иныхъ бурмистровъ и ратмановъ, по избранію со стороны регулярныхъ гражданъ.

Что касается до компетенціи магистратовъ, то нужно замѣтить прежде всего, что изучаемыя учрежденія трактовались, съ одной стороны, „яко начальство города“ или, „градское начальство“, съ другой стороны, „яко глава всего гражданства“. Такимъ образомъ, согласно первому опредѣленію, магистратъ былъ городскимъ учрежденіемъ, т. е. стоялъ во главѣ города, какъ известной общественной единицы; согласно же второму опредѣленію, онъ былъ сословнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ классъ регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ. Не смотря, однако, на противорѣчие указанныхъ опредѣленій, они не были согласованы въ регламентѣ Главному магистрату.

Въ рукахъ магистрата сосредоточивалась власть судебная, хозяйственная, финансовая и полицейская, въ силу чего онъ вѣдалъ судъ (гражданскій и уголовный), но только въ отношеніи гражданъ, какъ регулярныхъ, такъ и нерегулярныхъ, полицію, („содержати въ смотрѣніи своеемъ полицію“), школы, сиротскіе и смиритѣльныя дома, госпитали и биржи (все это слѣдовало вѣдать „земскимъ иждивеніемъ“ и „городскимъ тщаніемъ“, „понеже въ другихъ государствахъ такія учрежденія не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и подаянія людей“); онъ заботился о безопасности города отъ „пожарного случая“ и „пристраивалъ гулякъ и нищихъ, дабы весьма не шатались и праздны не были“; на конецъ, онъ раскладывалъ и собиралъ государственные сборы и пошлины, хотя по примѣру земскихъ избѣ, не пользовался правомъ самообложенія и расходынія собранныхъ суммъ („безъ указа никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать, подъ опасеніемъ наказанія штрафомъ“) и наблюдалъ за отправленіемъ повинностей со стороны гражданъ. Однако, пользуясь такими правами, магистратъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, такъ какъ для осуществленія своего права въ каждомъ конкретномъ случаѣ онъ долженъ былъ заручаться согласиемъ, даннымъ въ формѣ указа, со стороны Главнаго магистрата, куда всѣ магистраты, кроме того, ежегодно посылали отче-

ты о своей деятельности. За то относительно административныхъ властей (губернаторовъ и воеводъ) магистраты были поставлены въ независимое положение, „понеже, яко глава и начальство всему гражданству... они губернаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что до градского суда и экономіи касается“.

И такъ, внесла ли вторая реформа Петра новые начала въ строй городского управлениі, создала ли она понятіе города, какъ извѣстной общественной единицы? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Правда, магистраты были заимствованы изъ Европы, но Петръ значительно модифицировалъ ихъ: онъ не только не перенесъ самой сути западно-европейскихъ муниципальныхъ учрежденій его времени, но даже значительно измѣнилъ ихъ форму". Въ заморскую форму", говоритъ Дитятинъ, „приспособленную къ чуждому ей содержанію, царь влилъ московское родное вино". Если на Западѣ магистраты были болѣе или менѣе *автономными общинно-городскими учрежденіями*, то у насъ они оказались просто правительственными органами, хотя и построенные на выборномъ началѣ, имѣвшими цѣлью вѣдать извѣстное сословіе. Правда, регламентъ Главному магистрату называлъ магистратъ „градскимъ начальствомъ“, изъ чего можно было бы вывести, что онъ является учрежденіемъ *городскимъ* въ томъ смыслѣ, что вѣдаетъ *весь городъ*, какъ данный пунктъ населенія, всю совокупность послѣдняго, а не какую либо часть его. Но подобное заключеніе совершенно ошибочно. Указанное выраженіе является ничѣмъ инымъ, какъ простымъ недосмотромъ составителей регламента, и вкаилось въ него, вслѣдствіе заимствованія изъ иностранныхъ образцовъ. Затѣмъ на магистраты были возложены иѣкоторые полицейскія функции въ отношеніи *всего города*, но онъ остались па бумагѣ, въ виду учрежденія Петромъ особыхъ полицейскихъ должностей, вѣдавшихъ всю городскую полицію¹⁾.

Послѣ смерти Петра, указомъ 1727 г. „для лучшаго по-садскихъ охраненія“, магистраты, называемые теперь ратушами, были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, причемъ города, по количеству населенія, раздѣлены на три категоріи: малые, приписанные къ провинциальнymъ, а послѣдніе въ

¹⁾ Дитятинъ „Къ исторіи жалованыхъ грамотъ 1785 г. (Русская Мысль 1885 г.), а также моя статья „И. И. Дитятинъ“ (некрологъ) въ „Юрид. Лѣтописи“ 1892 г., № 12.

губернскимъ. Въ это же время, а именно въ 1734 г. было дано магистратское устройство городу Оренбургу, весьма важное въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые городъ сталъ трактоваться, какъ извѣстная общественная единица, пользующаяся опредѣленными автономическими правами. Составъ оренбургскаго магистрата былъ выборный, такъ какъ въ него входили три бургомистра и шесть ратсгеровъ, избиравшихся самимъ магистратомъ совмѣстно съ гильдейскими старшинами. Магистратъ пользовался правомъ самообложенія, такъ онъ могъ устанавливать сборы съ караванъ-сарай, кладовыхъ, рынка, лавокъ, съ городской печати, съ записи въ гражданство и въ цехи („посколько магистратъ и гражданство безъ тягости установять“). Мало того, онъ получилъ возможность самостоятельного расходованія на городскія нужды полученные такимъ образомъ суммы и имѣль право на владѣніе какъ движимою, такъ и недвижимою собственностью. Иначе говоря, городъ разматривался какъ юридическое лицо. Наконецъ, городское начальство было поставлено въ положеніе независимое отъ административныхъ властей, и даже состоялось предписаніе магистратскихъ членовъ, „реше-
пектовать, какъ отъ нась (т. е. государыни) къ правитель-
ству гражданскому утвержденныхъ“.

Въ исторіи городскаго управлениі издание обряда выборовъ депутатовъ по случаю созванія Екатерининской комиссіи 1767 г., по справедливому замѣчанію Дитятина, составляетъ поворотный пунктъ. До сего времени всѣ городскія учрежденія были по своей сущности учрежденіями сословными, выдавшими торжово-промышленное населеніе, живущее въ городахъ, т. е. извѣстный слой городского населенія, а никакъ не все населеніе. Ни одна изъ выборныхъ городскихъ должностей не представляла собою города, какъ совокупности всего городского населенія; городской обыватель и гражданинъ до сихъ поръ были совершенно различными понятіями. Напротивъ, въ обрядѣ выборовъ эти понятія сливаются, всякий гражданинъ есть городской обыватель и наоборотъ. Такъ, депутатъ избирается отъ города, отъ жителей его („жители въ каждомъ городѣ избираютъ по одному депутату“), причемъ подъ жителями подразумѣваются всѣ лица, имѣющія извѣстный имущественный цензъ, а именно домъ, независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію („избираетъ депутата всякій хозяинъ, действительно домъ въ томъ городѣ имѣющій“). Мало того, обрядъ выборовъ впер-

вые создаетъ новую должность городского головы, въ лицѣ котораго признается представитель города, какъ всей совокупности населенія определенного пункта, и въ которомъ городъ олицетворяется, какъ юридическое лицо. Первоначально городской голова долженъ быть только руководить выборами депутата въ коммиссію и затѣмъ исполнять, особыя повелѣнія, „могущія быть изданными отъ верховной власти и касающіяся всѣхъ живущихъ въ городѣ“. Онъ избирался всѣми домовладѣльцами на два года изъ домовладѣльцевъ же, достигшихъ 30-лѣтняго возраста.

Вопросамъ городского устройства и управлениія не мало мѣста удѣлили городскіе наказы, поданные въ Екатерининскую коммиссію. Съ точки зренія наказовъ, организація городскихъ учрежденій должна была быть исключительно сословная, хотя многие предметы ихъ вѣдомства далеко не касались одного сословія, а непосредственно относились до всего городского населенія. Исходя изъ такого соображенія, составители городскихъ наказовъ въ отношеніи устройства городскихъ учрежденій остались вполнѣ вѣрными принципамъ регламента Главному магистрату, какъ известно, организовавшаго городскія учрежденія исключительно на сословныхъ началахъ. Что же касается до компетенціи городскихъ учрежденій, то въ разрѣшениі этого вопроса наказы отступили отъ начальствия петровскаго законодательства и стали на точку зренія привилегіи городу Оренбургу 1734 г., на которую некоторые изъ нихъ и ссылаются. Какъ было уже сказано, на основаніи названной привилегіи, магистратъ, хотя по своему составу и являлся скопкомъ съ петровскихъ магистратовъ, т. е. былъ учрежденiemъ вполнѣ сословнымъ, но по своей компетенціи и объему власти могъ считаться органомъ земско-городскимъ, такъ какъ въ административно-хозяйственномъ отношеніи вѣдалъ *весь* городъ, а не одно только его торжево-промышленное населеніе. Къ такой же организаціи городского устройства и управлениія стремятся и наказы, желая, чтобы магистратъ, составленный исключительно изъ однихъ членовъ торжево-промышленного класса, сосредоточивалъ въ себѣ какъ управление дѣлами этого послѣдняго, такъ и управление дѣлами всего города.

По мнѣнію наказовъ, во главѣ каждого города долженъ попрежнему находиться магистратъ и ратуша, подчиненные исключительно одному Главному магистрату. Въ составъ его избираются только купцы, безразлично изъ какой гильдіи,

всѣмъ же остальнымъ членамъ городскаго населенія, не принадлежащимъ къ торгово-промышленному классу, доступъ въ магистратъ закрытъ. Исключение составляютъ оба столичныхъ наказа, съ точки зрењія которыхъ необходимо "избирать изъ гражданъ здѣшнимъ городомъ или повѣренными отъ онаго: двѣ трети изъ купцовъ и одну треть изъ дворянъ". Органомъ купеческаго общества, избирающимъ магистратскихъ членовъ, является собраніе всѣхъ купцовъ города, созываемое магистратомъ. Выборы должны происходить единогласно ("по общему всего купецкаго согласію"), съ точки зрењія однихъ наказовъ, по большинству голосовъ—съ точки зрењія другихъ, причемъ администрація не должна оказывать на нихъ никакого давленія. Число членовъ магистрата должно быть не велико, и они не могутъ избираться пожизненно, но на время. Послѣднее опредѣляется различно (годъ, два года, три года). Весьма много занимаются наказы юридическимъ положеніемъ магистратскихъ членовъ, настаивая на необходимости снабдить ихъ особыми преимуществами, чинами и жалованьемъ, смотря „по степени городовъ“.

По своей компетенціи, съ точки зрењія наказовъ, магистраты являются судебно-административными учрежденіями. Въ качествѣ судебныхъ органовъ, они остаются строго словесными учрежденіями, такъ какъ пространство ихъ юрисдикціи простирается исключительно на членовъ торгово-промышленного класса, причемъ наказы желаютъ, чтобы магистраты были единственнымъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ бы разбирались дѣла купцовъ и о купцахъ. Что касается до административныхъ функций изучаемыхъ учрежденій, то они должны быть расширены путемъ распространенія компетенціи магистрата на все населеніе города. Такъ, полиція въ узкомъ смыслѣ этого слова должна стать однимъ изъ предметовъ вѣдомства магистрата, причемъ всѣ правительственные полицейские органы должны быть упразднены. Съ точки зрењія наказовъ, только подобной реформой и можно достигнуть того, чтобы магистратъ действительно сталъ „главой и начальствомъ“ города. Кроме полиціи, магистрату должны быть присущи и другія функции въ области управления. Такъ, онъ долженъ завѣдывать народнымъ образованіемъ въ предѣлахъ города, причемъ некоторые наказы высказываютъ за обязательность послѣдняго, предлагая разрѣшить магистрату штрафовать тѣхъ изъ отцовъ, которые не станутъ посыпать дѣтей своихъ въ школу. Другой функцией городскихъ учрежденій

должно быть управление больницами, смирительными домами, госпиталями и сиропитательными установлениями. Затѣмъ всякия крѣпости и акты должны совершаться въ магистрахъ, которые обязаны завести у себя особыя „шнуро-запечатанные книги“, куда вносить взимаемыя за совершение крѣпостей пошлины. Магистраты же должны заниматься регулированіемъ торговли и промышленности, почему всѣ должности, учрежденныя, „для благоспѣшенія коммерціи“, находятся въ ихъ вѣдѣніи, завися только отъ нихъ, а не отъ Коммерцъ-колледжіи. Наконецъ, магистратамъ же поручается завѣдываніе цехами и банками. Въ составъ компетенціи магистратовъ входитъ также наблюденіе за поступленіемъ всякихъ сборовъ, распределеніе войскъ на постѣ по обывательскимъ квартирамъ и защита городского населения отъ притѣсненій со стороны солдатъ и офицеровъ. Управление городскимъ имуществомъ, напр., выгонами, землями, покосами, домами и т. п., также должно быть функцией исключительно одного магистрата, который, вопреки петровскому законодательству, пользуется правомъ распоряженія по отношенію къ нему¹⁾.

Любопытно сравнить со стремленіями наказовъ въ области городского управления постановленія на этотъ счетъ проекта Елизаветинской комиссіи. Изъ такого сравненія оказывается, что проекту присущи какъ черты сходства, такъ и различія съ наказами. Во-первыхъ, составъ магистрата по проекту вполнѣ сословный, о чёмъ хлопотали также и наказы. Во-вторыхъ, срокъ службы членовъ магистрата временной, а не пожизненный. Въ-третьихъ, бургомистры и ратманды получаютъ чины и жалованье. Какъ о томъ, такъ и о другомъ просили также и наказы. Но этимъ сходство и исчезаетъ. Что касается до различій, то они сказываются главнымъ образомъ въ вопросѣ о компетенціи магистратовъ. Послѣднимъ по проекту присущи какъ судебныя, такъ и административныя функции, но объемъ ихъ иной, чѣмъ желали наказы. Какъ известно, послѣдніе стояли на той точкѣ зрѣнія, что магистратъ долженъ быть единственнымъ мѣстомъ суда надъ купцами по всѣмъ преступленіямъ. Проектъ оставилъ вѣренъ началамъ действующаго права и не сосредоточивалъ въ магистратѣ функций единственного купеческаго суда, такъ какъ „розыскныя“, „татинныя“ и „убийственныя“ дѣла должны были разматриваться въ канцеля-

¹⁾ См. мои Законодательные комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 501.

ріяхъ, хотя въ присутствіи одного изъ магистратскихъ членовъ. Въ отношеніи административно-хозяйственныхъ функцій проектъ также разошелся съ наказами. Такъ, полиція не была передана магистратамъ и осталась попрежнему въ рукахъ поліцейскихъ органовъ и учрежденій. Но за то проектъ даровалъ купечеству весьма важное право самообложения, въ силу которого оно получило возможность налагать на себя чрезвычайные сборы исключительно на нужды города („на градскія надобности“) и, кромѣ того, установилъ довольно точно источникъ городскихъ доходовъ, введя, такъ называемую, „гражданскую подать“, платимую двумя первыми гильдіями, въ качествѣ „особыхъ доходовъ городу и мѣщанству“. Раскладка подати, равно какъ расходованіе полученныхъ суммъ, зависѣло исключительно отъ „обще-мірскихъ приговоровъ“ купцовъ¹⁾. Обо всемъ этомъ наказы вовсе не упомянули, оставаясь въ данномъ вопросѣ вполнѣ на почвѣ регламента Главному магистрату.

Жалованная грамота городамъ 1785 г. уже окончательно опредѣлила понятіе города, какъ юридического лица. „Городовымъ обывателямъ каждого города, читаемъ въ грамотѣ, жалуется дозволеніе собираться въ этомъ городѣ и составить общество градское“. Мало того, ст. 77 этой грамоты подъ городскими обывателями понимаетъ не только членовъ торгово-промышленного класса („кои въ гильдіи или цехѣ записаны или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны“), но также и „кои въ томъ городѣ или сторожили, или родились, или поселились, или дома, или иное строеніе или мѣста, или землю имѣютъ... и по тому городу носятъ службу или тягость“. Такимъ образомъ, все населеніе, безъ различія сословій, входитъ въ составъ „градского общества“. Послѣднее, въ качествѣ юридического лица, обладаетъ собственностью, какъ движимою, такъ и недвижимою. Движимая составляется „добровольными складками“, возникающими въ силу права самообложения, принадлежащаго городскимъ обывателямъ, доходами съ недвижимостей, взносами, взимаемыми съ лицъ, поступающихъ въ составъ градского общества, и опредѣленнымъ процентнымъ сборомъ съ питейныхъ и таможенныхъ доходовъ (послѣдніе шли на нужды государства, но известный % отчислялся въ пользу города). Недвижимая собственность состояла изъ земель, т. е. выгоновъ, садовъ,

¹⁾ См. мое изданіе проекта (1893 г.), стр. 194 и 195.

полей, луговъ, рощъ и пустопорожнихъ мѣсть, а также изъ зданій, напримѣръ, домъ для собранія членовъ городскаго общества, дома для помѣщеній разныхъ промышленныхъ за-веденій (мельницы, трактиры и т. п.) и др. Наконецъ, каж-дый городъ, въ качествѣ юридического лица, имѣлъ свой гербъ и печать.

Органомъ „градскаго общества“ являлось собраніе город-скихъ обывателей, собиравшееся одинъ разъ въ три года и не иначе, какъ „по приказанію и дозволенію“ генералъ-губернатора или губернатора, результатомъ чего была полная зависимость собранія отъ администраціи. Функции собранія заключались въ: 1) представлениіи губернатору (или гене-ralъ-губернатору) „о своихъ общественныхъ пользахъ и нуж-дахъ“; 2) выслушиваніи „предложеній“ губернатора (или ге-нералъ-губернатора), принятіи ихъ „въ уваженіе“ и дачѣ на нихъ „приличного отвѣта, сходственаго съ узаконеніями и общественнымъ благомъ“; 3) повѣркѣ обывательской книги, составляемой депутатскимъ собраніемъ, и 4) избраніи долж-ностныхъ лицъ, какъ по городскому управлению (городской голова и депутаты собранія для составленія обывательской книги), такъ и по судебнно-сословному вѣдомству (бургомистры и ратманы городовыхъ магистратовъ, засѣдатели губернскаго магистрата и судьи совѣтнаго суда).

Жалованная грамота создала два новыхъ городскихъ уч-режденія, неизвѣстныя прежнему законодательству. Мы го-воримъ объ общей и шестигласной думахъ. Первая состояла изъ гласныхъ, избиравшихся шестью разрядами городскихъ обывателей, каждымъ разрядомъ отдельно. Процессъ выбо-ровъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Настоящіе город-ские обыватели и посадскіе составляли столько избиратель-ныхъ собраній, сколько было въ городѣ полицейскихъ частей, причемъ каждое собраніе избирало одного гласнаго. Именитые граждане составляли избирательные собранія по числу своихъ разрядовъ (отъ одного до семи), причемъ каждый раз-рядъ пользовался правомъ на особое собраніе лишь въ томъ случаѣ, если въ его составѣ входило не менѣе пяти человѣкъ, въ противномъ случаѣ, онъ избиралъ гласнаго вмѣстѣ съ другимъ разрядомъ. Купцы и цеховые составляли собра-ния по гильдіямъ и цехамъ, избирая отъ каждой гильдіи и цеха одного гласнаго. Наконецъ, иностранные и яногород-ное купечество избирало гласныхъ особо „отъ каждого на-рода“. Изъ сказаннаго видно, что Жалованной грамотѣ со-

вершенно чужда была всякая мысль о равномърномъ представительствѣ городскихъ сословій, въ силу чего такой, сравнительно малочисленный, разрядъ, какъ именитые граждане, представлялся въ думѣ семью гласными, въ то время, какъ обширный по числу членовъ разрядъ гильдейского купечества представлялся только тремя (по числу гильдій).

Выборы происходили каждые три года, но кто созывалъ избирателей—неизвѣстно. Нужно думать, что въ этомъ отношеніи видную роль игралъ городской голова, бывшій предсѣдателемъ въ обѣихъ думахъ и также избиравшійся на три года. Гласные отдельныхъ сословій не смѣшивались между собой и въ думѣ; такъ, подача голосовъ происходила по разрядамъ, причемъ каждый разрядъ имѣлъ только одинъ голосъ; въ предѣлахъ же разряда баллотировка происходила по большинству голосовъ. Общая дума созывалась не періодически, а „когда нужда и польза городская потребуетъ“. Единственными функциями ея было: 1) избрание гласныхъ въ шестигласную думу (по одному отъ каждого разряда) и 2) разрѣшеніе „важныхъ и трудныхъ дѣлъ“. Напротивъ, шестигласная дума засѣдала, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, такъ какъ была тѣмъ постояннымъ городскимъ органомъ, въ рукахъ которого сосредоточивалось все городское управление. Мы нарочно назвали ее городскимъ органомъ, такъ какъ, въ отличие отъ прежнихъ магистратовъ, она вѣдала только городскія дѣла, сословный же судъ и надзоръ за сборомъ государственныхъ податей и за отправлениемъ повинностей со стороны горожанъ совсѣмъ не входили въ составъ ея компетенціи. Предметами вѣдомства думы были слѣдующія дѣла. Во-первыхъ, на ея обязанности лежало „доставлять жителямъ нужное пособіе въ ихъ прокомленію и содержанію“ и поощрять „привозъ въ городъ и продажу всего того, что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей“. Во-вторыхъ, она должна заботиться о виѣшнемъ благосостояніи и благообразіи города, въ силу чего и надзоръ за хорошимъ состояніемъ общественныхъ зданій, амбаровъ, магазиновъ, пристаней, площадей, улицъ и т. п. лежалъ на ней. Въ-третьихъ, на думу были возложены и полицейскія функции. Такъ, на основаніи ст. 167 грамоты „думѣ принадлежать попеченія сохранять между жителями города миръ,тишину и добroe согласіе“, а также „возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно“. Между тѣмъ, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ и устава благочинія, въ городахъ были орга-

низованы спеціально поліцейськія учрежденія, въ лицѣ управы благочинія, городничихъ и другихъ органовъ. Спрашивается, теперь, въ чёмъ же должна была заключаться поліцейская дѣятельность думы, и въ какія отношенія была поставлена послѣдня къ поліцейскимъ учрежденіямъ? Однако, на эти вопросы Жалованная грамота не даетъ никакого отвѣта. Мало того, она не только не уясняетъ дѣла, но значительно запутываетъ его, постановивъ, что дума (снабженная поліцейскими функціями) должна „оставлять относящееся къ части поліцейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ“. Въ результатѣ всего этого долженъ быть получиться фактъ полнѣйшей фиктивности правъ думы въ области поліцейской дѣятельности и полнаго безсилія ея въ отношеніи административныхъ властей. Въ четвертыхъ, на обязанности думы лежало „охранять какъ всякое городовое, такъ и ремесленное положеніе, и наблюдать, чтобы они всѣми и каждымъ исполняемы были безъ нарушенія и точно“; она же должна была разрѣшать всякаго рода „сомнѣнія и недоразумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ, руководствуясь при этомъ изданными положеніями“. Наконецъ, въ-пятыхъ, дума обязывалась „стараться о прирощеніи доходовъ для распространенія заведеній по приказу общественнаго призрѣнія“, то есть, школъ, богоадѣленія, домовъ для умалишенныхъ, рабочихъ и смирительныхъ домовъ, госпиталей и тому подобное.

Въ какихъ же отношеніяхъ находились вновь созданныя городскія учрежденія къ администрації? Отъ разрѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ отношеніи зависѣло разрѣшеніе другого вопроса, а именно обѣ объемъ власти, присущей органамъ городского управления. Мы уже видѣли, что собраніе городского общества созывалось не иначе, какъ „по приказанію и дозволенію“ генераль-губернатора или губернатора. Мало того, послѣдніе пользовались правомъ контроля надъ расходываніемъ городскихъ суммъ, въ силу чего думы были связаны отчетностью, какъ въ названномъ расходованіи, такъ и въ полученіи доходовъ, и при томъ не только предъ губернаторомъ, но и предъ казенною палатою. Даже въ сфере городского управления думы были вполнѣ подчинены губернатору и въ полномъ смыслѣ этого слова не смѣли шагу ступить безъ разрѣшенія послѣдняго. Такъ, грамота предписываетъ, что, если органы городского управления „усмотрятъ что либо нужное для общей пользы, для выгоды и

украшениі города“, то должны доложить о томъ губернатору и ждать его разрѣшенія. Этимъ постановленіемъ всякая независимость городского управлениія была уничтожена и послѣднее стало въ подчиненное положеніе къ администраціи.

Павель I, упразднивъ Жалованную грамоту городамъ, радикально преобразовалъ все городское устройство и управление. Реформа началась съ Петербурга. Во главѣ его, въ качествѣ „главнаго городскаго начальства“, была поставлена „коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи принадлежащихъ“. На ея обязанности было „имѣть предметомъ своихъ упражненій все то, что только ко благоустройству города и благосостоянію жителей его относиться можетъ“. Коммиссіи были подчинены городское правленіе или ратгаузъ и двѣ конторы: правленія запасныхъ магазиновъ и городскихъ строеній. Ратгаузъ раздѣлялся на три департамента: два сословно-судебныхъ и одинъ камеральный, завѣдывавшій дѣлами города. Составъ ратгауза былъ слѣдующій: президентъ, назначаемый государемъ, директоръ экономіи, назначаемый коммиссіей о снабженіи припасами и утверждаемый государемъ, шесть бургмайстеровъ и десять ратсгеровъ, изъ которыхъ одна часть назначалась коммиссіею, а другая избиралась городскимъ обществомъ изъ достойнѣйшихъ гражданъ. Функции ратгауза сводились къ управлению городскимъ хозяйствомъ, причемъ онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, играя роль исполнительного органа коммиссіи. Въ качествѣ такового, онъ еженедѣльно представлялъ послѣдней отчеты о своихъ засѣданіяхъ, и коммиссія имѣла право „во всѣхъ городскихъ надобностяхъ и нуждахъ, буде усмотрѣть что либо полезнымъ или вреднымъ, предписывать ему оное размотрѣть и представить со своимъ мнѣніемъ“. Что касается до конторъ, то первая вѣдала хлѣбные запасы города, а вторая—городскія строенія; составъ ихъ былъ по назначенію отъ коммиссіи.

Въ 1799 году императоръ Павель преобразовалъ и городское устройство Москвы, введя въ ней учрежденія, аналогичныя петербургскимъ, съ тѣмъ различіемъ, что московское городское управление было поставлено въ зависимость отъ петербургской коммиссіи. Указомъ же 4 Сентября 1800 года императоръ предписалъ также и во всѣхъ губернскихъ городахъ учредить ратгаузы. Послѣдніе составлялись изъ лицъ по назначенію отъ правительства и по избранію городскаго общества, причемъ президентъ назначался государемъ

изъ кандидатовъ, представленныхъ Сенатомъ. Ратгаузы дѣлились на два департамента: судебный и камеральный, въ которомъ и сосредоточивалось управление городскими дѣлами. Названныя учрежденія, находясь въ зависимости отъ губернаторовъ, имѣли характеръ вполнѣ правительственныхъ установлений. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова сенатскаго указа 25 Февраля 1801 года, а именно: „ратгаузы суть ничто иное, какъ отдѣльный департаментъ по городскимъ дѣламъ, слѣдовательно, они входятъ въ общій составъ губернскаго правительства и поэтому должныствуютъ со всѣми своими чинами, какъ и прочія губернскія мѣста, состоять въ положеной закономъ зависимости отъ управляющаго губерніею“.

Александръ I въ 1801 году возстановилъ Жалованную грамоту городамъ, „соображая великимъ намѣреніямъ вселюбезнѣйшей бабѣ своей, сохраняя святость ея установленій и будучи удостовѣренъ въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ, непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, руководлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія“. Одновременно съ этимъ, государь отмѣнилъ „все, что противно грамотѣ или несообразно силья допущено или установлено было“. Положенія грамоты съ несущественными измѣненіями вошли въ Сводъ Законовъ первого изданія.

Однако, неудовлетворительность городского управления на практикѣ постоянно возбуждала въ правительственныхъ сферахъ цѣлый рядъ вопросовъ о преобразованіи названного управления, необходимость котораго сознавалась какъ правительствомъ, такъ и обществомъ въ теченіе всего XIX столѣтія. А что, дѣйствительно, городское управление было крайне неудовлетворительно въ изучаемую эпоху, это видно изъ многихъ фактovъ. Прежде всего, общество относилось съ крайнимъ индифферентизмомъ къ участію въ городскомъ управлении, въ силу чего отлыниваніе отъ выборовъ стало самымъ зауряднымъ явленіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, собранныхъ покойнымъ Дитятинымъ¹⁾). Такъ, въ 1850 году въ Пощехоні на выборахъ городского головы, вмѣсто 1046 избирателей присутствовало только 78; въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ на выборы въ городскія должности являлось вмѣсто 2500 купцовъ только 300, а изъ цехо-

¹⁾ Назв. соч. т., II.

выхъ, вмѣсто 950 только 100! Любопытно, что подобные факты не были исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ, по свидѣтельству вице-директора хозяйственного департамента Лекса, въ Петербургѣ обыкновенно вмѣсто 1000 избирателей участвовало на выборахъ отъ 400 до 500. Мало того, выборы происходили подъ сильнымъ административнымъ давлѣніемъ и, въ силу этого, иногда давали неожиданные результаты. Такъ, въ одномъ городѣ въ 1856 году было избрано въ городскіе головы лицо, дважды состоявшее подъ судомъ за подлогъ, но имѣвшее большія связи въ администраціи. Такой фактъ имѣлъ мѣсто въ Пошехони въ 1847 году, когда головой оказалось избраннымъ лицо, обвинявшеся въ цѣлой серии преступлений, и т. п. Къ числу удивительныхъ явленій, происходившихъ въ сфере городского управлениія, долженъ быть отнесенъ и фактъ исчезновенія нѣкоторыхъ городскихъ учрежденій, продолжавшихъ, однако, считаться неотмѣнными въ законодательномъ порядкѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1867 года оказалось, что во многихъ городахъ городскія учрежденія вовсе не существуютъ, а „дѣлами ихъ вѣдастъ городская полиція“, вслѣдствіе чего министерство было вынуждено „возстановить“ исчезнувшія учрежденія. Циркуляръ ministra по этому иводу крайне характеристиченъ. „Сосредоточеніе въ полицейскихъ учрежденіяхъ“, читаемъ въ немъ, дѣлъ общественного управлениія и хозяйства, съ одной стороны, не соответствуетъ коренному закону (sic!), предписывающему дѣла подобного рода вѣдать городскимъ общественнымъ управлениемъ, а съ другой—не можетъ не отражаться неблагопріятно не только на дѣлахъ подобного рода, но и на всякой вообще дѣятельности полиціи въ данной мѣстности. Вслѣдствіе сего, министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ возстановить повсемѣстно дѣйствіе ст. 4429 общ. учр. гор. общ. упр. “!... Затѣмъ, нерѣдко имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ: исчезало или совершенно подвергалось модификаціи одно изъ городскихъ учрежденій. Такъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія повсюду исчезла общая дума. Въ Петербургѣ же она настолько модифицировалась, что перестала имѣть что либо общее съ общей думой Жалованной грамоты. Такъ, по словамъ одного изъ Петербургскихъ губернаторовъ (1843 года), „въ распоряженіи шестигласной думы состояло 38 гласныхъ, избираемыхъ изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ на три года для составленія общей городской думы“. Названные

гласные исполняли всякия порученія шестигласной думы, а именно: четверо изъ нихъ назначались для сбора $1\frac{1}{2}^0/0$ денегъ, двое—для сбора съ судовъ, проходящихъ черезъ мосты, одинъ—для наблюденія за торговлею иногороднихъ купцовъ и т. д. И такъ, общая дума превратилась въ исполнительный органъ шестигласной!... Точно также нигдѣ не существовало депутатскихъ собраній, а, въ силу этого, нигдѣ не было и обывательскихъ книгъ. Мало того, иногда возникали новыя учрежденія, никакимъ закономъ не предусмотрѣнныя, однако, существовавшія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Для примѣра приведемъ „домъ гражданскаго общества“ въ Москвѣ, существовавшій, по словамъ одного офиціального акта, „съ давняго времени“ и „по уваженію давняго существования, вѣдавшій сборы податей и повинностей съ купцовъ и мѣщанъ, равно какъ и общественные складки на извѣстные расходы“. По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ упомянутый „домъ“ существовалъ еще до 1805 года и за вѣдалъ „дѣлами общественными, гражданскими и купеческими“, причемъ въ составъ его входили особые повѣренные“, избиравшіеся на три года именитыми гражданами, купцами и мѣщанами.

Дѣятельность органовъ городского управлениія также не отличалась успѣшностью. По словамъ одного офиціального акта, въ области городского управлениія царствовали „нераспорядительность, неправильность и медленность въ дѣлопроизводствѣ“. Смѣты составлялись совершенно неправильно, такъ какъ въ нихъ вносились не существующіе доходы и расходы, а существующіе не вносились. Самыя смѣты представлялись до нельзя неаккуратно. Такъ, въ 1848 году въ нѣкоторыхъ городахъ были представлены смѣты за 1828—1829 г.г. и за 1835 г. Какие бы то ни было документы, напримѣръ, протоколы засѣданій, канцелярскія книги и т. п. не существовали. Въ дѣлопроизводствѣ господствовали канцелярии и секретари, самыя же присутствія не имѣли никакого значенія. Вотъ что, напримѣръ, имѣло мѣсто, по словамъ одного изъ петербургскихъ губернаторовъ, въ петербургской думѣ въ 1843 году: „определенного закономъ полного присутствія думы не существуетъ, потому что члены думы ежедневно въ неприсутствіи, между прочимъ, для исполненія различныхъ порученій начальства; если же появляются въ думу, то подписываютъ бумаги, не читая ихъ, отсюда полное разрушеніе всякой подчиненности со стороны секретаря и

канцелярій". Точно также по словамъ д. ст. сов. Игнатьева, въ Москвѣ дума „давно утратила свой коллегіальный характеръ и приняла видъ какой то канцеляріи, ни мало не заботясь о городскихъ интересахъ; члены думы собираются не для разсужденія о дѣлахъ, но для подписыванія ихъ, уже рѣшенныхъ канцелярію". Въ результатѣ такого порядка вѣщій получала большая проволочка времени, и нѣкоторые дѣла по нѣскольку лѣтъ оставались нерѣшенными. Другимъ результатомъ описанного веденія городского хозяйства была ничтожность доходовъ, не смотря на существование въ большихъ размѣрахъ городского имущества. Послѣднее, по словамъ официальныхъ памятниковъ, ~~расхищалось~~ систематически. Такъ, въ одномъ городѣ „многіе мѣщане поселились на городскихъ земляхъ самовольно, ничего не платя за пользованіе ими въ городскую казну"; въ другихъ городахъ „при раздачѣ участковъ городской земли царствовалъ полный произволъ, какъ относительно величины участка, такъ и платы за него". „Общественные сооруженія находились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полномъ почти разрушеніи, а городскія зданія въ ужасномъ видѣ". Думы „не имѣли понятія о городской собственности и часто, для рѣшенія вопроса, принадлежитъ ли данный участокъ земли городу или частному лицу, созываютъ сосѣдей и рѣшаютъ вопросъ большинствомъ голосовъ".

Не мудрено, что, въ виду изложеннаго состоянія городского управлениія, правительство не разъ возбуждало вопросъ о реформѣ послѣдняго. До насъ дошло не мало проектовъ городского устройства, начиная съ 1821 года. Изъ нихъ болѣе важны проекты 1827 и 1842 г.г., составленные въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отличительной чертою перваго проекта являлось всесословное начало, положенное въ его основу. Такъ, въ составъ городского общества, по проекту, должны были войти всѣ сословія, причемъ избирательные собранія происходили не по сословіямъ, а по частямъ города и состояли изъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, стоимость которой не была ниже 8000 рублей или записанныхъ въ гильдіи. Каждое избирательное собраніе избирало пять депутатовъ въ городское собраніе, являвшееся „высшей дирекціей градскаго управления" и созываемое для рѣшенія „особенныхъ случаевъ". Собрание избирало гласныхъ думы, въ рукахъ которой сосредоточивалось „постоянное и непрерывное управление городскими дѣлами". Число гласныхъ равнялось десяти: четверо изъ дворянъ (при-

чемъ двое изъ нихъ считались ножизнеподобными), троє изъ купечества и троє изъ мѣщанъ и цеховыхъ. Такимъ образомъ, при определеніи состава думы, проектъ отступилъ отъ все-сословного начала. Однако, допущеніе въ составъ городского общества дворянства, вызвало протестъ противъ проекта со стороны купечества, выразителемъ которого, между прочимъ, явился московскій городской голова. Съ точки зрения послѣдняго, проектъ заключалъ въ себѣ „явное подавленіе правъ купеческаго сословія, могущее повести ко всякаго рода беспорядкамъ и замѣшательству, тѣмъ болѣе противное законамъ, что оно противно разуму и естественному порядку вещей, такъ какъ доколѣ существуетъ раздѣленіе народа на различныя состоянія съ разными правами, до тѣхъ поръ неѣтъ причины измѣнять состава городского общества“. Еще болѣе былъ энергиченъ протестъ петербургскаго городского головы. По его мнѣнію, „составъ думы (по проекту), это—небывалое соединеніе разнородныхъ и противоположныхъ сословій... буквальное копирование съ палаты депутатовъ во Франціи, соединеніе въ высшей степени вредное у насъ, какъ по степени образованности низшихъ классовъ людей, такъ и потому что дворянѣ въ томъ случаѣ возьмутъ перевѣсь, и получится дворянское общество или... анархія, не свойственная нашему народному духу“... Любопытно, что и дворянѣ отнеслись отрицательно къ проекту, признавъ въ лицѣ московскаго предводителя, что „каждая черта закона, положенного въ основаніи нынѣ действующей думы (т. е. по Жалованной грамотѣ) совершенно согласна съ естественнымъ, столь справедливымъ и правильнымъ правомъ: разсуждать о коммерціи купцу, о помѣстьѣ помѣщику“. А между тѣмъ какъ извѣстно, Жалованная грамота допускала и дворянѣ въ участію въ городскомъ управлѣніи, которые, въ качествѣ „настоящихъ городскихъ обывателей“, имѣли полное право считаться въ числѣ гражданъ и даже быть записанными въ одну изъ частей обывательской книги. Очевидно, на практикѣ этого не было, чѣмъ и объясняется протестъ купечества и дворянства противъ проекта 1827 г. Послѣдній, по всей вѣроятности, вслѣдствіе названнаго протesta, не былъ утвержденъ Государственнымъ совѣтомъ и не получилъ законодательной санкціи.

Второй проектъ (1842 г.), касающійся только Петербурга, получилъ силу закона въ 1846 г. и былъ изданъ въ формѣ „Положенія объ общественномъ управлѣніи“ Петербурга. Со-

гласно названому „Положенію“ петербургское городское общество должно было состоять изъ пяти сословій: 1) потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ въ предѣлахъ города недвижимою собственностью, 2) личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ, также владѣющихъ недвижимою собственностью, 3) купцовъ всѣхъ гильдій, 4) мѣщанъ и 5) цеховыхъ. Сравнивая составъ городского общества по Жалованной грамотѣ съ составомъ по „Положенію“ 1846 г., мы должны признать, что послѣднее значительно суживаетъ понятіе общества, исключая изъ него настоящихъ городскихъ обывателей, которыми могли быть не только дворяне и разночины, но и члены другихъ сословій, напр., духовныя лица, крестьяне и т. п., а также именитыхъ гражданъ (далеко не соотвѣтствующихъ почетнымъ гражданамъ) и иностранныхъ и иногороднихъ купцовъ. Органомъ городского общества по Положенію, являлась общая дума. Выборы въ нее происходили слѣдующимъ образомъ. Участіе въ нихъ принадлежало членамъ названныхъ пяти сословій, при достижениіи ими 21 года, владѣніи собственностью, приносящей ежегоднаго дохода не менѣе 100 рубл. и записи ихъ въ городскую обывательскую книгу въ теченіе двухъ лѣтъ. Выборы происходили въ пяти избирательныхъ собраніяхъ (по числу сословій); впрочемъ, въ случаѣ многочисленности избирателей, каждое сословіе имѣло право организовать собранія по частямъ города (исключение составляли цеховые, которые въ данномъ случаѣ избирали по ремесламъ). Съ 1862 г. были введены двухстепенные выборы, а именно сперва избирались выборные, которые изъ своей среды (также по сословіямъ) избирали гласныхъ. Для избранія въ послѣдніе требовался 25-лѣтній возрастъ. Число гласныхъ опредѣлялось отъ каждого сословія въ размѣрѣ 100—150; иначе говоря, въ думѣ ихъ могло быть отъ 500 до 750. Столъ огромное число гласныхъ заставило петербургскаго генерал-губернатора Игнатьева въ запискѣ, поданной на высочайшее имя въ 1859 г., высказаться за необходимость его ограниченія. „Ни одно государство“, писалъ Игнатьевъ, „не допускаетъ столь широкаго представительства даже при конституціонныхъ правленіяхъ“. По мнѣнію Игнатьева, нѣтъ никакой „сопразмѣрности“ въ основѣ городского представительства съ дворянскимъ, гдѣ „право голоса принадлежитъ только имѣющему 100 душъ или 3000 десятина земли“. Въ виду этихъ соображеній, „для самой пользы дѣла, для выгоды самихъ городскихъ сословій“, не слѣдуетъ допуск-

вать такого огромного количества гласныхъ. Другаго рода соображенія, заставляющія автора записки высказаться за необходимость уменьшенія количества гласныхъ, носятъ чисто политическую окраску. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: „столь быстрый и рѣзкій переходъ отъ административной централизаціи къ представительному самоуправлению, въ са-мыхъ обширныхъ размѣрахъ допускаемому, при нынѣшнемъ направлении умовъ, можетъ быть существенно вреденъ и несовмѣстимъ съ коренными началами самодержавнаго правленія“. Результатомъ записки генерала Игнатьева было изданіе закона 1862 г. который, между прочимъ, ограничилъ чи-сло гласныхъ 250, по 50 отъ каждого сословія.

Гласные, засѣдая въ думѣ, не смѣшивались между со-бою, такъ какъ засѣдали по отдѣленіямъ (каждое сословіе составляло одно отдѣленіе) и подъ предсѣдательствомъ со-словныхъ старшинъ, избираемыхъ отдѣленіями. Только, въ ви-дѣ исключенія, „для важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ“ и не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, созы-валось общее собраніе всей думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы, назначаемаго государемъ, изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ думою обязательнно изъ „почетнѣйшихъ лицъ“, принадлежащихъ къ одному изъ слѣдующихъ сосло-вій: дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой гильдіи, при томъ при достижениіи ими 30 лѣтъ и при обла-даніи въ предѣлахъ города недвижимою собственностью, стои-мостью въ 15000 руб. До 1862 г. голова избирался на шесть лѣтъ, съ этого же времени только на четыре. Дѣла разрѣшались въ думѣ большинствомъ голосовъ по всѣмъ отдѣленіямъ вообще, а не въ каждомъ въ отдельности; но толь-ко въ томъ случаѣ, если дѣло касалось всѣхъ городскихъ сословій; если же оно имѣло отношеніе только до одного сословія, то и рѣшалось этимъ послѣднимъ, признаваясь въ то же время за рѣшеніе всей думы. Въ первомъ случаѣ бал-лотировка происходила сперва въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ (дворянъ и почетныхъ гражданъ), называвшихся „старшими“. Затѣмъ результатъ ея, т. е. мнѣнія большинства и меньшин-ства (въ обоихъ отдѣленіяхъ) вносились въ младшія отдѣ-ленія для баллотировки. Если же послѣднія ихъ отвергали, то имъ разрѣшалось „приступать къ сужденію дѣла на об-щемъ основаніи“, т. е. обсуждать его по существу. Резуль-татомъ такого голосованія было сильное давление старшихъ отдѣленій на рѣшенія младшихъ, сведшееся на практикѣ къ

рѣшенню всѣхъ дѣлъ одними дворянами и подписанію названныхъ рѣшеній членами всѣхъ остальныхъ сословій.

При думѣ имѣлась своя канцелярія, во главѣ которой находился городской секретарь, назначаемый генералъ-губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ, избираемыхъ думою. Канцелярія, съ своей стороны, оказывала сильное вліяніе на рѣшенія думы.

Рядомъ съ общей думой существовала распорядительная дума, въ составѣ которой входили 12 гласныхъ и одинъ членъ отъ короны. Сословія представлялись въ распорядительной думѣ крайне неравномѣрно, а именно: первыя два сословія избирали 3 гласныхъ (по три отъ сословія), купцы первой гильдіи избирали двухъ, купцы остальныхъ гильдій, мѣщане и ремесленники—по одному. Избраніе происходило на три года. Членъ отъ короны наблюдалъ „за правильностью канцелярскаго порядка и счетоводства и за отчетностью вообще“, а также „за успѣшнымъ движениемъ дѣлъ въ думѣ“. До 1862 г. гласные распорядительной думы избирались по отдѣленіямъ общей думы, но изъ всѣхъ членовъ городского общества (не только изъ гласныхъ), обладающихъ избирательными правами. Съ 1862 года выборы стали производиться не по отдѣленіямъ, но собраніемъ выборныхъ, въ свою очередь избираемыхъ на избирательныхъ собраніяхъ.

Отношенія обѣихъ думъ другъ къ другу были крайне неопредѣленны. Такъ, распорядительная дума имѣла право не исполнять приговоровъ общей думы, въ случаѣ своего „разномыслія“ или „несогласія“ съ ними. Положеніе опредѣляетъ два исхода подобного конфликта между думами, но оба крайне неопределеннаго характера, а именно: распорядительная дума „или предлагаетъ о причинахъ своего несогласія, чрезъ городскаго голову, на разсужденіе общей думы, или представляетъ о томъ начальнику губерніи, который, если не успѣетъ согласить проишедшаго между думами разногласія, вноситъ дѣло на разрѣшеніе генералъ-губернатора“. Отношенія между думами получили болѣе опредѣленный характеръ по закону 1862 года. Согласно съ нимъ „общая дума не дѣлаетъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій; она ограничивается только составленіемъ общественныхъ приговоровъ, которые и передаетъ въ распорядительную думу для надлежащаго съ ея стороны положенія или представлений начальству, если по существующимъ узаконеніямъ разрѣшеніе онаго необходимо. Въ случаѣ какихъ либо затрудненій, при

исполнениі приговора распорядительнаа дума сообщаетъ о томъ общей думѣ, но если послѣдня не признаетъ нужнымъ измѣнить свой приговоръ, то онъ получаетъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядке“.

Предсѣдателемъ распорядительной думы является городской голова, въ качествѣ „начальника всего общественнаго управления и главнаго уполномоченнаго всего городскаго общества“.

Наконецъ, послѣднимъ городскимъ учрежденіемъ было депутатское собраніе для веденія обывательской книги. До 1862 г. члены его избирались общею думою, послѣ же этого года собраніемъ выборныхъ, причемъ каждое сословіе избирало по пяти чл. Предсѣдателемъ собранія былъ также городской голова.

Переходимъ къ разсмотрѣнію компетенціи городскихъ учрежденій и начнемъ съ общей думы. Главное значеніе послѣдней заключалось въ производствѣ выборовъ по городскому общественному управлению, что продолжалось до изданія закона 1862 г., когда выборы стали производиться въ собранияхъ выборныхъ. Другая функція общей думы заключалась въ постановкѣ приговоровъ, касающихся „представленія правительству о нуждахъ общественныхъ“. Наконецъ, третьей функціей было „разсмотрѣніе предложеній начальства“ и приходо-расходной росписи. Фактически общая дума имѣла самое ничтожное значеніе и въ промежутокъ времени отъ 1846 по 1860 годъ собиралась только 17 разъ, главнымъ образомъ, для производства выборовъ и, „по какимъ либо чрезвычайнымъ или же торжественнымъ случаяхъ“. Напротивъ, функціи распорядительной думы были весьма разнообразны. Такъ, прежде всего она вѣдала „общественные дѣла“, т. е., дѣла, касающіяся выборовъ, собраній и вообще должностныхъ лицъ торгово-промышленного класса, вела купеческую бархатную книгу и списки почетныхъ гражданъ, заѣдывала записью въ городскія сословія лицъ другихъ сословій, управляла гильдіями, цехами и т. п. ¹⁾). Затѣмъ, въ составѣ ея компетенціи входило вѣдѣніе городскаго хозяйства, какъ въ отношеніи доходовъ, такъ и въ отношеніи расходовъ. Источниками первыхъ являлись доходы съ общественной собственности и сборы. Собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая могла эксплоатироваться всяки-

¹⁾ Такимъ образомъ подъ „общественными дѣлами“ въ сущности понимались сословные дѣла.

ми способами, напримѣръ, отдачею въ наемъ, учрежденiemъ общественныхъ банковъ и т. п. Что касается сборовъ, то ихъ было нѣсколько, а именно: 1) личный, взимаемый при записѣ обывателей въ городскую думу; 2) съ недвижимаго имущества, напримѣръ, оцѣночной (до 1861 года основанiemъ его являлась не доходность, но стоимость имущества, напротивъ, съ 1861 года основанiemъ его стала чистый доходъ, причемъ оцѣнка имущества производилась особыми комиссіями изъ членовъ всѣхъ сословій); 3) за право производства торговли и промысловъ, причемъ промысловые сборы могли быть съ промысла и личного труда (первые взимались съ торговцевъ и съ ремесленниковъ, какъ хозяевъ извѣстныхъ заведеній, вторые—съ рабочихъ). Расходы могли быть двухъ категорій, общественно-городскіе и обще-государственные. Къ первымъ относились, напримѣръ, расходы на содержаніе общественныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ (определенное жалованье за службу по городскимъ выборамъ было впервые введено положенiemъ 1846 года), на внѣшнее благоустройство и благосостояніе города, на цѣли безопасности, напримѣръ, на содержаніе полиціи и пожарной команды и т. п. Ко вторымъ должны были быть отнесены расходы на содержаніе и ремонтъ тюремъ, казармъ и т. п. Наконецъ, въ составъ компетенціи распорядительной думы входили дѣла по торговой полиціи и, такъ называемая, казенная дѣла. Къ первымъ относились: наблюденіе за исполненiemъ правилъ и предписаній касательно торговли и выдача патентовъ и свидѣтельствъ на производство послѣдней; ко вторымъ: раскладка и сборъ государственныхъ податей.

Степень власти органовъ городского управления и по Положенiu 1846 года была самая ничтожная, такъ какъ всѣ постановленія названного памятника попрежнему проникнуты началами правительственной опеки. Такъ, думы были лишены всякой самостоятельности въ определеніи объема и вообще въ установлениі доходовъ и расходовъ, потому что въ годовыхъ росписи, согласно Положенiu, должны были вноситься доходы и расходы лишь „въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ они определены высочайше конфиrmованными положеніями, штатами, роеписаніями или особыми высочайшими повелѣніями“. Самое составленіе росписи происходило подъ сильнымъ давленiemъ администраціи, а именно, по составленіи ея распорядительною думою, она вносилаась на обсужденіе общей думы; затѣмъ, вторично разматривалась рас-

порядительною думою, но уже подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора; послѣ этого вносилась „для дальнѣйшаго распоряженія“ на разсмотрѣніе къ генераль-губернатору и обсуждались имъ въ особомъ комитѣтѣ, составленномъ изъ губернатора, оберъ-полицеймейстера, городскаго головы и 15 выборныхъ—по три отъ каждого сословія; изъ комитета она поступала къ министру внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ въ Государственный совѣтъ и, наконецъ, на высочайшее утвержденіе; приводилась же въ исполненіе не иначе, какъ по указу Сената. Такимъ образомъ, роспись должна была быть буквально исполнена, и всякое отступление отъ нея, безъ разрѣшенія правительства, разсматривалось, какъ противозаконное дѣяніе. Что органы городского управления находились въ подопечномъ положеніи у администраціи, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ также и фактъ присутствія въ распорядительной думѣ члена отъ короны, обязаннаго наблюдать „за успѣшнымъ движениемъ дѣлъ въ думѣ“. Наконецъ, на основаніи закона 1858 года, „общественное управление Петербурга“ было признано состоящимъ „подъ главнымъ наблюденіемъ и вѣдѣніемъ генераль-губернатора“.

Введеніе Положенія 1846 года въ Петербургѣ побудило въ 1859 году московское дворянство ходатайствовать передъ правительствомъ о распространеніи его дѣйствія и на Москву. Тогда же и о томъ же ходатайствовалъ новороссийскій генераль-губернаторъ графъ Строгановъ относительно Одессы, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что Одесса занимаетъ „первое мѣсто послѣ столицъ по своему торговому положенію и по сложности городского хозяйства“. Правительство взяло этимъ ходатайствамъ и поручило двумъ комитетамъ (одинъ въ Москвѣ, другой въ Одессѣ) подъ предсѣдательствомъ генераль-губернаторовъ выработать проекты преобразованія городского устройства и управления Москвы и Одессы на началахъ Положенія 1846 года. Названные проекты, по составленіи ихъ въ комитетахъ, поступили въ Государственный совѣтъ и были имъ утверждены: московскій—въ 1862 году, одесскій—въ 1863 году. Въ 1863 же году они получили свое практическое осуществленіе.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Одессѣ Положеніе 1846 года было значительно модифицировано; на эти то модификаціи мы теперь и укажемъ. Такъ, въ составъ московскаго городскаго общества, раздѣленного также на пять сословій, были отнесены еще (ко второму сословію) иностранцы и другихъ

званий лица, не принадлежащія къ купеческому и къ городскимъ податнымъ сословіямъ", чѣмъ понятіе городского общества значительно расширялось. Одесское городское общество, въ отличие отъ петербургскаго и московскаго, дѣлилось только на три разряда, а именно: 1) „всѣ владѣльцы недвижимой собственности въ предѣлахъ города, какого бы званія и происхожденія не были, не записанные въ число мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ", 2) купцы и 3) мѣщане. Иначе говоря, первый разрядъ не представлялъ собою сословной группы, но, по примѣру Жалованной грамоты 1785 года, обнималъ собою лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Мотивами названнаго постановленія послужили слѣдующія соображенія, изложенные въ объяснительной запискѣ графа Строганова, представленной имъ въ Государственный совѣтъ: допущеніе всѣхъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, къ участію въ городскомъ управлѣніи „въ высшей степени справедливо", такъ какъ недвижимая собственность—самая прочная основа обывательства; кроме того, владѣльцы этой собственности приносятъ городу наибольшій доходъ. Въ виду этого, крайне несправедливо дѣлить владѣльцевъ на сословные группы и однихъ допускать къ участію въ городскомъ управлѣніи, а другихъ неѣть.

Что касается до активнаго и пассивнаго ценза при избраніи гласныхъ, то онъ остался тѣмъ же, что и по Положенію 1846 года. Однако, въ проектахъ, составленныхъ комитетами, онъ былъ значительно повышенъ. Это повышеніе вызвало возраженіе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Многочисленность недостаточныхъ мѣщанъ и ремесленниковъ, говорилъ министръ, „должна бы, кажется, служить поводомъ не къ увеличенію, но скорѣе къ удержанію опредѣленнаго въ Петербургѣ ценза, ибо устраненіе столь большого числа гражданъ, несущихъ разныя повинности, отъ участія въ избраніи выборныхъ было бы въ отношеніи къ нимъ несправедливо". Государственный совѣтъ согласился съ доводами ministra, и цензъ былъ пониженъ.

Выборы были двухстепенные, какъ и въ Петербургѣ съ 1862 года, число же гласныхъ значительно уменьшилось; такъ, въ Москвѣ оно равнялось 175, т. е., по 35 на сословіе, въ Одессѣ же—75, т. е., по 25 на разрядъ. Затѣмъ, должность городского секретаря изъ должности по назначению превратилась въ должность по избранію (секретарь избирался общѣю думою и утверждался генералъ-губернаторомъ).

Собрания общей думы были разделены на двѣ категории: обыкновенные — въ Москвѣ или срочные — въ Одессѣ. Первые собирались въ определенные заранѣе сроки, причемъ въ Москвѣ они опредѣлялись самою думою, а въ Одессѣ были определены городовыми положеніемъ; вторые же созывались: въ Москвѣ: — „по распоряженію городского головы“, въ Одессѣ — „по желанію, изъявленному десятю гласными“. Во время засѣданій гласные засѣдали вмѣстѣ, такъ какъ общая дума не дѣлилась на отдѣленія. Что касается до распорядительной думы, то она являлась исключительно исполнительнымъ органомъ общей думы (приговоры послѣдней передавались первой „для надлежащаго съ ея стороны исполненія“). Московскій комитет мотивировалъ необходимость подобнаго постановленія тѣмъ соображеніемъ, что „было бы несообразно предоставлять распорядительной думѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ общею же думою, входить въ обсужденіе сущности состоявшихся въ сей послѣдней общественныхъ приговоровъ и давать или не давать на оные свое согласіе“. Самый составъ распорядительной думы нѣсколько видоизмѣнился, вслѣдствіе отсутствія изъ нея членовъ отъ короны¹⁾). Кромѣ того, была уничтожена та неравномѣрность представительства, которая существовала по Положенію 1846 г. Такъ, въ Москвѣ каждое сословіе избирало двухъ (т. е. поровну) членовъ распорядительной думы; тоже самое имѣло мѣсто и въ Одессѣ, где каждый разрядъ избиралъ трехъ членовъ.

Городской голова избирался изъ всѣхъ сословій или разрядовъ, а не изъ „старшихъ“ сословій, какъ по Положенію 1846 г.

¹⁾ Любопытны мотивы, выставленные московскимъ генераль-губернаторомъ въ своей объяснительной запискѣ, на основаніи которыхъ должность члена отъ короны должна была быть уничтожена. „Членъ отъ короны“ читаемъ въ запискѣ, „фактически становится какъ бы начальникомъ членовъ распорядительной думы, что должно подрывать довѣріе къ нимъ со стороны выбравшихъ ихъ сословій и ослаблять ихъ усердіе къ пользѣ общественной, которое растетъ только въ трудѣ самостоятельномъ“. „Члену отъ короны (продолжаетъ генераль-губернаторъ) не грозить, въ случаѣ упущеній или растратъ, кромѣ обыкновенной ответственности по суду, та нравственная ответственность, которой подвергается предъ обществомъ членъ, выбранный этимъ послѣднимъ, да и вообще высшіе интересы самого общества, которыми не можетъ не быть затронутъ членъ общества, чужды чиновнику“. На основаніи всего сказанного, авторъ записки приходитъ къ убѣждению, что участіе въ городской думѣ члена отъ короны „нельзя не признать совершенно излишнимъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ“.

Компетенція органовъ городского управления осталась прежняя, но степень ихъ власти нѣсколько повысилась. Такъ, только распорядительная дума, „находится въ непосредственномъ вѣдѣніи“ (въ Москвѣ) или „состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ“ (въ Одесѣ) мѣстнаго начальства. Но даже и она (въ Одесѣ) „возведена на равную съ губернскими мѣстами степень“, въ то время, какъ по Положенію 1846 г. распорядительная дума относилась къ разряду „низшихъ мѣстъ“. Затѣмъ, представители мѣстнаго начальства не предсѣдательствуютъ въ распорядительной думѣ, но за то къ нимъ посылаются „для подписанія“ журналы думы по тѣмъ дѣламъ, „кои восходятъ до разсмотрѣнія губернского начальства“.

Такимъ образомъ, городовая положенія Москвы и Одессы не представляютъ собою *вс* цѣломъ чего либо новаго. И то и другое были только примѣненіемъ или измѣненіемъ Положенія 1846 г., притомъ, какъ справедливо замѣтилъ Дитятинъ, измѣненія не коснулись самыхъ *началъ* городового строя; послѣднія остались неприкосновенными: оба новыхъ положенія въ сущности одинаково поются на началъ сословности, оба проникнуты началомъ правительственной опеки¹⁾.

Г. СЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Вплоть до Екатерины II законодательство игнорировало сельское управление и крестьяне попрежнему управлялись своими старостами, дѣйствовавшими на основаніи обычнаго права. Конечно, на сельское управление имѣли огромное влияніе воеводы и губернаторы, а также особые „правители“, назначавшіеся для управлѣнія тѣми или другими разрядами крестьянъ. Въ своихъ наказахъ и заявленіяхъ въ комиссіи 1767 г. крестьяне ходатайствовали объ уничтоженіи „правителей“ и о дарованіи имъ самоуправленія путемъ избранія изъ своей среды старостъ и судей. Екатерина II въ видѣ опыта даровала самоуправленіе крестьянамъ Екатеринославскаго намѣстничества. Послѣдніе, подобно дворянамъ и горожанамъ, составляли крестьянскіе общества (отъ 500 до 1000 дворовъ) съ правами юридическихъ лицъ, т. с. могли

¹⁾ Назв. соч., т. II, стр. 539.

путемъ добровольныхъ складокъ составлять свою казну, влѣдѣть недвижимымъ имуществомъ и т. п. Органомъ крестьянскаго общества являлся *сходъ*, избиравшій должностныхъ лицъ, представлявшій о своихъ нуждахъ губернатору и выслушивавшій предложенія послѣдняго. Представителемъ общества былъ старшина, наблюдавшій за сохраненіемъ спокойствія и управлявшій дѣлами общества, а также принимавшій извѣстныя мѣры, въ случаѣ эпидеміи, эпизоотіи, *Божаровъ* и т. п. Во главѣ каждой деревни, входившей въ составъ общества, находился *сельской староста*, обладавшій по преимуществу хозяйственными функциями; таѣтъ, онъ долженъ былъ заботиться объ удобреніи полей, объ исправномъ содержаніи скота и т. п. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ должны были быть сельскіе выборные для раскладки податей и *сборщики* для сбора послѣднихъ.

Узаконеніями Павла I среди государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ была введена *волостная организація*, а именно: каждая волость должна была заключать въ себѣ не болѣе трехъ тысячъ душъ и вмѣщала въ себѣ опредѣленное число деревень. Во главѣ волости находилось *волостное правленіе*, состоящее изъ волостного головы, старосты и писаря, избиравшихся на волостномъ сходѣ (голова на два года, остальные на годъ). Въ каждомъ селеніи избирались выборный *старшина* и десятскіе. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ были административно-судебныя, таѣтъ, они обнародовали законы и распоряженія правительства, принимали мѣры для обеспечения благочинія и безопасности, наблюдали за нравственностью, собирали подати, прекращали нищенство, заботились объ исправномъ состояніи мостовъ и дорогъ, пеклись о развитіи сельского хозяйства, творили судъ въ мелкихъ дѣлахъ и т. п.

Съ учрежденіемъ въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ, главнымъ назначеніемъ котораго являлось попечительство надъ государственными крестьянами, сельское управление было преобразовано, хотя волостная организація и осталась. Во главѣ волости попрежнему стояло *волостное правленіе*, но составъ его былъ иной, а именно: членами правленія считались волостной голова, засѣдатели и волостной писарь. Волостной голова избирался на три года волостнымъ сходомъ и утверждался въ должности управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Впрочемъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, голова могъ остаться въ должност-

сти и на неопределённое время, пока управляющей палатою не признавалъ нужнымъ избрать на его мѣсто другого. Мало того, министру государственныхъ имуществъ было предоставлено право назначать на должность головы „благонадежныхъ“ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и вахмистровъ. Такимъ образомъ выборное начало было сведено къ нулю. Засѣдатели также избирались волостнымъ сходомъ на три года и утверждались управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Напротивъ, писарь, стоявшій во главѣ канцеляріи волостного правленія, назначался окружнымъ начальникомъ, съ утвержденія управляющаго палатою. Волостное правленіе вѣдало массу всевозможныхъ дѣлъ какъ въ сфере общественной, такъ и въ сфере частной жизни крестьянъ. Такъ, оно заботилось „о водвореніи добрыхъ нравовъ“, направляло крестьянъ „къ благочестивой, беспорочной и трудолюбивой жизни“, принимало „мѣры предупрежденія противъ пороковъ“, наблюдало за неоставленiemъ крестьянами земель въ запустѣніи, а также за обработкою ихъ, какъ слѣдуетъ, вообще поощряло ихъ „къ производству земледѣлія, къ учрежденію садовъ и къ размноженію скота“. Наконецъ, на немъ лежали административно-судебныя функции.

Въ составъ волости входили отдѣльные селенія, органами которыхъ являлись сельскій сходъ и сельская выборная власть. Первый составлялся изъ послѣднихъ, а также изъ двухъ выборныхъ отъ каждыхъ десяти дворовъ. Сходъ созывался три раза въ годъ: въ Январѣ—для раскладки податей и повинностей и для постановки приговоровъ касательно недоимокъ, въ Апрѣлѣ или Маѣ—для распределенія полей и въ Сентябрѣ или Октябрѣ—для составленія приговоровъ касательно мірскихъ расходовъ. Что касается до сельского начальства, то оно состояло изъ сельского старшины, сельского старосты, нѣсколькоихъ сборщиковъ податей,смотрителя сельского запаснаго хлѣбного магазина и сельского писаря. Старшина избирался на три года сходомъ и утверждался управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ; впрочемъ, министръ пользовался правомъ назначать и на эту должность отставныхъ нижнихъ чиновъ вышеназванныхъ категорій. Сельский староста также избирался на три года сходомъ и утверждался управляющимъ палатою, но не иначе, какъ по представлению сельского старшины, волостного правленія и окружного начальника. Тѣмъ же порядкомъ избирались и утверждались въ должностяхъ сборщики податей и

смотрители запасныхъ магазиновъ. Наконецъ, сельскіе писаря назначались окружными начальниками съ утвержденія управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ идея правительственной опеки еще въ гораздо большей степени проникала собою законодательство о сельскомъ управлениі, чѣмъ законодательство о городскомъ управлениі, что, впрочемъ, и имѣлось въ виду при созданіи министерства государственныхъ имуществъ.

§ 4. Отрасли управления.

А. Полиція.

Въ XVIII столѣтіи Россія была въ полномъ смыслѣ этого слова полицейскимъ государствомъ (Polizeistaat), главнымъ образомъ, благодаря реформѣ Петра I, пересоздавшаго древнерусскій государственный и общественный бытъ по образцу западно-европейскихъ государствъ. Петръ дѣйствовалъ такимъ образомъ не только вслѣдствіе своего личнаго знакомства съ западно-европейскими порядками, ревностнымъ поклонникомъ которыхъ онъ былъ, но и въ силу господства въ то время такихъ политическихъ ученій, какъ теорія просвѣщенаго абсолютизма, допускавшая во имя общаго блага самою широкую регламентацию всѣхъ сторонъ жизни со стороны государственной власти. Такимъ образомъ, полицейское государство, какъ единственно возможная панацея противъ всякаго зла и какъ необходимое условіе всіческаго благосостоянія (духовнаго и материальнаго) господствовало въ то время и на практикѣ, и въ теорії. Послѣ реформы Россія вполнѣ приблизилась къ типу полицейского государства, въ силу чего у настѣ, какъ и на Западѣ, стало практиковаться самое широкое вмѣшательство правительства въ частную жизнь подданного. Такъ, указами воспрещалось ношеніе бородъ, указами предписывался особый покрой платья и опредѣлялось количество лошадей въ экипажахъ, указами же повелѣвалось употребленіе определенныхъ орудій для воздѣлыванія земли, материала для обуви и для постройки домовъ и т. п.

Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній было возложено отчасти на общеадминистративныя власти (губернаторы, воеводы, земскіе комиссары и магистраты), отчасти на специальная полицейская учрежденія. Уже Петръ

вполнѣ сознавалъ, что поліція имѣеть свое особливое со-
стояніе, являясь „душою гражданства и всѣхъ добрыхъ по-
рядковъ, а также фундаментальнымъ подпоромъ человѣческой
безопасности и удобности“, и поэтому должна отправляться
особыми должностными лицами. Однако, подобное сознаніе явилось не сразу, и вначалѣ поліцейскія функціи
были возложены на общеадминистративныя учрежденія. Такъ,
въ уѣздѣ поліцію вѣдали губернаторы и въ особенности во-
еводы и земскіе комиссары. По воеводскому наказу 1719 года
воевода долженъ былъ заботиться объ охранѣ правъ и безо-
пасности мѣстныхъ жителей, преслѣдовать гулящихъ людей
и нищихъ, наблюдать за поведеніемъ помѣщиковъ и за отно-
шеніемъ ихъ къ крестьянамъ, заботиться объ исправности
дорогъ, блюсти правильность мѣръ, вѣсовъ и монеты и ока-
зывать всяческое содѣйствіе развитію мѣстной торговли и
промышленности. Эти функціи воевода раздѣлялись земскими
коммисарами, которые, на основаніи данной имъ инструк-
ціи (также въ 1719 году), должны были, между прочимъ,
наблюдать за исправностью и безопасностью путей сообще-
нія и постоянныхъ дворовъ, преслѣдовать бѣглыхъ и разбой-
никовъ и заботиться о нравственности и религиозности обыч-
вателей („чтобы подданные при всѣхъ случаяхъ къ страху Божію
и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справед-
ливости ко всѣмъ людямъ и къ подданнѣйшей вѣрности его
императорскаго величества обучены и наставливаны были“).
Высший надзоръ за дѣятельностью воеводъ и коммисаровъ,
какъ сказано было, принадлежалъ губернаторамъ. Въ горо-
дахъ поліцейскія функціи входили въ составъ компетенціи
магистратовъ, такъ, Главный магистратъ, согласно своему
регламенту, долженъ былъ, „во всѣхъ городахъ добрую по-
лицію учредить“ и, кроме того, „ежели усмотритъ что по-
лезное ко установленію поліціи или добрыхъ гражданскихъ
порядковъ къ поправленію, и о томъ... надлежитъ новые уставы
сочинить“. Мы уже говорили, что вышло на практикѣ изъ
этихъ предписаній регламента Главному магистрату (см. выше).

Первоначально поліція, какъ особая отрасль управле-
нія, для завѣдыванія которой необходимы специальные орга-
ны, учреждается въ Петербургѣ на основаніи указа 1718 го-
да. Согласно съ нимъ, во главѣ петербургской поліціи по-
ставленъ генераль-поліцеймейстеръ, при которомъ имѣется
особая канцелярія; низшими органами, попрежнему, продолжаютъ быть старосты — для цѣлой улицы и десятскіе — для

десяти домовъ, избираемые торгово-промышленнымъ классомъ изъ своей среды. Четыре года спустя, по примѣру Петербурга, учреждается должность оберъ-полицеймейстера въ Москвѣ и полицеймейстеровъ въ остальныхъ городахъ (впрочемъ, послѣдніе далеко не вездѣ были учреждены). Особенность этой реформы заключалась въ томъ, что петербургскій генераль-полицеймейстеръ являлся не только мѣстною должностю, но былъ поставленъ во главѣ всей полиціи въ Россіи, что, между прочимъ, видно изъ факта „депенденці“ отъ него московскаго оберъ-полицеймейстера. Функции послѣднихъ опредѣляются въ ихъ инструкціяхъ и заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, на нихъ возложены извѣстныя обязанности въ области строительной полиції; такъ, они должны были „смотрѣть, дабы все строеніе регулярно построено... печи, камели и трубы печныя были-бѣ по указу... чтобы улицы и переулки были ровны и изрядны, и никакое бы строеніе за линію или изъ линіи не строилось“. Въ московской инструкціи весьма подробно говорится о городскихъ постройкахъ каменныхъ и деревянныхъ, причемъ тѣ или другія допускаются лишь въ извѣстныхъ частяхъ города; затѣмъ опредѣляется характеръ постройки домовъ и предписывается крыть ихъ непремѣнно гонтомъ или черепицею и „буде можно... смыкать въ одну стѣну, для чего при постройкѣ зданій, не имѣющихъ съ обѣихъ сторонъ сосѣдей, въ наружныхъ стѣнахъ оставлять, выставляя изъ стѣнъ кирпичи впередъ до смычки, дабы сосѣди къ стѣнамъ примкнуть стѣну своихъ палатъ свободно могли“; на конецъ, подробно описывается способъ устройства печей, причемъ опредѣляется размѣръ печныхъ трубъ и воспрещается строить курные избы. Кроме строительной полиціи, полицеймейстерамъ принадлежали извѣстныя функции и въ области санитарной полиціи, такъ, они должны были „смотрѣть, чтобы улицы, переулки, рынки, ряды и мосты въ чистотѣ содержались“, „а наипаче хранить, чтобы берега рѣки и протоковъ были крѣпко укреплены и чтобы на рѣку зимою соръ не возили, а лѣтомъ не бросали, также протоки и каналы соромъ не засыпали“, въ особенности же инструкція обращала вниманіе на то, „чтобъ отнюдь нездорового какого харчу не продавалось“. На конецъ, на полицеймейстеровъ были возложены обязанности и въ области полиціи нравовъ, такъ, они должны были заявлять о всѣхъ „подозрительныхъ домахъ, шинкахъ, картечной игрѣ и другихъ похабствахъ... и все велѣть досматривать, дабы всѣ

таковыя мерзости, отчего всякое зло и лихо происходит, были ниспровергнуты"; въ московской инструкціи предписывается еще „ловить винныхъ бабъ и дѣвоекъ... и отдавать на прядильные дворы и къ прочимъ мануфактурнымъ дѣламъ“.

Послѣ смерти Петра, какъ извѣстно, во всѣхъ городахъ, кроме столицъ, были снова введены воеводы, но „подъ надзоромъ губернаторовъ“, причемъ полицейскія функціи оказались переданными имъ. Однако, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты, воеводы въ роли полицейской должности оказались вполнѣ несостоятельными, и русскіе города въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ смыслѣ безопасности и благосостоянія находились въ невозможныхъ условіяхъ. Покойный Дитятинъ собралъ не мало фактovъ, иллюстрирующихъ это положеніе¹⁾. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, сама императрица Анна Иоанновна должна была констатировать, что даже въ Петербургѣ „по улицамъ мертвечина вальается“ и во множествѣ встречаются „нищіе престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія“; въ Москвѣ же, какъ это видно изъ одного доклада генераль-прокурора отъ 1752 года, въ Китай-городѣ пустыя лавки въ иконномъ ряду оказались заваленными навозомъ и грязью, которые свозились туда съ улицъ, причемъ эти импровизированные склады нечистотъ издавали удушающее зловоніе. Мало того, даже въ самомъ Кремльѣ площадь передъ коллегіями была затоплена невылазною грязью, а площадки у входовъ въ соборы цѣлыми горами щепокъ, кирпичей и другого мусора. Если въ такомъ положеніи находились столицы, то можно себѣ представить, что было въ провинціи. И действительно, въ Астрахани, напримѣръ, по словамъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, повсюду распространѣнъ „самый вредный и язвительный смрадъ отъ несоблюденія чистоты“; въ другихъ городахъ разбои происходятъ даже днемъ, причемъ разбойники нападаютъ правильно организованными шайками. Самъ Сенатъ долженъ былъ констатировать въ одномъ изъ донесеній императрицы Елизаветѣ Петровнѣ, что, „полиція имѣть весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣніе и что все, порученное ей, опущено“, такъ, „караулы содержатся весьма слабо, и во многихъ мѣстахъ происходятъ воровство и драка; въ жильѣ стрѣляютъ изъ ружей, и чистоты почти никакой нѣть“. Въ виду подобнаго положенія вещей, вопросъ

¹⁾ См. Устройство и управление городовъ въ Россіи, т. I.

объ организації специальной полиції постоянно озабочивалъ правительство въ XVIII столѣтіи, и оно рядомъ многочисленныхъ указовъ то создавало, то упраздняло разныя полицейскія должности, пока, наконецъ, при Екатеринѣ II этотъ вопросъ не получилъ своего окончательнаго решенія.

Еще въ Наказѣ Екатерины II посвятила цѣлую главу „благочинію, называемому иначе полиціею“ (XXI). Подъ нею (говорить императрица) часто понимаютъ вообще порядокъ въ государствѣ. Но это неправильно, такъ какъ полиція есть такого рода „установленіе, попеченію котораго все то принадлежитъ, что служить къ сохраненію благочинія въ обществѣ“. Въ виду же того, что полиція (какъ думаетъ императрица) приходится быть постоянно занятой подобностями и мелочами, и, кроме того, дѣйствія ея должны быть скоры, то она должна руководствоваться не столько законами, сколько уставами, т. е., административными распоряженіями. Вотъ почему Наказъ, говоря о полицейскихъ правонарушеніяхъ, называетъ ихъ „нарушеніями установленнаго благочинія“, противополагая „великимъ нарушеніямъ закона“, т. е., преступленіямъ. Полиція дѣлится по Наказу на два вида: на полицію городскую и на полицію земскую, но въ чёмъ выражается ихъ различие, объ этомъ Наказъ умалчиваетъ. Функции полиції состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ недозволеніи ничего такого, что можетъ служить нарушеніемъ порядка отправленія богослуженія и совершеннія всякихъ церковныхъ обрядовъ; 2) въ охраненіи цѣломудрія нравовъ, вслѣдствіе чего полиція должна принимать мѣры къ стѣсненію роскоши, къ уничтоженію пьянства, єѣ пресѣченію запрещенныхъ игръ и разврата и т. п.; 3) въ принятіи санитарныхъ мѣръ, состоящихъ въ сохраненіи безвредности воздуха, въ надзорѣ за чистотою улицъ, рѣкъ и т. п., въ надзорѣ за качествомъ съѣстныхъ припасовъ и, наконецъ, въ борьбѣ съ болѣзнями; 4) въ наблюденіи за хорошимъ состояніемъ хлѣбовъ, скота, луговъ для пастбищъ, рыбныхъ ловель и т. п.; 5) въ предупрежденіи опасностей со стороны зданій, въ надзорѣ за архитекторами и рабочими, „отъ которыхъ твердость зданій зависитъ“, въ хорошемъ содержаніи мостовыхъ, въ украшении городовъ, въ охранѣ свободного прохода и проѣзда по улицамъ и т. п.; 6) въ принятіи мѣръ, охраняющихъ народное спокойствіе, а именно: въ предупрежденіи пожаровъ, въ борьбѣ съ бродягами и беспаспортными, въ запрещеніи ношенія оружія, въ недозволеніи сходбищъ и собраній, равно

какъ разноски и распространеніи возмутительныхъ прокламаций и поносительныхъ писемъ; 7) въ установлениі правильныхъ вѣсовъ и мѣръ; 8) въ надзорѣ за слугами и рабочими и 9) въ борьбѣ съ нищенствомъ. Изъ изложенія фундаментальной полиції слѣдуетъ (говорить Наказъ), что „тамъ, где предѣлы власти policeйской кончаются, начинается власть гражданскаго правосудія, напримѣръ, полиція беретъ подъ стражу преступника, она дѣлаетъ ему допросъ, однако, производство дѣла его передаетъ тому судебному мѣсту, къ которому оно принадлежитъ“. „Полиція не можетъ налагать тяжкихъ наказаній; довольно для обузданія особъ и содержанія въ порядкѣ дѣлъ, ей порученныхъ, чтобы ея наказанія состояли въ исправленіяхъ, пенияхъ денежныхъ и другихъ наказаніяхъ, наносящихъ стыдъ и поношеніе на поступающихъ худо и безчинно и удерживающихъ въ почтеніи сию часть правительства и въ повиновеніи оному всѣхъ прочихъ гражданъ“.

Для достиженія этихъ цѣлей Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года и Уставомъ благочинія 1782 года были созданы особыя policeйскія должности, существовавшія до послѣдняго времени. Въ уѣздѣ policeйскія функции перешли къ нижнему земскому суду и къ капитану-исправнику, подъ надзоромъ губернатора и губернскаго правленія, въ городахъ — къ городничему и (съ 1782 года) въ управѣ благочинія (въ столицахъ вместо городничихъ были оберъ-policeймейстеры и въ городахъ съ гарнизонами — коменданты). Учрежденіе о губерніяхъ только въ общихъ чертахъ опредѣляетъ функции полиції. Такъ, она должна заботиться о безопастности города и о хорошемъ состояніи послѣдняго въ санитарномъ отношеніи, равно какъ о „прокормленіи нищихъ и убогихъ“, „смотрѣть и имѣть попеченіе надъ казенными заведеніями“, наблюдать за мѣрами и вѣсами и блости „добронравіе и порядокъ“ и вообще смотрѣть за тѣмъ, чтобы „предписанное законами полезное исполняемо и сохраняемо было“. Съ этой цѣлью, напримѣръ, городничій „долженствуетъ поощрять обывателей не только ко всякому роду дозволеннаго трудолюбія, руководствуя и промысла, но и вообще всѣхъ людей, въ городахъ живущихъ, къ добронравію, человѣколюбію и порядочному житію“.

Уставомъ благочинія 1782 года при policeймейстерѣ и городничему былъ созданъ особый органъ — управа благочинія, составъ которой отчасти являлся чиновнымъ, отчасти выборнымъ. Чиновный элементъ представлялся policeймей-

стеромъ или городничимъ и двумя приставами—уголовныхъ и гражданскихъ дѣль, выборный—двумя ратманами, избиравшимися городскимъ собраніемъ. Затѣмъ городъ дѣлился на части и кварталы, во главѣ которыхъ были поставлены частные пристава, квартальные надзиратели и квартальные поручики (послѣдніе избирались горожанами изъ своей среды, причемъ управа благочинія старшихъ изъ нихъ назначала квартальными надзирателями). Для руководства въ своей дѣятельности, управа получила особый наказъ, содержащий въ себѣ не мало нравственныхъ сенсаций, выраженныхъ въ афоризмахъ въ родѣ слѣдующихъ: „не чини ближнему, чего самъ терпѣть не можешьъ“, „дай хлѣба не имѣющему“, „напой жаждущаго“, „протяни руку помощи падающему“, „блаженъ, кто и скотъ милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего споткнется, подъими ее“ и т. п. Согласно наказу, на управу возлагались слѣдующія обязанности. Прежде всего, она должна была заботиться о благоустройствѣ и благообразіи города. Такъ, ей предписывалось имѣть нѣсколько подрядчиковъ для мщенія и чистки улицъ и мостовъ, а также для свозки изъ города нечистотъ, равно какъ для содержанія и зажиганія фонарей. Кромѣ того, она, черезъ квартальныхъ надзирателей, должна была „имѣть попеченіе о возстановленіи строеній падающихъ или опасныхъ... равно стараться о выстройкѣ пустопорожнихъ мѣстъ въ улицахъ“. Затѣмъ, ей приналежали извѣстныя функции въ области полиціи нравовъ. Такъ, она должна была „имѣть попеченіе, чтобы вся и всякий оставался въ законопредписанномъ порядке, чтобы молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ, и чтобы слуги и служанки повиновались хозяевамъ и хозяйкамъ во всякому добрѣ“. Затѣмъ, на управу возлагалось „бденіе, дабы всяко къ церкви Божіей почтителенъ быль... и пребывалъ въ ней во время службы со страхомъ въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякому почтеніи“. Наконецъ, управа должна была „не дозволять въ городѣ гражданину учинять новизну въ томъ, на что узаконеніе есть; всякую же новизну, узаконенію противную, пресѣкать въ самомъ началѣ“. Кромѣ того, она надзирала за обществами, товариществами, лотереями, „общественными играми и забавами“, театральными представленіями и т. п. Одновременно съ этимъ, управа должна была вести борьбу съ расколомъ и наблюдать за семейными отношеніями. Въ виду подобныхъ функций, уставъ предъявляетъ извѣстныя требования къ членамъ полиціи, а именно, послѣдніе

обязательно должны обладать следующими качествами и добродѣтелями: „здравымъ разсудкомъ, человѣколюбiemъ, усердiemъ къ общему доброму, честностью, безкорыстiemъ, беспорочностью поведенія, доброхотствомъ къ людямъ и прилежаниемъ къ должности“.

7/10
37

При Александрѣ I (въ 1810 г.) было учреждено особое министерство полиції, вѣдавшее, въ качествѣ центральнаго учрежденія, полицію во всемъ государствѣ. Фундаментъ его были двухъ категорій, а именно: дѣла полиції, „предохранительной“ и исполнительной, напр., сборъ недоимокъ, приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, организація внутренней стражи и т. п. Впослѣдствіи (въ 1819 г.) это министерство вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, черезъ посредство департамента полиції исполнительной, стало центральнымъ учрежденіемъ въ полицейскомъ отношеніи. При Николаѣ I былъ изданъ законъ 3 Іюля 1837 года, касающійся уѣздной полиції, преобразовавшій составъ земскаго суда и учредившій особую должностъ становыхъ приставовъ. Земской судъ, называвшійся теперь безъ эпитета — нижній, состоялъ по закону 1837 г. изъ исправника (предсѣдателя), одного непремѣннаго засѣдателя и двухъ сельскихъ. Первые попрежнему избирались дворянами, послѣдніе крестьянами. Дѣла въ немъ рѣшались словесно и письменно, причемъ для большинства дѣлъ былъ сохраненъ коллегіальный порядокъ, но зато въ некоторыхъ случаяхъ исправникъ получилъ право дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Затѣмъ, уѣздъ дѣлился на станы, во главѣ которыхъ были поставлены становые пристава. Они считались членами земскаго суда, но обязаны были жить въ своихъ станахъ. Дворянство получило право представлять начальнику губерніи списки дворянъ, достойныхъ занять эту должностъ, но губернаторъ, при назначеніи пристава, могъ и не руководствоваться этими списками. Кроме становыхъ приставовъ, законъ 1837 года учредилъ также и низшія полицейскія должностія сотскихъ и десятскихъ, избиравшіхся государственными и удѣльными крестьянами¹⁾. Излож-

1) Вопросомъ о реорганизаціи уѣздныхъ учрежденій не мало занимался и комитетъ 6-го Дек. 1826 г. Въ него было внесено нѣсколько проектовъ уѣзданого управлениія (напр., Балашова, Балугьянскаго, Сперанскаго и др.). Разсмотрѣвъ ихъ, комитетъ выказался за учрежденіе особой уѣздной управы, раздѣленной на три отдѣленія и состоящей изъ уѣзданого исправника, названного впослѣдствіи правителемъ уѣзда, и 6-ти засѣдателей, по два въ каждомъ отдѣленіи.

жениое устройство полицейскихъ учрежденій существовало вплоть до 60 годовъ, когда былъ изданъ цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, опредѣляющихъ организацію полицейскихъ учрежденій и теперь.

Б. Финансы.

Источникомъ доходовъ въ изучаемомъ періодѣ были налоги, пошлины и регаліи. Кромѣ того, известный доходъ получался и съ государственныхъ имуществъ. До введенія подушной подати, основнымъ налогомъ являлась подворная подать, установленная еще въ 1679 году на смѣну досошной и унаследованной XVIII столѣтіемъ. Хотя единицей обложения при этой подати являлся дворъ, но на практикѣ, какъ и въ Московскомъ государствѣ, она распредѣлялась „по животамъ и промысламъ“. Этой модификаціи подати въ платежѣ, пропорциональный имущественной состоятельности каждого плательщика не препятствовало законодательство; напротивъ, оно даже стремилось къ равномѣрному распределенію ея между населеніемъ, какъ это видно изъ регламента Камеръ-коллегіи. Послѣдній предписываетъ, чтобы „всѣ окладные земскія подати зѣло крѣпко, по состоянію натуры и обстоятельству провинцій, какъ могутъ придать, и по цѣнѣ почевыхъ плодовъ и прочихъ товаровъ, и по другимъ потребнымъ резонамъ и обрѣтающимся обстоятельствамъ определены были, чтобы межъ великими и нижними, убогими и богатыми по пропорціи надлежащее равенство, и никто бѣ отъ надлежащаго болѣе другого уволенъ или отягченъ не былъ“.

Въ виду разстройства финансъ и необходимости сдержать армію, вызванныхъ шведской войной, Петръ I рѣшилъ приступить къ реформамъ въ области налоговъ. Этотъ вопросъ, видимо, долго обсуждался прежде, чѣмъ былъ выполненъ на практикѣ. До настѣ дошло нѣсколько финансовыхъ проектовъ, представленныхъ Петру, въ которыхъ авторы ихъ доказывали необходимость положить въ основу всей финансовой системы „поголовщину“, т. е., создать новую единицу

Составъ управы избирался дворянствомъ. Однако, предположеніе комитета не получили силы закона (см. т. LXXIV Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 277, а также Анутина, назв. соч., стр. 122).

обложениј въ видѣ души. Такъ, уже въ 1714 г. оберъ-фискалъ Несторовъ въ своемъ доношениј Петру высказался за введеніе особаго „уравнительного платежа“, которымъ „всѣ будутъ довольны и платить станутъ безъ доимокъ“. Мало того, онъ указалъ даже тотъ путь, по которому позднѣе пошло правительство при опредѣленіи цифры подушнаго оклада, а именно: сосчитать „наличныхъ людей всѣхъ губерній“, вычислить общую сумму собиравшихся до того прямыхъ по-датей и „росписать, по чему изъ того окладу достанется по расположению на всякаго человѣка числомъ онаго платежу“. Затѣмъ вотъ что читаемъ въ другомъ проектѣ („Новый проектъ расположения собранія казны денежной“): необходимо „послать вѣрныхъ описчиковъ по провинціямъ всей имперіи и велѣть описать всѣхъ жителей, не утая ниже единой души... и положа по полтинѣ на всякую душу даны государевой на годъ“. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что подобная „дань“ должна взиматься только съ одного „подлаго“ народа, а не со „шляхетства, гражданства и духовнаго чина“. Точно также и третій проектъ (Филиппова) высказывается за необходимость „дворами не писать, а написать крестьянство въ крестьянски дворы счисленiemъ мужеска и женска пола людей, поскольку семей во дворѣ, и оттого никому обиды и тягости излишней не будетъ, а будетъ всѣмъ равность“. Наконецъ, и въ четвертомъ проектѣ (неизвѣстнаго автора) предлагаются обложить все населеніе поголовно сборомъ въ размѣрѣ 75 копѣекъ съ души въ годъ¹⁾). Идея, положенная въ основу всѣхъ этихъ проектовъ, получила осуществленіе въ 1718 году. А именно Петръ, воспользовавшись пребываніемъ въ Финляндіи Романа Брюса (брата извѣстнаго Якова), поручилъ ему „освѣдомиться, съ коликаго числа мужиковъ у шведовъ былъ солдатъ, и по чему положено было на дворъ, или на гакъ, или поголовщину и какимъ образомъ оныхъ и ихъ офицеровъ держали на квартирахъ“. Брюсъ исполнилъ порученіе государя и доставилъ ему записку о содерганиі арміи въ Финляндіи. Тогда, не рѣшаясь самъ высказаться за введеніе подушной подати, государь предписалъ Сенату разъяснить вопросъ, „сколькихъ душъ или дворовъ (что удобнѣе) будетъ солдатъ, драгунъ и офицеръ? Сенатъ, по всей

1) Милковъ, Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 556—562; Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 106.

въроятности, высказался за введение подушной подати, почему государь и рѣшилъ взимать новый налогъ не съ дворовъ, но „съ работныхъ персонъ“¹⁾. Въ виду этого указомъ 26 Января 1718 года было предписано произвести перепись всего населенія. „Взять сказки у всѣхъ“, гласитъ указъ, „сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужеска пола, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ“. Во исполненіе этого указа, Сенатъ предписалъ въ 1719 году переписать крестьянъ, бобылей, дворовыхъ людей и однодворцевъ, а въ 1722 году посадскихъ. Однако, въ виду того, что во время переписи происходила утайка душъ, правительство предписало въ 1721 году губернаторамъ и воеводамъ произвести ревизію переписи (съ этого года и самая перепись получила название ревизіи). Переписавъ населеніе, государь пожелалъ опредѣлить количество налога съ души. Съ этою цѣлью онъ предписалъ привести въ извѣстность, „со сколькихъ работныхъ персонъ можетъ содержаніе быть одинъ человѣкъ пѣшій со всѣмъ, что къ нему принадлежитъ, въ годъ, также конный, лошади, палатки, телѣги и проч.“. По произведеному разсчету оказалось, что содержаніе одного кавалериста обходится правительству въ 40 рублей 50 копѣекъ, а пѣхотинца — въ 28 рублей 52 копѣйки въ годъ, общій же расходъ на армію не превышаетъ 4-хъ миллионовъ. Раздѣливъ это число на число душъ (5,000,000), мы получимъ частное — 80 копѣекъ на душу. Впрочемъ, уже въ 1724 году размѣръ подати былъ пониженнъ до 74 копѣекъ. При Екатеринѣ I онъ уже равнялся 70 копѣйкамъ, при Елизавете Петровнѣ — 64 копѣйкамъ, а при Екатеринѣ II — 60 копѣйкамъ. Посадскіе же платили по 40 алтынъ (указъ 1722 года). Самый предметъ уплаты былъ опредѣленъ при Екатеринѣ I, а именно: императрица разрешила вносить подать не только деньгами, но и натурою, „по разсужденію провинцій, по хлѣбному уроду, и по способности къ магазинамъ, понеже крестьяне ничемъ такъ не скучны, какъ для платежа подушныхъ денегъ многіе принуждены хлѣбъ продавать за половину цѣны“. Подобный способъ уплаты просуществовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вплоть до конца царствованія Екатерины II²⁾. Что

¹⁾ Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 108.

²⁾ Графъ Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи, стр. 40-41; Ключевскій, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Русская Мысль 1886 г., кн. V).

касается до способовъ взиманія, то при Петрѣ, какъ известно, были созданы особы должности земскихъ камерировъ и комиссаровъ, на обязанности которыхъ и лежало взиманіе податей. Однако, въ виду того, что подушная подать была установлена на содержаніе арміи, то къ названному дѣлу были привлечены и полковые комиссары, получавшіе подушные деньги непосредственно съ населенія и передававшіе ихъ мѣстному военному начальству. Съ Екатерины I, по уничтоженію указанныхъ должностей, подушная подать взималась крестьянскими старостами и десятскими, а съ Петра III помѣщиками (съ крѣпостныхъ крестьянъ). Уже при Екатеринѣ I былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи подушной подати. Для этой цѣли была даже организована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына (въ 1727 г.), которой императрица предписала обратить вниманіе на то, „почему впрѣдь съ крестьянъ какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною, съ душъ такъ, какъ нынѣ, или, по примѣру другихъ государствъ, съ однихъ работниковъ, кромѣ старыхъ и малолѣтнихъ, или тотъ платежъ съ дворового числа, или съ тяголъ, или съ земли положить“. Такимъ образомъ, комиссіи было предоставлено право совершенно преобразовать характеръ подушной подати и даже измѣнить ее новымъ налогомъ съ иною единицею обложения. Результатъ дѣятельности комиссіи намъ неизвѣстенъ; вѣрнѣе всего предположеніе, что его совсѣмъ не было. При Екатеринѣ II отъ подушной подати были освобождены купцы (въ 1775 г.), для которыхъ она была замѣнена уплатою одного процента съ объявленного ими капитала. Окончательное уничтоженіе подати произошло только въ царствованіе Александра III.

Вторымъ источникомъ доходовъ являлись пошлины, которыхъ было довольно много. Такъ, существовала вѣсчая пошлина или вѣсчее, взимавшаяся съ продажи вѣсчихъ товаровъ, причемъ она вычислялась съ рубля. Впрочемъ, иногда пошлина бралась и съ самого вѣса. Слѣдующая пошлина была дрягильская, падшай въ пользу лицъ, находившихся при вѣсахъ, такъ называемыхъ, дрягилей. При Петрѣ (въ 1698 г.) отъ уплаты этой пошлины были освобождены лица, вѣсившія товары своими людьми. Затѣмъ существовало нѣсколько пошлинъ, взимавшихся при продажѣ лошадей. Къ ихъ категоріи относились: пятенное, уплачиваемое съ пятнашти продаваемыхъ лошадей какъ покупщикомъ, такъ и продавцемъ (при Петрѣ эта пошлина давала около 20 тысячъ

дохода), писчее—съ записи образца пятна и масти прода-
ваемой лошади и половное—со вручением пятенщикомъ, т. е.,
особымъ должностнымъ лицомъ, производящимъ пятнаніе,
проданной лошади покупателю, причемъ эта пошлина бра-
лась только съ послѣдняго. Не мало было также и дорож-
ныхъ пошлинъ. Среди нихъ главную роль игралъ мытъ, взи-
мавшійся съ привозимыхъ товаровъ, съ возовъ, съ судовъ, съ
проехавшихъ и проходившихъ людей, съ прогоняемаго скота
и т. п., причемъ какъ по сухому шути, такъ и водою.
Эта пошлина, доставляя большія выгоды казнѣ, крайне стѣ-
сняла торговлю, на что неоднократно жаловались купцы. Кро-
мѣ мыта, существовали еще слѣдующія пошлины: перевозъ,
уплачивавшійся съ людей, съ товаровъ и со скота, перево-
зимыхъ съ одного берега на другой на паромахъ или на
лодкахъ (при Петрѣ эта пошлина доставляла казнѣ до 8,000
рубл.), мостовщина, т. е., пошлина за проѣздъ чрезъ мосты,
и др. Большинство названныхъ пошлинъ было уничтожено
при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1753 г., по инициативѣ графа
Петра Ив. Шувалова. Послѣдній въ 1752 г. представилъ
Сенату проектъ уничтоженія этихъ пошлинъ и замѣни дос-
тавляемаго ими дохода увеличеніемъ пошлинъ съ привози-
мыхъ товаровъ изъ-за границы, получившій санкцію со сто-
роны императрицы въ 1753 г.

Послѣднюю категорію пошлинъ представляли таможенные
пошлины съ заграничныхъ товаровъ. Какъ извѣстно, торговля
съ иностранцами получила настоящее свое развитіе лишь при
Петрѣ, причемъ государь всѣми, зависящими отъ него, мѣрами
старался поощрять это развитіе. До насъ дошелъ любопыт-
ный указъ Коммерцъ-коллегіи (1724 г.), въ которомъ госу-
дарь говорилъ: „понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни
во что сами не пойдутъ, ежели не приневолины будутъ, то-
го ради Коммерцъ-коллегія для сей новости (рѣчь шла объ
учрежденіи частной компаніи для торговли съ Испаніей) ди-
рекцію надѣть симъ и управление должна имѣть, какъ матер
надѣть дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придется“. Въ
другомъ указѣ государь писалъ, что „надлежить умножать
свои коммерціи, которыя великую прибыль принести могутъ“. Но,
поощряя торговлю съ иностранцами, Петръ не думалъ
объ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ. Напротивъ, при
немъ, вслѣдствіе возникновенія въ Россіи мануфактурной
промышленности, явилась необходимость охраненія ея отъ
конкуренціи западно-европейскихъ фабrikаторовъ, достигшихъ

уже известного совершенства. Съ этою цѣлью съ Петра вводится система покровительственныхъ пошлинъ, т. е., на такие иностранные продукты, для выдѣлки которыхъ были основаны въ Россіи фабрики и заводы, напр., на бумажная и шерстяная матеріи, на разныя выдѣланныя вещи, какъ то: ножи, вилки, иглы, гвозди, башмаки и т. п. Что эти пошлины имѣли характеръ покровительственныхъ, явствуетъ изъ того, что произведенія, не выдѣливавшіяся на русскихъ фабрикахъ, были освобождены отъ пошлинъ¹⁾. Съ теченіемъ времени размѣръ послѣднихъ постоянно увеличивался, въ особенности это имѣло мѣсто въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II. Что касается до управлениія таможенными пошлинами, то оно было двухъ родовъ: казенное и откупное. Съ Петра I и до Екатерины II правительство предпочитало систему откупного управлениія, „понеже никакие сборы не приличествуютъ быть толико на откупъ, какъ таможенные“. При Екатеринѣ II откупъ былъ уничтоженъ, и управлениіе таможенными сборами перешло непосредственно въ казну.

Третьимъ источникомъ доходовъ являлись *регаліи*. Среди нихъ первую роль, безспорно, играла питейная регалія, унаследованная еще отъ временъ Московскаго государства. Вплоть до царствованія Елизаветы Петровны у насъ существовало казенное управлениe питейной регаліей, установленное еще указомъ 18 Іюля 1681 г. Казна, пользовавшаяся питейной регаліей, обыкновенно проявляла свою дѣятельность при двухъ операцияхъ — при приготовленіи и при продажѣ вина. Первая производилась въ мѣстахъ, наиболѣе плодородныхъ, причемъ въ случаѣ неурожая въ однѣхъ губерніяхъ, хлѣбъ поставлялся на винокуреніе изъ другихъ. Вообще, когда, появлялась нужда въ запасахъ, употребляемыхъ на производство вина, то винокуреніе временно запрещалось въ разныхъ мѣстностяхъ. Вино для государственныхъ кабаковъ или приготавлялось на казенныхъ винокурняхъ, или поставлялось по подряду частными лицами. При Петре казенное винокуреніе было очень распространено, причемъ многіе частные заводы государь предписалъ уничтожить или обратить въ казенные, причемъ, „управителей къ нимъ опредѣлить людей добрыхъ и вѣрныхъ, которые бы не только во всемъ томъ исправные счеты чинить и показывать могли, но и способы сыскивали,

¹⁾ Графъ Толстой, назв. соч., стр. 112.

чрезъ что можетъ дешевле и казнѣ прибыльнѣе сдѣланыи на такихъ заводахъ и промыслахъ казенные товары и куреніе вина становиться". Что касается до подряда на поставку, то онъ могъ выражаться или въ формѣ поставки однихъ материаловъ, нужныхъ для винокуренія, напр., хлѣба, хмѣля и самого вина, причемъ въ послѣднемъ случаѣ подрядчикъ уплачивалъ пошлину, которая должнаствовала бы быть взята съ количества употребленнаго имъ на винокуреніе хлѣба, если-бы онъ поступилъ въ продажу. Продажа вина, по справедливому замѣчанію графа Толстого, есть тотъ актъ дѣятельности правительства по управлению питейною регаліею, при которомъ оно получаетъ свои доходы опредѣленіемъ цѣны вину¹⁾. Въ виду полученія наибольшаго дохода, вино продавалось гораздо дороже его поставки и приготовленія, причемъ въ разныхъ мѣстахъ цѣна вина была различна. На это жаловался еще Просопковъ, говоря, что „вину имя одно, а цѣною продаются разною, и каждый городъ особымъ цѣнамъ имѣеть; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство“.

Вино обязательно продавалось на наличные деньги, причемъ платить за него не деньгами, а другими предметами было запрещено. Продавали вино особые цѣловальники и (съ 1699 г.) бурмистры (впрочемъ, скоро уничтоженные), избиравшіеся членами торгово-промышленнаго класса изъ зажиточныхъ („лучшие и прожиточные“), хорошаго поведенія („добрь, которые душою прямы, а не воры и не бражники“), знающихъ дѣло („чтобъ кабадкій сборъ былъ имъ за обычай“) и грамотныхъ людей. Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили о тяжести этой повинности и о просьбѣ городскихъ наказовъ, поданныхъ въ законодательную комиссию 1767 г., объ освобожденіи отъ нея купечества. На обязанности цѣловальниковъ было, по продажѣ вина, полученные деньги немедленно класть въ особые запечатанныя ящики, а „мимо ящиковъ въ мешки и карманы, и подъ блуда, и подъ ставцы никуда не класть“. Въ особенности регламентируютъ дѣятельность цѣловальниковъ, сплошь да рядомъ до мельчайшихъ деталей, петровскіе указы. Такъ, въ указѣ 30 Августа 1698 г. мы читаемъ: „ящики всѣ осматривать, чтобы у нихъ какъ за печатью крышки не отодвигались и деньги изъ нихъ не вы-

¹⁾ Графъ Толстой, назв. соч., стр. 157.

сынались, и дырь бы у ящиковъ цѣловальники для воровства не прибавливали". Относясь, вообще, крайне недовѣрчиво къ дѣятельности цѣловальниковъ, Петръ указомъ 1696 г. разрѣшилъ покупщикамъ самимъ мѣрить покупаемое ими вино, чтобы впредь купцамъ для покупки питетъ приходить было повадно и оттого въ сборѣ денежной казны чинилось пополненіе". Ежегодно, соразмѣрно со сборами въ прошедшие годы, опредѣлялся размѣръ сбора съ каждого питейнаго дома или, какъ тогда говорилось, съ кружечнаго двора, причемъ недоборъ доправлялся съ цѣловальниковъ, а при ихъ несостоятельности, съ ихъ избирателей. Мало того, правительство даже требовало, чтобы цѣловальники собирали больше противъ прежнихъ годовъ. Но заботясь, съ одной стороны, объ увеличеніи дохода отъ продажи питей, правительство, съ другой стороны, принимая во вниманіе религіозно-нравственныя соображенія, старалось обѣ ограниченнія пьянства, т. е., въ сущности попадало въ известный заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода. Такъ, продажа вина запрещалась въ посты и въ постные дни (впрочемъ, съ изданія указа 1698 г. продажа питей ограничивалась только одной страстной недѣлею великаго поста). Затѣмъ лѣтомъ кабаки открывались съ трехъ часовъ пополудни и закрывались до вечера, зимою же съ трехъ часовъ и до сумерекъ (это подтвердилъ и уставъ о винокуреніи 1766 г.).

При Елизаветѣ Петровнѣ, а именно указомъ 19 Сентября 1755 г. казенное управление питейной регалией было уничтожено и замѣнено откупнымъ содержаніемъ. Мотивы подобной реформы были изложены въ названномъ указѣ и состояли въ слѣдующемъ: 1) благодаря откупамъ, достигалось уничтоженіе многихъ затрудненій при поставкѣ вина на кабаки и уничтожалось корчевство, „не употребляя противъ такого законамъ преступленія строгости"; 2) казенный доходъ значительно увеличивался, „ибо отъ ежегодныхъ вину подрядовъ не тоико какое казнь приращеніе есть, но многое... бываетъ затрудненіе и въ дѣлахъ помѣшательство и остановка"; 3) дворянство получило известныя выгоды, въ виду приобрѣтенія исключительныхъ правъ на винокуреніе, и 4) прекращалось излишнее употребленіе хлѣба на производство вина. Однако, ожидаемыя выгоды не получились, и уже въ царствованіе Екатерины II была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Фермора для разсмотрѣнія всѣхъ подробностей состоянія питейной регалии. Хотя лично императрица не бы-

ла сторонницей откупной системы (см. указъ 23 Марта 1764 г.), однако, комиссія высказалась за необходимость сохраненія послѣдней, и откупа были уничтожены только при имп. Александрѣ II.

Питейная регалія являлась однимъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ, но, не смотря на это, величина дохода, получавшагося съ нея, не была точно известна (по крайней мѣрѣ въ XVIII ст.) и опредѣлялась приблизительно. Такъ, при Елизаветѣ Петровнѣ, она, нужно думать, давала ежегодно около миллиона рубл., а при Екатеринѣ II, по разсчету комиссіи графа Фермора, этотъ доходъ достигъ уже цифры 4 миллиона рублей.

Слѣдующей регаліей являлась табачная, возникшая при Петрѣ, такъ какъ до него употребленіе табаку было воспрещено. Эта регалія, въ большинствѣ случаевъ, отдавалась на откупъ и приносила государству до 70.000 р. доходу. При Екатеринѣ II регалія была уничтожена, и торговля табакомъ стала свободной, но правительство, взамѣнъ регаліи, ввело акцізъ на табакъ.

Третій регаліей являлась соляная, введенная съ 1705 г., что немедленно выразилось на цѣнѣ соли, значительно увеличившейся. Само собою разумѣется, что вздорожаніе такого предмета первой необходимости, какъ соль, должно было привести къ весьма печальнымъ результатамъ, о чемъ и сохранилось не мало свидѣтельствъ. Вотъ, напр., что говоритъ Писониковъ: „нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлють, что многіе безъ соли Ѳдятъ и осынжаютъ и умираютъ и отъ задержанія соли въ иныхъ мѣстахъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помираютъ“. Правительство неоднократно обращало вниманіе на соляную регалію и даже нѣсколько разъ объявляло вольную продажу (напр., въ 1727 г., въ 1733 г. и т. д.), но черезъ нѣкоторое время опять обращалось къ регаліи. Наконецъ, при Екатеринѣ II была организована особая комиссія, долженствовавшая отвѣтить на слѣдующій вопросъ: „можетъ ли безъ ущерба казеннаго дохода, но съ нѣкоторою, напротивъ того, выгодою и прибылью дозволена быть вольная продажа соли“? Отвѣтъ комиссіи до насъ не дошелъ, но должно быть она отвѣтила отрицательно, такъ какъ соляная регалія продолжала попрежнему существовать¹⁾.

¹⁾ Графъ Толстой, назв. соч., стр. 181.

Четвертой регаліей была горная („намъ однимъ“, гласить Бергъ-Привилегія 1719 г., „яко монарху, принадлежать рудокопные заводы и ихъ употреблениe“), но въ виду поощренія развитія горного дѣла, Петръ предоставилъ всѣмъ право искать и вырабатывать металлы какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ съ единственнымъ условіемъ отчисленія 10% съ дохода казнѣ. Кромѣ того, правительству принадлежало право покупки золота, серебра, мѣди и селитры преимущественно предъ частными лицами по цѣнамъ, установленнымъ Бергъ-коллегіей. Одновременно съ этимъ правительство заводило не мало своихъ заводовъ для эксплоатации горныхъ богатствъ, получившихъ большое развитіе въ царствованіе Екатерины II.

Пятой регаліей являлась монетная, благодаря которой чеканка золотой монеты, какъ изъ мѣди, такъ и изъ серебра и золота, производилась не иначе, какъ особыми денежными мастерами на казенныхъ монетныхъ дворахъ, на казенныхъ станкахъ и казенными инструментами.

Шестой регаліей была почтовая, дававшая при Петрѣ въ годъ доходъ лишь 16.000 р., а при Екатеринѣ II уже до 139.000 р. Вплоть до въ 1783 г. не существовало однообразія въ платежѣ за посылки и письма, и только съ этого года была введена однообразная почтовая такса во всемъ государствѣ. Управление почтами сосредоточивалось въ Генеральномъ почтамтѣ, учрежденномъ въ 1722 г. Однако, въ 1727 г. почтамтъ былъ уничтоженъ, и управление почтами раздѣлилось между коллегіей иностранныхъ дѣлъ и ямскимъ приказомъ.

Кромѣ перечисленныхъ регалій, существовало еще не мало другихъ, то появляясь, то исчезая, напр., регаліи хлѣба, льна, пеньки, сала, поташа, ревеня и т. п. Большинство этихъ предметовъ не долго играло роль правительственной монополіи, и съ теченіемъ времени была разрѣшена свободная торговля ими съ обязательствомъ уплаты определенной пошлины въ казну.

Что касается до государственныхъ имуществъ, то главную роль среди нихъ играли лѣса. При Петрѣ правительство впервые обратило вниманіе на необходимость введенія правильности въ лѣсоводство, такъ какъ лѣсъ съ этого времени получилъ большую цѣнность въ виду созданія флота и учрежденія фабрикъ и заводовъ. Въ 1722 г. была издана инструкція оберъ-вальдмейстеру, положившая начало нашему

лѣсному законодательству. По инструкціи во главѣ лѣснаго управления былъ поставленъ оберъ-вальдмейстеръ, подчиненный Адмиралтействъ-коллегії. Ему, въ свою очередь, были подчинены губернскіе вальдмейстеры, избиравшіеся изъ дворянъ и имѣвшіе при себѣ унтеръ-вальдмейстеровъ и особыхъ надсмотрщиковъ изъ отставныхъ солдатъ и крестьянъ. При Екатеринѣ II вальдмейстеры были уничтожены (въ 1782 г.), и надзоръ за лѣсами былъ возложенъ на полѣсовщиковъ и лѣсныхъ старостъ, избиравшихся изъ крестьянъ. Въ то же время управление лѣсами было изъято изъ вѣдѣнія Адмиралтействъ-коллегії и поручено, такъ называемымъ, директорамъ государственного домоводства. Съ этого времени лѣса стали приносить казнѣ большой доходъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе вывоза заграницу; на нужды же флота была назначена только пятая часть всего лѣса. Такимъ образомъ, Екатерина II измѣнила кореннымъ образомъ самую цѣль, которой желалъ достигнуть Петръ, сохранивъ лѣса, получившіе въ концѣ XVIII ст. преимущественно финансовое значеніе ¹⁾.

Къ числу источниковъ доходовъ слѣдуетъ также отнести и повинности, ложившіяся, какъ было уже сказано (см. выше), исключительно на членовъ торгово-промышленного класса и на крестьянъ. Къ числу этихъ послѣднихъ относились разныя обазательныя службы у казенныхъ сборовъ (напр., у продажи питей, соли, гербовой бумаги и т. п.), полицейская служба, т. е., избрание изъ своей среды низшихъ полицейскихъ органовъ и слѣдующія повинности: рекрутская, постойная, подводная, фуражная, ямская, мостовая, караульная и др. Какъ было уже сказано, всѣ эти повинности ложились тяжелымъ бременемъ на материальное благосостояніе купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, яркою иллюстраціею чего служатъ наказы, поданные въ законодательную комиссію 1767 г.

В. Войско.

Какъ известно, Петръ I преимущественное свое вниманіе обращалъ на организацію арміи и флота. Создать хорошую армію и флотъ было конечною цѣлью всѣхъ его стремленій, къ достижению которыхъ онъ стремился въ теченіе всей своей жизни. Еще будучи 11-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ создалъ

¹⁾ Графъ Толстой, назв. соч., стр. 231.

потъшныхъ бомбардировъ, съ которыми и занимался воинскими упражненіями. Впослѣдствіи (въ 1687 г.) изъ нихъ были учреждены два полка: Преображенскій и Семеновскій. Однако, въ нихъ нельзя видѣть начало регулярной арміи въ Россіи, такъ какъ имъ не доставало еще многаго, чтобы считаться войскомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Вотъ что писалъ по этому поводу Корбъ въ своемъ дневниѣ: „6-го Сент. 1698 г. царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многаго еще не достаетъ этимъ толпамъ, чтобы можно было назвать ихъ воинами. Онъ лично показывалъ, какъ нужно дѣлать движения и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку“. Начало возникновенія регулярной арміи должно быть отнесено къ 1699 г. Въ этомъ году были уничтожены стрѣльцы и взамѣнъ ихъ учреждены три дивизіи по девяти полковъ въ каждой изъ даточныхъ людей, охочихъ людей и боярскихъ слугъ. Шведская война и въ частности пораженіе подъ Нарвою еще болѣе способствовали переформированію арміи. Такъ, въ 1705 г., по предложенію генерала Огильви, полки были раздѣлены на соотвѣтствующее число баталіоновъ (въ пѣхотѣ) и эскадроновъ (въ конницѣ), которые, въ свою очередь, дѣлились на роты. По роду оружія армія при Петре состояла изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллериі. Пѣхота, судя по отзывамъ современниковъ, являлась лучшимъ войскомъ. „Имѣй солдаты навыкъ въ войнѣ“, писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Витвортъ (30 Янв. 1705 г.), „будь во главѣ ихъ хорошие офицеры, они явились бы непріятелемъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ полагаютъ сосѣди“. Напротивъ, кавалерія (драгуны) была наиболѣе неудовлетворительнымъ войскомъ какъ въ боевомъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Что касается до артиллериі, то она дѣлилась на полковую и главную. Первая состояла изъ 3-хъ фунтовыхъ пушекъ, вторая же, въ свою очередь, дѣлилась на бомбардирскую роту и артиллерійскій полкъ, въ составъ которого входило нѣсколько канонирскихъ ротъ, а также минерная, понточная и инженерная рота¹⁾. Изданіемъ Волинскаго устава 1716 г. переформированіе арміи было завершено. Полтавская побѣда и Ништадтскій мирный договоръ, закончившій шведскую войну, доказали, что усиленія Петра сдѣлать изъ Россіи могущественное государство не пропали

¹⁾ Бобровскій, Переходъ Россіи къ регулярной арміи, стр. 148—172.

даромъ. События въ исторіи Европы XVIII и XIX ст., въ которыхъ живѣйшее участіе принимала и Россія, неоднократно подтверждали вышеизложенное положеніе.

Одновременно съ преобразованіемъ организаціи арміи Петръ преобразовалъ и способы комплектованія и содержанія ея. Указомъ 1 Октября 1703 г. была введена рекрутская повинность, существовавшая вплоть до 1875 г.¹⁾. Рекрутскіе наборы происходили отъ времени до времени, причемъ на каждый разъ опредѣлялось число и возрастъ рекрутъ (отъ 15 до 20 лѣтъ или отъ 20 до 30 л.). При Петрѣ количество дворовъ, обязанныхъ поставлять одного рекрута, не было определено, но на практикѣ чаще всего поставлялся рекрутъ отъ 20 дворовъ. Нѣкоторыя мѣстности, вслѣдствіе отдаленности разстоянія, напр. Сибирь, а также лица, напр., помѣщики, не обладавшіе 20 дворами, освобождались отъ рекрутской повинности, но платили за нее деньгами. При поставкѣ рекрута, населеніе обязывалось снабжать его провиантомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а также вооруженіемъ и лошадью, если онъ былъ кавалеристомъ. Въ 1757 г. произошло упорядоченіе рекрутской повинности путемъ издания Генерального учрежденія о ежегодномъ сборѣ рекрутъ. Съ этого времени всѣ губерніи раздѣлены были на пять частей, причемъ ежегодно только съ одной изъ нихъ брались рекруты, со ста душъ по одному человѣку. До 1776 г. эта привилегія распространялась и на купцовъ съ обязательствомъ, впрочемъ, вносить вместо каждого рекрута по 360 р. Въ 1783 г. „въ уваженіе на возышеніе цѣнъ на всѣ вообще вещи и для большаго соразмѣра противу тѣхъ, кои изъ среды себѣ людей на службу воинскую ставить обязаны“, указанная сумма была увеличена до 500 р. Каѣтъ известно, и дворяне вплоть до манифеста о вольностяхъ 1762 г. были обязаны отправлять службу, преимущественно военную, начиная ее съ солдата. Въ 1875 году способъ комплектованія войска былъ существенно видоизмѣненъ путемъ введенія всеобщей воинской повинности.

Что касается до содержанія войска, то для этой цѣли существовало нѣсколько повинностей, напр., сборъ на про-

¹⁾ См. Поливанова, Исторический очеркъ законовъ о рекрутской повинности отъ Петра I до 1810 г.

віантъ, поставка фуража, постойная повинность и. т. п. Среди нихъ главную роль играла послѣдняя. Она существовала какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, и заключалась въ распределеніи солдатъ по избамъ и домамъ обывателей, что являлось функцией земскаго и полковаго комиссара. Отъ поста были освобождены дома нѣкоторыхъ лицъ, напр., священнослужителей разныхъ вѣроисповѣданій, „для того, что во время отправленія правила къ священнослуженію такому постою неприлично быть“, иностраныхъ купцовъ, придворныхъ чиновъ, питейныхъ откупщиковъ и др. Постойная повинность являлась одною изъ самыхъ непопулярныхъ и постоянно вызывала жалобы со стороны населенія. Еще Просошковъ писалъ, что „при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смиро стоять, и обиды страшныя чинять, что и исчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры стоятъ, то и того горше чинять... и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ“. Само правительство не отрицало „многихъ неудобностей“, возникавшихъ вслѣдствіе поста, и должно было признать, что „бѣдные россійскіе крестьяне не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной раззоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“ (указъ 9 Янв. 1727 года). Въ виду этого, еще Петръ въ 1721 г. разрѣшилъ помѣщикамъ строить особыя квартиры для поста „для того, что если станутъ стоять по дворамъ мужичымъ, то будутъ ссоры“. Такое же разрѣшеніе было дано и купцамъ въ 1733 г. Однако, не смотря на это, постойная повинность попрежнему считалась одною изъ самыхъ тяжкихъ, и жалобами на нее наполнены всѣ наказы, поданные въ законодательную комиссию 1767 г.

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ.

Уголовное право.

ГЛАВА I.

Ученіе о преступлениі.

Въ началѣ XVIII ст. законодательные памятники (напр. Воинскій уставъ) смотрѣть на преступленіе съ той же точки зрењія (формальной), какъ и Уложение 1649 г., иначе говоря, преступленіе трактуется, какъ нарушеніе закона и ослушаніе царской воли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что преступники всегда назывались или „нарушителями государственныхъ правъ“, или „преступниками указу“, или „презирателями“ и „ослушателями указовъ“ и т. п. Наконецъ, изъ опредѣленія преступленія съ одной формальной стороны вытекалъ также фактъ наказуемости многихъ совершенно безразличныхъ дѣяній, причемъ кара за нихъ полагалась именно за „ослушаніе“ и „призрѣніе указовъ“. Впрочемъ, уже въ это время въ нѣкоторыхъ указахъ появляется и другая точка зрењія. Вотъ, что напр., гласитъ указъ 24 Дек. 1714 г.: „многіе якобы оправляя себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключити можетъ, суть преступленія“. Иначе говоря, указъ 1714 г. трактуетъ преступленіе съ материальной точки зрењія, опредѣляя его, какъ дѣяние вредоносное.

Съ изданіемъ Наказа имп. Екатерины, написанного подъ вліяніемъ идей Беккария, формальная точка зрењія на преступленіе совершенно отступаетъ на второй планъ. Что же такое преступленіе по Наказу? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ Наказа. „Гораздо лучше“, говорить послѣдній, „предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать“. „Предупреждать преступленія есть намѣреніе и концептъ хорошаго законодатель-

ства, которое есть ничто иное, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло". „Хотите ли предупредить преступленія? „Сдѣлайте, чтобы законы меныше благоденствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого, кромѣ нихъ, не боялись. Хотите ли предупредить преступленія? — „Сдѣлайте, чтобы про свѣщеніе распространилось между людьми“. „Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія“.

Такимъ образомъ, съ точки зрењія Наказа, преступленіе можетъ быть, если не окончательно уничтожено, то по крайней мѣрѣ, доведено до ничтожныхъ размѣровъ. И если преступленіе еще существуетъ, то въ этомъ виновна не столько частная воля, совершающая преступленіе, сколько само общество, не устранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Далѣе, изъ многихъ другихъ статей Наказа видно, что законодатель долженъ воспрещать только такія дѣянія, которыя вредны или цѣлому обществу, или отдельному лицу. Воспрещеніе же дѣйствій, не приносящихъ ни пользы, ни вреда, т. е., безразличныхъ, не имѣетъ никакого основанія. Отсюда слѣдуетъ, что подъ преступленіемъ Наказъ понимаетъ дѣяніе, запрещенное закономъ и противное общему и частному благу. Такое опредѣленіе представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ прежней, исключительно формальной точкой зрењія, на которой стоили Уложеніе, Воинскій уставъ и другіе законодательные памятники.

Что касается до субъектовъ преступленія и до степени участія въ немъ каждаго изъ нихъ, то этотъ вопросъ разрѣшается въ законодательствѣ изучаемаго периода такъ же неудачно, какъ и въ Уложеніи. Общимъ правиломъ, напримѣръ, по Воинскому уставу, является примененіе одинакового наказанія, какъ къ главнымъ виновникамъ, такъ и къ пособникамъ и къ лицамъ, прибосновеннымъ къ преступленію, въ силу чего степень виновности каждого изъ нихъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ размѣромъ наказанія. „Яко убийца самъ“, гласить уставъ, „такъ и прочие имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убийству

вспомогали или совѣтомъ, или дѣломъ вступались" (арт. 155, гл. XIX). Что касается до интеллектуального и физического виновника, то Воинскій уставъ такъ же, какъ и Уложеніе, подвергаетъ ихъ одинаковому наказанію. „Ежели кто кому прикажеть“, читаемъ въ уставѣ, „кого смертю убить, оный такожъ, яко убийца самъ, имѣеть быть казненъ смертю, а именно, голову ему отсѣчь“ (арт. 160). Только Наказъ выскаживается за примѣненіе неодинаковой мѣры наказанія къ разнымъ участникамъ преступленія; онъ желаетъ „положить наказанія, не столь великия сообщникамъ, какъ самимъ настоящимъ исполнителямъ“.

Разматривая преступленіе съ внутренной стороны, Воинскій уставъ вполнѣ признаетъ дѣянія случайныя, неосторожныя и умышленныя, но придаетъ имъ различныя термины, называя, напримѣръ, небрежными, винными и неосторожными, иногда же невинными, ненарочными и невольными. Но, не смотря на подобную неудовлетворительность терминологии, уставъ выдѣляетъ понятіе случайного дѣянія отъ понятія неосторожнаго. Первое не подлежитъ наказанію. Объ этомъ довольно категорично заявляетъ арт. 159 гл. XIX; въ толкованіи же къ нему приводится слѣдующій примѣръ случайного дѣянія; солдатъ, стрѣляющій въ цѣль на ученыи и убившій подвернувшагося ему человѣка, освобождается отъ всякаго наказанія. Напротивъ, неосторожныя дѣянія всегда наказуемы, смотря по степени неосторожности (арт. 158). Въ толкованіи къ этому артикулу приводится слѣдующій случай неосторожнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій изъ мушкета въ людномъ мѣстѣ и убившій кого-нибудь, подлежитъ наказанію. Впрочемъ, иногда уставъ смѣшиваетъ понятія неосторожнаго и умышленнаго дѣянія. Такъ, въ толкованіи къ арт. 158 мы читаемъ: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ или что со злости на него броситъ, или учинитъ ему что изъ недружбы, отчего умретъ, то оный обыкновенной казни смертной подверженъ“. Такимъ образомъ, неосторожное дѣяніе приравнивается къ умышленному и карается одинаково съ нимъ¹⁾. Что же касается до умышленнаго дѣянія, то ус-

¹⁾ Гораздо болѣе точную формулировку неосторожнаго дѣянія мы встрѣчаемъ въ проектѣ уголовнаго уложения 1813 года. Вотъ, что гласитъ по этому поводу статья 10 проекта: „небреженіемъ, неосторожностью, оплощностью или легкомыслиемъ необходимо почитать не токмо, когда кто что выбудь недозволенное сдѣлаетъ, отчего вредъ другому случился или случиться мѣгъ бы, но и тогда, ежели дозволенное сдѣлано въ непристойномъ мѣстѣ, или въ не-

тавъ по отношению къ нему дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ Уложеніемъ 1649 года, различая умышленное и предумышленное дѣяніе, чего не знаетъ Уложение. Такъ, за умышленное убийство полагается смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы, за предумышленное же, т. е., за убийство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какимъ уставъ признаетъ отравление или убийство по найму, полагается квалифицированная смертная казнь, именно колесование (арт. 161 и 162, XIX гл.). Иначе говоря, предумышленное дѣяніе, какъ дѣяніе, въ которомъ преступная воля достигаетъ наибольшаго напряженія, карается строже умышленнаго, гдѣ преступная воля имѣть гораздо меньшее напряженіе.

Переходу къ разсмотрѣнію преступнаго дѣйствія съ вѣшней стороны, т. е., по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается вовнѣ. Въ этомъ отношеніи Воинскій уставъ отличаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершение преступленія. Съ точки зрѣнія современной науки уголовного права, голый умыселъ не наказуемъ, такъ какъ одной злой воли человѣка мало для наказанія, необходима еще наличность преступнаго дѣйствія. Иначе смотрѣть на дѣло Воинскій уставъ. Онъ, подобно Уложенію, караетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и голый умыселъ; такъ, въ преступленіяхъ политическихъ голый умыселъ подлежитъ наказанію нравнѣ съ совершеніемъ преступленія, причемъ уставъ довольно ясно опредѣляетъ, что наказаніе должно имѣть мѣсто, не смотря на то, что преступленіе, „хотя къ дѣйству и не произведено, но только воля и хотѣніе къ тому было“ (арт. 19, III гл.). Морской уставъ еще болѣе расширяетъ наказуемость голаго умысла, распространяя ее не только на одни политическія преступленія, но и на другія преступныя дѣянія („всѣ убійцы и намѣренные къ тому“, гласить ст. 107, XV гл., „будутъ казнены смертью“). На совершеніи иной точки зрѣнія стоитъ Наказъ. Вотъ, что, между прочимъ, читаемъ въ немъ: „человѣку снился, что онъ умертвилъ царя; сей царь приказалъ казнить его смертью, говоря, что не при снился бы ему сіе ночью, если бы онъ о томъ днемъ на яву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо, если бы онъ то и думалъ, однако жъ, на исполненіе мысли своей не

надлежащее время, или ненадлежащимъ образомъ, отчего другому также вредъ приключился“. Какъ замѣчаетъ профессоръ Таганцевъ, эта формулировка неосторожной вины, несомнѣнно, повлѣяла и на дѣйствующее право (Учебникъ русского уголовнаго права, книга I, стр. 82).

поступилъ — законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромеъ виѣшнихъ и наружныхъ дѣйствій". Нѣсколько далѣе Наказъ говоритъ: „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они преуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному". Что касается до покушенія, то Воинскій уставъ раздѣляетъ его на оконченное и неоконченное. Какъ то, такъ и другое всегда наказуемы, но иногда причины неокончанія могутъ вліять на смягченіе приговора, напримѣръ, покушеніе на дуэль, неоконченное по собственному желанію дуэлянтовъ, наказывается значительно слабѣе, чѣмъ покушеніе, неоконченное вслѣдствіе какихънибудь виѣшнихъ причинъ (XLІ гл. 1 ч.). Наказъ караєть какъ покушеніе, такъ и совершеніе преступленія, причемъ первое слабѣе, чѣмъ второе. Мотивируется это слѣдующими соображеніями: „наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самая первая покушенія ко преступленію, но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быти промежутокъ времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненного уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія".

Законодательство императорскаго періода вполнѣ признаетъ существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, наличность которыхъ или совершенно устранияетъ наказуемость, или смягчаетъ, или же увеличиваетъ наказаніе. Такъ, Воинскій уставъ знаетъ состояніе необходимой обороны, но, въ отличие отъ Уложенія, значительно ограничиваетъ ея примѣненіе. Во-первыхъ, оборона можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ защиты своей жизни¹⁾. Во-вторыхъ, оборона считается дѣйствительной, если соотвѣтствуетъ нападенію, въ силу чего, при равенствѣ силъ, обороняющійся не имѣеть права пускать въ ходъ оружіе, если нападающій безоруженъ²⁾. Въ-

¹⁾ Правда, въ толкованіи къ арт. 185 XIX гл. сказано, что „вора, который въ ночи въ домъ ворвется, безъ страха наказанія умертвить, ежели его безъ своего опасенія преодолѣть было невозможно“, т. е., повидимому, допускается и защита имущественныхъ правъ, однако, тутъ же прибавлено: „ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но чтобы и умертвить, въ домъ ночью врывается“.

²⁾ Впрочемъ, отъ этого положенія было сдѣлано отступленіе; такъ, въ томъ же уставѣ читаемъ далѣе: „надобно смотрѣть, когда кто кого ударить рукою, и того сильнѣе, кого бѣть, тогда обиженный можетъ оружиемъ обороняться, ибо есть все равно, какъ и чѣмъ смертный страхъ угроженъ будетъ“ (арт. 157, XIX гл.).

третьихъ, для необходимости законной обороны требуется наличность нападенія, почему убієніе бѣгущаго врага строго воспрещается, но за то, съ другой стороны, дозволяется обороняться, не ожидая первого удара, „ибо чрезъ такой первый ударъ“, гласитъ уставъ, „можетъ тако учиниться, что и противиться весьма позабудеть“.

Сравнивая постановленія о необходимой оборонѣ по Воинскому уставу и по Уложенію, мы видимъ, что первый значительно ограничиваетъ случаи этой обороны, въ то время, какъ послѣднее совершенно не знаетъ никакихъ ограничений и допускаетъ оборону въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Морской уставъ еще болѣе ограничиваетъ небходимую оборону, допуская ее только въ крайнемъ случаѣ, и разрѣшая обороняющемуся противъ невооруженного употреблять оружіе только тогда, „когда крѣпко станетъ нападать и смертно бить“.

Кромѣ небходимой обороны, Воинскому уставу такъ же, какъ и Уложенію, известно и состояніе крайней необходимости. Онъ говоритъ объ одномъ подобномъ случаѣ, а именно: если голодный человѣкъ совершилъ кражу, то уставъ предписываетъ „наказаніе умалять или весьма отставлять“ (толков. въ арт. 195, XIX гл.).

Наконецъ, законодательству императорскаго периода известна и давность, какъ обстоятельство, освобождающее отъ наказанія. Впервые о давности говорить манифестъ 17 марта 1755 года, предписавшій не подвергать преступниковъ наказанію, если со времени совершенія ими преступленія прошло 10 лѣтъ. Проектъ уголовного уложенія 1813 года, удерживая этотъ 10-ти лѣтній срокъ давности, ввелъ еще другое условіе, а именно, „чтобы преступникъ во все сіе время не учинилъ другой вины“. При обсужденіи проекта въ Государственномъ совѣтѣ, это постановленіе было значительно измѣнено; такъ, для государственныхъ преступлений, давность была уничтожена, для тяжкихъ преступлений, караемыхъ каторжными работами, срокъ давности былъ увеличенъ до двадцати лѣтъ и только для мелкихъ преступлений оставлена десятилѣтняя давность. Впрочемъ, какъ известно, проектъ 1813 года не получилъ законодательной санкціи, и вплоть до Уложения 1845 года действовали постановленія манифеста 1755 года¹⁾.

¹⁾ См. Фойницкаго, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ, стр. 115.

До сихъ поръ я говорилъ объ условіяхъ, устраниющихъ или увеличивающихъ наказуемость, лежащихъ исключительно во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ. Переходу теперь къ условіямъ, имѣющимъ свой источникъ, такъ сказать, въ самомъ человѣкѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ будетъ опьяненіе. Уложеніе смотритъ на опьяненіе, какъ на обстоятельство, уменьшающее вину; ¹⁾ напротивъ, Войсковой уставъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, что объясняется, конечно, его, такъ сказать, военнымъ характеромъ, въ силу чего, уже самыи фактъ опьяненія разсматривается, какъ дѣяніе, подлежащее наказанію ²⁾. Въ одномъ только случаѣ опьяненіе, если и не увеличиваетъ, то во всякомъ случаѣ и не уменьшаетъ наказанія это—при бо-гохульствѣ (арт. 3, I гл.). Иначе относится къ опьяненію уставъ благочинія 1782 года. Онъ проводить различие между умышленнымъ и неумышленнымъ совершеніемъ преступленія въ состояніи опьяненія. Въ первомъ случаѣ опьяненіе не принимается въ разсчетъ, и преступникъ наказывается какъ трезвый; во второмъ опьяненіе играетъ роль обстоятельства, смягчающаго вину (ст. 256).

Кромѣ опьяненія, изучаемой эпохѣ известны еще слѣ-дующія обстоятельства, вліяющія на наказуемость и имѣю-щія источникъ свой въ самомъ человѣкѣ. Большинство этихъ обстоятельствъ введено въ наше законодательство Войсковымъ уставомъ. Во-первыхъ, состояніе аффекта, куда уставъ от-носить раздраженіе; такъ, оскорблениe словомъ, совершенное въ раздраженіи, наказывается легче, чѣмъ совершенное безъ раздраженія (арт. 152, XVIII гл.). Во-вторыхъ, служебная ревность, куда относится слѣдующій случай: начальникъ (на-примѣръ, офицеръ), наказывая своего подчиненного (напри-мѣръ, солдата), засѣкаетъ его до смерти; въ такомъ случаѣ онъ не подвергается смертной казни, какъ за убийство, но ка-рается или штрафомъ, или временной отставкой, или разжа-лованіемъ въ рядовые (толк. къ арт. 154, XIX гл.). Въ-треть-ихъ, несовершеннолѣтній возрастъ; такъ, уставъ освобождаетъ отъ наказанія „воровъ-младенцевъ“, предписывая наказывать ихъ только розгами („лозами“) со стороны родителей (толк.

¹⁾ Въ одномъ только случаѣ Уложеніе приравниваетъ опьяненіе умыслу и то потому, что оно производится сознательно для бодрости при совершении пре-ступленія (ст. 17, гл. XXII).

²⁾ „Пьяństво никого не извиняетъ, понеже онъ (преступникъ) въ пьяństвѣ уже непристойное дѣло учинилъ“.

къ арт. 195, XXI гл.). Въ царствование Елизаветы Петровны (въ 1742 году) по поводу одного частнаго случая Сенатъ постановилъ считать несовершеннолѣтіе до 17 лѣтъ, когда преступники подвергались наказанію плетьми и отсылкѣ въ монастырь ¹⁾. Это сенатское рѣшеніе было подтверждено указомъ 1765 года, предписавшимъ лицъ, не достигнувшихъ 17 лѣтъ, за совершение преступлений, влекущихъ за собою смертную казнь или кнутъ, представлять на усмотрѣніе Сената, „гдѣ съ ними поступлено быть имѣть, по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ“, за совершение же всѣхъ прочихъ преступлений наказывать плетьми. Въ-четвертыхъ, предстарпльй возрастъ, опредѣленный указомъ 1798 г. въ 70 лѣтъ, когда было предписано лицъ, достигшихъ названаго возраста, освобождать отъ тѣлеснаго наказанія и клейменія и подвергать только ссылкѣ. Въ-пятыхъ, умопомѣшательство, при наличии которого, по словамъ Воинскаго устава, „наказаніе обыкновенно умалется или совсѣмъ отставляется“. На основаніи сенатской практики, можно вывести то заключеніе, что въ XVIII столѣтіи сумасшествіе только смягчало наказаніе, а не служило обстоятельствомъ, освобождающимъ отъ него. Вотъ, что, напримѣръ, читаемъ въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи (по дѣлу Подлуцкаго): „хотя по его императорскаго величества указу надлежало бы учинить ему, яко измѣннику и вору, смертную казнь, но, понеже по виду признавается онъ, Подлуцкій, въ умѣ помѣшателенъ, того ради смертной казни ему не чинить, а, вмѣсто того, учинить наказаніе: бить его кнутомъ, сослать на галеры въ вѣчную работу“. Только съ 1801 года было предписано лицъ, совершившихъ преступление въ состояніи умопомѣшательства, освобождать отъ суда и наказанія, взамѣнъ его отсылать во врачебную управу для освидѣтельствованія и, въ случаѣ признанія ихъ больными, помѣщать въ дома для умалишенныхъ. Закономъ 1827 года было опредѣлено сумасшедшіхъ, совершившихъ убийство, освобождать изъ названныхъ домовъ не иначе, какъ съ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ и при томъ пять лѣтъ спустя

1) Впрочемъ, Синодъ, на заключеніе котораго поступило названное рѣшеніе Сената, нашелъ, что 17-ти лѣтній срокъ слишкомъ поздній, таъ какъ по закону даже въ бракъ можно было вступать ранѣе 17 лѣтъ, почему и высказался за 12-ти лѣтній срокъ. Однако, на практикѣ оба рѣшенія не имѣли никакой силы, и самъ Сенатъ не стѣснялся ихъ нарушать (Таганцевъ, Учебникъ русскаго уголовнаго права, кн. 1, стр. 90).

послѣ выздоровленія. Въ-шестыхъ, непривычка къ службѣ, вслѣдствіе недавнаго поступленія на нее; такъ, солдатъ за побѣгъ въ первый годъ службы наказывается лѣгче, чѣмъ за побѣгъ въ послѣдующіе годы (арт. 95, XII гл.), или солдатъ, недавно принятый на службу и „не выхавшій воинскаго артикула“, за преступленіе противъ караульной службой ~~наказывается~~ не смертью (какъ слѣдовало бы по уставу), но шпицрутенами (толькъ арт. 41, IV гл.). Въ-седьмыхъ, повтореніе преступленій, допускаемое уставомъ такимъ образомъ, что возрастаніе наказаній замедляется еще болѣе, чѣмъ по Уложенію. Такъ, за первую кражу (если цѣна украденнаго не свыше 20 рублей) полагается прогнать шпицрутенами 6 разъ сквозь строй, за вторую—прогнать сквозь строй двѣнадцать разъ, за третью кражу—отрѣвать носъ и уши и сослать на каторгу, и только за четвертую кражу полагается смертная казнь (арт. 189, XXI гл.). Позднѣйшѣе законодательные памятники, напримѣръ, проектъ уголовнаго уложенія 1754 года и указъ 3 Апрѣля 1781 года еще болѣе понижаютъ наказаніе при повтореніи преступленій¹⁾.

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій и начну съ преступленій противъ вѣры. Къ этому разряду преступленій Воинскій уставъ относитъ богохульство, несоблюденіе церковныхъ обрядовъ, божбу и клятву, чародѣйство и вообще всякаго рода суевѣрное богоотступничество. Подъ богохульствомъ уставъ понимаетъ не только хулу на Бога, но также и на Божью Матерь, святыхъ, службу и слово Божіе и таинства. Такого рода преступленія караются прохождениемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ отсечениемъ головы (арт. 3 и 4, I гл.). Къ несоблюденію церковныхъ обрядовъ уставъ относить непосвѣщеніе церковной службы и прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ, что карается штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ (10—12 арт. II гл.). Подъ клятвой или божбой уставъ понимаетъ употребленіе имени Божія всуе, что наказывается публичнымъ покаяніемъ и вычетомъ изъ жалованія (арт. 7 и 8 гл. I). Наконецъ, чародѣйство и всякаго рода суевѣрное богоотступничество,

¹⁾ Проектъ уголовнаго уложенія 1754 года знаетъ еще три обстоятельства, вліающія на наказуемость въ смыслѣ ея усиленія (заимствованныя имъ изъ Уложения 1649 года и указанной практики), а именно: 1) совершение преступленія въ церкви, 2) на государевомъ „дворѣ“ и 3) въ присутствіи государя.

напр., заговаривание ружья, подкупъ чародѣя во вредъ кому либо, чернокнижество и т. п. караются „жестокимъ“ тюремнымъ заключенiemъ шпицрутенами и сожженiemъ. Послѣднее, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто только тогда, если обвиняемый въ чародѣйствѣ „вредъ кому учинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣлъ“, (арт. 1 и 2 гл. I). Названные постановленія проникли въ Воинскій уставъ изъ западно-европейскихъ военно-уголовныхъ сборниковъ, чѣмъ поставили его въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже Уложенія, совершенно не знающаго подобныхъ преступленій.

Проектъ уголовнаго уложенія, составленный Елизаветинской законодательной комиссией 1754 г., упоминаетъ еще о нѣсколькихъ видахъ преступленій противъ вѣры, неизвѣстныхъ Воинскому уставу. Такъ, онъ довольно много говорить о небытіи у исповѣди, наказывая это преступленіе въ первый разъ штрафомъ, во второй разъ также штрафомъ и батогами „нешадно“ (впрочемъ, только „подлыхъ“, дворяне же отсылаются на мѣсяцъ въ монастыры) (ст. 4, гл. XV). Затѣмъ проектъ говорить о церковномъ „мятежѣ“, т. е. о перерывѣ богослуженія, карая его смертной казнью (ст. 1, гл. XVII). Наконецъ, о совращеніи въ еврейство, мусульманство, идолопоклонство и расколъ, карая эти преступленія, при отсутствіи раскаянія со стороны преступниковъ, сожженiemъ (раскаленіе требуется также и отъ совратителя, причемъ, для спасенія своей жизни онъ долженъ принять православіе), и о разнаго рода суевѣріяхъ (причемъ, считая самихъ „суевѣрцевъ“ обманщиками, проектъ, предписываетъ карать ихъ кнутомъ или плетьми) (гл. XVIII и XIX).

Наказу также извѣстны преступленія противъ вѣры, называемыя имъ святотатствомъ. По мнѣнію имп. Екатерины II, они должны быть наказываемы „лишенiemъ тѣхъ выгодъ, которыя даруетъ вѣра, т. е. изгнанiemъ изъ храмовъ, исключенiemъ изъ собранія вѣрующихъ на время или на всегда и удаленiemъ отъ ихъ присутствія“. Затѣмъ Наказъ совѣтуетъ „весьма беречься, чтобы не наказывать тѣлесными наказаніями людей, зараженныхъ порокомъ ложной святости. Сие преступленіе, основанное на гордости или киченіи, изъ самой боли получить себѣ славу и пищу, чemu примѣры были въ бывшей Тайной канцеляріи, что таковые по особымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія“. Въ заключеніе Наказъ говоритъ о волшебствѣ и еретичествѣ. „Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ“,

читаемъ въ немъ, „можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предъловъ оному не положено“. Однако, съ этими воззрѣніями не согласились высшія духовныя особы, которымъ императрица читала Наказъ. Они высказались за усиленіе наказуемости преступлений противъ вѣры. „Святотатства и богохуления, читаемъ въ ихъ примѣчаніяхъ на Наказъ, всегда нарушаютъ покой общества, а потому, кромѣ церковнаго наказанія, они должны быть караемы и свѣтскимъ“.

Среди государственныхъ преступлений по законодательству изучаемаго периода на первомъ мѣстѣ находятся преступленія политическія, получившія въ Воинскомъ уставѣ вѣсма широкое развитіе. Къ этимъ преступленіямъ названный сборникъ относить оскорблѣніе величества, подъ которымъ понимается не только всякое преступное дѣйствіе противъ жизни и здоровья государя, государыни и наслѣдника, но также и словесное оскорблѣніе государя, равно какъ и всякое осужденіе его намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти преступленія считались самыми тяжкими и поэтому карались смертною казнью чрезъ четвертованіе или отсѣченіе головы (19 и 20 арт., III гл.). Къ политическимъ преступленіямъ относится измѣна, подъ понятіе которой подводятся слѣдующія преступныя дѣянія: тайная переписка и тайные переговоры съ непріятелемъ, открытие ему какимъ либо способомъ пароля или лозунга, разглашеніе о состояніи воинскихъ дѣль и крѣпостей, распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и т. п. Всѣ эти преступленія караются большою частью смертною казнью (гл. XVI). Наконецъ, къ политическимъ же преступленіямъ относится возмущеніе или бунтъ, подъ понятіе которого уставъ подводитъ и „непристойныя сходбища“, т. е. недозволенные собранія хотя бы и не ради преступныхъ цѣлей, напр., для подачи коллективной человитиной, для совѣщанія по поводу какого либо вопроса и т. п. Виновные въ бунтѣ наказываются смертною казнью чрезъ повѣщеніе, причемъ уставъ постановляетъ приводить это наказаніе въ исполненіе прямо на мѣстѣ совершенія преступленія, т. е. безъ суда, „дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать“ (арт. 133—137, XVII гл.).

Для лучшаго открытія и преслѣдованія преступниковъ вообще, а политическихъ въ частности, Петръ возложилъ на

каждаго подданаго обязанность доносовъ¹⁾), причемъ по „первымъ двумъ пунктамъ“ лично государю (подъ „первыми двумя пунктами“ понимались пункты указа 25 Янв. 1715 г., а именно: 1) о всякомъ зломъ умыслѣ противъ персоны его величества и 2) о бунтѣ и измѣнѣ²⁾).

Политическимъ преступленіямъ удѣляетъ не мало мѣста и Наказъ, называя ихъ оскорблениемъ величества и считая ихъ самыми тяжкими видомъ изъ преступлений противъ общественной безопасности. Подъ политическими преступлениями Наказъ признаетъ преступныя дѣянія, направленныя противъ жизни и безопасности государя, и измѣну государству. Такъ какъ, съ его точки зренія, оскорблениемъ величества можетъ считаться только дѣйствіе, то „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они приготовляются или соединяются или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному“. Такимъ образомъ человѣкъ, „пришедшій, напр., на мѣсто большого собранія, увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорблении величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствиемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены“. „Письма (т. е. сочиненія) суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова, но когда они не пріготовляются къ преступленію оскорблению величества, то они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорблении величества“. Но не признавая за „словомъ“ и „письмомъ“ государственного преступленія, Наказъ всетаки стоитъ на точкѣ зренія наказуемости за эти дѣянія, но не въ той мѣрѣ, какъ за государственныя преступленія, а гораздо легче. Эту точку зренія императрица усвоила себѣ, благодаря возраженіямъ на Наказъ (въ которомъ названныя дѣянія были признаны ненаказуемыми) со стороны высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣднія сдѣлали слѣдующее замѣчаніе по поводу рассматриваемаго пункта: „безопасность особы государя соединяется съ безопасностью всего государства, и потому

1) Такъ, по Воинскому уставу „если кто увѣдаетъ, что единъ или многие нѣчто вредительное учинить намѣрены, и о томъ въ удобное время не объявить, тотъ имѣеть по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть“ (арт. 129 гл. III).

2) Подробную регламентацию доносовъ мы встрѣчаемъ въ проектѣ уголовнаго уложения 1754 г. (гл. XXII), причемъ за ложный доносъ предписывается смертная казнь (ст. 7).

малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія, и потому эта рѣчъ требуетъ подробнѣйшаго разъясненія". Названное замѣченіе побудило императрицу отказаться отъ своихъ первоначальныхъ мыслей и признать „слова“ и „письма“, направленныя противъ особы государя и хотя бы не сопряженныя ни съ какими „дѣяніями“, также наказуемыми.

Екатерина II ограничила доносы, широко распространенные, вслѣдствіе петровскихъ узаконеній. Такъ, указомъ 21 Февраля 1762 года о политическихъ доносчикахъ, она предписала, при наличности каждого доноса, предлагать доносчику вопросъ, известно ли ему содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ (когда донось власался ихъ), причемъ, въ случаѣ незнанія, донось не принимался. Если же получался удовлетворительный отвѣтъ, то доносчикъ обязывался представить доказательства; при неимѣніи же таковыхъ, онъ подвергался аресту на два дня безъ пищи и питья „для оставленія ему всего сего времени на размышеніе“. Если же онъ и послѣ этого продолжалъ настаивать на донось, то показаніе его принималось во вниманіе. Заключительные слова узака весьма характерны. „Вышеизложенные пункты“, читаемъ въ немъ, „гласять наипаче о подлыхъ людяхъ; совсѣмъ не чаемъ мы, чтобы благородные дворяне или офицеры, или кто нибудь изъ знатнаго купечества нашлись когда либо въ толь мерзкихъ предъ Богомъ и передъ свѣтомъ преступленіяхъ, каковы суть преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ“.

Весьма много значенія придаетъ Воинскій уставъ другому виду государственныхъ преступлений, а именно преступленіямъ противъ службы (военной), что, впрочемъ, вполнѣ понятно въ военно-уголовномъ сборнике. За всякое нарушение дисциплины, за всякое небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и вообще за всякое упущеніе по дѣламъ службы, случаи которыхъ подробно перечисляются въ уставѣ, положены крайне строгія наказанія. Точно также и проектъ уголовного уложения 1754 года на основаніи сепаратныхъ указовъ, изданныхъ по преимуществу при Петре, предполагаетъ всѣмъ, „обрѣтающимся на службѣ, должностъ свою рачительно отправлять“, грозя, что если „кто... по дружбѣ или по враждѣ, или изъ взяточъ умышленно что учинитъ, и вѣдѣніемъ иволю пренебрежетъ, что ему, по званію его должности и въ силѣ государственныхъ правъ и узаковъ, чинить надлежало, и онъ, по важности вины и преступле-

ни, живота, чести лишенъ и въ ссылку сосланъ, или отнятіемъ на нѣсколько времени всѣхъ или одного чина, или денежнѣмъ штрафомъ быть имѣеть” (ст. 1 гл. I). Проектъ въ особенности обращаетъ вниманіе на „проклятое“ лихоимство, этотъ источникъ „всенародной тягости“, каралъ его тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою (ст. 4).

Третій видъ государственныхъ преступленій, это—преступленія противъ порядка управлениія и суда. Къ первой категоріи (противъ порядка управлениія) могутъ быть отнесены: срываніе и истребленіе правительственныхъ указовъ и распоряженій, дѣланіе фальшивой монеты и поддѣлка актовъ и печатей; ко второй категоріи (противъ суда)—лжеприсяга и лжесвидѣтельство. О первомъ преступленіи говорить арт. 203 гл. XXII Воинскаго устава, предписывая всякаго, „яко явно прибитые указы, повелѣнія нарочно и нагло раздереть, отбросить или вычернить“, ссылатъ въ каторжную работу съ жестокимъ наказаніемъ или же подвергать смертной казни. Дѣланіе фальшивой монеты влечетъ за собою сожженіе (арт. 199, XXII гл.). Въ толкованіи къ этому артикулу опредѣляется понятіе названного преступленія, а именно уставъ гласитъ, что фальшивая монета можетъ дѣлаться троекимъ образомъ: 1) „когда кто воровски чужимъ чеканомъ напечатаетъ“, 2) „когда непрямую руду примѣшиваетъ“ и 3) „когда кто у монеты надлежащий вѣсъ отниметъ“. Что касается до поддѣлки фальшивыхъ печатей и актовъ, то она карается тѣлеснымъ наказаніемъ, а иногда и смертью, смотря по тому, „ежели обманъ великъ или малъ или вредителенъ есть“ (арт. 201, XXII гл.). Лжеприсяга наказывается отсѣченіемъ тѣхъ двухъ пальцевъ, которыми преступникъ присягалъ, и ссылкою въ каторжную работу (арт. 196); такъ же каралось и лжесвидѣтельство (арт. 198). Проектъ уголовнаго уложенія 1754 года къ указаннымъ преступленіямъ прибавляетъ еще слѣдующія: 1) сопротивленіе властямъ („которые посланными отъ суда съ указами противность окажутъ и повелѣннаго имъ дѣла силою исполнять не допустятъ... или кого взятыхъ ими въ судебнаго правительства людей на дорогѣ отобьютъ, или у тѣхъ посланныхъ указы сильно отымутъ и издерутъ“, см. ст. 1 и 2, гл. LXX), 2) выѣздъ за границу безъ установленнаго паспорта или проѣзжей грамоты (гл. LXII), 3) вывозъ за границу золота и серебра, а также ввозъ въ Россію мѣдныхъ денегъ, что карается смертной казнью чрезъ повѣшаніе (ст. 8, гл. XXXVIII),

4) ябедничество, 5) ложный доносъ, 6) своевольство, т. е., самоуправство („когда кто какимъ недвижимымъ и угоды владѣть, хотя бъ оно и ему не принадлежало, однако жъ, тотъ, кому то недвижимое по правамъ и по крѣпостямъ принадлежитъ, въ оно ни подъ какимъ видомъ самъ собою вступать и насильно отнимать не долженъ, а бить челомъ и права своего отыскивать, гдѣ надлежитъ, судомъ“, (см. ст. 1, гл. LVIII).

Четвертый видъ государственныхъ преступлений, встрѣчающійся въ Воинскомъ уставѣ, это—преступленія противъ общаго благоустройства и благочинія. Сюда можно отнести: укрывательство преступниковъ, пристанодержательство, присвоеніе себѣ ложныхъ именъ и прозвищъ и др. ¹⁾.

Среди преступлений противъ частныхъ лицъ на первое мѣсто Воинскій уставъ ставитъ убийство (XIX гл.). Онъ знаетъ нѣсколько видовъ этого преступленія, но всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ. Къ первой категоріи относится обыкновенное убийство и убийство жены и дѣтей. Въ отношеніи послѣдняго уставъ придерживается слѣдующаго правила: если оно было умышленное, то виновный подвергается наказанію, какъ за обыкновенное убийство, если же оно явилось результатомъ неосторожности и произошло при наказаніи жены и дѣтей, то виновный наказывается легче ²⁾. Ко второй категоріи относятся квалифицированные виды убийства, а именно: отцеубийство, убийство ребенка „во младенчествѣ“, убийство офицера солдатомъ, отравленіе и убийство по договору или найму. За обыкновенное убийство уставъ полагаетъ отсечenie головы, „чтобы кровь паки отмстить“, за квалифицированное же убийство—колесование, причемъ тѣло преступника должно быть положено на нѣкоторое время на колесо. Въ случаѣ совершенія убийства, уставъ требуетъ констатированіе его черезъ судебнно-медицинское вскрытие тѣ-

¹⁾ Проектъ уголовнаго уложенія 1754 г. знаетъ еще порчу межей и граней (гл. LVI), продажу золотыхъ и серебряныхъ вещей безъ клейма пробирныхъ мастеровъ (ст. 12, 13 и слѣд., XXXIX гл.) и др.

²⁾ Проектъ 1754 г. понижаетъ наказаніе за убийство дѣтей, карая родителей вѣчно ссылкою въ монастырь „для покаянія“ (ст. I, гл. XXIX), но за то повышаетъ наказаніе за убийство жены, предписывая виновного мужа подвергать колесованію; впрочемъ, если мужъ убилъ свою жену „въ злодачливости“, заставилъ ее съ кѣмъ либо въ „прелюбодѣйствѣ“, то смертная казнь замѣняется церковнымъ покаяніемъ (ст. 7 и 9). Затѣмъ проектъ говоритъ еще о вытравленіи плода, карая его кнутомъ и вѣчною каторгою (ст. 8). Окончательное уравненіе наказанія за убийство дѣтей съ наказаніемъ за обыкновенное убийство произошло въ указѣ 4-го Июля 1836 года.

ла убитаго и даетъ при этомъ весьма любопытную классификацію ранъ по мѣсту, куда онъ нанесены, и по оружію, которымъ нанесены. Эта классификація заимствована уставомъ изъ западно-европейскихъ уголовныхъ сборниковъ, такъ какъ ничего подобнаго наше законодательство не знало.

Къ убийству уставъ причисляетъ также самоубійство и *убийство на дуэли*. Самоубійство наказывается слѣдующимъ образомъ: если самоубійца покончилъ съ собою въ полномъ разсудкѣ, то уставъ предписываетъ палачу „тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ и по обозу“. Если же самоубійца покончилъ съ собою „въ безпамятствѣ, болѣзни или въ меланхолії“, то тѣло его хоронять, хотя и въ „особливомъ“, но не въ безчестномъ мѣстѣ. Но кромѣ совершеннія этого преступленія, подлежитъ также наказанію и покушеніе на него. Такъ, если сбить, руководствуясь „мученіемъ“, „досадой“, „безпамятствомъ“ или „стыдомъ“, покусится на свою жизнь, то подлежитъ изгнанію „съ безчестіемъ“ изъ полка. Если же совершиТЬ покушеніе по какимъ нибудь другимъ мотивамъ, то подвергается смертной казни (арт. 164, XIX гл.)¹⁾.

Что касается до дуэли, то всѣ участвовавшіе въ ней (даже, если дѣло и не дошло до поединка), какъ дуэлянты, такъ и секунданты, подлежатъ смертной казни чрезъ повышение. Мало того, уставъ предписываетъ наказывать даже убityхъ на дуэли, постановляя вѣшать ихъ трупы за ноги (арт. 139 и 140, XVII гл. и LXIX гл., I ч.). Самый вызовъ на дуэль вель къ лишенню чести и конфискаціи имущества. Въ этомъ отношеніи Наказъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зренія, высказываясь за наказаніе только одного „наступателя“. Екатерина II значительно смягчила наказаніе за дуэль, предписавъ манифестомъ о поединкахъ 1787 г. наказывать не за дуэль, а за ея послѣдствія, смотря по тому, будутъ ли таковымы раны, убѣчья или смерть.

Постановленія Воинскаго устава касательно преступлений противъ тѣлесной неприкосновенности отличаются крайней неопределённостью и противорѣчивостью. Онъ дѣлается на двѣ категоріи: на побои и на убѣчья. Уставъ перечисляетъ нѣсколько видовъ тѣхъ и другихъ. Такъ, онъ говоритъ о побояхъ, произведенныхъ рукою, причемъ полагаетъ за нихъ

1) Проектъ 1754 г. замѣняетъ смертную казнь наказаніемъ плетьми и тюремнымъ заключеніемъ на два мѣсяца (ст. 2, гл. XXVII).

въ разныхъ главахъ разныя наказанія. Изъ нихъ уставъ выдѣляетъ, въ качествѣ спеціального вида преступленія, ударъ рукою по щекѣ, караемый такимъ же ударомъ по щекѣ со стороны профоса (палача) въ присутствіи всей роты (арт. 145, XVII гл.). Другой видъ побоевъ, о которыхъ говорить уставъ, это побои, произведенныя палкою и вообще тупымъ орудіемъ, наказываемые по одной статьѣ испрашиваніемъ прощенія у обиженнаго, а по другой отсѣченіемъ руки. Что касается до увѣчій, то они наказываются или отсѣченіемъ руки, или слѣдующимъ наказаніемъ: преступнику ставится подъ висѣлицу, и затѣмъ ему прокалываютъ руки гвоздемъ или ножемъ; въ такомъ положеніи онъ находится цѣлый часъ, послѣ чего прогоняется шпицрутенами сквозь строй (арт. 143, XVII гл.).

Къ преступленіямъ противъ *чести* по Воинскому уставу относится клевета. Она можетъ быть высказана на словахъ и на письмѣ. Въ первомъ случаѣ она карается легче, чѣмъ во второмъ. Такъ, за устную клевету полагается полугодичное тюремное заключеніе и, кромѣ того, обязанность со стороны клеветника публично заявить предъ судомъ, что онъ солгаль (арт. 151, XVIII гл.). Клевета, высказанная на письмѣ, называется уставомъ пасквилемъ и опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ, черезъ что его доброму имени никакой стыдъ причиненъ быть можетъ, и оное явно прибьетъ или прибить велить, а имени своего или прозвища въ ономъ не изобразить“ (арт. 149, XVIII гл.). Такимъ образомъ для наличности пасквиля уставъ требуетъ неизвѣстность его автора, чѣмъ крайне съуживаетъ понятіе клеветы, выраженной въ писменной формѣ. Послѣдняя всегда наказуема, но степень этой наказуемости находится въ зависимости отъ истинности или ложности извѣстій, заключающихся въ пасквилѣ. Если извѣстія ложны, то пасквилянтъ, въ случаѣ его отысканія, подвергается тому наказанію, которое положено за преступленіе, приписанное имъ въ пасквилѣ невинному человѣку. Если же обвиненіе вѣрно, то пасквилянтъ подвергается или тюремному заключенію, или ссылкѣ въ каторгу, или шпицрутенамъ. Мотивируется это тѣмъ, что „онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшенія объявить“. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ пасквиль сжигается палачемъ подъ висѣлицею.

Что касается до имущественных преступлений¹⁾, то Воинскому уставу известны кража, грабежъ, поджогъ и насильственное истребление или повреждение чужого имущества²⁾. Опредѣляя кражу, какъ тайное похищеніе чужой собственности, уставъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ посредствомъ введенія въ оцѣнку кражи цѣны увраченаго. Такъ, онъ различаетъ кражу на сумму не свыше 20 рублей отъ кражи свыше 20 р.³⁾. Это постановленіе устава просуществовало до указа 1802 г., раздѣлившаго кражу до 20 р., отъ 20 р. до 100 р. и свыше 100 р. Указъ 1812 г. ввелъ еще одно подраздѣленіе кражи до 5 р. Наконецъ, указомъ 1816 г. кража была раздѣлена на пять разрядовъ: до 5 р., отъ 5 до 10 р., отъ 10 до 15 р., отъ 15 до 20 р. и выше 20 р. (причемъ попрежнему различалась кража отъ 20 р. до 100 р. и свыше 100 р.). Постановленія указа 1816 г. перешли въ Сводъ законовъ изд. 1832 г.

О наказуемости кражи до 20 р. по Воинскому уставу мы уже говорили, при разсмотрѣніи повторенія преступлений. Кража же свыше 20 р. карается смертной казнью черезъ повѣшеніе. Съ ней въ отношеніи наказанія уравнены еще слѣдующіе виды кражи: 1) во время наводненія и пожара, 2) изъ военныхъ хранилищъ (напр., изъ цейхгауза, магазина его величества и др.), 3) у своего господина (такъ называемая домашняя кража) или товарища и 4) во время караула со стороны караульного. Кроме этихъ видовъ кражи, уставъ знаетъ еще нѣсколько специальныхъ видовъ, а именно: кражу человѣка, караемую отсѣченіемъ головы (арт. 187 XXI гл.), кражу изъ намета, въ полѣ и въ походѣ, караемую отсѣ-

¹⁾ См. Фойницкаго, Мошенничество по русскому праву; Тальберга, Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ); Бѣлогрицъ-Котляревскаго, О воровстве—кражѣ по русскому праву; его же, Особые виды воровства—кражи по русскому праву; Есипова, Повреждение имущества огнемъ по русскому праву; его же, Святотатство въ исторіи русскаго законодательства.

²⁾ О мошенничествѣ уставъ ничего не говоритъ, но знаетъ нѣкоторые виды обмановъ съ корыстною цѣлью, напр., обмѣръ и обвѣсъ (арт. 200 XXXII гл.), записываніе въ приходъ менѣе дѣйствительно полученнаго (арт. 194 XXI гл.) и др. (см. Фойницкаго, назв. соч., стр. 42).

³⁾ Напротивъ, проектъ 1754 г. (I-ой ред.) различаетъ кражу на сумму свыше 40 р., караемую повѣшеніемъ, отъ кражи на сумму свыше 30 р., караемой кнутомъ и каторжными работами. Кроме того, ему известна и кража на сумму не свыше 20 р., караемая смертной казнью только за третій разъ (кражи же на сумму свыше 20 р., но ниже 30 р., влечетъ за собою кнутъ, см. гл. XXXIII).

ченіемъ ушей и носа (арт. 188) и церковную кражу (святотатство), караемую колесованіемъ. Понятіе церковной кражи по уставу крайне неопределено („кто церкви или иных святыи мѣста покрадетъ или у оныхъ что насильно отъиметъ“, арт. 186 XXI гл.), почему послѣдняя понималась въ это время очень широко. Напротивъ, проектъ 1754 г. служитъ понятіе святотатства, понимая подъ нимъ кражу священныхъ вещей изъ церкви. „Кто изъ церквей, гласить ст. I гл. XXXIV, покрадетъ освященные и прочія вещи, а именно: потиръ, сосуды, оклады съ образовъ, ризы, деньги, собраныя на церковное строеніе, или престолъ обдеретъ“. Кража же изъ церкви „какихъ другихъ вещей“ приравнивается къ обыкновенному воровству („съ таковыми поступать такъ, какъ о прочихъ татяхъ положено“). Наконецъ, къ святотатству проектъ относить и ограбленіе мертвыхъ („кто жъ гробы будетъ выкапывать и мертвому тѣлу грабительство чинить“, гласить ст. 3 той же главы). Наказъ Екатерины II опять затмилъ понятіе церковной кражи, съ одной стороны, трактуя ее, какъ преступленіе противъ вѣры, съ другой, смотря на нее, какъ на имущественное преступленіе. По проекту уголовнаго Уложения 1813 г. святотатство, во-первыхъ, признается имущественнымъ преступленіемъ (какъ и по проекту 1754 г.) и, во-вторыхъ, подъ нимъ понимается кража всѣхъ вещей, принадлежащихъ церкви и въ церкви находящихся. Кража же вещей, не находившихся въ церкви, считается святотатствомъ только тогда, когда касается священныхъ вещей. Отчасти на эту точку зрѣнія стало и законодательство. Такъ, еще указомъ Синода 18.08. г. было разъяснено, что всѣ вещи, находящіяся въ церкви и принадлежащія ей, должны считаться священными, а слѣдовательно, и кража ихъ должна трактоваться, какъ святотатство. Мало того, указъ 19 Дек. 1810 г. пошелъ еще дальше и подвелъ подъ понятіе святотатства кражу всѣхъ вообще принадлежащихъ церкви вещей, хотя бы онѣ въ моментъ кражи и находились внѣ церкви. Эти указы легли въ основу XV т. Свода законовъ, причемъ послѣдній, вопреки традиціямъ нашего законодательства, отнесъ святотатство къ преступленіямъ противъ вѣры¹⁾.

¹⁾ Бѣлогрицъ-Котляревскій, О воровствѣ—кражѣ по русскому праву, стр. 121, 195 и 214; Есиповъ, Святотатство въ исторіи русскаго законодательства, стр. 22 и слѣд.

Къ области кражи Воинскій уставъ относить также утайку чужихъ вещей, взятыхъ на сохраненіе (арт. 193), расстрату казенныхъ денегъ (арт. 194) и присвоеніе находки (арт. 195). Всѣ эти преступленія караются повѣщеніемъ.

Что касается до грабежа, то уставъ понимаетъ подъ нимъ явное, но не всегда насильтвенное похищеніе чужой собственности¹⁾. Онъ дѣлить его на два вида: совершенный „невооруженной рукой“ и съ оружиемъ въ рукахъ. Первый карается повѣщеніемъ, второй колесованіемъ (арт. 182—185, XXI гл.).

Поджогъ разсматривается уставомъ какъ видъ поврежденія и истребленія чужого имущества, и оба преступленія караются посредствомъ сожженія (арт. 178, XXI гл.)²⁾.

Въ царствование Екатерины II указомъ 1781 г., „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ было впервые смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указомъ призналь кражи „цѣною ниже 20 р.“. За совершеніе подобнаго преступленія въ первый разъ по указу было положено: „имать подъ стражу и отослать въ рабочій домъ, где работать до-дѣла заплатить то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ“. За вторую кражу налагалось то же, но съ прибавленіемъ двухъ ударовъ плети и обязательной работы въ пользу рабочаго дома въ размѣрѣ тоже 6% цѣны украден-наго. За третью кражу виновный подвергался тремъ ударамъ плети, кромѣ того, отдавался въ рабочій домъ съ обязательствомъ заработать цѣну украденаго, затѣмъ 6% этой цѣны на вознагражденіе пострадавшему и 12% въ пользу рабочаго дома. За крупныя кражи наказаніе осталось прежнее, т. е. смертная казнь, замѣненная на практикѣ при Елизаветѣ Петровнѣ ссылкою въ каторжную работу съ вырываніемъ ноздрей. Другая особенность разсматриваемаго указа состояла въ томъ, что онъ провелъ точное разграничение между воровствомъ и грабежемъ, указавъ отличительный признакъ по-

¹⁾ О томъ, что признакъ насилия далеко не всегда прилагается Воинскимъ уставомъ къ понятію грабежа, иначе говоря о томъ, что уставу извѣстенъ грабежъ и безъ насилия см. толкованіе артикуловъ 185, 106 и 107 XXI гл., предложенное проф. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ (О воровствѣ—кражѣ, стр. 100—101).

²⁾ Впрочемъ, уставъ знаетъ особый видъ поджога, не влекущій за собою смерти, это—поджогъ на непріятельской землѣ, являющійся ничѣмъ инымъ, какъ самовольнымъ истребленіемъ имущества огнемъ „безъ указу“, т. е. безъ разрѣшения начальства. Проектъ 1754 г. различаетъ поджогъ строеній отъ поджога другихъ предметовъ; первый, какъ болѣе опасный видъ преступленія, влечетъ за собою сожженіе, второй—отсѣченіе головы (ст. I и 3, гл. XXXIX).

слѣднаго въ насилии физическомъ или психическомъ (грабежъ „есть, буде на кого нападеть и остановить, страшная дѣйствіемъ... и нахально ограбить или что отниметъ, или дать себѣ принудить“) ¹⁾). Наконецъ, третья особенность указа заключалась въ томъ, что онъ различалъ понятіе „воровства—кражи“, отъ понятія „воровства—мошенничества“, понимая подъ послѣднимъ карманную кражу на торгахъ и въ многолюдныхъ собранияхъ, затѣмъ внезапное открытое похищеніе чужого имущества, а также и похищеніе его посредствомъ обмана (воровство—мошенничество есть „буде кто на торгу или въ иномъ многолюдствѣ у кого изъ кармана что выметъ или вымысломъ или внезапно у кого что отыметъ или унесетъ, или отъ платы полу отрѣжетъ, или шапку сорветъ, или обманомъ или вымысломъ продасть, или въсомъ обвѣсить, или мѣрою обмѣнить“) ²⁾).

Къ преступленіямъ противъ нравственности Волинскій уставъ относитъ изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кровосмѣщеніе и др. Изнасилованіе карается смертною казнью чрезъ отсѣченіе головы; но при этомъ въ фактѣ изнасилованія судѣ вмѣняется обязанность удостовѣриться посредствомъ освидѣтельствованія пострадавшей. На показанія женщины дурного поведенія уставъ запрещаетъ полагаться, „хотя правда“, говоритъ онъ „нѣкоторыя права насилия надъ явною блудницею не жестоко наказать повелѣваютъ, однако же, сие все едино, ибо насилие есть насилие, хотя надъ блудницею или честною женщиной, и надлежитъ судѣ не на особу, но на дѣло и на самое обстоятельство смотрѣть“. Эти „обстоятельства“ по уставу слѣдующія: 1) „если у женщины или у насильника, или у нихъ у обоихъ найдется, что платы отъ обороны разодрано“, 2) „или у единаго, или у другого или синевы или кровавые знаки найдутся“, 3) „если изнасиленная по скоромъ времени къ судѣ придется и о насилиствіи жалобу принесетъ“ (арт. 167, XX гл.). Единственный случай изнасилованія, который не наказывался уставомъ, это—изнасилованіе невѣсты (арт. 168, XX гл.) ³⁾. Подъ прелюбодѣяніемъ

¹⁾ См. Сергеевича „Лекціи и изслѣдованія“, стр. 923. Впрочемъ, въ изложеніи проф. Сергеевича содержаніе указа 1781 г. передано не совсѣмъ вѣрно.

²⁾ Такое же опредѣленіе мошенничества даетъ и проектъ 1754 г. (см. ст. 22, XXXII гл., ст. 22, XXXIII гл., а также главы LIV и LV).

³⁾ Проектъ 1754 г. къ этимъ постановленіямъ добавляетъ еще два слѣдующихъ: 1) въ случаѣ, если изнасилованная девушка пожелаетъ выйти за „насильника“ замужъ, то смертная казнь замѣняется ей денежнымъ штрафомъ (если онъ дво-

дѣяніемъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между мужчиной и женщиной, какъ между женатымъ и замужней, такъ и между холостымъ и незамужней. Подъ понятіе этого преступленія подводится и связь между женатымъ и не замужней и наоборотъ. Прелюбодѣяніе карается тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и ссылкою въ каторжныя работы (арт. 169 и 170 ХХ гл.). Кроме того, если отъ связи между холостымъ и незамужней рождается ребенокъ, или женщина только еще забеременитъ, то отецъ обязуется, выражаясь словами устава, „для содержанія матери и младенца, по состоянію своему и платы, нѣчто дать“. Если же будетъ доказано, что женщина вступила въ связь, вслѣдствіе обѣщанія на ней жениться, то ея соблазнитель обязуется исполнить свое обѣщаніе (арт. 176). Въ одномъ только случаѣ прелюбодѣяніе наказывается значительно легче, это—если обвиненные въ немъ женатые люди докажутъ, что „въ супружествѣ способу не могутъ получить тѣлесную охоту утолить“, т. е. что супруги оказываются неспособными къ половому сожитію (арт. 170)¹⁾. Подъ кровосмѣщеніемъ или блудомъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между близкими родственниками и свойственниками, т. е. между такими лицами, которыхъ не могутъ вступать въ бракъ между собой по соображеніямъ родства или свойства. Уставъ знаетъ два вида этого преступленія: 1) связь между свойственниками и родственниками прямыхъ линій, караемую смертною казнью, и 2) связь между родственниками и свойственниками боковыхъ линій, караемую „по судейскому разсужденію“ и церковнымъ покаяніемъ (арт. 173 и 174 ХХ гл.). Что касается до мужеложства—преступной связи между мужчинами, и скотоложства—преступной связи между человѣкомъ и животнымъ, то эти преступленія были внесены впервые въ наше законодательство Воинскимъ уставомъ. Первое изъ нихъ, если было соединено съ насилиемъ, карается смертною казнью или вѣчною ссылкою на галеры (арт. 166 ХХ гл.); второе влечетъ за собою „жестокое“ тѣлесное наказаніе (арт. 165, ХХ гл.).

рянинъ), или наказаніемъ плетью (если онъ изъ „подлыхъ“) и 2) смертная казнь замѣняется штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ (для „подлыхъ“ тѣлеснымъ наказаніемъ), если поводъ къ насилию подала сама женщина „черезъ непристойные свои поступки“ (ст. 4 и 5, гл. XLV). Затѣмъ наравнѣ съ изнасилованіемъ проектъ караетъ также и похищеніе женщинъ для развратныхъ цѣлей („насильный увозъ женъ и девокъ“, см. гл. XLVI).

¹⁾ Проектъ 1754 г. наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ караетъ также сводничество и содержаніе публичныхъ домовъ, предписывая виновныхъ въ томъ муж-

ГЛАВА II.

Ученіе о наказаніи¹⁾.

Наказывая преступника, законодательство императорского периода преслѣдовало нѣкоторыя опредѣленныя цѣли, какъ и въ періодъ Московскаго государства. Такою цѣлью было, во-первыхъ, *устрашеніе*. „Такимъ ворамъ“, писалъ, напр., Петръ I Виніусу о раскольникахъ, которые, собравъ людей, сожигали, безъ всякой пощады *во страхѣ иныхъ*, такимъ же ворамъ, сжечь“²⁾. Точно также и Воинскій уставъ предписываетъ казнить бунтовщиковъ „безъ всякой милости“, дабы чрезъ то другимъ *страхъ подать* и онъхъ отъ такихъ непристойностей удержать“ (арт. 157). Что устрашеніе было одною изъ цѣлей наказанія, на это указываетъ и терминология законодательныхъ памятниковъ, напр.: „подъ жестокимъ страхомъ“, „подъ жестокимъ его государевымъ гнѣвомъ“, „подъ страхомъ жестокаго наказанія“ и т. п. „Того ради“, читаемъ въ Генеральномъ регламентѣ (гл. XLVII), „надлежить публичному мѣсту быть, гдѣ въ узловое время все наказаніе чинено быть имѣеть, дабы всикъ, смотря на то, отъ такихъ прегрѣшений и преступлений себя могъ охранить“. Точно также и указъ 19 Янв. 1721 г. предписываетъ: „всѣмъ бѣглымъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ, дабы впредь, на то смотря, другимъ никому бѣжать было нецовадно“. Наконецъ, указъ 1718 г., „для большаго страха“ велитъ „по знатнымъ дорогамъ, гдѣ проѣздъ бываетъ, поставить висѣлицы“, на которыхъ и вѣшать, „не описываяся“, преступниковъ. Иначе говоря, публичность казней также являлась орудиемъ устрашенія; эту же цѣль преслѣдовало законодательство, усиливая жестокость наказанія и вводя массу, такъ называемыхъ, квалифицированныхъ наказаній.

Другою цѣлью наказанія было *возмездіе* въ формѣ главнымъ образомъ материальнаго таліона. Возмездіе преобладаетъ

чинъ наказывать плетьми, а женщинъ (какъ сводницъ, такъ и „непотребныхъ дѣвокъ“) — еще, кроме того, ссылать на прядильный дворъ.

¹⁾ Сергѣевский, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка; Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи; Филипповъ, О наказаніи по законодательству Петра Великаго; Тимофеевъ, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Остальная сочиненія и статьи будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 112 и слѣд.

въ Воинскомъ уставѣ. „Кто имени Божію хуленіе наносить“, читаемъ въ немъ, „и оное презираеть, и службу Божію поносить, и ругается слову Божію и св. таинствамъ, ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ будетъ“ (арт. 3) или „кто пистолетъ или шпагу на кого подыметь, оному рука отсѣчена да будетъ“ (арт. 144), или же за лжеприсягу — „два пальца, которыми присягаль, отсѣчь“ (арт. 196), или „кто кого убьетъ, онаго (убитаго) кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь“ (арт. 154), или „кто кого ударить по щекѣ, онаго профосъ имѣеть также ударить“ (арт. 145) и т. п. Но и другіе законодательные памятники, а также и практика нерѣдко преслѣдовали цѣли возмездія. Вотъ, что читаемъ, напр., въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи 1722 г. по дѣлу Левина, который „показалъ себя не только злымъ порицателемъ его имп. величества высокія персоны и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ“, почему и былъ приговоренъ къ сожженню: „прежде той казни (т. е. сожженнія) вырѣзать ему языкъ, понеже которымъ уdomъ прежде злобу онъ произносилъ, тотъ удъ и казнь прежде воспріемлетъ“. При осуществлѣніи цѣлей возмездія, законодательство заботилось о постоянномъ соотвѣтствіи и соразмѣрности между преступлениемъ и наказаніемъ; это стремленіе лучше всего сказывается въ наказаніи пасквилянта. „Онаго“, гласить Воинскій уставъ, „надлежитъ наказать такимъ же наказаніемъ, каковою страстью онъ обруганного хотѣлъ обвинить, т. е., если кто нибудь въ пасквиль браниль кого измѣнникомъ или инымъ злымъ дѣломъ, пасквилотворецъ и самъ долженъ быть наказанъ, яко измѣнникъ или такихъ дѣлъ дѣлатель, о которыхъ описалъ“ (ар. 149).

Третья цѣль, преслѣдовавшаяся наказаніемъ, заключалась въ обеспечении общества отъ преступниковъ путемъ принятія мѣръ, долженствовавшихъ гарантировать населеніе отъ проявленія злой воли лицъ, впавшихъ въ преступление. Для этой цѣли служила ссылка и тюремное заключеніе, получившія довольно широкое развитіе въ императорскомъ періодѣ, а также членовредительный наказанія и наложеніе на тѣло преступниковъ неизгладимыхъ знаковъ, благодаря которымъ, они всегда могли быть известны всѣмъ, какъ заклейменные, и въ случаѣ бѣгства, легко могли быть отысканы. Вотъ, что гласить, напр., указъ 15 Янв. 1723 г.: „его имп. величество усмотрѣть соизволили, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри вынуты мало-

знатны; того ради его имп. величество указалъ: во всѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ въ каторжную работу присылаютъ, вынимать ноздри до кости, дабы, когда служитъ такимъ бѣжать, чтобы вездѣ утаиться было не можно и для лучшей поимки были знатны, также которые нынѣ есть при каторжныхъ дворахъ, такие-жъ невольники учинить тожъ". Цѣль подобного „пятнанія“ объясняется въ указѣ 9 Іюля 1698 г.: „смотрѣть по дорогамъ и рѣкамъ накрѣпко.... ссылочныхъ же бѣглыхъ и буде гдѣ у кого бѣглый или ссылочный человѣкъ явится, а по осмотру на комъ на спинѣ объявится, что онъ пытали или приложено пятно, и такихъ пытаенныхъ и запятнанныхъ не пропускать и задерживать“.

Наконецъ, послѣднею цѣлью наказанія было извлечеиye выхода изъ преступника, для чего служили эксплоатацией его личного труда и имущественныя наказанія. Первая крайне развилаась при Петре, доказательствомъ чего служить огромная масса указовъ послѣдняго. „Послать преступниковъ туда, гдѣ дѣлаютъ новую гавань“ (указъ 1722 г.), читаемъ въ одномъ изъ нихъ. „Каторжныхъ не употреблять въ медвѣя и разныя работы“, читаемъ въ другомъ, „но на тѣ, кои на одномъ мѣстѣ, а именно: сваи бить и прочія, тому подобныя“ (указъ 1715 г.). „Ссылатъ на тамошніе разные заводы на работу“ (указъ 1722 г.), гласитъ третій. „Винныхъ бабъ и дѣвокъ“, читаемъ въ четвертомъ, „отсылать въ опредѣленный прядильный дворъ“ (указъ 1719 г.). Вотъ, что писалъ самъ Петре князю Ромодановскому: „Henadigste Herr, азъ доношу вашему величеству, что добрыхъ людей довольство имѣемъ; нынѣ же вѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысяч воровъ (а именно, если возможно, 2000 человѣкъ) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собрать по первому пути и которые посланы въ Сибирь, а нынѣ еще въ Вологду“. До насъ дошли также слѣдующія слова Виніуса: „всякихъ воровъ и басурманскихъ полонянниковъ можно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобы не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полонянникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бѣ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали“. Имущество взысканія также утилизировались государствомъ; одни изъ нихъ шли въ казну (такъ, по указу 1721 г. „ положенные деньги съ раскольщиковъ, которые будутъ собираться вдвое“, было предписано отсылать въ Штатъ-конторъ-коллегію, а „штрафы по духовнымъ дѣ-

ламъ имать въ Синодъ"), а другія „на госпитали лечебные“, на больницы и т. п.

Иначе смотрѣла на цѣли наказанія имп. Екатерина II въ своемъ Наказѣ. Мысли ея касательно наказанія весьма важны въ области русскаго уголовнаго права, такъ какъ Наказъ былъ первый памятникъ, ставшій проповѣдывать у насъ гуманная идеи въ обращеніи съ преступникомъ, заимствованная съ Запада. Цѣль наказанія по Наказу заключается не въ возмездіи и не въ устрашениі. Напротивъ, съ точки зреінія императрицы, въ области мелкихъ преступленій цѣль наказанія состоитъ въ исправленіи, въ области же крупныхъ преступленій—въ воспрепятствованіи преступникамъ причинять вредъ обществу. Говоря о наказаніи, Наказъ задается вопросомъ, на основаніи какого права общество можетъ наказывать своихъ членовъ. „Откуда“, говоритъ онъ, „имѣютъ начало свое наказанія, и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?“ „Законы“, отвѣчаетъ императрица, „могно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но не довольно было установить сіи способы, кои сдѣлялись залогомъ общества, надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей. Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости сего залога“. „Когда бы жестокость наказанія не была бы уже опровергнута добродѣтельми, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныхъ довольно было бы и сего, что она безполезна; и сіе служить къ показанію, что она несправедлива. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредъ не могъ вредить обществу, и чтобы отвратить согражданъ отъ сдѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее и въ то же время были бы меныше люты надъ преступниковымъ тѣломъ“. „Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи, сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, вышесказанныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ. Кто не чувствуетъ внутри содраганія чувствительного сердца при зреющѣ тѣхъ тысячу безчастныхъ людей, которые оныхъ пре-

терпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные въ преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немотущихъ, часто сплещенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ *суеты*. Кто можетъ смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратію. Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя. Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оними столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими". „Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особылаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказанія исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи, и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насилие человѣку, но собственное дѣйствіе человѣка. Чтобы наказаніе не казалось насильствомъ одного или многихъ, противу гражданина возставшихъ, надлежитъ, чтобы оно было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умѣренное, сколь можно при дѣйныхъ обстоятельствахъ, уравненное съ преступленіемъ и точно показанное въ законахъ". „Чѣмъ ближе будетъ отстоять наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и справедливѣе: справедливѣе, потому что оно преступника избавить отъ жестокаго и излишняго мученія сердечнаго о неизвѣстности资料 of его жребія". „Сказано мною, что въ надлежащей скорости чинимое наказаніе полезно для тѣго, что, чѣмъ менѣе времени пройдетъ между наказаніемъ и преступленіемъ, тѣмъ больше будутъ почитать преступленіе причиной наказанія, а наказаніе дѣйствомъ преступленія". „Наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно. Самое надежнѣшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ".

Мы нарочно привели много цитатъ изъ Наказа юрисдикціи наказанія, чтобы показать, какъ несходны и какъ мало точекъ соприкосновенія имѣютъ возврѣнія Наказа на этотъ институтъ уголовнаго права съ возврѣніями прежняго законодательства. Такъ, по Уложенію и Войнскому уставу, смотрящимъ на наказаніе, какъ на средство возмездія, устрашенія и т. п., оно должно быть по возможности сурово и жестоко.

Око за око и зубъ за зубъ и „наказати его нещадно, чтобъ, смотря на то, и другимъ неповадно было такъ дѣлать“— вотъ два принципа, которые провозглашаются Уложеніемъ въ области уголовнаго права. Воинскій уставъ въ этомъ отношеніи еще болѣе суровъ, чемъ Уложение. Каждая строка его, можно сказать, дышетъ страшною жестокостью и ненавистью по отношенію къ преступнику. Между этими двумя памятниками и Наказомъ цѣлая бездна. Смотря на наказаніе, какъ на средство исправленія преступника или изолированія его отъ окружающаго его общества, Наказъ отвергаетъ жестокость, какъ необходимый признакъ наказанія, считая вліяніе на общество въ высшей степени деморализующимъ. Не жестокость наказанія, а сознаніе его неизбѣжности должно воздерживать преступника отъ совершенія преступленія, вотъ новая мысль, которую старается популяризировать Наказъ. Одна изъ главныхъ функций законодательства должна состоять въ предупрежденіи преступленій, вотъ другая, также совершенно новая мысль, высказанная у насъ впервые въ Наказѣ. Отношеніе послѣднаго къ преступнику въполнѣ смысла слова гуманное: онъ старается избавить его отъ излишнаго мученія, вслѣдствіе чего настаивается на скорости наказанія. Кроме того, ему не слѣдуетъ имѣть характера насилия, въ силу чего оно должно вполнѣ соотвѣтствовать преступленію.

Отличительными свойствами наказанія въ изучаемую эпоху были: во-первыхъ, отсутствие индивидуальности наказанія, въ силу чего нерѣдко карались не только одни преступники, но и близкія къ нимъ лица, напр., жена, дѣти и др. Такъ, въ сенатскомъ указѣ 1713 г. о неявившихся купецкихъ людахъ въ Ригу, читаемъ: „а женъ ихъ и дѣтей, и людей ихъ держать за карауломъ, а пожитки ихъ, запечатавъ, поставить караулъ, пока они (купцы) явятся въ Ригу“. „Буде нѣтчики и бѣглецы“, гласить указъ 1699 г. о штрафѣ съ нѣтчию, „унутъ отъ взятыхъ тѣхъ денегъ изъ домовъ своихъ избѣгать и укрываться въ иные села и деревни, и у тѣхъ велѣть имѣть женъ и дѣтей ихъ, и свойственниковъ, которые съ ними живутъ въ однихъ домахъ, и держать въ тюрьмѣ и за караулы покамѣстъ тѣ деньги на нихъ направлены будуть“. Объ отсутствіи индивидуальности наказанія свидѣтельствуетъ также указъ 1698 г. о воронежскихъ солдатахъ, „что изъ нихъ“, читаемъ въ указѣ, „нынѣ, по высылкѣ, къ тому дѣлу, не пойдутъ, учинено будетъ жестокое наказаніе на

козлѣ и въ проводку будуть биты кнутомъ и съ женами, съ дѣтьми сосланы будуть на вѣчное житіе въ Азовъ". Принципъ индивидуальности наказанія впервые провозглашается въ уставѣ благочинія 1782 г., признаваемъ невозможность отвѣтственности родителей за дѣтей. Наконецъ, тотъ же принципъ исключительно личной отвѣтственности окончательно устанавливается въ нашемъ законодательствѣ указомъ 4 Ноября 1803 г.

Во-вторыхъ, наказаніе отличалось крайнею неопределеннostью своей законодательной формулировки, въ силу чего часто не опредѣлялся не только видъ, но и самъ родъ наказанія. Такими терминами, какъ, напр., „подъ опасенiemъ жестокаго наказанія“, „подъ опасенiemъ государева гнѣва и жестокаго истязанія“, „быть въ казнї“, „по суду наказанъ быть имѣть“ (Воинск. уст., арт. 75) и т. п. буквально испещрены указы первой половины XVIII ст. Иногда опредѣляется родъ, но не опредѣляется видъ наказанія, напр., „бить кнутомъ нещадно“ (ничего не сказано о количествѣ ударовъ), „положены будуть великие денежные штрафы“, „за первую вину будуть биты кошками, а за вторую кнутами“, или по Воинскому уставу: „штрафу, несолько денегъ на шпиталь дать“ (арт. 17), „жестоко шипицрутенами наказанъ будетъ“ (арт. 58), „наказаниемъ денежнымъ и сноснымъ заключениемъ наказанъ будетъ“ (арт. 152), „на тѣлѣ имѣть быть наказанъ“ (арт. 200 и т. п.).

Въ-третьихъ, отсутствие равенства всѣхъ предъ закономъ въ отношеніи наказанія, что объяснялось сословнымъ духомъ эпохи. Вотъ что гласить, напр., указъ 1711 г.: „тѣмъ вышнихъ чиновъ дворянамъ быть въ его величайшаго государя гнѣвѣ, а нижнимъ въ жестокомъ истязаніи“. Въ другомъ указѣ того же года читаемъ: „съ вышнихъ и нижнихъ чиновъ людей взять будетъ штрафъ, смотря по персонамъ“. На основаніи указа 1700 г. было предписано съ гостей братъ, „пени большія“, а остальныхъ купцовъ подвергать тѣлесному наказанію. Въ указахъ обѣ утайкой душъ въ ревизскихъ сказкахъ со стороны помѣщиковъ и ихъ приватчиковъ и старость правительство предписало подвергать виновныхъ слѣдующему наказанію: съ помѣщиковъ братъ вдвое людей противъ утаеннаго, а приватчиковъ и старость карать смертью¹⁾.

¹⁾ См. Филиппова, О наказаніи по законодательству Петра Великаго, а также мою рецензию на это сочиненіе въ „Истор. Вѣсти“ 1891 г., № 9.

Точно также и Воинский устав определяет далеко не одинаковый род наказаний для офицеров и солдатъ, причемъ первые наказываются строже, чѣмъ послѣдніе¹⁾, наконецъ, нерѣдко встречаются такія выраженія въ уставѣ: „наказать, смотря по состоянію особъ“, или „смотря по чину особъ“. Неравенство наказаній и соотношеніе ихъ съ общественнымъ положеніемъ преступника значительно увеличилось и развилось при Екатеринѣ Второй, когда дворяне, купцы двухъ первыхъ гильдій и именитые граждане получили разные льготы въ области уголовнаго права²⁾. При Александрѣ I нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, получило и духовенство.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, мучительность наказаній, значительно увеличившаяся съ изданіемъ Воинскаго устава. Только Наказъ призналъ, что „наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно“, и что „самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ“.

Переходимъ къ разсмотрѣнію видовъ наказаній. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась смертная казнь, но, не смотря на это, она полагалась въ огромномъ количествѣ случаевъ, какъ въ сепаратныхъ указахъ, такъ и въ Воинскомъ уставѣ (уставъ опредѣляетъ ее въ 122-хъ случаяхъ, причемъ въ 62-хъ — съ обозначеніемъ вида и въ 60-ти безъ обозначенія). Однако, на практикѣ смертная казнь примѣнялась далеко не всегда и нерѣдко замѣнялась другими наказаніями. Вотъ, что гласить, напримѣръ, указъ 19 Ноября 1703 года: „на Москву во всѣхъ приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ въ его государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ и бунтѣ, и въ смертныхъ умышленныхъ убивствахъ, или кто кого какимъ питіемъ или отравою уморить, и тѣхъ людей за тѣхъ вины казнить смертью“. Иначе говоря, этимъ указомъ, не смотря на существование Уложения, новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, въ изобиліи расточающихъ смертную казнь за мас-

1) Апр. 101 устава выставляетъ слѣдующее общее правило: „коль болѣе чина и состоянія преступитель, толь жесточе онай и накажется, ибо онай долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать и собою оказывается, что онай чинить имѣть“.

2) Дворянъ и купцовъ первой гильдіи освобождается отъ тѣлеснаго наказанія и проектъ уголовнаго уложения 1754 года.

су всевозможныхъ преступлений и проступковъ, на практикѣ примѣненіе ея ограничивается всего пѣсколькими случаями, точно указанными въ указѣ 1703-го года. И, дѣйствительно, изъ послѣдующихъ указовъ ~~мы~~ видимъ, что смертная казнь постоянно замѣнялась другими наказаніями и, если примѣнялась, то только за болѣе важныя преступленія.— „Воровъ и разбойниковъ, читаемъ, напримѣръ, въ указѣ 1704-го года, „которые въ убивствѣ, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ, казнить, а которые, кромѣ вышеписанныхъ винъ, а по закону достойны смерти, тѣхъ бить кнутомъ и, запятнавъ новыми пятнами, послать вѣчно въ каторгу“. „Разбойниковъ за второй разбой“, гласить указъ 1714-го года, „вместо смерти, послать на вѣчную каторгу“. Указъ 1721-го года предписываетъ „освобождать отъ смерти убийцъ, которые явятся сами и въ томъ (убивствѣ) вину принесутъ добровольно“ и т. д.

Виды смертной казни были слѣдующіе: обыкновенные и квалифицированные. Къ первымъ относились: 1) отсѣченіе головы (по Воинскому уставу, въ 8-ми случаяхъ), произошедшее съ Петра при помощи меча („царь, говорить Корбъ, „пожелалъ казнить преступниковъ новымъ, еще неизвѣстнымъ его народу, способомъ—не топоромъ, а мечемъ“); точно также Воинскій уставъ говоритъ о мечѣ, какъ орудіи казни: „наказанія смертныя чинятся застрѣленіемъ, мечемъ, висѣлицею“ и т. п.; см. III часть: „Оглавленіе приговоровъ“); 2) повѣшеніе, примѣнявшееся, по Воинскому уставу, въ 33-хъ случаяхъ, причемъ въ 7-ми случаяхъ оно принимало коллективный характеръ, когда, кромѣ начальниковъ, подвергалася висѣлицѣ десятый изъ солдатъ; 3) аркебузированіе или разстрѣяніе, впервые получившее законодательную санкцію въ Воинскомъ уставѣ (7 случаевъ).— Квалифицированные виды были слѣдующіе: 1) четвертованіе, т. е., отсѣченіе топоромъ сперва рукъ и ногъ, а затѣмъ головы, иногда сопровождавшееся рваніемъ тѣла клещами (впрочемъ, четвертованіе иногда производилось послѣ казни надъ трупомъ преступника); 2) окопаніе въ землю вмѣстѣ съ руками по плечо съ цѣлью оставленія безъ пищи и питья до наступленія смерти, причемъ въ послѣдній разъ эта казнь была примѣнена въ 1740 году; 3) залитіе горла металломъ, смягченная указомъ 1723-го года, предписавшимъ, „буде такие заливающіе горло скоро не умрутъ, то отсѣкатъ для скорой смерти голову“; 4) колесованіе, т. е., раздробленіе членовъ тѣла колесомъ,

причёмъ тѣло преступника послѣ казни оставлялось на нѣкоторое время на колесѣ; 5) сожженіе, иногда выражавшееся въ формѣ конченія, т. е., сожженія на медленномъ огнѣ, причемъ преступникъ, по словамъ шведа Штраленберга, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обкуривался какимъ то видимъ составомъ, такъ что у него вылѣзали всѣ волосы на тѣлѣ; 6) повѣшаніе за ребро на крюкѣ, вонзвшемся осужденному въ борь между ребрами и продѣвавшемся подъ однѣмъ изъ нихъ, впервые введенное инструкцію для искорененія разбойниковъ 24-го Декабря 1719 года, „для вящихъ воровъ и разбойниковъ и особливо тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“, и имѣвшее мѣсто въ послѣдній разъ при усмирѣніи Шугачевскаго бунта¹⁾.

Смертная казнь сравнительно широко примѣнялась до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, питавшей глубокое отвращеніе къ этому виду наказанія²⁾. Этимъ отвращеніемъ объясняется появленіе указа 1744-го года, фактически прѣстановившаго дѣйствіе смертной казни въ Россіи³⁾. „Усмотрѣно въ правительственномъ Сенатѣ,—гласить этотъ указъ, „что въ губерніяхъ и въ провинціяхъ, и въ городахъ, также и въ войскахъ, и въ прочихъ мѣстахъ имперіи смертная казнь чинять не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно“. Въ виду этого, указъ предписалъ: „для лучшаго разсмотрѣнія“ присыпать въ Сенатъ „обстоятельный перечень выписки“, т. е., экстракты изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ Сената соотвѣтственныхъ указовъ не приводить въ исполненіе этихъ приговоровъ, руководствуясь тѣмъ же правиломъ и на

1) Проектъ уголовнаго уложенія 1754-го года вводитъ еще новый видъ квалифицированной казни, а именно: разорваніе пятью лошадьми („разорвать пятью запрѣженными лошадьми на пять частей“, гласитъ статья 1-ая гл. XX); впрочемъ, уже вторая редакція проекта уничтожаетъ этотъ видъ казни.

2) По словамъ извѣстнаго историка прошлаго вѣка, князя Щербатова, Елизавета Петровна, идя на сверженіе съ престола Ивана Антоновича, дала обѣтъ, что, если ей удастся взойти на престолъ, то во все свое царствованіе никого не лишать жизни (См. Загоскина, Очеркъ истории смертной казни въ Россіи, стр. 75).

3) Впрочемъ, еще въ указѣ отъ 2-го Августа 1743-го года, даннымъ на имя главнокомандующаго русскими войсками въ Финляндіи, фельдмаршала Ласси, императрица высказалась за необходимость отмѣны смертной казни съ замѣною ея политическою смертью. Этотъ указъ до насъ не дошелъ, и объ его содержаніи мы узнаемъ изъ сенатскаго доклада императрицы отъ 29-го Марта 1753-го года (Сергиевскій, Смертная казнь при императрицѣ Елизавете Петровнѣ, Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1892-го года).

будущее время. 29-го Марта 1753-го года Сенатъ вошелъ къ государынѣ съ докладомъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ определеніи въ законодательномъ порядке ~~наказанія~~, долженствовшаго быть примѣняемымъ къ лицамъ, до сихъ поръ присуждавшимся къ смертной казни, причемъ предложилъ подвергать ихъ наказанію кнутомъ и, вырѣзывъ у нихъ ноздри, а также заклеймивъ и заклепавъ ихъ въ ножные кандалы, ссылать въ вѣчную каторжную работу. Елизавета Петровна утвердила названный докладъ. Однако, уже 25-го Мая 1753-го года появляется новый сенатскій указъ, которымъ опять предписывается присыпать въ Сенатъ экстракты изъ дѣлъ со смертными приговорами, пріостанавливая исполненіе этихъ послѣднихъ¹⁾). Результатомъ упомянутыхъ указовъ было, съ одной стороны, накопленіе въ Сенатѣ массы подобныхъ приговоровъ, остававшихся, по повелѣнію императрицы, безъ разсмотрѣнія, а съ другой стороны, переполненіе тюремъ присужденными къ казни преступниками, ожидающими дальнѣйшаго сенатскаго указа. Вотъ почему 30-го Сентября 1754-го года появился, наконецъ, сенатскій указъ, въ которомъ еще разъ было подтверждено, чтобы „приговореннымъ къ смертной казни смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго о нихъ указа не чинить; а дабы онѣ, за долговременнымъ разматриваніемъ присыпаемыхъ обѣихъ наказаній и изъ ссылки побѣговъ чинить и, за непостановленіемъ на нихъ законовъ, укрываясь, въ такія же воровства вступать не дерзали“, предписывается ссылать ихъ въ Рогервикъ (Балтійскій портъ) и въ другія мѣста, подвергать жестокому наказанію кнутомъ, рванью ноздрей и клеймленію словомъ—воръ“. Елизавета Петровна, хотя только пріостановила дѣйствіе смертной казни, но безспорно желала и совершенной ея отмѣны, о чьмъ свидѣтельствуетъ ея словесный указъ, данный въ 1761 году законодательной комиссіи, которымъ она „высочайше повелѣть соизволила въ новосочинялемъ Уложеніи за подлежащія вины

¹⁾ Профессоръ Сергиевский видѣтъ въ несогласіи постановленій какъ названаго, такъ и позднѣйшаго (30-го Сентября 1754-го года) указовъ съ постановленіями высочайше утвержденаго доклада 29-го Марта 1753-го года результатъ оппозиціи Сената намѣреніямъ императрицы уничтожить смертную казнь (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1892-го года), забывая, что докладъ 29-го Марта, замѣнившій смертную казнь наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ каторжную работу, исходилъ вовсе не отъ императрицы, а также отъ Сената, слѣдовательно, послѣдній долженъ былъ оппонировать самому себѣ.

смертной казни не писать" (см. мои Законодательная комиссия въ Россіи въ XVIII ст.).

Точно также и Екатерина II, хотя въ принципѣ и не отрицала смертной казни, но въ необходимости ея далеко была не увѣрена, что и выражалось въ крайней неопределённости статей Наказа касательно этого вида наказанія. Такъ, въ статьѣ 79-ой говорится, что „гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять". Въ этомъ отношеніи смертная казнь есть „нѣкоторое лѣкарство больного общества". Такимъ образомъ, въ названной статьѣ высказывается мысль, что убийство должно наказываться смертью. Напротивъ, въ статьѣ 210-ой смертная казнь допускается только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи, и когда преступникъ можетъ быть освобожденъ изъ тюрьмы. При нормальномъ же теченіи дѣлъ въ государствѣ, когда хорошее устройство тюремъ вполнѣ можетъ гарантировать общество отъ бѣгства преступниковъ, смертная казнь излишня, потому что „ни чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія". Въ виду противорѣчія этихъ двухъ статей другъ другу, ясно, что императрица не выработала себѣ определенной точки зренія на разрешеніе вопроса о смертной казни. На практикѣ же въ ея царствованіе все оставалось попрежнему, т. е. смертная казнь не примѣнялась, хотя продолжала существовать въ законѣ (преступниковъ подвергали смерти только въ исключительныхъ случаяхъ).

Въ царствованіе Александра I этотъ вопросъ снова былъ поднятъ. Дѣло въ томъ, что въ 1813 году законодательная комиссія составила проектъ уголовнаго Уложения и внесла его на разсмотрѣніе въ Государственный совѣтъ. Проектъ, хотя допустилъ примененіе смертной казни, но, во-первыхъ, ограничилъ виды ея, признавъ только два вида: повѣшеніе или казнь первой степени, и, во-вторыхъ, значительно съузилъ самую сферу примененія смертной казни, постановивъ, вдобавокъ, что ни одинъ смертный приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его государемъ. Тѣмъ не менѣе, допущеніе въ проектѣ разматриваемаго вида наказанія вызвало въ Государственномъ совѣтѣ серьезные протесты. Ярымъ противникомъ смертной каз-

ни выступилъ извѣстный адмиралъ, графъ Мордвиновъ. „Когда благодѣтельными самодержцами Россіи,—говорилъ Мордвиновъ въ своемъ письменномъ мнѣніи,—отмѣнена смертная казнь, то возстановленіе ея въ новоизданномъ уставѣ при царствованіи Александра I невольно приводить меня въ трепетъ и смущеніе. Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и бесполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію“. „Имѣеть ли человѣкъ“,—читаемъ далѣе,—„право отнять у подобного себѣ то, чего, раскаившись впослѣствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить? Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе, не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему не принадлежащее? Нравственный и всеобщій законъ, воспрещающій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правости въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть далѣе вреднымъ, не есть ли жертва бесполезная и невинная? Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни, самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ“¹⁾). Однако, и въ это царствованіе вопросъ о смертной казни не былъ разрѣшенъ и только уже съ изданіемъ Свода Законовъ и Уложенія о наказаніяхъ 1845 года вышелъ, наконецъ, изъ своего крайне неопределеннаго положенія²⁾.

Вторымъ по тяжести наказаніемъ были тѣлесныя наказанія, раздѣлявшіяся на членовредительныя и болѣзненные. Къ первымъ относились: урѣзаніе языка, заключавшееся въ томъ, что палачъ, вытянувъ у преступника языкъ особыми клещами, отрѣзалъ часть его, обыкновенно половину (въ послѣдній разъ это наказаніе было примѣнено въ 1743 г. въ отношеніи къ Лопухиной и Бестужевой); прохоженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, введенное Воинскимъ уставомъ, какъ

¹⁾ Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, стр. 91.

²⁾ По Своду Законовъ 1832 года смертная казнь примѣнялась за преступленія политическія, „когда оныя, по особой ихъ важности, предаются разсмотрѣнію и рѣшенію верховнаго уголовнаго суда“, за нарушенія карантинныхъ правилъ за воинскія преступленія. При составленіи Уложенія 1845 года явилось предположеніе расширить примѣненіе смертной казни, не получившее, однако, практическаго осуществленія.

наказаніе за богохульство (арт. 3); отсѣченіе суставовъ, руки и пальцевъ, причемъ рука въ большинствѣ случаевъ отсѣкалась по запястье, а пальцы (по Воинскому уставу (арт. 196)—два), за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, отсѣкались на лѣвой руцѣ; прибитіе гвоздемъ или ножемъ руки къ висѣлицѣ на одинъ часъ (Воинск. уставъ, арт. 143—за драку съ оружіемъ въ рукахъ), отсѣченіе носа и ушей (Воинск. уст., арт. 188 и 189; послѣдній разъ отсѣченіе ушей было примѣнено въ 1774 г., при подавленіи Пугачевскаго бунта); рванье ноздрей и клейменіе. Послѣдніе два вида наказанія преслѣдовали не только карательныя, но и полицейскія цѣли. Такъ, по словамъ указа 1757 г. „ноздри вырѣзать и знаки ставить положено въ томъ разсужденіи, чтобы они изъ ссылки... побѣговъ чинить и, непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія воровства вступать не дерзали“. Еще раньше указъ 1746 г., говоря о клейменіи, мотивировалъ его необходимость тѣмъ, чтобы преступники „отъ прочихъ добрыхъ людей были отличены, и когда... учинять утечку... таковыхъ къ поимкѣ чрезъ то клейменіе удобный способъ быть можетъ“. Наличностью этихъ полицейскихъ цѣлей объясняется предписаніе указа 1724 г. „ноздри вынуть до кости“ и у тѣхъ преступниковъ, у которыхъ они уже были вынуты, но „мало знатно“. Рванье ноздрей производилось особыми щипцами, одна половина которыхъ, представлявшая собою желѣзный стержень, вкладывалась въ ноздрю, другая—острая и вогнутая—приходилась съ наружной стороны носа—щипцами этими дѣйствовали, какъ ножницами¹⁾. Что касается до клейменія, то оно состояло въ наложеніи на тѣло преступника (обыкновенно на лицо, т. е. на лобъ и щеки, а иногда и на руки или на спину) раскаленнымъ желѣзомъ особыхъ знаковъ, форма которыхъ нерѣдко мѣнялась. Такъ, при Петрѣ I клеймо было съ изображеніемъ орла (отсюда выраженіе „заорленіе“ вмѣсто: клейменіе), а затѣмъ (съ 1705 г.) съ буквою „В“ (воръ). При Екатеринѣ II появляются и другія буквы, напр., „У“ (убийца), „Л“ (лжецъ) и т. п. Иногда употреблялись клеймы съ нѣсколькими буквами, напр., „В. О. Р.“. Уложеніе 1845 г. предписало употреблять только слѣдующія клейма: для каторжниковъ—„К. А. Т.“, для бѣглыхъ и бродягъ—„Б“, для ссыльно-каторжныхъ—„С. К.“ и для ссыльно-поселенцевъ—„С.“.

1) Тимофеевъ, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, стр. 142.

П.“ Клейма старательно охранялись отъ исчезновенія, по-
чему въ 1705 г. было предписано натирать ихъ порохомъ
„многажды накроѣко, чтобы они (преступники) тѣхъ пятенъ
ничѣмъ не вытравливали и не живили, и чтобы тѣ пятна на
нихъ были знатны по смерть ихъ“.

Екатерина II, хотя и высказала въ Наказѣ, что „всѣ
наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно,
должно отмѣнить“, однако, этого не сдѣлала и честь отмѣ-
ны членовредительныхъ наказаній (кромѣ клейменія) при-
надлежитъ Александру I. Впрочемъ, послѣдній отмѣнилъ въ
1817 году только рваные ноздрей, такъ какъ остальные на-
казанія къ этому времени вышли уже на практикѣ изъ упо-
требленія. Клейменіе же было отмѣнено въ 1863 г.

Среди болѣзнейшихъ наказаній самыемъ тяжкимъ былъ
кнутъ, унаслѣдованный еще отъ временъ Московскаго госу-
дарства. Такъ, въ указѣ 1846 г. 10 ударовъ кнута счита-
лись равными 30 ударамъ плети и 120 ударамъ розогъ,
такъ какъ 10 ударовъ плетей, въ свою очередь, приравни-
вались къ 40 ударамъ розогъ. Кнутъ состоялъ изъ толстой
деревянной рукоятки, 5 $\frac{5}{8}$ вершковъ длиною и $\frac{5}{8}$ вершка
въ диаметрѣ. Къ ней прикрѣплялась плетенная часть, пред-
ставлявшая собою упругій столбецъ изъ ременного плетива,
обнимавшаго твердый стержень изъ плотно сложеннаго куска
кожи. По серединѣ столбца стержень прерывался на вер-
шокъ, и оставалось одно плетиво, вслѣдствіе чего въ этомъ
местѣ образовывался перегибъ. Въ длину плетенная часть
имѣла $14\frac{1}{2}$ вершика, въ толщину у рукоятки около 2 вершка,
а въ концѣ 1 вершокъ. Тонкій конецъ заключался желѣз-
нымъ кольцомъ около вершка въ диаметрѣ, въ которому при-
вязывался хвостъ изъ ремня, длиною въ 13 вершковъ и ши-
риною въ $\frac{6}{8}$ вершка, твердый, какъ кость и загнутый съ
обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. Весь кнутъ съ рукояткою
имѣлъ въ длину 2 аршина и 2 вершка¹⁾. Въ 1840 г. ми-
нистѣрство внутреннихъ дѣлъ изготовило образцовый кнутъ
и предписало по разосланнѣмъ образцамъ его приготовить
„хозяйственнымъ способомъ“ новые кнуты взамѣнъ старыхъ,
подлежавшихъ уничтоженію.

Какъ известно, по Уложенію 1649 г. наказаніе кнутомъ
упоминается въ 140 статьяхъ²⁾. Напротивъ, въ XVIII ст.,

¹⁾ По крайней мѣрѣ такой экземпляръ кнута видѣлъ проф. Сергѣевскій,
Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 154).

²⁾ Сергѣевскій, назв. соч., стр. 150.

въ виду введенія новыхъ тѣлесныхъ наказаній (плетей и шпицрутеновъ), сфера примѣненія кнута постепенно суживается. Наконецъ, по Своду Законовъ 1832 г. о немъ упоминается уже въ 50 статьяхъ¹⁾). Наказаніе кнутомъ раздѣлялось на простое и нещадное, причемъ разница между ними зависѣла отъ количества ударовъ. Нещадное наказаніе очень часто являлось замаскированною смертною казнью. Законъ не опредѣлялъ числа ударовъ, и практика на этотъ счетъ была крайне разнообразна. Minimum наказанія, конечно, равнялся одному удару. Что касается до maximum'a, то онъ достигалъ невѣроятныхъ размѣровъ, а именно, какъ свидѣтельствуютъ многіе источники, 300 ударовъ. Судя по некоторымъ даннымъ, простое наказаніе выражалось въ числѣ ударовъ, не превышавшемъ 50-ти, больше же 50 ударовъ составляло уже нещадное наказаніе. Указы 1802 и 1808 г.г. запретили употреблять въ судебныхъ приговорахъ (какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ судовъ) выраженія „наказать жестоко“ или „нещадно“, а въ 1812 г. было предписано въ каждомъ судебномъ приговорѣ точно означать число ударовъ, которымъ долженъ быть подвергнуться преступникъ, причемъ самые приговоры должны были представляться на утвержденіе губернаторовъ; при неутвержденіи же ихъ со стороны послѣднихъ, они поступали на разсмотрѣніе Сената. Наконецъ, только въ 1830 г. нещадное наказаніе было уничтожено, такъ какъ въ этомъ году состоялось запрещеніе назначать болѣе 50 ударовъ.

По способу исполненія наказаніе кнутомъ раздѣлялось на три вида: обыкновенное, въ проводку и на козлѣ. Первое состояло въ томъ, что преступника, предварительно раздѣвъ до пояса, помѣщали на спинѣ одного изъ палачей, державшаго его за руки, причемъ ноги преступника связывались. Удары наносились по спинѣ. Битья въ проводку отличалась отъ обыкновенного битья тѣмъ, что преступника водили подъ руки по улицамъ, причемъ палачъ шелъ сзади и билъ. Оба названные способа были отмѣнены при Александрѣ I. Битье на козлѣ или, какъ еще говорилось, на кобылѣ происходило слѣдующимъ образомъ. Кобыла, по описанію современниковъ, представляла изъ себя креѣтообразный станокъ, приспособленный такъ, что преступникъ, обнаженный до пояса, привязывался къ нему руками и ногами и находился въ полустоя-

¹⁾ Тимофеевъ, назв. соч., стр. 158.

чемъ положеніи. Руки его прикрѣплялись ремнями отдельно къ каждой сторонѣ креста, ноги также привязывались, равно какъ и шея, притягивавшаяся ремнями въ серединѣ креста¹⁾). Удары при этомъ способѣ наносились по спинѣ. Битье на козлѣ просуществовало вплоть до отмѣны кнута въ 1845 г., причемъ въ 1840 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были даже изготовлены образцовые приставные ремни для кобылы. Въ цѣляхъ устрашения наказаніе кнутомъ проходило публично на эшафотѣ и съ соблюдениемъ извѣстныхъ обрядностей, а именно: преступника, одѣтаго въ особый каftанъ съ привѣтствіемъ на груди доскою, на которой писалось название совершенного имъ преступленія, и посаженного спиною къ лошадямъ, привозили на мѣсто совершенія наказанія, сперва (въ XVIII ст.) въ особой телѣгѣ, а послѣ (въ XIX ст.) на позорной колесницѣ. Затѣмъ иногда ставили на нѣкоторое время къ позорному столбу и уже затѣмъ подвергали наказанію.

Вопросъ объ уничтоженіе кнута возбуждался нѣсколько разъ въ первой половинѣ XIX ст. Такъ, уже въ 1817 г. былъ учрежденъ особый комитетъ для разрѣшенія этого вопроса, причемъ членамъ его было передано личное мнѣніе Александра I, въ которомъ кнутъ назывался „безчеловѣчною жестокостью, какойовой нѣть примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ“ и „что жестокость сія, будучи, такъ сказать, отдана на произволъ палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, но по большей части находится съ нею въ противоположности“. Однако, комитетъ, высказавшись въ принципѣ противъ кнута, не уничтожилъ его, почему въ 1824 г. вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи его снова былъ поднятъ и обсуждался въ Государственномъ совѣтѣ, причемъ извѣстный противникъ смертной казни, адмиралъ Мордвиновъ представилъ письменное мнѣніе въ пользу уничтоженія этого вида наказанія. „Съ того знаменитаго для правосудія и человѣчества времени, писалъ между прочимъ Мордвиновъ, когда европейскіе народы отмѣнили пытку и истребили орудія ея, одна Россія сохранила у себя кнутъ, коего одно наименованіе поражаетъ ужасомъ народъ россійскій и даетъ поводъ иностранцамъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи. Кнутъ есть орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мечеть по

¹⁾ Тимофеевъ, назв. соч., стр. 163.

воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаеть тѣло человѣческое—мученіе лютѣйшее всѣхъ, другихъ извѣстныхъ. При кровавомъ зрѣлищѣ такого мученія зрители приводимы бывають въ иступленное состояніе, многіе изъ нихъ плачутъ, многіе даютъ наказанному милостыню, трепещутъ, негодуютъ на жестокость мученія... До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать кнутъ въ Россіи, втунѣ мы заниматься будемъ уголовнымъ уставомъ; съ кнутомъ въ употребленіи напрасны будуть уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказаній: дѣйствіе закона и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который стами ударовъ можетъ сдѣлать наказаніе легкимъ, десятью жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ¹⁾). Государственныи совѣтъ почти единогласно высказался за уничтоженіе кнута и за замѣну его плетьми, но это постановленіе не получило законодательной санкціи изъ опасенія, какъ бы народъ не счелъ отмѣну кнута за отмѣну всякихъ наказаній вообще. И только съ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. кнутъ былъ уничтоженъ и замѣненъ плетьми, причемъ эта замѣна мотивировалась тѣмъ, что „наказаніе кнутомъ, зависящимъ отъ произвола палача, можетъ быть орудіемъ смерти или же, особенно при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ, и что сіе бываетъ довольно часто вслѣдствіе подкуповъ“.

Другимъ болѣзненнымъ наказаніемъ были батоги, т. е. прутья толщиною въ мизинецъ, которыми били по спинѣ преступника, предварительно положивъ его на землю, лицемъ внизъ. Это наказаніе также дѣлилось на простое и нещадное, причемъ число ударовъ не было опредѣлено. По способу исполненія битье батогами могло быть въ рубашкѣ и безъ нея. Со второй половины XVIII ст. батоги постепенно выходятъ изъ употребленія (такъ, проектъ уголовнаго Уложенія 1754 г. упоминаетъ о нихъ только въ трехъ случаяхъ, см. ст. 48, 49 и 50), а въ XIX ст. они замѣняются палками (Сводъ законовъ 1832 г. и Уложение 1845 г., напр., ст. 635 и др.).

Третімъ видомъ болѣзненнаго наказанія были плети, появившіяся впервые въ XVIII на смѣну кнута, вслѣдствіе чего одновременно съ съуженіемъ сферы примѣненія послѣдняго расширяется сфера примѣненія первыхъ, пока, наконецъ, Уло-

¹⁾ Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, стр. 98.

женіе 1845 г. окончательно не замѣняетъ кнута плетьми. Плеть состояла изъ короткой деревянной рукоятки и плети-ва въ палецъ толщиной, въ концѣ котораго прикреплялись сперва два, а затѣмъ три хвоста. Наказаніе плетьми про-изводилась на кобылѣ, причемъ вплоть до Уложенія 1845 г. число ударовъ не было опредѣлено. Послѣднее назначило количества ударовъ въ предѣлахъ отъ 10 до 100. Особымъ видомъ плетей были, такъ называемыя, кошки, введенныя Морскими уставомъ 1720 г. во флотѣ. Впрочемъ, на практикѣ кошками наказывались и лица, совершило не принадлежав-шія ко флоту.

Четвертымъ видомъ наказанія являлись шпицрутены, вве-денные Петромъ I и получившіе окончательно законодатель-ную санкцію въ Воинскомъ уставѣ. Подъ ними понимались длинные, гибкие прутья, употреблявшіеся при, такъ называе-момъ, проведеніи преступника сквозь строй, т. е. по „шеренож-ной улицѣ“, образованной изъ двухъ рядовъ солдатъ, воору-женныхъ шпицрутенами и наносившихъ удары по оголенной спинѣ преступника. Воинскій уставъ говорить о прогнаніи сквозь строй или полкъ три, шесть и двѣнадцать разъ (арт. 95, 141 и 189), не опредѣляя, однако, числа солдатъ, а, слѣдовательно, и ударовъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы имѣемъ возможность судить, что maxимум наказанія опредѣлялся въ XVIII и XIX ст. въ 12000 ударовъ, когда шпицрутены являлись замаскированной смертною казнью, да еще въ квалифицированной формѣ. Что касается до minimум'а наказанія, то онъ въ XIX ст. былъ не ниже 250 ударовъ¹⁾.

Пятымъ видомъ наказанія были розги, введенныя Воин-скимъ уставомъ для воровъ младенцевъ (т. е. до 15 лѣтъ), но на практикѣ получившія большое распространеніе и въ отношеніи взрослыхъ, въ особенности съ изданія Уложенія 1845 г., опредѣлившаго и количество ударовъ (отъ 50 и до 100).

На конецъ, шестымъ видомъ наказаніе были линьки, т. е. куски каната съ узлами, введенныя Петромъ I для флота.

Къ категоріи болѣзnenныхъ же наказаній слѣдуетъ та-же отнести: нощеніе ружей и сбѣдель, хожденіе по деревян-нымъ кольямъ, сажаніе на деревянную лошадь, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, бритье половины головы и окованіе рукъ

¹⁾ Тимофеевъ, назв. соч., стр. 206 и слѣд.

и ногъ въ желѣзо. Послѣднее наказаніе было введено Воинскимъ уставомъ, но впослѣдствіи стало разсматриваться, какъ полицейская мѣра. При помощи окововъ цѣлая партія преступниковъ прикреплялась къ желѣзному пруту и такимъ образомъ направлялась въ Сибирь. Мучительности прута обратила на себя вниманіе извѣстнаго филантропа, доктора Гааза и, благодаря его вмѣшательству, въ 1832 г. прутья были замѣнены особыми наручниками, изобрѣтѣнными Гаазомъ и испытанными имъ на себѣ¹⁾.

263. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, а именно: плетей, шпицрутеновъ, кошечъ и отчасти розогъ состоялась на основаніи указовъ 17 Апрѣля 1863 г.

Третьимъ наказаніемъ являлась ссылка на каторжныя и другія работы¹⁾. Каторги или галеры были особыя суда, двигавшіяся веслами. Работа послѣдними и была поручена каторжникамъ или „каторжнымъ невольникамъ“, какъ тогда говорилось. Вдоль борта галеры придѣльвались особыя „банки“, по 25 на каждой сторонѣ, къ которымъ приковывалось по 5 или 6 невольниковъ, управлявшихъ однимъ весломъ. Точность гребли была такова, что 50 веселъ составляли какъ бы одно; впрочемъ, это было необходимо, потому что, если бы одно весло поднялось или опустилось скорѣе другихъ, гребцы, имъ управлявшіе, ударили бы въ спину сидящихъ впереди и въ свою очередь получили бы ударъ заднихъ. Никакой свободный человѣкъ не могъ бы грести подобнымъ образомъ безъ отдыха болѣе часа, между тѣмъ каторжники иногда должны были продолжать свою работу по десяти, а иногда и по двадцати часовъ сряду. Если кто изъ невольниковъ падалъ въ безсиліи, на него сыпались удары плетей приставовъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезали признаки жизни; затѣмъ, его бросали въ море³⁾. Иногда вместо каторги преступники ссылались на другія работы, напримѣръ, на постройку крѣпости, въ порты, въ рудники,

¹⁾ Кони, За послѣдніе годы, стр. 533. См. также мою статью „Памятія рѣдкаго члопѣка“ (Журн. Юрид. Общ., 1897 г., кн. VII).

²⁾ Каторжныя работы не были извѣстны Московскому государству, хотя мысль о введеніи ихъ возникла уже въ 1668 г. и принадлежала Андрею Виниусу. Однако, первый случай ссылки на каторгу относится къ 1699 г. (Сергѣевскій, Русское уголовное право, стр. 153).

³⁾ Елагинъ, Исторія русскаго флота, томъ I, стр. 257—259.

на заводы, въ прядильный дворъ (женщины) и т. п. ¹⁾). И тотъ и другой видъ ссылки могъ быть временнымъ или вѣчнымъ.

Съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ въ 1775 году во всѣхъ губернскихъ городахъ было предписано учредить рабочіе дома для преступниковъ обоего пола, причемъ поставить ихъ въ непосредственную зависимость отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Указъ 1781 г. подтвердилъ это постановленіе, предписавъ Сенату озаботиться открытиемъ такихъ домовъ и заведеніемъ въ нихъ необходимыхъ работъ. Впрочемъ, дѣло устройства рабочихъ домовъ подвигалось впредь очень медленно, главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней нужды въ рабочихъ рукахъ для правительственныхъ сооруженій, какъ то видно, между прочимъ, изъ письма генераль-адъютанта Князева отъ 1795 г. генераль-прокурору. „Ссыльные невольники“, писалъ Князевъ, „для работъ вездѣ нужны... наипаче же потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно“. Этою же нуждою объясняется появление указа 13 Сент. 1897 г., какъ бы вовсе упраздняющаго рабочіе дома, такъ какъ, согласно съ указомъ, всѣхъ лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ рабочіе дома было предписано отправлять на работу въ крѣпостяхъ. Въ виду порожденія названнымъ указомъ многихъ недоразумѣній (напримѣръ, что дѣлать съ женщинами, что дѣлать съ преступниками, осужденными на короткіе сроки, если разстояніе до крѣпостей было далеко, и т. п.), Сенатъ въ 1798 году разъяснилъ, что къ крѣпостнымъ работамъ слѣдуетъ отправлять только мужчинъ, осужденныхъ на долгіе сроки, остальная же категорія преступниковъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, попрежнему должны быть заключаемы въ рабочіе дома ²⁾).

Что касается до ссылки на поселеніе, то она въ началѣ изучаемаго периода не была распространена и своего развитія достигла уже въ концѣ XVIII столѣтія, когда мало по малу мѣстомъ ея сдѣлалась Сибирь. Съ указа 1753 г. ссылка раздѣ-

¹⁾ Вначалѣ средоточіемъ подобныхъ работъ былъ Азовъ, затѣмъ вплоть до 1767 года Рогервикъ (Балтійскій портъ), куда, для сооруженія порта, ежегодно отправлялось до 600 человѣкъ. Точно также надѣя постройкою Петербурга, Оренбурга и Екатеринбурга работало не мало преступниковъ (въ Екатеринбургѣ они работали вплоть до 1800 года). Въ концѣ XVIII ст. (начиная съ 1760 года) преступники ссылались главнымъ образомъ въ нерчинскіе рудники (см. Фойницкаго Ученіе о наказаніи, стр. 268).

²⁾ Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 270 и слѣд.

лилась на два вида: на ссылку въ работу или на вѣчное поселеніе и на ссылку на житѣе или простую, причемъ послѣдняя назначалась за мелкія преступленія (такъ, по указу 1775 г. за первую кражу). Сосланные на вѣчное поселеніе поступали въ казенное управление, причемъ до 1798 г. способные изъ нихъ назначались въ каторжныя и другія работы. Съ 1798 г. ссылочныхъ, однако, перестали посыпать для работъ совмѣстно съ каторжными, „дабы тѣмъ ихъ не сравнять съ преступниками, за тяжкія преступленія, вместо смертной казни, вѣчно въ работу осужденными“. Сосланныхъ на житѣе распредѣляли по Сибири, причемъ осужденныхъ за менѣе тяжкія преступленія селили въ мѣстахъ, ближайшихъ къ европейской границѣ. Обыкновенно, при поселеніи, правительство отводило ссылочнымъ земли, снабжало ихъ семенами для обсѣмененія полей и нужными орудіями и освобождало на время отъ податей. Съ указа 1799 г. сосланные на житѣе получили право записываться въ купечество. Значительную реформу въ области ссылки произвелъ уставъ о ссылочныхъ 1822 года, составленный Сперанскимъ. Согласно съ уставомъ ссылка дѣлилась на ссылку въ каторгу и на поселеніе. Каторга же подраздѣлялась на безсрочную и срочную, впрочемъ, и первая не могла продолжаться болѣе 20 лѣтъ. По окончаніи этого срока, преступникъ возвращался при томъ заведеніи, где прежде работалъ какъ каторжный. Напротивъ, срочные каторжники, по отбытии ими наказанія, поступали въ разрядъ поселенцевъ. Послѣдній раздѣлялся на 6 разрядовъ, а именно: „временные заводскіе работники“, „дорожные работники“, ремесленники, цеховые слуги, поселенцы, способные къ сельскимъ работамъ и неспособные ни къ какой работѣ, помѣщавшіеся въ больницы и пріюты или приписывавшіеся къ волостямъ на пропитаніе. Въ 1-й разрядѣ поступали лица, наказанныя плетьми, причемъ въ теченіе 1-го года они должны были работать вместѣ съ каторжными; во 2-й разрядѣ помѣщались „самые лучшіе, здоровые, крѣпкие и молодые, преимущественно знающіе мастерства“ и переходившіе въ составъ государственныхъ крестьянъ по истеченіи пяти лѣтъ хорошаго поведенія и трудолюбивой жизни; третій разрядъ дѣлился на отдѣленія или артели и также рекрутировался изъ лицъ, знающихъ ремесла; четвертый разрядъ состоялъ изъ дворовыхъ, евреевъ и лицъ, неспособныхъ къ сельскимъ занятіямъ и отдававшихся въ наемъ на восемь лѣтъ, по условію съ артелями предыдущаго разряда, причемъ, по окончаніи этого срока,

цеховые слуги имѣли право записываться въ мѣщане. Поселенцы распредѣлялись по волостямъ со льготами въ области податей и рекрутской повинности, но безъ пособія отъ казны и, по истеченіи трехъ лѣтъ, поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ.

Практика знала еще третій видъ ссылки, сложившійся, какъ было уже сказано, еще до устава 1822 года, а именно: ссылку на житѣе, дѣлившуюся на безсрочную и срочную, причемъ опредѣленіе срока въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣло отъ суда.

Въ виду постояннаго увеличенія контингента сосланыхъ въ Сибирь и, въ силу этого, возникновенія крайнихъ затрудненій при управлѣніи ими, не предвидѣнныхъ уставомъ 1822 года, сибирская администрація неоднократно возбуждала вопросъ объ ограниченіи количества ссылаемыхъ. Въ 30-хъ годахъ этотъ вопросъ обсуждался сперва въ Сибирскомъ комитетѣ, а затѣмъ и въ Государственномъ совѣтѣ, высказавшимся, однако, въ томъ смыслѣ, что „мысль объ отменѣ ссылки въ Сибирь на поселеніе надлежить оставить, потому что нѣть способовъ удовлетворительно замѣнить ее иными назначеніями“, таѣ какъ „во всякомъ другомъ мѣстѣ соединеніе ссылочныхъ было бы истинною тягостью и для правительства, и для самаго края“. Единственно, что рѣшено было сдѣлать, это—нѣсколько сократить количество ссылаемыхъ въ Сибирь путемъ, во-первыхъ, ссылки ихъ въ европейскія окрайнныя губерніи и, во-вторыхъ, путемъ отдачи ихъ въ арестантскія роты. Послѣднія были зavedены въ 1827 году, во всѣхъ губернскихъ городахъ главнымъ образомъ по инициативѣ самого государя, находившаго, что „чрезъ сформированіе сихъ ротъ приобрѣтены будутъ двѣ главныя выгоды: дешевѣйшій способъ къ устройству губернскихъ городовъ и къ производству разныхъ городскихъ работъ, и отмена издержекъ на отправленіе арестантовъ въ Сибирь и продовольствіе ихъ въ пути“¹⁾.

Четвертымъ видомъ наказанія было тюремное заключеніе, известное въ формѣ простого и „жестокаго“ заключенія; впрочемъ, памятники не указываютъ на черты различія этихъ двухъ видовъ наказанія. Воинскому уставу известенъ еще третій видъ, это, такъ называемый, арестъ у профоса (палача). Наказъ является большимъ сторонникомъ тюремнаго заклю-

¹⁾ Фойницкій, назв. соч., стр. 278 и слѣд.

ченія, рекомендуя вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ, какъ эквивалентъ смертной казни. Затѣмъ въ немъ высказывается мысль о необходимости снисходительного отношенія къ под-слѣдственнымъ арестантамъ и объ отдѣленіи ихъ отъ осужденныхъ. Въ 1787 г. императрица Екатерина II написала проектъ устава о тюрьмахъ, въ которомъ высказалась за учрежденіе разныхъ мѣстъ заключенія для различныхъ категорій заключенныхъ и за введеніе обязательныхъ работъ. Однако, проектъ не былъ утвержденъ, и на практикѣ тюрьма XVIII столѣтія ничѣмъ не отличалась отъ тюремы XVII ст. „Тюремныхъ сидѣльцевъ“ хотя и заставляли иногда работать, но это не велось систематически. Какъ и въ XVII ст. они нерѣдко должны были содержать себя подаяніемъ, для чего ихъ водили по улицамъ партіями (указы 1736 и 1749 г.г.). Самыя тюремы содержались до невозможности плохо, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ князя Вяземскаго отъ 1767 г. Нѣкоторое улучшеніе въ области тюремнаго заключенія замѣчается въ началѣ XIX ст., главнымъ образомъ подъ влияниемъ идей извѣстнаго филантропа Говарда. Такъ, въ 1819 г., по мысли братьевъ Винингъ, послѣдователей Говарда, учреждается первое въ Россіи попечительное общество о тюрьмахъ. При императорѣ Николаѣ I вводятся во многихъ мѣстахъ заключенія обязательныя работы съ цѣлью исправленія и т. п. ¹⁾).

Пятимъ видомъ наказанія было *мишеніе чести и правъ*, выражавшееся въ формѣ особыхъ позорящихъ наказаний и въ формѣ шельмованія. Къ первымъ относились слѣдующія наказанія: изгнаніе со службы съ безчестіемъ, прибитіе имени къ висѣлицѣ, повѣшеніе за ноги послѣ смерти, публичное испрошеніе прощенія на колѣнахъ, полученіе пощечины со стороны профоса предъ ротою, раздѣваніе женщинъ до нага и т. п. Что касается до шельмованія, то это наказаніе впервые введено Петромъ I и довольно подробно опредѣляется въ Воинскомъ уставѣ. „Котораго имя къ висѣлицѣ прибито, или шпага его отъ палача переломлена“, гласитъ уставъ, „воромъ (шельмѣ) объявленъ будетъ“. Какія были послѣдствія шельмованія, объ этомъ мы узнаемъ изъ приписки къ Воинскому артикулу, сдѣланной самимъ Петромъ. Подлинный текстъ этой приписки заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „изъясненіе о лишеніи чести надлежитъ знать всѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишенъ и шельмованъ, т. е.

¹⁾ Фойницкій, назв., соч., стр. 317.

изъ числа добрыхъ людей честныхъ извергнуть: 1) ии въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбить, побить или ранить, или у него отыметь, и у онаго члобитныя не принимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то, яко убійца, судится; 3) въ компанію не допускать, и единимъ словомъ таковой вѣчно лишенъ общества добрыхъ людей, а кто сіе преступить, самъ можетъ наказанъ быть¹⁾). Изъ этой приписки видно, что результатомъ шельмованія была постановка человѣка почти виѣ закона и виѣ общества. Его нельзя было только убить, но за то все остальное позволялось по отношенію къ нему, даже всякое общеніе съ нимъ трактовалось какъ преступленіе, подлежащее извѣстному наказанію. Шельмованіе не рѣдко влекло за собою еще другія наказанія, напримѣръ, смертную казнь, конфискацію имущества и т. п. Упомянутымъ наказаніемъ занимается и Генеральный регламентъ. Вотъ, что читаемъ въ немъ: „никакое воздаяніе такъ людей не приводить къ добру, какъ любленіе чести, равнымъ же образомъ никакая казнь такъ не страшить, какъ лишеніе оной (т. е. чести); того ради всякаго не точю шельмованнаго, но и того, кто въ публичномъ мѣстѣ наказанъ или обнаженъ былъ, отчуждаться и якобы мерзить имъ надлежитъ, а не точю въ дѣлу какому допускать, посѣщать или компанію съ нимъ имѣть подъ штрафомъ, дабы нарушеніе чести въ вящшую казнь людей имѣли и тѣмъ бы себя болѣе отъ худыхъ дѣлъ воздерживали, ибо, когда хотя-бы что кому и учинено было, а увидѣть, что онъ съ своею братьею въ равенствѣ, то скоро забудетъ все, что ему учинено; и такое наказаніе не въ наказаніе будетъ“. Въ виду этого, Генеральный регламентъ предписываетъ шельмованныхъ предавать анаемѣ, отлучать отъ церкви, не допускать къ таинствамъ причащенія и брака, а равно и къ присягѣ. Указомъ 1766 г. шельмованіе было преобразовано въ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, раздѣлившееся, со временемъ изданія Свода Законовъ, на лишеніе всѣхъ и илькоторыхъ правъ состоянія.

Уже при Петрѣ I шельмованіе иногда называлось политической смертью („казнить смертью натуральною и политическою“, гласитъ указъ 5 Февраля 1724 г., „по важности дѣла и всего имѣнія лишить“), однако, свою законодательную формулировку она получила только при Елизавете Петровнѣ.

¹⁾ Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи, стр. 127 и слѣд.

Послѣдняя предписала Сенату представить ей докладъ, „за какія вины политическая смерть и какая именно по указамъ положена?“ Исполняя повелѣніе государыни, Сенатъ въ 1753 г. постановилъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ понятіе политической смерти. Подъ нею, гласило рѣшеніе, „должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, взвѣденъ на висѣлицу, а затѣмъ наказанъ будетъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей или хотя и безъ всякаго наказанія токмо вѣчной ссылкѣ“¹⁾). Послѣдствіемъ политической смерти являлось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и конфискація имущества. „Женамъ“ (мужей, подвергнутыхъ политической смерти), читаемъ въ указѣ 1724 г., „которыя похотятъ идти замужъ или постричься, или въ своихъ приданыхъ деревняхъ жить, и въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно якобы умре“. Также и табель о рангахъ предписываетъ политически умершихъ „лишать отъ имѣвшаго титла и рангу, развѣ они отъ насть за какія выслуги паки за собственною рукою и печатью въ совершенную ихъ честь возстановлены, и о томъ публично объявлено будетъ“.

Послѣднимъ видомъ наказанія были имущественные наказанія, дѣлившіяся на три категоріи, а именно: вычетъ изъ жалованья, штрафъ, шедшій въ казну и частнымъ лицамъ, и конфискацію имущества. Послѣдняя касалась или всего, или только части имущества. О первомъ случаѣ указы говорятъ обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „движимое и недвижимое ихъ имѣніе будетъ взято на государя“, „деревни и животы у такихъ братъ“, или „дворы ихъ и пожитки, и заводы, какіе у нихъ есть“, или „отображеніе всего, что имѣеть, и лишеніе всего своего имѣнія“. Во второмъ случаѣ упоминаются вотчины или помѣстья, а также „пожитки и прочее, что случится“.

Наконецъ, кромѣ свѣтскихъ наказаній, было известно еще и церковное покаяніе.

¹⁾ Съ опредѣленіемъ понятія политической смерти встрѣчаемся мы и въ проектѣ уголовнаго уложенія 1754 г. „Политическая смерть“, читаемъ здѣсь, „состоить въ томъ, когда кто къ вѣчной на каторгу или въ отдаленный мѣста съ наказаніемъ или безъ наказанія на казеннную работу и для содержанія въ вѣчномъ заключеніи, ссылкѣ съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ и имѣнія приговоренъ или приговоромъ ощемльованъ, ибо всѣ онны люди отъ всякаго гражданскаго общества вовсе выключены и для того въ разсужденіи прочихъ, въ гражданскомъ обществѣ состоящихъ, за мертвыхъ почитаются“ (ст. 6, гл. XIII).

ОТДѢЛЪ ТРЕТИЙ.

Гражданское право.

ГЛАВА I.

Право семейственное.

§ 1. Союзъ супружеский.

Первымъ условиемъ для вступленія въ бракъ считался опредѣленный возрастъ, который до 1830 г. былъ: для мужчинъ—15 лѣтъ, для женщинъ—13 лѣтъ; лицамъ же, не достигшимъ этого возраста, вступленіе въ бракъ было запрещено¹⁾. Съ указа 1830 г. возрастъ видоизмѣняется, а именно вступать въ бракъ могли только лица, достигшія—мужчины 18 лѣтъ, а женщины 16 лѣтъ. „Желая предохранить вѣрноподданныхъ, гласить указъ, отъ тѣхъ, извѣстныхъ по опыту, вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочиненія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы, признали мы за благо повелѣть, дабы воспрещено было священникамъ отнынѣ впредь вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще первый 18, а послѣднія 16 лѣтъ“. Это правило вошло и въ Сводъ Законовъ.

Законодательство обратило вниманіе также на предѣльный старческій возрастъ, съ наступленіемъ котораго бракъ воспрещался. Такъ, Св. Синодъ указомъ 1744 г. призналъ такимъ возрастомъ 80 лѣтъ. „Бракъ отъ Бога установленъ, читаемъ въ указѣ Синода, для умноженія рода человѣческаго, чего отъ имѣющаго за 80 лѣтъ надѣяться весьма отчаянно, ибо, по словамъ псалмопѣвца, человѣкъ можетъ быть въ силахъ только до 80 лѣтъ, а множае трудъ и болѣзнь,

¹⁾ Постановленія Эклоги (Кормчая книга, законы Леона и Константина, зач. 2, гл. I), подтверждавшіяся неоднократно синодскими указами (напр., въ 1756, 1774, 1775, 1781 гг.).

которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человѣка, а не къ умноженію рода человѣческаго”¹⁾.

Синодъ обратилъ вниманіе также и на пропорціональность лѣтъ жениха и невѣсты, хотя и не постановилъ на этотъ счетъ никакихъ правилъ²⁾. Указомъ 1775 г. онъ осудилъ только несоразмѣрность лѣтъ между брачущимися сторонами. „Вступаютъ въ бракъ, гласилъ указъ, въ лѣтахъ, между собою весьма несходственныхъ; женять же въ крестьянствѣ малолѣтнихъ ребятъ съ возрастными дѣвками, а сіи малолѣтнихъ ребятъ умерщвляютъ, за что нѣкоторыя по гражданскому суду и къ смертной казни были приговорены”. О томъ же говорить и инструкція благочиннымъ 1806 г. „Наблюдать, читаемъ въ ней, чтобы священники сумнительныхъ браковъ не вѣнчали; сумнительный же бракъ есть.... если едино изъ нихъ лицо весьма младолѣтно, а другое престарѣло“.

Вторымъ условиемъ считалась *правильность сознанія*, при отсутствіи котораго бракъ возбранялся. Такъ, указъ 1722 г. воспретилъ вступать въ бракъ „дуракамъ“, т. е. слабоумнымъ. „Понеже, гласилъ указъ, какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даются въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, таковыми дураками, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, несмотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаются за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ доброго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно; того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ идти не допускать и вѣнчальныхъ памятей не давать“. Этотъ указъ неоднократно подтверждался и впослѣдствіи (указы 1762 и

¹⁾ Указъ состоялся по частному случаю, а именно, вслѣдствіе брака Григорія Ергольского, достившаго 82 лѣтнаго возраста, ст Парасковьею Девятовою, расторгнутаго Синодомъ. Впрочемъ, еще въ инструкціи патріарха Адріана по-повскимъ старостамъ 1697 г. встрѣчается запрещеніе вѣнчать лицъ „престарѣлыхъ“ лѣтъ.

²⁾ Впрочемъ, въ „пунктахъ“, данныхъ Синодомъ своему депутату въ Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г., было постановлено: „не вѣнчать бы великое неравенство въ лѣтахъ имѣющихъ, напр., жениха 17-ти или 18-ти лѣтнаго на 35 или 40-лѣтней или 50—55-ти-лѣтнаго на 17-ти или 18-ти-лѣтней невѣстѣ“. Однако, эти „пункты“, вслѣдствіе неудачи комиссіи, не получили силы закона.

1775 гг., законъ 1815 г.), причемъ мнѣніемъ Государствен-
наго совѣта 8 Июня 1815 г. было разъяснено, что подъ
„дураками“ слѣдуетъ понимать лицъ, лишенныхъ здраваго
разсудка съ самого рожденія.

Третиимъ условиемъ считалась *свободная воля* брачущихся. Пётръ I энергически воспротивился тому порядку вещей, при которомъ родители и господа безконтрольно распоряжались своими дѣтьми и рабами, заключая ихъ браки. Вотъ, что писалъ онъ Сенату въ 1724 г.: „въ прошломъ 1722 г., въ бытность нашу въ Сенатѣ, вы (т. е. сенаторы) предлагали намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужде-
ніи господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, и требо-
вали на оный рѣшенія; и по оному предложенію повелѣва-
емъ учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запре-
щеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди
рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію не принуж-
дали и не брачили подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія“. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, родители и господа обязывали-
лись предъ вѣнчаніемъ своихъ дѣтей и рабовъ приносить
присягу, что они не принуждаютъ ихъ къ вступленію въ
бракъ¹⁾. Но, съ другой стороны, согласіе родителей считалось необходимымъ условиемъ для вступленія въ бракъ дѣтей (резолюція Петра 12 Апр. 1722 г.). Свободной волѣ брачущихся Синодъ всегда придавалъ огромное значеніе. Такъ, въ трак-
татѣ о порядкѣ и условіяхъ брака, составленномъ отъ лица Синода архіепископомъ Кременицкимъ между 1765 и 1787 гг., бракъ, совершенный по принужденію признавался „не имѣю-
щимъ того, въ чемъ состоить самое существо сего таинства“²⁾. Затѣмъ въ 1798 г. Синодъ снова высказалъ въ одномъ изъ
своихъ опредѣленій, что отъ сводной воли брачущихся „всего
болѣе зависитъ и таинство браковѣнчанія“³⁾. Точно также

¹⁾ По мнѣнію Неволина (Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, ч. I, стр. 148), названная присяга была отмѣнена въ 1775 г., но, по справедливому замѣчанію проф. Павлова (50 глава Кормчей книги, стр. 87), указъ 1775 г. такъ глухо говорить о „прежнихъ присягахъ“, что изъ его словъ трудно вы-
вести какое либо заключеніе. Напротивъ, проф. Горчаковъ (О тайнѣ супружес-
тва, стр. 336) думаетъ, что петровскій законъ 1724 г. крайне рѣдко примѣнялся
на практикѣ и въ 1765 г., съ упрощеніемъ порядка установления брака, совер-
шенно потерялъ свою силу.

²⁾ Трактатъ напечатанъ у Павлова, назв. соч., стр. 344—369.

³⁾ Горчаковъ, назв. соч., стр. 334.

въ указѣ 9 Сент. 1796 г. было подтверждено, что „брачо-
вѣнчаніе имѣеть свое основаніе во взаимномъ сочетаваю-
щихся согласіи“.

Четвертымъ условиемъ считалось *отсутствие родства или
свойства* между лицами, предполагающими вступить въ бракъ. Въ этомъ отношеніи въ XVIII ст. примѣнялись правила 50 главы Кормчей книги, настолько расширившія сравнительно
съ прежнимъ временемъ объемъ почти каждого вида родства и свойства, что многія изъ нихъ сдѣлялись неудобопримѣ-
нимыми къ русской жизни. Въ виду этого Синодъ оказался вынужденнымъ отступать на практикѣ отъ положеній Корм-
чей, но, вслѣдствіе отсутствія у него какихъ бы то ни было
руководящихъ началъ въ этомъ отношеніи, дѣятельность его
постоянно подвергалась колебаніямъ, и въ однихъ случаяхъ онъ допускалъ вступленіе въ бракъ въ такихъ степеняхъ родства и свойства, въ какихъ въ другихъ не разрѣшалъ¹⁾). Это коле-
баніе въ практикѣ Синода въ связи съ неопределенностью объема степеней родства и свойства, въ предѣлахъ которыхъ не должны были заключаться браки, побудило правительство
указомъ 6 Июня 1765 г. предписать Синоду „немедленно со-
чинить и издать въ народъ“ опредѣленіе, „въ какомъ род-
ствѣ и свойствѣ бракосочетанію быть запрещается по пра-
виламъ церковнымъ“. Синодъ составилъ обширный трактатъ о порядкѣ и условіяхъ заключенія брака (написанный, какъ
уже было сказано, архіепископомъ Кременицкимъ), въ кото-
ромъ точно опредѣлилъ объемъ степеней родства и свойства и значительно сократилъ число препятствій въ браку, уста-
новленныхъ въ 50-й главѣ Кормчей. Однако, еще прежде,
чѣмъ Синодъ окончилъ составленіе своего трактата, была со-
здана Екатериною II законодательная комиссія 1767 г., при-
чемъ въ данномъ ей Наказѣ императрица опять указала на
необходимость „сдѣлать единожды извѣстное и ясное полож-
еніе, въ какой степени родства бракъ дозволенъ и въ ка-
кой запрещенъ“. Какъ извѣстно, въ комиссіи Синодъ былъ
представленъ однимъ депутатомъ, котораго онъ снабдилъ осо-
бымъ наказомъ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, былъ обсто-
ятельно разработанъ вопросъ о „бракахъ, дозволенныхъ и зап-
рещенныхъ по родству и свойству“ (гл. X) въ формѣ по-
дробнаго проекта. Онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе част-
ной духовно-гражданской комиссіи при особомъ „наставле-

¹⁾ Подробности см. въ названн. соч. проф. Горчакова и Павлова.

нії“ отъ дирекціонной комиссії, въ которомъ послѣдняя, высказываясь за необходимость изданія закона о бракахъ, запрещенныхъ по родству и свойству, мотивируетъ эту необходимость слѣдующимъ соображеніемъ (взятымъ, впрочемъ, изъ наказа Синода): „дабы не искать уже на то разногласныхъ правилъ въ такихъ книгахъ, который народу весьма неизвѣстны“. Однако, изъ трудовъ комиссії, какъ извѣстно, ничего не вышло, и въ 1777 г. императрица снова была вынуждена напомнить Синоду о необходимости составить законъ о бракахъ. „Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, писала она синодальному члену, архіепископу Гавріилу (Петрову), мною предвидимо было, что потребны объяснительные постановленія для брачныхъ обязательствъ, кои отъ меня Синоду приказано было сочинить, но и по сie время осталось то безъ исполненія“ ¹⁾). Однако, Екатеринѣ II не пришлось увидѣть окончанія составленія закона о бракахъ, и этимъ дѣломъ пришлось опять заняться въ царствованіе Александра I. Уже въ 1806 г. на необходимость изданія подобного закона обратилъ вниманіе Государственный совѣтъ, указавшій по одному частному дѣлу, что онъ „считаетъ весьма нужнымъ, чтобы законы о бракахъ приведены были въ единообразіе, и чтобы изъ многихъ частныхъ правилъ составлено было одно ясное положеніе, опредѣляющее со всею точностью какъ степени родства, въ коихъ браки должны быть воспрещаемы, такъ и случаи, въ коихъ они могутъ быть расторгаемы“. Мало того, Государственный совѣтъ призналъ еще, что составленіемъ закона о бракахъ, „по важности и существенной связи его съ самыми первыми основаніями общественнаго порядка“, нужно заняться „предпочтительно предъ другими частями узаконеній“ ²⁾) И только 19 Янв. 1810 г. составленъ былъ Синодомъ извѣстный законъ о бракахъ въ кругу родства и свойства, объемъ которыхъ въ отношеніи брачущихся получилъ свое законодательное опредѣленіе.

Пятымъ условіемъ для вступленія въ бракъ нужно признать знаніе брачущимися основныхъ началъ вѣроученія (символъ вѣры, Отче нашъ и десять заповѣдей). Это условіе было введено въ наше право 50-ой главой Кормчей и подтверждено инструкціей благочиннымъ 1806 г., запретившей

¹⁾ Павловъ, назв. соч., стр. 151.

²⁾ Архивъ Госуд. Сов., т. III, ч. 2, стр. 28 и слѣд. См. также Павлова, назв. соч., стр. 155.

вънчать лицъ, не знающихъ „закона Божія и нужныхъ членовъ вѣры, доколѣ не научатся“¹⁾.

Шестымъ условиемъ было дозволеніе начальства для служащихъ лицъ²⁾ и дозволеніе воеводъ и губернаторовъ для неслужащихъ. Воеводы и губернаторы за каждый бракъ получали особую плату (древняя выводная куница), отмѣненную въ 1775 г. „Гдѣ въ которой области Имперіи нашей, читаемъ въ манифестѣ этого года, состоить запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за такое дозволеніе собирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостиво отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа“.

Послѣднимъ условиемъ, имѣвшимъ мѣсто при вступлениі въ бракъ дворянъ, считалось *образованіе*. Петръ I предписалъ указомъ 1714 г. вънчать только тѣхъ дворянъ, которые представлять особое свидѣтельство отъ учителя, что знаютъ грамматику, ариѳметику и геометрію.

Что касается до самого *совершенія* брака, то оно подверглось нѣкоторой модификації, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Такъ, при Петрѣ были уничтожены говорныя записи, имѣвшія столь важное значеніе въ московскомъ періодѣ³⁾. Затѣмъ обрученіе обязательно должно было совершаться за шесть недѣль до вѣнчанія, причемъ при извѣстныхъ условіяхъ могло быть расторгнуто (чего не было въ московскомъ періодѣ). Вотъ, что читаемъ; напр., въ указѣ 1702 г.: „буде обручатся, а послѣ обрученія женихъ невѣсты взять не похочеть или невѣста за жениха замужъ идти не похочеть же, и въ томъ быть свободѣ по правильному

---

¹⁾ Горчаковъ, назв. соч., стр. 335. Инструкція была издана въ 1775 г. московскимъ митрополитомъ Платономъ для своей епархіи, но въ 1806 г. принятая Синодомъ для всѣхъ епархій (Павловъ, назв. соч., стр. 106).

²⁾ Указы 1722, 1764, 1766, 1796 и 1808 г.г.

³⁾ Сговорная запись, т. е. договоръ объ имущество брачущихся, въ частности о приданомъ, писалась во время говора и обеспечивалась неустойкой, называвшейся зарядомъ и платившейся стороною, отказавшейся отъ заключенія брака безъ основательной причины. Петръ I указомъ 3 Апр. 1702 г. предписалъ: „рядные и говорныя записи отставить и впредъ ихъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а зараду никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать“.

св. отецъ разсужденію¹⁾). Что касается до поводовъ къ рас-
торженію обрученія, то о нихъ указъ говоритъ слѣдующее:
„обрученіе упражнятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще
бы женихъ обручилъ себѣ невѣсту сущу неблагообразну или
во удеси коемъ пагубну, поврежденну, мнящи, яко красна
есть и благообразна, нескорбна и здрава; по обрученіи же,
аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна и нездрава,
можетъ отъ нея быти свободенъ“. Однако, высочайшимъ по-
велѣніемъ 13 Дек. 1744 г. эта свобода, какъ несогласная
съ церковными законами, была уничтожена, и лица, обру-
ченные между собою, лишились права самовольно оставлять
другъ друга. При Екатеринѣ II (въ 1765 г.) вѣнчанія памяти,
существовавшія еще въ до—петровской Россіи, были отмѣнены
и указомъ 5 Авг. 1775 г. обрученіе слито съ вѣнчаніемъ²⁾.

Съ Петра I впервые появляются смѣшанные браки, не-
мыслимые въ московскомъ періодѣ. Такъ, въ 1721 г. синод-
скимъ указомъ было дозволено шведамъ, жившимъ въ Сибири,
вступать въ бракъ съ русскими, но при соблюденіи слѣдую-
щихъ условій: 1) принятія русскаго подданства и 2) несо-
вращенія женъ и дѣтей изъ православія.

Поводами *прекращенія* брака³⁾ въ изучаемую эпоху
были: во-первыхъ, политическая смерть и ссылка въ вѣчную
каторжную работу; такъ, указомъ 16 Авг. 1720 г. женамъ
такихъ сосланныхъ было предоставлено или постригаться въ
монашество, или жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ, въ
виду того, что мужья ихъ разсмотривались, какъ бы умер-
шіе, а бракъ считался расторгнутымъ безъ всякаго ходатай-
ства съ ихъ стороны. Напротивъ, въ 1753 г. состоялось вы-
сочайшее повелѣніе Синоду, по которому для расторженія
брака лицъ, сосланныхъ на вѣчную каторгу, требовалась
санкція Синода, разрѣшившаго женамъ сосланныхъ выходить

¹⁾ Хотя въ указѣ говорится: „по правильному св. отецъ разсужденію“, но на самомъ дѣлѣ предписанія указа шли въ разрѣзъ съ церковными законами, признававшими обрученіе столь же нерасторжимымъ, какъ и самыи бракъ (см. постановленіе 6-го вселенскаго собора, а также новеллы византійскихъ импе-
раторовъ Льва Философа и Алексія Комнина).

²⁾ Вѣнчанію памятью назывался актъ, выдававшійся епархиальнымъ архіе-
реемъ желающему вступить въ бракъ и содержащій въ себѣ предписаніе свя-
щеннику совершить вѣнчаніе; съ выдачи вѣнчаной памяти взимался особый
сборъ. Въ изучаемое время вѣнчаніе обязательно должно было совершаться
приходскимъ священникомъ жениха, что неоднократно предписывалось, начиная
съ Петра I (см. Духовный регламентъ и указы 1731, 1765, 1775 гг. и др.).

³⁾ Кромѣ назв. соч. Ниволина, см. Способина „О разводѣ въ Россіи“ и
Загоровскаго „О разводѣ по русскому праву“.

снова замужъ. Съ 1767 г. выдача подобнаго разрѣшенія стала функціей епархіальныхъ архіереевъ. Тѣ же правила примѣнялись и къ мужьямъ, если ихъ жены ссылались въ вѣчныя каторжныя работы. Такимъ образомъ съ середины XVIII ст. установилось правило, по которому ссылка на вѣчную каторгу сама по себѣ не расторгала брака, но являлась однимъ изъ поводовъ къ разводу.

Во-вторыхъ, поступленіе въ монашество, служившее поводомъ къ разводу, на основаніи Духовнаго регламента (прибавленіе къ нему о чинѣ монашескомъ), при наличности слѣдующихъ условій: 1) при одновременности постриженія обоихъ супруговъ, 2) при достиженіи женою извѣстнаго возраста, а именно не менѣе 50 лѣтъ и 3) при отсутствіи малолѣтнихъ дѣтей (лица, не удовлетворяющія этимъ условіямъ, не могли поступать въ монашество).

Въ-третьихъ, безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ, признанное за поводъ къ разводу резолюціей Петра I на докладныхъ пунктахъ Синода 12 Апрѣля 1722 г. и синодскимъ указомъ 1723 г., при условіи, что оно произошло не по винѣ оставшагося супруга. Въ 1810 г. Синодъ постановилъ, что прошенія о расторженіи брака по этому поводу могутъ подаваться не иначе, какъ по прошествіи пятилѣтняго срока со времени исчезновенія одного изъ супруговъ, причемъ самое расторженіе брака должно имѣть мѣсто послѣ удостовѣренія со стороны консисторіи въ дѣйствительномъ исчезновеніи лица. Къ безвѣстному же отсутствію можно причислить и невозвращеніе въ Россію въ теченіе года или двухъ лѣтъ военноплѣннаго (неправославнаго), женившагося на русской (указы 1721 и 1743 г.г.).

Въ-четвертыхъ, неизлѣчимая болѣзнь, о чёмъ говорить синодскій указъ 22 Марта 1723 г. Вотъ, что читаемъ въ немъ по этому поводу: „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодального разсужденія не разводить и не постригать; тоکмо изслѣдоватъ о томъ обстоятельно и опасно и, освидѣтельствовавъ болѣзни докторами, присыпать доношенія съ письменнымъ свидѣтельствомъ въ Синодъ и ожидать синодской резолюції“. Позднѣйшиe законодательные памятники о неизлѣчимой болѣзни, какъ о поводѣ къ разводу, ничего не говорятъ, хотя на практикѣ въ XVIII ст. допускались разводы при психической болѣзни одного изъ супруговъ¹⁾.

¹⁾ Загоровскій, назв. соч., стр. 328.

Въ-пятыхъ, прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ¹⁾ (рѣзолюція Петра, на докладныхъ пунктахъ Синода 1722 г.) или развратная жизнь, по выражению указа 1798 г. Съ изданіемъ указа 28 Іюня 1811 г. было запрещено расторгать браки, основываясь на простомъ признаніи одной изъ сторонъ, виновной въ прелюбодѣяніи. Признаніе должно было быть сдѣлано въ судѣ предъ судьею „произвольно, истинно и съ обстоятельствами дѣла согласно“. Виновной сторонѣ воспрещалось вступать въ новый бракъ (впрочемъ, въ XVIII ст. о воспрещеніи виновному мужу вступленія въ новый бракъ въ рѣшеніяхъ церковныхъ судовъ умалчивается), и она подвергалась духовнымъ и свѣтскимъ наказаніямъ. Такъ, виновныя жены карались семилѣтнею эпитетимію, иногда по-жизненною ссылкою въ монастырь, наказаніемъ плетьми, отсылкою на прадильный дворъ, даже ссылкою въ Сибирь и т. д. Имущество женъ возвращалось имъ обратно, но только „для пропитанія на смерть“, такъ какъ собственниками его признавались дѣти, происшедшия отъ расторгнутаго брака, почему на имущество налагалось запрещеніе въ написаніи купчихъ и закладныхъ (указъ Синода 22 Августа 1748 г.)²⁾.

Въ-шестыхъ, неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожитію (указы 1806 и 1824 г.г.), причемъ послѣдняя въ большинствѣ случаевъ констатировалась медицинскою экспертизою. Несспособность должна была быть добрачной. Впрочемъ, въ 1824 г. было постановлено, что жены самовольно осколившихся имѣютъ право выходить замужъ за другихъ. Для наличности развода, по рассматриваемому поводу требовалось существование неспособности въ теченіе извѣстнаго времени (не менѣе трехъ лѣтъ). Въ XVIII ст. не только неспособность мужа, но также и жены считалась поводомъ къ разводу, что, какъ извѣстно, въ московскую эпоху не существовало. Неспособный супругъ лишался права вступать въ новый бракъ.

Въ-седьмыхъ, покушеніе одного супруга на жизнь другаго также играло роль повода къ разводу. Такъ, въ одной рѣзолюціи Синода (22 Марта 1723 г.) было предписано: „а буде оставленнаго (супругомъ) лица явится вина, яко

¹⁾ Въ отличіе отъ московского времени прелюбодѣяніе мужа въ такой же степени признается поводомъ къ разводу, какъ и прелюбодѣяніе жены. Первый разъ мы встрѣчаемъ дѣло о такомъ разводѣ въ 1748 г. (Загоровскій, назв. соч., стр. 305).

²⁾ Загоровскій, назв. соч., стр. 306 и слѣд.

умышленіе на животъ... то такового разводить". Впрочемъ, въ позднѣйшее время этотъ поводъ къ разводу прекращаетъ свое существованіе, и супруговъ, ведущихъ несогласную жизнь, не разводятъ, но совѣтуютъ имъ жить въ мирѣ.

Наконецъ, въ-восьмыхъ, принятіе христіанства кѣмъ либо изъ супруговъ, при нежеланіи одною изъ сторонъ продолжать супружескую жизнь, также составляло поводъ къ разводу (указы 1739 г., 1771 г. и др.). Точно также, на основаніи синодскаго указа 11 Мая 1722 г., въ случаѣ обращенія одного изъ супруговъ изъ раскола въ православіе и нежеланія другаго послѣдовать этому примѣру, бракъ ихъ расторгался, и принявший православіе получалъ право вступать въ новый бракъ.

Кромѣ развода, въ изучаемую эпоху становится извѣстнымъ и разлученіе супруговъ, назначавшееся церковнымъ судомъ вмѣсто развода. Въ большинствѣ случаевъ эта мѣра принималась при несогласной жизни супруговъ и при жестокомъ обращеніи мужа съ женою. Такъ, въ 1723 г. Синодъ по одному дѣлу опредѣлилъ: „дать временный разводъ, а не совершенный, т. е. быть имъ (супругамъ) лишенными супружескаго сожитія, другимъ бракомъ отнюдь не сочетаваться и въ этомъ временномъ разводѣ пребывать дотолѣ, пока оба не смирятся и купно жить не восхотятъ“¹⁾). Обыкновенно такому разлученію предшествовало принятіе мѣръ къ примиренію супруговъ путемъ увѣщанія ихъ со стороны духовныхъ отцовъ, консисторіи и даже епархиального архіерея, причемъ супруговъ дурнаго поведенія епархиальное начальство иногда отсылало въ монастыри „для вразумленія къ согласной жизни“. Разлученіе супруговъ прекратило свое существованіе на основаніи высочайше утвержденного мнѣнія Государственного совѣта 26 Мая 1819 г., что было подтверждено и Сводомъ Законовъ 1-го изданія(т. X, ст. 59 и 76).

Вопросъ о разводѣ былъ затронутъ Синодомъ въ своемъ наказѣ, поданнымъ имъ въ 1767 г. въ Екатерининскую законодательную комиссию. Въ немъ Синодъ высказался за признаніе слѣдующихъ поводовъ къ разводу: 1) прелюбодѣяніе, 2) бой и мученіе со стороны мужа, 3) умыселъ одного супруга на жизнь другаго, 4) отнятіе имънія мужемъ жены и 5) самовольные отлучка, побѣгъ и укрывательство со стороны жены. Дѣла о разводѣ должны были разматривать-

¹⁾ Загоровскій, назв. соч., стр. 351

ся въ „свѣтскихъ командахъ“ (т. е. въ свѣтскомъ судѣ), а затѣмъ препровождаться въ духовный¹⁾). Однако, въ виду неудачи комиссіи, предположенія Синода не получили силы закона.

До 1805 г. дѣла о разводѣ входили въ составъ юрисдикціи епархиальными архіереевъ²⁾, рѣшавшихъ ихъ вполнѣ самостоятельно, безъ санкціи со стороны Синода. Послѣдняя считалась необходимой только для нѣкоторыхъ дѣлъ, напр., въ случаѣ неизлечимой болѣзни, поступленія въ монашество и др. Но съ 1805 г. всѣ дѣла о разводѣ перешли въ непосредственное вѣдѣніе Синода.

Личныя отношенія супруговъ основывались на началѣ неравноправности, такъ какъ жена находилась въ подчиненномъ положеніи у мужа. „Мужъ, гласить уставъ благочинія, да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей процитаніе по состоянію и возможности хозяина“; „жена да пребываетъ въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему всякое угодденіе и привязанность, аки хозяйка“. Вплоть до изданія Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. мужъ пользовался правомъ наказывать свою жену. Объ этомъ правѣ говорить, напр., Воинскій уставъ (арт. 163). Если во время такого наказанія жена умирала, то мужъ, хотя и подвергался карѣ, но болѣе лѣгкой, чѣмъ за обыкновенное убийство. Только съ изданіемъ Уложения 1845 г. у мужей было отнято право наказанія женъ, такъ какъ состоялось запрещеніе бить и увѣчить послѣднихъ.

Что касается до видоизмѣненій въ правахъ состоянія, обусловливаемыхъ бракомъ, то здѣсь необходимо различать два случая: бракъ между свободными и бракъ между свободными и несвободными. Въ первомъ случаѣ состояніе жены опредѣлялось состояніемъ мужа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе законодательные памятники рассматриваемаго времени. Такъ, уже Табель о рангахъ постановляетъ, что „замужнія жены поступаютъ въ рангахъ по чинамъ мужей ихъ“ (п. 7). Затѣмъ манифестъ 1775 г. предписываетъ „же-

¹⁾ Христіанское Чтение 1876 г., №№ 9 и 10.

²⁾ Обыкновенно дѣло поступало въ духовную дѣкантерію или, какъ она стала называться съ 1744 г., консисторію. Послѣдняя, разсмотрѣвъ дѣло, представляла мотивированное рѣшеніе его на усмотрѣніе архіерея, который или утверждалъ рѣшеніе консисторіи, или измѣнялъ его, или постановлялъ новое.

иамъ всѣхъ классовъ пользоваться преимуществами мужей ихъ". Наконецъ, обѣ Жалованная грамоты говорять о томъ же („дворянинъ, читаемъ въ дворянской грамотѣ, сообщаетъ дворянское достоинство женѣ своей“, „мѣщанинъ, гласить Жалованная грамота городамъ, сообщаетъ мѣщанское состояніе женѣ своей, буде она породы равной или низшей“). Единственное исключение изъ этого правила было введено Жалованной грамотою дворянству, по которой дворянка никогда не лишалась дворянского достоинства, за кого бы она не вышла замужъ¹⁾). Во второмъ случаѣ до Екатерины II дѣйствовало прежнее правило, унаследованное еще отъ московского времени: „по холопу раба, по рабѣ холопъ“ (указы 1741 и 1744 гг.), но съ Екатерины II въ этомъ отношеніи въ законодательство стали проникать новые начала. Въ разматриваемомъ вопросѣ нужно различать два случая: бракъ свободного съ несвободною и бракъ свободной съ несвободнымъ. Относительно первого случая измѣненіе правила: „по рабѣ холопъ“ началось съ 1763 г. (если не считать указа 1742 г., пожаловавшаго обитателямъ Малороссіи особое преимущество: не быть укрѣпляемымъ по женамъ), когда было предписано освобождать отъ прикрѣпленія питомцевъ воспитательного дома въ случаѣ ихъ браковъ съ крѣпостными. Та же привилегія была распространена въ 1764 г. на воспитанниковъ Академіи Художествъ. Затѣмъ законы, изданные при Екатеринѣ II и воспретившіе укрѣплять, какими бы то ни было способами, свободныхъ людей, имѣли, по справедливому замѣчанію Неволина, своимъ послѣдствиемъ установлѣніе начала, что посредствомъ брака съ крѣпостною мужъ ея не только не дѣлается крѣпостнымъ, но и сообщаетъ ей самой права свободного состоянія (указы 1780, 1781 и 1783 гг.)²⁾.

Относительно второго случая измѣненіе правила: „по холопу раба“ также началось съ указа 1763 г., освободившаго питомицъ воспитательного дома въ случаѣ выхода ихъ за крѣпостныхъ, отъ прикрѣпленія. Та же привилегія была распространена въ 1765 г. и на воспитанницъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

¹⁾ То же начало подтверждается и манифестомъ 10 Апрѣля 1832 г., а именно: „сообщеніе почетнаго гражданства лицамъ женскаго пола утверждается на общемъ законѣ, по коему мужъ высшаго состоянія сообщаетъ оное женѣ, а же на высшаго состоянія сажа по замужеству его не теряетъ“.

²⁾ Назв. соч., ч. I, стр. 65.

Указомъ 1808 г. эти привилегіи были подтверждены, причемъ постановлено, что мужья воспитаницъ, въ случаѣ наличности разрѣшенія отъ помѣщиковъ на женитьбу, также получаютъ свободу. Въ 1815 г. состоялся, наконецъ, общий законъ, постановившій, что посредствомъ брака женщинамъ свободнаго состоянія крѣпостное состояніе не сообщается.

Имущественные отношенія супруговъ основывались на принципѣ раздѣльности, причемъ жена пользовалась полной правоспособностью. „Жены недвижимое и движимое, читаемъ въ указѣ 1716 г., съ чѣмъ она шла замужъ или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ“. „Собственнымъ женъ приданымъ имѣніямъ, читаемъ въ другомъ указѣ (1731 г.), и что онѣ, будучи замужемъ, куплею себѣ или послѣ родственниковъ по наслѣдуству присовокупили, быть при нихъ, не зачитая того въ ту указанную дачу, что надлежитъ дать имъ изъ мужнія“ (имѣнія, послѣ смерти мужа). Что касается до дѣеспособности жены, то она также ничѣмъ не была ограничена. Такъ, указъ 1715 г. предоставилъ женамъ право продавать и закладывать свои вотчины, не спрашивая при этомъ согласія своихъ мужей. Однако, на практикѣ не рѣдко, при совершенніи разныхъ крѣпостей женами, требовались особыя дозволительныя письма отъ мужей, въ силу чего Сенатъ въ 1753 г. предписалъ писать всякия крѣпости отъ имени женъ на ихъ имущество вполнѣ безпрепятственно, не оговаривая въ нихъ, что онѣ пишутся съ согласія мужей и по ихъ письмамъ. Подтверждая такимъ образомъ полную дѣеспособность женъ, Сенатъ ссылался на указъ 1715 г. Единственное исключеніе изъ названнаго правила было введено вексельнымъ уставомъ 1832 г., по которому жена, безъ согласія мужа, не могла выдавать векселей, но выдавала, такъ называемыя, заемныя письма.

§ 2. Союзъ родителей и дѣтей.

Этотъ союзъ устанавливался, какъ и прежде, рожденіемъ и усыновленіемъ. Что касается до незаконнорожденныхъ дѣтей, то законодательство, въ отличие отъ до-петровскаго времени, начинаетъ интересоваться ихъ судьбой¹⁾. Такъ, Воинскій уставъ возложилъ на отца обязанность

¹⁾ Вопросу о незаконнорожденныхъ посвящена статья проф. Загоровскаго „О незаконнорожденныхъ по русскому гражданскому праву“ (Журн. Мин. Юстиції 1898 г. кн., V).

содержать незаконныхъ дѣтей вмѣстѣ съ матерью ¹⁾). Вопросъ объ усыновлениіи незаконнорожденныхъ былъ поднятъ при Александрѣ I (въ 1801 г.), причемъ Государственный совѣтъ высказался за возможность подобного усыновленія при послѣдующемъ бракѣ родителей ²⁾), но только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно въ видѣ награды за особенные заслуги и не иначе, какъ съ разрѣшенія государя. Однако, при Николаѣ I указомъ 23 Іюля 1829 г. подача всякихъ просьбъ объ усыновлениіи была воспрещена.

Усыновленіе, какъ второй способъ установлениія союза родителей и дѣтей, невозбранно разрѣшалось всѣмъ сословіямъ, кромѣ дворянъ. Послѣдніе же могли усыновлять только при наличности слѣдующихъ условій: 1) при отсутствії нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ той же фамиліи, къ которой принадлежалъ усыновитель, 2) при усыновленіи родственниковъ, а не постороннихъ людей, и 3) не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія.

Способами прекращенія союза родителей и дѣтей были: 1) политическая смерть и ссылка на вѣчную каторгу, согласно съ указомъ 1720 г., подтвержденнымъ въ 1753 г.; 2) поступленіе въ монашество и 3) замужество дочерей („одно лицо, читаемъ въ сенатскомъ рѣшеніи 1802 г., двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особенно, въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности“ ³⁾).

Въ личномъ отношеніи дѣти были вполнѣ подчинены родителямъ. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ уставѣ благочинія: „родители суть властелины надъ своими дѣтьми; природная любовь къ дѣтямъ предписываетъ имъ долгъ дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по состоянію“; „дѣти долгъ имѣютъ оказывать ро-

¹⁾ Если отъ связи между холостымъ и незамужней рождается ребенокъ, или даже женщина еще только забеременеетъ, то отецъ обязуется „для содержанія матери и младенца по состоянію своему и платы иѣчто дать“ (арт. 176).

²⁾ Съ точки зрѣнія Государственного совѣта подобная „мѣра не только справедлива, но и содержать въ себѣ сильнѣшее побужденіе къ заключенію законныхъ супружествъ и къ прикрытию соблазна, происходящаго отъ сожитій, неутвержденныхъ бракомъ“ (Неволинъ, назв. соч., ч. I, стр. 375).

³⁾ Впрочемъ, два послѣдніе повода не прекращали рассматриваемый союзъ, а только ограничивали родительскую власть.

дителямъ чистосердчное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самимъ дѣломъ, словами же и рѣчами отзываться объ нихъ съ величайшимъ почтеніемъ, сносить родительскія поправленія и увѣщанія терпѣливо, безъ ропота, и да продолжится почтеніе и по кончинѣ родителей". Въ качествѣ „властелиновъ надъ своими дѣтьми“, родители пользовались правомъ наказанія по отношенію къ послѣднимъ. Объ этомъ говорить еще Воинскій уставъ, разрѣшавший родителямъ употреблять „лозы“ относительно непокорныхъ дѣтей (арт. 163). Затѣмъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. дозволило родителямъ заключать въ смирительные дома такихъ изъ своихъ дѣтей, „кои имъ непослушны или пребываютъ злаго житія, или ни къ чему добромъ не склонны“. Наконецъ, высочайше утвержденнымъ докладомъ Сената 1802 г. было постановлено, что оскорблѣніе родителей замужними дочерьми должно входить въ составъ юрисдикціи совѣстнаго суда. Этотъ же послѣдній былъ признанъ съ 1826 г. единственнымъ судебнѣмъ мѣстомъ, долженствовавшимъ разбирать дѣла объ оскорблѣніи родителей дѣтьми вообще, а не только однѣми замужними дочерьми. Самый фактъ оскорблѣнія родителей дѣтьми былъ признанъ еще манифестомъ о поединкахъ 1787 г. за тяжкую обиду, причемъ съ 1820 г. всякое слѣдствіе по такимъ дѣламъ считалось неумѣстнымъ, въ силу чего отъ дѣтей не принимались никакія оправданія¹⁾). Однако, въ императорскомъ періодѣ встрѣчаются уже попытки ограничить родительскую власть, такъ: 1) родители могутъ отдавать въ наймы малолѣтнихъ дѣтей только на пять лѣтъ; 2) родители попрежнему могутъ отдавать дѣтей въ монастырь, но этотъ обычай осуждается законодательствомъ („сей обычай душепа-

¹⁾ Съ тѣмъ же принципомъ неограниченной родительской власти встрѣчается мы и въ проектѣ нового Уложенія 1754—1766 гг. Вотъ, что гласитъ по этому поводу ст. 14 гл. IV проекта: „должно дѣтямъ родителей своихъ по закону Божію почитать и во всемъ имъ безъ всякаго преисловія послушны бить, и при старости и въ случаѣ недостатка по возможности всѣмъ снабдевать, и до нужды не допускать. А которыя дѣти родителямъ своимъ послушны будуть и ихъ по должности своей почитать не будутъ, и такихъ наказывать по волѣ родителей безъ суда“. Ст. 15 воспрещаетъ дѣтямъ быть челомъ на своихъ родителей, а ст. 16 дозволяетъ родителямъ „пристойнымъ образомъ“ наказывать своихъ дѣтей (см. мое изданіе проекта, СПБ. 1893 г., стр. 25 и 26). Кроме того, въ проектѣ уголовнаго Уложенія, составленномъ той же комиссией (въ 1754—1766 гг.), было предписано дѣтей, которыя „дерзнутъ родителей своихъ какими побоями бить, казнить смертю—отсѣчь голову“ (2 ст. гл. XXX), а тѣхъ изъ нихъ,

губный есть, говорить Духовный регламентъ, и хотя чада воли родительской подлежать, но не какъ скоты безсловесные, въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, каковое есть избраніе житія"); 3) умышленное убийство дѣтей карается, какъ всякое убийство и даже строже, и только неумышленное, во время наказанія, карается легче¹⁾, и 4) родителямъ, по законодательству Николая I, запрещается убить и ранить дѣтей.

Въ имущественномъ отношеніи отдаленные дѣти были вполнѣ независимы отъ родителей, такъ какъ пользовались всѣми имущественными правами и распоряжались своею собственностью безъ согласія родителей. Напротивъ, неотдаленные дѣти, не имѣющія собственности, хотя и обладали полной правоспособностью, но въ отношеніи дѣеспособности были ограничены, не имѣя права вступать въ какія бы то ни было обязательства и выдавать креѣпости и векселя безъ согласія родителей (указъ 1761 г.)²⁾.

§ 3. Опека.

Законодательство изучаемаго периода обратило вниманіе и на опеку³⁾. Такъ, при Петре Великомъ были изданы два законодательныхъ памятника, касающіеся послѣдней. Мы говоримъ объ указѣ о единонаслѣдіи 1714 г. и объ инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. Опека назначалась надъ малолѣтними и продолжалась до времени ихъ совершеннолѣтія. Возрастъ послѣдняго былъ определенъ въ указѣ 1714 г.: для наследниковъ недвижимаго имущества—20 лѣтъ, для наследниковъ движимаго имущества мужескаго пола—18 лѣтъ и женскаго пола—17 лѣтъ. Наслѣдникъ недвижимаго имущества, согласно съ указомъ 1714 г., былъ

„которымъ дерзнутъ ихъ покосными и бранными словами ругать, ссылать: мужескій полъ въ каторжную работу, а женскій въ прядильный домъ“ (Востоковъ, Проектъ уоловнаго Уложенія 1754—1766 гг., стр. 106).

¹⁾ Воинскій уставъ, арт. 163: „что убить дитя во младенчествѣ“, подвергается смертной казни чрезъ колесование, впрочемъ, „ежели сіе убийство учinitся не нарочно или не въ намѣреніи кого умертвить, якобы кто похотѣль дитя наказать, и оное такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ“.

²⁾ Впрочемъ, названный указъ былъ отмѣненъ въ 1824 г.

³⁾ Вопросомъ объ опекѣ много занимается проектъ новаго Уложенія, составленный Елизаветинской законодательной комиссией 1754—1766 г. г., состоящій ему нѣсколько главъ (см. мое изданіе проекта, СПБ. 1893 г.).

опекуномъ ex officio своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и поэтому обязывался имѣть попеченіе о сохраненіи имущества послѣднихъ, а также объ ихъ прокормленіи и воспитаніи. Инструкціей городовыми магистратами были созданы особы учрежденія, на обязанности которыхъ лежала забота объ интересахъ опекаемыхъ. Такими учрежденіями были магистраты, назначавшіе опекуновъ, въ случаѣ неназначенія ихъ родителями, и надзиравшіе за ихъ дѣятельностью. Послѣдніе, по окончаніи опеки, обязывались представлять отчеты въ магистраты по управлению имуществомъ опекаемыхъ и по воспитанію послѣднихъ.

Екатерина II Учрежденіемъ о губерніяхъ установила дворянскую опеку при каждомъ уѣздномъ судѣ и городовой сиротскій судъ при каждомъ городовомъ магистратѣ. Первая вѣдала опеку надъ малолѣтними дворянами, послѣдній надъ городовыми обывателями. Учрежденіе же о губерніяхъ опредѣлило качества опекуновъ: послѣдними могли быть лица „по своимъ добродѣтельнымъ качествамъ, честности и незазорному поведенію наиболѣе подающія надежды къ признанію малолѣтняго въ здравіи, добромъ воспитаніи и пристойномъ содержаніи“ (ст. 215); въ виду этого, не могли быть опекунами: расточители, имѣющіе „явные или гласные пороки“, находящіеся подъ судомъ или суроваго нрава, а также враги родителей опекаемыхъ. Опекуны получали ежегодно, въ видѣ вознагражденія за свои труды 5 % изъ дохода управляемаго ими имущества и обязывались ежегодно же представлять отчеты о своей дѣятельности, а по окончаніи опеки, общій отчетъ.

Съ 1785 г. были учреждены попечители, которые замѣняли опекуновъ, при достижениіи опекаемымъ 14 лѣтъ. Попечительство продолжалось до наступленія опекаемому 21 года. Находясь подъ наблюденіемъ попечителя, опекаемый пользовался правомъ распоряженія своимъ имуществомъ, но не иначе, какъ съ согласія попечителя. Указъ 1785 г. неоднократно подтверждался и разъяснялся впослѣдствіи (напр., въ 1826, 1830, 1836 гг.).

Съ Петра I была учреждена опека надъ безумными и сумасшедшими; такъ, указъ 1722 г. предписалъ представлять въ Сенатъ для освидѣтельствованія, такъ называемыхъ, дураковъ и затѣмъ отдавать ихъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ на попеченіе близайшимъ родственникамъ. Въ 1762 г. было предписано учредить, такъ называемый, долггаузъ (домъ для

сумасшедшихъ), куда и помѣщать безумныхъ, если родственники не пожелали бы держать ихъ у себя, имущество же ихъ передавать законнымъ наследникамъ, впрочемъ, безъ права продажи и заклада съ ихъ стороны въ теченіе жизни безумнаго, причемъ определенный доходъ съ имущества наследники обязаны были употреблять на содержаніе больного. Въ 1815 г. Государственный совѣтъ разъяснилъ, что въ Сенатѣ слѣдуетъ свидѣтельствовать не имѣющихъ здраваго разсудка съ самого рожденія, сошедшіхъ же съ ума впослѣдствіи и въ особенности буйныхъ было предписано свидѣтельствовать въ губерніяхъ въ особомъ присутствіи изъ губернатора, вице-губернатора, губернскаго прокурора, предводителей дворянства: губернскаго и одного изъ уѣздныхъ, а если свидѣтельствуемый изъ городскихъ обывателей, то приглашать и городского голову вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ магистрата.

Съ Петра I же была учреждена и опека надъ жестокими помѣщиками.

ГЛАВА II.

Право наследственное.

§ 1. Наслѣдованіе по завѣщанію¹⁾.

Указъ о единонаслѣдіи 1714 г., обязательный для всѣхъ сословій, кроме крестьянъ²⁾, значительно видоизмѣнилъ наследственное право, чѣмъ и вызвалъ противъ себя сильную оппозицію со стороны общества. По указу отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, обязывался назначить одного изъ нихъ (безразлично котораго) наследникомъ всего своего недвижимаго имущества; остальнымъ же сыновьямъ, называемымъ „кадетами“, онъ могъ оставить только движимое имущество, раздѣливъ его между ними, по своему усмотрѣнію. При неимѣніи сыновей, отецъ долженъ былъ завѣщать имущество ко-

¹⁾ Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Полежаева „О завѣщаніяхъ въ трехъ периодахъ“ (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній 1859 г. кн. I), Сахарова „О формѣ завѣщаній“ и Руднева „О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому праву въ историческомъ развитіи“.

²⁾ Въ этомъ, между прочимъ, заключалась одна изъ его отличительныхъ чертъ сравнительно съ западно-европейскимъ майоратомъ, обязательнымъ только для высшихъ сословій (см. мои Лекціи по вѣтѣйшей исторіи русскаго права, стр. 228).

торой либо изъ своихъ дочерей. За отсутствиемъ же дѣтей, собственникъ обязывался передать имущество кому либо изъ своихъ родственниковъ, но непремѣнно той же фамиліи, къ которой принадлежалъ самъ. Наконецъ, за отсутствиемъ и таковыхъ, онъ могъ передать имущество которой либо изъ изъ своихъ родственницъ (безразлично какой фамиліи съ тѣмъ, однако, условиемъ, чтобы ея мужъ принялъ фамилію наследодателя (тоже обязательство имѣло мѣсто и при наследованіи дочери). Извѣстно, что указъ 1714 г. былъ отмѣненъ въ 1731 г.

Завѣщать свое имущество могли какъ мужчины, такъ и женщины, находившіеся въ здравомъ умѣ и твердой памяти¹⁾. Единственное ограничение въ отношеніи лицъ завѣщающихъ существовало касательно самоубійцъ. Такъ, по указу 1766 г. была признана недѣйствительность завѣщаній самоубійцъ, въ виду преступного характера самоубійства („посему отъ таковыхъ никакой завѣтъ принять быть не долженъ“). Впрочемъ, если самоубійство совершено въ безуміи и въ безпамятствѣ, а завѣщаніе не написано въ табомъ состояніи, но въ здравомъ умѣ, то оно признается дѣйствительнымъ.

Съ Екатерины II, раздѣлившей имущество на родовое и благопріобрѣтенное, завѣщать постороннимъ лицамъ можно было только послѣднее, такъ какъ первое обязательно переходило къ законнымъ наследникамъ (Жалованныя грамоты дворянству, ст. 22 и городамъ, ст. 88). Но завѣщать родовое имущество въ пользу законныхъ наследниковъ вполнѣ разрѣшалось²⁾.

До 1823 г. духовныя завѣщанія совершались какъ въ устной, такъ и въ письменной формѣ³⁾; но указомъ 1823 г. устная форма была уничтожена. Что касается до письменной формы, то съ 1700 г. завѣщанія обязательно должны были совершаться брѣпостнымъ порадкомъ. Такъ продолжалось до 1726 г., когда было разрѣшено писать завѣщанія домашнимъ порядкомъ. Для дѣйствительности духовной требовалась подпись завѣщателя и душеприкащиковъ; въ случаѣ же безграмотности первого требовалась также и подпись его духов-

¹⁾ Предположеніе Неволина на основаніи анализа содержанія нѣсколькихъ указовъ (назв. соч., ч. III, стр. 304).

²⁾ Рудневъ, назв. соч., стр. 120.

³⁾ Впрочемъ, еще указомъ 1704 г. были запрещены „изустныя памяті“, т. е. завѣщанія въ устной формѣ; однако, на практикѣ они существовали вплоть до 1823 г.

наго отца (указы 1726, 1766, 1786 гг. и др.). Составленное такимъ образомъ завѣщаніе обязательно являлось въ судебномъ мѣстѣ для засвидѣтельствованія со стороны послѣднаго. До Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. такимъ мѣстомъ считалась Юстицъ-колледжія, съ 1775 же года — палаты гражданскаго суда. При засвидѣтельствованіи завѣщаній взимались особы пошлины, уничтоженные манифестомъ 1775 года.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались особые порядки составленія завѣщаній. Такъ, Морской уставъ 1720 г. установилъ такой порядокъ для моряковъ на кораблѣ (ен. III, гл. V); въ 1803 г. былъ установленъ особый сокращенный порядокъ для вдовъ, въ 1818 г. для выдерживающихъ карантинъ и т. д.

§ 2. Наслѣдованіе по закону.

Законный порядокъ наслѣдованія, получившій свою законодательную санкцію въ Уложеніи 1649 г. и заключавшійся въ раздѣлѣ недвижимаго имущества между всѣми дѣтьми, былъ отмѣненъ указомъ о единонаслѣдіи 1714 г. и замѣненъ системою майората, при которой все имущество переходило къ одному сыну. Мы уже видѣли, какими мотивами руководствовался Петръ I, совершая подобную реформу. Согласно съ указомъ 1714 г., въ случаѣ отсутствія завѣщанія, наслѣдникомъ всего недвижимаго имущества родителей становился старшій сынъ, явившійся, какъ уже было сказано, опекуномъ *ex officio* своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Послѣдніе получали движимое имущество, дѣлившееся между ними поровну, причемъ сестры наслѣдовали только при отсутствіи братьевъ. За неимѣніемъ сыновей, имущество переходило въ старшей дочери, мужъ которой (если она была замужемъ) принималъ фамилію тестя. Наконецъ, въ случаѣ смерти бездѣтнаго лица, недвижимое имущество его переходило въ одному изъ близкихъ родственниковъ, а движимое дѣлилось между остальными (также близкими). Указъ 1714 г. былъ подтвержденъ и дополненъ въ 1725 г.

Съ отмѣною указа о единонаслѣдіи въ 1731 г., былъ возстановленъ порядокъ наслѣдованія по Уложенію, видоизмѣненный въ нѣкоторыхъ своихъ частахъ позднѣйшими узаконеніями. Согласно законодательству разматриваемаго периода, ближайшее право наслѣдованія принадлежало наследающимъ, т. е. дѣтамъ и внукамъ, причемъ дочери полу-

чали изъ недвижимаго имущества $\frac{1}{14}$ часть, а изъ движимаго — $\frac{1}{8}$ (указъ 17 Марта 1731 г.). Въ 1815 г. Государственный совѣтъ разъяснилъ, что, въ случаѣ наличности большаго числа дочерей, чѣмъ сыновей, движимое имущество должно было дѣлиться слѣдующимъ образомъ: по выдѣленіи изъ него четвертой части, приходящейся на долю жены, оставнья три части дѣлились поровну между братьями и сестрами. То же правило было въ 1824 г. распространено и на тотъ случай, когда, за выдѣломъ каждой дочери ея части, прочія, оставшіяся на долю сыновей, оказались бы менѣе дочернихъ. При отсутствіи сыновей, все имущество переходило къ дочерямъ (указъ 1763 г.).

За отсутствіемъ наследующихъ, къ наследованію призывались боковые родственники, причемъ братья исключали сестеръ; послѣднія наследовали при неимѣніи братьевъ (указы 1770, 1805, 1815 гг. и др.).

Въ изучаемую эпоху было также урегулировано наследование восходящихъ, а именно Государственный совѣтъ въ 1823 г. постановилъ, что послѣ смерти бездѣтныхъ (слѣдовательно, при отсутствіи наследующихъ) къ наследованію въ недвижимомъ имуществѣ призываются отецъ и мать, получающіе обратно все, ими подаренное дѣтямъ. Что касается до благопріобрѣтенаго имущества послѣднихъ, то родители пользуются правомъ пожизненно имѣть владѣніе, но лишаются права продажи, заклада и вообще отчужденія. Въ 1827 г. дѣйствіе этого закона было распространено и на движимое имущество.

Наконецъ, законодательство обратило вниманіе и на наследование супруговъ, таکъ, указомъ 1731 г. женѣ было предоставлено право наследовать въ недвижимомъ имуществѣ мужа часть, равную пятнадцати четвертей со ста. Впослѣдствіи (указъ 1763 г.) разъяснено это постановленіе въ томъ смыслѣ, что жена должна получать одну седьмую часть въ недвижимомъ имуществѣ мужа. Что касается до наследованія ея въ движимомъ имуществѣ, то въ этомъ случаѣ продолжали дѣйствовать постановленія Уложенія 1649 г., согласно съ которыми жена получала четвертую часть. Кромѣ того, жена и послѣ смерти мужа продолжала владѣть приданымъ и вообще своимъ имуществомъ (указъ 1731 г.). Право наследования мужа въ имуществѣ жены опредѣлялось тѣми же узаконеніями.

Въ случаѣ отсутствія наследниковъ или неявки ихъ въ установленный срокъ, для доказательства своихъ правъ на

наслѣдство, послѣднее признавалось выморочнымъ и поступало въ казну (инструкція канцеляріи конфискаціі 1703 г., неоднократно подтверждennая впослѣдствії) ¹⁾. Впрочемъ, изъ этого правила существовало нѣсколько исключеній. Такъ, уже по Морскому уставу 1720 г. было признано, что имущество офицера или матроса, умершаго въ компаніи и не оставившаго наслѣдниковъ, поступаетъ не въ казну, а въ госпиталь. Затѣмъ, по указу 1766 г., выморочное имущество монашествующихъ поступало въ коллегію экономіи, т. е. на нужды церкви. Наконецъ, Жалованная грамота городамъ постановила, что выморочное имущество городскихъ обывателей поступаетъ на нужды города. Были еще и другія исключенія.

Въ заключеніе необходимо сказать, что съ 1700 г. для московской епархіи, а съ 1722 г. для всей Россіи дѣла по наслѣдствамъ были изъяты изъ состава юрисдикціи церковнаго суда, вѣдавшаго ихъ со времени принятія христіанства, и стали подсудны исключительно свѣтскому суду.

ГЛАВА III.

Право вещное.

§ 1. Общее учение.

Указомъ 1714 г. о единонаслѣдіи помѣстья были окончательно слиты съ вотчинами и названы недвижимостью („всѣ недвижимыя вещи, т. е. родовыя, выслуженная и купленная вотчины и помѣстья, также дворы и лавки“) ²⁾. Анна Ивановна, отмѣнивъ въ 1731 г. указъ 1714 г., не только не измѣнила этого его постановленія, но, напротивъ, „повѣдѣла впредь съ сего нашего указа (1731 г.) какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно—недвижимое имѣніе“. Однако, въ виду того, что указъ 1731 г. умолчалъ о дворахъ

¹⁾ Инструкція канцеляріи конфискаціі не устанавливаетъ никакого срока для явки наслѣдниковъ, и онъ впервые вводится сенатскимъ указомъ 1767 г., предписывающимъ вынуждать наслѣдниковъ въ теченіе полугода. Въ 1787 г. этотъ срокъ былъ увеличенъ до 10 лѣтъ.

²⁾ Впрочемъ, терминъ „недвижимое имущество“ впервые встрѣчается въ указѣ 1712 г. „Когда родъ чей вымретъ, читаемъ здѣсь, то послѣдній въ роду не имѣть никакимъ образомъ своихъ добръ недвижимыхъ продать или отдать“.

и лавкахъ, о чёмъ говорилось въ указѣ 1714 г., то Сенатъ нашели нужнымъ въ 1740 г. по одному частному дѣлу постановить: „дворовъ другимъ званіемъ, кромѣ того, что недвижимое имѣніе, именовать уже не должно“. Затѣмъ указомъ Петра III 1762 г. (20 Апр.) было предписано считать недвижимымъ имуществомъ, кромѣ дворовъ, также заводы и фабрики. Этотъ указъ въ томъ же году былъ подтвержденъ Екатериной II, причемъ, при перечислении недвижимаго имущества, императрица упомянула и о лавкахъ.

Что касается до движимаго имущества, то Тестаментомъ Екатерины I 1727 г. за таковое были признаны: деньги, драгоценные камни, серебро, уборы и экипажи. Указъ 1761 г. въ категоріи движимаго имущества отнесъ еще заводскіе материалы и инструменты. Наконецъ, указъ 1762 г.—минералы (руды) и металлы, лошадей, скотъ, хлѣбъ (сжатый и молоченный), всякие инструменты, материалы, припасы и вообще всякия вещи, могущія быть объектомъ движения¹⁾.

При Екатеринѣ II, путемъ издания Жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 г., имущество окончательно раздѣлилось на родовое и благопріобрѣтенное. Вотъ, что гласить по этому поводу ст. 22 дворянской грамоты: „благородному свободной власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое или на прожитокъ отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудить; наследственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаетъ иначе, какъ законами предписано“. Почти то же самое говорится и въ Жалованной грамотѣ городамъ. Такимъ образомъ въ отношеніи благопріобрѣтенного имущества была допущена полная, ничѣмъ не ограниченная свобода распоряженія. Напротивъ, родовое имущество подлежало только тѣмъ сдѣлкамъ, какія „предписаны законами“. Это мѣсто грамоты очень темно, такъ какъ, за отмѣною указа о единонаслѣдіи, такихъ законовъ не существовало, въ силу чего позднѣйшему законодательству (напр., указу 1823 г.) при-

¹⁾ Движимыя имущества дѣлились на тѣлесныя и нетѣлесныя. Къ первымъ относились: платье, мѣха, съѣстные припасы и вообще такія вещи, которыя „отъ долговременнаго лежанія погибнуть и утратиться могутъ“ (Инструкція городовыми магистратамъ 1724 г. и указы 1748 и 1807 гг.); остальные вещи, напр., деньги, драгоценные камни, золото, серебро, посуда, галантерейныя вещи и т. п. считались нетѣлесными.

шлось рязъяснять, что ст. 22 грамоты имѣеть въ виду воспрещеніе дарить родовое имущество помимо ближайшихъ наследниковъ.

Движимое имущество, хотя бы и наследственное, всегда признавалось за благопріобрѣтенное¹⁾. Напротивъ, наследственное недвижимое имущество всегда считалось родовымъ; къ родовому же имуществу причислялись (до 1805 г.) и пожалованныя имѣнія. Такъ продолжалось до указа 1805 года, когда было предписано подобная имѣнія признавать за благопріобрѣтенное имущество.

§ 2. Владѣніе.

Праву на вещь, иначе называемому правомъ собственности, какъ отношенію юридическому, противополагается и въ историческомъ развитіи предшествуетъ владѣніе, какъ отношеніе фактическое. Владѣніе въ этой противоположности есть содержаніе лицомъ вещи въ своей власти такъ, какъ бы вещь принадлежала ему въ собственность, хотя она и не есть его собственность²⁾. Владѣніе, какъ фактическое господство лица надъ вещью, само собою разумѣется, известно законодательству изучаемаго периода, и оно защищаетъ его судомъ противъ всячаго самоуправства и насилия (указы 1720, 1748, 1782 гг. и др.). Мало того, законодательство запрещаетъ даже собственнику самовластно отбирать у владѣльца имущество, предоставляя ему право обращаться къ содѣйствию только суда (указы 7 и 28 Июня 1731 г. и 24 Янв. 1752 г.). Точно также каждый владѣлецъ пользовался правомъ защищать свое имущество силою противъ всѣхъ, покушающихся посягнуть на его интересы (Воинскій уставъ, арт. 185). Наконецъ, со второй половины XVIII ст. выясняется различіе въ охранѣ собственности и владѣнія, въ силу чего производство дѣлъ о завладѣніи обособляется отъ производства дѣлъ о собственности. Впервые съ этимъ обособленіемъ мы встречаемся въ Учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., по которому возстановленіе нарушенного владѣнія стало функцией административныхъ властей: городничихъ въ городахъ и исправниковъ въ уѣздахъ, возстановленіе же права собственности стало функцией исключительно суда (ст. 243

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 28.

²⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 107.

и 266). Постановленія Учрежденія о губерніяхъ были подтверждены указомъ 1809 г. (первоначально изданнымъ для западныхъ губерній, но съ 1823 г. распространеннымъ на всю Россію). Вотъ, что читаемъ въ этомъ указѣ: „по силѣ законовъ предоставлено всякому на волю за насильное завладѣніе имѣніемъ и грабежъ отыскивать удовлетворенія не однимъ токмо судомъ гражданскимъ, но и слѣдственнымъ. И потому, когда дойдетъ до *полиціи* просьба о таковомъ поступкѣ, то оная немедленно приступаетъ на мѣстѣ къ изслѣдованію и открытию истины, не требуя и не входя въ разборъ представляемыхъ сторонами письменныхъ документовъ, принадлежащихъ единственно разбору суда по законамъ, приводить только въ ясность, въ чьемъ владѣніи было имѣніе тогда, когда на ономъ учинено насилие, и, по изслѣдованіи, возвращаетъ тотчасъ оное тому, у кого что отнято или заграблено; принадлежность же имѣнія, на коемъ насилие или грабежъ учиненъ, по письменнымъ документамъ относится къ формальному судопроизводству гражданскаго суда“.

§ 3. Право собственности.

Въ XVIII ст. появляется прилагательное, отъ которого происходитъ слово: собственность. „Тѣмъ, читаемъ, напр., въ указѣ 1732 г., которые что въ церковь отдадутъ, своимъ почитать уже не должно, но церковное есть и единой церкви надлежить, а не до собственной кому духовному или свѣтскому“ и т. д. „Которая дѣти мужеска и женска полу, гласитъ указъ 1761 г., собственно своего ничего не имѣя“ и т. д. Впервые терминъ собственность начинаетъ употребляться при Екатеринѣ II. Такъ, въ Наказѣ генераль-прокурору 1767 г. читаемъ: „разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ собственность всякаго гражданина“ (ст. 10).

Съ другой стороны, въ императорскомъ періодѣ появляются такія ограничения права собственности, какія совершенно не были известны въ московскомъ періодѣ. Они касаются какъ права распоряженія, такъ и права пользованія. Къ первой категоріи относится запрещеніе, по указу 1714 г., всякаго вида отчужденій недвижимаго имущества, за исклю-

чепіемъ продажи, и то „по особенной нуждѣ“¹⁾). Въ связи съ этимъ находилось расширеніе права выкупа, выразившееся въ томъ, что, во-первыхъ, имъ можно было пользоваться по отношенію ко всякому имуществу и, во-вторыхъ, дѣти могли выкупать въ продолженіи 40 лѣтъ. Послѣ отмены указа о единонаслѣдіи имп. Анна Ивановна (въ 1731 г.) разрѣшила родителямъ выдѣлять извѣстную часть недвижимаго имущества на приданое дочерямъ. Такимъ образомъ съ 1731 г. существовали два способа распоряженій имуществомъ: продажа и назначение въ приданое. Съ изданіемъ Жалованыхъ грамотъ дворянству и городамъ было разрѣшено каждому собственнику распоряжаться своимъ имуществомъ безъ всякихъ ограниченій. Впрочемъ, въ виду умолчанія грамотъ о правѣ собственниковъ обмѣниваться имуществомъ, Сенатъ въ 1786 г. призналъ мѣну сдѣлкою запрещеною.

Ко второй категоріи относились: 1) права государства на недра земли²⁾ („намъ однимъ, яко монарху, гласила Бергъ-Привилегія 1719 г., принадлежать рудокопные заводы“; впрочемъ, государь „милостиво соизволяетъ употребленіе ихъ всѣмъ и каждому“), въ силу чего добыча металловъ и минераловъ на земляхъ частныхъ собственниковъ составляло привилегію казны. Логическимъ слѣдствиемъ сказанного было дозволеніе каждому отыскивать руду и строить заводы на чужой землѣ безъ разрѣшенія собственника послѣдней, получавшаго только опредѣленный доходъ съ завода³⁾). Это ограниченіе было уничтожено Екатериной II въ 1782 г., признавшей „право собственности не только на поверхности земли, каждому изъ нихъ (собственниковъ) принадлежащей, но и въ недрахъ той земли, и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастанія и на всѣ изъ

¹⁾ Мало того, чтобы затруднить подобную продажу, было предписано взимать съ пѣни продоваемаго имущества пошлины въ размѣрѣ гривни съ рубля.

²⁾ Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Удинцева, Потсессионное право, а также его статью „Право на залегающія въ недрахъ ископаемыя“ въ „Журн. Юрид. Общ.“ 1897 г., кн. IV.

³⁾ Названный доходъ равнялся $\frac{1}{32}$ изъ прибыли отъ каждой руды или минерала. Кромѣ того, собственники земель пользовались преимущественнымъ правомъ на устройство заводовъ. Бергъ-регламентомъ 1739 г. доходъ собственника былъ опредѣленъ въ размѣрѣ двухъ % съ каждого выработанного металла и минерала, безъ всякаго соотношенія съ прибылью заводчика.

того дѣлаемые металлы¹⁾; 2) право государства на произрастанія земли, т. е. на лѣса, въ силу чего при Петре I²⁾ нѣкоторые виды деревьевъ были объявлены заповѣдными, т. е. принадлежащими казнѣ, причемъ рубка ихъ была запрещена подъ страхомъ штрафа (кленъ, ильмъ, вязъ и сосна) и даже смертной казни (рубка дуба)³⁾. Названное право также было уничтожено въ 1782 г., что подтверждилася Жалованная грамота дворянству (подтверждается благороднымъ правомъ собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободного ихъ употребленія)⁴⁾; 3) права угодій (съ 1704 г.), въ силу которыхъ нѣкоторая угода (напр., рыбная ловля) были объявлены собственностью государства, а другія обложены опредѣленнымъ оброкомъ (напр., пчельники и бортные ухожья)⁵⁾; 4) право охоты, благодаря которому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., около Петербурга и Москвы) было запрещено ловить и убивать опредѣленные виды животныхъ и птицъ, напр., лосей, зайцевъ и соловьевъ⁶⁾; 5) право на промышленныя заведенія, въ силу чего нѣкоторая изъ нихъ были обложены оброкомъ, напр., мельницы (съ 1704 г.)⁷⁾.

¹⁾ Этотъ указъ былъ подтвержденъ дворянской грамотою 1785 г. (ст. 38), что явилось отвѣтомъ со стороны императрицы на просьбу нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ 1767 г. (напр., наказы: устюженскій, мещовскій и др.).

²⁾ Отдельные указы, изданные по этому поводу, начиная съ 1703 г., были соединены въ двухъ инструкціяхъ: вальдмейстерамъ 1722 г. и оберъ-вальдмейстеру 1723 г.

³⁾ Рубка дуба была запрещена повсюду, рубка же остальныхъ деревьевъ, признанныхъ заповѣдными, считалася недозволеніемъ только на разстояніи въ сторону: отъ большихъ рѣкъ на 50 верстъ, отъ небольшихъ на 20 верстъ.

⁴⁾ Аналогичное постановленіе мы встрѣчаемъ уже въ проектѣ нового Уложения 1754—1766 гг., разрѣшившемъ помѣщикамъ „употреблять свой лѣсъ на строеніе или на сожиганіе, продавать и обмѣнивать безъ всякаго препятствія“ (ст. 17 гл. ХХII).

⁵⁾ Права угодій были уничтожены въ 1775 г., что въ отношеніи рыбныхъ ловель было подтверждено въ 1782 и 1785 гг. Впрочемъ, уже въ проектѣ 1754—1766 г. мы читаемъ: „дворянинъ можетъ въ своихъ деревняхъ строить мельницы, копать пруды и рвы... имѣть рыбную ловлю въ своихъ озерахъ и въ близь лежащихъ озерахъ и прудахъ“ (ст. 17 гл. ХХII). Объ уничтоженіи правъ государства на угодія ходатайствовали также почти всѣ дворянскіе и городскіе наказы 1767 г. (см. мои „Законодательные комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I).

⁶⁾ Указами 1740 и 1741 гг. было вообще запрещено около Петербурга ловить и стрѣлять какихъ бы то ни было птицъ и звѣрей. Съ 1802 г. это запрещеніе, оставаясь въ силѣ для казенныхъ земель, не распространялось на земли частныхъ собственниковъ.

⁷⁾ Этотъ оброкъ былъ уничтоженъ въ 1775 г.

Эти ограничения права собственности вызывали сильное неудовольствие общества, почему, когда въ 1767 г. была со-здана законодательная комиссія, то всѣ сословія въ сво-ихъ наказахъ ходатайствовали предъ Екатериною II объ уничтоженіи названныхъ ограничений. Государыня исполнила желанія наказовъ, и, какъ было уже сказано, нѣсколькими мѣропріятіями въ 1775, 1782 и 1785 гг. уничтожила ихъ, причемъ Жалованная грамота дворянству подтвердила дво-рянамъ полное право собственности на ихъ недвижимое иму-щество. „Благородному, гласила грамота, свободная воля и власть оставляется, бывъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имть имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое, или въ прожитокъ отдать, или продать кому заблагоразсудить“¹⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію способовъ установлениія права собственности. Такимъ способомъ было, во-первыхъ, *заявлѣніе* никому не принадлежащей вещи (*occupatio*) въ формѣ ли добыванія металловъ и минераловъ (по законода-тельству Петра I, когда это было разрѣшено всѣмъ и по-всюду), въ формѣ ли собиранія произведеній царства расти-тельный, въ формѣ ли ловли животныхъ (звѣрей, птицъ и рыбъ).

Другимъ способомъ пріобрѣтенія права собственности была *находка*. О ней впервые говорять Воинской и Мор-ской уставы, предписывая нашедшему какую либо вещь объ-явить объ этомъ по начальству (Воинск. уст., арт. 195, под-твержденный Морскимъ уставомъ 1720 г., указомъ 1779 г. и др.), а этому послѣднему распорядиться объявлениемъ для отысканія хозяина (указъ 1779 г. предписываетъ подобное объявление печатать три раза въ газетахъ и, кроме того, объявлять въ каждомъ домѣ съ подписью). Послѣдній полу-чалъ свою вещь обратно, по предъявленіи доказательствъ, что она ему принадлежитъ, но обязывался вознаградить пашедшаго (указъ 1779 г.). Размѣръ награды былъ опредѣленъ Воинскимъ (арт. 195) и Морскимъ уставами (кн. V, гл. XVII, ст. 131) и равнялся третьей части цѣны вещи. Въ случаѣ ненахожденія хозяина, вещь становилась собственностью на-

¹⁾ Такое же признаніе права собственности мы встрѣчаемъ уже въ проектѣ 1754—1766 гг. „Дворянинъ, читаемъ въ немъ, деревни свои можетъ отдавать побѣз закладъ, продавать и дѣлать съ ними и въ нихъ, по своему соизволенію, все то, что законамъ не противно, продавать и обмѣнивать безъ всякихъ препятствія и профія, домостроительству его нужна и полезна, дѣла предпринимать“.

шедшаго (Морской уставъ, кн. V, гл. XVII, ст. 131 и указъ 1779 г.).

Третьимъ способомъ являлась *военная добыча*, притомъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. О первой говорить Воинскій уставъ, предписывал предметомъ добычи считать только движимую собственность, принадлежащую непріятелю, и строго воспрещая захватывать добычу безъ позволенія начальства и вѣдь опредѣленного для этого мѣста. Нѣкоторыя вещи, какъ то: знамена, оружіе, провіантъ, казенные и общественныя деньги составляли исключительную собственность государя; все же остальное отдавалось солдатамъ (арт. 104—113). О морской добычѣ или о призахъ говорить по преимуществу Морской уставъ, разрѣшавшая захватывать призы только военнымъ судамъ и каперамъ, т. е. частнымъ судамъ, вооруженнымъ для этой цѣли, съ разрѣшеніемъ правительства. Предметомъ добычи могли быть непріятельскіе военные и купеческіе корабли со всѣмъ тѣмъ, что находилось на нихъ, а также русскіе военные корабли, захваченные непріятелемъ и бывшіе въ его власти болѣе сутокъ. Захватъ приза могъ имѣть мѣсто только съ разрѣшеніемъ начальства и съ обязательствомъ представить его съ подробнымъ донесеніемъ послѣднему. Призовое судоговореніе, т. е. выясненіе вопроса, правильно ли былъ взятъ призъ или неѣтъ, происходило въ Адмиралтействъ-колледжѣ, и только послѣ этого призъ выдавался взявшимъ его и раздѣлялся по особымъ правиламъ между всѣми участниками въ его захватѣ, причемъ казна имѣла право за особое вознагражденіе, сообразно съ величиной судна, получить его въ свою собственность (Морской уставъ, книга III, IV и V, также регламентъ о управлѣніи адмиралтейства и верфи 1722 г. гл. I, ст. 95—106). Эти постановленія были дополнены и отчасти видоизмѣнены извѣстными правилами вооруженного нейтралитета 1780 г., уставомъ купеческаго водоходства 1781 г. и въ особенностіи положеніемъ о призахъ 1806 г. ¹⁾.

Четвертымъ способомъ являлось приобрѣтеніе *плодовъ* вещи, въ формѣ, напр., припода отъ животныхъ, плодовъ отъ растеній и т. п. (указы 1740, 1754, 1801 г. г. и др.).

Пятымъ способомъ были *договоры*: дареніе, мѣна и купля-продажа, а также залогъ или закладъ (въ случаѣ просрочки выкупа вещи), причемъ въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ

¹⁾ Подробности см. у Неволина, назв. соч., ч. II, стр. 432 и слѣд.

требовалось: заключение договора въ письменной формѣ и вводъ пріобрѣтателя во владѣніе. До Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. укрѣпленіе актовъ на недвижимое имущество и вводъ во владѣніе являлось функцией Вотчинной коллегіи. Съ Учрежденіемъ о губерніяхъ эта функция перешла къ уѣздному суду (относительно деревень), къ городовому магистрату или ратушѣ (относительно городскихъ строеній) и къ нижней расправѣ (относительно крестьянскихъ земель), причемъ упомянутыя учрежденія были обязаны публиковать путемъ прибавки къ дверямъ особаго листа съ извѣщеніемъ о сдѣлкѣ (уѣздный судъ, кромѣ того, о сдѣлкѣ доводилъ до свѣдѣнія верхняго земскаго суда и Сената для публикаціи въ сточичныхъ вѣдомостяхъ). Если въ теченіе двухъ лѣтъ со дня публикаціи никто не предъявлялъ никакихъ претензій, то сдѣлка признавалась действительной, и пріобрѣтатель вступалъ во всѣ права собственника (ст. 205, 290 и 346).

Шестымъ способомъ была давность. До изданія манифеста 28 Іюня 1787 г. срокъ давности опредѣлялся по Уложенію (ст. 13 гл. XVII) и равнялся 40 годамъ, но съ изданіемъ названного манифеста (изданного по случаю 25 лѣтъ царствованія Екатерины II) срокъ давности былъ уменьшенъ до 10-ти лѣтъ. Съ этого времени безспорное и непрерывное владѣніе вещью въ продолженіи 10 лѣтъ стало однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности.

Седьмымъ способомъ являлось *пожалование* государемъ какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ земель. Какъ было уже говорено, пожалованіе достигло апогея своего развитія при Екатеринѣ II и Павлѣ I и продолжалось до 1801 г., когда было прекращено. Въ 1733 г. состоялось запрещеніе подачи просьбъ о пожалованіи; впрочемъ, указомъ 1742 г. было снова разрешено подавать такія просьбы, но только заслуженнымъ лицамъ.

Послѣднимъ способомъ являлось *приращеніе*, въ силу чего межевой инструкціей 1766 г. и въ особенности сенатскими указами 1829 г. было признано, что собственнику земли, лежащей на берегу реки, въ случаѣ уклоненія этой послѣдней въ сторону, принадлежитъ право собственности на часть обсохшаго фарватера, прилагающаго къ его земль въ томъ пространствѣ широты, какое значится на выданномъ ему планѣ.

Что касается до способовъ прекращенія права собственности, то они по большей части были тѣ же, что и установленія.

Общая собственность (*condominium*) также была известна законодательству XVIII ст. какъ въ формѣ имуществъ, доставшихся собственникамъ по наследству, такъ и въ формѣ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведений, напр., фабрикъ и заводовъ. Доходы съ общей собственности поступали въ пользу всѣхъ собственниковъ по соразмѣрности частей; этотъ же принципъ составлялъ основу отправления повинностей, лежащихъ на собственности (указъ 1739 г. и уставъ купеческаго водоходства 1781 г.). Управление и распоряженіе общею собственностью должно было происходить не иначе, какъ съ согласія всѣхъ собственниковъ, имѣвшихъ право поручать завѣданіе собственностью одному лицу изъ своей среды. Указъ 1739 г. призналъ право за каждымъ собственникомъ продавать или закладывать свою часть въ собственности безъ согласія прочихъ (рѣчь идетъ о горномъ заводѣ), но уставъ купеческаго водоходства 1781 г. отступилъ отъ этого начала, постановивъ, что участникъ въ общемъ судѣ можетъ распоряжаться своею частью не иначе, какъ съ согласія прочихъ. Въ случаѣ желанія всѣхъ соучастниковъ, общая собственность (если она по свойству своему дѣлима) могла быть раздѣлена между ними.

§ 4. Право выкупа.

Третьимъ видомъ имущественныхъ правъ является право выкупа. Въ исторіи этого права весьма важную роль игралъ указъ о единонаследії 1714 г. Въ отличие отъ Уложения указъ установилъ выкупъ, какъ право не только одного служилаго класса и относительно однѣхъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, но, какъ право всѣхъ сословій, обладающихъ тѣмъ или другимъ родомъ недвижимыхъ имуществъ. Такимъ образомъ съ 1714 г. предметомъ выкупа, кроме вотчинъ, стали еще помѣстья и городское имущество (дома, лавки, фабрики). Единственное исключеніе изъ названного правила представили деревни, купленныя къ заводамъ и фабрикамъ на, такъ называемомъ, посессионномъ правѣ и не подлежащія выкупу (указъ 18 Янв. 1721 г.). Право выкупа принадлежало наследникамъ, „по линіи ближнимъ“, т. е. старшему сыну и его потомству (съ 1725 г. послѣ смерти отца); остальные же родственники (указъ говоритъ о кадетахъ) отъ пользованія этимъ правомъ исключались. Какъ известно, по Уложению выкупать могли только одни боковые

родственники, исходящими же это право не принадлежало. Срокъ выкупа остался прежний—сорокалѣтний, причемъ за вновь выстроенные строения взималась приплата, но не по сказкѣ собственника, какъ было по Уложенію, а по оценкѣ или, какъ выражается указъ 1714 г., по „свидѣтельству и по осмотру, наложа настоящую правдивую цѣну, во что стало“. Послѣ отмены указа 1714 г., въ законодательствѣ о выкупѣ произошли большія перемѣны, главнымъ образомъ вслѣдствіе изданія указа 1737 г. Прежде всего этимъ указомъ былъ отмененъ сорокалѣтний срокъ выкупа и замѣненъ трехлѣтнимъ (это постановленіе неоднократно подтверждалось и впослѣдствіи, напр., въ 1744, въ 1766, въ 1778 г. г.), причемъ въ 1766 г. состоялось предписаніе считать начало срока: для купчихъ отъ ихъ написанія, а для залоговыхъ отъ ихъ явки въ Вотчинной коллегіи. Другое измѣненіе, произведенное относительно выкупа указомъ 1737 г., заключалось въ распространеніи этого права на всѣхъ ближайшихъ родственниковъ продавца или залогчика. Подробности порядка, въ какомъ родственники должны были следовать другъ за другомъ по отношенію къ пользованію правомъ выкупа, были определены указомъ 11 Мая 1744 г. На основаніи его, правомъ выкупа прежде всего пользовались сыновья (отдѣленные и неотдѣленные), но только послѣ смерти отцовъ, и при томъ если послѣдніе умерли до истечения назначенного трехлѣтняго срока. Въ случаѣ смерти сыновей, къ выкупу допускались ихъ дѣти мужскаго пола, т. е. внуки продавца или залогчика, причемъ неотдѣленные отъ дѣдовъ послѣ смерти послѣднихъ, а отдѣленные и при жизни. За отсутствиемъ сыновей и внуковъ право выкупа переходило къ дочерямъ-дѣвицамъ, а за неимѣніемъ ихъ, къ замужнимъ и къ ихъ дѣтямъ (сыновьямъ, а при ихъ отсутствіи къ дочерямъ-дѣвицамъ). За отсутствиемъ названныхъ наследниковъ, право выкупа переходило къ боковымъ родственникамъ, т. е. къ братьямъ и племянникамъ продавца, если они не подписались подъ купчей или залогной. Если же и ихъ не было, то право выкупа переходило къ сестрамъ (сперва дѣвицамъ, а затѣмъ замужнимъ) и къ ихъ сыновьямъ и дочерямъ-дѣвицамъ. Наконецъ, послѣдними родственниками, пользовавшимися разматриваемымъ правомъ являлись двоюродные братья и племянники продавцы или залогчика.

Это ограниченіе права выкупа известными линіями и степенями родства съ заключеніемъ этого права для боко-

выхъ родственниковъ въ тѣснѣйшіе предѣлы сохранилось недолго и указомъ 1766 г. было отмѣнено. Названный указъ даровалъ право выкупа *всѣмъ* родственникамъ, начиная съ ближайшихъ и кончая дальными, по линіямъ и степенямъ, согласно съ правилами законнаго наслѣдованія, что окончательно и было санкционировано въ Сводѣ Законовъ.

Указами 1737, 1744, 1755 и 1766 гг. не было прямо выражено, какое имущество подлежитъ выкупу, вслѣдствіе чего въ 1799 г. Сенатъ разяснилъ, что правомъ выкупа можно пользоваться исключительно въ отношеніи родового имущества, причемъ еще съ 1744 г. было признано, что выкупать можно только то имущество, которое отчуждено въ чужой родъ, а не родственникамъ.

Что касается до цѣны выкупа, то на этотъ счетъ всегда существовало правило о соотвѣтствіи ея съ цѣною, за которую имущество было продано или заложено, причемъ, еслибы оно оказалось перепроданнымъ или перезаложеннымъ въ трети руки, то выкупавшій обязанъ уже платить ту цѣну, которая означена въ послѣдней купчей или закладной (указы 1744 и 1766 гг.). Впрочемъ, указомъ 1744 г. было постановлено, что заимодавецъ не имѣть права продавать, закладывать и отдавать въ приданое имѣніе въ теченіе одного года отъ написанного въ закладной срока. Кроме цѣны за имѣніе, выкупавшій обязанъ еще заплатить издержки, произведенныя покупщикомъ или залогопринимателемъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, по оцѣнкѣ, и крѣпостная пошлина.

§ 5. Права на чужую вещь.

Четвертымъ видомъ имущественныхъ правъ являются права на чужую вещь, т. е. сервитуты, какъ личные, такъ и реальные. Этотъ видъ имущественныхъ правъ также былъ извѣстенъ законодательству XVIII ст., хотя оно довольно мало его разработало и придало ему не совсѣмъ удачное выражение „правъ угодій“. Къ личнымъ сервитутамъ могутъ быть отнесены слѣдующіе: 1) право проѣзжающихъ, а также прогоняющихъ скотъ останавливаться на лугахъ, прилегающихъ къ дорогѣ, въ силу чего луга не должны были запираться ранѣе Троицына дня. Какъ извѣстно, это право получило свою законодательную санкцію еще въ Уложеніи 1649 г. (ст. 4 гл. VII) и было подтверждено въ 1765 г.

Тогда же состоялось предписание косить луга въ определенное время и, по окончаніи сѣнокоса, снова отпирать ихъ для нуждъ прогоняемаго скота. Въ 1766 г. былъ изданъ другой указъ, которымъ постановлено отпирать луга на разстояніи версты по большимъ дорогамъ и полуверсты по проселочнымъ не позже сентября. Это же постановление было распространено и на пашенные земли. Во время закрытія луговъ, владѣльцы послѣднихъ должны были по обѣ стороны дорогъ оставлять свободное пространство определенной мѣры съ лишеніемъ права косить его. Этимъ пространствомъ могли пользоваться проѣзжающіе и прогоняемый скотъ (указы 1744 г. 9 Января и 11 Сентября, 1754 г., 1766 г.). Вопросъ о запираніи луговъ былъ затронутъ въ 1767 г. во многихъ дворянскихъ наказахъ, причемъ, не высказываясь въ принципѣ противъ этого сервитута, наказы просятъ только о точномъ установлении срока для закрытія и открытия луговъ, въ виду переходящаго характера праздника Троицы. Такъ, нѣкоторые просятъ запирать луга съ 1-го Июня (костромской наказъ), нѣкоторые съ 20 Мая (любимскій наказъ), нѣкоторые съ 15 Мая (ржеволодимірскій наказъ) и т. д. Однако, Екатерина II не обратила вниманія на эти заявленія, и прежнее законодательство осталось въ силѣ.

Другимъ личнымъ сервитутомъ было право проѣзжающихъ на баркахъ и другихъ судахъ пользоваться бичевникомъ, т. е. приставать къ берегу, выгружать на него свои товары и т. п., хотя бы берегъ входилъ въ составъ собственности частныхъ лицъ (указы 1734, 1741, 1743 гг. и др.). Впрочемъ, съ 1766 г. этотъ сервитутъ прекратилъ свое существование, такъ какъ изданной тогда межевой инструкціей было предписано считать пространство берега, занимаемое подъ бичевникъ, государственнымъ имуществомъ и исключать изъ числа дачъ.

Реальные сервитуты, какъ известно, дѣлятся на сельскіе и городскіе. Къ первымъ относились слѣдующіе: 1) право прохода и проѣзда изъ одного имѣнія черезъ другое по проложеніи черезъ него дорогѣ, если иначе нѣть возможности попасть на отхожія пашни, сѣнныя покосы, въ лѣса и другія угодія, а также къ рѣкамъ для водопоя (указъ 1754 г., межевая инструкція 1766 г., законъ 20 Декабря 1829 г. и др.); 2) право владѣльца вышележащаго по рѣкѣ имѣнія на запретъ по отношенію къ владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотины и мельницы, если, вслѣдствіе этого, за-

топляются водою его луга, пашни и съинные покосы (Уложение, ст. 238 гл. X); 3) право въезда въ чужie лѣса для рубки строевыхъ и дровяныхъ деревьевъ, но не на продажу, а на свои нужды, также для производства звѣриныхъ промысловъ и для эксплоатации бортныхъ и другихъ угодий (межевая инструкція 1754 и 1766 гг. и въ особенности указъ 1799 г. предписали относительно казенныхъ възможныхъ лѣсовъ уничтожать право въезда путемъ размежеванія частей лѣса между частными владѣльцами, пользующимися названнымъ сервитутомъ); 4) право ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся на земляхъ частныхъ собственниковъ или казенныхъ, въ силу чего на основаніи указа 1778 г. было предписано по берегамъ такихъ озеръ отмѣривать по 10 сажень для пристанища ловцамъ и для просушки ихъ снастей.

Къ городскимъ сервитутамъ, кромѣ тѣхъ о которыхъ говорить Уложение 1649 г. (запрещеніе строить домъ на межѣ чужаго участка (ст. 277), ставить печь у стѣны своего сосѣда (ст. 278) и сваливать соръ на чужую землю (ст. 279 X гл.) , относились еще слѣдующіе: 1) запрещеніе дѣлать скатъ кровли на дворѣсосѣда (указъ 1737 г.) и 2) обязанность строить брантмауеры, отдѣляющіе кровли смежныхъ домовъ (указъ 1809 г.) ¹⁾.

§ 6. Право залога.

Послѣднимъ видомъ имущественныхъ правъ является право залога, объектомъ котораго можетъ быть какъ недвижимое, такъ и движимое имущество. Разсмотримъ сперва первое. По законодательству изучаемаго времени закладывать можно было только свободное имущество, т. е. такое, которое не находилось подъ запрещеніемъ (указы 1810 г. 24 Января и 30 Сентября, 1823 г. и др.). Затѣмъ съ 1737 г. было запрещено закладывать въ разныя руки, въ силу чего дѣйствительной признавалась только первая закладная. Наконецъ, некоторые виды имущества разрѣшалось закладывать не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства; также, вплоть до царствованія Екатерины II фабрики и горные заводы могли быть закладываемы только съ разрѣшенія Мануфактуръ и Бергъ-коллегіи.

¹⁾ Остальные городскіе сервитуты, о которыхъ говорить Сводъ Законовъ, установлены въ 1884 г.

Актъ на залогъ недвижимаго имущества обязательно долженъ быть совершаться крѣпостнымъ порядкомъ и назывался закладною крѣпостью (указы 1701 г. 30 Января, 7 Марта и 30 Апрѣля, 1703, 1705, 1706 гг. и др.). Банкротскій уставъ 1800 г. предписалъ писать закладныя по особой формѣ, на установленной для крѣпостей гербовой бумагѣ и за подписью не менѣе, какъ двухъ свидѣтелей.

Залогъ прекращался путемъ платежа въ опредѣленный срокъ со стороны залогодателя (закладчика) полученной имъ отъ залогопринимателя суммы денегъ, а также взысканіемъ послѣдней въ случаѣ неплатежа. Закономъ 1737 г. было постановлено, что залогоприниматель, по полученіи денегъ, обязанъ былъ сдѣлать соотвѣтствующую надпись на закладной и затѣмъ явить ее въ воеводскую канцелярію для записанія въ особую шнуровую книгу, въ которой оба контрагента обязаны были подписатьсь подъ заявленіемъ, что всякия обязательственные отношенія между ними покончены. Послѣ этого закладная отдавалась залогодателю. Съ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. роль воеводской канцеляріи стали исполнять судебныя мѣста. Въ случаѣ, если-бы залогоприниматель отказался принять слѣдуемую ему сумму денегъ, залогодатель представлялъ ее въ канцелярію, на обязанности которой было принудить залогопринимателя принять ее и выдать закладную своему контрагенту. При неуплатѣ послѣднимъ долга въ назначенный срокъ, до 1737 г. действовало правило Уложенія 1649 г., что закладная, по просрочкѣ ея, превращается въ купчую, т. е. что заложенное имущество становится собственностью залогопринимателя (ст. 33 XVII гл.). Но въ 1737 г. былъ установленъ новый порядокъ взысканія по просроченнымъ закладнымъ, заключавшимъся въ слѣдующемъ. Залогоприниматель, не получивъ своихъ денегъ въ установленный для этого срокъ, являлъ закладную въ воеводскую канцелярію (въ губернскихъ городахъ—въ губернскую канцелярію, въ столицахъ—въ Вотчинную коллегію или ея контору). Послѣдняя, не справляя ее за залогопринимателемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ просрочки, принимаетъ мѣры для вызова закладчика или его ближайшихъ родственниковъ съ цѣлью выслушанія отъ нихъ заявленія, желаютъ ли они платить или нѣтъ, причемъ, въ случаѣ утвердительного отвѣта, обязана отсрочить эту уплату еще на шесть мѣсяцевъ, если о томъ будутъ просить закладчикъ или его родственники (въ такомъ случаѣ за каж-

дый мѣсяцъ взыскивается по одному проценту). По истечении указанныхъ восьми (двухъ первыхъ и шести послѣднихъ) мѣсяцевъ и при новой просрочкѣ, имущество продается съ публичного торга, къ которому допускается и залогоприниматель. Если денегъ выручится болѣе, чѣмъ взялъ закладчикъ, тогда излишнее количество отдается ему. Если же покупщики будутъ давать меньше суммы, записанной въ закладной, то торгъ прекращается, и имущество переходитъ къ залогопринимателю, обязанному его принять.

Въ 1714 г. этотъ порядокъ взысканія былъ отмѣненъ, и возстановлено правило Уложенія о превращеніи закладной въ купчую. Однако, Банкротскій уставъ 1800 г. снова вернулся къ принципамъ указа 1737 г., видоизмѣнивъ ихъ въ деталяхъ. Послѣдняя заключались въ слѣдующемъ. По просрочкѣ уплаты долга, имущество хотя и не справляется за залогопринимателемъ, но отдается ему во временное владѣніе съ цѣлью пользованія его доходами вмѣсто годичныхъ процентовъ, но безъ права распоряженія. Собственникъ же, т. е. закладчикъ получаетъ шестимѣсячную отсрочку для уплаты долга, причемъ онъ имѣеть право продать или снова заложить свое, уже заложенное, имущество. При неуплатѣ долга, по прошествіи указанныхъ 6-ти мѣсяцевъ, имущество назначается къ публичной продажѣ. Во всемъ остальномъ Банкротскій уставъ повторяетъ законъ 1737 г., дѣлая, впрочемъ, некоторые неважныя измѣненія въ послѣднемъ.

Что касается заклада движимаго имущества, то общимъ правиломъ было признано, что закладывать можно только свое имущество (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 53 и 54). Въ виду этого, считались недѣйствительными: 1) закладъ казеннаго оружія и мундира, отбиравшихся отъ залогопринимателя безъ всякаго вознагражденія послѣдняго (Воинскій уставъ, арт. 59; Морской уставъ, гл. V, гл. IV, ст. 53). Указомъ 1743 г. было запрещено также закладывать и всѣ вещи, касающіяся амуниціи, кроме полученныхъ въ видѣ награды за службу; 2) закладъ вообще чужаго имущества безъ разрѣшенія собственника, также возвращаемаго послѣднему безвозмездно, причемъ залогопринимателю предоставляется право взыскивать свои деньги съ закладчика (указъ 2 Ноября 1769 г.), и 3), закладъ своего имущества, состоящаго въ описи или секвестрѣ по взысканіямъ (Банкр. уставъ, ч. II, ст. 58, 60 и 61). Кромѣ того, въ виду непозволительности цѣли заклада, было запрещено въ 1735 г.

закладывать въ питейныхъ домахъ платье, посуду и другія вещи, а въ 1761 г. признано считать недѣйствительнымъ заемъ подъ закладъ, сдѣланный во время игры или для игры, причемъ заложенная вещь конфисковалась въ казну.

Вплоть до изданія Банкротскаго устава 1800 г. закладъ движимаго имущества обязательно долженъ быть совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, съ изданіемъ же названнаго устава актъ о закладѣ можно было совершать или крѣпостнымъ, или явочнымъ, или домашнимъ порядкомъ. Въ первомъ случаѣ актъ совершается у крѣпостныхъ дѣль въ палатахъ суда или въ уѣздныхъ судахъ, причемъ закладная пишется на установленной для крѣпостныхъ актовъ бумагѣ, по приложенной формѣ, и должна быть удостовѣрена не менѣе, какъ двумя свидѣтелями. Закладываемымъ вещамъ составляется опись, одинъ экземпляръ которой вмѣстѣ съ вещами вручается залогопринимателю, другой же закладчику. Описи подписываются обоими контрагентами и свидѣтелями. Домовыя заемныя письма съ закладомъ движимаго имущества также составляются по крайней мѣрѣ при двухъ свидѣтеляхъ, по приложенной формѣ и съ присоединенiemъ описи, причемъ, если они не явлены въ палатѣ или въ уѣздномъ судѣ, то, при взысканіи удовлетворяются послѣ всѣхъ явленныхъ обязательствъ (Банкр. уставъ, ч. II, ст. 4, 6, 7, 8, 9, 13 и 14).

Прекращается закладъ такъ же, какъ и залогъ, платежемъ занятой суммы или же взысканiemъ ея въ случаѣ неплатежа въ установленный срокъ. До 1800 г. относительно платежа дѣйствовали правила Уложенія, а именно: въ случаѣ уничтоженія заложенной вещи, напр., смерти животнаго, залогодатель выплачивалъ только половину суммы (гл. X, ст. 197). Съ изданіемъ же въ 1800 г. Банкротскаго устава было предписано, что, въ случаѣ утраты предмета заклада какимъ бы то ни было образомъ, залогоприниматель не только лишается *своей* долговой суммы, но еще обязывается уплатить убытки залогодателя (съ вычетомъ, конечно, изъ этой уплаты потерянной имъ суммы денегъ; см. Банкр. уставъ, ч. II, ст. 16). Что касается до взысканія въ случаѣ неуплаты въ опредѣленный срокъ, то до 1737 г. дѣйствовало также правило Уложенія о превращеніи закладной въ купчую. Съ 1737 же года былъ установленъ тотъ же порядокъ взысканія, какой имѣлъ мѣсто и по отношенію къ залогу недвижимыхъ имуществъ. Въ 1744 г. онъ былъ отмененъ, и толь-

ко съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г. было постановлено слѣдующее: въ случаѣ просрочки уплаты долга, залогоприниматель имѣть право въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ этого представить закладную во взысканію въ палату той губерніи или въ уѣздный судъ того города, гдѣ закладчикъ имѣть или недвижимую собственность, или жительство. Названныя присутственныя мѣста, вывѣсивъ объявление о просрочкѣ долга такимъ то, ожидаютъ его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ того. Если за это время закладчикъ явится и заплатитъ всю сумму съ процентами, то заложенная вещь возвращается ему. Если же закладчикъ не явится или явится, но заявить, что заплатить не можетъ, то вещь отдается въ собственность залогопринимателю. Наконецъ, если закладчикъ станетъ требовать продажи вещи съ аукціона, то присутственное мѣсто обязано назначить день для нея. Результатомъ продажи можетъ быть слѣдующее: если сумма денегъ, полученная отъ продажи, превышаетъ сумму долга, то, по удовлетвореніи залогопринимателя, излишокъ отдается закладчику. Если же, напротивъ, сумма долга превышаетъ сумму, полученную отъ продажи, то недостатокъ взыскивается съ закладчика (ч. II, ст. 11—15, 35—37, 51—55, 80 и 82).

ГЛАВА IV.

Право обязательственное.

§ 1. Общее учение о договорахъ.

Въ изучаемую эпоху вступать въ договоры предоставлялось всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ это было запрещено закономъ. Такъ, лица, находившіяся въ подъопечномъ состояніи, вслѣдствіе несовершеннолѣтія, сумасшествія, какихъ либо природныхъ недостатковъ; расточительности или мотовства и т. п., естественно отстранялись отъ права на заключеніе какихъ бы то ни было обязательствъ, причемъ это право переходило къ ихъ опекунамъ. Затѣмъ Банкротскимъ уставомъ 1800 г. названного права были лишены также и лица, объявленные банкротами (ч. I, ст. 58). Наконецъ, лица, подвергнутыя шельмованію или политической смерти, слѣдовательно, лишенныя чести и правъ, также отстранялись отъ права вступать въ обязательства.

Изъ лицъ, имѣющихъ право на совершение договоровъ, законодательство выдѣляло такихъ, которыхъ подлежали въ этомъ случаѣ известнаго рода ограниченіямъ. Такъ, некоторые изъ послѣднихъ находились въ прямой зависимости отъ правъ состоянія лица, въ силу чего лица известныхъ сословій, напр., крестьяне, мѣщане, купцы, дворяне, духовенство и т. д. не могли обладать въ сфере обязательственнаго права одинаковыми правами и подвергались тѣмъ или инымъ ограниченіямъ по отношенію къ нимъ. Затѣмъ указомъ 1740 г. лица губернской, провинціальной, уѣздной и городской администраціи (напр., губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и ихъ товарищи, совѣтники, ассесоры, секретари и приказные служители, а также ихъ жены и дѣти) въ мѣстахъ своего служенія, т. е. въ предѣлахъ губерніи, провинціи, уѣзда и города были лишены права совершать нѣкоторыя сдѣлки, напр., покупать и брать подъ залогъ деревни, земли, крестьянъ и т. п. у дворянъ и у другихъ лицъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ названныхъ: губерніи, провинціи, уѣзда и городѣ, а также совершать заемныя крѣпости и домовый заемный письма. Названнымъ лицамъ было разрѣшено покупать только дома, но не иначе, какъ для своего жительства, а не для какихъ либо спекулятивныхъ цѣлей. Наконецъ, Карантиннымъ уставомъ 1818 г. было запрещено всѣмъ, служащимъ въ карантинѣ, вступать въ какія бы то ни было обязательственные отношенія съ лицами, находящимися въ карантинѣ.

Предметомъ договора всегда могли быть всякия дѣйствія лицъ, не запрещенные закономъ; въ силу этого, дѣйствіе, противное закону, благочинію и общественному порядку было предписано не считать за предметъ договора (уставъ благочинія 1782 г., ст. 30, 41 и 65) и самый договоръ признавать недѣйствительнымъ (ст. 67). Сообразно съ этимъ основнымъ началомъ были признаны противозаконными слѣдующіе предметы договоровъ: подложное переукрѣплѣніе имѣнія во избѣженіе платежа долговъ (въ 1800 г.), присвоеніе комулибо такого права, котораго онъ по своему состоянію имѣть не можетъ (въ 1811 г.), расторженіе законного супружества (въ 1819 г.), лихоимственные извороты (въ 1821 г.) и избѣженіе платежа пошлины во вреду казны (въ 1825 г.).¹⁾ Затѣмъ распоряжаться имуществомъ

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 6.

какъ предметомъ извѣстной сдѣлки, можетъ, конечно, только тотъ, кому оно принадлежитъ, причемъ и послѣдній распоряжается имъ только въ предѣлахъ своего права. Логическимъ слѣдствиемъ этого было запрещеніе распоряжаться имуществомъ, поступившимъ въ опеку или взятымъ въ завѣдываніе правительства (подъ сенѣвестрь—относительно недвижимаго имущества и подъ арестъ—относительно движимаго; см. указы 1727 и 1737 гг.). Точно также нельзя было распоряжаться имуществомъ, находящимся подъ запрещеніемъ, т. е. такимъ, относительно котораго, для предупрежденія перехода его изъ однѣхъ рукъ въ другія, состоялось запрещеніе въ письмѣ крѣпостей, напр., купчихъ, закладныхъ и др. (указъ 1738 г.). Затѣмъ, какъ было уже сказано, съ 1737 г. состоялось запрещеніе распоряжаться заложеннымъ имуществомъ, напр., залогъ одной и той же деревни въ нѣсколько рукъ. Наконецъ, нѣкоторые виды имущества считались не подлежащими никакимъ сдѣлкамъ. Такъ, по законамъ Петра I, фабрики и горные заводы, если и становились предметами обязательствъ, то не иначе, какъ съ разрѣшенія на каждый отдѣльный случай Мануфактуръ и Бергъ-коллегій. Съ 1798 г. купленныя къ фабрикамъ и заводамъ деревни также могли быть предметомъ сдѣлокъ только съ разрѣшенія названныхъ коллегій, а съ 1812 г. съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ (въ виду причисленія въ 1817 г. департамента мануфактуръ къ министерству финансовъ, съ этого времени требовалось разрѣшеніе послѣдняго).

Что касается до заключенія договора, то необходимымъ условиемъ для этого считалась свободная воля договаривающихся лицъ, выраженная въ формѣ обоюдного согласія послѣднихъ. Поэтому нарушеніе такой свободы, при заключеніи договора, путемъ насилия или обмана влекло за собою признаніе договора недѣйствительнымъ (Уложеніе, гл. X, ст. 251 и законъ 21 Февраля 1803 г.). Форма совершеннія договора могла быть словесная и письменная. Порядокъ заключенія словесныхъ договоровъ всегда состоялъ въ полной волѣ договаривающихся лицъ, лишь бы договоръ основывался на свободной волѣ и взаимномъ согласіи контрагентовъ, а также не заключалъ бы въ себѣ ничего противозаконнаго¹⁾. Напротивъ, письменный порядокъ совершеннія актовъ опредѣлялся до мельчайшихъ деталей законами и съ теченіемъ

¹⁾ Неволинъ, назн. соч., ч. III, стр. 18.

времени раздѣлился на три вида: домашній, явочный и крѣпостной. Такимъ образомъ договоры могли совершаться по-рядкомъ крѣпостнымъ, быть являемы для засвидѣтельствованія въ присутственныхъ мѣстахъ или въ особо для того установленныхъ учрежденіяхъ, напр., у маклеровъ, и составляться на дому. Разсмотримъ въ отдельности всѣ эти три вида.

Со временеми Петра I всѣ акты обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, и только въ видѣ исключенія допускались явочный и домашній порядки. Однако, съ теченiemъ времени, въ особенности съ Екатерины II два послѣдніе порядка теряютъ характеръ исключенія и постепенно начинаютъ конкурировать съ первымъ. Мѣстами, вѣдавшими совершеніе актовъ, при Петре первоначально были приказы, но, въ виду того, что подьячие этихъ государственныхъ установлений и безъ того оказались обремененными дѣлами, а, слѣдовательно, не имѣли времени для писанія крѣпостей, было предписано въ 1701 г. изъять изъ ихъ вѣдѣнія совершеніе актовъ и, по примѣру Московскаго государства, передать ихъ въ руки, такъ называемыхъ, площадныхъ подьячихъ, писавшихъ акты на Ивановской площади въ Москвѣ. Однако, государь рѣшилъ упорядочить дѣятельность послѣднихъ, почему нѣсколькими указами, изданными въ 1701 г., подтвержденными впослѣдствіи, организовалъ классъ подьячихъ или крѣпостныхъ писцовъ изъ 24 человѣкъ, изъ которыхъ четверо были назначены надсмотрищками. Для поступленія въ подьячие требовались знаніе законовъ и опытность въ письменномъ дѣлопроизводствѣ, въ частности умѣніе писать акты, а также хорошее поведеніе и честность. Они считались на государственной службѣ, въ силу чего приводились въ присягѣ и получали жалованье. Отправлять свои обязанности подьячие должны были сообразно съ особымъ наказомъ, составленнымъ Петромъ. Вначалѣ подьячие были подчинены оружейной палатѣ, затѣмъ приказу крѣпостныхъ дѣлъ (въ 1706 г.), подчиненному московской ратушѣ. Наконецъ, по передачѣ крѣпостныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе Юстицъ-коллегіи (въ 1719 г.), при послѣдней была учреждена крѣпостная контора, вѣдавшая составленіе актовъ въ Петербургѣ; для Москвы же была учреждена другая контора при надворномъ судѣ. Что касается устройства крѣпостныхъ дѣлъ въ городахъ, то еще въ 1699 году Петръ предписалъ писать крѣпости у воеводъ, причемъ въ городахъ, гдѣ имѣлись разрѣды — на всякую сумму, а гдѣ ихъ не было —

не свыше ста рублей. Въ 1701 г. правительство предписало воеводамъ, а, при ихъ отсутствіи, бурмистрамъ организовать въ каждомъ городѣ, по примѣру Москвы, классъ подъячихъ, избрать надсмотрщиковъ надъ ними (по одному или по два, смотря по величинѣ города) и поручить имъ писаніе крѣпостей, причемъ въ волостахъ, отстоящихъ отъ города далѣе, чѣмъ на 10 верстъ, возложить названную обязанность, при составленіи актовъ на небольшую сумму, на земскихъ и церковныхъ дьячковъ. Съ 1706 г. крѣпостныя дѣла были изъяты изъ компетенціи воеводъ и переданы бурмистрамъ, что продолжалось до учрежденія Юстиць-колледжіи, когда названныя дѣла перешли въ вѣдѣніе надворныхъ судовъ. Въ 1731 г. крѣпостныя дѣла были переданы въ руки губернаторовъ и воеводъ, въ силу чего составленіе актовъ стало функціей губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, причемъ правительство предписало писать крѣпости на всякія суммы исключительно въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ, въ приписныхъ же городахъ—только до 100 рублей, а въ уѣздахъ писаніе крѣпостей было запрещено. Тѣмъ же указомъ было предписано надсмотрщиковъ назначать только на два года, а затѣмъ ихъ учитывать; жалованья имъ не полагалось, и они должны были довольствоваться приношеніями просителей.

Обрядъ совершенія актовъ заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего надсмотрщикъ долженъ былъ удостовѣриться въ самоличности контрагентовъ (указъ 1719 г.) и затѣмъ наблюдать, чтобы актъ не былъ противозаконенъ и не заключалъ въ себѣ ничего ябдническаго (указъ 1701 г.). Съ 1699 г. Петръ предписалъ писать всѣ акты на гербовой бумагѣ подъ страхомъ признанія ихъ недѣйствительными, причемъ строго воспрещалось подскабливать и перемарывать съ цѣлью поправокъ и приписокъ въ тѣхъ мѣстахъ, где означенены числа годовъ и дней, названія вещей и количество денегъ, а также въ подписяхъ; въ остальныхъ мѣстахъ поправки и переписки допускались, но не иначе, какъ съ описью въ концѣ акта (указы 1701 г. 30 Янв. и 7 Марта и 1705 г.). Послѣдніе обязательно писались по общей формѣ и въ присутствіи опредѣленнаго числа свидѣтелей (въ дѣлахъ выше 200 рублей требовалось отъ трехъ до пяти свидѣтелей; въ дѣлахъ ниже этой суммы не менѣе двухъ) изъ извѣстныхъ, добрыхъ и достойныхъ вѣры людей, подписывавшихся подъ актомъ. Кромѣ нихъ и одного изъ контрагентовъ (даю-

щаго актъ), подъ крѣпостью подписывались еще подьячій, а съ 1731 г. и воевода (кромѣ столицъ). Затѣмъ взимались пошлины, и актъ записывался въ особыя книги, имѣвшіяся въ мѣстахъ, вѣдавшихъ крѣпостныхъ дѣла. Съ 1738 г. была узаконена выдача записей изъ крѣпостныхъ книгъ вмѣсто утраченныхъ актовъ.

Выше было уже указано на то, что до Екатерины II всѣ акты обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ; въ особенности это правило имѣло значеніе при Петре I. Однако, и до Екатерины II допускались нѣкоторыя исключенія, число которыхъ стало увеличиваться послѣ смерти Петра. Такъ, по Воинскому уставу къ числу письменныхъ доказательствъ были отнесены не только крѣпости, но и домашніе акты, какъ то: купеческія книги и письма, духовныя завѣщанія, договоры и т. п., имѣвшіе, впрочемъ, характеръ не полнаго, но половинного доказательства (ст. I—6 IV гл. „Воинскихъ процессовъ“). Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Неволина, по дѣламъ лицъ военного званія, подлежавшимъ военному суду, могли имѣть силу и акты, совершенные не у крѣпостныхъ дѣлъ¹⁾. Затѣмъ, Морской уставъ разрѣшилъ корабельному секретарю писать контракты и духовныя завѣщанія, составляемые на кораблѣ даже не на гербовой бумагѣ, лишь бы названные акты были подписаны офицерами и занесены въ корабельный протоколь (кн. III, гл. V, ст. 2). Наконецъ, были допущены и нѣкоторыя изъятія для купечества. Такъ, регламентомъ Главному магистрату 1721 г. Петръ установилъ институтъ маклеровъ или торговыхъ сводчиковъ во всѣхъ большихъ городахъ (въ „приморскихъ“ и „знатныхъ“, производящихъ большую торговлю), избиравшихся купечествомъ изъ своей среды. На обязанности маклеровъ было участвовать при заключеніи всѣхъ договоровъ по торговымъ дѣламъ, причемъ ихъ дневныя записи, т. е. журналы имѣли такое же юридическое значеніе, какъ и судебные протоколы. Маклеры избирались изъ „добрыхъ и во всѣхъ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусственныхъ людей“, приводились къ присягѣ и получали особое жалованіе, ассигновавшееся имъ купечествомъ.

Послѣ смерти Петра I число указанныхъ изъятій значительно увеличилось. Такъ, съ 1731 г. было разрѣшено заключать всѣ договоры между казною и частными лицами не крѣ-

¹⁾ Назв. соч., ч. II, стр. 71--72.

постнымъ порядкомъ, а по особому порядку. Затѣмъ уставъ о векселяхъ 1729 г. опредѣлилъ особый порядокъ совершения векселей. Дѣло въ томъ, что, на основаніи этого указа, названный порядокъ былъ крайне упрощенъ, въ виду того, что векселя оказывалось возможнымъ писать на дому, причемъ не требовались ни подпись свидѣтелей, ни явка векселя въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ. Только протестъ векселя, а также запись объ отсрочкѣ въ платежѣ денегъ по немъ должны были совершаться публичнымъ нотариусомъ—должностью, установленною вексельнымъ уставомъ. Наконецъ, съ 1726 г. было разрѣшено писать духовныя завѣщанія на дому, а съ 1731 г. также и приданыя росписи и т. д.

Новый періодъ въ исторіи составленія актовъ наступилъ съ царствованіемъ Екатерины II, когда послѣдніе стали составляться не только крѣпостнымъ порядкомъ, но также явочнымъ и домашнимъ уже не въ видѣ исключенія.

Законодательство Екатерины II прежде всего измѣнило мѣста, вѣдавшія крѣпостныхъ дѣла. Съ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. и, въ силу этого, съ уничтоженіемъ Юстиць-коллегіи совершеніе крѣпостей перешло въ руки палатъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судовъ (послѣднѣе совершали акты на сумму, не превышавшую ста рублей; впрочемъ, внослѣдствіи эта сумма постоянно увеличивалась). Съ 1820 г. право совершать крѣпости получили и иѣкоторые коммерческие суды (сперва одесский, затѣмъ и другіе). Въ царствованіе имп. Николая I это право было также дано иѣкоторымъ городовымъ магистратамъ и ратушамъ и полицейскимъ и уѣзднымъ управлениямъ на одинаковомъ основаніи съ уѣздными судами. При всѣхъ этихъ учрежденіяхъ должны были находиться крѣпостные писцы и надсмотрщики, дѣятельность которыхъ регулировалась прежними петровскими законами.

Что касается до актовъ, обязательно совершившихся крѣпостнымъ порядкомъ, то такими признавались: купчія и закладныя крѣпости, дарственная запись и вообще всякоаго рода акты, при посредствѣ которыхъ право собственности на недвижимое имущество переходило отъ одного лица къ другому. Совершеніе другихъ актовъ крѣпостнымъ порядкомъ не требовалось, но они также могли быть совершены, еслибы того пожелали контрагенты ¹⁾.

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 88.

Обрядъ совершениія актовъ крѣпостнымъ порядкомъ въ общемъ остался прежній и былъ только развитъ съ большими подробностями въ деталяхъ. Само собою разумѣется, что акты должны были писаться на гербовой бумагѣ (впрочемъ, въ 1763 г. было дозволено вмѣсто бумаги употреблять пергаментъ; однако, послѣдующими узаконеніями это было уничтожено), по опредѣленной формѣ и въ присутствіи свидѣтелей, обязаннныхъ отвѣтствовать за самоличность контрагентовъ, за нахожденіе ихъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти и за отсутствіе принужденія при заключеніи договора (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, § 9). Нѣкоторые акты должны были предаваться гласности. Такъ, до 1786 г. о всѣхъ крѣпостяхъ на недвижимое имущество, при посредствѣ которыхъ производился переходъ отъ одного лица къ другому права собственности, увѣдомлялся государственный заемный банкъ. Съ этого же года увѣдомленіе посыпалось въ ту палату гражданскаго суда, въ районѣ которой находилось имущество. Съ 1811 г. о каждомъ актѣ (купчей или закладной) печатались объявленія въ столичныхъ вѣдомостяхъ.

Что касается до учрежденій, на обязанности которыхъ было свидѣтельствовать явочные акты, то таковыми были: 1) мѣста, вѣдавшія крѣпостныхъ дѣла, 2) нотаріусы и маклеры и 3) нѣкоторыя другія мѣста и лица. Нотаріусы были двухъ категорій: публичные и биржевые. Первыхъ учредилъ уставъ о векселяхъ 1729 г., и вначалѣ имѣ принадлежало только право протеста векселей. Однако, уже Банкротскій уставъ 1800 г. расширилъ ихъ функции, предоставивъ имъ право свидѣтельствовать заемныя обязательства и закладныя на движимое имущество. Наконецъ, положеніемъ о гербовыхъ и крѣпостныхъ сборахъ 1821 г. они получили право удостовѣрять всякия сдѣлки. Биржевые нотаріусы были учреждены въ 1831 г.

Что касается до маклеровъ, то ихъ было нѣсколько категорій. Первую категорію составляли прежніе присяжные маклеры, до 1831 г. свидѣтельствовавшіе всякия сдѣлки. Съ этого же года они были преобразованы въ биржевыхъ маклеровъ. Вторую категорію составляли частные маклеры, учрежденные въ 1781 г. для свидѣтельствованія только нѣкоторыхъ актовъ (напр., по купеческому судоходству, актовъ о городскихъ недвижимыхъ имуществахъ и т. п.), но съ течениемъ времени (съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г. и въ особенности законовъ 1815, 1821, 1826 и 1828 гг.)

вполнѣ уравненные въ правахъ съ публичными нотаріусами. Третью категорію составляли разные специальные виды маклеровъ, напр., слугъ и рабочихъ людей (съ 1782 г.), ремесленныхъ управъ (съ 1785 г.), судоходныхъ расправъ (съ 1810 г.) и цеховые маклеры для Петербурга (съ 1846 г.). Въ тѣхъ городахъ, где не было ни нотаріусовъ, ни маклеровъ, обязанность ихъ исправляли: таможенные чиновники (гдѣ были таможни), магистраты и ратуши (съ 1830 г.) и словесные суды; въ заштатныхъ же городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ—становые пристава (съ 1838 г.).

Явочнымъ порядкомъ могли быть совершаемы всѣ вообще акты, за исключениемъ тѣхъ, которые обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Изъ явочныхъ актовъ, однако, некоторые (напр., вѣрючія письма, отпускныя, духовныя завѣщанія и некоторые другіе акты) обязательно должны были являться въ мѣстахъ, вѣдающихъ крѣпостныхъ дѣла. Самый обрядъ совершенія явочныхъ актовъ состоялъ изъ написанія и засвидѣтельствованія. Написаніе акта могло имѣть мѣсто на дому, причемъ обязательно на гербовой бумагѣ, по установленной формѣ и въ присутствіи свидѣтелей. По написаніи, актъ представлялся къ засвидѣтельствованію, причемъ заносился въ особыя книги, имѣвшіяся у нотаріусовъ, маклеровъ и другихъ лицъ, вѣдавшихъ явочные дѣла и прикладывавшихъ къ актамъ свои печати.

Наконецъ, домашнимъ порядкомъ составлялись всѣ остальные акты. Съ 1765 г. законодательство обратило вниманіе на совершение актовъ за-границею, разрѣшивъ совершать ихъ въ арміи и при посольствахъ (въ первомъ случаѣ—за свидѣтельствомъ полковыхъ камандировъ, во второмъ случаѣ—за свидѣтельствомъ пословъ), но съ обязательствомъ являть ихъ, по возвращенію въ Россію, въ полугодичный срокъ, въ надлежащихъ мѣстахъ для записи и для взиманія пошлинъ.

Разъ договоръ заключенъ, то контрагенты обязывались его исполнить. Это правило всегда признавалось законодательствомъ. Такъ, уже законы Петра I требовали, чтобы даже сама казна свято соблюдала заключенные ею договоры, и чтобы присутственные мѣста и должностныя лица, за ключавшія ихъ съ частными лицами, исполняли ихъ съ такой силою и твердостью, какъ, еслибы они были за собственноручнымъ подписаніемъ самого государя (регламентъ объ управл. адмир. и верфи, гл. VI, ст. 5, подтвержденный въ

названиемъ отношеніи въ 1731 г., въ 1744 и въ 1776 гг.). Затѣмъ указомъ 1766 г. было предписано всѣмъ судебнѣмъ и полицейскимъ мѣстамъ, въ случаѣ поступленія къ нимъ просьбы о неисполненіи договоровъ, строго разслѣдовать дѣло и постановлять рѣшеніе на точномъ разумѣ договора, не обращая вниманія ни на какія побочныя обстоятельства.

Кромѣ исполненія, договоры прекращались еще слѣдующими способами. Во-первыхъ, по обоюдному согласію контрагентовъ. Во-вторыхъ, по одностороннему согласію той изъ сторонъ, которая имѣла право требовать отъ другой стороны исполненія договора, такъ какъ каждый воленъ добровольно отказываться отъ своего права. Этотъ принципъ былъ впервые высказанъ въ 1727 г. Однако, Банкротскій уставъ 1800 г. воспретилъ этотъ способъ прекращенія договора, если имѣлись интересы третьихъ лицъ, напр., отказъ отъ своихъ правъ при погасостоятельности во вредъ конкурса, т. е. во вредъ другихъ кредиторовъ (ч. I, ст. 104). Въ-третьихъ, договоры прекращались давностью (съ 1787 г.—десятилѣтнею). На основаніи Банкротскаго устава 1800 г. срокъ давности считался со дня подписанія договора (ч. II, ст. 69), но съ 1822 г. было предписано вести счетъ давности не со времени подписанія договора, но со дня истечения срока, назначенного для дѣйствія договора по согласію сторонъ. Въ-четвертыхъ, договоры прекращались несостоятельностью одного изъ контрагентовъ (обязывающагося). Впрочемъ, до изданія Банкротскаго устава 1800 г. это правило не было известно, такъ какъ, не говоря уже объ Уложеніи 1649 г., по уставу о таможенномъ словесномъ судѣ 1727 г. должникъ, сдѣлавшійся несостоятельнымъ ис по своей винѣ, но по стечению несчастныхъ обстоятельствъ, не освобождался отъ своихъ долговъ, а получалъ только отсрочку въ ихъ уплатѣ. Должникъ же, разорившійся по своей винѣ, отдавался для заработка долга кому либо въ услуженіе, причемъ его хозяинъ обязывался выплатить имѣвшійся на немъ долгъ. Если такого не отыскивалось, то должникъ отдавался въ солдаты, и за него платила кредитору та изъ слободъ, за которую онъ поступалъ на службу, но не болѣе ста рублей (если же долгъ превышалъ эту сумму, то излишекъ кредиторъ терялъ). Негодный для солдатской службы ссыпался въ Сибирь. Съ иной точки зренія взглянуль на несостоятельность Банкротскій уставъ 1800 г. Несчастный несостоятельный должникъ, по уставу, по продажѣ всего его

имущества на платежъ долговъ, никакому дальнѣйшему взысканію не подвергался (такимъ образомъ договоръ считался прекращеннымъ), и если впослѣдствіи онъ снова приобрѣталъ имущество, то оно уже не шло на уплату его долговъ (ч. I, ст. 133). Неосторожный несостоительный должникъ (если онъ не былъ изъ купцовъ) заключался въ тюрьму и лишался кредита. Въ случаѣ же приобрѣтенія имъ недвижимаго имущества во время нахожденія въ тюрьмѣ (напр., по наслѣдству) и, несмотря на это, на неуплату имъ добровольно своихъ долговъ, имущество поступало въ опеку, выдававшую пятую часть доходовъ на удовлетвореніе кредиторовъ, а четыре пятихъ на содержаніе должника и его семейства, что должно было продолжаться только до смерти послѣдняго, когда имущество переходило къ его наследникамъ безъ всякаго дальнѣйшаго удовлетворенія кредиторовъ. Если должникъ былъ изъ купцовъ, то вновь приобрѣтенное имъ имущество обязательно поступало на уплату долговъ (ч. II, ст. 100—104 и ч. I, ст. 136). Наконецъ, злостный банкротъ предавался уголовному суду и, кроме того, если былъ изъ купцовъ, обязывался уплатить долги (ч. II, ст. 105 и ч. I, ст. 139). Такимъ образомъ, принципъ, что несостоительность является однимъ изъ способовъ прекращенія договоровъ, проходитъ, за небольшимъ исключеніемъ, черезъ всѣ указанныя постановленія устава 1800 г.

Способами обезпеченія договоровъ были неустойка и поручительство. Подъ первой понималась опредѣленная сумма денегъ, выплачивавшаяся обязавшейся стороною, при неисполнении своего обязательства. Уже при Петрѣ I былъ извѣстенъ цѣлый рядъ крестьостей, писавшихся съ неустойкою (указъ 1705 г.), причемъ послѣдняя могла включаться въ самый договоръ. Съ другой стороны, были договоры, обезпеченіе которыхъ неустойкою законодательство запрещало, напр., договоръ о заключеніи брака (указъ 1702 г.).

Что касается до поручительства¹⁾, то сущность его заключалась въ отвѣтственности имуществомъ со стороны поручителя, въ случаѣ неисполненія обязательства. Условія поручительства были весьма разнообразны, причемъ нѣкоторымъ лицамъ, напр., духовенству, было запрещено ручаться

¹⁾ Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Капустина „Древнее русское поручительство“ (Юрид. Сборникъ, изд. Мейеромъ, 1855 г. стр. 279 и слѣд.) и Никонова „Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву“.

по иѣкоторымъ обязательствамъ (указъ 1743 г.). Точно также по указу 1761 г. было предписано „не принимать въ поручительство“ по займамъ крестьянъ (дворцовыхъ, монастырскихъ, черносошныхъ и крѣпостныхъ). Вообще поручителями могли быть только обезпеченные въ материальномъ отношеніи лица (по указу 1758 г.—только такія, у которыхъ „есть капиталы и деревни не малые“). Начиная съ царствованія Петра I поручители должны были подписываться не въ началѣ договора, какъ прежде, а по изложенію его содержанія, чтобы дать имъ возможность ознакомиться съ послѣднимъ (указъ 1705 г.).

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдельныхъ видовъ обязательствъ.

§ 2. Дареніе.

Однимъ изъ такихъ видовъ является *дареніе*. Какъ уже извѣстно, въ началѣ XVIII ст. распоряжаться своимъ имуществомъ дарственнымъ образомъ было весьма ограничено. Такъ, указъ 1712 г. запретилъ послѣднему въ родѣ всякое отчужденіе, и въ томъ числѣ и дареніе своихъ недвижимыхъ имуществъ. Еще далѣе пошелъ указъ о единонаслѣдіи 1714 г., уничтоживъ вообще право владѣльцевъ распоряжаться своимъ недвижимымъ имуществомъ дарственнымъ образомъ. Съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и въ особенности съ указа 1823 г. осталось только запрещеніе дарить родовое имущество помимо законныхъ наследниковъ. Актъ о дареніи недвижимаго имущества назывался дарственою записью и обязательно долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, на гербовой бумагѣ, со взысканiemъ опредѣленныхъ пошлинъ (законъ 1797 г. 18 Декабря). Для опредѣленія цѣны гербовой бумаги и размѣра крѣпостныхъ пошлинъ было предписано въ дарственной записи означать цѣну имущества (съ 1785 г.—по совѣсти), причемъ послѣдняя не должна была быть ниже опредѣленной закономъ (законъ 1805 г.). Если предметомъ даренія было движимое имущество, то никакого письменнаго акта не требовалось. Даръ, принятый одариваемымъ, не могъ уже возвратиться къ дарителю, а по смерти одариваемаго переходилъ къ его наследникамъ (резолюція 1725 г., указы 1773, 1823 гг. и др.). Впрочемъ, изъ этого правила существовали иѣкоторыя исключенія. Такъ, въ 1779 г. былъ подтвержденъ указъ 1679 г., по которому даритель имѣлъ право требовать возвращенія

своего дара обратно, если принявший даръ совершилъ покушение на его жизнь, причинитъ ему побои, оклеветаетъ его въ какомъ либо преступленіи или вообще окажетъ ему явное непочтение. Затѣмъ закономъ 1823 г. было постановлено, что имущество, подаренное дѣтямъ родителями, по смерти первыхъ и при отсутствіи у нихъ нисходящихъ наследниковъ, возвращается обратно къ родителямъ. Наконецъ, на основаніи закона 1827 г., возвращеніе дара можетъ быть выговорено при самомъ дареніи, въ силу чего даритель, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ требовать отъ наследниковъ лица, получившаго даръ, возвращеніе подаренного.

Особыми видами даренія являются: пожертвованіе, выдѣлъ и назначеніе приданаго. Пожертвованіемъ называется дареніе на пользу общую. Подъ выдѣломъ понимается назначеніе дѣтямъ со стороны родителей еще при ихъ жизни части имущества, которую они имѣли бы право получить по наслѣдству. Какъ уже извѣстно, это право было очень ограничено по указу о единонаслѣдіи 1714 г. Послѣ отмены этого указа и со времени изданія Жалованной грамоты дворянству 1785 г. право выдѣла было ограничено только относительно родѣвыхъ имуществъ, изъ которыхъ можно было выдѣлять извѣстныя части только законнымъ наследникамъ. Актъ о выдѣлѣ назывался отдѣльною записью. Выдѣлъ дочерей по случаю ихъ замужества совершался въ формѣ назначенія приданаго. Съ 1731 г., какъ извѣстно, дочери стали получать въ наслѣдство по закону опредѣленную часть изъ движимаго и недвижимаго имущества родителей, почему въ изучаемую эпоху для устраниенія дочери, получившей приданое, отъ наслѣдства, требовалось, чтобы она въ рядной записи прямо отказалась отъ наслѣдства (законы 1770, 1814, 1818 гг.).

§ 3. *Мѣна.*

Вторымъ видомъ обязательствъ является *мѣна*. До указа 1714 г. она считалась дозволенной, причемъ актъ о мѣнѣ носилъ название мѣновной записи и долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Указъ 1714 г. уничтожилъ мѣну (въ отношеніи недвижимаго имущества), что было подтверждено сенатскимъ указомъ 1786 г. Впрочемъ, законодательство изучаемой эпохи, въ видѣ исключенія, иногда допускало названное обязательство. Такъ, въ 1766 г. была

дозволена мѣна казенныхъ земель на земли помѣщиковъ для доставленія городамъ удобнаго выгона; въ 1808 г. разрѣшено, для уничтоженія чрезполоснаго владѣнія, казенными селеніями мѣняться землями съ помѣщиками; въ 1836 г. для той же цѣли правительство разрѣшило мѣну землями между помѣщиками и т. д. Мѣна движимаго имущества всегда считалась дозволенной, и для этого не требовался никакой письменный актъ.

§ 4. Купля—продажа.

Третьимъ видомъ обязательствъ является *купля—продажа*. Продавать имущество могли только тѣ лица, которымъ не было запрещено распоряжаться своею собственностью; точно также покупать имущество могли только тѣ, которые имѣли право имъ владѣть. Разматриваемый договоръ могъ заключаться или непосредственно между покупщикомъ и продавцемъ, или же посредствомъ уполномоченныхъ (указы 1733 и 1744 гг.). Само собою разумѣется, что продавать можно было только *свое* имущество. Впрочемъ, изъ этого правила существовали нѣкоторыя исключенія. Такъ, указомъ 1730 г., подтвержденнымъ въ 1786 г., было запрещено продавать такое имущество, которое могло перейти къ продавцу по наслѣдству. Затѣмъ законодательство запрещало продажу имущества, находящагося въ опекѣ, взятаго правительствомъ въ секвестрѣ или подъ арестъ и состоящаго подъ запрещенiemъ въ письмѣ крѣпостей. Изъ послѣдняго правила существовали также исключенія, а именно: законами о государственныхъ и губернскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ 1772, 1786, 1813, 1824, 1825, 1827 и 1829 гг. дозволялось продавать заложенные въ нихъ имѣнія другимъ лицамъ, но не иначе, какъ съ согласія этихъ учрежденій и съ переводомъ долга на покупщика, и законами 1808 и 1809 гг. разрѣшалась продажа имущества, состоящаго подъ запрещенiemъ въ видѣ обезпеченія какого либо дохода, получавшагося съ него въ пользу государственныхъ или общественныхъ заведеній, когда упомянутое обезпеченіе замѣнялось постояннымъ и равнымъ доходомъ съ наличнаго капитала. Наконецъ, имущество, для отчужденія которого требовалось разрѣшеніе начальства, не могло быть продаваемо безъ этого разрѣшенія. Логическимъ слѣдствиемъ изъ сказаннаго являлась невозможность продажи имущества, состояща-

го въ пользованіи или владѣніи, хотя бы и пожизненномъ, на которое, следовательно, право собственности принадлежало другому лицу (законы 1803, 1814 и 1817 гг.). Этимъ объяснялся тотъ фактъ, что продажа имущества общественнаго, т. е. принадлежащаго городу или селенію на правъ пользованія, считалась недѣйствительной (законы 1754, 1766 и 1808 гг.). При продажѣ и покупкѣ, кромѣ необходимыхъ условій, напр., опредѣленіе продаваемаго имущества и его цѣны, допускались различныя произвольныя, среди которыхъ однимъ изъ первыхъ считалось условіе объ очисткахъ, т. е. продавецъ удостовѣрять покупщика въ томъ, что имущество до этого времени никому не было продано, заложено или какимъ либо инымъ способомъ укрѣплено, и принималъ на себя обязанность очищать покупщика отъ всякихъ на это имущество притязаній съ обязательствомъ вознаградить его за убытки, если бы таковые произошли (указы 1701, 1729, 1738, 1809 гг. и др.). Кромѣ условія объ очисткахъ, другими произвольными условіями были: объ издержкахъ на гербовую бумагу (законъ 1827 г.), о переводѣ долговъ и платежей съ продавца на покупщика (законъ 1827 г.) и т. п.

Продажа недвижимаго имущества и крѣпостныхъ людей безъ земли обязательно должна была совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, причемъ актъ о продажѣ назывался купчею крѣпостью. Форма послѣдней была установлена въ 1738 г. На основаніи ея въ составѣ содержанія купчей входило: 1) объясненіе продавца о продажѣ имѣнія покупщику, съ означеніемъ званія, имени, отчества и фамиліи того и другого; 2) изложеніе способа возникновенія права собственности на имѣніе со стороны продавца; 3) подробное описание имѣнія; 4) заявленіе на счетъ свободы имѣнія отъ запрещенія; 5) цѣна, за которую имѣніе продано¹⁾). Кромѣ того, до указа 1801 г., разрѣшившаго послѣднему въ родѣ продавать и закладывать свое имущество, что, какъ известно, было запрещено въ 1712 г., въ купчей обязательно означалось, что продавецъ имѣнія не является послѣднимъ въ родѣ. Затѣмъ, въ виду того, что указомъ о единонаслѣдіи 1714 г. продажа недвижимаго имущества разрѣшалась толь-

¹⁾ Опредѣленіе цѣны всегда предоставлялось обоюдному согласію контрагентовъ, но, по указу 1752 г., съ виновныхъ въ утайкѣ истинныхъ цѣнъ взыскивалась пошлина вдвое. Затѣмъ съ 1801 г. цѣна продаваемаго недвижимаго имущества и крѣпостныхъ людей должны были означаться не ниже установленныхъ закономъ.

ко въ случаѣ нужды, указаніе на эту послѣднюю также должно было имѣть мѣсто въ купчей (впрочемъ, названное правило было уничтожено въ 1729 г.).

Въ первые годы изучаемаго периода продолжало существовать клейменіе (такъ называемое пятнаніе) покупаемыхъ лошадей (наказы воеводамъ 1697 и 1700 гг.), унаслѣдованное еще отъ временъ Московскаго государства. Затѣмъ оно вышло изъ употребленія и было замѣнено явкою и записываніемъ у сборщиковъ пошлины каждой купленной или вымѣненной лошади, что продолжалось до 1777 г., когда названный сборъ съ лошадей былъ уничтоженъ.

Со времени изданія регламента Коммерцъ-коллегіи 1724 г. продажа новоостроенныхъ мореходныхъ судовъ также должна была происходить, при соблюденіи нѣкоторыхъ особенностей, а именно: каждое подобное судно записывалось въ мѣстной таможнѣ, а отъ мѣстнаго магистрата или ратуши хозяинъ судна получалъ актъ съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, касающихся постройки и качества судна. Въ случаѣ продажи судна, этотъ актъ передавался покупщику. Указанный порядокъ продажи судна былъ подтвержденъ уставомъ купеческаго водоходства 1781 г. съ тѣмъ различиемъ, что актъ, называемый крѣпостью на судно, передавался покупщику съ записью у частнаго маклера.

Для продажи движимаго имущества никакого письменнаго акта не требовалось.

Что касается до исполненія по договору купли-продажи, то оно совершалось путемъ ввода покупщика во владѣніе имуществомъ (относительно недвижимостей) или путемъ передачи ему проданнаго имущества (относительно движимостей), а также уплатою денегъ съ его стороны продавцу. Вопросомъ объ исполненіи разсматриваемаго договора занимается уставъ о словесномъ таможенномъ судѣ 1727 г., содержа въ себѣ нѣсколько правилъ по этому поводу, перешедшихъ впослѣдствіи въ Сводъ Законовъ.

§ 5. Наемъ имущества.

Четвертымъ видомъ обязательствъ является *наемъ имущества*. Предметомъ послѣдняго могло быть какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, причемъ контрагенты въ отношеніи его обязательно должны были пользоваться правомъ распоряженія. Такъ, закономъ 1842 г. отдача въ наемъ со

стороны крѣпостныхъ крестьянъ земель, мельницъ и разныхъ угодій безъ разрѣшенія помѣщиковъ, т. е. лицъ, пользовавшихся правомъ распоряженія названнымъ имуществоомъ, была признана недѣйствительной. Срокъ найма въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ до 1824 г.) опредѣлялся добровольнымъ согласіемъ сторонъ. Впрочемъ, иногда само законодательство считало нужнымъ опредѣлить максимальный срокъ. Такъ, межевой инструкціей 1766 г. было постановлено, что однодворцы могутъ сдавать въ наемъ тѣ изъ своихъ земель, на которыхъ они въ подушномъ окладѣ положены, не болѣе, какъ на годъ. Въ 1824 г. Государственный совѣтъ по одному частному дѣлу постановилъ, что недвижимыя имущества можно отдавать въ наемъ на срокъ не болѣе 12 лѣтъ, чѣмъ свобода въ опредѣленіи срока найма была уничтожена. Впрочемъ, въ 1835 г. этотъ срокъ былъ увеличенъ до 30 лѣтъ относительно сдачи въ наемъ пустопорожнихъ земель для постройки на нихъ фабрикъ и заводовъ, а въ 1847 г. для постройки дачъ въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ.

Что касается до наемной платы, то размѣръ ея всегда опредѣлялся добровольнымъ согласіемъ сторонъ. Закономъ 1738 г. было постановлено, что дворовыя, лавочные, мельничные и другія, предназначенные для хозяйственныхъ заведеній, мѣста, выстроенные на счетъ нанимателя по прошествіи срока найма, должны были поступать въ собственность хозяина земли.

Съ 1701 г. рассматриваемый договоръ долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, что продолжалось до 1780 г., когда была отмѣнена пошлина съ заключенія этого договора. По учрежденію въ 1782 г. частныхъ маклеровъ, наемъ сталъ совершаться явочнымъ порядкомъ у послѣднихъ съ записью явки, при двухъ свидѣтеляхъ, въ маклерской книгѣ. Съ 1833 г. было предоставлено на волю контрагентовъ заключать названный договоръ относительно городскихъ строеній и участковъ въ письменной или словесной формѣ, явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. Наемъ движимаго имущества законодательство, изданное послѣ Петра, всегда разрѣшало заключать въ устной формѣ. Единственное исключеніе составляло наемъ судовъ, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ, который со времени изданія устава купеческаго водоходства 1781 г. обязательно долженъ былъ совершаться въ письменной формѣ съ записью у маклера.

Исполнение по договору найма наступало съ окончаніемъ срока, на который договоръ былъ заключенъ, причемъ до этого окончанія хозяинъ имущества не имѣлъ права отказать нанимателю, равно какъ и этотъ послѣдній обязывался выплачивать договоренную плату за нанимаемое имущество (указъ 1727 г.).

§ 6. Личный наемъ.

Пятымъ видомъ обязательствъ являлся личный наемъ, выражавшійся въ формѣ найма: 1) для домашнихъ услугъ и 2) отправленія земледѣльческихъ, ремесленныхъ и заводскихъ работъ, а также торговыхъ и прочихъ промысловъ. Право нанимать себѣ кого либо имѣли вообще всѣ тѣ лица, которымъ принадлежало право вступленія въ договоры¹⁾. Впрочемъ, закономъ 1818 г. было признано, что евреи не имѣютъ права нанимать себѣ въ услуженіе христіанъ (то же было подтверждено и въ 1820 г.). Однако, въ 1827 г. было разъяснено, что для отправленія всевозможнаго рода кратковременныхъ работъ и промысловъ евреи сохраняютъ за собою право нанимать и христіанъ, причемъ съ 1835 г. рабочіе, нанявшіеся къ евреямъ на работы, должны были жить не въ однихъ домахъ съ хозяевами, но отдельно.

Нѣкоторыя лица могли наниматься только съ согласія тѣхъ лицъ, въ зависимости отъ которыхъ или подъ начальствомъ которыхъ они находились. Такъ, несовершеннолѣтнія дѣти и жена не могли наниматься безъ согласія отца или мужа. Затѣмъ, когда въ 1724 г. были установлены особые виды для отлучекъ изъ мѣста постоянного своего жительства, было запрещено нанимать въ услуженіе или на какія либо работы лицъ, не имѣвшихъ подобныхъ видовъ, т. е. не получившихъ на отлучку разрѣшенія отъ своего мѣстнаго начальства. Крѣпостные могли наниматься только съ согласія помѣщиковъ или ихъ управителей. Наконецъ, по полковничимъ инструкціямъ 1724, 1764 и 1766 гг. нижнимъ чинамъ было запрещено наниматься на какія либо работы безъ разрѣшенія своего начальства и въ ущербъ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Срокъ, на который заключался наемъ, опредѣлялся контрагентами. Впрочемъ, по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ лицъ примѣнялось постановленіе Уложе-

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 205.

нія (ст. 116 гл. XX) о заключеніи договора не далѣе пяти лѣтъ, напр., къ крестьянамъ духовныхъ вотчинъ (въ 1702 г.), къ крѣпостнымъ (въ 1775 г.), къ лицамъ, отдаваемымъ въ обученіе ремеслу (въ 1785 г.) и т. п. Затѣмъ указомъ 1724 г. было постановлено, что срокъ найма не можетъ простирасться далѣе срока, на который выданъ видъ для отлучки изъ мѣста жительства. Наконецъ, Жалованной грамотой городамъ 1785 г. было вмѣнено въ обязанность ремесленной управѣ назначать срокъ, въ какой ремесленники должны были кончать опредѣленныя работы (Ремесленное положеніе, ст. 123).

Что касается до цѣны найма, то по Ремесленному положенію 1785 г. размѣръ ея, по крайней мѣрѣ относительно договоровъ, заключаемыхъ цеховыми мастерами съ подмастерьями и учениками, опредѣлялся разъ въ годъ приготоворомъ ремесленного схода. Затѣмъ, въ случаѣ спора между ремесленникомъ и заказчикомъ по поводу цѣны за работу, оцѣнка послѣдней производилась ремесленною управою (ст. 123). Уставъ о цехахъ 1799 г. предписалъ въ подобныхъ спорахъ оцѣнку производить альдерманамъ и старостамъ изъ рядовъ (ст. 7 гл. IX). Тотъ же уставъ разрѣшилъ лицамъ, нанимающимся управлять дѣлами купцовъ и фабрикантовъ, вмѣсто опредѣленной платы, получать проценты отъ полученной имъ суммы денегъ или некоторую часть отъ доставленной имъ хозяину прибыли (ст. 4 гл. XVI). За то уставъ о винокуреніи 1765 г. запретилъ винокуреннымъ заводчикамъ платить рабочимъ, вмѣсто денегъ, водкою (ст. 5, гл. I).

До Екатерины II договоры о личномъ наймѣ совершались крѣпостнымъ порядкомъ. По Уставу благочинія наемъ слугъ и рабочихъ могъ совершаться или явочнымъ, или домашнимъ порядкомъ. Для явки такихъ договоровъ, уставъ учредилъ должность маклера слугъ и рабочихъ людей. Если договоръ заключался домашнимъ порядкомъ, то, въ случаѣ спора о работѣ или платы за нея, контрагенты не могли разсчитываться на содѣйствіе управы благочинія, но должны были обращаться въ словесный судъ (ст. 187 и 189). Заключеніе договора между мастеромъ и ученикомъ должно было происходить по особому порядку, установленному Ремесленнымъ положеніемъ 1785 г., а именно: ученикъ принимался при двухъ свидѣтеляхъ (одномъ со стороны мастера, другомъ со стороны ученика), затѣмъ представлялся управному старшинѣ и его товарищамъ и, наконецъ, имѣ

его заносилось въ книгу учениковъ управы (ст. 123). Точно также по уставу о цехахъ 1799 г. всякие договоры о служении и работахъ должны были записываться у маклера слугъ и рабочихъ людей, а договоры между мастерами и учениками цеха, по представлениі послѣднихъ альдерманамъ, записываться въ особую книгу учениковъ цеха (ст. 15 гл. VI и ст. 13 гл. IX). Впрочемъ, уставъ о цехахъ допускалъ въ некоторыхъ случаяхъ и словесные договоры, а именно: между заказчиками и цеховыми мастерами, принимающими на себя извѣстную работу (ст. 7 гл. IX).

Что касается до исполненія договора, то правила, касающіяся его, также изложены въ Ремесленномъ положеніи и уставѣ о цехахъ. По первому памятнику ремесленникъ обязанъ отправлять ремесло исправно и производить работу, какъ слѣдуетъ, т. е. безъ недостатковъ и сообразно съ предписаніями управы касательно вѣса, мѣры и пробы. Мастеръ обязанъ учить ученика хорошо, обходиться съ нимъ человѣкоближко, безъ причины не наказывать и излишней работы на него не налагать. Онъ не имѣтъ права прогнать ученика до наступленія срока окончанія ученія подъ страхомъ уплаты штрафа и обратнаго возвращенія къ нему ученика. По окончаніи ученія, мастеръ обязанъ выдать ученику или подмастерью свидѣтельство, „какое онъ заслужилъ по вѣрности, послушанію, почтительности, прилежанію, искусству и поведенію“ (ст. 123). Тѣ же правила содержатъ въ себѣ и уставъ о цехахъ 1799 г. съ тѣмъ только разницей, что мастеръ, убѣдившись въ неспособности ученика, вслѣдствіе слабаго умственного развитія или болѣзnenности его, долженъ по прошествіи шести мѣсяцевъ со времени заключенія договора, извѣстить объ этомъ лицо, отдавшее ему ученика; въ противномъ случаѣ онъ платилъ штрафъ (ст. 14 и 17 гл. IX).

§ 7. Подрядъ и поставка.

Шестымъ видомъ обязательствъ являлись подрядъ и поставка. Предметомъ названного договора, согласно съ законодательствомъ изучаемаго периода (указы 1701, 1738, 1782 гг. и др.), могли быть: 1) постройка, ремонтъ, передѣлка и домка зданій и вообще производство всякихъ работъ, 2) поставка материаловъ, припасовъ и вещей и 3) перевозка людей и вещей, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою¹⁾.

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 120.

До Екатерины II договоръ подряда совершился крѣпостнымъ порядкомъ (указы 1701, 1703, 1705 и 1706 гг.), причемъ въ 1738 г. былъ изданъ образецъ подрядной записи. Въ 1782 г. Екатерина II предписала: „буде кто въ части домъ построить или ломать хочетъ.... да объявить о томъ частному маклеру“, т. е. съ этого времени изучаемый договоръ сталъ заключаться явочнымъ порядкомъ. Что касается до договора подряда и поставки съ казною, то съ 1704 г. онъ долженъ былъ обязательно обезпечиваться поручительствомъ, причемъ, согласно позднѣйшимъ указамъ (1733 г. и 1758 г.), въ случаѣ несостоятельности главныхъ контрагентовъ, отвѣчали не только сами поручители, но, въ случаѣ ихъ смерти, и ихъ наслѣдники.

§ 8. Заемъ.

Седьмымъ видомъ обязательствъ являлся заемъ. Законодательство изучаемаго периода разрѣшало далеко не всѣмъ лицамъ вступать въ это обязательство. Не говоря уже о несовершеннолѣтнихъ и неотдѣленныхъ дѣтяхъ, которымъ это было запрещено, существовали еще лица, въ отношеніи которыхъ названный договоръ считался недѣйствительнымъ, и заключеніе его влекло за собою опредѣленныя кары для контрагентовъ. Такъ, указомъ 1740 г. было подтверждено правило Уложенія 1649 г. (ст. 58 гл. XX) о воспрещеніи воеводамъ и приказнымъ людямъ въ мѣстахъ своего служенія брать на комъ либо заемныя обязательства. На основаніи этого указа было запрещено всѣмъ чиновникамъ, служащимъ въ губерніяхъ, вступать въ названное обязательство съ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ жителей. Въ 1837 г. было признано за лихоимство взятіе заемныхъ обязательствъ со стороны чиновниковъ земскаго суда и полиціи, во время производства слѣдствія, съ преступниковъ или съ прикосновенныхъ къ преступленію лицъ. Еще раньше, а именно въ 1829 г. было постановлено; что лица, занимающія на государственной службѣ мѣста казначеевъ, могутъ производить денежнаго ссуды не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ начальства. До сихъ поръ мы говорили о лицахъ, коимъ было запрещено ссуждать деньги. Переидемъ теперь къ лицамъ, коимъ было запрещено, по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія ихъ властей, брать деньги взаймы. Кромѣ несовершеннолѣтнихъ и неотдѣленныхъ дѣтей, съ 1761 г. было запрещено также и крестья-

намъ (государственнымъ, дворцовымъ, духовныхъ вотчинъ и крѣпостнымъ, а съ 1771 г. и дворовыми людямъ) обязываться векселями. Впрочемъ, они могли писать заемные письма, но не иначе, какъ въ определенныхъ мѣстахъ и съ разрѣшения своихъ властей и помѣщиковъ. Точно также въ 1796 г. состоялось запрещеніе нижнимъ чинамъ брать у кого либо въ долгъ подъ страхомъ наказанія и подъ страхомъ отсылки къ гражданскому суду ихъ кредиторовъ.

Въ 1754 г. состоялась отмѣна постановленія Уложенія о запрещеніи процентовъ (ст. 255 гл. X), причемъ названнымъ указомъ (объ учрежденіи заемного банка) было разрѣшено взимать не болѣе шести $\%$ въ годъ. Впрочемъ, уже въ 1786 г. это количество $\%$ было ограничено только пятью въ годъ, что продолжалось до 1808 г., когда снова были разрѣшены шесть $\%$. Выше этого числа $\%$ не дозволялись и, считались лихвенными, влекли за собою наказаніе контрагентовъ (законы 1782, 1815 гг. и др.). Единственное исключение было сдѣлано Сенатомъ въ 1830 г., признавшимъ, что отдача денегъ взаймы, произведенная дворянскою опекою гласнымъ, а не тайнымъ образомъ, за излишніе $\%$, т. е. выше числа шести, единственно въ пользу опекаемыхъ малолѣтнихъ, по доброй волѣ и желанію самихъ заемщиковъ, не должна быть подводима подъ общее правило о лихвенныхъ $\%$ (это постановленіе вошло и въ Сводъ Законовъ).

По незаконности цѣли займа послѣдній признавался недѣйствительнымъ; такъ, если оказывалось, что онъ безденежный, что учиненъ подложно во вредъ конкурса, учрежденного надъ несостоятельнымъ должникомъ, и что онъ произведенъ по игрѣ или для игры съ вѣдома заимодавца. Что касается до безденежного займа, то указаніе на него мы встрѣчаемъ уже въ 1743 г. Въ это время до свѣдѣнія правительства дошло, что въ Казанской губерніи многія лица укрѣпляютъ себѣ иновѣрцевъ, взимая съ нихъ заемные обязательства на большія суммы, и, чтобы впредь подобное уничтожить, было предписано, что, если иновѣрцы примутъ православіе, то имѣютъ право на зачетъ имъ въ платежъ долга: женатымъ по пяти рублей, холостымъ по три рубля, съ освобожденіемъ ихъ отъ заимодавцевъ (постановленіе это должно было применяться въ тѣхъ случаяхъ, когда заемные письма заключены крѣпостнымъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ иновѣрцы освобождались безъ всякаго платежа). Подобнаго же

рода постановлія издавались впослѣдствії и въ пользу крестьянъ (напр., въ 1761 и въ 1765 гг.). Банкротскій уставъ 1800 г. призналъ вообще за правило, что безденежность займа признается основаниемъ, по которому должникъ освобождается отъ платежа долга заимодавцу (ч. II, ст. 67). Но названный памятникъ, съ другой стороны, постановилъ не принимать никакихъ показаний отъ должника или его наследниковъ о безденежности крѣпостныхъ заемныхъ писемъ и не считать за безденежныя такія заемные письма, которые выданы вместо наличного платежа за работу, услуги, товары и издѣлія, также въ удовлетвореніе взысканій, основанныхъ на договорахъ (ч. II, ст. 29-31 и 63).

О займѣ, учиненномъ подложно во вредъ конкурса, говоритъ уже указъ 1700 г. (отъ 15 іюля), предписывая наказывать кнутомъ и ссылать на вѣчныя каторжныя работы лицъ, принявшихъ подставою заемные обязательства отъ несостоительныхъ должниковъ, для освобождения послѣднихъ отъ взысканій со стороны дѣйствительныхъ кредиторовъ. Въ Банкротскомъ уставѣ по этому поводу встрѣчаемъ слѣдующее постановление: „кто предъявить ко взысканію съ несостоительного подложный долгъ, тотъ не только лишается всякаго требованія, но и отсылается къ суду, где, по разсмотрѣніи и обличеніи, взыскивается съ него вдвое противъ того, сколько недолжнаго требовалъ, съ отдачею изъ сего одной части въ пользу конкурсной массы, а другой части въ казну; если же присужденнаго заплатить будетъ не въ состояніи, то отсылается къ заработыванію, безъ отдачи на испушеніе; сверхъ сего, о таковомъ безчестномъ поступкѣ объявляется въ вѣдомостяхъ“ (ч. I, ст. 67 и 68).

О займѣ, произведенномъ по игрѣ, впервые упоминаетъ регламентъ обѣ управлѣніи адмир. и верфи, запрещая платить деньги при проигрышѣ и требовать ихъ уплаты судебнымъ порядкомъ (ст. 74 гл. I). Послѣдующее законодательство стояло на той же точкѣ зрѣнія. Вотъ, что гласить, напр., указъ 1761 г.: „всѣ жъ донынѣ отъ разныхъ всякаго званія и возраста людей данные за проигрыши въ карты и другія игры векселя и заемные крѣпости и всякаго званія заклады, кои по яснымъ доказательствамъ удостовѣрены будутъ, яко въ противность указовъ сочиненные, почесть недѣйствительными, уничтожить и платежа не чинить“. Точно также и указъ 1766 г. предписываетъ: „картежные долги уничтожить“. Наконецъ, и въ уставѣ благочинія 1782 г.

мы читаемъ: „просьба и исъ о долгѣ и платежѣ по игрѣ да уничтожится“ (ст. 67).

До изданія Банкротскаго устава 1800 г. всѣ заемныя обязательства должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ (указы 1701, 1703, 1705, 1706, 1740, 1743, 1748, 1761, 1765, и 1771 гг.). Кромѣ того, съ изданія устава о векселяхъ 1729 г. лицамъ торгового сословія было предоставлено право обязываться векселями (см. выше). Банкротскій уставъ 1800 г. категорически подтвердилъ это постановленіе, запретивъ некупцамъ быть субъектами вексельнаго права (ч. II, ст. 1—4). Прочимъ же лицамъ онъ разрешилъ заключать заемныя обязательства не только крѣпостнымъ, но также явочнымъ и домашнимъ порядкомъ. Въ первомъ случаѣ заемное обязательство получало название крѣпостнаго заемнаго письма, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ домового заемнаго письма. Къ заемнымъ обязательствамъ, составленнымъ домашнимъ порядкомъ, кромѣ домовыхъ заемныхъ писемъ, не явленныхъ въ установленныхъ мѣстахъ, принадлежали еще подписанные должникомъ счеты въ суммахъ, слѣдующихъ за работу, услуги, забранные издѣлія или товары и т. п. Счетъ не долженъ былъ превосходить пяти сотъ рублей, и его слѣдовало въ теченіе шести мѣсяцевъ представить по взысканію подъ страхомъ лишенія при конкурсѣ равнаго съ другими кредиторами удовлетворенія. Домовое заемное письмо, составляемое явочнымъ порядкомъ, должно было быть явлено у нотаріуса или маклера въ семидневный отъ написанія срокъ (уѣздными же жителями въ мѣсячный срокъ), подъ страхомъ лишенія при конкурсѣ равнаго съ другими кредиторами удовлетворенія. Наконецъ, крѣпостное заемное письмо обязательно должно было составляться у крѣпостныхъ дѣлъ (ч. II, ст. 4, 6, 8, 13, 14, 29, 31, 33 и 34).

Исполненіе по договору займа происходило или платежемъ должникомъ заимодавцу занятой суммы, или взысканіемъ долга въ случаѣ неплатежа, или передачею заемного обязательства заимодавцемъ другому лицу. Въ первомъ случаѣ заемъ прекращался фактъ платежа долга и процентовъ (если они были) въ установленный по договору срокъ, причемъ доказательствомъ подобной уплаты служило заемное письмо, передававшееся заимодавцемъ должнику съ надписью на немъ объ этомъ, сдѣланною рукой первого (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 35, 63 и 67).

Въ случаѣ неплатежа въ срокъ, производилось взысканіе, чѣмъ и происходило исполненіе по договору. По Банкротскому уставу 1800 г. заимодавецъ, въ случаѣ неплатежа, обязанъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по окончанію срока явить заемное письмо у нотаріуса для вѣдома или представить прямо ко взысканію; въ противномъ случаѣ, при конкурсѣ, онъ лишался права на равную съ прочими кредиторами, явившими свои обязательства, удовлетвореніе (ч. II, ст. II—14). Во время запрещенія процентовъ послѣдніе взыскивались только въ случаѣ просрочки долга въ размѣрѣ шести въ годъ, что являлось удовлетвореніемъ кредитора со стороны должника за неакуратный платежъ занатой суммы (уставъ о судѣ таможенномъ 1727 г.). Уставъ о векселяхъ 1729 г. предписалъ взимать съ протестованныхъ въ неплатежѣ векселей восемь процентовъ единовременно и по полутора процента ежемѣсячно. По Банкротскому уставу 1800 г. кредиторъ, въ случаѣ неплатежа должника, получалъ единовременно три процента съ незаплаченного капитала и по пяти процентовъ ежегодно. Въ случаѣ выручки процентами капитала, проценты должны были пресѣчься (Уставъ благочинія 1782 г., ст. 49: „буде процентами капиталъ вырученъ, тогда проценты пресѣкаются“; Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 37: „когда сумма процентовъ будетъ равна капиталу, тогда проценты пресѣкаются“); впрочемъ, это правило просуществовало только до 1849 г., когда было отмѣнено.

Если должникъ оказывался несостоятельнымъ, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, то ему, согласно съ уставомъ о судѣ таможенномъ 1727 г., давалась разсрочка въ платежѣ долговъ. Банкротскій уставъ 1800 г., опредѣливъ послѣдствія несчастной несостоятельности (см. выше), уничтожилъ это постановленіе (ч. I, ст. 133 и ч. II, ст. 99).

Передача заемныхъ обязательствъ отъ однихъ лицъ къ другимъ постоянно допускалась по законодательству изучаемаго периода. Болѣе подробно говорить о ней Банкротскій уставъ 1800 г. Согласно съ его постановленіями, заимодавецъ имѣетъ право всегда (какъ до срока, такъ и послѣ срока) передавать третьему лицу всякия заемные письма (крѣпостныя и домовыя), если послѣдній согласенъ уплатить по нимъ. При подобной передачѣ заимодавецъ долженъ совершить на заемномъ письмѣ передаточную надпись, но не иначе, какъ при свидѣтельствѣ маклера или нотаріуса или съ засвидѣтельствованіемъ ихъ; въ противномъ случаѣ приобрѣвшій заемное

письмо лишается, при конкурсѣ, права на равное съ прочими кредиторами удовлетвореніе (ч. II, ст. 17—20).

Особымъ видомъ займа является заемъ, обезпеченный поручительствомъ. Право вступать въ поручительство по займу опредѣлялось на основаніи общихъ правилъ о правѣ вступать въ договоры¹⁾. Съ 1761 г., какъ мы уже сказали, было запрещено крестьянамъ (черносошнымъ, дворцовымъ, духовныхъ вотчинъ и крѣпостнымъ) быть поручителями по займамъ. Что касается до условій поручительства, то по Банкротскому уставу 1800 г. было признано, что 1) поручительство могло имѣть мѣсто или въ части долга, или во всей его суммѣ, и что 2) оно могло быть дано или только въ платежѣ суммы, или и въ платежѣ ея на срокъ (ч. II, ст. 95 и 97).

На основаніи указа 1705 г. (6 Ноября) поручители должны были подписываться на актѣ немедленно вслѣдъ за должникомъ, что было подтверждено и Банкротскимъ уставомъ 1800 г. (ч. II, ст. 95 и слѣд.), причемъ за неграмотныхъ подписывались ихъ довѣренные.

Исполненіе по поручительству опредѣлялось условіями договора. Такъ, если поручительство было дано въ платежѣ суммы, то поручитель отвѣтствовалъ только въ случаѣ несостоятельности должника, причемъ отвѣтствовалъ не только въ платежѣ капитала, но и процентовъ. Если же поручительство было дано на срокъ, то отвѣтственность поручителя наступала одновременно съ должникомъ, т. е. съ наступленіемъ срока, но только въ томъ случаѣ, когда обязательство представлялось ко взысканію въ теченіе мѣсяца послѣ просрочки уплаты долга; въ противномъ случаѣ поручитель освобождался отъ платежа какъ процентовъ, такъ и самаго капитала (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 95, 96 и 97). Поручитель, съ своей стороны, заплативъ долгъ должника, имѣлъ право, въ качествѣ обыкновенного кредитора, участвовать въ конкурсѣ и требовать удовлетворенія себѣ наравнѣ съ остальными кредиторами (Банкротскій уставъ, ч. I, ст. 55).

§ 9. Поклажа.

Восьмымъ видомъ обязательствъ являлась *поклажа* или *отдача и приемъ на сохраненіе*. Что касается до контра-

1) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 145.

гентовъ этого договора, то таковыми могли быть всѣ лица, которымъ не было запрещено вступать въ договоры. Кроме того, прибавленіе къ Духовному регламенту запретило еще монашествующимъ братъ на сохраненіе въ монастырь чужія вещи и деньги (ч. о монахахъ, ст. 29 и 30).

Предметомъ изучаемаго договора могли быть всѣ движимыя вещи или, какъ перечисляетъ уставъ о судѣ таможенномъ 1727 г., деньги, товары, крѣпостныя и вексельныя письма.

По законамъ Петра I договоръ поклажи долженъ быть совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Впослѣдствіи, согласно Уложенію 1649 г. (ст. 189 и 192 гл. X), всегда требовалось, чтобы отдача вещей на сохраненіе совершалась по письменному акту и съ роспискою пріемщика. Впрочемъ, изъ этого правила существовало нѣсколько исключений. Такъ, продолжало дѣйствовать правило Уложенія, по которому воинскіе чины, при скоромъ отправлѣніи въ походъ или въ посыпку, могли отдавать свои вещи на сохраненіе хозяевамъ, у которыхъ они стояли на квартире, безъ всякихъ письменныхъ акта и росписки (ст. 190 и 192 гл. X). Затѣмъ въ 1726 г. было предписано не требовать никакихъ актовъ и росписокъ въ поклажахъ, произведенныхъ по торговлѣ и вообще между торгующими лицами по купеческому обычаю. Наконецъ, уставомъ судопроизводства въ коммерческихъ судахъ 1832 г. было разрѣшено обходитьсь безъ письменныхъ актовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по не зависящимъ отъ контрагентовъ обстоятельствамъ, напр., въ поклажахъ во время пожара, наводненія, караблекрушенія и т. п., не могъ быть составленъ (§ 267). Что касается до исполненія по договору, то на этотъ счетъ продолжали дѣйствовать правила Уложенія, точнѣе развитыя въ уставѣ таможенному 1727 г., а именно: пріемщикъ обязанъ содержать вещи въ цѣлости и сохранять ихъ отъ пропажи и поврежденія; если же имущество, взятое на сохраненіе, погибнетъ во время пожара или будетъ похищено вмѣстѣ съ вещами пріемщика, то въ такомъ случаѣ послѣдній освобождается отъ всякой ответственности; если имущество отдано на сохраненіе за замкомъ и печатью, и пріемщикъ въ отсутствіи хозяина отопрѣть, распечатаетъ и пересмотрѣть поклажу, то хозяинъ получаетъ право на удовлетвореніе за всѣ вещи, какихъ не окажется въ поклажѣ (Улож., ст. 194 и 195 гл. X). Затѣмъ, по Воинскому уставу предписывалось всѣхъ лицъ, умышленно зали-

рающихся въ принятіи поклажи съ цѣлью присвоить ее себѣ, подвергать наказанію, какъ за воровство (арт. 193). Уставъ о судѣ таможенномъ 1727 г. смягчилъ это постановленіе, предписавъ запирающихся въ приемѣ поклажи приемщикомъ карать штрафомъ по десяти гривень съ рубля въ пользу госпиталей и богоадѣленъ. Само собою разумѣется, что собственникъ вещей, отданныхъ на сохраненіе, имѣлъ право требовать ихъ обратно себѣ. Это право собственника признавалось и въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Такъ, въ 1718 г. было предписано отдавать вещи обратно ихъ собственникамъ даже въ томъ случаѣ, когда имущество приемщика подвергнется описи. Затѣмъ, по Банкротскому уставу 1800 г. было признано, что, если приемщикъ торгового званія окажется несостоятельнымъ, то данное ему имущество не причисляется къ его имуществу, а отдается собственнику, но не иначе, какъ по представлениіи послѣднимъ доказательствъ, что имущество было ввѣрено приемщику только на сохраненіе и безъ всякой для собственника отъ того пользы или прибыли (ч. I, ст. 46 и 47). Съ другой стороны, если отдавшій на сохраненіе свое имущество окажется несостоятельнымъ, то приемщикъ обязанъ объ этомъ имуществѣ извѣстить конкурсъ. Если же онъ, въ теченіе извѣстнаго срока, этого не сдѣлаетъ и не представитъ законныхъ причинъ отсрочки, то подвергается конфискаціи поклажи несостоятельного должника и, кроме того, взысканію равной цѣнности поклажи суммы денегъ въ казну (ч. I, ст. 15, 16, 69—71, а также ч. II ст. 87—92).

§ 10 Товарищество.

Девятымъ видомъ обязательствъ являлось товарищество. Вплоть до изданія Свода Законовъ законодательство сравнительно мало занималось этимъ видомъ договоровъ. Болѣе важными постановленіями касательно товарищества были слѣдующія. Во-первыхъ, въ Уставѣ благочинія 1782 г. въ числѣ функций управы благочинія признавалась обязанность охранять въ законной силѣ общества, товарищества, братства и другія подобныя учрежденія, уважать ихъ правила и постановленія и отвращать отъ нихъ вредъ, ущербъ и убытокъ (ст. 64). Во-вторыхъ, указомъ 1 Авг. 1805 г. было разъяснено, что акціонерные компаніи отвѣчаютъ только однимъ складочнымъ капиталомъ и, следовательно, ни одинъ изъ

акционеровъ, при неудачѣ въ дѣятельности компаний, не теряетъ свыше положенного въ компанію капитала. Въ-третьихъ, манифестомъ 1 Янв. 1807 г. было определено, что компанія на акціяхъ (товарищество по участкамъ) слагается изъ многихъ лицъ, складывающихъ воедино определенные суммы, составляющія складочный капиталъ, причемъ акционерами такихъ компаний могутъ быть лица изъ всѣхъ сословій, а не только изъ одного купечества; однако, учрежденіе подобныхъ компаний возможно не иначе, какъ съ высочайшаго разрешенія (ст. 1). Наконецъ, въ-четвертыхъ, закономъ 15 Апр. 1831 г. было предписано всѣ споры, возникающіе въ товарищствахъ по дѣламъ, непосредственно ихъ касающимся, разбирать особымъ третейскимъ судомъ.

§ 11. Довѣренность.

Послѣднимъ видомъ обязательствъ являлась довѣренность. Что касается до заключенія этого договора, то далеко не всѣ лица могли пользоваться этимъ правомъ. Такъ, въ 1811 г. Сенатъ уничтожилъ довѣренность на управление деревнями съ передачею всѣхъ вотчинныхъ правъ, данную лицу, не имѣвшему права владѣть крѣпостными людьми. Въ 1816 г. было точнѣе определено, при какихъ условіяхъ помѣщикъ можетъ давать недворянину довѣренность на управление его деревнями, а именно: въ подобныя вѣрющія письма было воспрещено включать какія бы то ни было долговыхъ сдѣлки, а также снабжать названными письмами повѣренныхъ правомъ на продажу и заладъ имѣнія (для этого требовалось особое вѣрющее письмо); затѣмъ, въ случаѣ включенія въ довѣренность права отдачи на воспитаніе или въ ученіе крѣпостныхъ людей, было запрещено заключать названный договоръ далѣе пяти лѣтъ. Въ томъ же 1816 г. состоялись подробныя правила, на основаніи которыхъ дворяне могли выдавать вѣрющія письма недворянамъ на продажу крѣпостныхъ людей съ землею. Согласно съ ними, такія вѣрющія письма могли сохранять свою силу только въ теченіе одного года, а затѣмъ должны были быть возобновлены; продаваемые люди не могли жить у повѣренныхъ, но обязательно оставались на своей землѣ, и, наконецъ, въ подобныя вѣрющія письма возбранялось включение какихъ либо долговыхъ сдѣлокъ. Въ 1822 г. было запрещено чиновникамъ въ мѣстахъ ихъ службы хожденіе по частнымъ дѣламъ. Нако-

недъ, съ 1812 г. ведеть свое начало правило, вошедшее и въ Сводъ Законовъ, о воспрещеніи купцамъ давать довѣренности на производство торговли лицамъ, не принадлежащимъ къ торгово-промышленному классу.

Срокъ, на который заключался изучаемый договоръ, обыкновенно зависѣлъ отъ воли довѣрителя, за исключениемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ прямо указанъ въ законѣ. Такъ, выше мы уже указали на сроки, въ продолженіе которыхъ могли выдаваться нѣкоторыя дворянскія довѣренности. Затѣмъ, указомъ 1781 г. было предписано уполномочивать кого либо на полученіе жалованья или пенсій срокомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ.

Порядокъ совершенія довѣренностей былъ установленъ нѣсколькими указами. Такъ, въ 1733 г. было предписано отъ повѣренныхъ, уполномоченныхъ на совершение крѣпостей и представившихъ вѣрющія письма, отбирать показаніе за ихъ подписью, что ихъ вѣрющія письма не подложны. Въ 1737 г. было запрещено совершать купчія и закладныя посредствомъ повѣренныхъ, не имѣвшихъ вѣрющихъ писемъ (послѣднія должны были быть подписаны довѣрителями и засвидѣтельствованы судьями, у которыхъ писались). Въ 1749 г. былъ опредѣленъ порядокъ совершенія вѣрющихъ писемъ на участіе въ подрядѣ о поставкѣ вина на кружечные дворы (письма помѣщиковъ свидѣтельствовались губернаторами и воеводами, а купцовъ—магистратами). Въ 1765 г. было предписано въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при засвидѣтельствованіи вѣрющаго письма, отбирать въ присутствіи мѣстѣ лично отъ вѣрителя писменное показаніе о томъ, что вѣрющее письмо дѣйствительно имъ дается. Въ 1828 г. Сенатъ подтвердилъ гражданскимъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ принимать всѣ, зависящія отъ нихъ, мѣры для удостовѣренія въ томъ, что лица, отъ имени которыхъ составляются вѣрющія письма дѣйствительно тѣ лица, а не какія нибудь другія.

Изъ сказаннаго видно, что договоръ довѣренности долженъ быть составляться явочнымъ порядкомъ, причемъ съ 1821 г. состоялось предписаніе писать вѣрющія письма исключительно на гербовой бумагѣ. Впрочемъ, для составленія нѣкоторыхъ довѣренностей былъ установленъ особенный порядокъ. Такъ, въ 1758 г. было разрѣшено, вопреки указу о формѣ суда 1723 г., тажущимся въ судѣ уполномочивать другихъ на хожденіе по дѣламъ безъ особыхъ вѣрющихъ писемъ, а просто подавая о томъ за своими руками прошенія.

Въ 1812 г. было разъяснено, что подобный способъ уполномоченія можетъ имѣть мѣсто только на подачу въ присутственныхъ мѣста прошеній (апелляціонныхъ и иныхъ), но не на хожденіе по дѣламъ, для котораго требовалась выдача вѣроятнаго письма съ засвидѣтельствованіемъ и приложеніемъ печати. Затѣмъ, довѣренность на присутствованіе при межеваніи, согласно ст. межевою инструкціею 1766 г., могла быть засвидѣтельствована не въ присутственномъ мѣстѣ, но двумя свидѣтелями изъ частныхъ лицъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса объ исполненіи по довѣренности. Еще въ 1686 г. было постановлено, что вѣрители не могутъ оспаривать дѣйствій, совершенныхъ ихъ повѣренными на судѣ, и просить о перевершении дѣлъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не вѣдѣли своимъ повѣреннымъ говорить тѣхъ или другихъ словъ. Въ 1749 г. состоялось распоряженіе о включеніи въ довѣренности на подрядъ о поставкѣ вина заявлений со стороны вѣрителей, что они во всемъ, что повѣренные ихъ сдѣлаютъ, имъ вѣрятъ, спорить и прекословить не станутъ. Но за то и повѣренный не имѣлъ права выходить за предѣлы своей довѣренности; въ противномъ случаѣ вѣритель не отвѣчалъ за его дѣйствія (законы 1799 г. 24 Марта и 1819 г. 10 Марта).

Прекращалась довѣренность или смертью вѣрителя, или его заявлениемъ, или истечениемъ срока, на который она была выдана. Смерть вѣрителя, какъ одинъ изъ способовъ прекращенія довѣренности, была признана рѣшеніемъ по одному частному дѣлу въ 1809 г., что подтвердилъ и Сенатъ въ 1818 г. Что довѣренность прекращалась съ истечениемъ срока, на который была выдана, это всегда подразумѣвалось само собою¹⁾ и было высказано въ законѣ въ 1816 г. Наконецъ, довѣренность, выданная на неопределѣленное время, могла быть уничтожена письменнымъ заявлениемъ вѣрителя (уставъ коммиссіи погашенія долговъ 1817 г., § 48 и законъ 16 Марта 1839 г.).

¹⁾ Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 227.

ОТДЕЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГЛАВА I.

Судопроизводство¹⁾.

§ 1. Судоустройство.

При Петре I впервые произошла попытка отделения суда от администрации, хотя это начало и не было последовательно проведено, такъ, какъ некоторые административные власти, напр., губернаторы должны были контролировать деятельность судебныхъ органовъ. Но какъ бы то ни было, Петръ создалъ особыя учрежденія и должности, дополнявшія вѣдь только судъ, чѣмъ и положилъ начало отдѣленію суда отъ администраціи, окончательно завершившемуся при Екатеринѣ II. Впрочемъ, подобное отдѣленіе произошло уже позднѣе (въ 1718 г.), первоначально же судебные органы были поставлены въ зависимость отъ административныхъ. Такъ, указомъ 24 Апр. 1713 г. въ губерніяхъ были учреждены ландрихтеры, подчиненные губернаторамъ и ландратскимъ коллегіямъ. На основаніи этого указа судебныя функции въ сущности были возложены на ландратовъ, и только, въ случаѣахъ „впаденія ихъ въ какое прегрѣшеніе“ или возникновенія спорнаго дѣла о землѣ, губернаторъ обязывался посыпать ландрихтера для разбора дѣла.

Въ 1718 г. была, наконецъ, произведена попытка отѣлить судъ отъ администраціи путемъ учрежденія должности оберъ-ландрихтера (одного на всю губернію), съ подчиненіемъ ему ландрихтеровъ. Юрисдикція послѣднихъ не была, однако, определена съ точностью. Такъ, указъ 1719 г. предписалъ,

¹⁾ Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодѣ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ (Сочиненія, ч. I); Дмитревъ, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ; Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

чтобы ландрихтеры, „кромѣ посредственныхъ дѣлъ въ назначенныхъ имъ городахъ не вершили, а отписывались о важныхъ и многотрудныхъ и самыхъ спорныхъ дѣлахъ, особенно же о разбойникахъ въ Юстицъ-коллегію“, въ вѣдѣніи которой они должны были находиться. Ландрихтеры просуществовали недолго и съ учрежденіемъ надворныхъ судовъ были уничтожены. Въ 1719 г. учреждаются, такъ называемые, *надворные суды*, подчиненные Юстицъ-коллегіи¹⁾. Надзоръ за ихъ дѣятельностью, а также приемъ жалобъ и приведеніе въ исполненіе ихъ рѣшений было возложено на губернаторовъ²⁾. Послѣдніе могли пріостановить рѣшенія судовъ и донести объ этомъ Юстицъ-коллегіи и Сенату, если находили ихъ неправильными. Составъ судовъ намъ неизвѣстенъ, мы знаемъ только, что московскій надворный судъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ, а въ иѣкоторыхъ судахъ, въ качествѣ президентовъ, присутствовали губернаторъ или вице-губернаторъ.

Одновременно съ надворными судами были учреждены въ иѣкоторыхъ мѣстахъ *городовые суды*, также подчиненные Юстицъ-коллегіи. Впрочемъ, уже въ 1722 г. они были уничтожены, функции же ихъ переданы воеводамъ, а гдѣ воеводъ не было, особымъ ассессорамъ, вскорѣ замѣненнымъ судебными комиссарами, получившими право разбирать дѣла, не превышавшія цѣною 50 рублей. Въ городахъ судебными учрежденіями были магистраты. Второй инстанціей являлись коллегіи (въ особенности Юстицъ-коллегія), высшимъ же судомъ, рѣшенія котораго были безапелляціонны—Сенатъ.

Кромѣ гражданскихъ судовъ, Петръ учредилъ и военный судъ или кригсрехтъ, состоявшій изъ двухъ инстанцій. Первой и высшей изъ нихъ былъ генеральный кригсрехтъ, въ составѣ юрисдикціи котораго входилъ судъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ цѣлыхъ частей войскъ и по преступленіямъ высшихъ воинскихъ чиновъ, равно какъ и по преступленіямъ противъ этихъ послѣднихъ.

¹⁾ Первоначально предполагалось учредить надворные суды въ каждой губерніи, но въ дѣйствительности они были учреждены только въ восьми главныхъ городахъ. Что надворные суды не существовали повсемѣстно, видно также изъ указа 1722 г., предписавшаго, „гдѣ иѣть надворныхъ судовъ, судить воеводамъ и губернаторамъ“, но придавать имъ для впомоществованія одного или двухъ ассессоровъ или комиссаровъ.

²⁾ Губернаторы надзирали за дѣятельностью судовъ съ цѣлью пресѣченія волокиты и постановки честправедливыхъ рѣшений.

Этот же судъ въ некоторыхъ случаяхъ являлся апелляционной инстанціей по отношенію къ низшему суду. Послѣднему или полковому кригсрехту были подсудны всѣ оберъ-офицеры и низшіе чины за всѣ преступленія, кроме тѣхъ, которыя входили въ составъ юрисдикціи высшаго суда. Оба суда являлись коллегіальными учрежденіями, состоявшими изъ предсѣдателя (презуса) и нѣсколькихъ ассесоровъ изъ военныхъ чиновъ. Кроме того, въ каждомъ судѣ имѣлся, въ качествѣ представителя юридическаго элемента, аудиторъ, обязанный наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ законовъ и за соблюдениемъ предписанного законами дѣлопроизводства, и секретарь.

Петръ I обратилъ также вниманіе и на духовный судъ. Такъ, указомъ 4 Сентября 1722 г. въ городахъ, въ качествѣ суда первой инстанціи, были учреждены „духовныхъ дѣлъ управители“, въ составъ юрисдикціи которыхъ входили всѣ церковныя дѣла мірянъ и судъ между духовенствомъ „въ брани, въ бою, въ кражѣ и въ другихъ обидахъ и безчестіяхъ, и въ прочихъ искахъ“. Судъ второй инстанціи сосредоточивался въ рукахъ епархиальныхъ архіереевъ, при которыхъ существовали учрежденія, носившія до 1744 г. разныя названія, напр., дикастеріи, консисторіи и т. п. Въ 1744 г. всѣ эти названія были замѣнены однимъ, а именно консисторіей, причемъ въ составъ послѣдней вошло опредѣленное количество секретарей, канцеляристовъ и юристовъ. Высшимъ судомъ являлся Синодъ.

Послѣ смерти Петра, правительство Екатерины I возвратилось къ старому порядку вещей и снова соединило судъ и администрацію въ однѣхъ рукахъ. Такъ, указомъ 1727 г. надворные суды были уничтожены, а судебныя функциіи возложены на губернаторовъ и воеводъ, причемъ апелляционной инстанціей по отношенію къ нимъ была признана Юстицколягія¹⁾. Такимъ образомъ гражданскій и уголовный судъ сосредоточился въ губернской, провинціальной и воеводской канцеляріи, а въ городахъ — въ магистратахъ (съ 1728 же г. въ ратушахъ), раздѣленныхъ на губернскіе, провинціальные и городовые и подчиненныхъ губернаторамъ и воеводамъ. По наказу 1728 г. послѣдніе рѣшали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, безъ всякаго ограниченія, причемъ въ со-

1) Судебные комиссари были еще уничтожены въ 1726 г., причемъ ихъ функциіи перешли къ городовымъ воеводамъ.

ставъ ихъ юрисдикціи входили даже и государственные преступленія, по которымъ они имѣли право приговаривать къ ссылкѣ на галеры или въ каторжную работу и къ смертной казни, съ однимъ только обязательствомъ кончать эти дѣла въ определенный срокъ (отъ двухъ недѣль до мѣсяца). Кромѣ того, рѣшенія воеводъ, присуждавшія къ такимъ наказаніямъ, должны были утверждаться губернаторами. Въ инстанціонномъ отношеніи воеводская и провинціальная канцеляріи, въ качествѣ суда первой инстанціи, подчинялись губернской канцеляріи, а эта послѣдняя Юстицъ-коллегіи.

Дворянамъ, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ наказы, поданные въ коммиссію 1767 г., такой порядокъ вещей крайне не нравился, и они ходатайствовали предъ Екатериною II обѣ организаціи суда на совершенно иныхъ началахъ. Анализируя содержаніе наказовъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ, что они высказываются за два типа судоустройства. Какъ тотъ, такъ и другой построены на выборномъ началѣ. Къ первому типу относится одна судебная коллегія на весь уѣздъ, причемъ члены ея, называемые земскими или словесными судьями, а также медіаторами, комиссарами и опекунами, избираются уѣзднымъ дворянскимъ съѣздомъ на одинъ или два года. По прошествіи этого срока, суды представляютъ съѣзду отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, и онъ имѣетъ право судить и „штрафовать“ ихъ. Въ составъ юрисдикціи названного суда входятъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, „кромѣ смертного убийства, разбойного дѣла и другихъ криминальныхъ и государственныхъ дѣлъ“. Второй типъ суда отличается децентрализованымъ характеромъ, такъ какъ уѣздъ дѣлится на станы или округа, во главѣ которыхъ находятся особые суды, избираемые дворянскимъ съѣздомъ¹⁾.

Екатерина II вняла просьбамъ дворянъ и Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. организовала цѣлую серію сословныхъ судовъ на выборномъ началѣ. Для дворянъ были учреждены два суда — уѣздный судъ и верхній земскій судъ; первый состоялъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей, избиравшихся дворянами на три года, второй (одинъ на всю губернію) — изъ двухъ предсѣдателей, назначавшихся государыней по докладу Сената, и 10 засѣдателей, избиравшихся дворянами на три года. Въ составъ юрисдикціи уѣзднаго суда входили какъ гражданскія,

¹⁾ См. мое изслѣдованіе „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII ст.,“ стр. 412.

такъ и уголовныя дѣла, причемъ разбирательство ихъ могло происходить не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ или стряпчихъ, а также по сообщенію другихъ судовъ или высшихъ губернскихъ мѣстъ. Верхній земскій судъ дѣлился на два департамента: гражданскій и уголовный и являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ уѣздному суду, дворянской опекѣ и нижнему земскому суду „въ дѣлахъ и тяжбахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, касающихся до вотчинъ, привилегій, завѣщаній, до наслѣдства въ имѣніи и до права наслѣдованія, спорныхъ о владѣніи, тяжкихъ до безчестія и до права стряпчихъ касающихся“ (ст. 175). Для городовыхъ обывателей судебнми учрежденіями являлись — *городовой и губернскій магистраты*; послѣдній (одинъ на всю губернію) также дѣлился на два департамента и также былъ апелляціоннымъ судомъ по отношенію къ городовому магистрату, сиротскому суду и ратушамъ¹⁾. Для свободныхъ крестьянъ императрица учредила двѣ расправы — *верхнюю и нижнюю*, причемъ первая была апелляціоннымъ судомъ по отношенію ко второй и также дѣлилась на два департамента²⁾. Третьей апелляціонной инстанціей по отношенію ко всѣмъ названнымъ судамъ были двѣ палаты — *гражданскаго и уголовнаго суда*, состоявшія изъ предсѣдателей, совѣтниковъ и ассессоровъ, назначавшихся: первые государыней, послѣдніе Сенатомъ. Высшей инстанціей по отношенію къ нимъ являлся Сенатъ. Затѣмъ императрица учредила еще, такъ называемый, *совѣтній судъ*, „понеже личная безопасность каждого вѣрноподданнаго весьма драгоценна есть человѣко-любивому монаршему сердцу, и для того, чтобы подать руку помочи страждущимъ иногда болѣе по несчастливому каждому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его, выше мѣры имъ содѣяннаго“. Совѣтній судъ былъ одинъ на всю губернію и состоялъ изъ одного совѣтнаго судьи и шести засѣдателей.

¹⁾ Въ составъ губернскаго магистрата входили два предсѣдателя, назначаемые Сенатомъ, и шесть засѣдателей, избираемыхъ изъ купцовъ и мѣщанъ губернскаго города; въ составъ же городового магистрата входили два бургомистра и четыре ратмана, также избравшіеся купцами и мѣщанами; выборы въ оба магистрата происходили черезъ три года.

²⁾ Верхніяя расправа состояла изъ двухъ предсѣдателей по назначенію отъ Сената и 10 засѣдателей по избранію отъ крестьянъ (на три года); нижніяя же изъ расправнаго суды по назначенію отъ губернскаго правленія изъ чи-ловыхъ людей и 8 засѣдателей по избранію отъ крестьянъ (также на три года).

лей, избираемыхъ сословіями по два отъ каждого. Совѣтный судья долженъ быть быть, „способнымъ, совѣтнымъ, разсудительнымъ, справедливымъ и беспорочнымъ человѣкомъ, котораго всякое судное мѣсто особо представляетъ намѣстнику (т. е. генералъ-губернатору или губернатору), и сей изъ представленныхъ опредѣляетъ одного быть судьею“. Въ составъ юрисдикціи этого суда должны были входить гражданскія дѣла въ примирительному порядке¹⁾ и нѣкоторыя уголовныя дѣла, а именно: „такія преступленія, которые совершены по несчастному какому нибудь приключенію или по стечению разныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу виновнаго, свыше мѣры имъ содѣяннаго“, т. е. „нуждающіяся въ томъ, чтобы ихъ рассматривали съ особеною снисходительностью“. Такими были признаны: 1) дѣла по преступленіямъ, совершаляемъ безумными или малодѣтными, 2) дѣла о колдовствѣ, „поколику въ , оныхъ заключается глупость, обманъ или невѣжество“, и 3) дѣла по освобожденію изъ тюрьмы по нѣкоторымъ преступленіямъ (ст. 399 и 401). Совѣтный судъ долженъ быть судить не на основаніи законовъ, но руководствуясь естественною справедливостью, почему, при постановкѣ рѣшеній, онъ долженъ быть обращать вниманіе на: „1) человѣколюбие вообще, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку и 3) отвращеніе отъ угнетенія или притѣсенія человѣчества; и для того совѣтный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготить, но ввѣряется ономъ совѣтный разборъ и осторожное и милосердное оконченіе дѣлъ, ему порученныхъ“ (ст. 397). Въ виду такого характера дѣятельности суда, и чтобы предупредить возможность перерѣшеній имъ приговоровъ другихъ судовъ, было постановлено, что „совѣтный судъ ни въ какое дѣло самъ собою не вступаетъ“, и разбирательство въ немъ происходитъ или по прошеніямъ частныхъ лицъ, или по сообщеніямъ судебныхъ мѣстъ. Наконецъ, послѣднимъ судебнымъ

1) Дѣла въ примирительному порядке разбирались слѣдующимъ образомъ: сперва судьи старались примирить стороны сами; если это имъ не удавалось, то предлагали тяжущимся избрать посредниковъ (по одному или по два отъ каждой стороны) и вмѣстѣ съ ними изыскивали средства къ примиренію. Если посредники приходили къ какому нибудь соглашенію, то судъ утверждалъ его; если же соглашеніе не достигалось, то судъ предлагалъ свое рѣшеніе спора, причемъ при непринятіи его посредниками, оно предлагалось самимъ противникамъ. Если же они и послѣ этого не мирились, то дѣло передавалось въ обыкновенный судъ.

учрежденiemъ являлась управа благочинія, въ составѣ которой входили два пристава: гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и ратманы, избирающиеся горожанами. Управа вѣдала мелкія гражданскія и уголовныя дѣла, не превышавшія 20 рублей, а также судебнно-следственную часть по всѣмъ преступленіямъ¹⁾.

Резюмируя сказанное относительно реформъ Екатерины II въ области судоустройства, мы видимъ, что она внесла въ послѣднее слѣдующія начала. Во-первыхъ, Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ въ смыслѣ отдѣленія судебной власти отъ административной, путемъ установленія особыхъ судебныхъ и административныхъ органовъ. Однако, и названный законодательный памятникъ не рѣшился еще окончательно отдѣлить судъ отъ администраціи. Такъ, ст. 85 Учрежденія о губерніяхъ ставитъ дѣятельность судебныхъ мѣстъ подъ контроль намѣстника, предписывая послѣднему „вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочать, и принуждать судебныхъ мѣста свое-го намѣстничества рѣшать такое дѣло, но отнюдь не мѣшаться въ производство онаго“. Впрочемъ, по ст. 86 генераль-губернаторъ имѣлъ право и на послѣднее, а именно: „если въ судебнѣмъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо“, то онъ могъ „остановить исполненіе и донести Сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ и импер. величеству“. Въ виду этого, всѣ судебные приговоры, которыми обвиненные приговаривались къ смертной казни или къ лишению чести, прежде приведенія ихъ въ исполненіе, обязатель-но представлялись на усмотрѣніе генераль-губернатора.

Во-вторыхъ, реформами Екатерины II судъ уголовный и гражданскій были отдѣлены другъ отъ друга. Правда, суды первой инстанціи вѣдаются еще и тѣ, и другія дѣла, но за то суды слѣдующихъ инстанцій, въ лицѣ ли отдѣльныхъ департаментовъ или отдѣльныхъ палатъ, разрѣшаются гражданскія и уголовныя дѣла отдѣльно. Въ-третьихъ, Учрежденіе о губерніяхъ ввело повсюду однообразное судебное устрой-ство, что сказалось также, какъ на одинаковомъ порядкѣ

1) Въ столицахъ, кромѣ того, были еще учреждены надворные суды—нижний и верхній. Первый состоялъ изъ надворного суды и двухъ засѣдателей, второй, раздѣленный на два департамента (гражданскій и уголовный), изъ двухъ предсѣдателей, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ. Надворные суды рѣшали дѣла лицъ, не имѣвшихъ постоянной осѣдлости въ столицахъ и находившихся въ нихъ только „по службѣ военной, придворной и гражданской, такожъ по дѣламъ, промысламъ и упражненіямъ своимъ“ (ст. 477).

дѣлопроизводства, такъ и на правильной организаціи инстанцій. Въ-четвертыхъ, все судоустройство было построено на коллегіальномъ и сословномъ началахъ. Въ-пятыхъ, слѣдственная часть была отдѣлена отъ судебнай, такъ какъ производство слѣдствій стало функціей поліціи: въ городахъ—управы благочинія, въ уѣздахъ—нижняго земскаго суда съ исправникомъ во главѣ.

§ 2. Процессъ.

Петръ I относился крайне отрицательно къ старому московскому процессу, главнымъ образомъ, за свободное состояніе сторонъ и за допущеніе повѣренныхъ, въ чемъ онъ видѣлъ источникъ волокиты, ябедничества и другихъ преступленій. Вотъ, что писалъ онъ въ указѣ 21 Февраля 1697 г.: „въ судѣхъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ, затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искахъ отвѣчаютъ неправду же, составными вымыслами своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйливыми отвѣтами прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій. А иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, начинаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей (т. е. повѣренныхъ), ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими, и составными вымыслами и лукавствомъ въ вершениі тѣхъ дѣлъ правымъ и маломолочнымъ людямъ чинится многая волокита, и напрасные харчи, и убытки, и раззореніе, а ябедникамъ и ворамъ поживки“. Чтобы уничтожить подобный порядокъ вещей, указъ предписалъ „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ“.

Какъ известно, въ слѣдственномъ процессѣ (сыскѣ, розыску) судья имѣлъ гораздо большее вліяніе на ходъ и развитіе судоговоренія, чѣмъ въ состязательномъ (судѣ), такъ какъ въ сыскѣ все движеніе процесса совершалось черезъ посредство судьи. Напротивъ, въ судѣ судья игралъ роль простого свидѣтеля того, что говорили тяжущіеся, и ему оставалось только наблюдать за правильностю преній и удостовѣряться въ подлинности и достовѣрности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Такимъ образомъ, становится яснымъ, съ какою цѣлью Петръ уничтожилъ судѣ и замѣнилъ

его розыскомъ. Видя жалкое состояніе правосудія, вслѣдствіе ябедъ, волокиты и другихъ неправдъ тяжущихся, онъ, по справедливому замѣчанію Кавелина, понималъ, что словесное судопроизводство—судъ и очные ставки—воспитывало зло, отдавая весь ходъ процесса во власть тяжущихся, и тѣмъ открывая поле ихъ дѣятельности. Ему казалось лучшимъ средствомъ противъ произвола тяжущихся подчинить ихъ и самое развитіе процесса контролю судей, которые уже по самому званію своему должны были быть блюстителями правосудія. Съ этою цѣлью и введенъ имъ розыскъ, какъ такая форма судопроизводства, по которой суды принимаютъ дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи спорного дѣла, чѣмъ и стѣсняется произволъ истца и отвѣтчика¹⁾.

Однако, уничтоженіе состязательного процесса и замѣна его слѣдственнымъ представляла много неудобствъ, почему Петръ и рѣшилъ совершенно преобразовать судебные порядки Россіи. Это ему удалось сдѣлать путемъ изданія двухъ законодательныхъ актовъ: „Воинскихъ процессовъ“ (3-я часть Воинского устава) и указа о формѣ суда 1723 г.

Воинскіе процессы внесли въ судоговореніе канцелярскую тайну, что видно, напр., изъ обязанности предсѣдателя просить и уговаривать членовъ суда хранить въ тайнѣ все то, что происходитъ на засѣданіяхъ послѣдняго. Затѣмъ они усилили письменный элементъ (такъ, кромѣ прошенія истца и отвѣтчика, было разрѣшено еще подавать по возраженію отъ каждой стороны) и ограничили роль повѣренныхъ на судѣ, допуская ихъ только въ гражданскихъ дѣлахъ и не иначе, какъ въ случаѣ болѣзни сторонъ или другихъ уважительныхъ причинъ. Мотивомъ къ подобному ограниченію правъ повѣренныхъ послужила точка зреїнія на нихъ Воинскихъ процессовъ, какъ на лицъ, которыхъ „своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ, и оное дѣло толь паче къ вящему пространству, не жели къ скорому приводятъ къ окончанію“ (ст. I, V гл.).

Судоговореніе по Воинскимъ процессамъ начиналось или по частной жалобѣ (напр., въ личныхъ обидахъ), или по предписанію военнаго начальства. Подобно тому, какъ руководящимъ началомъ и конечною цѣлью уголовнаго зако-

¹⁾ Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложения до Учрежденія о губерніяхъ (Сочиненія, ч. I, стр. 283—285).

нодательства того времени было главнымъ образомъ устрашеніе, такъ и форма не только воинскаго, но и всякаго уголовнаго процесса была инквизиціонная или розыскная, основанная на, такъ называемыхъ, формальныхъ доказательствахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ и почти необходимымъ для обвиненія было собственное сознаніе, для достиженія котораго и направлялась вся судебная процедура при помощи главнымъ образомъ пытки¹⁾. Подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, эту самую инквизиціонную или розыскную форму процесса принялъ и Петръ, что явствуетъ, по вѣрному замѣчанію Розенгейма, изъ самого опредѣленія процесса, помѣщенного въ военно-судебномъ уставѣ Петра. „Процессъ есть, говоритъ ст. 1, II гл., дѣло судимое, чрезъ которое тяжебный дѣла основательнымъ представлениемъ и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются, и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится“. Такимъ образомъ, процессъ распадается на двѣ части: на слѣдствіе (фергеръ) и на самый судъ (кригсрехть), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствиемъ данныхъ и постановленіе на основаніи ихъ приговора. При производствѣ слѣдствія, весьма важную роль играла пытка. Степень ея жестокости должна была находиться въ извѣстномъ соотношеніи, какъ съ важностью дѣла, такъ и съ физическимъ состояніемъ подсудимаго, почему людей „твердыхъ“, „безстыдныхъ“ и „худыхъ“ разрѣшалось пытать сильнѣе, чѣмъ „честныхъ“ людей и „деликатнаго тѣла“. Если кто былъ пытанъ и не сознавался въ взводимомъ на него преступлении, то тотъ уже, въ случаѣ неоткрытия какого нибудь новаго обстоятельства, не могъ быть подвергнутъ новой пыткѣ¹⁾. Уставъ освобождалъ отъ пытки (за исключеніемъ обвиненій въ убийствѣ и въ государственныхъ преступленіяхъ) дворянъ, лицъ, обладающихъ высшими чинами, стариковъ 70-лѣтъ, недорослей и беременныхъ женщинъ.

¹⁾ Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи. См. также Дмитріева, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ, стр. 556 и слѣд.

²⁾ Это новое обстоятельство могло быть трехъ родовъ: 1) если противъ обвиняемаго открывалась другая улика, неизвѣстная прежде, 2) если первая пытка была слишкомъ легка и 3) если кто, повинившись, потомъ отказывался отъ своего показанія. Въ послѣднемъ случаѣ пытку могли повторять до трехъ разъ, и только послѣ третьего раза, если обвиняемый продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ, онъ освобождался на поруки.

щинъ (ст. 3-10 VI гл.)¹⁾. Пыткъ всегда предшествуетъ, таєль называемый, „распросъ съ пристрастиемъ“, т. е. до-простъ, сопровождаемый угрозами, а иногда тѣлеснымъ наказаніемъ²⁾. Слѣдствіе заканчивается постановленіемъ сен-тенціи, куда вносятся всѣ добытыя даннаго pro и contra обвиняемаго, и затѣмъ уже начинается самое судоговореніе.

Въ началѣ его, послѣ разныхъ формальностей, сторонамъ предоставляетъся воспользоваться правомъ отвода судей. Ува-жительными причинами къ отводу уставъ признаетъ: свой-ство, дружбу, вражду и обязательство благодарностью, суще-ствующія между судьей и одной изъ сторонъ. Кроме того, допускаются и другія причины, „такъ какъ, по выраженію устава, всѣхъ ихъ описать не можно“ (ст. 12 и 13 I гл.). Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, члобитчикъ, въ при-сутствіи отвѣтчика, „кратко“ и „явно“ излагаетъ свою жа-лобу (ст. 3, III гл.), по выслушаніи которой, отвѣтчикъ дол-

1) Весьма много говорить о пыткѣ проектъ уголовнаго Уложенія 1754 г. По проекту пытка является „чрезвычайнымъ средствомъ“, почему „безъ крайней нужды“ прибѣгать къ ней было запрещено. Затѣмъ употреблять пытку про-ектъ разрѣшаетъ только въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь, политическую смерть и вѣчную каторжную работу. Кроме лицъ, осво-божденныхъ отъ пытки Воинскимъ уставомъ, проектъ освобождаетъ еще „со-стоящихъ въ классахъ“, купцовъ первой гильдіи, безумныхъ, глухихъ и иѣмыхъ. Наконецъ, въ проектѣ впервые опредѣляется родъ пытки, а именно три „гра-дуса“, т. е. степени ея: 1) подъемъ на дыбу, 2) подъемъ съ „стряскою“ безъ огня и 3) съ „стряскою“ съ огнемъ, когда обвиняемый поджигается при помощи вѣника или утюга. Проектъ предписываетъ при первомъ градусѣ держать на дыбѣ десять минутъ, причемъ дать 25 ударовъ кнутомъ, при второмъ—держать 15 минутъ и дать 35 ударовъ, сопровождая ихъ двумя „стрясками“ съ бреч-номъ, при третьемъ—держать 20 мин., дать 50 ударовъ и три „стряски“ и, на-конецъ, жечь огнемъ. Между пытками суды обязательно должны были давать время „для исправленій“ пытаемому въ размѣрѣ отъ одной до двухъ недѣль (главы VII, VIII и IX).

2) Понятіе пристрастнаго распроса весьма обстоятельно опредѣляется въ проектѣ уголовнаго Уложенія 1754 г., а именно: „причастный распросъ есть, когда подозрительный въ застѣнокъ приведется и, по изъясненіи находящихся на него по дѣлу подозрѣній, въ показааніи истины отъ судей увѣщивается, ко-торые дѣйствителюю пыткою устрашаются; а буде такой по увѣщаніи не признается, тогда палачу въ руки отдается, который его къ дыбѣ приводить и всякими приготовленіями страшаетъ, токмо самыи дѣйствомъ до негоничымъ не касается“ (ст. 2 гл. X). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, когда обвиняемые изъ „подлаго“ класса, т. е. не принадлежать къ „состоящимъ въ классахъ“, дво-рянамъ и купцамъ первой гильдіи, проектъ разрѣшаетъ во время пристрастнаго распроса прибѣгать къ концамъ, плетямъ и батогамъ, „смотря только того, чтобы между онимъ къисканію истины средствомъ и будущимъ наказаніемъ пристойная всегда пропорція наблюдалась“ (ст. 3 гл. X).

женъ точно также „кратко“ и „явно“ дать отвѣтъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется устныя показанія замѣнить письменными (ст. 2 IV гл.). Въ случаѣ болѣзни или другихъ уважительныхъ причинѣ, разрѣшается нанимать повѣренныхъ (ст. 1 V гл.). Отвѣтъ или показаніе обвиняемаго подраздѣляется на три вида: 1) „когда отвѣтчикъ въ жалобѣ весьма повинится“ (полное сознаніе), 2) „въ оной весьма за-прется“ (полное отрицаніе) и 3) „оную признаетъ, токмо при томъ такія обстоятельства представляютъ, по которымъ дѣло противъ членовъ доношенія не сходно“ (сознаніе, но съ приведеніемъ обстоятельствъ, несходныхъ съ обвиненіемъ). При полномъ сознаніи судъ прямо приступаетъ къ постановкѣ приговора; въ двухъ же другихъ случаяхъ обращается къ разсмотрѣнію доказательствъ (ст. 2, VI гл.).

Воинскій уставъ впервые внесъ въ наше право теорію формальныхъ доказательствъ, сложившуюся въ это время на Западѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи, судья, при выборѣ доказательствъ, долженъ быть поставленъ въ извѣстные предѣлы, крайне стѣсняющіе его дѣятельность. Рѣшеніе его являлось ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ простаго ариѳметического сложенія, такъ какъ по формальной теоріи относительное значеніе доказательствъ опредѣлялось цифрами. Такъ, полнымъ доказательствомъ считалось показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, показаніе одного достовѣрного свидѣтеля составляло половину доказательства, а иногда и четверть и т. д.¹⁾. Воинскій уставъ, согласно формальной теоріи, дѣлить доказательства на полныя или совершенныя и на неполныя или несовершенныя. Одного совершенного доказательства считалось вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости доказываемаго факта. Несовершенныя доказательства ведутъ только къ подозрѣнію въ виновности. По Воинскому уставу сумма несовершенныхъ доказательствъ никогда не можетъ составить совершенного доказательства.

Доказательствами вообще уставъ считаетъ собственное сознаніе, показаніе свидѣтелей, письменные документы и присягу (ст. 5, I гл. II ч.). Собственное сознаніе является по уставу „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта“ (ст. 1 гл. II, II ч.), но для этого требуется, чтобы оно было полнымъ, добровольнымъ и дано на судѣ (ст. 2 II гл.). Что касается

¹⁾ Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 265.

до свидѣтелей, то ими могутъ быть лица обоихъ половъ, „добрая“, безпорочныя и не лишенныя чести и достоинства (ст. 1, III гл.). „Негодными“ свидѣтелями уставъ признаетъ клятвопреступниковъ, изгнанныхъ изъ государства, проклятыхъ церковью („банизированныхъ“), не бывшихъ у причастія и осужденныхъ за разныя преступленія. Точно также не допускаются къ свидѣтельству, состоящіе съ которой либо изъ сторонъ во враждебныхъ отношеніяхъ, родственники и свойственники, дѣти моложе 15 лѣтъ, нѣкоторые иностранцы, напр., тѣ изъ нихъ, о которыхъ не имѣется достаточныхъ свѣдѣній, и т. п. (ст. 2 III гл.). Стороны пользуются правомъ отвода свидѣтелей, но только до принесенія ими присяги, причемъ отводящая сторона обязана представить поводъ къ отводу (ст. 3 III гл.). Та сторона выигрываетъ дѣло, которая представитъ лучшихъ свидѣтелей. Такими признаются лица мужскаго пола противъ женскаго, знатные противъ незнатныхъ, ученые противъ неученыхъ и духовныя лица противъ свѣтскихъ (ст. 12 и 13 III гл.). Показаніе одного свидѣтеля не считается еще полнымъ или совершеннымъ доказательствомъ. Свидѣтель за ложное показаніе подвергается отсѣченію двухъ пальцевъ, изгнанію изъ земли или ссылкѣ на каторгу и воспрещенію быть когда либо свидѣтелемъ (ст. 17 III гл.). Третьимъ доказательствомъ являются письменные документы (по гражданскимъ дѣламъ), а именно: долговыя обязательства и всякаго рода имущественные акты, записанные въ городовыхъ и судейскихъ книгахъ. Сюда же относятся и купеческія книги, имѣющія, впрочемъ, характеръ не полнаго, но половинного доказательства. Для приобрѣтенія же ими характера полнаго доказательства требуется подтвержденіе ихъ достовѣрности присягой купца (ст. 1—6 IV гл.). Послѣднимъ доказательствомъ уставъ считаетъ присягу (очистительную). Она можетъ быть употребляема со стороны отвѣтчика въ случаѣ неполноты обвиненія. Судъ можетъ обращаться къ присягѣ только по исчерпаніи всѣхъ остальныхъ средствъ къ открытию истины, такъ какъ, въ случаѣ принятія отвѣтчикомъ присяги, онъ считается оправданнымъ. Если же онъ отказывается отъ присяги, то, хотя и признается виновнымъ, но не наказывается таѣ строго, какъ бы наказывался въ случаѣ доказательства его виновности при помощи другихъ, болѣе вѣрныхъ, средствъ. Въ особенности необходимо было имѣть это въ виду при обвиненіи въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой

смертную казнь, „понеже, говорить уставъ, къ свидѣтельствованію явные и довольные требуются доказы“ (т. е. доказательства), какимъ не можетъ считаться присяга; „того ради судьѣ надлежитъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться, толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть десять винныхъ (т. е. виновныхъ) освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить“ (ст. 1—10 V гл.)¹⁾. Такимъ образомъ эта известная фраза, которую обыкновенно приписываютъ Екатеринѣ II, въ первый разъ была произнесена, собственно говоря, Петромъ.

По окончаніи разсмотрѣнія доказательствъ, судъ приступаетъ къ постановкѣ приговора, причемъ каждый членъ суда, начиная съ младшаго, подаетъ свое мнѣніе. Въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ (ст. 1, I гл. III ч.). Затѣмъ секретарь облекаетъ приговоръ въ письменную форму, подписываемый судьями и скрѣпляемый аудиторомъ. Въ такомъ видѣ приговоръ читается сторонамъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ стороны могутъ апеллировать въ высшій судъ, въ уголовныхъ же дѣлахъ рѣшенія низшаго суда не подлежатъ апелляціи, но приговоръ представляется на утвержденіе военнаго начальства, пользующагося правомъ измѣнить наказаніе. Въ некоторыхъ случаяхъ, подробно перечисляемыхъ уставомъ, приговоръ можетъ быть уничтоженъ и лишенъ юридической силы (обыкновенно при нарушеніи законовъ, регулирующихъ отправление дѣлопроизводства въ судѣ) (I и II гл. III ч.).

Что касается до указа о формѣ суда 1723 г., то онъ, начинаясь жалобой на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ“, не только не усиливаетъ письменнаго элемента въ судопроизводствѣ, какъ Воинскіе процессы, но, напротивъ, вводитъ исключительно словесное судоговореніе, дозволяя секретарямъ записывать только рѣчи тяжущихся, исключая изъ нихъ все то, что, по ихъ мнѣнію, не идетъ къ дѣлу. Судоговореніе по указу происходило слѣдующимъ образомъ. Дѣло начиналось подачею прошенія, изложенного по пунктамъ. Затѣмъ вызывали въ судъ отвѣтчика, причемъ онъ давалъ реверсъ, что обязуется

¹⁾ Проектъ уголовнаго Уложения 1754 г. предписываетъ прибѣгать къ присягѣ только въ мелкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тѣлесное наказаніе, тюремное заключеніе и штрафъ, причемъ отказывающихся отъ присяги велитъ пытать или подвергать пристрастному допросу (глава XI).

явиться въ назначенное время въ судъ¹⁾ или представить, вмѣсто себя, своего повѣреннаго, права которыхъ по указу 1723 г. были снова расширены. Повѣренными стороны могли назначать кого угодно, но не иначе, какъ съ выдачею имъ вѣрюющихъ писемъ и съ обязательствомъ признанія всѣхъ ихъ дѣйствій („что оный (повѣренный) учинить, онъ (довѣритель) прекословить не будетъ“). Что касается до неявки одной изъ сторонъ, то указъ признавалъ нѣсколько законныхъ причинъ ея, а именно: 1) „ежели отъ непріятеля какое помышшательство имѣлъ, 2) безъ ума сталъ, 3) отъ водяного и пожарного случая и воровскихъ людей какое несчастіе имѣлъ, и ежели родители или жена и дѣти умрутъ“. О причинахъ неявки судъ обязанъ былъ производить разслѣдованіе. Неявившагося членитчика или отвѣтчика, если онъ не представлялъ причинъ своей неявки, розыскивали слѣдующимъ образомъ: отъ имени суда, съ барабаннымъ боемъ, публиковался указъ съ предписаніемъ неявившемуся явиться въ продолженіе недѣли подъ угрозой быть обвиненнымъ путемъ заочнаго рѣшенія. По явкѣ обѣихъ сторонъ, приступали къ чтенію прошенія. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, начинался отвѣтъ, но отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣтить на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ. „Не очиствивъ“ одного пункта, запрещалось переходить къ другому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовалась какія либо справки. По окончаніи допроса, съ обоихъ тяжущихся брали поруки въ томъ, чтобы, до постановки судебнаго приговора, они никуда не уѣзжали, что было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ указъ не опредѣлилъ срока, въ продолженіе котораго суды были обязаны постановить рѣшеніе²⁾.

Первоначально указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться, при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, въ виду того, что онъ окончательно уничтожилъ древнее раздѣленіе суда на судъ и сыскъ, предписавъ всѣ дѣла рѣшать, вопреки указу 1697 г., однимъ только судомъ. Однако, уже въ 1724 г. было разъяснено, что

1) По указу 1723 г. отвѣтчикъ обязательно долженъ былъ явиться черезъ семь дней по полученніи вызова, т. е. копіи съ прошеніемъ истца. Однако, не смотря на подобное обязательство, поручительство съ него требовалось только тогда, когда у него не было достаточно имущества для обезспеченія иска.

2) Дмитревъ, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ, стр. 514 и слѣд. Кавелинъ, Сочиненія, ч. 1, стр. 286 и слѣд.

„форма суда должна относиться къ партикулярнымъ дѣламъ, а не къ доносительскимъ и фискальскимъ, понеже въ той формѣ упоминается болѣе о членитчикахъ и отвѣтчикахъ“. Затѣмъ въ 1725 г. Сенатъ разъяснилъ, что „смертоубійцы, разбойники и тати, которые пойманы будуть или съ поличнымъ приведены, хотя съ казеннымъ или партикулярныхъ людей“, также не должны судиться на основаніи убаза о формѣ суда. Нужно думать, что уголовныя дѣла послѣ того стали разбираться на основаніи Воинскихъ процессовъ. Проектъ уголовнаго Уложения 1754 г. опять возстановлять розыскъ, хотя въ нѣсколько модифицированной формѣ. Такъ, ст. 1 гл. I проекта опредѣляетъ понятіе „розыскныхъ дѣлъ“, понимая подъ ними дѣла „состоящія въ томъ, когда кто въ какомъ злодѣйствѣ или въ важномъ преступленіи въ самомъ дѣлѣ пойманъ или хотя и отчасти изобличенъ, или по судейскому слѣдствію подозрительнымъ явился, и въ томъ производится розыскъ, а не судъ“. Однако, тотъ же проектъ считаетъ нужнымъ оговорить, что „который дѣла хотя сами со-бою злодѣйскія, но токмо въ оныхъ никто не пойманъ и ни въ чемъ еще не изобличенъ, и таковыя дѣла надлежать производить судомъ, а не розыскомъ... до тѣхъ поръ, покамѣстъ кто по суду въ томъ хотя частію чѣмъ изобличенъ будетъ“. Въ этой оговоркѣ и заключается модификація проекта, благодаря которой современный розыскъ существенно отличался отъ московскаго сыска, обязательно разрѣшавшаго и дѣла, оговоренные въ проектѣ. Розыскъ, по проекту, всегда начи-нался по доносу (древняя явка) или „по судейской долж-ности“, судъ же по частному членитству (ст. 3 гл. I).

Мы уже говорили, что указъ, о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значи-тельно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширенiemъ произвола судей, широкимъ допуще-ніемъ повѣреныхъ, отсутствіемъ установления сроковъ для постановки приговоровъ и, наконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воин-скихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣйшую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали проявлять такие порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Это и побудило сословія въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ 1767 г. въ законодатель-ную коммиссію, ходатайствовать предъ Екатериной II о ре-формѣ суда. Послѣдняя посвятила судопроизводству не мало

мѣста въ Наказѣ, причемъ и здѣсь высказала мысли и воззрѣнія, ничего общаго не имѣющія съ тѣми принципами, которыми было проникнуто наше предшествующее законодательство. Прежде всего Наказъ задается опредѣленіемъ судебной власти. „Власть судейская, читаемъ въ немъ, состоить въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, подобное опредѣленіе далеко не совершенno, такъ какъ, съ одной стороны, не исчерпываетъ всего существа судебной власти, съ другой же стороны, не проводитъ различія между ней и административно-исполнительной властью, функции которой также заключаются въ исполненіи закона. „Въ самодержавномъ государствѣ, говоритъ далѣе Наказъ, правосудіе, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависятъ, много трудныхъ требуетъ испытаній. Вотъ, почему нельзя ставить въ образецъ, какъ это многіе дѣлаютъ, турецкое правосудіе, отличающееся своею скоростью. Напротивъ, во всякомъ государствѣ, въ которомъ уважаются честь, имѣніе, жизнь и свобода гражданъ, необходимо умноженіе судебныхъ обрядовъ, такъ какъ лишеніе всѣхъ этихъ благъ можетъ произойти иначе, какъ послѣ долгаго и строгаго изысканія истины. Съ другой стороны, вышеизванные обряды должны быть такъ опредѣлены законами, чтобы никогда не могли служить къ пагубѣ невинности“. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Наказъ совершенно измѣняетъ точку зре-
нія на подсудимаго, господствовавшую въ Уложеніи и въ Воинскомъ 'уставѣ'. Въ то время, какъ эти послѣдніе относились съ явной враждебностью къ подсудимому и, такъ сказать, были предубѣждены противъ него, вида въ немъ уже преступника еще до обвиненія, Наказъ, напротивъ, относится къ обвиняемому вполнѣ гуманно и заботится о томъ, чтобы не могъ пострадать невинный. „Судья, говоритъ императрица, долженъ входить въ тонкости и въ подробности тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ, и чѣмъ важнѣе вещь, о которой онъ чинить рѣшеніе“. Итакъ, не должно удивляться, что въ законахъ находится столько правилъ ограниченія и распространенія статей закона, имѣющихъ въ виду гарантію интересовъ подсудимаго. Наказъ запрещаетъ судьямъ толковать законы о наказаніяхъ, говоря, что единственный ихъ толкователь, это—представитель верховной власти. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ цѣлую, такъ сказать, инструкцію

судьямъ для постановки приговоровъ, а именно: „судя (разсуждаетъ императрица), судящій о какомъ бы то ни было преступлениі, долженъ одинъ только силлогизмъ или разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе или посылка первая есть общий законъ; второе предложеніе или посылка вторая изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оное съ законами или противно имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Ежели судя самъ собою или убѣжденный темнотью законовъ дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно“. Далѣе императрица вооружается противъ дозволенія судьямъ брать какіе бы то ни было подарки. „Достойный хулы законъ римскій, читаемъ здѣсь, который позволялъ судьямъ брать малые подарки, лишь бы они во весь годъ не больше, какъ до ста ефимковъ простирались. Тѣ, которымъ ничего не даютъ, не желаютъ ничего, а которымъ даютъ мало, тѣ желаютъ тотчасъ немногого побольше и потомъ много“.

Въ области судопроизводства Наказъ предлагаеть введеніе слѣдующихъ реформъ: суда равныхъ, отвода судей и гласности. Вотъ, что читаемъ въ Наказѣ о первой реформѣ: „надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быти чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т. е. ему равнымъ, чтобы онъ не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насилиство во вредъ ему употребить могутъ. Сему уже примѣры есть въ законахъ военныхъ. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити чрезъ равныхъ ему, ибо, когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, впервѣемъ въ насть отъ различія чиновъ и богатства или счастія; имъ не надобно имѣть мяста между судьями и обвиняемымъ. Но когда преступленіе касается до оскорблений третьаго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному“.

Что касается до отвода судей, то онъ, какъ извѣстно, допускался уже и Уложеніемъ, такъ что реформой, въ собственномъ смыслѣ этого слова, его назвать нельзя. Положеніе, высказанное въ Уложеніи, повторяется и Наказомъ, а именно: что „справедливо, дабы обвиняемый могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, на которыхъ онъ имѣть подозрѣніе. Гдѣ обвиняемый пользуется симъ правомъ, тамъ вино-

ватый казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ". Но за-то, высказавъ подобное положеніе, Наказъ дѣлаетъ къ нему поправку, совершенно неизвѣстную Уложенію и этимъ значительно расширяетъ право отвода судей. „Надлежитъ, говорить онъ, чтобы судимые въ великихъ винахъ, съ согласія законовъ, избирали себѣ судей или по крайней мѣрѣ могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобы оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ". Такимъ образомъ получается уже почти цѣлая реформа: суды не только отводятся по подозрѣнію, но прямо избираются подсудимымъ, въ силу права со стороны послѣдняго самому выбирать себѣ судей.

Третья реформа устанавливаетъ гласность, какъ для судебныхъ приговоровъ, такъ и равно для всего процесса. „Приговоры, говоритъ Наказъ, должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобы они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали". Затѣмъ они должны быть „вѣдомы" народу, равно какъ и доказательства преступленій, „чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ—мысль, которая подаетъ гражданамъ ободрение и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю".

Раздѣленіе судопроизводства на гражданское и уголовное совершенно не извѣстно Наказу, что крайне странно, такъ какъ та же имп. Екатерина осуществила это раздѣленіе на практикѣ въ 1775 г. путемъ учрежденія двухъ разныхъ палатъ: гражданскаго и уголовнаго суда. Что же касается до отдѣленія слѣдствія отъ суда, то необходимость подобной реформы Наказъ вполнѣ сознаетъ, мотивируя ее тѣмъ, что лица, собирающія доказательства виновности, не желая, чтобы ихъ работа пропала даромъ, всегда болѣе склонны къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію подсудимаго.

Доказательства Наказъ, вѣрный гospодствовавшей въ то время доктринѣ, дѣлить на двѣ категоріи: на совершенныя и несовершенныя. Сила одного совершенного доказательства такого рода, что разъ наличность послѣдняго устанавливается, подсудимый долженъ быть обвиненъ. Напротивъ, сила несовершенныхъ доказательствъ значительно слабѣе, въ силу чего совокупность ихъ можетъ иногда повлечь за собой даже оправданіе подсудимаго. „Въ изысканіи доказательствъ преступленія, говоритъ Наказъ, надлежитъ имѣть проворство и способность; чтобы вывести изъ сихъ изысканій окончательное

положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все званіе судьи, пріобышаго находить вездѣ виноватыхъ". Къ числу доказательствъ Наказъ относитъ показанія свидѣтелей, присягу и собственное признаніе подсудимаго. Свидѣтелемъ можетъ быть, по словамъ Наказа, „всякій здраваго разсудка человѣкъ, т. е. такой, мысли которого имѣютъ нѣкоторую связь однѣ съ другими и которого чувствованія сходствуютъ съ чувствованіями ему подобныхъ". Наказъ допускаетъ также и свидѣтельство человѣка, гражданини умершаго, т. е. осужденнаго судомъ. Степень довѣрія въ показанію свидѣтеля должно находиться въ зависимости отъ отношения его къ подсудимому. Чинъ свидѣтеля не можетъ играть роли аргумента въ пользу необходимости большаго довѣрія къ его показаніямъ. Въ случаѣ, если имѣется только одинъ свидѣтель виновности подсудимаго, послѣдній же не признаетъ себя виновнымъ и отрицає свидѣтельское показаніе, то судъ долженъ вѣрить подсудимому, а не свидѣтелю, такъ какъ „законы, осуждающіе человѣка, по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности". Для обвиненія подсудимаго необходимы, по крайней мѣрѣ, показанія двухъ свидѣтелей.

Что касается до присяги, то Наказъ, хотя и признаетъ ее, но совѣтуетъ употреблять очень рѣдко и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы присягающаго не замѣшаны въ дѣлѣ. Собственное признаніе подсудимаго также считается однимъ изъ доказательствъ. Наказъ стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что подсудимый обязанъ отвѣтить на вопросы суда; если же онъ, по словамъ императрицы, будетъ „упрямиться" и не давать показаній, то заслуживаетъ строгаго наказанія. Въ одномъ только случаѣ признаніе подсудимаго считается излишнимъ, это—когда другія неоспоримыя доказательства вполнѣ показываютъ, что онъ виновенъ.

Пыткѣ императрица посвящаетъ нѣсколько статей, занимствованныхъ изъ сочиненія Беккарія, и приводить слѣдующіе аргументы противъ нея: 1) человѣка нельзя наказывать прежде его осужденія, между тѣмъ пытки подвергаются лицъ, виновность которыхъ еще не доказана. Кромѣ того, пытаемый, вслѣдствіе боли, не властенъ въ томъ, что говорить и,

изъ желанія избавиться отъ мученій, можетъ признаться въ совершениі преступленій, которыхъ въ дѣйствительности никогда не совершалъ; 2) пытка, употребляемая для разъясненія противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемаго, также не имѣетъ смысла, потому что „противорѣчія, столь обыкновенныя у человѣка, пребывающаго въ спокойномъ духѣ, естественно должны умножиться у человѣка, находящагося въ состояніи пытаемаго“; 3) производить пытку для открытія того, не совершилъ ли обвиняемый еще другихъ преступленій, также не достигаетъ никакой цѣли по нижеизложеннымъ причинамъ. „Сей поступокъ, говоритъ Наказъ, будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, такъ можетъ быть еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ; слѣдя законамъ, станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ“; 4) обыкновенно пытаютъ обвиняемаго также и для того, чтобы онъ выдалъ своихъ сообщниковъ, но разъ признано, что пытка не можетъ служить къ познанію истины, то и въ этомъ случаѣ она не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ пытаемый, подъ вліяніемъ боли, можетъ наговорить на лицъ, ни въ чемъ не виновныхъ. Наконецъ, у суда есть достаточно другихъ средствъ для открытія сообщниковъ и помимо пытки.

Довольно любопытны мысли Наказа касательно ареста. Наказъ опредѣляетъ его, какъ наказаніе, „которое ото всѣхъ другихъ наказаний тѣмъ разнится, что, по необходимости, предшествуетъ судебному объявленію преступленія“. Императрица вооружается противъ произвольности ареста. „Наказаніе это, говоритъ она, можетъ быть наложено только въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ совершилъ преступленіе“. Поэтому законъ долженъ точно опредѣлить тѣ признаки преступленія, по которымъ можно арестовать обвиняемаго. Такими признаками Наказъ считаетъ: голосъ народа, обвиняющій кого либо въ совершениіи преступленія, признаніе въ совершениіи преступленія вѣрѣ суда, свидѣтельство сообщника, угрозы, совершенные кѣмъ либо, бѣгство извѣстнаго лица, самый фактъ преступленія и т. п. Всѣ эти признаки должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, приговоры которыхъ всегда нарушаютъ свободу, разъ они не являются примѣненіемъ закона къ конкретному случаю. Затѣмъ Наказъ проводитъ различіе между арестомъ и тюрем-

нимъ заключениемъ. Арестъ является мѣрой предупреждения, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока не выяснится, виновенъ ли обвиняемый или нѣтъ; поэтому онъ долженъ продолжаться, какъ можно меныше времени. Человѣкъ, бывшій подъ стра-жею и потомъ оправдавшійся, не долженъ, въ силу этого, подлежать безчестію. Арестъ можетъ быть замѣненъ отдачею на поруки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые должны быть точно обозначены въ законѣ. Напротивъ, тюремное за-ключеніе является наказаніемъ, какъ слѣдствіе судебнаго приговора. Вотъ, почему нельзѧ содержать въ одномъ и томъ же мѣстѣ какъ арестованнаго, такъ и обвиненнаго по суду.

Однако, на практикѣ Екатерина II далеко не преоб-разовала судопроизводство такъ, какъ объ этомъ писала въ Наказѣ. Въ сущности все осталось постарому, и единственno, что сдѣлала императрица въ области процесса, это: 1) отдѣлила слѣдственную часть отъ судебнай, поручивъ ее полиції, 2) организовала судъ равныхъ путемъ учрежденія сословныхъ судовъ и 3) ограничила примѣненіе пытки. Такъ, въ 1764 г. она издала указъ, которымъ предписала губернскимъ мѣстамъ прибѣгать къ пыткѣ не иначе, какъ съ докладу губернато-рамъ. Послѣднимъ же было впослѣдствіи секретно предписано слѣдовать въ такихъ случаяхъ X главѣ Наказа, въ которой, какъ извѣстно, пытка была осуждена. Однако, въ виду не-исполненія этого указа, императрицѣ пришлось подтвердить его еще въ 1774 г. и въ 1781 г. окончательно пытка была отмѣнена Александромъ I въ 1801 г. Вотъ, что читаемъ въ указѣ этого года: „Правительствующій Сенатъ, зная всю важ-ность сего злоупотребленія (т. е. пытки), и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи наи-строжайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзаль ни дѣлать, ни допуштать, ни ис-полнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобы присутственныхъ мѣста, коимъ за-кономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ подлагали личное обвиняе-мыхъ передъ судомъ сознаніе, чтобы въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ либо пристрастнымъ допро-самъ, и чтобы, наконецъ, самое название пытки, стыдъ и уко-

ризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народа“.

Петровское судопроизводство въ общемъ просуществовало до 1864 г., когда были изданы Судебные уставы имп. Александра II, кореннымъ образомъ преобразовавшіе нашъ старый процессъ.

